Р О С С И Й С К А Я А К А Д Е М И Я Н А У К
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 4 Историко-литературный журнал 2020

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Н. В. Понырко. Протопоп Аввакум как проповедник (к 400-летию со дня рождения) . . . 5

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. ФЕТА

С. А. Ипатова. Об одной стихотворной пародии Нового Поэта (И. И. Панаева) на Фета (1847) . . . 21
В. А. Лукина. А. А. Фет и Е. В. Новосильцева в работе над переводами из Беранже . . . 31
И. А. Кузьмина. О датировке фотопортрета А. А. Фета работы М. Б. Тулинова . . . 44
А. Г. Гродецкая. «О своих стихах... как о чем-то постороннем»: поэзия Фета в мемуарной прозе «Ранних годов моей жизни» . . . 49
Н. П. Генералова. А. А. Фет о книге и круге чтения (письмо к М. М. Ледерле от 25 июня 1891 года) . . . 55

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. БЛОКА

А. Л. Топорков. Фольклорные стилизации И. П. Сахарова в статье А. А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» . . . 65
Н. Ю. Грякалова. К кому же все-таки обращено стихотворение А. А. Блока «Испанке»? . . . 82
В. Н. Быстров. Заметки комментатора к «Ежедневнику» А. А. Блока 1915 года . . . 91
О. А. Кузнецова. «Последние дни императорской власти» А. А. Блока: жанровая природа и авторское начало . . . 100
Е. В. Иванова. А. А. Блок в работе над проектом «Сто лучших русских книг» . . . 109
Приложение. Русск<ие> писатели по годам рождения (XVIII и XIX и XX) . . . 121
Томи Хуттунен (*Финляндия*). «В тени последней кулисы...»: Антти Титтанен — переводчик А. А. Блока и посредник между русской и финской литературами . . . 128

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. А. Фролова) . . . 136

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Т. Г. Иванова. Два топоса в исторических песнях о Ермаке 186
Е. Д. Кукушкина. «Вдохновение может быть не всегда высокое...» (притча А. П. Сумарокова «Недостаток времени» и ода Г. Р. Державина «Фелица») 198
К. А. Баршт. Текстологические принципы издания романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в академическом Полном собрании сочинений: вопросы пунктуации 203
О. А. Линдеберг. О прототипе главного героя рассказа А. М. Ремизова «Бебка» 214
Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 1. Из неизданной переписки Н. А. Бердяева и Д. В. Философова 1906–1907 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой) 218
Т. В. Мисникевич. «Первый» или «неудачный»: о роли перевода стихотворения Поля Верлена «Le ciel est, par-dessus le toit...» в творческой биографии Федора Сологуба . . 234
Н. А. Богомолов. «Пушкин — Центрифуге». История неизданного сборника 240
«Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского. Часть 1 (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. В. Хачатурян) 252
С. Н. Гуськов. Маргиналии Ю. Г. Оксмана в Собрании сочинений А. И. Герцена 268
Т. С. Царькова. Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Дмитрия Кленовского) 274

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. П. Киржаева, О. Е. Осовский. Книга лондонского исследователя о русской литературной теории 278
К. В. Анисимов. Новая книга о Бунине 279
С. А. Кибальник. Достоевский в лабиринтах «себя» 282

ХРОНИКА

Л. В. Павлова, И. В. Романова, М. А. Федотова. Авраамиевские слушания: чтения по истории и культуре Древней Руси 284
А. В. Волков, Тянь Вэньцзюань (*КНР*). Международная научная конференция к 100-летию со дня рождения Юрия Давидовича Левина 288
Н. А. Прозорова. Четвертый научный семинар «Русская литература в советскую эпоху: к 100-летию со дня рождения Ф. А. Абрамова» 292

Памяти Вячеслава Анатольевича Кошелева 295

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2020 году 297

Summaries 303

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ, ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2020
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2020
© Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2020

Санкт-Петербург

R U S S I A N A C A D E M Y O F S C I E N C E S
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE (PUSHKIN HOUSE)

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4 Historical and Literary Studies 2020

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

Page

N. V. Ponyrko. Archpriest Avvakum as a Preacher (Honoring his 400th Anniversary) . . . 5

A. A. FET'S 200TH ANNIVERSARY

S. A. Ipatova. Concerning a Parody of Fet by the *New Poet* (I. I. Panaev) (1847) 21
V. A. Lukina. A. A. Fet and E. V. Novosiltseva Working on Translations from Béranger . . 31
I. A. Kuz'mina. Concerning the Dating of A. Fet's Portrait Photo by M. B. Tulinov 44
A. G. Grodetskaya. «About His Poems... as about Something Extraneous»: Fet's Poetry in His Memoirs *The Early Years of My Life* 49
N. P. Generalova. A. A. Fet on Book and Readership (Letter to M. M. Lederle, June 25 1891) . . 55

A. A. BLOK'S 140TH ANNIVERSARY

A. L. Toporkov. I. P. Sakharov's Folklore Stylizations in A. A. Blok's Essay «The Poetry of Charms and Spells» 65
N. Ju. Gryakalova. Who was the Addressee of A. A. Blok's Poem «To a Spanish Lady»? . . . 82
V. N. Bystrov. Commentator's Notes to A. A. Blok's Datebook of 1915 91
O. A. Kuznetsova. *The Last Days of the Imperial Power* by A. A. Blok: Genre and Image of the Author 100
E. V. Ivanova. A. A. Blok Working on the Project *One Hundred Best Russian Books* . . . 109
Appendix. Russian Writers Ranged by the Date of Birth (18th, 19th and 20th Century) . . 121
Tomi Huttunen (*Finland*). «In the Shadow of the Last Coulisse...»: Antti Tittanen — Translator of A. A. Blok and Mediator between Russian and Finnish Literatures 128

HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

Correspondence between Yu. G. Oksman and N. K. Gudzij (1930–1965) (Introduction, Editing and Commentary by M. A. Frolov) 136

REPORTS AND RELEASES

T. G. Ivanova. Two Topoi in the Historical Songs about Ermak 186

St. PETERSBURG

E. D. Kukushkina. «Inspiration May Not Necessarily Fly High...» (A. P. Sumarokov's Fable *Lack of Time* and G. R. Derzhanin's Ode *Felitsa*) 198
K. A. Barsht. Textological Principles of Publishing F. M. Dostoevsky's Novel *The Idiot* in the Academic Complete Works: Punctuation 203
O. A. Lindeberg. Concerning the Prototype of the Protagonist of A. M. Remizov's Story *Bebka* 214
New Materials from the Amherst Merezhkovsky Archive. 1. From the Unpublished Correspondence of N. A. Berdiaev and D. V. Filosofov, 1906–1907 (Introduction, Editing and Commentary by M. M. Pavlova) 218
T. V. Misnikevich. «The First» or «The Failure»: On the Impact of the Translation of *Le ciel est, par-dessus le toit...* by Paul Verlaine on the Creative Career of Fyodor Sologub . . 234
N. A. Bogomolov. «Pushkin — CENTRIFUGE». The Story of an Unpublished Book 240
«The Makings of Poetry»: V. V. Mayakovsky's Sverdlovsk Notebook. Part 1 (Introduction, Editing and Commentary by L. V. Khachaturian) 252
S. N. Gus'kov. Yu. G. Oksman's Marginalia in A. I. Herzen's Collected Works 268
T. S. Tsar'kova. Recent Contributions to the Manuscript Department, Pushkinskij Dom (Dmitrij Klenovskij Foundation) 274

REVIEWS

V. P. Kirzhaeva, O. E. Osovskiy. A Book by a Researcher from London on the Russian Literary Theory 278
K. V. Anisimov. The New Book on Bunin 279
S. A. Kibal'nik. Dostoevsky in the Labyrinths of the Self 282

NEWSREEL

L. V. Pavlova, I. V. Romanova, M. A. Fedotova. *Lecturing on Abrahami*: Readings on the History and Culture of Ancient Russia 284
A. V. Volkov, Tian Wenjuan (*China*). International Research Conference in Honor of Yuri Davidovich Levin's 100th Anniversary 288
N. A. Prozorova. *Russian Literature in the Soviet Era: In Honor of F. A. Avramov's 100th Aniversary* Fourth Research Seminar 292

In Memoriam Viacheslav Anatol'evich Koshelev 295

Index of Contributions to *Russkaya Literatura*, 2020 297

Summaries 303

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKY, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2020
© Insitute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), 2020
© Compilation. *Russkaya Literatura* Editorial Board, 2020

St. Petersburg

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-5-20

© *Н. В. ПОНЫРКО*

ПРОТОПОП АВВАКУМ КАК ПРОПОВЕДНИК (К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В настоящей работе мы попытаемся взглянуть на творчество протопопа Аввакума с точки зрения освоения им жанра проповеди как кардинального акта, послужившего основанием его литературной деятельности.

В этой связи следует прежде всего обратиться к тезису «писательство по нужде», сформулированному применительно к творчеству Аввакума А. М. Панченко.[1] Выдвигая такую характеристику писательского типа, к которому принадлежал Аввакум, исследователь подчеркивал в ней сознание правоты «простеца», в мятежные времена истории «по нужде» берущегося за прежде несвойственную ему деятельность: когда «пастыри, патриарх и архиереи превратились в волков, пожирающих „меньших“ христиан», тогда «„простецы“ сами берут в руки церковные дела» учительства и писательства.[2]

Относительно нашей темы тезис А. М. Панченко можно развить, применяя его к ситуации, связанной с проповеднической деятельностью протопопа Аввакума. П. Паскаль, самый глубокий знаток биографии и творчества Аввакума, в своей знаменитой монографии «Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie»,[3] говоря о самом Аввакуме и о его соратниках, акцентировал необходимость актуализации в сознании исследователей понимания того факта, что эти люди «ни в какой мере не были ни политиками, ни писателями. Они прежде всего были духовными лицами».[4] Вербализовав эту, казалось бы, очевидную мысль, мы осозна́ем, что, будучи священником, иереем, Аввакум уже в силу одного этого должен был по определению владеть ремеслом проповедника и учителя. Так оно и было. Богословская максима о непрерывности апостольского преемства, передаваемого в веках через таинство рукоположения, на которой зиждется институт церковной иерархии, была отчетливо актуализирована в сознании Аввакума, что отнюдь не всегда было свойственно духовенству на Руси, в особенности белому. А вот Аввакум, обсуждая Исусовы слова, обращенные к апостолу Петру («Яко ты еси Петр и на сем камени созижду Церковь мою, и врата адова не одолеют ей <...>. И дам ти ключа Царства Небеснаго: егоже аще свяжеши на земли, будет связан и на небеси. И егоже аще разрешиши на земли, будет разрешен на небеси» (Мф. 16: 13–

---

[1] *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 114–116.

[2] Там же. С. 116.

[3] *Paskal P.* Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. 1e éd. Paris, 1938; 2e éd. Paris, 1963; *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. пер. Е. М. Юхименко. М., 2010.

[4] *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола. С. 473.

19)),[5] подчеркивает именно эту каноничную мысль о сохраненном в веках духовном преемстве, получаемом иереями и архиереями от апостола Петра, говоря по поводу процитированного им новозаветного отрывка следующее: «*И нам* дана та же власть, *архиереом, иереом*, якоже и Петру, право правящим слово Господне, — *вместе сидим с Петром* на горнем месте, под ево Петровым крестом» (РИБ, стб. 270–271).[6]

О проповедях Аввакума, звучавших в местах его первоначального священнослужения (сначала в Лопатищах, а потом в Юрьевце Поволжском), сохранилось одно прямое свидетельство, зафиксированное его Житием. Ярко описывая свое первое изгнание из Лопатищ, в которое он отправился всем своим домом, с женой и новорожденным первенцем, с братьями и домочадцами, Аввакум пишет: «А провождающии жители того места, мужи и жены и отрочата, множество народа, с рыданиемъ, плачюще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, *поучение прочетъ* и благословя, насилу в домы ихъ возвратил; а з домашними впред побрели...».[7] Какое именно поучение приноровил Аввакум к происходящему событию, остается неизвестным; судя по употреблению им слова «прочетъ» (прочитав), это было одно из Поучений церковных авторов, предписываемых уставом для чтения за богослужением. (Хотелось бы понять, что стоит за словами «на обычном месте став», но покуда это не представляется возможным).

Об учительной деятельности в народе молодого священника Аввакума, происходившей вне храма, можно судить по материалам Жития, касающимся конфликтных ситуаций между ним и паствой, таких, например, как столкновение со скоморохами, прибывшими развлекать жителей селения, когда Аввакум прогнал их из Лопатищ, разломав «хари и бубны един у многих», «и медведей двух великих отнял»;[8] не менее бурной была его «битва» со множеством настроенных против него «попов и баб, которых *унимал от блудни*» в Юрьевце Поволжском (за что его «среди улицы били батожьемъ и топтали»).[9] Оказавшись в Москве, под покровительством своего духовного отца, настоятеля Казанского собора протопопа Ивана Неронова, незадолго до прихода к власти патриарха Никона, Аввакум продолжил свою проповедническую деятельность среди народа, чему способствовали близкие отношения его с Иваном Нероновичем, выходцем, как и он, из нижегородских земель.

Принято связывать возрождение публичной проповеди в России XVII века с деятельностью того самого «кружка ревнителей благочестия», который сложился вокруг персоны молодого царя Алексея Михайловича Романова, его духовника Стефана Вонифатьева и протопопа Казанского собора в Москве Ивана Неронова.[10] Начало этого возрождения, быть может, следует связы-

---

[5] Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. Стб. 270–271 (Русская историческая библиотека; т. 39). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно — РИБ, с указанием номера страницы или столбца; разрядка источника, курсив мой. — *Н. П.*

[6] Горним местом называется та часть алтаря православного храма у самой стены восточной апсиды, где находится кресло или другое седалище, на котором сидит священнослужитель во время чтения Апостола за литургией. Оно является обозначением таинственного присутствия Бога и сослужащих ему апостолов («вместе сидим с Петром на горнем месте»). Освящение храма всегда начинается со стороны горнего места, на стене которого миром начертывается крест («под ево Петровым крестом»).

[7] *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. С. 53. Здесь и далее курсив мой. — *Н. П.*

[8] Там же.

[9] Там же. С. 54–55.

[10] См.: *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола. С. 210–211; *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1971. С. 74–82, 102–112 (репринтное воспроизведение: М., 1995).

вать в первую очередь как раз с именем Ивана Неронова, который в последовавшие за Смутой времена уже при царе Михаиле Федоровиче, будучи молодым священником, покровительствуемым в начале своего духовного пути тоже «молодым» (в значении недавнего возведения на первосвятительский престол) патриархом Филаретом Никитичем Романовым, занялся в нижегородских пределах, а затем и в самом Нижнем Новгороде христианским просвещением народа,[11] чему в немалой степени способствовала атмосфера общенационального подъема, охватившего все слои русского общества в связи с преодоленной Смутой.[12]

Ревностному проповеднику Ивану Неронову (вслед за нижегородцами горячо устремившемуся просвещать московский народ всеми доступными способами, вплоть до вывешивания неких «поучительных словес» вокруг стен Казанского собора)[13] не могла не импонировать активная позиция его духовного сына в отношениях с московской паствой. Позже, пишучи свое Житие, Аввакум вспоминал о том, с какою радостью он предавался проповедничеству в те времена, когда протопоп Иоанн, уезжая по каким-либо надобностям из Москвы, оставлял на него церковь («егда куды отлучится, ино я ведаю церковь»): «Народу много приходило х Казанъской, так мне любо — *поучение чол безпрестанно*. <...> А я самъ, *идеже людие снемлются, там слово Божие проповедал,* да при духовникове благословении и Неронова Иванна *тешилъ над книгами свою грешную душу* о Христе Исусе».[14] Здесь Аввакумом упомянуты оба вида проповедничества, которыми он с увлечением занимался в это время: с одной стороны, это было чтение с амвона, в рамках богослужения, уставных поучений св. отцов, с другой — свободная проповедь народу «слова Божия» за пределами храма, в любом месте, «идеже людие снемлются».

Сосланный в Сибирь в самом начале развернувшегося сопротивления никоновой реформе, Аввакум продолжил и здесь свою учительную деятельность. Где бы он ни оказывался в это время (будь то Тобольск, или Енисейск, или редкие русские крепости-острожки в сибирской тайге от Байкала до Даурии), везде проповедь «слова Божия» составляла главное содержание его деятельности, как сам он свидетельствует: «Три годы из Дауръ ехал <...>. И взадъ и впред едучи, по градом и по селамъ и в пустых местехъ *слово Божие проповедал и, не обинуяся, обличалъ никониянъскую ересь*, свидетельствуя истинну и правую веру о Христе Исусе».[15] Осознание своей протестной

---

[11] Об учительной деятельности Ивана Неронова в нижегородский период его жизни много материала содержится в его, написанном неизвестным автором, Житии, которое было опубликовано Н. И. Субботиным по рукописи начала XVIII века из Библиотеки московской синодальной типографии (с указанием неверного номера в шифре). См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1874]. Т. 1. С. 243–305. В настоящее время точный шифр рукописи известен: РГАДА. Ф. 381 (Библиотека московской синодальной типографии). № 420 (нач. XVIII века).

[12] См.: *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58–69.

[13] См.: РГАДА. Ф. 381. № 420. Л. 166 (Житие Ивана Неронова).

[14] *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. С. 56. Помимо слов самого Аввакума о его проповеднической деятельности в Москве в это время, есть свидетельства и третьих лиц на эту тему. В письме «рядового» священника Казанского собора Ивана Данилова от 29 сентября 1653 года к отправленному незадолго до этого в ссылку Ивану Неронову с описанием нестроений, происходивших в эти дни в соборе, читаем: «...нам говорил и архидиякон: „или-де вы не умеете честь *поучения, что-де даете поучения честь Аввакуму?* — сами-де поучайте“! О том мы ведаем, что в суботу того дни Аввакум *чел поучение на паперти*, а подьяконы тут стояли, *а он, Аввакум, лишние слова говорил, что и не подобает говорить*» (Материалы для истории раскола за первое время его существования. С. 29).

[15] *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. С. 74.

деятельности как проповедания «слова Божия» Аввакум сформулировал в знаменитом описании своего разговора с женой перед возвращением их из сибирской ссылки в Москву: «Опечаляся, сидя, разсуждаю: „Что сотворю? *Проповедаю ли слово Божие* или скроюся где?“ — понеже жена и дети связали меня. И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятъством и рече ми: „Что, господине, опечалился еси?“ Аз же ей подробну известих: „Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе: *говорить ли мне или молчать?* Связали вы меня!“ Она же мне говоритъ: „Господи помилуй! Что ты, Петровичь, говоришь? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речь: «Прилепился еси жене — не ищи разрешения; егда отрешишися, тогда не ищи жены». Аз тя и з детми благославляю: дерзай *проповедати слово Божие* по-прежнему, а о нас не тужи! <...> Поди, поди в церковь, Петровичь, *обличай блудню еретическую!*“ Я, су, ей за то челом и, отрясше от себя печалную слепоту, начахъ по-прежнему *слово Божие проповедати и учити* по градом и везде, еще же *и ересь никониянскую со дерьзновениемъ обличалъ*. <...> И до Москвы едучи, по всемъ городамъ и по селамъ, по церквах и на торгахъ *кричалъ, проповедая слово Божие и уча*, обличая безбожную лесть».[16] «Говорить» и «кричать» по церквам и площадям призывало его сознание долга церковного учителя.

Возвратившись спустя почти десять лет в Москву, он окунается здесь в «крики» и «разговоры» по поводу церковной реформы с ее влиятельными сторонниками. Известно о диспутах с его участием в доме вельможного Федора Михайловича Ртищева, бывшего активного члена кружка «ревнителей благочестия»: «...къ Федору Ртищеву *бранитца* со отступниками ходилъ»;[17] «...пришелъ я от Феодора Ртищева зело печаленъ, понеже в дому у него съ еретиками *шумелъ много* о вере и о законе».[18] Эти прения закончились для Аввакума новой ссылкой, после которой менее чем через полтора года его вернули снова в Москву, на заседание собора 1666–1667 годов, где он, уже как арестант и обвиняемый, выдержал несколько публичных допросов, по сути дела, диспутов с оппонентами, требовавшими от него отказаться от своих взглядов и принести покаяние перед иерархами и царем.[19]

---

[16] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подг. текста и комм. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. XVII век. С. 87 (по тексту Второй редакции Жития). Здесь и далее курсив мой.— *Н. П.*

[17] Там же. С. 90.

[18] Там же. С. 103.

[19] Примером такого «диспута»-допроса, а в то же время и спонтанной проповеди, может стать его прение с участниками собора на заседании, состоявшемся 17 июня 1667 года: «Таже передъ вселенъскихъ привели меня патриарховъ, и наши все тут же сидятъ что лисы. Много от Писания говорил с патриархами. Богъ отверъзъ уста мое грешные, и посрамил ихъ Христосъ устами моими. Последнее слово со мною говорили: „что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша Палестина, и серби, и алъбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, все-де трема перъсты крестятся, одинъ-де ты стоишь во своем упоръстве и крестисся пятью перъсты! Так-де не подобаетъ“. / И я имъ отвещалъ о Христе сице: „Вселенстии учителие! Римъ давно упалъ и лежит невсклонно, а ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета, да и дивить на вас нельзя, немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею Благодатиею, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была немятежна. Никонъ-волкъ со дьяволом предали трема перъсты креститца. А первые наши пастыри, якоже сами пятию перъсты крестились, такоже пятию перъсты и благословляли <...>“. / И патриарси, выслушавъ, задумалися. А наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцовъ своих, говоря: „Глупы-де были и не смыслили наши святые, неучоные люди были и грамоте не умели, — чему-де им верить!“ <...> Мне, бедному, горько, а делать нечева стало; побранил ихъ, колко могъ, и последнее рек слово: „Чистъ есмъ аз и прах прилепший от ногъ своих оттрясаю пред вами, по писанному: Лутче един, творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!“ Так на меня и пуще закричали: „Возьми, возьми его! Всехъ нас обезчести!“, да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на

Итогом последнего разбирательства властей с Аввакумом на соборе стало публичное расстрижение его из сана и тюремное заключение в Пустозерском остроге вместе с тремя единомышленниками, попом Лазарем, дьяконом Феодором и иноком Епифанием.[20]

Когда его навсегда закопали в земляной тюрьме, когда его бесчисленная паства (а также и именитые оппоненты) оказались слишком далеко от него, — одни в Москве, другие на Соловках, третьи в Сибири, иные в царском «верху» и архиерейских покоях, иные в таких же тюрьмах, как и он, тогда и пришлось вплотную взяться за перо, обратиться «по нужде» к писательству.

В допустозерский период содержанием устной проповеди Аввакума было, как сам он формулировал, несение «слова Божия» в народ и обличение «никонианства». Тем же содержанием наполнены и письменные его проповеди. В Пустозерске у него не было возможности, как некогда в Казанском соборе, взойти на амвон и прочесть подобающее времени Слово одного из учителей Церкви, приуроченное к тому или иному празднику или событию. Как и не было возможности выйти на «стогна града» и там «кричать» свою правду о преданности вере отцов. Но он смог осуществить всё это с помощью пера и бумаги. Я отношу к жанру проповеди, в первую очередь, тот комплекс отдельных Поучений в форме посланий, который составляет содержание таких сочинений протопопа Аввакума, как «Книга Бесед» и «Книга толкований и нравоучений».[21]

Все письменные Поучения Аввакума несут на себе следы влияния приемов устной проповеди, обусловивших употребление и на письме разговорного стиля «простеца», обращающегося к таким же, как он, «простецам», говорящим с ними на одном языке. Он не столько пишет *к* своей аудитории,

---

меня бросились грудою, человекъ их с сорокъ, чаю, было, все кричатъ, что татаровя. Ухватил дьякъ Иванъ Уаровъ да и потащилъ меня. И я закричалъ: „Постой, не бейте!“ Так оне все отскочили / И я толмачю архимариту Денису стал говорить „Говори, Денис, патриархам: апостолъ Павелъ пишетъ: Таковъ нам подобаше архиерей: преподобенъ, незлобивъ, и прочая. А вы, убивше человека неповинна, какъ литоргисать станете?“ Такъ оне сели. И я, отшед ко дверям, да на бокъ повалился, а самъ говорю: „Посидите вы, а я полежу“. Такъ оне смеются: „Дуракъ-де протопопъ-от, и патриарховъ не почитает“. И я говорю: „Мы уроди Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сильни, мы же немощни!“» (*Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. С. 82–83).

[20] Соузниками Аввакума по пустозерской тюрьме также были Симбирский протопоп Никифор (умер в 1668 году), позже — юродивый Киприан (казнен в 1675 году).

[21] Общие названия для обеих «Книг», так же как и нумерация входящих в них отдельных Поучений, даны их первыми исследователями и издателями, Я. Л. Барсковым и П. С. Смирновым (РИБ, с. I–XLI). В новейшее время «Книга Бесед» полностью не переиздавалась. См.: *Сесейкина И. В.* «Книга бесед» Аввакума — памятник полемической литературы второй половины XVII века // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. Ср.: Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги бесед» / Подг. текста и комм. И. В. Сесейкиной и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17. С. 130–146, 546–550. «Книга толкований» в 1990 году была издана по старейшему ее списку. См.: *Демкова Н. С., Сесейкина И. В.* Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 73–146. Ср.: Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги толкований и нравоучений» / Подг. текста и комм. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17. С. 147–160, 551–555. Содержание «Книги Бесед»: 1) Беседа первая. «О страдавших в России за древлецерковная благочестная предания»; 2) Беседа вторая. «Об образе креста Христова»; 3) Беседа третья. «Об иноческом чине»; 4) Беседа четвертая. «Об иконном писании»; 5) Беседа пятая. «О внешней мудрости»; 6) Беседа шестая. «О днях поста и мясоястия»; 7) Беседа седьмая. «О старолюбцах и новолюбцах»; 8) Беседа восьмая. «Об Аврааме»; 9) Беседа девятая. Толкование на 87–88 зачала послания к Римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна; 10) Беседа десятая. «О наятых делателях». Содержание «Книги толкований и нравоучений»: 1) Толкования на текст 102 псалма; 2) Толкования на тексты книг Притч и Премудрости Соломоновой; 3) Толкования на книгу пророка Исаии; 4) Поучениye о том, «как жити в вере Христове»; 5) Толкование на зачало 80 Евангелия от Матфея; 6) Два послания «чаду Симеону» с приветствием «всем чтущим и послушающим» (см.: РИБ, стб. 250–576).

сколько говорит с нею: «*Слушайте-ко*, я *поговорю* с вами...»; «*Послушайте*, чада, да *скажу* вам, что есть тайна християнская...» (РИБ, стб. 459, 531). И потому Поучения свои он называет «Беседами» («*Беседа* человека грешна, человека безобразна и безславна...» — начальные слова из общего вступления к «Книге Бесед»; «*Беседа* о наятых делателех» — заглавие «Беседы» десятой; «Паки, паки, и еще к вашей любве *побеседую*: вам во Христе *послушати* сладостно, а мне *глаголати* неленостно» — вступительные слова к «Беседе» четвертой) (РИБ, стб. 281). Адресатов своих словесных творений он воспринимает в первую очередь как слушателей и гораздо реже называет их «чтущими и послушающими», при этом исключительно в таком двойном поименовании. А вот «слышателями» он называет их на каждом шагу, как уже было показано выше, что можно продолжить и другими примерами: «Виждь, *слышателю*: вся сия знамения быша к плотскому избавлению...»; «Ну, *слышателю*, разсуди...»; «Виждь, *слышателю*...»; «...всех вас, *слышащих*, утверждаем...»; «Простите, утрудил вас, *слышавших*...»; «Внимайте и разумейте вси *послушающии*...» (РИБ, стб. 263, 285, 338, 246), и т. д.

Влияние приемов устной проповеди сказывается и в обильном насыщении Поучений Аввакума своего рода скрытым диалогизмом, который выражается в частых обращениях автора к своей аудитории. Он ведь *беседует* с ними, а *беседа* всегда предполагает наличие двух сторон, пусть одна из них по преимуществу молчит, а другая говорит. Но участие «молчащей» стороны в беседе обнаруживается в частых обращениях к ней говорящего, этими обращениями как бы фиксирующего реакцию слушателей на сказанное. Возьмем для примера всего одну «Беседу» Аввакума, седьмую, «о старолюбцах и новолюбцах». Начав ее прямым вопросом к невидимым собеседникам: «*Помните ли вы*, как Мелхиседек жил в чащине леса того, в горе сей Фаворстей...» (РИБ, стб. 303), — Аввакум далее периодически обращается к ним: «Итако, *возлюбленнии*, всячески *блюдемся от нововводных замыслов* в церкве чрез предания отеческая...» (РИБ, стб. 306); — «Не почудися сему, *возлюбленне,* аще и пастыри будут волцы...» (РИБ, стб. 307); — «...*тако и вы их* (новолюбцев. — *Н. П.*) *познавайте* и себя всяк от прелести их *оберегайте*, а разуму их ни в чесом *не склоняйся. Побереги единородную свою душу*...» (РИБ, стб. 310); — «*Видите вы* в них *совесть сердец их.* Аще ли же они потемнесте сами собою <...> то како могут иных просветити...» (РИБ, стб. 310); — «*Зрите*, *возлюбленнии*, *внимателне*: о, прелести ухищреннаго их отступления! <...> *Разсмотрите их опасне* и по плоду дел их *познайте*, какой есть в них плод...» (РИБ, стб. 313); — «*Зрите, возлюбленнии*, со вниманием жития их и поступки их» (РИБ, стб. 316); — «*Зрите испытне*, *возлюбленнии*, плод дел, яко подобни яду злобы своей они...» (РИБ, стб. 319); — «*Присмотрися на их*, *возлюбленне*, *поступки*...» (РИБ, стб. 321); — «*Присмотрися посему*, *рачителю древняго благочестия*, аще истинно быти желаеши хранителем душевнаго своего спасения...» (РИБ, стб. 323); — «*Да и не дивися сему*, *слышателю*, понеже сам той древния злобы делатель <...> к ним прииде...» (РИБ, стб. 324). Для сравнения возьмем учительные Слова великого русского проповедника XII века Кирилла Туровского. У Кирилла в его Словах обнаруживается минимальное число обращений к аудитории: как правило, — одно обращение в начале проповеди и одно — в ее конце. Как, например, в Слове на Вербное воскресение, в начальных строках которого проповедник пишет: «Радость же нам, *братье*, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника...»,[22] а в заключительных: «Темьже, *братье*, подобаеть нам, яко Божиим сущим

[22] Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье / Подг. текста, пер. и комм. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. XII век. С. 184.

людем, възлюбившаго нас Христа прославити...».[23] Или же в Слове о расслабленном, где то же обращение к братии употребляется лишь в начале и конце проповеди: «Того ради должьны есмы, *братие*, хвалити и пети и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, исповедающе великая его чюдеса...»;[24] «Да и мы, *братие*, Исуса Христа, Бога нашего, прославим, исцеливъшаго нас от недуг греховных».[25] В изысканно выстроенных Словах епископа Кирилла Туровского, ни в малейшей степени не ориентированных на полемику, созданных для поучений с амвона, на первое место выступает торжественный монологизм автора. Проникнутые демократическим духом и полемической настроенностью Слова-Беседы мирского священника Аввакума, привыкшего к тесному общению с народом, исполнены скрытого диалогизма, обусловленного более интимной дистанцией между ним и его «собеседниками».

Говоря о диалогизме Поучений Аввакума, следует отметить такую их особенность, которая выражается в частых обращениях к противникам, как если бы они присутствовали среди его «слышателей»: «Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь! Узка бо есть, и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть Царство Небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие...» (РИБ, стб. 291); «Мудрены вы со дьяволом! Нечего разсуждать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить...» (РИБ, стб. 292); «Так-то вы, никонияне, самоволни отметницы: ведаете ли вы сами, что вы сотворяете <...>. Ведаете ли вы, бешаные собаки, — уму-то в вас не стало, — чрез что тайны церковные освящаются...» (РИБ, стб. 328–330); «Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил? На вороных и в каретах не тешился, ездя. <...> Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! <...> Не достоин бо век твой весь Макарьевскаго монастыря единоя нощи...» (РИБ, стб. 303); «О, царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему...» (РИБ, стб. 473). Эта особенность, разумеется, в первую очередь относится к характеристике риторических приемов, используемых автором. Но следует учитывать и то, что проповеди Аввакума были своего рода открытыми текстами, наподобие так называемых открытых писем, создаваемых не столько для конкретного адресата, сколько для широкого круга читателей и слушателей. В «широкий круг» адресатов проповедей Аввакума входили как «старолюбцы», так и «новолюбцы». В его сознании они всё еще были едины, — его паства и ее противники: те, кого сжигали, и те, кто сжигал. В этом смысле показателен фрагмент из «Беседы» пятой, где обсуждается тема «внешней мудрости». Противопоставляя «внешнюю мудрость» «альманашников и звездочетцев» мудрости христианских святых, достигших спасения «смирением, кротостью и любовью нелицемерной», Аввакум с обличительной страстью обращается к современным «зодейщикам»: «Виждь, безумной зодейщик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносит Богу и Творцу всех Христу: токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудить ваше дело», — но далее говорит именно те слова, которые подчеркивают осознание им единства его мысленной аудитории: «Прости, — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати, *понеже плоть от плоти нашея, и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи!*

---

[23] Там же. С. 188.

[24] Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном / Подг. текста, пер. и комм. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 190.

[25] Там же. С. 198.

Увы, приятели и сродство! <...> Како о вас не плакать?» (РИБ, стб. 290–291).

Просторечный стиль преобладает и даже, можно сказать, господствует в тех местах проповедей Аввакума, где он полемизирует со сторонниками Никона и говорит о пагубности никоновых реформ. В то же время, как всякая классическая проповедь, Поучения Аввакума, включенные в его «Книги», отталкиваются от текстов Священного Писания, поскольку назначение всякого церковного проповедничества заключается в несении евангельской истины в народ, что невозможно без осмысления основного круга библейских текстов ветхозаветной и евангельской традиции, а через них — евангельского учения. Кого бы мы ни взяли из признанных церковных проповедников, от Григория Богослова до Кирилла Туровского, всякое их учительное Слово имеет в своей основе толкование новозаветного текста, порой — через посредство ветхозаветного. Обратимся к уже привлеченным нами для сравнения творениям Кирилла Туровского. Слово на Вербное воскресение святитель Кирилл начинает с разговора о евангельском событии, празднуемом в этот день: «Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всед на жребя осля, да пророчьство Захарьино сверьшиться, иже речено о нем: „Радуйся зело, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядеть кроток, всед на жребець ун!“» (Зах. 9: 9; см.: Мф. 21: 5; Иоан. 12: 15), продолжая далее цитату своим толкованием: «Се убо пророчество разумеюще, веселимся. Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаются, жребя же — иже от язык веровавше в Онь людье, ихже, послав апостолы, и отрещи от льсти дьяволя...».[26] Так же, с евангельского фрагмента, начинает епископ Туровский Слово о расслабленном: «Глаголеть бо евангелист: възиде Исус в Иеросалим в преполовление жидовьска праздьника, егда же множьство народа от всех град по обычаю събирахуться в Иеросалим. <...> при мнозе приде народе к Силуамстей вододьрьжи, иже нарицаеться Вифезда, сиречь Овьча купель <...>. Над сим бе храм, пять притвор имея, и ту лежаше множьство болящих, хромых же и слепых, и инеми недугы болящеи, чающе движения воде: ангел бо Господень приходя възмущаше воду, и по возмущении первое вълезый цел бываше»[27] (см.: Иоан. 5: 1, 2–4; 7: 10, 12, 14; 9: 6, 11). Далее Туровский епископ начинает развивать свое толкование: «Си же бе образ святаго крещения. Понеже не всегда вода та ицеляше, нъ егда ю ангел възмутяше...».[28]

У Аввакума особенно наглядно этот принцип просматривается в Поучениях, включенных им в «Книгу толкований», где каждое из Поучений начинается с цитирования фрагмента Священного Писания, смысл которого развивается далее его толкованием. Например, **Поучение** на текст 102 псалма: «Совет мужа грешна к хотящим спастися. Псалом Давыда 102. Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя имя святое его. Толк. Виждь, душе, Христа, закалаема на божественней трапезе, и не беседуй, окаянная, прилежно со други своими...» (РИБ, стб. 427–429; см.: Пс. 102: 1). **Поучение** на текст библейских книг Притч и Премудрости Соломоновых: «От Еклисиаста, еже есть Премудрости Соломони. Премудрость созда себе храм и утверди столп седмь. Толк. Егда Соломан созда Святая Святых, храм седмистолпной чуден бе и преславен, сребром и златом украшен...» (РИБ, стб. 483–484; см.: Пр. 9: 1). **Поучение** на текст книги пророка Исаии: «От пророчества Исаина глава 35. Тако глаголет Господь: Да возвеселится пустыни жаждущия, да возрадуется пустыни и процветет, яко крин, и оцветет и вся возвеселится. Толк. До пришест-

[26] Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье. С. 184–186.
[27] Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном. С. 190–192.
[28] Там же.

вия Христова пуста вся земля благодати бысть, понеже от Адама царствова грех на согрешивших; не бысть хваления и славы Богу во человецех, но оплеташеся весь род человеческий сластми и похотми телесными...» (РИБ, стб. 509; см.: Ис. 35: 1–2). **Поучение** на текст Евангелия от Матфея: «Евангелие Матфея, зачало 80-е. Рече Господь: Подобно есть Царство Небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро наяти делатели в виноград свой, и совещав со делатели по пенезю на день, посла их во виноград свой. Толк: Человек домовит — Христос, Сын Божий, человек быв человеколюбия ради. Делатели — мы человеки. Виноград — Христовы заповеди. Пенязь — Дух Святый. Из-за утра нанимает на дело, сиречь от чрева матерня хощет нас заповедям делателям быти...» (РИБ, стб. 551; см.: Мф. 20: 1–2).

Как видим, в своих письменных Поучениях Аввакум использовал традиционные установки проповеди в жанре «поучения с амвона», непреходящей целью которого было толкование содержания Священного Писания.

Однако использование приемов этого жанра у Аввакума сочетается с приемами устной проповеди «на стогнах града» с ее ораторским полемическим задором и просторечными формами. Рассмотрим восьмую «Беседу» из «Книги Бесед», «об Аврааме». Аввакум начинает ее так: «Премудрость. К галатом послание святаго апостола Павла. Вонмем. Зачало 210. Братие, Авраам два сына име: единаго от рабы, а другаго от свободныя. Но иже от рабы, по плоти родися, а иже от свободныя, по обетованию. Сей Авраам, друг Божий, рода еврейска, корени благаго. Прадед его Евер не приста совету и делу беззаконному в столпотворение, не верова волхвам, и сего ради Богом вышним благословен бысть. Таже роди Фалека, и той добр бысть, даже и до Фары, отца Авраамова. Влекущеся 600 лет род их, праведне живый. Но токмо кумиром истуканным жертву приношаху, не разумевше Господу Богу небесному истинныя жертвы приносити, но ослеплени бывше сатаною, от Адама до потопа, и от потопа 500 лет до столпотворения. И от столпотворения до Авраама не бысть жертвы к Богу...» (РИБ, стб. 329–330; см.: Гал. 4: 22–23). Далее автор излагает историю познания Авраамом Бога, их встречу «на пути» и уход Авраама по Божьему обетованию в землю Ханаанскую, вплоть до встречи его у города Салима с благословившим его Мелхиседеком, царем и священником одновременно (христианская традиция толкует таинственную личность Мелхиседека как один из прообразов Исуса Христа, что и разъясняет Аввакум своим «слышателям»). Переход разговора к Мелхиседеку дает Аввакуму повод для обращения к насущной современности, — он обрушивает свои страстные обличения на бывших друзей, ныне «никониан»: «Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской седмь лет, ядый вершие древес, а вместо пития росу лизаше, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных и пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых розных крепких. *Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты хто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядешь, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы ворухи-униятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! <...> Столько християн прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим лстивым и пагубным многих неискусных в ад сведе! <...> Да воздаст ти Господь по делом твоим в день Страшнаго суда. Полно мне говорить. Хощу от вас ныне терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов, тако и мы ныне от вас не стужаем, терпим о Христе до смертнаго часа*» (РИБ, стб. 335–338).

Мы убеждаемся, что в своем письменном Поучении Аввакум соединяет оба типа освоенной им проповеди, — традиционное «поучение с амвона» и свободное ораторство «на стогнах града». Просторечные приемы и ораторский задор проповеди «на стогнах града» врываются часто и в самое толкование Аввакумом Священного Писания, как, например, при толковании притчи о богатом и Лазаре: «Помните, чада, богатаго онаго, о немже Спас рече, како яко лев ревет, за блудни своя жгом негасимым огнем. Изо ада ко Аврааму рече: Отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражю во пламени сем. Видите ли, како смири его мука? *Издалеча Авраама и Лазаря видит! А прежде, у врат лежаща, пред глазы, не видал! Недосуг было, болше чесать кудрей стало! Так же здесь дурил, как и вы ныне дурите, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел, — заревет да закричит: не указывай, — не тебе за меня отвечать! Знай ты себя! Не слушаю говори твоея! Как хощу, так живу! А мазаное-то лице защекочет, бутто и всегда добрая жена: Бог судит! — напрасно оглашаешь! Я за тем не хожю, — право и не знаю тово! Ох, безчинница! Ворует, да и запирается! <...> Да еще огрызается, что сука, пред добрым человеком...*» (РИБ, стб. 560–561; см.: Лк. 16: 24).

Проповедь — это тот жанр, где у Аввакума особенно наглядно представлено тесное соединение высокого книжного и пониженного просторечного стилей. Просторечный стиль шел от свойственной ему как проповеднику привычной ориентации на устную речь. Высокий же книжный стиль отталкивался от предмета его проповедей, в основу которых так или иначе полагались тексты Священного Писания. Множество этих текстов он знал на память; по поводу Псалтыри и Евангелия сам признавался: «...от Бога *дана Псалтырь наизусть глаголати мне*» (РИБ, стб. 763); «...в полунощи во всенощное *чтущу ми наизусть святое Евангелие* утреннее» (РИБ, стб. 765). Так же наизусть знал он основные фрагменты церковной службы, — вечерни, утрени, часов и литургии, которые старался «править» ежедневно, невзирая на самые неподходящие условия. На эту тему есть выразительный фрагмент во Второй редакции его Жития, — рассказывая о своих скитаниях по сибирской тайге с отрядом воеводы Пашкова, Аввакум пишет: «Да и в прочии времена в волоките моей такъ часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, *а самъ и правило в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы*, — што прилучится. А буде в людяхъ бывает неизворотно, и станемъ на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любятъ, а идучи, мне нельзя было исполнить, — и я, отступя людей, под гору или в лесъ, коротенко зделаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки поставя, *правильца поговорю*; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А *в санях едучи*, *в воскресныя дни* на подворьяхъ *всю церковную службу пою*, а в рядовыя дни, *в санях едучи, пою*; а бывало и в воскресныя дни *едучи, пою*. Егда гораздо неизворотно, и я, *хотя немношко, а таки поворчю*. Якоже тело алъчуще желает ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ; не гладъ хлеба, ни жажда воды погубляетъ человека, но гладъ велий человеку — Бога не моля, жити».[29] О том, каково было его домашнее «правило», мы знаем из его послания некоему Борису и «прочим рабам Бога вышняго»: «Хощеши ли слушати, как у меня бывало? Внимай-жо, — я тебе стану вякать. <...> Егда вечерню с павечернею отпою, после ужины правило начну: павечерницу и 4 канона, Исусу и акафист с кон-

[29] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. С. 87.

даки и икосы, „Воду прошед“, и Ангелу, и тропари канонов, и молитвы; таже „Достойно“, Трисвятое и „Нескверную“, и еще Трисвятое и „Даждь нам“, и рядом „Боже вечный“, и все молитвы спальныя, и отпуст, и „Ослаби, остави“ вместо прощения, и „Ненавидящих“; таже 50 поклонов за живыя и за мертвыя <...>. Довершим правило, прощение проговорю, да и спать взвалюсь, — один я спал. Когда обедню пою, тогда опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту. <...> А обедню, прости, плачучи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать, — после всех волокусь» (РИБ, стб. 854–855).

Отдельно следует отметить особый тип устного жанра, который Аввакум внедряет в свои проповеди отнюдь не из области просторечия, а благодаря невольной (или умышленной?) его ориентации на *звучащий* во время церковной службы текст, являющийся частью литургического чина. Как священнослужитель, постоянно погруженный в храмовое действо, он оформляет отдельные фрагменты своего текста как звучащую часть богослужения. Так поступает он, например, с толкуемым текстом из послания апостола Павла к Галатам, как мы видели выше: «*Премудрость*. К галатом послание святаго апостола Павла. *Вонмем*. Зачало 210. Братие, Авраам два сына име: единаго от рабы, а другаго от свободныя...» (РИБ, стб. 329). Таким способом в текст его проповеди за счет литургических возгласов «Премудрость» и «Вонмем», оформляющих во время службы чтения из Апостола, вводится не просто новозаветный фрагмент, но звучащий богослужебный текст. В другой «Беседе» Аввакум, перечисляя всех, к тому времени погибших от никонианских преследований, пишет: «Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих поминание творим жертвою, со слезами <...> воспеваем, радующеся, Христа славяще: Упокой, Господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их идеже присещает свет лица твоего, в селех со святыми избранными твоими, яко благ и человеколюбец. Рабом Божиим побиенным вечная память. *3-ж(ды)*» (РИБ, стб. 249–250). Здесь указание «3-жды», употребляемое в богослужебных текстах как специфическое примечание, преобразует нарративный текст Аввакума в звучащее литургическое слово (в разночтениях к этому месту другие списки дают текст полностью: «Рабом Божиим побиенным *вечная память, вечная память, вечная память*» (РИБ, стб. 250, прим. 30)); таким образом Аввакум не просто сообщает о том, как он поминает убиенных, — здесь он именно поминает их звучащей литургической формулой, как это принято за службой. В начале десятой «Беседы» он не отдельно приводит евангельский текст, толкованию которого посвящает проповедь, но представляет этот текст в обрамлении возгласов священнослужителей и клирошан, как они звучат в храме при чтении Евангелия, т. е. снова оперирует звучащим словом: «Беседа о наятых делателех. *Благослови, владыко, благовестити благовестие святаго славнаго и всехвальнаго вселенскаго благовестника апостола и евангелиста Матфея. Бог за молитв святаго славнаго и всехвальнаго вселенскаго благовестника апостола и евангелиста Матфея даст ти глагол воеже благовестити силу многу. Премудрость. Прости. Услышим святаго Евангелия. От Матфея святаго Евангелия чтение. Слава тебе, Господи. Вонмем*. Зачало 80. Рече Господь притчю сию: подобно есть Царствие Небесное человеку домовиту...» (РИБ, стб. 375–376). Как видим, проповеди Аввакума рассчитаны, помимо всего прочего, и на восприятие изустного в своей основе литургического действа и временами как бы являются самим этим действом (ср. троекратное воспевание *Вечной памяти* в первой «Беседе»).

Ориентация на литургическое слово в проповедях Аввакума проявляется не только в отсылках к тексту Священного Писания, но и в использовании

гимнографических произведений, составляющих основу всякого богослужения. Вот он восклицает в пафосе отчаяния, называя первых жертв церковного раскола, среди которых числит и себя: «*Видите, видите, яко аз есмь*, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, в земли з детми же сидит...» (РИБ, стб. 248). И опытный слушатель узнает в первых словах этой инвективы начальные слова ирмосов 2-й песни канонов (всех 8 гласов), представленных в Ирмологионе; см., например, ирмос 2-й песни 6-го гласа: «*Видите, видите, яко аз есмь* Бог, манну одождивый и воду из камене источивый древле в пустыни людем моим, десницею единою и крепостию моею».[30] Или же несколько позже в той же проповеди, обращаясь к своей аудитории и вдохновляя ее на мужественное претерпевание страданий, он вплетает в свой монолог полное цитирование кондака из Великого покаянного канона Андрея Критского: «Видите, страдающия за слово и за свидетельство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избиенных утешает ризами белыми, а нам дает время ко исправлению. Потщимся Господа ради, потщимся и не леностию подвигнемся, но потецем ныне, яко время есть. *Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается, и хощеши молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй*» (РИБ, стб. 251–252).[31] От слов «Душе моя» до слов «иже везде сый и вся исполняяй» Аввакумом приведен здесь полный текст кондака, читаемого по 6-й песни Великого покаянного канона Андрея Критского в четверг на пятой седмице Великого поста. А дальше, представляя будущую смерть как схождение в недра земли («А ныне Божиим изволением отходим *в матерь свою в землю*. Сходящий *всяк абие* отыдет *прияти муки или почести поживших*» (РИБ, стб. 255–256)), Аввакум прибегает к тексту третьего антифона 8-го гласа, периодически звучащего за богослужением в течение годового календарного круга: «К *матери своей земли* отходяй *всяк абие* разрешается *прияти муки или почести поживших*».[32]

«*Слыши, небо, и внуши, земле!* Вы будете свидетелями нашей крови изливающейся!» (РИБ, стб. 278), — восклицает патетически Аввакум в «Беседе об иноческом чине», опираясь на патетические строки тропаря 6-го часа из Службы Царских часов в навечерие Рождества Христова: «*Слыши, небо, и внуши, земле*, да подвижатся основания, да приимут трепет преисподняя, яко Бог же и Творец в плотское одеяся здание, и иже державною рукою создавый тварь утробы зрится здание. О, глубина богатьства, и премудрости, и разума Божия. Яко не испытаны судьбы его и не изследованни путие его».[33] Строки канонов и прокимнов наполняют его память: «Держите и веруйте так, как напечатано в книзе Псаломсте при царе Михаиле. Троичен 5 гласу, стих 7 песни: *Крепку ми мысль устрой трисветлая образы единице.* И 3-й стих тоя же песни: *Образы же троичное нося число, соблюдая всех нас от различных искушений.* Видите, святый Митрофан, творец канона, тако пишет» (РИБ, стб. 339–340); «Иосиф, творец каноном, пишет, святый, сице: *Не разверзе двери девства в воплощении, гробу не разверже печати Христос изыде*. Сий стих писан на Пасху. И паки той же Иосиф пишет в каноне акафисту Богородице, 8 песнь, стих: *Ложесны Слово прияла еси, и еже вся носящаго понесла еси, и млеком питала еси*» (РИБ, стб. 344); «Чти стих Богородичен 2 гласа на Малой вечерни, Дамаскин поет сице: *Еммануил убо дверь естества отверзе, и паки запечатленну остави*» (РИБ, стб. 345). Когда Аввакум отсылает слушателя к тому или иному фрагменту Псалтыри, можно быть уверенным, что

[30] Ирмологий. М., 1673. Л. 100.
[31] Ср.: Триодь постная. М., 1650. Л. 450 об.
[32] См.: Октоих, третий антифон 8-го гласа.
[33] Минея общая. М., 1650. Л. 403.

тут срабатывают оба механизма его памяти: знание наизусть «четьего» текста этой книги и память на слух множества разнообразных ее фрагментов, звучащих в разных частях богослужения, — от отдельных псалмов, входящих в службы дневного круга, до прокимнов, предваряющих чтение Апостола за литургией, как, например, в таком отрывке «Беседы» «об образе креста Христова»: «И Псалмопевец учит: *Возносите Господа Бога нашего и поклоняйтеся подножию ногу его, яко свято есть*» (РИБ, стб. 265), который, будучи 5-м стихом 98-го псалма, рецитируемого за службами при чтении кафизм, составляет также пятничный прокимен 7-го гласа, а также стихеру на стиховне в день Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста.[34]

Посмотрим, как вписывается стилистическая стихия литургической гимнографии в текст проповедей Аввакума. Для примера возьмем первую «Беседу» из «Книги Бесед», «о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания». Думая о молитвенном поминовении первых убиенных старообрядцев, Аввакум говорит о собственной судьбе и судьбе своих единомышленников, к которым он обращается, в стилистически нейтральном духе старорусского книжного языка: «Мы же еще в море плаваем пучиною и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердит ли ся Владыка и даст ли нам та же чаша пить, еяже сам пил и нас, рабов своих, напоил». Далее он вводит в проповедь текст Священного Писания: «Разумею по Писанию, якоже Богослову показано, Апокалипсис: „И егда отверзе агнец пятую печать, видех под алтарем душа избиенных за слово Божие <...>. И даны быша комуждо их ризы белы и речено бысть им: да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клеврети их, и братия их, хотящия избиени быти, якоже и тии“» (РИБ, стб. 250–251; см.: Апок. 6: 9–11). После этого, комментируя слова Апокалипсиса, проповедник снова пишет стилистически нейтрально: «Видите, страдающии за слово и за свидетелство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избиенных утешает ризами белыми, а нам дает время ко исправлению». Но обсуждаемая ситуация обращает автора к покаянной теме, и именно здесь Аввакум включает в свой текст кондак из Великого покаянного канона Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши!» (см. выше). При этом содержательно и стилистически тема покаянного канона органично включается в собственный текст Аввакума, звучащий как подлинно гимнографическое произведение: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается, и хощеши молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй. *Душе, иже зде — временно, а иже тамо — вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения*» (РИБ стб. 251–252). Продолжая далее покаянную тему в форме обращения к собственной душе, Аввакум сравнивает свое положение с участью своих духовных дочерей — боярыни Морозовой, княгини Евдокии Урусовой и «дворянской жены» Марии Даниловой, мучившихся в тот момент в боровской земляной тюрьме, подчеркивая, с какой высоты земной славы и богатства они сошли ради истинной веры, — в особенности боярыня Морозова, которая «ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие» (РИБ, стб. 252). И тут в покаянном фрагменте проповеди Аввакума происходит контрастный переход от церковно-гимнографического стиля с ритмической организацией текста к сугубо прозаическому просторечному стилю: «А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, нут-ко опрянися, исповеждь Христа, Сына Божия,

[34] См.: Там же. Л. 32 об.

явственне, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отец, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само Царство Небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хощется. А тово не видишь, какую честь-ту бросили болярони те» (РИБ, стб. 252–253).

Или другой пример сочетания различных стилистических стихий в проповеди Аввакума. В «Беседе» девятой с толкованием на зачало из Апостола проповедник, приведя слова апостольского Послания, — «Не точию же, но и хвалимся в скорбех, ведуще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искуство, искуство же упование, упование же не посрамит: яко любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым, данным нам» (Римл. 5: 3–5), — переходит к их развитию применительно к современной ситуации: «Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбех своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многажды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так, и сяк, иногда наг, иногда гладен, иногда убит, иногда на дожде, иногда на мразе, иногда на чепи, иногда в железах, иногда в темнице, кроме повседневных нападений и разлучения жены и детей. Кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся? <2 Кор. 11: 29> Но терплю, бедной, о Христе Исусе упованием будущих благ» (РИБ, стб. 365–366). Обратим внимание на то, как речь Аввакума, будучи обрамлена двумя цитатами из апостольских посланий, незаметно стилистически сливается с речью апостола Павла, усваивая ее ритмику и возвышенный пафос:

иногда наг, / иногда гладен,
иногда убит, / иногда на дожде,
иногда на мразе, / иногда на чепи,
иногда в железах, / иногда в темнице <...>
Кто изнемогает, / и не изнемогаю?
Кто соблажняется, / и аз не разжизаюся?

Вслед за этим фрагментом Аввакум сразу же переходит на просторечие: «А ты, никониянин, чем похвалишься, скажи-тко! Антихристом своим нагим разве, да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем, — знаю я!» (РИБ, стб. 366).

А. М. Панченко, открывший для науки тему «протопоп Аввакум — поэт», разглядел в свое время в Житии Аввакума три стихотворных фрагмента и на их материале пришел к предварительному выводу, что «Аввакум-поэт ориентировался прежде всего на народный стих».[35] По поводу предварительности своих выводов исследователь нашел нужным оговориться в заключительных строках своей статьи: «Настоящая статья — не столько исследование, сколько его программа, предварительный очерк, „постановка проблемы“. По-видимому, тремя фрагментами стихов наследие Аввакума не исчерпывается. Поиски в этом направлении могут быть плодотворными».[36] Сегодня мы убеждаемся в правоте и прозорливости этого высказывания. Среди проповеднических сочинений протопопа Аввакума, сосредоточенных в «Книге Бесед» и «Книге толкований», обнаруживаются поэтические фрагменты, сложившиеся под влиянием литургической гимнографии. Помимо указанных выше фрагментов, особенно убедительна в этом плане молитва Аввакума о царе Алексее Ми-

[35] См.: *Панченко А. М.* Протопоп Аввакум как поэт // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. Вып. 4. С. 300–308.

[36] Там же. С. 308.

хайловиче, помещенная им в конце первого Поучения «Книги толкований». Уподобляя царя Алексея Михайловича библейскому Манасии, Аввакум произносит под конец этой проповеди много резких обвинений по адресу царя, а завершает их хоть и горько, но с оттенком юмора: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел, скача по холмам, ветр гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бы их поглотить и во ад с собою свести. *Но спаси его, Господи, имиже веси судбами своими*...» (РИБ, стб. 472). И далее идет (вслед за преамбулой) аввакумова молитва за царя, в которой проявляется вся мощь христианского упования этого человека: «Аще ли не належит покаяния ему, — Ты веси! Буди воля Твоя, а не моя! Аз есмь червь, а не человек. Дерзаю паче человека, выше меры моея, угнетаем болезнию по души заблудъшей его, желая и ища от тебя, Всемилостива Спаса, исправления его. Несть дивно, еже праведника спасти, но преславно, иже грешника помиловати и в разум истинный привести.

Т*ы еси Бог наш, / иже водою и Духом обновивый обетшавшее грехом естество наше.*

Ты еси Бог наш, / иже водою потопивый при Нои грех.

Ты еси Бог наш, / иже морем свободивый от работы Фараоня Моисеом род еврейский.

Ты еси Бог наш, / разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый.

Ты еси Бог наш /, иже водою и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы.

С*ам и ныне, Владыко, /* премени от прелести царя Алексея беднова, от новаго Ваала, злодея Никона со дияволом.

И даждь ему очищение, и освящение, и душевное прозрение.

Просвети светом разума к познанию твоея истинны.

Вдохни благая в сердце его,

Да познает тя, Сына Божия, и прибегнет под кров покаяния.

Устави смущение души его, яко воды морския, колеблющияся ветры зелными.

Прими жертву его слезную паче, нежели Авелеву.

Приклони ухо твое к молению нашему

И возглаголи благая в сердца наша, отец наших и братий, о нем к тебе, Богу и Спасу всех.

Яко милостив еси и щедр, Боже наш, и тебе славу воссылаем, в Троице славимому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веком Аминь» (РИБ, стб. 472–473).

В настоящей молитве я выделила курсивом текст, восходящий к заключительному фрагменту молитвы «Велий еси, Господи, и чудна дела твоя» из Чина великого освящения воды на праздник Богоявления.[37] Этот текст нельзя

[37] См. в Требнике: «Велии еси, Господи, и чюдна дела твоя, и ни едино же слово довольно есть к похвалению чюдес твоих. Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая; твоею державою содержиши всю тварь <...> Ты от четырех состав составил еси тварь. И четырмя времени круг лету венчал еси <...> Ты иорданския воды освятил еси <...> Ты убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне пришествием Святаго твоего Духа и освяти воду сию <...> Яко да вси почерпающеи и причащающеися от нея имеют ю ко очищению душам и телом, ко исцелению страстем, ко освящению домовом, и ко всякой пользе благоудобну. ***Т****ы бо еси Бог наш, иже водою и Духом обновивый обетшавшее грехом естество наше. Ты еси Бог наш, иже водою потопивый при Нои грех. Ты еси Бог наш, иже морем свободивый от работы Фараоня Моисеом род еврейский. Ты еси Бог наш, разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый. Ты еси Бог наш, иже водою и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы.* ***С****ам и ныне, Владыко*, освяти воду сию Духом твоим Святым. И даждь всем, прикасающимся ей, и причащающимся, и мажущимся ею, освящение

характеризовать как заимствование, он органично усвоен Аввакумом, ориентированным на огромное число молитвословных произведений и создающим собственный текст в их стилистике и под их влиянием, как это было свойственно всему кругу памятников литургической гимнографии. Что бы мы ни говорили об Аввакуме как поэте, в нем следует прежде всего видеть литургического гимнографа.

Таким образом, мы видим, что на стилистику писаний протопопа Аввакума оказали влияние четыре разные языковые стихии, — каждая со своими стилистическими особенностями, — в которые он в равной степени был погружен в течение всей своей жизни: стихия языка Священного Писания, стихия звучащих текстов богослужения и литургической гимнографии, стихия книжного старорусского языка и стихия русского разговорного языка середины XVII века со свойственным ей духом «просторечия». Смелое соединение всех четырех стихий и составляет новаторство Аввакума как писателя, проявившееся в первую очередь в жанре свободной проповеди.

и благословение, и очищение и здравие. / Спаси, господи, благороднаго и благовернаго и христолюбиваго государя царя нашего и великаго князя, имярек, всея Руси самодержца. Спаси, Господи, и помилуй святейшаго великаго господина патриарха нашего, имярек, Московскаго и всея Русии; сохрани их под кровом твоим в мире. Покори ему всякаго врага и борителя; даруй ему вся, яже ко спасению, прошения и жизнь вечную. Яко да и всеми составми, аггельскими и человеческими, видимыми и невидимыми, славится твое пресвятое имя со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь» (Требник Большой. М., 1651; курсив мой. — *Н. П.*).

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ФЕТА

Юбилейный год великого русского поэта, переводчика, публициста и мыслителя Афанасия Фета культурная общественность встречает важными событиями: открылся первый музей поэта в обновленной усадьбе Воробьевка, где Фет провел последние пятнадцать лет своей жизни, появляются новые книги и сборники, посвященные его биографии, проходят научные конференции и выставки, наконец, продолжает выходить в свет Полное собрание сочинений и писем, которое готовит Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Все более очевидным становится подлинное, неповторимое место Фета в истории русской литературы и общественной жизни.

Предлагаемая читателю подборка статей, посвященных жизни и творчеству Фета, связана в первую очередь с подготовкой собрания сочинений и писем поэта и открывает новые грани его таланта и неутомимой деятельности.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-21-31

© *С. А. ИПАТОВА*

ОБ ОДНОЙ СТИХОТВОРНОЙ ПАРОДИИ НОВОГО ПОЭТА (И. И. ПАНАЕВА) НА ФЕТА (1847)

Проблема формирования и функционирования литературной репутации[1] Фета, которая менялась в разные периоды его творческой биографии, остается малоизученной. По-прежнему нерешенным остается вопрос, какие факторы способствовали не только его славе и успеху у читателей в определенные периоды, но и неприятию, осмеянию и остракизму, сопутствовавшим поэту практически до конца жизни.[2] С точки зрения творческой активности литературная биография Фета может быть условно разделена на три периода: от наибольшего успеха с 1840-го до начала 1860-х годов — период, обогативший отечественную литературу четырьмя поэтическими сборниками (1840, 1850, 1856 и двухтомник 1863); через период ангажированной травли, объявленной Фету с 1860-х годов, когда в атмосфере радикализации общества на протяжении двух десятков лет поэт не выпустил ни одного поэтического сборника; к последнему периоду в новой идеологической и духовной реальности, ознаменовавшемуся четырьмя выпусками «Вечерних огней» (1883, 1885, 1888, 1890). Вершиной последнего этапа стало признание поэтических заслуг Фета, вылившееся в широкое празднование его творческого юбилея в январе 1889 года.

---

[1] См.: *Розанов И. И*. Литературные репутации. М., 1990. С. 16; *Машковцева Л. Ф.* Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2012. № 2 (20). С. 174–176.

[2] *Асланова Г.* В плену легенд и фантазии // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 175–195.

Изменения литературной характеристики Фета, его «портрета», напрямую зависели от общественной и культурной жизни в определенные периоды.[3] В XX веке в исследованиях актуализировался биографический аспект уже сложившейся репутации Фета. Однако в этот период к прозвучавшим в 1860-е годы со стороны радикальной критики обвинениям в «салонности», «мотыльковости», безыдейности добавились и стали предметом квазинаучного осмысления зачастую выдуманные личные качества («пороки») поэта и жизненные обстоятельства (крепостник, сервильный монархист, прагматик, скряга, некрофил, незаконнорожденный, эротоман, самоубийца и пр.). Не касаясь этической допустимости и научной состоятельности подобных изысканий, попытаемся понять, какие изначальные факторы легли в основу неприятия личности Фета и его поэзии, каков механизм конструирования обывательского сознания.

В походе против Фета, открыто проявившемся в пореформенные годы, «прогрессисты», декларировавшие утилитарное отношение к поэзии, упорно видели в поэте жреца «чистой поэзии», апологета лишенной практического значения «чистой» лирики, далекой от «злобы дня», т. е. социальных проблем (Н. А. Добролюбов, В. А. Зайцев, Д. И. Писарев, Н. В. Соколов, Д. Д. Минаев и др.). Заданная ими тема бессмысленности и никчемности фетовской поэзии была активно подхвачена изданиями революционно-демократического направления («Свисток», «Искра», «Гудок», «Будильник» и др.), получив развитие и необыкновенную вариативность в многочисленных эпиграммах и пародиях. На долгие годы Фет стал «добычей» популярного профессионального пародиста, плодовитого «короля рифм» Д. Д. Минаева, имевшего широкую аудиторию из невзыскательных читателей и наводнившего литературу бесконечной серией злобных пародий и эпиграмм на поэта. Основным приемом большинства из них была прозаизация известного текста для создания комического, развлекательного эффекта, удовлетворяющего лакейское мироощущение; в ход пускались и мистификации низменного свойства.[4]

В силу своей доступности, эмоциональности, а стало быть, доходчивости обыденному массовому сознанию пародия используется как один из действенных компонентов литературной борьбы и общественной полемики «утилитаристов». Именно «эпиграмматическая» война, объявленная Фету, создала ему негативную репутацию и немало поспособствовала дискредитации Фета и как человека, и как поэта в 1860–1880-х годах.

Вероятно, самым началом пародийного осмысления поэзии Фета, положенным задолго до Добролюбова, Писарева, Минаева и прочих воинствующих пародистов 1860-х годов, следует считать пародии Нового Поэта в обновленном «Современнике», которые стали появляться уже с первых номеров журнала, перешедшего в 1847 году в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. Новый Поэт — литературная маска, под которой на протяжении девяти лет (1847–1856) публиковалась бóльшая часть рецензий, фельетонных обозрений литературной и общественной жизни, с включенными в них пародиями, Ива-

[3] См.: *Елизаветина Г. Г.* Литературная судьба А. А. Фета // Время и судьбы русских писателей. М., 1981. С. 146–186.

[4] См.: *Ипатова С. А.* Кто же был автором акростиха «Дикарка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. СПб., 2015. Вып. 6. С. 26–42. Для наглядности приведем одну из характерных малоизвестных пародий Минаева, высмеивающую поэтическую ситуацию свидания у поэта: «Муза г. Фета задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодические слова», вовсе «не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении <...>: Олеандра гирляндой над бандой; / Виден локон из окон и ленты; / А Кассандра, обняв Александра, / Под чинарой сосет пеперменты...» (Русское слово. 1863. № 9. С. 26–27). См. также: *Ипатова С. А.* А. Фет в зеркале пародии: «Шепот, робкое дыханье...» (1850) // Русская словесность. 2020. № 2. С. 40–50.

на Ивановича Панаева[5] (1812–1862), талантливого поэта, прозаика, бойкого фельетониста, соредактора и ближайшего помощника Некрасова по «Современнику» (1847–1862).[6] Историю своего появления окарикатуренный персонаж, юный поэт, эпигон-графоман, излагал так: «...я вдруг почувствовал озлобление к своим творениям и начал писать на них пародии. Вот как объясняется появление *Нового Поэта*». Итак, новоявленный пиит решает сочинять пародии на собственные ложноромантические стихи в назидание тем, кто воображает себя поэтом, «не имея ни малейшего поэтического таланта».[7] Вероятно, в основу придуманного образа были положены и автобиографические черты: в 1830-х годах Панаев, восторженный поклонник Гюго, Байрона, Ламартина, Кукольника, Марлинского и др., отдал дань романтической поэзии, сочинив, по собственному признанию, шесть «довольно толстых тетрадей», из которых «только пять стихотворений» выбрал «для печати, а остальное сжег».[8]

Начиная с 1843 года[9] объектом первых стихотворных пародий Нового Поэта, чаще всего имитаций, публикуемых в «Отечественных записках» А. А. Краевского, стал В. Г. Бенедиктов и его «пафосная» любовная лирика,[10] подвергались осмеянию «претензия» на философскую глубину в ранней поэзии Н. П. Огарева, а также Н. М. Языков и его славянофильские стихи, светская, «дамская» поэзия Е. П. Ростопчиной, претенциозность и «салонность» в стихотворениях К. К. Павловой, «ходульность» героев пьес Н. А. Полевого, Н. В. Кукольника и др.; позже излюбленной мишенью Нового Поэта станет антологическая поэзия Н. Ф. Щербины с ее «претензией» на эстетство.

---

[5] Следует иметь в виду, что под маской Нового Поэта выступал не только Панаев, но и Некрасов (см.: *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966. С. 78–90). Этим фельетонным персонажем и маской иногда пользовались в «Современнике» также А. В. Дружинин, В. П. Гаевский, М. Н. Лонгинов, а возможно, как считает Б. В. Мельгунов, даже Белинский. В последние годы жизни Панаева в составлении фельетонов «иногда участвовали и другие авторы, в частности, П. М. Ковалевский» (см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов, Панаев — *Новый поэт* (к истории создания журнальной маски) // Русская литература. 1986. № 3. С. 153). Пародия на Фета, о которой пойдет речь в нашей статье, безоговорочно принадлежит перу Панаева, авторство которого не только никем не оспаривается, но и подтверждается (Там же. С. 160).

[6] См.: *Трубачев С. С.* Фельетонный беллетрист (По поводу полного собрания сочинений И. И. Панаева) // Исторический вестник. 1889. № 4. Т. 36. С. 160–173; *Ямпольский И. Г.* Литературная деятельность И. И. Панаева // Панаев И. И. Литературные воспоминания / Вступ. статья и комм. И. Г. Ямпольского. М., 1988. С. 5–24.

[7] См.: [Панаев И. И.]. Два слова от автора // Собр. стихотворений Нового Поэта. СПб., 1855. С. VIII–X.

[8] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 64.

[9] Б. В. Мельгунов убедительно показал, что рождение пародийной маски Нового Поэта относится к 1841 году (*Мельгунов Б. В.* Некрасов, Панаев — *Новый поэт*. С. 156 и далее).

[10] См.: К чудной деве // Отечественные записки. 1843. № 1. Отд. 8. С. 53. Представляя себя, Новый Поэт говорит: «Спешим обрадовать любителей всего высокого и прекрасного» — скоро «взойдет величаво <...> могучий поэтический талант, в стихах которого сила и светская щеголеватость, яркость и радужность, внешняя художественность формы и кокетливость выражения доведены до изумительного совершенства» (Там же). После выхода первого сборника стихотворений (1835) Бенедиктов имел огромный успех; Панаев не без сарказма вспоминал: «Появление стихотворений Бенедиктова произвело страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в чиновничьем мире», все «были очень довольны статьею профессора Шевырева, провозгласившего Бенедиктова поэтом *мысли*» (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 100). Напомним, что именно С. П. Шевырев принял «великое участие» в публикации стихотворных «трудов» Фета-студента; благодаря рекомендации наставника в декабре 1841 года состоялся дебют поэта в «Москвитянине», где Шевырев был соиздателем (три из четырех опубликованных здесь стихотворений — переводы из Гейне). См.: Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 57–63 (письма Фета к Шевыреву). В дальнейшем особое пародийное внимание Панаева к Фету было связано с литературной борьбой между «Современником» и «Москвитянином» (см.: «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подг. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб., 2015).

В «Современнике» Панаев возобновил этот жанр, и образ мнимого поэта обрел новые очертания и новые вкусовые предпочтения. Как известно, идейным вдохновителем и руководителем обновленного «Современника» стал В. Г. Белинский,[11] проводивший определенную литературную политику, идеологическим лозунгом которой стал девиз, по определению В. П. Боткина, «лицом к практической жизни» и отрешение от эстетизма.[12] 6 февраля 1843 года, почти за четыре года до перехода в «Современник», Белинский писал Боткину, будущему теоретику «чистого искусства»: «...я не читаю стихов <...> и когда случится пробежать стихи Фета или Огарева, я говорю: „Оно хорошо, но как же не стыдно тратить времени и чернил на такие вздоры?“»[13] Однако популярность Фета к 1847 году была такова, что, вероятно, привлекала подписчиков, и к 1854 году поэт становится постоянным сотрудником «Современника».[14] В выборе пародийных объектов Панаев, безусловно, разделял литературные взгляды Белинского. Исследователи отмечали, что пародии Панаева «отчетливо перекликаются со статьями» критика, а позднее они будут перекликаться со статьями Чернышевского (с 1854) и Добролюбова (с 1857).[15]

Итак, объектами разоблачения Нового Поэта в «Современнике» становились или продолжали оставаться те участники литературного процесса, которые не получили одобрения Белинского и Некрасова. Устами Нового Поэта «в наиболее острой, порою гротескной форме» выражалось мнение редакции, его пародии были «острейшим оружием» журнала в его литературно-общественной борьбе.[16] «Пародия, — справедливо писал о Панаеве И. Г. Ямпольский, — представляет собой своеобразную форму критики, и в первую очередь важно поэтому установить, какие литературные явления подвергаются в ней осмеянию».[17] Помимо упомянутых эпигонов ложноромантической поэзии и авторов так называемой «салонной» поэзии, это — подражатели (в первую очередь Г. Гейне), дилетанты, ура-патриоты и поэты «чистого искусства»,[18] основным представителем которого был избран Фет, чья импрессионистическая поэзия была не только непонятна вождям журнала, но и враждебна его направлению. Таким образом, пародии Нового Поэта, сразу получившие признание у публики, стали определенной эстетической формой серьезной идеологической критики, посредством смеха эмоционально доступной широкой аудитории. В борьбе за читателя пародия Нового Поэта становится «существенным компонентом литературной борьбы».[19]

Самая ранняя из известных пародий Панаева на Фета была опубликована в 1847 году в одном из первых номеров журнала «Современник», только что

---

[11] 7 февраля 1847 года Панаев писал московским друзьям о характере совместной работы: «...мы все делаем с общего согласия, и состав каждой книжки апробируется Белинским» (см.: Лит. наследство. 1950. Т. 56. С. 186).

[12] См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40–50 гг.: От Белинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 114.

[13] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 129. См. также: *Розенблюм Л. М.* Фет и эстетика «чистого искусства» // Лит. наследство. Т. 103. Кн. 2. С. 10.

[14] См.: Лит. наследство. Т. 56. С. 186.

[15] См.: *Туниманов В. А.* Панаев Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 518.

[16] *Шашкова Е. В.* Журнально-критическая деятельность И. И. Панаева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 9.

[17] *Ямпольский И. Г.* Литературная деятельность И. И. Панаева. С. 10.

[18] См.: *Розенблюм Л. М.* Фет и эстетика «чистого искусства». С. 9–54. Убедительно звучит мысль философа Л. А. Калинникова, что «объективная логика природы искусства делала поэзию А. А. Фета дополнительной по отношению к революционно-демократической поэзии» (*Калинников Л. А.* А. А. Фет как теоретик и практик чистого искусства и проблема природы поэзии // Кантовский сборник. Калининград, 2014. Вып. 1 (47). С. 38).

[19] *Шашкова Е. В.* Журнально-критическая деятельность И. И. Панаева. С. 7.

перешедшего в руки Некрасова и Панаева. К началу 1847 года Фет уже довольно популярный поэт, автор сборника «Лирический пантеон» (1840), один из немногих современных поэтов, стихи которого на правах «образца поэзии» уже в 1843 году вошли в известную «Хрестоматию» А. Д. Галахова.[20] И хотя к этому моменту поэт лично не знаком с кругом основных сотрудников журнала, в публикации его стихотворений редакция «Современника» выражает заинтересованность.[21] Вместе с тем именно Фет становится мишенью Нового Поэта в пародии, озаглавленной впоследствии в отдельном издании «Стихотворений» Панаева 1855 года «Будто из Гейне».[22] Следует отметить, что лирика Гейне, одного из самых переводимых поэтов в России в середине XIX века, занимала особое место в творческой деятельности Фета, к 1847 году им было переведено около десятка стихотворений немецкого поэта, и это не было данью моде. В «Ранних годах» Фет вспоминал о своем «страшном увлечении» Гейне, которое присоединилось к «упоению Байроном и Лермонтовым»; никто «не овладевал мною так сильно, как Гейне своею манерой говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине».[23] Среди стихотворений поэта современники видели влияние Гейне на стихотворения «Шумела полночная вьюга...» (1842), «Я долго стоял неподвижно...» (1843), «Весеннее небо глядится...» (1844) и др. По справедливому наблюдению Ямпольского, к «литературным явлениям», которые должны были подвергнуться панаевскому «осмеянию», оказалась отнесена поэзия стихотворцев, «воспитанных на эстетике романтизма», а именно — на ранней поэзии Гейне.[24] Приведем полностью имитацию Панаева, написанную размером (трехстопный анапест)[25] знаменитого к этому времени «На заре ты ее не буди...» (1842):

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

И головку склонивши уныло,
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было!» —
Прошептала, махнувши рукой.

На нее, как безумный, смотрел я,
И луна освещала ее;
Расставаяся с нею, терял я
Все блаженство, все счастье мое!

---

[20] См.: *Галахов А.* Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. М., 1843. Ч. 2. Поэзия.

[21] Личное знакомство с Панаевым и Некрасовым, которое состоялось, вероятно, в самом конце 1853 — начале 1854 года, Фет описал в своих воспоминаниях (см.: *Фет А.* Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 32–33).

[22] *Панаев И. И.* Собр. стихотворений Нового Поэта. СПб., 1855.

[23] *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 193, 209.

[24] *Ямпольский И. Г.* Литературная деятельность И. И. Панаева. С. 10.

[25] Размер элегический и довольно частотный у Фета. См., например: «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека...»; 1854), «Пчелы» («Пропаду от тоски я и лени...»; 1854), «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою...»; 1854), «Я тебе ничего не скажу...» (1885), «Задрожали листы, облетая...» (1887), «За горами, песками, морями...» (1891) и др. См. также содержательную статью о трехсложнике у Фета и Некрасова: *Монахов С. И.* К проблеме семантизации ритма русских трехсложников (трехстопный анапест и дактиль) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 9. Вып. 4. С. 3–16.

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.[26]

Следует заметить, что какого-либо намека или упоминания о Фете как об адресате (прямого или косвенного) нет ни в тексте первой публикации этой пародии, ни в отдельном издании 1855 года, ни в посмертном Собрании сочинений Панаева (1888–1889). Сохранилось единственное свидетельство — устное воспоминание А. М. Жемчужникова, приведенное П. В. Быковым, — как однажды, вероятно, в конце 1846 — начале 1847 года «Панаев держал пари, что напишет пародию во вкусе Фета и что публика примет ее за настоящую фетовскую пьесу»; на одной из литературных посиделок он достал «из бокового кармана листок и сказал:

— Раньше, чем напечатано будет, прочту вам интересное стихотворение нашего любимого поэта, только что мне присланное (напомним, Фет в это время находился на военной службе в Херсонской губ. — *С. И.*), угадайте — чье?

И он превосходно прочел:

Густолиственных кленов аллея...
<...>

— Фет! Фет! Как это мило — восклицали в один голос присутствовавшие. Кто-то попросил дать ему списать стихи.

То же самое проделал Панаев у других знакомых. И стихотворение пошло ходить по рукам. А затем А. Дюбюк или кто-то другой из композиторов попросил у Панаева позволения положить слова мнимого Фета на музыку. Панаев выиграл пари и положил конец мистификации, напечатав стихи в фельетоне „Современника“ под своим псевдонимом («Новый Поэт»). Пари это обошлось Панаеву не дешево. Он зашел в нотный магазин А. Гутхейля и попросил дать ему романс „Густолиственных кленов аллея“. Каково же было его удивление, когда на нотах он прочел: „Слова Фета“. „Сколько экземпляров этого романса вы напечатали?“ — спросил Панаев. Оказалось, что всего выпущено пятьсот экземпляров, и около пятидесяти уже было продано. Не долго раздумывая, Панаев купил все остальные экземпляры, объяснив издателю, что стихи, положенные на музыку, вовсе не Фета. Приобретенным романсом он долго растапливал камин», и Жемчужников «застал его за этим делом».[27]

Удивительно, но пародия Нового Поэта была воспринята современниками как серьезное лирическое стихотворение, которое вскоре было положено на музыку, но не пианистом и композитором Александром Ивановичем Дюбюком (1812–1898), автором таких романсов на слова Фета, как «Серенада» («Полно спать: тебе две розы...»; 1847), «Свеж и душист твой роскошный венок...» (1847), «Ночная серенада» («Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад...»; 1853), «Гадание на картах» («Помню я, старушка няня...»; 1842), а композитором Николаем Дмитриевичем Дмитриевым (1829–1893), автором романса на слова Фета «Она никогда его не любила...» (1869), который принял пародию «Будто из Гейне» за настоящее лирическое стихотворение и назвал

[26] Еще несколько стихотворений Нового поэта // Современник. 1847. № 4. Отд. 4. С. 156 (без заглавия). См. также: [Панаев И. И.]. 1) Собр. стихотворений Нового Поэта. С. 17 (заглавие: «Будто из Гейне»); 2) Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1889. Т. 5. Ч. II. Стихотворения и пародии. С. 22.

[27] *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого / С прим. Б. Козьмина. М.; Л., 1930. С. 79–80 (с ошибкой: «Н. Гутхейля»). См. также: *Масанов Ю. И.* Новый поэт // Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок / Под ред. и со вступ. статьей П. Н. Беркова. М., 1963. С. 250–251.

романс на эти стихи «Воспоминанье», первое нотное издание его вышло в Москве в 1848 году.[28] Одной из его исполнительниц была известная певица Е. Рябинина. Романс вошел в традицию городского бытового романса и получил огромную популярность во второй половине XIX — начале XX века, особенно в репертуарах цыганских хоров.[29] В 1859 году на эту пародию Панаева был написан композитором Н. А. Бороздиным еще один романс («Серенада»), имевший, правда, меньший успех.

Ни у Дмитриева, ни у Дюбюка найти нотное издание романса, в котором Фет был бы указан как автор стихов, не удалось. Возможно, память подвела Жемчужникова (или Быкова), и адресатом пародии был не Фет, а А. Н. Майков, которому и были приписаны слова романса «Густолиственных кленов...» на музыку Н. Д. Дмитриева в отдельном издании (М., 1848; впоследствии ошибка была исправлена); и тогда становится понятно, что именно это издание скупил Панаев и растапливал им камин. В пользу данной версии говорит и свидетельство Е. П. Ростопчиной, полагавшей, что адресатом имитации Панаева был А. Н. Майков.[30] Не исключено, что Панаев, читая свой текст в разных компаниях, варьировал имена его «авторов» в атмосфере мистификации то Фета, то Майкова (неутомимого переводчика Гейне), которые составляли для него общий объект пародирования как подражатели поэзии Гейне. Вероятно, эту пародию следует считать не имеющей конкретного прототипа, поскольку ее мотивная плоскость включает полный набор романтических тем (ночь, сад, луна, аллея, трагическая любовь, расставание и др.). Реакция Фета на эту историю нам неизвестна. Едва ли можно говорить о личной близости между поэтом и Панаевым, однако переписка, скорее всего, существовала, хотя бы деловая, так как в обязанности Панаева входило общение с авторами; косвенно это подтверждается в его письмах к Тургеневу, в которых Панаев регулярно передает Фету дружеские приветы: «Фета обнимаю. Перестал ли он каламбурить?..» (27 августа / 8 сентября 1856 года); «Кланяйся

---

[28] В предисловии к отдельному изданию своих стихотворений Панаев заметил: «Эти пародии, печатавшиеся в периодических изданиях, были принимаемы, впрочем, некоторыми за серьезные произведения. На одну из таких пародий, начинающуюся стихом:

Густолиственных кленов аллея...
и прочее

написана даже в Москве г. Дмитриевым прекрасная музыка...» (см.: [Панаев И. И.]. Два слова от автора. С. IX).

[29] См.: Воспоминанье (Густолиственных кленов аллея). Музыка Н. Дмитриева, слова И. Панаева // Краткая антология городского-бытового романса: Между делом безделье. М., 2011. Т. 2 / Сост. А. Титов. С. 104–105; С. 106–109 (ноты).

[30] Имитация Панаева была использована Ростопчиной, поэзию которой он постоянно высмеивал, для новой пародии на самого Панаева и К. К. Павлову (с двусмысленным намеком) под названием «Песня по поводу переписки ученого мужа с не менее ученой женой» (впервые: в письме к А. В. Дружинину от 24 ноября 1854 года, см.: Письма к А. В. Дружинину (1850–1863). М., 1948. С. 279–280): «Густолиственных липок аллея, / Ты для мира значенья полна! / Вдохновенья огнем пламенея, / Перед *ним* там стояла *она*» (см.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.) / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. А. Морозова. Л., 1960. С. 491–492, 779 (Библиотека поэта. Большая сер.)). См. также: *Кошелев В. А.* Пространство контекста (романс «Густолиственных кленов аллея...») // Пространство и время в литературе и искусстве. Теоретические проблемы. Классическая литература. Даугавпилс, 1992. Вып. V. С. 105–108. К сожалению, автору было неизвестно приведенное Быковым свидетельство Жемчужникова о Фете как адресате пародии Панаева, и потому оно осталось за пределами рассматриваемого здесь контекста. Вскользь об этой пародии Панаева упоминается в статье: *Блума А.* Псевдоним как способ внутрилитературного поведения (Д. Минаев, И. Панаев и... А. Псевдонимов) // Philologia. Рижский филологический сборник. Рига, 1994. Вып. 1. Русская литература в историко-культурном контексте. С. 28.

очаровательному и остроумному Фету. Поцелуй его — и проси его о присылке мне стихов — крайне нужны...» (17/29 сентября 1856 года) и др.[31]

Итак, Панаев, ополчившись на многочисленные эпигонские стихи в «гейневском» духе, наводнившие в 1840-х годах отечественную поэзию, создает имитацию чуждой для себя лирики в надежде, что определенная подача образов и мотивов любовной лирики произведет комический эффект, ради чего стихотворение и было написано. Пародия — и это была ее цель — мистифицировала «новое» стихотворение Фета и талантливо имитировала его поэтику, при этом автор, описывая трагичное любовное расставание вполне в духе Фета (уединение, воспоминание о счастливом прошлом, страдание и пр.), полагал добиться комического эффекта, используя пошлые романтические штампы и прозаизмы, вставленные в созерцательный текст: если романтическая «слеза за слезой», то рядом реалистическое, даже отчасти физиологическое «глотать», если романтическое «прошептала», то прозаически «махнувши рукой», если герой страдает, теряя «блаженство», то «как безумный», здесь же «луна», а героиня бледна, «как лилея», и все происходит в густолиственной «аллее» (банальное созвучие «лилеи» и «аллеи» тоже, вероятно, не случайно в этом ряду). Но что-то не задалось, прекрасное стихотворение зажило своей жизнью, а эпизод с пародией на Фета едва остался в памяти современников как анекдот, забавный курьез из биографии Панаева, самого вскоре оказавшегося объектом осмеяния Ростопчиной. Вероятно, еще одну пародию Панаева со схожим названием «Подражание Гейне» следует рассматривать как автопародию, расширяющую смысловое пространство образца, что указывает на неудовлетворенность автора произведенным эффектом. Приведем ее целиком:

Склонивши на стенку головку,
В раздумье сидела она,
Открыв свою ножку-плутовку,
А ночь была страшно темна.

Смотрел на нее Мефистофель
Сквозь ветви угрюмых берез,
А мимо чухонец картофель
На кляче ободранной вез.[32]

Как писал о пародии «Густолиственных кленов аллея...» П. Н. Берков, «действительно, трудно угадать, трафаретный ли романс перед читателем, или пародия».[33] Художественную ценность ее отмечал В. Е. Евгеньев-Максимов: «Наряду с удачными, — например, известное стихотворение „Густолиственных кленов аллея“ <...> попадаются и слабые, но цель, которую ставил перед собою фельетонист, надо думать, более или менее достигалась».[34]

Не исключено, что эта пародия, опубликованная в одном из первых номеров «Современника», носила заказной характер. Вменялась же Фету не подражательность Гейне (название «Из Гейне» появится лишь в 1855 году), высмеивалась поэтика в целом, ее созерцательность, описание случайных и неуловимых мгновений, словом, все то, что было постоянным объектом

[31] См.: Лит. наследство. 1964. Т. 73. Из парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 2: Из неизданной переписки. С. 115, 118 (впервые: Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 11–111).

[32] См.: Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира 1830–1870-х годов. М., 1988. С. 118–119; см. также: Воспоминанье... С. 104.

[33] *Берков П. Н.* Козьма Прутков, директор пробирной палатки и поэт. К истории русской поэзии. Л., 1933. С. 19.

[34] *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40–50 гг. С. 156.

насмешек литераторов круга «Современника». К концу 1847 года Фет подготовил второй сборник своих стихотворений, он успешно прошел цензуру, но из-за нерадивости друзей, которым поэт поручил заботы по изданию, сборник вышел лишь в 1850 году.[35] Возможно, именно этот факт способствовал творческой активности Панаева-пародиста. «Надо отметить, — писал Б. Я. Бухштаб, — что все статьи о сборнике 1850 г. — в „Отечественных записках“, „Москвитянине“, „Библиотеке для чтения“, „Современнике“ — настойчиво подчеркивают связь Фета с Гейне» как поэтов неопределенных и неясных ощущений и мечтаний.[36] По выходе сборника, видимо, отвечая на упреки в адрес Фета, Ап. Григорьев парировал в рецензии «Отечественных записок»: «Фет не вдался <...> ни в одну из крайностей», включая «сладенькие и приторные нежности quasi à la Гейне, надоевшие всем до смерти. Г. Фет остался самим собою, несмотря на то, что талант его создался под влиянием Горация и Гете, имеет много общего с талантом Гейне».[37] Мнение О. И. Сенковского, игриво высказанное в обширной рецензии на сборник, отчасти выражало позицию критики, усматривающей влияние поэзии Гейне на Фета, а вместе с ним сложность, непонятность для массового читателя, а также безыдейность, что в идеологической атмосфере тех лет звучало как синоним «безнравственности»: «Гейне писал стихи точно так, как пишет господин Фет — что это школа — род сербской поэзии — сокол летит в Палестине, а царство падет на Косовом Поле — на стекле мороз чертит узоры, а девушка умна, и господин Фет любит созерцать утомления. Я спрашиваю: что ж это доказывает?»; все «тут непонятно», не «понимаю я поэзии без высокой мысли нравственной или религиозной...».[38] Довольно строг к Фету оказался и Панаев, так оценивший это собрание стихотворений: «В числе их много посредственных, слабых и таких, которых появление ничем не может быть оправдано»; едва «уловляешь мысль, часто весьма поэтическую, в той форме, которую дает ей поэт, а иногда просто спрашиваешь в недоумении: что это такое и что хотел сказать автор?»[39] Возможно, в начале 1847 года, в преддверии выхода сборника Фета, редакция «Современника», зная о готовящемся событии, подготавливала к нему широкого демократического читателя, пародически высмеивая популярность лирической адаптации Гейне отечественными лириками (Фет, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев); духу и новому направлению редакции более соответствовали публикующиеся с 1845 года переводы сатирических стихотворений Гейне, выполненные М. Л. Михайловым,[40] поэтом некрасовской традиции, к слову сказать, также отметившимся своими пародиями на Фета, которые появлялись на страницах «Современника» в 1852 году.[41]

Обсуждая тему литературной личности Фета, адаптированной в пародиях Панаева, следует сказать, что поэт неоднократно становился объектом его пародирования. Давно известны как минимум три из них: первая — на стихотворение из сборника 1850 года «Ты говоришь мне: прости!..» («Ты мне все

---

[35] Реконструкция истории издания сборника по письмам Фета к И. П. Борисову проведена Г. Д. Аслановой, см.: Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1. С. 78 (прим. 7).

[36] См.: *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 78.

[37] См.: Отечественные записки. 1850. Т. 68. Отд. V. С. 53–54.

[38] См.: Библиотека для чтения. 1850. Т. 101. № 3. Отд. VI. С. 10, 9 (Литературная летопись). Имеется в виду стихотворение Фета «На двойном стекле узоры / Начертил мороз...», которое заканчивается словами: «Но люблю я утомленье это созерцать...».

[39] См.: Современник. 1853. № 9. Отд. VI. С. 60.

[40] См.: *Гордон Я. И.* Гейне в России (1830–1860-е годы). Душанбе, 1973.

[41] См.: *Михайлов М. Л.* Соч.: В 3 т. М., 1958. Т. 1. Стихотворения / Подг. текста и прим. Г. Ф. Коган. С. 106–108, 555. См. также: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). С. 390–391, 742–743.

шепчешь: „Постой!“»[42]); вторая — на стихотворение «Nocturno» («Ты спишь один, забыт на месте диком...»; 1842), где, заимствовав в названии музыкальный термин, Панаев пытался пародировать поэзию Фета в целом («В ароматную ночь у окна...»[43]); а также одна пародия «На дороге» («Я еду просекой...»),[44] написанная на несколько стихотворений Фета: «Степь вечером», «Старый парк» («Сбирались умирать последние цветы...»; 1853), «Лес» («Куда ни обращаю взор...»; 1854), «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» (1854),[45] причем последняя пародия Нового Поэта была опубликована в том же номере «Современника»,[46] что и оригиналы. Соседство пародии с образцами иронически отметил рецензент журнала «Пантеон»: «Факт любопытный и в первый раз являющийся в русской литературе».[47] Следует обратить внимание, что стихотворение Фета «Степь вечером» было также одним из прототипов пародии Некрасова «Лето» («Умирает весна, умирает...»; 1854).[48]

Интерес Панаева к поэзии Фета нельзя назвать глубоким и концептуально осмысленным. Помимо стихотворных пародий поэт был постоянным объектом критического осмысления Панаева как рецензента, который и здесь руководствовался актуальными для журнала установками. О его прохладной рецензии на сборник 1850 года уже упоминалось. Позже о стихах поэта «Степь», «Ива» и «Пароход», опубликованных в «Отечественных записках» (1854. № 2), Новый Поэт писал: «В 4 же № „Отечественных записок“ напечатано три стихотворения г. Фета <...>, из которых первое переводное. Эти три стихотворения точно так же, как его „Шарманщик“ и другие стихотворения, появившиеся в 3 № этого журнала, принадлежат к самым слабым произведениям поэта, сравнительно с другими его же стихотворениями, появившимися в последнее время».[49] Прочитав этот отзыв, Фет пишет Некрасову из Ревеля 27 июня 1854 года: «В тысячный раз повторяю, что никакое суждение о моих стихотворениях, лишь бы оно не касалось меня как человека, никогда не может меня оскорбить. Но к слову говоря — скажите, за что Новый Поэт заставляет меня платить за разбитые горшки! Я своим стихам не судья — согласен, что „Шарманщик“, „Ива“ и „Пароход“ — слабы, незрелы и проч. Это дело критики — не мое»; и прилагая к письму стихотворение «Буря» («Свежеет ветер — меркнет ночь...»), добавляет: «Ивану Ивановичу, для декламации и пародии, посылаю».[50] Тема «Фет и Панаев», которая выходит за рамки настоящей статьи, нуждается не только в атрибуции стихотворений Фета как объектов стихотворных пародий Нового Поэта, но, прежде всего, в анализе литературно-критической полемики «Современника» и «Москвитянина» первой половины 1850-х годов, этой «войны» журналов, в которой поэзия Фета стала одним из главных объектов противостояния.[51] Так, например,

---

[42] Современник. 1850. № 5. Отд. VI. С. 142.

[43] Там же. № 8. Отд. VI. С. 323.

[44] Там же. 1854. № 2. Литературный ералаш. Тетрадь первая. С. 24.

[45] *Бухштаб Б. Я.* Пародия Некрасова на Фета // Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989. С. 61.

[46] Бухштаб высказал предположение, что пародия «На дороге», вероятно, принадлежит Некрасову (Там же. С. 61–63).

[47] См.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). С. 501–503, 782–783. См. также: *Дерябина Е. П.* Фет и Панаев // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2004. № 29. С. 38–43. Пародия Панаева «Будто из Гейне» и Фет как возможный ее адресат в статье не упоминаются.

[48] «Пародия „Лето“ показывает, — писал Бухштаб, — что при всем восхищении поэзией Фета Некрасов остро ощущал те черты его художественного метода, которые были чужды его собственной поэтике, и подсмеивался над ними» (*Бухштаб Б. Я.* Пародия Некрасова на Фета. С. 66). См. также: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. М., 1981. Т. 1. С. 139.

[49] Современник. 1854. № 5. Современные заметки. С. 46.

[50] См.: Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 520–521.

[51] См.: «Современник» против «Москвитянина» (по указ.).

возражая на критику «Москвитянина» (Ап. Григорьева), «что пародии Нового Поэта на гг. Огарева и Фета» свидетельствовали «только о грубости вкуса пародировавшего» (Москвитянин. 1851. № 5. С. 83), Панаев ответил, что Новый Поэт «очень уважает таланты» этих поэтов, но у них «есть слабые стороны», а «у г. Фета есть даже и такие стихотворения, которые просто не имеют смысла. *Новый Поэт* берется доказать это», и далее с иронией, «но он никогда не писал и не будет писать пародии на такие стихотворения г. Фета, как, например, следующее:

Спи. Еще зарею
Холодно и рано,
Звезды за горою
Блещут сквозь тумана, и проч.» —

поскольку в нем «он находит истинную поэзию»;[52] в очередном обзоре «Современника» Григорьев возразил Панаеву, завязалась перекрестная полемика и т. д.[53] В дальнейшем пародийная маска Нового Поэта стала образцом и предварила целую вереницу пародистов конца 1850-х — 1870-х годов, для которых Фет стал «добычей» на долгие годы.

Подведем итог. Стихотворные пародии Нового Поэта (Панаева) возникли и функционировали в «Современнике» (1847–1856) как особый жанр литературной критики, эмоционально (комически) ориентированный на широкий круг читателей. Идеологические установки при этом соседствовали с коммерческими целями — привлечением наибольшего числа подписчиков. Поэзия Фета, принципиально чуждая направлению журнала, по существу, с самого его начала подвергалась пародийному переосмыслению, вольно или невольно предопределяя в сознании читателя неоднозначное восприятие литературной личности Фета. Однако подлинная поэзия, обладая высокой степенью «сопротивления материала», оказалась способной «выдержать испытание смехом и постоять за себя».[54]

[52] Несколько слов от Нового Поэта // Современник. 1851. № 4. Отд. VI. С. 224.
[53] Подробнее о полемике см.: «Современник» против «Москвитянина». С. 637–638.
[54] *Новиков В. Л.* Книга о пародии. М., 1989. С. 288.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-31-44

© ***В. А. ЛУКИНА***

А. А. ФЕТ И Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА В РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДАМИ ИЗ БЕРАНЖЕ

Из обширного наследия французского поэта-песенника Пьера-Жана де Беранже Фет перевел лишь одно стихотворение — «Adieu» («France, je meurs, je meurs; tout me l'annonce...»).[1] Примечательно, что обратиться к этому тексту его побудил совет Л. Н. Толстого, о чем сам поэт упомянул в письме к своему шурину В. П. Боткину от 28–29 ноября 1857 года: «Читал ли ты предсмертное стихотворение Беранже. Прелесть! Мне его дал Толстой, и я его

[1] См.: *Генералова Н. П.* Беранже <Комментарии> // Фет А. А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 633.

перевел».[2] Не исключено, что с текстом «Adieu» Толстой познакомил Фета во время встречи в Москве в октябре или первой половине ноября 1857 года. Это могло произойти, например, 21 октября, когда Толстой обедал у Фетов в доме Сердобинской на Малой Полянке,[3] или же после возвращения Толстого из Петербурга в Москву, состоявшегося в конце октября: известно, что 10 ноября Толстой заезжал к Фету, а на следующий день уже поэт обедал у Толстых, где читал свой перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира и, по признанию писателя, разговором «разжег» его к искусству.[4]

При активном содействии Толстого перевод Фета под заглавием «Предсмертное стихотворение Беранже» («О Франция, мой час настал, я умираю...») был опубликован на страницах январской книжки журнала «Современник» за 1858 год.[5] «Посылаю еще вам стихотворение Беранже, посмертное, переведенное Фетом, — писал по этому поводу Толстой Н. А. Некрасову 25 ноября 1857 года. — И перевод хорош, а само стихотворение по мне прелестно». И прибавлял далее: «Оно пропущено в французских журналах, <может> быть, пройдет и по-рус<ски>».[6]

Действительно, впервые стихотворение «Adieu» было напечатано в томике «Dernières chansons de P.-J. de Béranger» («Последние песни П.-Ж. де Беранже»),[7] вышедшем в Париже буквально накануне — 3 ноября н. ст. 1857 года (после смерти поэта, последовавшей 16 июля н. ст. того же года), где оно символически завершало сборник. По-видимому, в скором времени новое издание Беранже было приобретено и Толстым, так как сохранилось в его библиотеке.[8] Однако еще до фактического выхода в свет «Последних песен», широко анонсировавшихся во французской прессе на протяжении трех предшествовавших месяцев, несколько не публиковавшихся ранее стихотворений, с разрешения издателя и душеприказчика поэта Шарля-Артура Перротена (Perrotin; 1796–1865), появились в печати. Так, 1 ноября н. ст. 1857 года парижская газета «La Presse» поместила посвященную этому изданию пространную статью Жюльена Лемера (Lemer; 1815–1893), где в том числе приводилось целиком стихотворение «Adieu» — это, по словам рецензента, «прощание с Францией, которое, кажется, было самой последней мыслью умирающего поэта. Эти три возвышенные строфы будут повсюду прочитаны с волнением». «Невозможно более прекрасными стихами завершить более прекрасную жизнь!» — восторженно заключал Лемер свою статью.[9] Не исключено, что по публикации в «La Presse» стихотворение впервые стало известно Толстому.

---

[2] Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благоволиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 238.

[3] К этому времени (т. е. ко 2 ноября н. ст. 1857 года) номер «La Presse», где был опубликован французский текст стихотворения (см. ниже, прим. 9), гипотетически мог попасть в распоряжение Толстого, поскольку парижские газеты выходили накануне. Ночным поездом писатель в тот же день (21 октября) отправился в Петербург (см.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 169).

[4] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 47. С. 162, 163.

[5] Современник. 1858. № 1. Отд. 1. С. 38; под заглавием «Последняя песня» стихотворение вошло во второй том сборника 1863 года: *Фет А. А.* Соч. и письма. Т. 2. С. 634.

[6] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. С. 238. Высоко оценил перевод и взыскательный критик И. С. Тургенев, на чей суд Фет по обыкновению также послал стихотворение: «Перевод Ваш из Беранже очень мил. Бороться с ним довольно трудно; благословляю Вас на борьбу гораздо труднейшую — а именно с Шекспиром» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 287; письмо от 28 декабря 1857 года (9 января 1858 года)).

[7] Dernières chansons de P.-J. de Béranger de 1834 à 1851 / Avec une lettre et une préface de l'auteur. Paris, 1857. P. 371–372.

[8] См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М., 1999. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1: A–L / Сост. Г. В. Алексеева и др. С. 101.

[9] *Lemer J.* Dernières chansons de Béranger // La Presse. 1857. 1 novembre. P. 3. Перевод наш. — *В. Л.*

Именно Толстой сразу же подметил «две ужасные опечатки», вкравшиеся в журнальный текст перевода Фета, и с огорчением упрекнул за них Некрасова. «...*О защитите*, вместо *защити же* и *с улыбкой*, вместо *с усильем*»,[10] — отметил он в письме от 21 января 1858 года. Речь шла об опечатках в стихах 18 и 23, особенно неприятной была последняя, существенно искажавшая смысл стиха, который в «Современнике» прозвучал: «Свой камень гробовой *с улыбкой* поднимаю...» вместо «Свой камень гробовой *с усильем* поднимаю...».[11] В солдатенковском издании Фет выправил оба указанных стиха,[12] тем не менее на протяжении последующих лет в сборниках переводов из Беранже стихотворение продолжало перепечатываться по «Современнику», в том же неисправном виде.[13]

Интерес Толстого к французскому поэту, как неоднократно отмечалось, не был мимолетным[14] — свое увлечение он сохранил на всю жизнь, «много знал на память его стихотворений и любил их декламировать даже в годы старости».[15] Характерно, что строки знаменитого песенника фигурируют уже в ранних редакциях повести «Детство», при этом на разных этапах работы Толстой рассматривал возможность включения нескольких эпиграфов из Беранже к отдельным главам.[16] Во второй редакции повести в главе XXI (XX по первоначальной и окончательной нумерации) находим эпиграф из стихотворения «Qu'elle est jolie!» («Как она красива!»), снятый при первой публикации, причем Толстой приводит стихи (скорее всего, по памяти) с незначительным отличием от известного печатного текста: «Bon Dieu, combien elle est jolie, / Et moi je suis, je suis si laid <...> <Боже мой, как она красива, / А я, я так дурен <...> (*фр.*)>»[17] вместо «Grands dieux!..».[18] В первой журнальной публикации[19] встречаем эпиграф к главе VIII из стихотворения «Les feux follets» («Блуждающие

---

[10] В изд.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. С. 252 — ошибочно напечатано: «*защитите же*» вместо «*защити же*». Опечатка исправлена по смыслу и по первой публикации: Архив села Карабихи: Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 197.

[11] Курсив наш. — *В. Л.* Хотя в письме от 18 декабря 1857 года Некрасов известил Фета, что перевод из Беранже набран (см.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 100), корректура, очевидно, ему выслана не была.

[12] См.: *Фет А. А.* Стихотворения: [В 2 ч.]. М., 1863. Ч. 2. С. 364.

[13] См., например: Беранже в переводе русских писателей. М., 1860. С. 130–132; Песни Беранже в переводе многих писателей и куплеты из «Прекрасной Елены». СПб., 1869. С. 83–84, и в ряде других аналогичных сборников.

[14] См.: *Старицына З. А.* Беранже в России. М., 1969. С. 161, а также главу «Беранже в восприятии Л. Н. Толстого» в ее книге: Беранже в русской литературе. М., 1980. С. 133–141. Следует отметить, что данное издание не лишено некоторых досадных ошибок: в частности, в корне неверным является утверждение о том, что «Современник» напечатал перевод Фета из Беранже «с изъятым цензурой куплетом», где «говорится, что французская революция распространила по всему миру идеи равенства и свободы» (Там же. С. 136, 137).

[15] *Чистякова М.* Лев Толстой и Франция // Лит. наследство. 1937. Т. 31. С. 988. Правда, утверждение исследовательницы о том, что Толстой «вывез» увлечение поэзией Беранже «из парижских народных клубов», представляется преувеличением, поскольку интерес к французскому песеннику прослеживается гораздо раньше — в период создания «Детства», а также во время службы. Упоминание о чтении Беранже, например, в Бухаресте содержится в Дневнике Толстого за 1854 год (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 47. С. 4).

[16] Беранже — единственный поэт, к которому Толстой обращается при выборе эпиграфа в «Детстве». Из двух других известных эпиграфов один был взят из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна (не вошел в печатный текст, как и глава, которую он открывал, — возможно, по цензурным соображениям), а второй представлял собой девиз ордена Подвязки (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 т. Художественные произведения: В 18 т. М., 2000. Т. 1. С. 416).

[17] См.: Там же. Редакции и варианты художественных произведений: В 17 т. Т. 1 (19). С. 202. Эти же строки цитирует герой в самом тексте главы уже в первой редакции повести, прибавляя: «Я привожу эти два стиха из песни Беранже, потому что, при первом взгляде на нее, мне пришло в голову именно это грустное сравнение» (Там же. С. 91).

[18] См., например: Œuvres complètes de P.-J. de Béranger. Paris, 1837. T. 1. P. 344; то же во всех других известных нам прижизненных изданиях.

[19] Современник. 1852. № 9. Отд. 1. С. 29.

огни»), и вновь текст не совпадает с каноническим: «Oh, rendez moi mon ignorance! / Follets, dansez, dansez, dansez <О, верните мне мое неведение! / Блуждающие огни, танцуйте, танцуйте, танцуйте>»[20] вместо «J'ai perdu ma douce ignorance».[21] Вопрос об истоках указанных разночтений, как кажется, ранее не поднимался и нуждается в дальнейшем изучении. В поздние годы именно «Les feux follets» Толстой приводил в качестве примера «очень поэтичных» вещей у Беранже, отсылая к этой песне как к стихотворению, в котором Беранже «жалеет, что у него нет младенческого суеверия»[22] (то есть к тем же строкам, что были процитированы им ранее в «Детстве»).

Во время первого заграничного путешествия в 1857 году Толстой в Париже с увлечением погрузился в атмосферу народных клубов, где распевали песенки Беранже. Позднее он даже называл Беранже своим любимым французским поэтом,[23] отмечая, что ценит его «за даровитость»: «Ничего безнравственного у него нет. Склад народный, благородный, нравственный и бодрый».[24]

В переписке Толстого и Фета имя Беранже всплывет не однажды. Так, в письме от 17 ноября 1870 года Толстой пытается убедить поэта перевести еще одно из понравившихся ему стихотворений: «Попался мне на днях Béranger последний том. И я нашел там новое для меня „Le bonheur". Я надеюсь, что вы его переведете».[25] На самом деле «Le bonheur» не было для Толстого совсем уж «новым»: первую строчку из него он цитировал в письме к В. П. Боткину еще в 1857 году, во время пребывания за границей: «Нет, нет и грустно, все куда-то тянет, чего-то хочется. Как песенка Béranger есть: „Le bonheur" — „Le vois-tu bien là bas, là bas!"».[26]

Несколько лет спустя, в апреле 1876 года, вскоре после выхода номера «Русского вестника» с пятой частью романа «Анна Каренина», где описано умирание и смерть брата Левина Николая и отношение Левина к этому событию, Толстой писал Фету: «Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней. Посмотрим, кто прежде. Но мне вдруг из разных незаметных данных ясна стала ваша глубоко родственная мне натура — душа (особенно по отношению к смерти), что я вдруг оценил наши отношения и стал гораздо больше, чем прежде, дорожить ими». Размышляя о смерти, Толстой вспоминает строки из еще одной (ранней) песни Беранже — «Ave, mes joyeux frères...» (1809), относящейся к тем годам его поэтической деятельности, когда он совместно со своим другом Кенекуром основал кружок «Couvent des Sans-Souci» («Монастырь беззаботных»):

Mourir vient de soi-même.[27]
N'en ayons point souci.
Bien vivre est le problème
Qu'il faut résoudre ici.

---

[20] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 1 (19). С. 233 (с опечаткой: vendez вместо rendez). В отдельном издании 1856 года эпиграф был также снят.

[21] Œuvres complètes de P.-J. de Béranger. Paris, 1839. T. 3. P. 77; то же во всех других известных нам прижизненных изданиях.

[22] У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 62–63.

[23] *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 294.

[24] У Толстого. Кн. 4. С. 45 (запись от 15 августа 1909 года).

[25] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 61. С. 240. Le bonheur — счастье (*фр.*).

[26] Там же. Т. 60. С. 196. В переводе В. Е. Чешихина-Ветринского: «Смотри, вон счастье там, вдали, / Туда, за ним!..» (*Чешихин-Ветринский В.* Лев Толстой и Беранже // Вестник литературы. 1922. № 1 (37). С. 20).

[27] Данный стих приведен Толстым с небольшим разночтением от подлинника. У Беранже: «Mourir va de soi-même».

«И даже иначе нельзя, — прибавлял Толстой далее. — Я многое, что я думал, старался выразить в последней главе (глава XIX «Смерть». — *В. Л.*) апрельской книжки „Р<усского> в<естника>“».[28] Вместе с русским переводом весь второй куплет (октава) из этой песни Беранже (со слов «Laissons dire à la Trappe»), куда входит и приведенное в письме к Фету (второе) четверостишие, внесен неизвестной рукой в записную книжку Толстого под датой 21 октября 1858 года:

Предоставим монахам говорить:
«Братья, надо умирать».
Когда судьба наносит нам удары,
Научимся весело страдать.
Смерть придет сама,
Это не наша забота.
Хорошо прожить — вот задача,
Которую надо здесь решить.[29]

Впервые стихотворение «Ave, mes joyeux frères...» было напечатано лишь в 1857 году, в опубликованной посмертно «Ma biographie» («Моей биографии») Беранже.[30] В яснополянской библиотеке эта книга не сохранилась, как, впрочем, и томик из Собрания сочинений поэта, упомянутый в вышеприведенном письме к Фету от 17 ноября 1870 года.

Сложно определить, каким изданием Беранже пользовался Толстой, несмотря на то, что на этот счет высказывались разные предположения. Так, в комментариях к письму С. А. Розанова утверждает (со ссылкой на «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого), что «в библиотеке Толстого имелось изд.: *Béranger Pierre Jean.* Œuvres complètes. V. 1–4. P<aris>, 1856–1860» и что «Le bonheur» «вошло в состав четвертого тома, содержавшего посмертные сочинения поэта». «Впоследствии Толстой это собрание стихотворений Беранже отдал М. С. Сухотину, — добавляет она далее, — и оно не сохранилось».[31] Известно, однако, что «Le bonheur» включалось Беранже во все основные прижизненные собрания начиная с 1828 года. Кроме того, названная исследовательницей книга не зафиксирована в наиболее авторитетной библиографии прижизненных изданий Беранже, учитывающей бóльшую часть даже контрафактной продукции.[32] К тому же, с 1847 года и до смерти Беранже в 1857 году не было выпущено ни одного нового авторизованного многотомного собрания песен.[33]

Авторы комментариев к самим «Яснополянским запискам» (О. А. Голиненко и И. А. Покровская) предположительно указывают уже на совсем другое издание: «Œuvres complètes. Vol. I–IV. P<aris>, 1868–1878».[34] Вероятно,

---

[28] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 62. С. 272. В образе Левина, как отмечено Н. К. Гудзием, Толстой «отразил особенности своего характера, свое мировоззрение и свои религиозные и философские тревоги» (Там же. Т. 20. С. 640).

[29] Там же. Т. 48. С. 77, 487; причем в записную книжку французский текст внесен без разночтений с изданием 1857 года.

[30] Ma biographie, ouvrage posthume de P.-J. de Béranger. Paris, 1857. P. 107–108.

[31] См.: Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 406 (прим. 5 к письму 257).

[32] *Brivois J.* Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger contenant la description de toutes les éditions, l'indication d'un grand nombre de contrefaçons, de classement des suites de gravures, vignettes, etc., etc. Paris, 1876.

[33] Ibid. P. 79. Впрочем, Беранже издавался настолько массово, что нельзя исключать существования и неучтенного Ж. Бривуа контрафактного четырехтомного собрания, вышедшего в 1856–1860 годах.

[34] У Толстого. Кн. 2. С. 617.

эта гипотеза основывается в том числе на упомянутом письме к Фету, где Толстой говорит о «последнем» (т. е. последнем из вышедших к моменту написания письма) томе Беранже. И все же представляется, что речь шла о более раннем издании, которое могло быть в распоряжении писателя уже в пору работы над «Детством». Сам Толстой, по словам Маковицкого, упомянул о том, что в его библиотеке «есть два тома из четырех, с маленькими картинками. Мне тогда очень нравились».[35] Из официальных (авторизованных) изданий больше всего такая характеристика подошла бы к четырехтомному изданию 1834 года: Œuvres complètes de P.-J. de Béranger. Edition unique revue par l'auteur, ornée de 104 vignettes en taille-douce, dessinées par les peintres les plus célèbres. Paris, 1834,[36] — где гравюры, действительно небольшого размера, заключены в медальоны, однако с окончательной уверенностью утверждать это невозможно.

Несмотря на то, что от предложения Толстого перевести «Le bonheur» Фет уклонился, поэту поневоле все же пришлось еще раз выступить в качестве переводчика французского песенника. Произошло это, когда в августе 1861 года его хорошая знакомая, писательница Софья Владимировна Энгельгардт (урожд. Новосильцева; 1828–1894) отправила ему «*на суд*» «целую вязанку стихов», которые оказались переводами из Беранже, выполненными ее старшей сестрой Екатериной Владимировной Новосильцевой (1820–1885),[37] только-только начавшей пробовать свои силы на литературном поприще и под псевдонимом Т. Толычева дебютировавшей в газете «Русская речь» со статьей «Шеридан и его время» (1861. 29 июня — 9 июля. № 52–55).

«Видите, в чем дело, — писала 28 августа 1861 года Фету С. В. Энгельгардт, — сестра моя переводит Béranger, и ей не с кем посоветоваться; в этом случае, вы знаете, трудно выбрать советчика». Сетуя на московскую публику, восхищающуюся «позорными переводами» В. С. Курочкина, выпустившего уже «второе издание»[38] «Песен Беранже», она добавляла: «...те, у которых есть крест на груди, им не восхищаются, но все-таки не могут, как вы, указать на недостатки стихотворения, а только сбивают с толку; каждый скажет свое мнение, и мнения расходятся, потому и нельзя их принять в расчет. Я уверила сестру, что вы будете так добры прочитать ее перевод и скажете *не обинуясь*, что о нем думаете. Ради Бога, прочтите это слово à la lettre, у сестры моей вовсе нет ложного литературного самолюбия. Если вы похвалите перевод, она будет очень рада и займется новыми стихотворениями; если не похвалите, она переправит и, во всяком случае, поблагодарит вас».[39] Решение Е. В. Новосильцевой попробовать свои силы на литературной стезе было отчасти вынужденным и продиктованным финансовыми затруднениями,[40] о чем Энгельгардт с грустью сообщала М. П. Фет 17 августа 1861 года: «Теперь мы принуждены жить в Москве и найдем средство жить, делать нечего. Сестра тоже принялась писать журнальные статьи, и я пишу. Конечно, нелегко думать, что принужден напечатать пло-

[35] Там же. С. 63 (запись от 26 февраля 1906 года).

[36] См. о нем: *Brivois J.* Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger... P. 44.

[37] См. о ней: *Острейковская Н. В.* Творчество Е. В. Новосильцевой в литературно-общественном контексте 1860–1880-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010.

[38] На самом деле в 1859 году вышло уже третье (исправленное и дополненное) издание «Песен Беранже» в переводе Курочкина; первые два вышли в 1858 году.

[39] Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Ч. 1 (1858–1873) / Публ. Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 63–64. A la lettre — буквально (*фр.*).

[40] Намеки на это звучат и в дальнейших письмах к Фету: Там же. С. 67, 99 и др. См. об этом также: *Острейковская Н. В.* Творчество Е. В. Новосильцевой... С. 9–10.

хую повесть потому только, что деньги нужны, — но опять-таки — что же делать!»[41]

К своему письму Энгельгардт приложила записанные рукой сестры французские тексты трех стихотворений Беранже — «Jacques», «Le vieux vagabond» и «Plus de vers» (впервые напечатанное в 1857 году, в изданных посмертно «Dernières chansons»), а также их переводы. Из последних в архиве Фета сохранились лишь два — «Жак» и «Старый бродяга».[42] Кроме того, уцелела копия (рукой Новосильцевой) отправленного с тем же письмом перевода «Le vieux vagabond», выполненного Курочкиным (под заглавием «Старый нищий»).[43] Посылая его вместе с переводами сестры, Энгельгардт эмоционально замечала по этому поводу словами Лермонтова: «Это: „было бы смешно, когда бы не было так грустно“ — второе издание!»[44]

Несколько дней спустя Энгельгардт выслала поэту вдогонку новую редакцию одного из переводов сестры со следующим пояснением: «Я послала вам ошибкой черновое стихотворение, вот оно переправленное, и мне кажется, что оно очень мило. Скажите, как вы находите? И будьте так добры, переправьте, если этот труд вам не надоест».[45] Как говорилось выше, в бумагах поэта имеются всего два перевода из четырех, поэтому можно лишь догадываться, какой текст был послан ему дважды. Предположительно им стал тот самый исчезнувший (или отправленный обратно с правкой) перевод «Plus de vers» («Non, plus de vers, quelqu'amour qui m'anime...») — именно об этом стихотворении Беранже можно сказать, что «оно очень мило». На внесенную вскоре после отправки черновой редакции правку намекает и письмо Новосильцевой к Фету от 23 сентября 1861 года, о котором пойдет речь далее.

Как бы то ни было, ответные письма Фета, касающиеся переводов из Беранже, в настоящее время неизвестны,[46] тем не менее не вызывает сомнения, что он живо откликнулся на просьбу начинающей переводчицы и внес значительную редакторскую правку во все три присланных стихотворения, хотя и с явным неодобрением отнесся к выбору Беранже для перевода. Уже 24 сентября 1861 года Энгельгардт выражала признательность поэту «за отличные и добросовестные переправки»: «Сестра моя хотела сама благодарить вас, милый мой Фет, за ваши замечания и поправки в ее переводах». И тут же запальчиво вступала в спор, откликаясь на не столь восторженную оценку творчества французского песенника, прозвучавшую в письме Фета, равнодушно относившегося к его политическим и сатирическим стихам: «Почему же это вы не поклонник Беранже? Неужели его стихотворения „Jeanne la Rousse“, „Vous vieillerez, o ma belle maîtresse“, „Le pauvre Jacques“[47] не исполнены очаровательной простоты и прелести? И какая личность! К несчастью, так редко случается, что личность поэта или великого писателя соответствует его

---

[41] ИРЛИ. № 20322. Л. 3. Именно это письмо, по-видимому, упоминает Энгельгардт, когда обращается к поэту с просьбой просмотреть переводы сестры из Беранже: «Милый мой Фет, недавно я писала к вашей жене, — а сегодня пишу к вам, да еще обращаюсь с просьбой» (Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. С. 63).

[42] ИРЛИ. № 20298$_1$. Л. 21–24, 26–29 об.

[43] Там же. Л. 25–25 об.

[44] Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. С. 64.

[45] Там же. С. 66 (письмо от 2 сентября 1861 года).

[46] Сохранившиеся письма Фета к Энгельгардт см.: Из переписки Фета с С. В. Энгельгардт (1860–1891) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2020. Вып. 4 (в печати).

[47] Речь идет о стихотворениях «Рыжая Жанна», «La bonne vieille» (в пер. В. Г. Теплякова «Моя старушка» («Придет пора — твой май отзеленеет...»); в пер. В. С. Курочкина «Старушка» («Ты отцветешь, подруга дорогая...»)) и том самом «Жаке» (которого Энгельгардт называет «Бедным Жаком»), переведенном Новосильцевой.

произведениям: вот вас я так и люблю за то, что вы чудесный человек».[48] В последнем рассуждении — о личности Беранже — по всей видимости, нашли отражение и размышления самой Новосильцевой, хорошо знакомой не только с творчеством поэта, но и с вышедшими после его смерти «Моей биографией» (в 1861 году в переводе В. Д. Костомарова она была издана также в Москве) и мемуарами С. Лапуэнта (Paris, 1860). Не случайно свою статью о Беранже, опубликованную годом спустя, Новосильцева начнет словами: «Нет имени, которое пользовалось бы во Франции такою популярностью, как имя Беранже. <...> Как поэт, он принадлежит Франции; как человек, он близок всякому, кто способен откликнуться на слова любви, свободы и братства».[49]

Каков же был вердикт Фета о переводах из Беранже? Об этом отчасти позволяет судить письмо Новосильцевой от 23 сентября 1857 года, которое Энгельгардт, очевидно, приложила к своему ответу от 24 сентября и которое приведем полностью:

«23 сентября.

Так как переводы мои, Афанасий Афанасьевич, за мной право вас поблагодарить и поклониться вашему бесконечному терпению. Я воспользовалась с большой радостью вашими переправками, но вы понимаете, что, если б я имела дерзость подписать моим именем целые строфы, переведенные вами, мне кто-нибудь напомнил бы остроту французского водевиля:

„Mon cher ami, on a donné de grands éloges à ces jolis vers de ma composition que tu as écrit ce matin“.[50]

Я позволила себе только усвоить себе два ваших стиха:

Когда глядя на небо голубое
Мечтал я вслух, а лес глухой чернел,

и успокаиваю свою совесть тем, что до получения еще вашего письма я была поражена глупостью *шумевшего* леса и заменила его именно *чернеющим* лесом, но все-таки эти два стиха ваши, а не мои. Что я могла, то переправила по вашему совету. Вот три куплета из „Жака“:

Жак, я прерву твой сон желанный,
Взимают подать... уж светло...
И сборщик обошел село,
Проснись же, друг мой бесталанный.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут... уж сборщик у двора.

———

На хлеб насущный не хватает.
Хоть мяса съели б мы кусок!

[48] «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 185–186. См. также: ИРЛИ. № 20298_1. Л. 32.

[49] *Талычова Т.* [Новосильцева Е. В.]. Беранже и его переводчик // Отечественные записки. 1862. № 9. Отд. 3. С. 1. Далее ссылки на эту статью даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ сохранился оттиск статьи с правкой Новосильцевой: РГБ. Ф. 743. Карт. 160. № 2.

[50] «Мой дорогой друг, больших похвал удостоились эти прелестные стихи моего сочинения, которые ты сегодня утром написал» (*фр.*).

Всё не по деньгам... труд не в прок,
И соль, — наш сахар, — дорожает.

Сулит ли Ангел в снах безумных
Тебе богатство и покой?
Налог, иным, не вред какой,
Что крыса лишняя в их гумнах.

Народом-дофином вы меня напугали, и я принялась его переделывать, но у меня все вертелся на уме ваш перевод, так что я не могла написать двух слов, и так как я не решаюсь рядиться в павлиньи перья, то предпочла оставить, как они были, мои хромые вирши.

До „Бродяги“ я еще не касалась. Примусь за него после. Уполномочьте меня, пожалуйста, присылать вам вперед мои переводы. Ваши поправки, замечанья и советы мне будут очень полезны, и я вам очень благодарна за них. Эти три песни мой первый опыт, и я брожу ощупью.

„Plus de vers“ было напечатано в песнях Беранже, вышедших в свет после его смерти. Они очень слабы, за исключением пяти-шести, между прочим „Adieu“, которое вы перевели.

Почему вы нашли противоречие в двух первых стихах?

Non, plus de vers, quelqu’amour qui m’anime,
La règle et l’art m’échappent à la fois.[51]

Он глубоко сочувствует искусству, но потерял уже способность выразить свою мысль в поэзии. Это явление, с которым мы встречаемся каждый день. Но, к сожалению, большая часть артистов не умеет остановиться вовремя: они слишком доверяют поэтическому чувству, которое их не покинуло, и не хотят сознаться, что выражение этого чувства уже слабо и вяло. Но Беранже был одарен большим тактом: он ничего не печатал в последние годы своей жизни и умер во всей славе. Его посмертный сборник был принят как замогильный голос, и на него нельзя смотреть как на произведение живого.

Протягиваю вам руку и прошу вас поцеловать за меня Марью Петровну, если она меня не забыла. Хорошо, если б вы собрались к нам зимой.

К. Новосильцова».[52]

Подборка переводов Новосильцевой из Беранже так и не была опубликована.[53] Более того, не бралась она за переводы поэзии на русский и в дальнейшем. Возможно, на решение писательницы не продолжать переводческую деятельность повлияла оценка, прозвучавшая в письмах Фета. Из трех переведенных Новосильцевой стихотворений лишь два увидели свет при ее жизни. Одно из них — «Жак» — было включено ею в состав статьи «Беранже и его переводчик», первая часть которой содержит биографический очерк о поэте, вторая — подробный критический разбор переводов Курочкина, вышедших к тому времени уже четвертым изданием (СПб., 1862).[54]

---

[51] Пер.: «Довольно песен, чувства есть в душе, / Да мастерства и мочи не хватает» (*фр.*). Ср. в пер. Е. В. Новосильцевой: «Не петь уж мне, хоть не остыл душою, / Но дар святой в разладе с стариком».

[52] ИРЛИ. № 20287. Л. 1–2.

[53] Не упомянуты они и в наиболее полной справочной статье С. М. Гучкова: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 355–356.

[54] Подробнее об этой статье см.: *Острейковская Н. В.* Творчество Е. В. Новосильцевой... С. 21–28. Сами переводы Новосильцевой из Беранже, однако, исследовательница обходит стороной.

Видя в Беранже подлинно народного поэта, в руках которого перо «сделалось таким же могучим оружием, как меч в руках полководца», Новосильцева (в первой, биографической части статьи) заключает: «Народ, повторяя его песни, высказывался в них и доходил до сознания своего положения. А между тем и высшие классы общества научились, благодаря Беранже, понимать массы и сочувствовать им» (с. 24). В качестве наиболее яркой иллюстрации она называет «песню Жака», приводя ее текст под строкой в «нашем посильном», как отмечено тут же, переводе. Сличение с французским оригиналом и текстом ранней редакции перевода, посланным Фету и сохранившимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, показывает, что в журнальной публикации опущены три строфы (2-я, 3-я и 4-я), еще три строфы (1-я, 6-я и 7-я по нумерации подлинника) даны в переработанном по замечаниям Фета виде, совпадающем с вариантом из письма Новосильцевой (с незначительными отличиями в пунктуации). Поскольку в полном виде стихотворение не публиковалось, приведем его целиком (курсивом выделены стихи, подвергшиеся правке):

Автограф[55]	**Публикация в «Отечественных записках»**
Жак	Жак
Жак, я должна твой сон тревожить, Пора мой друг, уже светло, Приказный обошел село, И стража с ним… взымают подать.	Жак, я *прерву* твой сон *желанный*. *Взимают подать… уж* светло, *И сборщик* обошел село. *Проснись же, друг мой, бесталанный…*
Мой бедный Жак, вставай, пора, Приказный бродит у двора.	Мой бедный Жак, вставай, пора, *Идут — уж сборщик* у двора!
Взгляни, в окно лучи сияют, Короток сон у бедняка, Добро соседа-старика Давно в казну уж забирают.	
Мой бедный Жак, вставай, пора, Приказный бродит у двора.	
Ни гроша!.. идут!.. ради Бога Проси отсрочку… месяц что ль… Лай близок!.. Ах когда бы король Мог подождать хотя немного!	
Мой бедный Жак, вставай, пора, Приказный бродит у двора.	
Налог нас горьких сокрушает, Старик, ребяты, мы с тобой… А взяться нечем: заступ твой, Да пряжа разве выручает.	
Мой бедный Жак, вставай, пора, Приказный бродит у двора.	
Нам жизни стоили немало Лачужка и клочок земли! Удобрить слезы не могли Где лихоимство пожинало.	Нам жизни стоили немало Лачужка и клочок земли. Удобрить слезы не могли Где лихоимство пожинало.
Мой бедный Жак, вставай, пора, Приказный бродит у двора.	Мой бедный Жак, вставай, пора, *Идут — уж сборщик* у двора!

[55] ИРЛИ. № 20298_1. Л. 28–29.

Работай век, а пользы мало!
Хоть мяса съели б мы кусок!
Все не по деньгам! труд не впрок,
И соль, — наш сахар, — вздорожала.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Вино тебя бы подкрепило,
Да не по силам, — все налог!
Уж не отдать ли мне в залог
Кольцо венчальное мой милый?..

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Сулит ли Ангел в снах безумных
Тебе довольство без труда?
Налог богатым не беда,
Что крыса лишняя в их гумнах!

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Вошел... Ах что с тобой? Мне страшно,
Молчишь и бледен... ты вчера
От боли припадал с утра,
А ты не охаешь напрасно.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Она зовет, но он не встанет
Бедняк! в могиле твой покой!
Пусть добрая душа порой
Вдову бездомную помянет.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

На хлеб насущный не хватает,
Хоть мяса съели б мы кусок.
Все не по деньгам! труд не впрок,
И соль — наш сахар — *дорожает*.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

Вино тебя бы подкрепило,
Да не по силам — все налог!
Уж не отдать ли мне в залог
Кольцо венчальное, мой милый?..

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

Сулит ли ангел в снах безумных
Тебе *богатство и покой*?..
Налог *иным, не вред какой*,
Что крыса лишняя в их гумнах!

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

Вошел... ах, что с тобой?.. мне страшно,
Молчишь и бледен... ты вчера
От боли припадал с утра,
А ты не охаешь напрасно!

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

Она зовет, но он не встанет...
Бедняк! в могиле твой покой!
Пусть добрая душа порой
Вдову бездомную помянет.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

(с. 24–25)

Сложно сказать, по какой причине в «Отечественных записках» без каких-либо оговорок оказались изъятыми сразу три строфы. Возможно, они были признаны неудачными Фетом и потому исключены при публикации самой Новосильцевой. Не исключено, что изъятие следует отнести на счет цензуры. Обращает на себя внимание также заведомо неверная поправка, помещенная в следующем номере журнала и призванная скрыть авторство перевода: «В статье „Беранже и его переводчик“ («Отеч. Записки» № 9), на стр. 24, напечатан перевод „Песни Жака“, по ошибке редакции приписанный автору статьи, г-же Талычевой. Перевод этот принадлежит Т. Н.».[56] Вычеркнуты слова «в нашем посильном переводе» и в сохранившемся оттиске статьи с правкой Новосильцевой,[57] сам же текст стихотворения остался здесь без изменений.

[56] Отечественные записки. 1862. № 10. С. 416.

[57] РГБ. Ф. 743. Карт. 160. № 2. Л. 44 об. Помимо этого, в статье снят ряд эмоциональных высказываний, например: «А у нас есть умники литераторы, которые называют поэзию вздором!»; «Мы пошли гораздо дальше и отвергаем не форму, а сущность поэзии. Перед нами французы — младенцы»; «Чтоб сказать такую фразу, нужно, во-первых, не знать, что такое народный поэт, а во-вторых, не иметь понятия о том, насколько общество XIX века во Франции мало походит на русские нравы» (с. 26, 27, 38 по паг. «Отечественных записок» и др.).

Во второй части статьи, целиком отданной критическому разбору переводов Курочкина, которые названы «мистификацией» (с. 39), Новосильцева намеренно избегает давать собственный поэтический перевод, ограничиваясь исключительно дословным прозаическим. Неоднократно подчеркивая тезис о непереводимости бóльшей части песен Беранже и о невозможности «сохранить, при переводе на другой язык, дух и характер народного певца» (с. 38), она формулирует принципы, которыми должен руководствоваться переводчик: «Перевод вообще вещь трудная. Добросовестный переводчик, понимающий свою задачу, обуздывает собственную фантазию, и личность его не проглядывает в его труде. Он идет шаг за шагом за автором и, из уважения к таланту, с которым хочет ознакомить читателя, не позволяет себе ни малейшего изменения в тексте» (с. 39). Возможно, эти размышления навеяны не дошедшими до нас письмами Фета, чьи представления о сути перевода созвучны высказанным.[58]

Подробно останавливается Новосильцева на выполненном Курочкиным переводе стихотворения «Le vieux vagabond», где Беранже «высказал все, что накипело у него на душе при виде страданий народа и несчастных жертв равнодушного общества». Начиная с неудачной передачи заглавия («Старый нищий» вместо более точного «Старый бродяга»),[59] весь перевод, по ее мнению, «походит на могилу, поглощающую и мысль, и поэзию Беранже» (с. 43). Однако, даже указывая на особо вопиющие строки у Курочкина, Новосильцева ни разу не прибегает к собственному переводу, используя только подстрочник, хотя, судя по приведенному выше письму к Фету, изначально она намеревалась приняться за его переделку. Тем не менее стихотворение так в печати и не появилось.

По-видимому, перевод «Старого бродяги» вызвал наибольшее количество нареканий со стороны строгого редактора — об этом свидетельствует и сохранившийся автограф, испещренный поправками Фета, которые внесены им карандашом и чернилами в каждую октаву, причем для некоторых стихов даны по два варианта. Приведем текст перевода, а также правку Фета:[60]

Перевод Новосильцевой	**Правка Фета**
Старый бродяга	Старый бродяга
Умру я здесь, в глуши оврага… Лишь немощь знал я, да печаль! Прохожий скажет: «пьян бродяга!» Тем лучше: пьян, так и не жаль! Кто взор с презреньем отвращает, Кто бросит грош мне в добрый час, Бегите! пир уж ваш сияет… Старый бродяга умрет и без вас!	Умру я здесь, **на дне** оврага… Бегите! пир *вас ожидает*… *Умрет бродяга старый* и без вас!
Да, здесь от старости умру я, Коль нищетой я не убит, Я думал: сирым кров даруя Меня больница приютит.	 *Хоть даже голод пощадит*, Я думал: *хилым* кров даруя

[58] Ср., например, с высказыванием Фета в письме к Я. П. Полонскому от 23 января 1888 года: «В своих переводах я постоянно смотрю на себя как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, которого я улучшать — ни-ни» (Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1. С. 626).

[59] В последнем прижизненном издании заглавие «Старый нищий» было Курочкиным заменено на «Старый бродяга» (Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. 6-е изд., испр. и значительно доп. Пб., 1874. С. 210).

[60] ИРЛИ. № 20298_1. Л. 23–24. Курсивом отмечена правка, сделанная карандашом, полужирным — чернилами.

Но места нет тебе, убогий, Несчастных много, всюду стон,	*а. Народ так беден и стеснен* / *б.* **Народ несчастьем удручен**
Вскормлен я был среди дороги... Старый бродяга умрет где рожден.	*Умрет бродяга старый* где рожден.
Я мог бы воровать, бедняга, Да легче по миру ходить, Украдкой яблочко, бродяга Лишь рвал, чтоб голод усладить. А двадцать раз меня бросают В тюрьму, — закон гласит свое; Одно лишь было; — отымают!.. Старый бродяга, да солнце мое!	**Сорвал**, чтоб голод усладить. **Я нищ и стар**, **а** солн**ушко** мое!
Просил рабочих, ради Бога В ученье взять меня... «К чему, И так работы уж немного», Сказали мне, — «надень суму». «Трудись» — богатые кричали... Но на соломе спал я их, Мне кости с их пиров бросали...	«Трудись» — **мне** бога**чи** кричали... **Я на соломе вашей спал**, *а.* **Вы мне костей с пиров** бросали... / *б.* **С пиров вы мне костей** бросали...
Проклятья бродяга не кличет на них.	**Бродяга старый вас не проклинал**.
Отчизна есть ли у безродных? Что в ваших славных мне судьбах, Что в ваших нивах плодородных, Что мне в ораторских речах? В столице, выданной руками,[61] Когда враг званный пировал, Глупец! я слезы лил ручьями... Он же бродяге на хлеб подавал.	 **А** он же бродяг**е старцу** хлеб давал.
Как тварей вредных, что меня вы Не раздавили под пятой? Иль не вскормили для труда вы, Для цели общей и святой? Укрытый от ненастной вьюги Стал червячок бы муравьем, Вы были б братья мне и други... Бродяга, — умру я вашим врагом.	 Бродяга *старый* умр*ет* вашим врагом.

Под текстом перевода Новосильцевой Фет чернилами записал свой вариант перевода стихов 37–38, намекающих на вхождение русских войск в Париж, а также первых четырех стихов последней октавы (ст. 41–44):

Когда над падшими стенами
Ваш враг надменный пировал

Что ж вы меня не раздавили
а. Чтоб червь вам не был ко вреду
б. Чтоб не был червь вам ко вреду
Нет! отчего не научили
Меня полезному труду

Эти фрагменты вполне достойны того, чтобы быть включенными в Собрание сочинений поэта, наравне с другими стихотворными переводами,

[61] В Париже выданном руками — *Вариант записан Новосильцевой под строкой.*

извлеченными, например, из перевода книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление».[62]

Что касается третьего перевода Новосильцевой из Беранже («Plus de vers»), то он был опубликован ею за подписью «Т. Толычева» лишь в мартовской книжке журнала «Полярная звезда» за 1881 год (с. 108). Отсутствие автографа не позволяет судить, была ли учтена еще какая-либо правка Фета, помимо стихов 5–6, за которые она благодарила поэта в письме.

Не петь уж мне!..
(Из Беранже)

Не петь уж мне, хоть не остыл душою,
Но дар святой в разладе с стариком,
По пальцам стих размеренный порою
Стройней ростом под школьничьим пером.
Когда, глядя на небо голубое,
Я вслух мечтал, а лес глухой чернел,
Мне прозой эхо вторило лесное,
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

Не хочет Бог! Но ищет зорким оком
Поселянин осеннею порой
В пустых садах, на дереве высоком
Забытый им при сборе плод златой;
Ищу и я, но дерево бессильно,
Под хладом зим уж корень омертвел,
В корзину плод не падает обильно...
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

Не хочет Бог! но слышу благосклонный
К народу глас Он обращает свой:
«Возвысь чело! права твои законны,
И ты венца наследник предо мной!»
Он рек, — я внял. И чуя в сердце радость,
Тогда тебе вещать уж я хотел,
Народ-Дофин, всю милосердья сладость...
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

[62] См.: *Фет А. А.* Соч. и письма. Т. 5. Кн. 2. С. 98–100.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-44-49

© *И. А. КУЗЬМИНА*

О ДАТИРОВКЕ ФОТОПОРТРЕТА А. А. ФЕТА РАБОТЫ М. Б. ТУЛИНОВА

Иконография Фета — тема малоисследованная, что в полной мере касается и фотографических изображений поэта. Одна из проблем заключается в том, что за неимением необходимой информации фотографии датируются весьма приблизительно, иногда и вовсе условно, без всякой связи с конкретными биографическими фактами. Фотографический портрет Фета визитного

формата, выполненный в ателье известного мастера М. Б. Тулинова (1823–1889), обычно относят к 1861–1863 годам, но выявленные источники позволяют дать более точную датировку.

Деятельность Тулинова в качестве самостоятельного фотографа началась в Петербурге, где на Невском проспекте около года существовало его совместное с двумя другими владельцами ателье, затем он купил в Москве фотографическое заведение С. Зимулина. Т. Н. Шипова, автор исключительно ценного исследования о московских фотографах, цитирует рубрику под названием «Московская летопись» из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 15 ноября 1861 года, извещавшую о начале работы Тулинова на новом месте: «На днях открыта в Москве новая фотография г. Тулинова, художника, работающего превосходно и дешево. Читатель знает, что я враг всяких реклам, и следовательно поймет, что если я ему рекомендую г. Тулинова, то именно потому, что он действительно чрезвычайно добросовестно исполняет свою обязанность перед публикой. / Фотография г. Тулинова находится на Кузнецком Мосту в доме Тверского подворья».[1]

В музейной коллекции Пушкинского Дома тулиновский портрет Фета представлен двумя экземплярами. Один из них примечателен тем, что имеет на обороте дарственную надпись, снабженную точной датой:

«Молодому
художнику
Николаю Семеновичу
Мосолову
от заштатного
А. Фет.
28 декабря
1862 года.
Москва».[2]

Штамп на лицевой стороне фирменного бланка: «Фотография Тулинова».

Штамп на обороте: «ФОТОГРАФИЯ ТУЛИНОВА / на Кузнецк. мост. д. Тверск. Подворья / МОСКВА».

Итак, московское ателье Тулинова открылось в 1861 году, примерно в начале ноября, а карточка Фета была надписана в декабре следующего года. Эти факты сами по себе дают основание сузить рамки существующей датировки. И есть убедительные свидетельства родственников поэта относительно того, когда именно он фотографировался. Так, 30 декабря 1862 года Надежда Афанасьевна Борисова писала в Москву брату Фету (в ответ на его письмо, не сохранившееся): «Если портреты твои удадутся — сделай милость, один мне...».[3] М. П. Фет в письме к своему брату, М. П. Боткину, от 21 февраля 1863 года также упоминает фотографию мужа: «Посылаю тебе его карточку, очень похожа, он снял ее нынешней зимой после своей болезни. Свою карточку я не сделала...».[4] Правда, приведенные источники не называют фамилии фотографа, но кажется маловероятным, что Фет снимался тогда не у Тулинова.

---

[1] *Шипова Т. Н.* Московские фотографы. 1839–1930: История московской фотографии. М., 2012. С. 350–351.

[2] ИРЛИ. Инв. 21909. Сообщение об этом снимке содержится в обзоре Е. М. Аксененко: Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010. Вып. 1. С. 515.

[3] ИРЛИ. № 20272. Л. 55 об. См. также: Письма И. П. Борисова и Н. А. Борисовой к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. II: 1862–1865 / Публ. И. А. Кузьминой // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2013. Вып. 2. С. 261.

[4] ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 128. Л. 4.

Начиная с осени 1860 года Феты постоянно жили в Орловской губернии, в собственном имении, однако зимой обычно на несколько месяцев переезжали в Москву и гостили у родственников Марии Петровны. Зима 1862–1863 годов не стала исключением, хотя оказалась трудной. Началась она с несчастья: уже на следующий день после приезда в Москву, 8 ноября 1862 года, Фет повредил себе руку. Как это произошло, подробно описано в письме поэта к В. П. Боткину от 17 ноября и в его воспоминаниях. Феты остановились тогда в усадьбе Боткиных на Маросейке, во флигеле, связанном с большим домом узким переходом полуподвального этажа. Вечером, торопясь к себе по этому переходу, Фет случайно открыл дверь, ведущую на улицу, «и на всем ходу вылетел на мерзлый двор, сильно зашиб голову и свихнул левую руку».[5] Утром следующего дня хирург И. Н. Новацкий наложил на поврежденную руку гипс.[6] В воспоминаниях Фет утверждает, что через три недели от вывиха не осталось и следа,[7] тогда как на самом деле последствия падения давали себя знать гораздо дольше, вдобавок за травмой последовали болезни.

Мария Петровна, перечисляя в своем письме к брату Михаилу многочисленные недуги, мучившие ее мужа в Москве, сообщает более свежие, по сравнению с воспоминаниями Фета, а значит, вероятно, и более точные сведения: «Зимой мы ездили в Москву, т. е. в ноябре поехали 6 чис<ла> и 4 февраля выехали. Ровно пробыли там три месяца. Гостили мы все время на Маросейке во флигеле. Все бы было отлично, все были с нами ужасно милы и любезны; но Фет все время был болен. На другой день нашего приезда Фет, переходя из большого дома во флигель, ошибся дверью и упал с лестницы, расшиб себе левую руку и шесть недель был <с> подвязанной рукой. Страдал он много с этой рукой, потом так страшно стал терять геморройной крови, что с ним стали делаться беспрестанные обмороки, так ослаб от потери крови, что просто беда! Долго не могли ее остановить, однако после разных усиленных лекарств она остановилась. Потом привязалась к нему лихорадка, так что он поехал в деревню едва только поправивший<ся> от всех этих болезней. Фет так переменился, что все говорили одно: „надо ехать Вам за границу“».[8]

Проживавший близ Мценска зять Фета Иван Петрович Борисов, к которому супружеская чета в феврале 1863 года заехала по дороге домой в Степановку, был поражен видом друга. «На первых днях Масленицы неожиданно сам увидал ранним утром, как из-за березняка подвигалась почтовая повозка тройкой, и, рассматривая барахтанье тонувших в снегу пристяжных, по высунувшейся бороде узнал Фета. Но когда занес руки объять его, то испугался — передо мною стояла тень прежнего — восковое, прозрачное, бескровное тело — мутный взгляд»,[9] — писал он впоследствии Тургеневу.

Как видим, Фет прохворал всю зиму, что не помешало ему около 20-х чисел декабря 1862 года посетить относительно недавно открытое, но ставшее уже популярным фотографическое заведение Тулинова. Характерная для того времени мода на «визитные» портреты, которыми было принято обмениваться с друзьями и родственниками, побудила и Фета запастись собственными изображениями. И вопреки всему карточки вышли удачными, мастерство фотографа и небольшой формат фотографии сгладили следы перенесенной болезни.

---

[5] Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благоволиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 325.

[6] *Фет А. А.* Мои воспоминания: [В 2 ч.]. 1848–1889. М., 1890. Ч. 1. С. 358.

[7] Там же.

[8] ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 128. Л. 3–3 об.

[9] <Письма И. С. Тургеневу> И. П. Борисова / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1968. Вып. 4. С. 372.

А теперь перейдем ко второму экземпляру тулиновского портрета из фондов ИРЛИ.[10] От рассмотренного выше он отличается не только отсутствием дарственной надписи, но и фирменным бланком, на обеих сторонах которого отпечатано: «Фотография *художника* (курсив наш. — *И. К.*) Тулинова». Адрес остается прежним: дом Тверского подворья на Кузнецком Мосту.

Прослеживая изменения в оформлении продукции Тулинова, происходившие на протяжении всего периода существования его заведения, Т. Н. Шипова утверждает: «Московские портреты, выполненные Михаилом Тулиновым в 1861–1863 гг., легко определить по текстам на фирменных бланках. Под изображением по полю бланка есть надпись: „Фотография Тулинова“ (возможно и отсутствие текста); на обороте: „Фотография Тулинова. На Кузнецк. мост., д. Тверск. подворья. Москва“».[11]

Заметим, что это описание полностью соответствует фирменному бланку первого экземпляра фотографии (с дарственной надписью).

Далее в монографии Т. Н. Шиповой говорится: «В ноябре 1863 г. М. Б. Тулинов получил аттестат Академии художеств. После уплаты пошлины за содержание ателье обер-полицмейстер выдал „содержателю фотографии свободному художнику Михаилу Борисовичу Тулинову билет № 122“. С получением аттестата мастер приобретал право внести слово „художник“ в вывеску своего заведения и в бланки фотографии. На лицевой стороне бланков 1864 г. под портретом было написано: „Фотография художника Тулинова“, на обороте: „Фотография художника Тулинова на Кузнецк. мост., д. Тверск. подворья. Москва“. Бланки 1864 г., как и бланки предыдущих лет, довольно редки».[12]

А это уже описание бланка второго портрета Фета из фондов ИРЛИ.

Следующее изменение бланка отражает новый этап в деятельности Тулинова. «В течение 1864 г. М. Б. Тулинов был фотографом Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, выполнял задания на территории Московского зоологического сада», за что был пожалован правом помещать на вывеске и фирменных бланках государственный герб.[13] В 1865 году он оборудовал на территории Зоологического сада второе ателье, которое функционировало уже в августе. «С августа (возможно, чуть позже) тулиновские бланки стали издаваться в нескольких вариантах: с изображением государственного герба и с адресами на Кузнецком мосту и в Зоологическом саду».[14]

Приведенные Т. Н. Шиповой сведения позволяют ограничить датировку второго экземпляра 1864–1865 годами, так как на его бланке нет ни адреса филиала в Зоологическом саду, ни герба. Подробно изученная иконография Тургенева знает примеры, когда с давней фотографии делались дополнительные отпечатки, порой даже в другом ателье.[15] Видимо, нечто подобное произошло и в данном случае. Фет считал снимки Тулинова удачными и, когда они были раздарены, не стал фотографироваться заново, а просто заказал еще несколько копий у того же мастера.

Отчасти благодаря дополнительным копиям тулиновская визитка является наиболее распространенной фотографией поэта, в архивных собраниях она встречается чаще других. Еще два снимка, Ф.-Г. Мёбиуса и А. И. Деньера,

---

[10] ИРЛИ. Инв. 23239/26. Опубликован: *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4. Фронтиспис.

[11] *Шипова Т. Н.* Московские фотографы. С. 352.

[12] Там же. С. 353.

[13] Там же. С. 354–355.

[14] Там же. С. 355.

[15] См., например: *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–83). Pinehaven, 1999. P. 13.

хронологически близки к тулиновскому: первый условно датируется 1859–1861 годами (известен парный к нему снимок М. П. Фет), второй, по всей вероятности, относится к 1859 году.[16] Итак, можно с уверенностью говорить о том, что фотография, сделанная в ателье М. Б. Тулинова и имеющая на обороте дарственную надпись «молодому художнику» Н. С. Мосолову, датируется декабрем 1862 года.

В заключение скажем несколько слов о художнике, которому 28 декабря 1862 года Фет подарил свою карточку. Николай Семенович Мосолов (1846–1914) был потомком известных коллекционеров, что предопределило его судьбу. Родовым гнездом дворян Мосоловых с XVIII века было имение Жерновка Каширского уезда Тульской губернии. Дед художника, тоже Николай Семенович, по некоторым данным, участник сражений под Бородином и Малоярославцем, имел в Жерновке небольшое, но ценное собрание картин старых мастеров итальянской, фламандской и голландской школ. У его единственного сына, Семена Николаевича Мосолова (1812–1880), были свои пристрастия в искусстве; обладая значительным состоянием, он всю жизнь пополнял коллекцию офортов Рембрандта. Портреты обоих Мосоловых, написанные О. А. Кипренским (1811) и В. А. Тропининым (1836), хранятся в Третьяковской галерее. Воспитанный в такой среде, Н. С. Мосолов-младший с детских лет рисовал и гравировал, став со временем одним из лучших офортистов XIX века. Гравировал он большей частью работы старых мастеров, отдавая предпочтение Рембрандту, любовь к которому унаследовал от отца. В деле коллекционирования он также пошел по стопам отца, составив уникальное для России собрание гравюр и рисунков Рембрандта и других мастеров голландской школы.[17] Всю свою коллекцию Мосолов завещал Румянцевскому музею (ныне находится в гравюрном кабинете ГМИИ имени А. С. Пушкина).

В конце 1862 года Мосолов был в самом начале своего творческого пути, хотя добился уже первых успехов: за одну из копий с офортов Рембрандта Академия художеств наградила его малой серебряной медалью. О том, когда и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с Фетом, сведений нет. Мы можем лишь предполагать, что это произошло в конце 1850-х годов, когда его отец приобрел у наследников своего дяди, Ф. С. Мосолова, усадьбу на Большой Лубянке и переселился из Тульской губернии в Москву.[18]

---

[16] Снимок Фета работы петербургского фотографа Деньера известен только по литографии П. Ф. Бореля и сделан специально для «Портретной галереи русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей», изданной в 1859–1860 годах А. Э. Мюнстером. В объявлении, помещенном в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1859. 18 дек. № 276. С. 1234), Мюнстер, обещая продолжить начатое дело, сообщает: «Мы уже запаслись достаточным количеством материалов вперед, так что можем указать довольно определенно на содержание будущих тетрадей „Портретной галереи“...». Далее следует длинный список лиц, портреты которых уже находились в распоряжении издателя. Фет в этом списке назван, что дает основание предполагать, что он снимался у Деньера не позднее 1859 года. Портрет Фета вышел в 1860 году в составе 17-й тетради «Портретной галереи» (ценз. разр. 17 августа 1860 года).

[17] См. подробнее: *Шайкевич С. С.* Н. С. Мосолов. Очерк его художественной деятельности, с приложением каталога всех его произведений // Вестник изящных искусств, изданный при Императорской Академии художеств. СПб., 1885. Т. 3. С. 130–139. Следует назвать также мемуары соседки Мосоловых по имению писательницы С. В. Энгельгардт, близко знавшей Н. С. Мосолова-старшего и его сына (*Энгельгардт С. В.* Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. Т. 193. № 11. С. 160–166).

[18] *Романюк С. К.* Сердце Москвы. От Кремля до Белого города. М., 2013. С. 688. О знакомстве Фета с С. Н. Мосоловым свидетельствуют следующие строки из письма В. П. Боткина от 30 ноября 1863 года: «Уведомь меня, сколько примерно весу в ящике с двумя рисунками, который доставлен Щукиным, и где он лежит. Если не представит большого затруднения, — то посмотри эти рисунки и покажи Мосолову» (Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. С. 364).

Что кроется за шуточным эпитетом «заштатный», которым охарактеризовал себя Фет, подписывая собственную фотографию? Несколько лет назад поэт пришел к убеждению, что ему нет больше места в мире профессиональных литераторов. Он купил хутор в степной глуши Орловской губернии и погрузился в сельское хозяйство. Вопреки принятому было решению ничего не писать и не печатать, литературные занятия он полностью не оставил, но поэзия на длительное время перестала быть главным делом его жизни.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-49-55

© *А. Г. ГРОДЕЦКАЯ*

«О СВОИХ СТИХАХ... КАК О ЧЕМ-ТО ПОСТОРОННЕМ»: ПОЭЗИЯ ФЕТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ «РАННИХ ГОДОВ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Прочитав главы «Моих воспоминаний» в журнальной публикации, Я. П. Полонский с недоумением писал автору: «...я был уверен, что я пойму или, лучше сказать, подгляжу, откуда выбился наружу и какими извилинами потек источник твоей лирики? <...> Но... ты <...> знакомишь себя с публикой как улан — или военный. <...> Ты тут просто хороший человек и честный служака, и о своих стихах говоришь ты вскользь, как о чем-то постороннем».[1]

Нельзя не признать справедливости этого замечания. И в «Ранних годах моей жизни», третьей мемуарной книге Фета, в ее «кирасирской» части, мемуарист прежде всего и преимущественно предстает, перефразируя фетовского корреспондента, как кирасир — или военный. Рассказ о трехлетней службе в 1853–1856 годах в лейб-гвардии уланском полку вошел в I–V главы первой части «Моих воспоминаний», в кирасирах Фет прослужил долгие восемь лет, чему посвящена значительная часть «Ранних годов моей жизни» (главы XXXII–LXVII). Из трех мемуарных книг, как отметил А. Е. Тархов, «можно выделить объемистый том, который будет целиком занят историей фетовского „военного поприща“. Эта эпоха сформировала из юного поэта зрелого мужа, оформила весь облик Фета — с тем его парадоксальным сочетанием „практика“ и „поэта“, „рациональности“ и „интуитивности“, которое так изумляло всегда близко знавших его людей».[2] Заслуживает напоминания и свидетельство Н. Н. Страхова, близко знавшего Фета в поздние годы: «...на Афанасии Афанасьевиче до конца были ясно видны два отпечатка: старого помещичьего быта, с его тонкою общительностью и изяществом жизни, и военной службы николаевских времен, с ее строгим пониманием власти и обязанности».[3]

О «кирасирской» части воспоминаний Фета ниже и пойдет речь. В апреле 1845 года, по окончании словесного отделения Московского университета, он поступает вольноопределяющимся в кирасирский Военного Ордена полк, один из армейских (не гвардейских) полков резервной российской кавалерии,

---

[1] *Фет А. А.* Переписка с Я. П. Полонским. 1846–1892 // Лит. наследство. 2008. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 670 (письмо от 14 августа 1888 года).

[2] *Тархов А. Е.* «Музыка груди» (О жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 23.

[3] *Страхов Н. Н.* Литературная критика: Сб. статей. СПб., 2000. С. 418.

имевший «оседлость», согласно официальной терминологии,[4] в Херсонской губернии — в степи, что поэт неоднократно подчеркнет и в тексте мемуаров, и в переписке. Военную службу «вольноопределяющийся действительный студент из иностранцев», как он официально аттестовался, Фет начал в низшем унтер-офицерском чине, рассчитывая, как широко известно, с получением первого офицерского чина приобрести (и вернуть) потомственное дворянство. Зачисление в полк стало рубежом, резко обозначенным в финале университетской части мемуаров: «...связь моя с обычным прошлым расторгнута, <...> я от известного иду к неизвестному».[5] «Обычное прошлое» составил рассказ о детстве, отрочестве и студенчестве — шести годах, прожитых в мезонине дома Григорьевых на Малой Полянке (главы XVIII–XXVII), в семье «добродушного и шутливого по природе» Александра Ивановича Григорьева, отца Аполлона, «человека совершенно беспечного» (3, 149), рассказ о жизни также вполне беспечной в бытовом и человеческом плане и исключительно творчески и интеллектуально насыщенной. «...дом Григорьевых, — вспоминал Фет, — был истинною колыбелью моего умственного я...» (3, 149). В «обычном прошлом» остались увлечение поэзией, широчайшие философско-литературные интересы и горячие споры в студенческом кружке, в который, помимо Фета и Аполлона Григорьева, входили Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский и другие, общение с Боткиным, Герценом, Грановским, посещение литературных салонов и «так называемых интеллигентных домов» (Корши, Глинки, Павловы, Аксаковы, Новосильцовы), московские опера, балет и драма, университетская профессура, знакомая с поэзией Фета и благоволившая ему (С. П. Шевырев, М. П. Погодин, И. И. Давыдов, Д. Л. Крюков, Н. И. Крылов). «Добрейший» Шевырев провожал Фета шампанским «и поздравлял со вступлением в новую жизнь» (3, 237).

Университетские годы были для Фета и временем творческого взлета — «чуть не ежедневных стихотворений» (3, 204), издания «Лирического пантеона» (1840), многочисленных журнальных публикаций. В годы кирасирской службы его муза молчит. Показательно признание мемуариста, уклоняющегося от пояснения причин ее молчания: «Не знаю почему, но в этот период моей жизни моя муза упорно безмолвствовала...» (3, 394). Подобного рода преднамеренное «незнание» или сознательное нежелание комментировать ту или иную ситуацию составляет характерную особенность автобиографической прозы Фета. Неслучайно Б. Я. Бухштаб писал в свое время о его «тайнописи»: «В жизни его было много событий, которые он привык скрывать и замазывать, и центральные факты его личной жизни (происхождение, романы, женитьба, отношения с сестрами и братьями и т. п.) описаны какой-то тайнописью, соединенной с явными измышлениями. Но и те события, в которых скрывать было нечего (как, скажем, поступление в офицеры, отставка, переселение в деревню), описываются лишь внешне правильно; пружины же, двигавшие поступками, неизменно утаиваются».[6] И в данном случае рассуждать о «пружинах», заставлявших безмолвствовать его музу, мемуарист не счел возможным. В тексте мемуаров присутствует ряд суждений, служащих ключом к фетовской «тайнописи» как осознанному повествовательному принципу. Так, признаваясь в своем студенческом увлечении поэзией Гейне, он отме-

---

[4] Хроника Российской Императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. СПб., 1852. Ч. 5. 5 и 6-й пехотные и 1 и 2-й резервные кавалерийские корпуса. С. 330.

[5] *Фет А. А.* Воспоминания. Репринт издания 1890–1893 гг.: [В 3 т.]. М., 1992. Т. 3. С. 237. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[6] *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Бухштаб Б. Я. Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000. С. 191.

чает в качестве его главного достоинства «манеру говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине...» (3, 209). Фет-мемуарист сознательно отказывается от аналитики, прежде всего психологической, не стремясь объяснить ни характеры людей, о которых ведет речь, ни логику их поступков, не делится он с читателем и результатами «принужденного самонаблюдения» (3, 548), особенно важного для него, по его собственному признанию, в годы кирасирской службы. В «Предисловии» ко второй части «Фауста», обращаясь к читателям и рассуждая о необходимости «заменять аналитический прием синтетическим», Фет призывал «идти навстречу нашей мысли, на которую мы можем только намекнуть».[7]

Герой «кирасирской» части мемуаров попадает в «неведомый мир» (3, 263), в степную, провинциальную глушь Херсонской губернии, в жесткую и грубую реальность армейской службы. Живя в первые годы в «стеснении, граничившем с нищетою» (3, 318), остро сознавая «ничтожность» своей «служебной роли» (3, 322), он проходит все испытания социальной зависимости — социальное самоощущение героя воспоминаний составляет в них один из самых драматических мотивов. Унтер-офицерский чин лишал его обладателя «даже возможности передвижения с места на место» (3, 330), и лишь первый обер-офицерский чин (в кавалерии — корнет) позволил покидать расположение полка. Исчерпывающую характеристику «новой жизни» вчерашнего московского студента находим у Г. П. Блока, биографа поэта: «Фет вступает в офицерскую среду, умственно мертвую и нравственно распущенную, резко отличную по своим интересам и обычаям от того передового высокоинтеллигентного круга, в котором Фет вращался в Москве. Офицеры подсмеиваются над мешковатостью Фета, над его недостаточно высоким для кирасира ростом и над его поэзией. Про него сочиняют стишки: Ах ты, Фет, / Не поэт. / А в мешке мякина... / Резко изменяется и сам Фет: из разгульного лентяя-студента он быстро преображается в подтянутого служаку-фронтовика».[8]

Заслужив за годы службы репутацию «усердного и исполнительного» офицера, добросовестного «служаки» (3, 281, 324, 350), Фет в 1849 году получает чин поручика, в 1851-м — штабс-ротмистра (X класс по Табели о рангах), с 1849 и до перехода в 1853 году в гвардию состоит полковым адъютантом. Но по Высочайшему указу от 11 июня 1845 года права потомственного дворянства предоставлялись только по получении первого штаб-офицерского чина, в кавалерии — ротмистра (VIII класс по Табели о рангах). Жизнь, как рассуждает мемуарист в «Моих воспоминаниях», не раз эту мысль в разной форме повторяя, «причудливо уводит нас совершенно не по тем путям, которые мы так усердно прокладывали и расчищали» (2, 329). «Кирасирская» часть воспоминаний завершается признанием: «Когда я сличаю свою нравственную распущенность и лень на школьной и университетской скамьях с принужденным самонаблюдением и выдержкой во время трудной адъютантской службы, то должен сказать, что кирасирский Военного Ордена полк был для меня возбудительною школой» (3, 548). Как отмечал Б. В. Никольский, горячий поклонник поэта, редактор его Полного собрания стихотворений, героические элементы были «безусловно чужды поэзии Фета», но сам он являл «героический пример мужественной и верующей стойкости».[9] «Самые горькие

---

[7] *Фет А. А.* Предисловие и комментарий ко II-й части «Фауста» Гете / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения А. А. Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 72.

[8] *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 292.

[9] *Никольский Б. В.* Основные элементы лирики Фета // Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1901. Т. 1. С. LXIX, LXXIII.

и тяжелые чувства имеют у него бесподобную меру трезвости и самообладания», — свидетельствовал Н. Н. Страхов.[10]

В «Ранних годах моей жизни» Фет-поэт и Фет-корнет, позднее поручик, предстают персонажами в достаточной степени разделенными, как и в сложившемся и укоренившемся в обыденном восприятии «двойном» биографическом образе поэта, «лирика» и «практика». Мемуарист как будто сознательно смещает Фета-поэта и его поэзию из центра на периферию мемуарного повествования. Фет-поэт на страницах мемуаров — эпизодический персонаж, и сюжет «встреч» с ним организован как последовательность эпизодов, в большинстве своем беглых, мимолетных. Однако это именно последовательно выстроенный, композиционно организованный сюжет, имеющий свою внутреннюю драматургию — с завязкой, развитием, кульминацией и драматическим финалом. Характерно, что повествовательная модальность и спектр авторских эмоций в этом внутреннем «поэтическом» сюжете разнообразны и богаты оттенками, от комических, иронических до открыто патетических.

Начальный эпизод в сюжете «встреч» с Фетом-поэтом находим в XXXI главе, в рассказе о прибытии поступившего в кирасиры выпускника Московского университета в штаб кавалерийской дивизии. Первым из встреченных им офицеров был старший дивизионный адъютант ротмистр Малеванный. «— Позвольте вас спросить, — сказал он, обращаясь ко мне, — не родственник ли вам тот Фет, которого имя часто встречается на страницах „Отеч<е-ственных> записок“? / — Это я сам, — отвечал я, — причем Малеванный взглянул на меня с гораздо большим удивлением, чем я глядел на красный лоскут корпусного командира» (3, 266).

Любопытен и эпизод (глава XL), когда во время конного смотра в манеже к стихам Фета проявил интерес «сам Эссен» (т. е. генерал-лейтенант А. А. Эссен, командующий 2-й кирасирской дивизией, в которую входил Орденский полк). «Замечал ли он опытным глазом мое рвение на службе, — поясняет мемуарист, — или по какой-либо другой причине желал оказать мне ласку, но однажды, поздоровавшись с шеренгой, он спросил меня: „Не написали ли вы какую-нибудь новую поэзию?“ (Фраза, очевидно буквально переведенная с французского)» (3, 340).

Нельзя не отметить попутно, что в «кирасирской» части мемуаров с безукоризненной точностью воспроизведены реалии кавалерийской службы — строгая иерархическая система подразделений и формирований (корпус, дивизия, полк, дивизион и т. д.), чинов и званий, знаков отличия, вооружения и обмундирования кирасирских и уланских полков.

Поскольку речь выше шла о сюжетно организованной последовательности эпизодов, стоит также остановиться и на особенностях поэтики фетовских мемуаров, объединенных единством композиционно-структурных и повествовательно-стилевых принципов, выдержанных на всем протяжении текста. В той или иной степени они описаны, хотя едва ли исследованы во всей полноте.[11] Фетовский стиль, в том числе и стиль его публицистики и мемуаристики, что убедительно продемонстрировал в своих работах В. А. Кошелев, «конструировался прежде всего на основе фетовской лирики», вследствие чего и его очерки «не должны были „выделяться“ из его стиля».[12] Не раз отмеча-

---

[10] *Страхов Н. Н.* Литературная критика. С. 426.

[11] См., например: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 342–344, 358–366.

[12] *Кошелев В. А.* Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 163. См. также: *Ауэр А. П.* Взаимодействие стиха и прозы как проявление индивидуального стиля А. А. Фета // Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX — начала XX века. М., 1991. С. 50–58; *Михайлова С. Ю.* А. А. Фет: стихи и проза — единый план (деревенские очерки, критические

лось, к примеру, характерное для Фета-лирика внимание к мигу, к ускользающему мгновению или потоку мгновений, а вместе с тем и к конкретной детали («Культ момента — принципиальная творческая установка Фета...»[13]), то же свойство сохраняет и его автобиографическая проза: в ней внимание мемуариста сосредоточено на эпизоде, на единичном случае, миг в его мемуарах «обретает длительность».[14] В свое время этой особенности лирики Фета выразительное определение дал Н. Н. Страхов, назвавший поэта певцом «быстрых мгновений»: «...он не выбирает предметов, а ловит каждый, часто самый простой случай жизни; он не составляет сложных картин и не развертывает целого ряда мыслей, а останавливается на одной фигуре, на одном повороте чувства».[15] Это наблюдение можно отнести и к лирике Фета, и к его мемуарной прозе. Вторя Страхову, о мгновенных фетовских «аккордах живой жизни» писал и Б. В. Никольский, видевший в элементах поэтики отражение жизненной философии поэта, его убежденности в мгновенности и преходящести жизненных событий и явлений.[16] Фрагментарность, беглость, эскизность описаний[17] составляют важнейший художественный принцип мемуариста, организующий как строение текста, так и его неявные, имплицитные, открыто не декларируемые смыслы.[18]

Следующий этап развития «поэтического» сюжета, далеко не эпизодический и не «мгновенный», — «многозначительное» знакомство мемуариста с четой А. Ф. и А. Л. Бржеских. История отношений Фета с Бржескими как во время его службы, так и по ее окончании достаточно подробно исследована и едва ли нуждается в повторном изложении.[19] Но несомненно, заслуживает цитирования редкое по эмоциональности восклицание мемуариста в XXXV главе: «О мой дорогой, мой лучший друг поэт! могу ли я без умиления вспомнить годы нашей встречи и дружбы? / В наших взаимных отношениях никакое злоречие не могло бы отыскать ничего, кроме взаимной страсти к поэзии, страсти, которая кажется так смешна людям толпы и которая с таким восторгом высказывается там, где она встречает горячее сочувствие» (3, 302).

В очередном эпизоде того же «поэтического» сюжета (глава XXXVIII) бытовое течение армейской жизни нарушается почти сказочно — и эту сказочность повествователь обыгрывает: «на пороге» внезапно возникает неизвестный персонаж, прибывший для встречи с поэтом: «Однажды дверь отворилась, и на пороге явился молодой офицер с быстрыми глазами и орлиным носом.

— Мне сказали, — проговорил он, — что здесь живет юнкер Фет.

— К вашим услугам, — отвечал я.

— Позвольте рекомендоваться, поручик Громека, усердный ваш поклонник; я полковой адъютант полковника Трубникова, который в свою очередь

статьи, воспоминания, переводы, рассказы, лирика) // А. А. Фет и русская литература: Материалы всероссийской науч. конф. «XV Фетовские чтения». Курск; Орел, 2000. С. 37–45, и др.

[13] *Мышьякова Н. М.* Проблемы поэтики А. А. Фета: Учеб. пособие. Оренбург, 2004. С. 69 (ранее: *Мышьякова Н. М.* К вопросу о творческом методе А. Фета // А. А. Фет. Проблемы творческого метода, традиции: Межвузовский сб. науч. трудов. Курск, 1989. С. 18).

[14] *Коковина Н. З.* Поэтика воспоминаний в художественном мире А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества: Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 21.

[15] *Страхов Н. Н.* Литературная критика. С. 425.

[16] *Никольский Б. В.* Основные элементы лирики Фета. С. LXXIX.

[17] См.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. С. 342–344.

[18] О последних см., например: *Фаустов А. А.* Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета // Фаустов А. А. Язык переживания русской литературы. На пути к середине XIX века. Воронеж, 1998. С. 87–113.

[19] См.: *Блок Г. П.* Фет и Бржеская // Начала. 1922. № 2. С. 106–123; *Кузьмина И. А.* Действующие лица «Кактуса» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // Русская литература. 2008. № 2. С. 131–143, и др.

жаждет с вами познакомиться; надеюсь, вы будете так любезны и позволите похитить себя прямо в наш пехотный лагерь.

— Помилуйте, возможно ли это, — отвечал я, — нижним чинам всякая езда запрещена.

— Вы только заявите согласие, и я перенесу вас на ковре-самолете» (3, 323).

Интригу эпизода, мемуаристом никак не отмеченную, составляет то, что поручик, полковой адъютант пехотного (не кавалерийского) полка,[20] — это будущий известный публицист С. С. Громека.[21] Так литература — не названная — вновь напоминает о себе по ходу повествования. Препятствием к встрече поэта с жаждавшим с ним познакомиться полковником служил его чин, и мемуарист поясняет: «— Как! — воскликнул я, — нижний чин, я в солдатском мундире поеду с вами по дороге, кишащей генералами...» (3, 330). Однако нарушающая служебный регламент встреча «кирасирского унтер-офицера, в толстом мундире» с «любезным полковым командиром» чудесным образом состоялась, рассказ о ней помещен в следующей XXXIX главе. И эту же главу заключает еще один эпизод вторжения поэзии в жизнь «нижнего чина». В доме родителей Громеки, будучи приглашен и к ним, он случайно встречает А. И. Подолинского, при этом Громека-сын восклицает: «— Как же вы не знаете Подолинского?! поэта? автора поэмы „Див и пери“?». Далее следует комическая — именно так она изображена мемуаристом — сцена: увидев известного поэта, мадам Громека, «как подрубленное деревцо, навзничь грянулась на пол. Голова несчастной женщины гулко ударилась в половицу». «Не желая быть лишним, — не без иронии заключает повествователь, — я удалился и по сей день не знаю ни причины, ни значения этой сцены». Здесь вновь мы имеем дело с демонстративным авторским «незнанием». Однако комической сцене предшествовал убедительный комментарий: «Люди нашего поколения, не исключая и Тургенева, говорят об особенном чувстве не то изумления, не то уважения, которыми мы наполнялись при встрече воочию с поэтом» (3, 332).

Очередной эпизод в сюжете «встреч» с Фетом-поэтом заключает XLVI главу. «Я был бы весьма непризнателен, — сообщает мемуарист, — если бы не упомянул в числе офицеров, по временам появлявшихся в Елисаветграде, и милого, образованного, начитанного поручика уланского полка Экельна, одного из самых пламенных поклонников моей музы. Свою симпатию к поэту он не только перенес на человека, но умел чувство дружбы ко мне внушить и своей молоденькой жене, миниатюрной блондинке, напоминавшей больную канарейку. Наши отрадные встречи продолжались не более года, так как на другой год Экельны исчезли с нашего горизонта, и он получил место в Петербурге, в Главном штабе.

Гораздо позднее того времени, о котором я здесь говорю, слуга мой сказал, что видел Экельна, и что он теперь уже в штаб-офицерских эполетах. В тот же день Экельн разыскал меня, и мы по старине предались тому, что Пушкин выражает словами:

Поговорим, мой милый,
О Шиллере, о славе, о любви. <...>

[20] О полковнике пехотного принца Карла Прусского полка Я. И. Трубникове см.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 2. С. 602.

[21] В «Моих воспоминаниях» содержится рассказ о встречах Фета с С. С. Громекой летом 1857 года в Москве, здесь же опубликованы два его письма (1, 193, 211, 222, 226).

Судьба привела меня позднее в Петербург, где я несколько дней провел с прелестною четою Экельнов; <...> и это было нашим последним свиданием. Сначала милая канареечка жена его не перенесла петербургского климата, а затем и сам он угас на самом расцвете жизни» (3, 388). Отрадные «мгновения» общения с четой Экельнов в Елисаветграде, как видим, имеют в тексте продолжение и завершение, и это один из редких развернутых во времени и сюжетно завершенных эпизодов, тогда как большинство беглых знакомств сюжетного продолжения не получают.

Венчает развитие «поэтического» сюжета встреча мемуариста в Федоровке, имении Петковичей, с Еленой Лариной (Марией Лазич): «...я скоро изумлен был ее обширным знакомством с моими любимыми поэтами. И между прочим, она первая познакомила меня с поэмой Тургенева „Параша“. <...> Но главным полем сближения послужила нам Жорж Санд с ее очаровательным языком, вдохновенными описаниями природы и совершенно новыми небывалыми отношениями влюбленных» (3, 431).

Еще поразительнее признание мемуариста, следующее за этими откровениями: «Только после некоторого продолжительного знакомства с m-lle Hélène, как я ее называл, я узнал, что она почти с детства любила мои стихотворения. Не подлежало сомнению, что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу» (3, 431–432).

В эпизодах встреч с Фетом-поэтом Елены Лариной полностью вытесненным на периферию повествования оказывается Фет-кирасир. Трагический финал «поэтического» сюжета хорошо известен.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-55-64

© *Н. П. ГЕНЕРАЛОВА*

А. А. ФЕТ О КНИГЕ И КРУГЕ ЧТЕНИЯ (ПИСЬМО К М. М. ЛЕДЕРЛЕ ОТ 25 ИЮНЯ 1891 ГОДА)*

Известный в свое время издатель и книгопродавец (его книжный магазин располагался в доме армянской церкви на Невском проспекте, 42) Михаил Михайлович Ледерле (1857–1908) не входил в число постоянных корреспондентов А. А. Фета. Похоже, их общение было заочным и ограничилось единственным письмом поэта, которое стало ответом на циркулярное послание Ледерле, разосланное им значительному числу писателей, ученых, педагогов и других видных представителей русской интеллигенции в связи с задуманной им книгой. Книга эта вышла в свет уже после кончины Фета, последовавшей 21 ноября 1892 года. Называлась она «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения».[1]

Появлению книги способствовало несколько причин. Во-первых, М. М. Ледерле, который основал в 1889 году собственное издательство, называвшееся просто и непритязательно «Издание М. М. Ледерле и К°», было важно составить как можно более полное представление о потребностях книжного рынка. Во-вторых, его, как человека просвещенного, интересовало мнение о лучших

* За помощь в подготовке данной публикации сердечно благодарю И. А. Кузьмину.

[1] Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб.: Издание М. М. Ледерле и К°, 1895.

книгах для чтения людей, чья репутация в среде интеллигенции была признанной и устойчивой. Их точку зрения Ледерле, по-видимому, собирался использовать и в своей издательской деятельности, носившей прежде всего просветительский характер. Кроме того, как он сам признавался в предисловии к книге, проблема выбора лучших книг для чтения стала актуальной в Европе и в России и была обусловлена «громадным распространением в количественном отношении литературы».[2]

Подготовленная Ледерле книга примечательна во многих отношениях. Издатель действовал с солидным размахом. В предисловии он указал, что 14 мая 1891 года разослал 2000 экземпляров циркулярного письма различным адресатам, и воспроизвел само письмо, которое было отпечатано типографским способом.[3] Как писал Ледерле, «означенный циркуляр был послан по Адрес-календарю 1891 г. всем академикам и корреспондентам Академии наук, всем профессорам 8-ми российских университетов, всем выдающимся ученым, литераторам, художникам, артистам, педагогам и общественным деятелям».[4] Результат подобной рассылки, правда, оказался более чем скромным: на 2000 запросов Ледерле получил лишь 86 «отрицательных и положительных ответов». Поскольку в отрицательных ответах указывалось на недостаток времени, настойчивый издатель дал объявление в газетах о продлении срока с двух месяцев до полутора лет, однако и это не помогло. Не без обиды он был вынужден признать, что большинство потенциальных корреспондентов «просто не пожелали осчастливить меня ответом».[5] Тем не менее издатель решил все же использовать полученные ответы в надежде привлечь к поставленным вопросам «общественное внимание».

Частично Ледерле привел и «отрицательные» ответы, оставляя их, как правило, без комментария. Так, издатель и поэт князь Д. Н. Цертелев писал ему: «Очень рад был бы исполнить ваше желание и ответить на предлагаемые вопросы, но, к сожалению, большая часть их представляется мне неразрешимыми, так как влияние того или другого сочинения главным образом зависит от характера, способностей и настроения читателя. Ввиду этого, по моему мнению, никаких общих выводов из отдельных случаев сделать невозможно».[6] «Отрицательно» ответили на вопросы Ледерле профессор И. И. Янжул, редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич, В. Д. Сиповский, деятельница народного образования Х. Д. Алчевская, С. А. Венгеров, П. А. Гайдебуров и ряд других. «Остальное — молчание» — этой шекспировской фразой охарактеризовал издатель тех, кто не счел нужным откликнуться на его призыв. Таким образом материалы, на основе которых Ледерле составил свою книгу, ограничивались несколькими десятками писем (имена их авторов Ледерле выделил в именном указателе заглавными буквами), среди них оказалось и публикуемое ныне в полном виде письмо Фета. Кроме Фета, из литераторов откликнулись Я. П. Полонский, А. М. Жемчужников, Д. Л. Мордовцев, А. И. Эртель, прислали также свои ответы А. М. Скабичевский, Д. В. Стасов, М. И. Семевский, А. Ф. Кони, Д. А. Коропчевский, профессор математики К. А. Поссе и др.

Особенно огорчил Ледерле отказ Л. Н. Толстого, который писал, что «к великому сожалению» не может исполнить его желания, так как «составить *список*» ему не хочется, «а для того, чтобы вспоминать, подумать мне реши-

[2] Там же. С. IV.
[3] Там же. С. III–VI.
[4] Там же. С. VI.
[5] Там же.
[6] Там же. С. VII.

тельно нет времени!»[7] Печатая этот ответ Толстого, Ледерле не упомянул, что речь шла о письме от 20 июня 1892 года, которому предшествовала переписка и длительное ожидание. Сохранилась собственноручная запись Толстого на конверте циркулярного письма Ледерле от 1 июня 1891 года: «Ответить поучтивее, что список такой есть у Маракуева. Маракуеву написать, что прошу сообщить. А то у Черткова».[8] Эта запись была предназначена старшей дочери Толстого Татьяне Львовне, которая нередко отвечала вместо отца. Письмо Т. Л. Толстой к Ледерле в настоящее время неизвестно, но она, без сомнения, упомянула о списке книг, переданном В. Н. Маракуеву, и написала самому Маракуеву. Проявив завидное упорство, Ледерле раздобыл маракуевский список (он до нас не дошел), но не решился его публиковать без одобрения Толстого. 2 сентября 1891 года он обратился прямо к Т. Л. Толстой, сообщая о получении от Маракуева списка книг, «имевших влияние на нравственный рост Вашего батюшки», и, приложив список к своему письму, по-видимому, просил передать Толстому просьбу просмотреть его еще раз.[9]

На этот раз Толстой сам ответил настойчивому издателю и разъяснил свою позицию. Он признался, что присланный Ледерле маракуевский список является еще не завершенным дополнением к составленному известным английским естествоиспытателем Джоном Леббоком списку ста лучших книг для чтения. Это был тот самый Леббок, на которого в своем циркулярном письме ссылался и Ледерле.[10] Таким образом, идея обратиться к Толстому с просьбой рекомендовать лучшие книги для чтения пришла почти одновременно двум издателям — В. Н. Маракуеву и М. М. Ледерле, однако последний оказался более предприимчивым и воспринял идеи Дж. Леббока более широко. Что касается Толстого, то год спустя он все же составил новый список и выслал его Ледерле, хотя и запретил его печатать. Этот список до нас не дошел, сохранился лишь черновой список «Сочинений, произведших впечатление» на Толстого в разные периоды жизни (с пометами «большое», «очень большое» или «огромное»).[11]

---

[7] Там же. С. VIII–IX. Воспроизводя фрагмент этого письма, Ледерле допустил несколько искажений: вместо «...так как составить *список* мне не хочется...» в письме Толстого было: «Кое-как составить список мне не хочется...»; вместо «...а для того, чтобы вспоминать, подумать мне решительно нет времени!» — «...а для того, чтобы вспомнить, подумать мне решительно нет времени» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 66. С. 229–230).

[8] Там же. Т. 65. С. 337. Упомянутый В. Н. Маракуев в 1882 году основал издательскую фирму «Народная библиотека», отбирая для нее «здоровую и разумную пищу» для широких масс. Близкий Толстому во взглядах на народное просвещение, он, например, считал, что «Анна Каренина» и «Дворянское гнездо» для народа «равняются нулю» (О школьных библиотеках. М., 1884. С. 11. Цит. по: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 875). Да и сам Толстой с начала 1880-х годов был занят делами издательства «Посредник», первые книжки которого стали выходить в 1885 году; в 1889 году обсуждал с единомышленниками издание «народного» журнала («Соратник») и уже задумывался о составлении Круга чтения — замысел, который осуществится лишь к 1906 году.

[9] См.: Там же. Т. 66. С. 69.

[10] Список Леббока был напечатан в лондонском еженедельнике «Pall Mall Budget» в начале 1889 года. Маракуев прислал его Толстому для изменений и дополнений, прося опубликовать его в журнале «Сотрудник». «Но Толстой просмотр и составление этого списка не закончил. Маракуеву пришлось ограничиться напечатанием перевода статьи Леббока „Сто лучших книг“ в журнале „Сотрудник“» (1890. № 1–2. Сентябрь–октябрь. С. 155–164). См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 66. С. 69 (прим. 2).

[11] «Начатый и неоконченный» список был послан Толстым Ледерле «для вашего соображения, но не для печатания, т<ак> к<ак> он еще далеко не полон» (Там же. С. 67). Разумеется, Ледерле выполнил указание писателя. Впервые список был опубликован по черновой копии: Там же. С. 67–68. Толстой разделил названные им сочинения по нескольким возрастным рубрикам: «Детство до 14-ти лет или около того», «С 14-ти лет до 20-ти» и далее — с 20 до 35, с 35 до 50 и с 50 до 63. В возрастной раздел с 14 до 25 он включил «Записки охотника» И. С. Тургенева с пометой «оч. большое», а в следующем отметил стихотворения Фета с пометой: «большое».

К своему первому (циркулярному) письму, отправленному Толстому, Ледерле сделал от руки приписку: «Следует ли уверять вас, горячо любимый Лев Николаевич, что огромное большинство читателей первым делом будет искать в моей книге Ваших указаний».[12] Об этом же он писал, цитируя письмо Толстого в своей книге «Мнения русских людей...»: «*Л. Н. Толстой*, искренно меня опечаливший своим отказом, так как в его ответе я мечтал найти ключ к моим сомнениям <...>», а под строкой добавил: «Я горячо все же убежден, что если моя книга доживет до второго издания, то я буду осчастливлен ответом и Льва Николаевича».[13] Увы, до второго издания книга Ледерле не дожила. Следует, пожалуй, сказать, что в конце книги издатель поместил своеобразный рейтинг авторов, упомянутых более семи раз. Первым оказался А. С. Пушкин (40 упоминаний), вторым — И. С. Тургенев (37), «обогнавший» Шекспира, Лермонтова, Гоголя и Льва Толстого. Фет не был назван ни одним корреспондентом, кроме Л. Н. Толстого, чей список, как уже говорилось, не был опубликован.

Несмотря на то, что основанное М. М. Ледерле издательство имело немало конкурентов, которые ставили схожие просветительские задачи, ему удалось продержаться на книжном рынке довольно долго — почти десять лет. За это время вышло в свет более 300 книг, причем в разных сериях: «Моя библиотека», «Библиотека нашего юношества», «Нашему юношеству рассказы о хороших людях», «Иллюстрированная естественнонаучная библиотека» и др. Читателю из народа была предназначена серия «Сердечное слово», при этом издатель не скрывал морально-нравственной направленности своей деятельности. Особое внимание уделял Ледерле книгам для детей, он и сам писал детские рассказы. Среди выпущенных книг было немало переводных.[14]

Обратимся к упомянутому циркулярному письму Ледерле, экземпляры которого сохранились в различных архивах, в том числе в архиве известного филолога-классика И. В. Помяловского, незадолго до того, в 1890 году, избранного членом-корреспондентом Императорской Академии наук.[15] Приведем циркулярное письмо Ледерле по экземпляру из архива И. В. Помяловского:

«*Милостивый государь*
Иван Васильевич,

Несомненно, что разумный выбор чтения, с первых лет развития человека, составляет самое могущественное и верное средство в смысле образовательно-воспитательном и в смысле нравственной и умственной связи с интересами своей родины и всего человечества.

Такое признанное всем образованным миром чтение, ввиду громадного распространения в количественном отношении литературы, не раз побуждало многие величайшие умы указывать те или другие лучшие книги по разным отраслям знания, которые могли бы способствовать образовательно-нравственным целям.

---

[12] Цит. по: Там же. С. 69.

[13] Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. С. VIII, IX.

[14] Подробнее о М. М. Ледерле и его издательстве, с приложением списка выпущенных им книг, см.: *Ильина О. Н.* Михаил Михайлович Ледерле — издатель и книготорговец. Редкие книги: Виртуальные выставки РНБ. http://expositions.nlr.ru/ex_rare/lederle/; дата обращения: 01.06.2020.

[15] И. В. Помяловский (1845–1906), к тому моменту ординарный профессор по кафедре классической филологии, затем декан историко-филологического факультета и одно время ректор Санкт-Петербургского университета, член Ученого комитета Министерства народного просвещения, многих русских и иностранных ученых обществ. Не лишним будет отметить, что благодаря высокой оценке Помяловским переведенного Фетом Горация в 1884 году поэт был удостоен полной Пушкинской премии.

В числе таких указаний наиболее известен примерный выбор лучших книг для чтения, сделанный одним из знаменитейших ученых и величайших умов нынешнего века, Джоном Леббоком, автором вышедшей у нас разом в 2-х переводах книги „Радости жизни“, выдержавшей в Англии, в 3 года, 20 изданий.[16] Пример Леббока вызвал в Германии книгу: „Die besten Bücher aller Zeiten und Literaturen“,[17] изданную при участии лучших сил германской интеллигенции, а во Франции целый ряд списков лучших книг, помещенных в журналах представителями литературы и политическими деятелями.

Вышеназванная книга и списки были встречены весьма сочувственно прессой и читающей публикой, представляя из себя свод всех тех мнений относительно выбора чтения, которые были получены путем обращения к наиболее выдающимся ученым, литераторам, художникам, педагогам, политическим деятелям и др.

Если потребность в разумном выборе чтения сознается в образованных странах мира: Англии, Франции и Германии, то тем более подобный примерный выбор, хотя бы пока и далеко не совершенный, важен у нас в России — у нас, где читают, пожалуй (особенно в провинции), и довольно много, но крайне беспорядочно и непроизводительно, причем крайне плохие произведения по разным отраслям знания, не говоря уже о литературе художественной, не только не служат делу образования, но даже способствуют распространению самых нелепых понятий. Особенно по отношению к выбору чтения находится в печальном положении наша молодежь, не имеющая с этой стороны никакого руководства и указания и часто, по случайно попавшей в руку книжке, поверхностной и узкотенденциозной, составляющая понятие о серьезнейших научных и социальных вопросах.

Ввиду всех этих соображений предполагается, по примеру Франции и Германии, издать и у нас подобный же, по возможности краткий, свод мнений о выборе чтения, сделанный выдающимися людьми нашей родины.

---

[16] Книга Дж. Леббока «Радости жизни» («The Pleasures of Life») была чрезвычайно популярна в Англии и многократно переиздавалась. Перевод ее (М. Ловцовой), вышедший в Петербурге в 1890 году под заглавием «Успехи и радости жизни» (Издание книгопродавца В. И. Губинского) с предисловием А. Михайлова, был сделан с четырнадцатого английского издания. В другом переводе (В. А. Габблер) и с предисловием автора, написанным специально для русского издания, книга Леббока появилась в двух частях в том же 1890 году в журнале «Пантеон литературы». Этот перевод был выполнен с восемнадцатого английского издания. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась. Как писал в предисловии к книге А. Михайлов, «имя сэра Джона Леббока, известного последователя Чарльза Дарвина и автора таких переведенных на все европейские языки сочинений, как „Начала цивилизации“, „Доисторические времена“, „Происхождение и превращения насекомых“, конечно, не нуждается ни в каких рекомендациях даже у нас в России, так как это имя хорошо знакомо и нашей читающей публике» (С. 5).

[17] Очевидно, Ледерле имел в виду книгу под таким названием («Лучшие книги всех времен и литератур»), изданную в Берлине в 1889 году в издательстве «Pfeilstücker» (на титуле: 1890). В книге имелось два подзаголовка: «Ein deutsches Gegenstück zu den englischen Listen der 100 besten Bücher» («Немецкий эквивалент английских списков 100 лучших книг») и «Eine Sammlung von ähnlichen deutschen Listen und von Äußerungen lebender deutscher Schriftsteller u.s.w. über die bevorzugtesten Bücher ihrer eigenen Neigung zur Beratung des lesenden Publikums zusammengestellt» («Собрание аналогичных немецких списков и мнений современных немецких писателей и т. д. об излюбленных книгах по их собственным предпочтениям, составленное для рекомендации читающей публике»). В ней собраны 35 более или менее полных ответов писателей и других известных людей, имеющих отношение к книжному делу (Ю. Роденберг, Т. Фонтане, М. фон Эбнер-Эшенбах и др.). Как отмечалось в предисловии, изданию способствовало появление английского списка, впервые опубликованного в газете «Times» в 1887 году, где немецкая литература была представлена всего тремя позициями: «Песнь о Нибелунгах», «Фауст» и «Вильгельм Мейстер» Гёте и Гейне. Подобное «трехпроцентное распределение немецкого духа» по сокровищам мировой литературы составители посчитали необъективным и «по-английски односторонне окрашенным» (*Estermann A.* «Die besten Bücher...»: Vorgeschichte und Programm // Archiv für Geschichte des Buchwesens / Hrsg. von der Historischen Kommission des Börsenvereins des Deutschen Buchhandels e. V. Frankfurt a/Main, 1988. S. 261).

С целью создания первого в России подобного сборника, я, в качестве издателя, осмеливаюсь обратиться к вам, *милостивый государь*, с покорнейшей просьбою не отказать сообщить письменно, по указанному ниже адресу, по возможности в продолжении 2-х месяцев от нижеписанного числа: 1) Список тех книг, как художественных, так и по всем отраслям знания, которые в вашей жизни, от самых юных лет, произвели на вас наиболее сильное впечатление и, по вашему мнению, способствовали вашему нравственному и умственному развитию; 2) Список тех книг, с которыми считаете вы необходимым познакомить молодежь и читающую публику. Примите и проч.

Искренне Вас уважающий
М. Ледерле,
член Совета С.-Пб. Комитета грамотности».[18]

Полученные ответы Ледерле распределил по шести рубрикам: 1) Воспитательное значение книги; 2) Выбор чтения. Руководители и их значение. Самостоятельное чтение. Полезное и вредное влияние его; 3) Книги, оказавшие сильное впечатление или имевшие наиболее определенное влияние на развитие; 4) Общие начала чтения, способствующие умственному и нравственному развитию; 5) Руководящие книги духовного, литературного и научного содержания; 6) Общие заключения, какие могут быть выведены из предшествующих мнений. Не воспроизводя ответы своих корреспондентов целиком, Ледерле ограничился цитатами из писем.

Мнение Фета было помещено издателем в четвертую рубрику, однако представлено оно было лишь частично и далеко не отражало полного содержания письма. Кроме того, в приведенной цитате была сделана незначительная стилистическая правка, а также не замечены некоторые опечатки, в том числе одна существенная: пропущена частица «не», что отмечено ниже.

В использованной цитате мало что могло показаться новым тогдашнему читателю: Фет был известным приверженцем классического образования и неоднократно заявлял об этом.[19] Более того, он был одним из самых плодовитых переводчиков классических текстов, начиная с од Горация и заканчивая поэмой Лукреция «О природе вещей», перевод которой остался незавершенным.[20] По существу, переводы Фета составили целую библиотеку

[18] РНБ. Ф. 608 (архив И. В. Помяловского). Оп. 1. № 939. Л. 1–1 об. Текст отпечатан типографским способом, слова, выделенные курсивом, вписаны от руки. Подчеркнутые слова в оригинале набраны курсивом.

[19] Наиболее полно Фет изложил свои взгляды в статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (впервые: Литературная библиотека. 1867. Т. 5. Кн. 7/8. Апрель (кн. 1 и 2). С. 48–69). См. также: *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2006. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. С. 274–307. Одной из последних публикаций на эту тему была статья Фета «К вопросу о нашем образовании» (Московские ведомости. 1890. 28 фев. № 58. С. 2).

[20] Начиная с «Од» Горация, изданных в 1856 году отдельным сборником с помощью И. С. Тургенева, Фет подготовил в 1883 году полный перевод одного из любимейших своих римских поэтов: К. Гораций Флакк / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1883. В 1884 году Академией наук ему была присуждена за этот труд полная Пушкинская премия, перевод был также рекомендован Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве учебного пособия для гимназий (см.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 49. Л. 836–837). Вслед за Горацием последовали: Д. Юния Ювенала Сатиры / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1885; Стихотворения Катулла / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Тибулла / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1887; Энеида Вергилия / Пер. А. Фета, со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного проф. Имп. Казанского ун-та. М., 1888. Ч. 1–2; Элегии Секста Проперция / Пер. А. А. Фета. СПб., 1888; Сатиры Персия / В пер. А. Фета. СПб., 1889; М. В. Марциала Эпиграммы / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1–2; Тита Макция Плавта Горшок / Пер. А. А. Фета. М., 1891; Скорби Овидия (Tristia) / Пер. А. Фета. М., 1893. Незавершенным, как упоминалось, оказался

древнеримских поэтов, причем все изданные им книги были снабжены предисловиями и комментариями. И это было не прихотью, а сознательно поставленной и практически осуществленной задачей: Фет был уверен, что русский читатель должен иметь переводы классических текстов. С полным правом он мог сказать в 1888 году: «...без моих трудов Россия до сих пор была бы без стихотворных переводов римских поэтов».[21]

Столь же сознательной целью руководствовался Фет, выполнив единственный в свое время полный перевод обеих частей «Фауста» Гёте, причем вторая часть была также снабжена предисловием и комментариями.[22] Не случайно именно «Фауста» назвал Фет в письме к Ледерле в качестве произведения, по которому он «учился задумываться над мировыми вопросами».

«„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда, — писал Фет своей приятельнице и многолетней корреспондентке С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 года. — Это вершина всего Гёте...».[23] Предисловие к переводу второй части «Фауста» вылилось под пером Фета в настоящий философско-эстетический трактат, в котором он не только вступил в спор с теми, кто отрицал значение второй части в сравнении с первой (как, например, Тургенев), но и возражал против трактовки искусства такими авторитетами, как Гегель, а на русской почве — Белинский, Чернышевский и другие представители «реальной» критики. Недвусмысленно высказался Фет в Предисловии к переводу «Фауста» по поводу нравоучительных народных рассказов Толстого, взяв в качестве примера рассказ «Чем люди живы» (1881) и показав, каким образом привнесенная идея исказила смысл написанного даже таким талантом, каким был Лев Толстой.[24]

Совсем не случайно с самого начала своего ответа на циркуляр Ледерле Фет переводит разговор в более общий план, как бы уходя от конкретных ответов и не перечисляя книг, которые должен прочитать человек, желающий назвать себя образованным.[25] Противопоставляя «беспредельную лестницу» образования его первой ступени — грамотности, распространением которой были озабочены передовые умы, Фет возвращается к спору, начатому

перевод поэмы Лукреция (см.: *Лукреций.* О природе вещей / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3. С. 264–339). Отметим, что все переводы, вышедшие отдельными книгами, как и все четыре выпуска «Вечерних огней», Фет издавал за свой счет.

[21] *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступ. статья А. Е. Тархова; сост. и прим. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 405 (письмо к графу А. В. Олсуфьеву от 7 июля 1888 года).

[22] Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 1 / Пер. А. Фета. М., 1882; Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 2 / Пер., предисловие и прим. А. Фета. М., 1883. Первая часть была посвящена племяннику Фета П. И. Борисову, вторая — вдове А. К. Толстого графине С. А. Толстой.

[23] *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. С. 388–389. Более подробно о трактовке Фетом «Фауста» см.: *Генералова Н. П.* Оправдание человека: К трактовке финала «Фауста» Гете (И. С. Тургенев и А. А. Фет) // Русская литература. 1999. № 3. С. 42–57.

[24] Продолжая полемику с Л. Н. Толстым, увлеченным в это время религиозными исканиями, Фет писал: «Таким образом, головная сентенция осталась сентенцией, а художественная правда не только не дозволила автору оправдывать сентенцию рассказом, но и привела его к очевидному утверждению противуположного. Поневоле вспомнишь мудрый совет Козьмы Пруткова: „Когда в зоологическом саду на клетке носорога прочтешь надпись: буйвол — не верь глазам своим“» (см.: Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 2. С. XXXVI).

[25] Предложенный Ледерле принцип опроса в виде составления списков книг вызвал критику у рецензента «Вестника Европы» (возможно, им был сам редактор журнала М. М. Стасюлевич), который писал от лица тех, кто отказался высказаться: «В самом деле, что означал бы список книг, производивших сильное впечатление „от самых юных лет“ на того или другого из вызванных лиц? Может быть, что такое сведение доставило бы анекдотическую черту для их биографии, но едва ли послужило бы для общего вопроса <...>». Отмечал рецензент и неясность по поводу того, для кого собственно предназначались эти списки (Вестник Европы. 1895. № 10. С. 834).

в 1856 году публикацией письма В. И. Даля к А. И. Кошелеву, в котором утверждалось, что «грамота сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит».[26] Откликаясь на полемику, возникшую по этому вопросу, Фет еще в 1863 году писал в очерке «Из деревни»: «Кого же было бы всего желательнее видеть теперь народным воспитателем? Бесспорно, священника, пока не явятся специальные педагоги, воспитанные в духе христианского смирения и любви».[27] И там же: «Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато *любовь* — исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир. Излишне говорить, что вера, надежда и любовь свойственны душе человека. Христианство и не могло бы быть таким могучим двигателем, опираясь на несуществующее. И важна не та любовь, которая, как связующее начало, разлита во всей природе, а то духовное начало, которое составляет исключительный дар христианского воспитания».[28] Вот какие мысли скрывались за утверждением Фета в письме к Ледерле, что «надо бы в течение 30 лет со дня освобождения масс заботиться хотя бы о сохранении того нравственного и материального благосостояния, которым они пользовались при прежнем порядке». Характерно, что, обращаясь к члену Совета Санкт-Петербургского Комитета грамотности, образованного в 1861 году и с первых дней своего существования озабоченного составлением каталога книг для народного чтения, устройством школ и сельских библиотек, Фет прямо ставит под сомнение результаты этих усилий.

К проводимым в России реформам во всех областях жизни Фет скептически относился и ранее в целом ряде ярких публицистических выступлений. Особенно откровенно он делился своими мыслями с видным деятелем реформы Н. П. Семеновым.[29] Как видно из публикуемого письма, мнение Фета мало изменилось пять лет спустя. Не случайно в конце поэт извиняется перед издателем: «...отвечать Вам против своего убеждения я считал недобросовестным, а молчать — невежливым». Тем не менее Фет предпочел высказаться.

«А. А. Фет — М. М. Ледерле[30]
25 июня 1891 года. Воробьевка

Моск.-Курск. ж. д.
Ст. Коренная Пустынь
$18\,\frac{25}{\text{VI}}\,91.$

Милостивый государь Михаил Михайлович,

Полученное мною вчера циркулярное приглашение Ваше поставило меня в крайнее затруднение касательно посильного ответа. Полагаю, что чистосер-

[26] Русская беседа. 1856. Т. 3. Смесь. С. 3.
[27] См.: *Фет А. А.* Соч. и письма. Т. 4. С. 252.
[28] Там же. С. 244.
[29] См. об этом: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // Афанасий Фет и русская литература. XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 66–90. См. также: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884–1892) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 3. С. 558–690.
[30] Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 426 (Архив М. М. Ледерле). № 57. Л. 1–2 об. Записано рукой секретаря Фета Е. В. Федоровой, последняя фраза и подпись рукой Фета.

дечное изложение моего мнения вкратце будет наилучшим выражением признательности за сделанную мне честь. Смущают меня понятия с одной стороны грамотности, а с другой образования, из которых первое представляет только самую низшую ступень беспредельной лестницы второго. Так как первое относится ко всей массе народонаселения, то не могу умолчать, что, придерживаясь изречения „primum edere, deinde philosophari“,[31] считаю, что надо бы в течение 30 лет со дня освобождения масс заботиться хотя бы о сохранении того нравственного и материального благосостояния, которым они пользовались при прежнем порядке, тем более что сама реформа нашла название: улучшение быта крестьян. Между тем мы сделали все, чтобы внести в народные массы полное неуважение к законному порядку и нравственности: воспользоваться самыми низкими народными инстинктами для близоруких фискальных целей.

Итак, главное, на чем зиждется искомое благо народа, болезненно надломлено, причем упущено из виду, что человек, поднявшийся в материальном отношении над уровнем других, тем самым вынуждается к грамотности и тому роду образования, в котором чует ближайшее нравственное благо. Можно допустить предложение со стороны интеллигенции народу умственной пищи на тех же экономических основаниях, на каких в городах предлагается рядом с черным хлебом и белый, но навязывать бедняку, который не в состоянии купить и черного хлеба, во что бы то ни стало белый, хотя и гибельно в экономическом отношении, но далеко не настолько, насколько вредоносно искусственное распространение грамотности, тем более в видах проводника так называемых последних слов науки. Что касается до составления сборников для наилучшего образования, то, не имея под руками иностранных, указанных в Вашем циркуляре, я не в силах составить себе никакого понятия, для какого круга читателей это предназначается. Нельзя же в самом деле серьезно говорить о последних словах науки. Наука по своей бесконечности последних слов иметь не может, и нередко вчерашнее последнее слово оказывается сегодня решительным вздором. Почти то же можно сказать и об искусстве. Но[32] если бы, оттеняя несколько предложенный Вами вопрос, меня спросили: что надо делать для того, чтобы помочь данному юноше питаться здоровою умственною пищей, то я, не обинуясь, сказал бы, что прежде всего надо укрепить, обработать его умственный желудок, подобно тому, как Митридат это сделал со своим физическим, ибо известно, что в ослабленном желудке какая-либо горошина или косточка может быть гибельной. А так как все наше образование преемственно от древнеклассического мира, в котором таятся бессмертные семена всего современного умственного богатства, то и следует укрепить нашу мысль умственною гимнастикою над древним мировоззрением и затем уже читать. Вы спросите: что? Таким образом пришлось бы над прочным фундаментом древности возводить новую библиотеку. Если мы при выборе для нее книг ограничимся личным вкусом того или другого, то и тут выбор, даже при полной рутинности, не может не[33] быть затруднителен. Указывая на Данта, Сервантеса, Шекспира, Байрона, Гёте, какое право будем мы иметь не указать на Бэкона, Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Шопенгауэра, на целый ряд английских и даже французских философов?

---

[31] «Сначала пища, потом философия» (*лат.*). В подлиннике ошибочно: deinde philosofarit, что следует отнести на счет Е. В. Федоровой.

[32] Далее со слов «если бы меня спросили» до слов «то, конечно, скорее над „Фаустом“, чем над нашими поэтами» текст письма воспроизведен в книге «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» (с. 113–114).

[33] В книге «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» вместо «не может не быть» напечатано: «не может быть» (с. 114).

Не следует, однако, забывать, что мы имеем в виду помочь наилучшему образованию человека, а затем спросим: заслуживает ли названия образованного человека не читавший, не говорю французских трагиков и комиков и лириков вроде Гюго, а только Парни и Беранже? Пусть человек с умственно укрепленным желудком читает все, насколько он может захватить. Его желудок изо всего извлечет питательные соки, и его не смутит „тайный яд страницы знойной“, по выражению Лермонтова. Положим, что я в свою очередь умею восхищаться произведениями Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Тургенева и Толстого, но если меня спросят, где я учился задумываться над мировыми вопросами, то, конечно, скорее над „Фаустом“, чем над нашими поэтами. Повторяю, — отвечать Вам против своего убеждения я считал недобросовестным, а молчать — невежливым.

Прошу принять уверение в совершенном уважении, с каким имею честь быть

Ваши<м> вс<е>покорнейшим

А. Шеншин<ым>».

Если сопоставить ответ Фета с другими, то придется признать, что по существу Ледерле должен был отнести его к числу «отрицательных», а не «положительных». Издатель предпочел опустить важнейшую часть письма Фета, сняв тем самым вопрос. Восстанавливая полный текст этого открытого письма, следует подчеркнуть его полемическую направленность и причислить его к одному из последних публицистических выступлений Фета.

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БЛОКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-65-81

© *А. Л. ТОПОРКОВ*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СТИЛИЗАЦИИ И. П. САХАРОВА В СТАТЬЕ А. А. БЛОКА «ПОЭЗИЯ ЗАГОВОРОВ И ЗАКЛИНАНИЙ»*

Статья «Поэзия заговоров и заклинаний» была написана Блоком осенью 1906 года для первого тома «Истории русской литературы», посвященного народной словесности.[1] Блок работал над статьей в период между 5 сентября и 29 ноября 1906 года.[2]

К. А. Кумпан посвятила источникам «Поэзии заговоров и заклинаний» специальное исследование,[3] однако она не ставила перед собой задачи выявить всю их совокупность и тем более охарактеризовать в фольклористическом отношении. Ценные замечания о «Поэзии заговоров и заклинаний» встречаются также в работах Э. В. Померанцевой и Г. А. Левинтона.[4] Отдельные источники, которыми пользовался Блок, указаны в примечаниях к статье в 8-томном Собрании сочинений поэта.[5]

Большинство заговоров, которые приводятся в статье Блока, заимствованы им из изданий Л. Н. Майкова (1869), П. С. Ефименко (1878) и других публикаторов русского, украинского и белорусского фольклора. В то же время наряду с подлинными заговорами Блок использовал и литературные стилизации, восходящие к «Сказаниям русского народа о семейной жизни своих предков» (далее — «Сказания») Ивана Петровича Сахарова (1807–1863).[6] К сожалению, никто из комментаторов и исследователей «Поэзии заговоров и заклинаний» до сих пор не отмечал того, что среди заговоров, цитируемых Блоком, имеются не только аутентичные тексты, но и фальсификаты.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00603. Приношу искреннюю благодарность Н. Ю. Грякаловой, А. Б. Ипполитовой, Д. М. Магомедовой, А. А. Панченко и С. В. Федотовой за ценные замечания, учтенные мною при работе над статьей.

[1] *Блок А.* Поэзия заговоров и заклинаний // История русской литературы: В 2 т. / Под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовского. М., 1908. Т. 1. Народная поэзия / Под ред. Е. В. Аничкова. С. 81–106.

[2] *Кумпан К. А.* О датировке статьи Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» // Вопросы литературы. 1983. № 12. С. 270–273.

[3] *Кумпан К. А.* Заметки об источниках «Поэзии заговоров и заклинаний» // Мир А. Блока: Блоковский сборник V. Тарту, 1985. С. 33–45 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 657).

[4] *Померанцева Э. В.* Блок и фольклор // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 203–224 (то же: *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники. М., 1988. С. 44–87); *Левинтон Г. А.* Заметки о фольклоризме Блока // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 171–185.

[5] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 36–65, 715–717.

[6] Биографию Сахарова и основную литературу вопроса см.: *Топорков А. Л.* Сахаров Иван Петрович // Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2019. Т. 4. П — Софронов А. В. С. 634–644.

Имя Сахарова фигурирует в «Поэзии заговоров и заклинаний» дважды — в начале статьи и в библиографическом списке. Интересно, что оно упоминается в тексте первым, что придает ему особую значимость. Блок пишет о том, что горожанину начала XX века заговоры представляются проявлением невежества, а в прошлом так на них смотрела и наука: «Современному уму всякое заклинание должно казаться порождением народной темноты; во всех своих частях оно для него нелепо и странно. Так некогда относилась к нему и наука, Сахаров излагал заговоры отчасти с нравоучительной целью — чтобы остеречь от обмана...» (л. 2).[7]

Действительно, Сахаров неоднократно предостерегал своих читателей, например: «Русское „Знахарство“ излагает *отъявленные обманы знахарей*, но которые, по непонятному стечению обстоятельств, принимаются в простом народе за спасительные действия. <...> С истинным желанием добра простодушным людям, излагаем здесь *обманы знахарей*, бродящих из одного селения в другое и живущих на счет ближнего».[8] Более того, Сахаров призывал к истреблению тех суеверий, которые он описывал: «Обнародывая это зло *с истинным желанием его уничтожения*, мы уверены, что сострадательные сердца обратят все свое *старание к его искоренению*».[9]

К. А. Кумпан отмечала, что «Блок в начале статьи ссылается на эту книгу Сахарова, но почти ею не пользуется, цитируя тексты заговоров по забылинским пересказам, повторяя его неточности и купюры».[10] Утверждение исследовательницы, что Блок цитировал заговоры Сахарова по их перепечаткам в книге М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (1880), как мы убедимся далее, вполне справедливо и, тем не менее, требует уточнения. Дело в том, что в книге Забылина заговоры Сахарова не пересказываются, а перепечатываются полностью с незначительными изменениями в пунктуации и написании заглавных букв, а также с отдельными лексическими заменами.

Сахаров уверял, что приводит тексты точно в таком виде, в каком они обращаются «в устах народных, без перемены понятий и слов»,[11] однако современники высказывали сомнения в достоверности этих материалов. В частности, одним из первых об издании «Песен русского народа» критически отозвался Аполлон Григорьев,[12] мнения которого Блок высоко ценил. Подробный анализ фальсификаций Сахарова имеется в работах А. Н. Пыпина,[13] но именно сахаровские заговоры не вызвали у ученого сомнений: «...под рубрикой „сказаний о кудесничестве“ сообщается очень любопытная и ценная коллекция заговоров (числом 64), собранных самим Сахаровым и полученных от других лиц».[14]

Профессор И. А. Шляпкин в лекциях по истории русской литературы, которые Блок слушал в университете, отмечал: «В 20-х и 40-х годах прошлого века появился целый ряд работ, относящихся к русской народной поэзии. Са-

---

[7] Здесь и далее статья Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» цитируется в тексте сокращенно, с указанием номера листа по наборной рукописи, сохранившейся в архиве поэта (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 179).

[8] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. П. Сахаровым: В 2 т. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 17. Здесь и далее курсив в цитатах мой. — *А. Т.*

[9] Там же. С. 42.

[10] *Кумпан К. А.* Заметки об источниках... С. 41, прим. 35.

[11] Сказания... Т. 1. Кн. 2. С. 16.

[12] *Григорьев А. А.* Русские народные песни: Критический опыт // Москвитянин. 1854. № 15. Критика и библиография. С. 93–142.

[13] *Пыпин А. Н.* 1) История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 276–313; 2) Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. С. 24–30.

[14] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 1. С. 299.

харов выступил со своей книгой „Сказания русского народа“. Но труд этот не имеет научного значения и представляет из себя путаницу материала и взглядов благодаря тому, что автор и сам не знал хорошенько, в каких отношениях должны быть поставлены к мифологии чернокнижие и колдовство».[15] Однако и у Шляпкина не найдется указаний на то, что Сахаров фальсифицировал отдельные тексты.

В седьмой «Записной книжке» Блока (зима 1903 — лето 1904) имеется список тем, которые Шляпкин предлагал на выбор своим семинаристам, одна из них посвящена Сахарову. Из краткой записи Блока видно, что у профессора было к нему сложное отношение: «Сахаров. Знаком с Пушк<иным> лично. Больш<ая> литерат<ура>. (переписка) — в Публ<ичной> Библ<иотеке>. Пыпин. «Ист<ория> этнографии» — говор<ит> о том, чего **нет** у Сахарова. Указ<ать> то, что **есть** положит<ельного>».[16] В личном архиве Шляпкина хранилось большое количество рукописных материалов Сахарова, чем объясняется интерес к автору «Сказаний».

Проблема восприятия этого издания русскими писателями заслуживает самостоятельного исследования. В данной статье рассматриваются три текста Сахарова, процитированные в статье Блока: «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» (№ 3),[17] «Заговор от запоя» (№ 24) и «Заговор островника на зеленую дуброву» (№ 46). Остановимся на них подробнее и попытаемся понять, чем они отличаются от аутентичных заговоров и почему привлекли внимание Блока.

«Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою»

Заглавие данного текста не характерно ни для рукописных сборников заговоров, ни для научных изданий. В то же время в «Сказаниях» есть несколько сходных названий: «Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбовного молодца» (№ 1), «Заговор красной девицы о сбереженьи в дороге полюбовного молодца» (№ 2), «Заговор на укрощение гнева родимой матушки» (№ 6), «Заговор молодца на любовь красной девицы» (№ 36), «Заговор родимой матушки в наносной тоске своей дитятки» (№ 42), «Заговор полюбовного молодца на любовь красной девицы» (№ 44), «Заговор красной девицы от недугов полюбовного молодца» (№ 48), «Заговор на тоску доброму молодцу по красной девице» (№ 62). Такие названия характерны исключительно для «Сказаний» и, несомненно, даны текстам самим Сахаровым.

Перед тем как процитировать текст, Блок помещает фрагмент, посвященный поэтическому содержанию заговоров: «А там, где поселяется привычка, блеск поэзии затуманивается, притупляется ее острие. И потому *истинные перлы первобытной поэзии* сверкают там, где неожиданное, непривычное событие падает на голову человека, возбуждает его гневом, тоской или любовью, распирает стены избы, лишает почвы под ногами и поднимает еще выше

---

[15] *Шляпкин И. А.* Лекции по истории русской литературы, ч. 1. Начало (историографический очерк. Вопросы методологии изучения. Верования славян). [Литографированное издание. СПб., 1907]. Л. 150 (РНБ. Ф. 865. № 49).

[16] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 327. Л. 39 об. — 40 об. Цит. по: *Владимирова И. В. <Душечкина И. В.>, Григорьев М. Г. <Альтшуллер М. Г.>, Кумпан К. А.* А. А. Блок и русская культура XVIII века // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 36 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 535).

[17] Здесь и далее ссылки на заговоры, опубликованные Сахаровым, даются в тексте сокращенно, с указанием номера текста.

холодное, предутреннее небо. Здесь играет *свободная и живая поэзия*: *сын покидает мать*, девушка бросает милого. *Мать как будто видит с вещей тоскою каждую былинку в мире, знает все, что может стрястись с родным сыном*. Заговор матери от тоски по сыне показывает, что самые темные люди, наши предки и тот странный народ, который забыт нами, но окружает нас кольцом неразрывным и требует от нас памяти о себе и дел для себя, — также могут выбиться из колеи домашней жизни, буржуазных забот, бабьих причитаний и душной боязни каких-то дрянных серых чертенят. В заговоре как бы растут и расправляются какие-то крылья, от него веет широким и туманным полем, дремучим лесом и тем богатым домом, *из которого ушел сын на чужую сторону*. Чтобы предохранить свое дитятко от обмороченья и узорочанья, *мать произносит золотые слова*...» (л. 32).

И у Сахарова, и у Забылина, и у Блока «Заговор от тоски...» опубликован в подбор, т. е. как прозаический текст, тем не менее он представляет собой своеобразное поэтическое произведение. Приведем фрагмент заговора, процитированный Блоком, с условным разделением текста на строки.

Пошла я в чисто *поле*,
взя**ла** чашу б**рачную**,
вынула свечу обру**чальную**,
*дос**тала** плат вен**чальный***,
почерпнула воды из *загорного* студенца;
с**тала** я среди леса *дремучего*,
*очерт**илась** чер**тою** прозорочною*
и *возговор**ила*** зычным голосом.
Заговариваю я своего ненаглядного дитятку (такого-то)
над чашею бр**ачною**,
над свежею вод**ою**,
над платом вен**чальным**,
над свеч**ою** обру**чальною**.
Умыв**аю** я своего дитятку
во чистое личико,
утир**аю** платом вен**чальным**
его уста сахарные,
очи **ясные**,
чело думное,
ланиты кр**асные**,
*освещ**аю** свеч**ою*** обру**чальною**
его *становой* кафтан,
его *осанку* соболиную,
его подпоясь узорчатую,
его коты шитые,
его кудри русые,
его *лицо молодецкое*,
его поступь борзую.
Будь ты, мое дитятко ненаглядное,
*свет**лее** солнышка ясного*,
ми**лее** вешнего дня,
свет**лее** ключевой воды,
бе**лее** ярого воска,
крепче камня *горючего* Алатыря.
Отвожу я от тебя черта страшного,
отгон**яю** вихоря бурного,
отдал**яю** от лешего *одноглазого*,
от чуж**ого** *домов**ого***,
от *зл**ого** водян**ого***,

40 от *ведьмы* Киевской,
от *злой* сестры ее *Муромской*,
от *моргуньи* русалки,
от треклятыя бабы-яги,
от летучего зм**ея** огненного,
45 отмахиваю от ворона вещего,
от вороны-карк**уньи**,
защищ**аю** от кащ**ея** ядун**а**,
от хитрого чернокнижника,
от заговорного кудесника,
50 от ярого волхв**а**,
от слепого знахаря,
от старухи-вед**уньи**,
а будь ты, мое дитятко, —
моим словом крепким
55 в нощ**и** и в полунощи,
в часу и в получасьи,
в пут**и** и дороженьке,
во сне и наяву
укрыт от силы вражией,
60 от нечистых духов,
сбереж**ен** от смерти напрасныя,
от горя, от беды,
сохран**ен** на вод**е** от потопл**ения**,
укрыт в огн**е** от сгор**ения**.
65 А придет час твой смертный,
и ты вспомя**ни**, мое дитятко,
про нашу *любовь* ***ласковую***,
про наш *хлеб-соль* роскошный;
*обер**нись** на родину* сл**авную**,
70 *ударь* ей чел**ом** седмерижды семь,
*распрост**ись** с родными и кровными*,
припад**и** к сырой земле
и *засн**и** сн**ом** сладким*, непробудным[18] (л. 32–34).

Привлекает внимание высокая оценка заговоров в целом и данного текста в частности: «...истинные перлы первобытной поэзии...», «...свободная и живая поэзия...», «...золотые слова...». На исходную ситуацию, как ее понимает Блок («сын покидает мать», «ушел сын на чужую сторону»), указывает название «Заговор от тоски родимой матушки *в разлуке* с милым дитяткою» и преамбула (матушка смотрит «на закат ненаглядного дитятки своего ясного солнышка» и пребывает в лютой тоске). Однако в заговоре не сообщается, что случилось с «ненаглядным дитяткой», куда он направился, зачем и по своей ли воле. Текст не позволяет даже определенно судить о том, каков возраст сына — является ли он младенцем или взрослым человеком. Мать описывает, как она умывает своего дитятку «над чашею брачною» и вытирает его «платом венчальным», хотя находится в одиночестве и в разлуке со своим сыном. Можно догадаться, что мать совершает эти действия в своем воображении и описывает их как реальные в своем заклинании.

«Заговор от тоски...» приведен Блоком не полностью: поэт исключил из него шесть предложений — по три в начале и в конце. Однако и в таком виде

[18] Здесь и далее в текстах заговоров полужирным шрифтом выделены рифмы и рифмоиды, а курсивом обозначены паронимы. В понимании явления паронимии мы следуем за концепцией Н. А. Кожевниковой, изложенной в ее книге «Избранные работы по языку художественной литературы» (М., 2009. С. 15–412).

текст занимает более листа в наборной рукописи и примерно две трети печатной страницы в «Истории русской литературы». Это самый крупный заговор, процитированный в «Поэзии заговоров и заклинаний». Вероятно, Блок сократил текст по «техническим» соображениям, чтобы не давать слишком большую цитату, однако, как мы увидим далее, выбранный Блоком фрагмент имеет целостный характер и продуманную композицию.

Текст Сахарова перепечатан в издании Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» под заглавием «Заговор матери от тоски по родном сыне» и с указанием источника — издания Сахарова.[19] При этом в тексте было сделано несколько лексических замен. Вместо существительного *шапку* напечатано *осанку*, в результате чего появилось странное словосочетание «осанка соболиная». Глагол *заслоняю* заменен на *защищаю*, прилагательное *призорочною* исправлено на *прозорочную*, а глагол *освечаю* на *освещаю*. Во всех четырех случаях Блок использовал вариант Забылина. Отметим также, что слова *ведьма, русалка, баба-яга*, *кащей ядун, волхв*, которые у Сахарова пишутся с заглавной буквы, у Забылина (и соответственно, у Блока) даются со строчной. В «Истории русской литературы» заговор воспроизведен в соответствии с наборной рукописью Блока за одним исключением: прилагательное *прозорочная* исправлено на *прозрачная*.[20]

Текст делится на три части: вводная (1–8), основная (9–64) и заключительная (65–73). Во вводной части мать описывает свои действия, которые предшествовали произнесению заговора, в основной — она произносит перформативные формулы («Заговариваю я своего ненаглядного дитятку (такого-то)...»), а в заключительной говорит о событиях, которые произойдут в будущем. Соответственно во вводной части используются глаголы совершенного вида в прошедшем времени, в основной — глаголы несовершенного вида в настоящем времени и конструкция с глаголом *быть* в повелительном наклонении, а в заключительной — глагол *прийти* в будущем времени и серия глаголов в повелительном наклонении.

«Заговор от тоски...» значительно отличается от аутентичных заговоров. Прежде всего это объемный повествовательный текст, который имеет развернутый сюжет и включает несколько эпизодов, один из которых отнесен к будущему времени. Большинство же фольклорных текстов этого жанра имеют неразвитый сюжет и меньший размер (встречаются, правда, и обширные рукописные заговоры с развитым сюжетом, например так называемая «Сисиниева молитва» от лихорадки). В настоящих заговорах никогда не приводится описание грядущей смерти человека, которого они призваны защитить.

В сахаровском заговоре два основных персонажа — мать и ее сын, причем о сыне неизвестно почти ничего, а о матери известно многое. Она находится «в тоске, в беде»; идет в поле, чтобы «заговорить тоску лютую, гробовую»; ее слова имеют эмфатический характер и произносятся «зычным голосом»; в ее речи используется эмоционально окрашенная лексика (*ненаглядное дитятко, чистое личико, солнышко ясное, дороженька*). В аутентичных заговорах психологическая разработка характеров, как правило, вообще отсутствует. Если человек произносит заговор от тоски, то очевидно, что он находится в депрессивном состоянии, однако его чувства не изображаются в тексте. В присушках любовная тоска и огненная страсть насылаются на особу противоположного пола, однако при этом описываются чувства, которые хотят вызвать у того человека, на которого направлены заговоры, а не того, который эти за-

[19] Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 294–295.

[20] *Блок А.* Поэзия заговоров и заклинаний. С. 101.

говоры произносит. Ни об адресанте, ни об адресате любовных заговоров из самих текстов невозможно узнать ничего, кроме его или ее пола.

Художественность сахаровского заговора проявляется в ритмизации текста, обилии эпитетов, параллельных синтаксических конструкций, рифмованных слов, паронимов, аллитераций.

Наиболее заметна такая лексико-стилистическая особенность данного заговора, как большое количество эпитетов, которые имеются в 57 строках из 73. В трех случаях к одному существительному относятся два эпитета: *злая сестра ее Муромская*; *летучий змей огненный*; *сон сладкий, непробудный*. При этом два эпитета — *венчальный* и *обручальный* — повторяются по три раза и еще два — *брачный* и *ненаглядный* — по два раза. Таким образом, всего в тексте 54 эпитета, которые с учетом повторов встречаются 60 раз. В 42 случаях из 60 эпитеты стоят в постпозиции, причем 30 имеют дактилические завершения (*чашу брачную, свечу обручальную, леса дремучего* и т. д.), 8 — женские (*плат венчальный, платом венчальным* (2), *словом крепким* и т. д.) и 4 — гипердактилические (*уста сахарные, подпоясь узорчатую, змея огненного, любовь ласковую*). Это совершенно не характерно для аутентичных заговоров.

Отметим синтаксическую особенность сахаровского текста: в 30 строках синтагмы начинаются с глаголов в индикативе или императиве или с кратких причастий. Во вводной части заговора в восьми строках подряд в начальной позиции стоят глаголы в прошедшем времени (1–8). В заключительной части глаголы в императиве стоят в начале пяти синтагм (69–73). Таким образом, вводный и заключительный фрагменты в формальном отношении образуют своеобразную композиционную рамку процитированной Блоком части текста.

Многие строки связаны друг с другом отношениями синтаксического параллелизма. В одних случаях они идут подряд, как, например, строки 2, 3 и 4, в которых за глаголами следуют существительные с эпитетом в постпозиции. В других случаях — отделены друг от друга: «...отдаляю от лешего одноглазого...» (37), «...отмахиваю от ворона вещего...» (45), «...защищаю от кащея ядуна...» (47). Благодаря синтаксическому параллелизму в сочетании со звуковыми повторами в тексте возникают упорядоченные поэтические структуры (2–4, 30–33, 38–39, 67–68). Синтаксическим параллелизмом связаны перечислительные конструкции с предлогами *над* (10–13) и *от* (35, 37–52, 59–64), с личным местоимением *его* (22–28).

Звуковые повторы встречаются в разных позициях. В конце строк имеются в основном дактилические рифмы: *брачную — обручальную — брачною — обручальною* (2); *ясные — красные*; *ласковую — славную*; *потопления — сгорения*. Привлекает внимание глубокая рифма *брачную — обручальную*. Особый случай, когда рифмой связаны 4 слова, идущие подряд друг за другом: «от чужого домового, от злого водяного» (в старой орфографии — «от чужаго домоваго, от злаго водянаго»).

В начале строк чаще всего рифмуются слова, связанные синтаксическим параллелизмом: *пошла — взяла*; *сбережен — сохранен*; *вспомяни — обернись — распростись — припади — засни* и т. д.

В тексте используются тавтологические словосочетания: *очертилась чертою*; *освещаю свечою*; *засни сном*; *в нощи и в полунощи, в часу и в получасьи*; *седмерижды семь*. Встречаются и паронимические словосочетания: *до**ста**ла пла**т***; ***лицо молодецкое***; ***светлее солнышка***; ***солнышка ясного***; *че**рта** страшного*; *обернись на родину*; ***родными и кровными***.

Члены паронимических пар могут занимать позиции в начале и конце синтагмы: «***Пошла*** я в чисто ***поле***...»; в начале и в середине строки: «***...крепче***

камня ***горюче***го Алатыря». Другие примеры паронимов: *с-т-н / с-н-к*: «...его *становой* кафтан, его *осанку* соболиную...»; *л-з-г / з-л-г*: «...от лешего *одноглазого*, от чужого домового, от *злого* водяного...» и т. д. В следующем фрагменте две группы паронимов, причем слово *прозорочною* входит в обе группы: *п-ч-р-п-н / р-м-ч / ч-р-т / ч-р-т / п-р-з-р-ч-н* и *з-г-р-н / з-р-ч-н / з-г-в-р*: «...*почерпнула* воды из *загорного* студенца; стала я среди леса *дремучего*, *очертилась чертою прозорочною* и *возговорила* зычным голосом...».

Заговор характеризуется изящной звукописью, например: «...**с**вет**л**ее **сол**н**ы**шка я**сн**ого...», «...отда**л**яю от **л**ешего одно**гл**азого...», «...за**щ**и**щ**аю от ка**щ**е**я**...», «...про нашу **лю**б**о**вь **ла**сковую, про наш х**л**е**б**-**с**оль роскошный...», «...за**сн**и **сн**ом **сл**адким...». В начале отрывка, процитированного А. Блоком, есть аллитерация на согласные *ч* и *р*: «Пошла я в **ч**исто поле, взяла **ч**ашу б**р**а**ч**ную, вынула све**ч**у об**р**у**ч**альную, достала плат вен**ч**альный, по**чер**пнула воды из заго**р**ного студенца; стала я среди леса д**р**ему**ч**его, о**чер**тилась **чер**тою п**р**о**з**о**р**о**ч**ною и возгово**р**ила зы**ч**ным голосом». В завершающей части фрагмента аллитерация на *р*, *д* и *н*: «...обе**рн**ись на **р**оди**н**у славную, уда**р**ь ей челом седме**р**ижды семь, **р**аспр**о**стись с **р**о**дн**ыми и к**р**ов**н**ыми, п**р**ипади к сы**р**ой земле и зас**н**и с**н**ом сладким, **н**еп**р**обудным...».

В тексте используются некоторые формулы, характерные для подлинных заговоров, однако у Сахарова они получают новое лексическое наполнение. Например, отдельные демонические персонажи из «Заговора от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» встречаются в аналогичных перечнях из аутентичных заговоров (вихрь, водяной, ведунья), другие фигурируют в фольклорных заговорах, однако не в перечнях злокозненных персонажей, а в других контекстах (черт, баба-яга, огненный змей, ворон, ворона, кудесник, волхв), третьи в заговорах вообще не встречаются (леший одноглазый, моргунья русалка, кащей ядун). В аутентичных заговорах мы не найдем таких словосочетаний, как *черт страшный, вихорь бурный, чужой домовой, злой водяной, ведьма Киевская, злая сестра ее Муромская* и т. д. Таким образом, Сахаров использовал традиционную формулу, чтобы создать свой собственный красочный перечень демонических и сказочных персонажей.

Образ тоскующей матери встречается в присушках в сравнительных оборотах: человек пытается добиться взаимности, насылая на особу противоположного пола любовную тоску, которая уподобляется тоске матери по своему ребенку или младенца по материнской груди: «...как *тоскует мать по дитяти*, так бы раба Божия тосковала и горевала по рабе Божием, тосковало и горевало ея сердце; как тоскует младенец по титьке, так бы и она тосковала и горевало сердце у рабы Божией по рабе Божием...»,[21] т. е. образы присушек используются в тексте Сахарова в не свойственной им функции.

Большой объем текста, соединение в нем повествовательного и лирического начал, множество эпитетов в постпозиции и строк с синтаксическим параллелизмом, единообразное построение ряда предложений с глаголом в инициальной позиции, богатая звукопись и некоторые другие особенности «Заговора от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» побуждают смотреть на него как на литературную стилизацию, а не фольклорное произведение.

Ситуация смерти человека и его прощания с родными напоминает заключительный эпизод песен на сюжет «Молодец умирает на чужбине». В одной из песен, опубликованных Сахаровым, воин лежит в поле в кипарисовом гробу и посылает коня к своей матери:

---

[21] *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 8–9, № 2.

Ты скажи: твой сын жениться захотел,
В чистом поле положил-то я его,
Обнимает поле чистое теперь.[22]

В другой молодец разнемогся на чужбине и просит своих товарищей:

...Как приедете во святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,
Моему батюшке низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Молодой жене своя воля;
Хоть вдовой сиди, хоть замуж поди;
Моим детушкам благословеньице.[23]

«Заговор от запоя»

В статье Блока сахаровский «Заговор от запоя» приводится с небольшой преамбулой, свидетельствующей о глубоко личностном отношении поэта к теме и высокой оценке этого текста: «От этой — самой злой и таинственной — порчи, от темной силы запоя, которой не видно и не слышно, которая настигает внезапно и приносит в дом несчастие, — заговариваются *сильными, напряженными словами*; часть их, очевидно, непонятна для самого заклинающего; в них слышен голос отчаянья...» (л. 29).

Далее Блок помещает полностью текст заговора, который мы процитируем с условной разбивкой на строки:

Ты, небо, сл**ышишь**,
ты, небо, в**идишь**,
что я хочу **делать**
над **телом** раба (имярек).
5 **Тело** Маерена печень тезе.
Звезды вы **ясные**,
сойдите в чашу **брачную**;
а в моей чаше вод**а**
из-за горного студенц**а**.
10 Месяц ты кр**асный**,
зай**ди** в мою клеть;
а в моей клети
ни дн**а**, ни покрышки.
Солнышко ты *привольное*,
15 взой**ди** на мой двор;
а на моем дворе
ни люд**ей**, ни *зверей*.
Звезды, уймите раб**а** Божия (имярек) от ви**на**,
месяц, отврат**и** раб**а** (имярек) от ви**на**;
20 солнышко, усмир**и** раб**а** (имярек) от ви**на**.
Слово мое крепко! (л. 29)

«Заговор от запоя» (№ 24) из сборника Сахарова перепечатан под тем же заглавием в издании Забылина[24] с тремя разночтениями: «вода *из загорного* студенца» превратилась в «воду *из-за горного* студенца»; фраза «Месяц ты

[22] Песни русского народа: В 5 ч. / [Изданы И. П. Сахаровым]. СПб., 1839. Ч. 4. С. 252, № 13.
[23] Там же. С. 179, № 17.
[24] Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 343, № 6.

красный, *со*йди в мою клеть» изменена на «Месяц ты красный, *за*йди в мою клеть»; «Звезды, уймите раба такого-то от вина» на «Звезды, уймите раба *Божия* (такого-то) от вина». Во всех трех случаях в статье Блока текст воспроизведен в соответствии с книгой Забылина. Во втором предложении «Заговора от запоя» неясны слова *Маерена* и *тезе*. В «Истории русской литературы» и в 8-томном собрании сочинений А. Блока первое слово передано как *Маерека*. В рукописи Блока читается *Маерена*, как у Сахарова и Забылина, однако буква *н* написана так, что ее вполне можно принять за *к*. Кроме того, слово *Маерека* напоминает обычное для заговоров обозначение говорящего *имярек*. В связи с этим выбор формы *Маерека* мог быть подсказан и написанием буквы *н* в наборной рукописи, допускающем двойное прочтение, и смысловыми ассоциациями.

Далее следуют три предложения с синтаксическим параллелизмом, обращенные к небесным светилам: первое — к звездам, второе — к красному месяцу и третье — к привольному солнышку. Все три предложения строятся по общей схеме: сначала обращение к небесным светилам (существительное + личное местоимение *ты / вы* + эпитет) и призыв, обращенный к ним же (глагол в повелительном наклонении + существительное в винительном падеже с предлогами *в / на* + эпитет); далее союз *а* + существительное в предложном падеже с предлогами *в / на* + местоимение *моей / моем*. В заключение говорится о локусах, о которых уже шла речь перед этим. При этом одно и то же существительное употребляется сначала в винительном падеже, а потом в предложном: «...в чашу брачную; а в моей чаше...», «...в мою клеть; а в моей клети...», «...на мой двор; а на моем дворе...».

В конце второго и третьего предложений сообщается негативная информация: *ни дна, ни покрышки / ни людей, ни зверей*, т. е. использованы слова из известной формулы проклятия: «Чтоб тебе (ему) ни дна ни покрышки!»

Призывы к небесным светилам неоднократно встречаются в заговорах, опубликованных Сахаровым: «*Солнце ясное, звезды светлые, небо чистое*, море тихое, поля желтые — все вы стоите тихо и смирно; так была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, в нощи и полунощи» (№ 6); «*Месяц, ты месяц*, серебряные рожки, златые твои ножки. *Сойди ты, месяц*, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака» (№ 15); «Выхожу я во новы сени дубовые, на широк двор заборчатой, гляжу я по всем по дорогам и перепутьям, вижу я от земли до неба звезды ясные. <...> *Вы, звезды ясные, затемните* свой светлояркой свет...» (№ 54).

В следующем предложении «Заговора от запоя» три части связаны синтаксическим параллелизмом. Если в предложениях третьем–шестом субъект заговора призывал звезды, месяц и солнышко спуститься с небес и войти в брачную чашу, в клеть и во двор, то в седьмом предложении он призывает те же светила отвратить имярека от вина. Таким образом, предложения третье–седьмое образуют смысловое и структурное единство, которое упорядочено на лексическом и синтаксическом уровнях.

Текст заканчивается формулой «Слово мое крепко!», которое характерно для сахаровской коллекции и встречается также в конце 11 других заговоров (№ 8, 11, 12, 14, 19, 22, 25, 26, 45, 48, 64).

Первое предложение «Заговора от запоя» явно заимствовано из подлинного заговора, который мог иметь и другую функцию. Такая формула встречается, например, в рукописном заговоре от кровотечения из следственного дела 1727 года: «*Ты, небо, видишь, ты, небо, слышишь*, что я стану дела[ти?] на[д] их телом белым и румяным».[25]

[25] Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII века / Публ. Е. Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 112.

Воззвание к небу «Ты, небо, слышишь...» восходит к Библии, где сходное обращение встречается дважды. Моисей, обращаясь к собранию израильтян, начал свою песню словами: «*Вонми, небо*, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы устъ моихъ...» (Втор. 32: 1); русский перевод: «*Внимай, небо*, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих». Аналогичным образом Книга пророка Исаии начинается с восклицания: «*Слыши, небо*, и внуши, земле, яко Господь возглагола: сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася мене» (Ис. 1: 2); перевод: «*Слушайте, небеса*, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня».

«Заговор от запоя» использовал в своем трехтомном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев, который не заметил в тексте цитаты из Библии и интерпретировал инициальную формулу как языческое воззвание к Сварогу: «Славянин призывал Сварога, его детей и внуков: „ты, Н е б о, слышишь! ты, Н е б о, видишь...“».[26]

П. И. Мельников-Печерский составил на основе цитат из заговоров, приведенных Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу», новый заговор, в который включил и интересующую нас формулу.[27] В романе «В лесах» знахарка произносит при сборе целебных трав: «Встану я, раба Божия Наталья, помолясь-благословясь, пойду во чисто поле под красное солнце, под светел месяц, под частые звезды, под полетные облаки. Стану я, ра́бица Божия, во чистом поле на ровном месте, что на том ли на престоле Господнем... облака́ми облачусь, небесами покроюсь, на главу положу венец-солнце красное, подпояшусь светлыми зо́рями, обтычусь частыми звездами, что вострыми стрелами... *Небо, ты, небо!.. Ты, небо, видишь!.. Ты, небо, слышишь!..* Праведное солнце! благослови корни копати, цветы урвати, травы сбирати!.. А на что их сбираю, было б на то пригодно!.. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».[28] Блок был знаком с романом «В лесах» и усматривал некую связь между Фленушкой из произведения Мельникова-Печерского и Фаиной из драмы «Песня судьбы», судя по дневниковой записи от 6 марта 1908 года: «Фаина — „В лесах“ Печерского. Тоже — раскольница с демоническим».[29]

Можно предположить, что отдаленным прообразом второй части «Заговора от запоя» послужил плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», где встречаются олицетворения природных явлений и светил и соблюдается принцип троичности; Ярославна заклинает ветер, Днепр и солнце и просит их о помощи, как и исполнитель «Заговора от запоя». Отметим, что И. П. Сахаров дважды публиковал текст «Слова о полку Игореве» с внесением своих поправок и вводной статьей.[30]

Одно из причитаний, опубликованных Сахаровым, весьма напоминает по своей структуре и поэтике и «Заговор от запоя», и плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «*Уж ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди* с полуночи, *ты освети* светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть, не с бедой горевать, не с тоской вековать. *Уж ты, месяц, месяц ясный! Ты взойди, взойди* со вечера, *ты освети* светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не крушить во тьме своего сердца ретивого, не скорбеть во тьме по свету белому, не проливать во тьме горючих

---

[26] *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1865. Т. 1. С. 417.

[27] *Виноградов Г. С.* Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. 1935. М.; Л., 1936. № 2–3. С. 358–359.

[28] *Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 3. С. 200.

[29] *Блок А. А.* Записные книжки / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. 1901–1920. М., 1965. С. 103.

[30] *Дмитриева Р. П., Творогов О. В.* Сахаров Иван Петрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 270–271.

слез по милым детушкам. *Уж ты, ветер, ветер буйный! Ты возвей, возвей* со полуночи, ты принеси весть радостну нашим покойничкам…».[31]

Итак, если первое предложение «Заговора от запоя», скорее всего, взято из какого-то реального заговора, то третье–седьмое, вероятно, представляют собой авторскую стилизацию. Параллели к этой части текста находятся не в заговорах, а в «Слове о полку Игореве» и в причитании, опубликованном Сахаровым и также, вероятно, стилизованном в духе плача Ярославны. В данной части заговора последовательно проведен троичный принцип: имярек обращается к звездам, месяцу и солнцу; текст включает три сложносочиненных предложения с параллельными синтаксическими конструкциями и одно сложное предложение с тремя параллельными периодами. Наличие таких строго упорядоченных лексико-синтаксических структур не характерно для заговоров и также выдает индивидуально-авторское происхождение данного фрагмента.

«Заговор островника на зеленую дуброву»

Третий текст из сахаровского издания в статье Блока — «Заговор островника на зеленую дуброву» сопровожден небольшой преамбулой: «Всего вольнее — на охоте, среди леса; на Севере очень длинны заговоры на ловлю горностаев, векш, настойчиво заговаривают бег зайца. Островник заговаривает зеленую дубраву…» (л. 30).

Следующий далее заговор приведем с условной разбивкой на строки:

Хож**у** я, раб (такой-то), вокруг острова (такого-то)
по крутым ов**рагам**, буе**ракам**,
смотр**ю** я чрез все леса:
дуб, березу, осину, липу, клен, ель, жимолость, орешину;
5 по всем сучьям и ветв**ям**,
по всем листьям и цвет**ам**,
а было в моей *дуб**рове***
по живу, *по добру и по здо**рову***,
а в мою бы зелену *дуб**рову***
10 не заходил ни зверь, ни гад, ни лих человек,
ни *ведьма*, ни леший, ни *домов**ой***, ни *водян**ой***, ни вихрь.
А был бы я большой-набольшой;
а было бы все у меня во послушании.
А был бы я цел и невредим (л. 30).

В издании Забылина текст подвергся небольшой правке.[32] Фраза «а было *бы* в моей дуброве поживу, подобру, поздорову…» (№ 46) выглядит так: «…а было в моей дуброве по живу, по добру *и* по здорову…». Блок воспроизвел текст с изменением Забылина.

«Заговор островника на зеленую дуброву» более близок аутентичным заговорам, чем два текста, рассмотренные нами выше. Например, в подлинных заговорах также встречаются слова: «Хож**у** я, раб (такой-то)…», перечни деревьев, перечни зловредных персонажей. Однако синтаксическая структура заговора и лексика выдают его авторское происхождение. В частности, в подлинных заговорах трудно представить себе следующие почти подряд обороты с союзом *а* и глаголом *было*: «…а было в моей дуброве…», «А был бы я…»,

[31] Сказания… СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7. С. 23.
[32] Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 383.

«...а было бы все у меня...», «А был бы я...»; нехарактерны для заговоров выражения: «большой-набольшой», «во послушании», «цел и невредим». Отметим, что оборот «А был бы я цел и невредим» относится к излюбленным у Сахарова и повторяется в нескольких заговорах из его коллекции, например: «А был бы я на войне *цел и невредим*, и мой конь был бы *цел и невредим*...» (№ 20); «...будь ты, мое дитятко, *цел невредим*...» (№ 30). В одном из «Заговоров ратного человека, идущего на войну» оборот «а был бы я *цел, невредим*» повторяется 4 раза (№ 34). В аутентичных заговорах оборот «цел и невредим» нам не встретился ни разу.

Стихотворение Блока «Сын и мать» и «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою»

4 октября 1906 года, т. е. во время работы над «Поэзией заговоров и заклинаний», Блок написал стихотворение «Сын и мать», в котором отразились впечатления поэта от его знакомства с «Заговором от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою». Приведем текст в его последней редакции, включенной в раздел «Разные стихотворения» из второй книги лирики Блока. Курсивом выделены фрагменты, которые имеют параллели в заговоре и/или в статье Блока:

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенесть!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме *утренней зари*!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.

Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенесть!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.[33]

Начало блоковского стихотворения: «Сын *осеняется крестом*. / Сын покидает отчий дом» — напоминает обычный зачин русских заговоров: «Встану помолясь, пойду *перекрестясь*...». Строка «Сын покидает отчий дом» имеет параллели в блоковской статье: «...*сын покидает мать*...»[34] и «...*ушел сын на чужую сторону*» (л. 32).

Сочетание *родная мать* («Сын не забыл *родную мать*...») вызывает в памяти название «Заговор от тоски *родимой матушки* в разлуке с милым дитяткою» и начало текста: «Разрыдалась я *родная*, раба такая-то...» (№ 3). Со словами заговора «обернись на родину славную» и «припади к сырой земле» в стихотворении коррелирует «Дух свой предал небожителям, / *Сердце — матери-земле*».

Замечанию в статье: «Мать произносит *золотые слова*...» (л. 32) в стихотворении соответствует словосочетание «золотая радость»: «В песнях матери оставленной / *Золотая радость* есть...» и «В сердце матери оставленной / *Золотая радость* есть». Сравнение слова с золотом используется в закрепке заговора, которую Блок не процитировал в статье, однако, несомненно, учитывал: «А *будь мое слово*: сильнее воды, выше горы, *тяжелее золота*, крепчае горючего камня Алатыря, могучае богатыря» (№ 3).

И в сахаровском заговоре, и в стихотворении Блока два персонажа — мать и ее сын. Характерно, что в обоих текстах ничего не говорится про то, есть ли у матери муж, а у сына — отец. При этом образ сына в обоих текстах сохраняет определенную двойственность: у Сахарова он и «дитятко», и взрослый человек; у Блока он и человек, и солнце. Заговор произносится от лица матери, а стихотворение написано в третьем лице, однако несколько раз переключается на точку зрения матери, причем в двух случаях даже используются местоимения первого лица: «Вот он, *сын мой*, в светлом облаке...» и «Вот он, *сын мой*, окровавленный!».

В сахаровском заговоре мать описывает, как она умывает и вытирает своего сына, и при этом создается такой эффект, как будто она видит детали его внешности. Мать сначала рассказывает, что моет своего сына над «брачной чашей», и называет его «ненаглядным дитяткой», а потом говорит про его кафтан, осанку, кудри, поступь, т. е. явно имеет в виду взрослого человека. Характерно, что сначала мать говорит про «чистое личико» своего сына, а потом про его «лицо молодецкое».[35] Это противоречие проще всего объяснить

[33] *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 80–81.

[34] Отмечено в комментариях к Полному собранию сочинений Блока (Там же. С. 687).

[35] Сюжетную параллель к такой ситуации находим в одной из колыбельных песен, опубликованных Сахаровым: рефреном в тексте проходят слова «Спи, усни, мое дитятко!» и «Баю, мое

психологически тем, что для матери сын одновременно является и младенцем, и взрослым.

Мать использует в своей магии предметы, сохранившиеся после венчания. Их особое значение подчеркивается тем, что чаша брачная фигурирует в тексте дважды, а свеча обручальная и плат венчальный — даже по три раза. Хотя Сахаров не конкретизирует, откуда взялись эти вещи, общий смысл текста указывает на то, что мать хранит их со своей собственной свадьбы. В народной традиции свадебные свечи и другие ритуальные предметы действительно использовали в магических действиях, и в этом смысле Сахаров следует за этнографической реальностью. Однако если предположить, что сын ушел из дома, потому что он женился, то эти предметы могли сохраниться и после венчания самого сына, а не его матери. При такой интерпретации текст приобретает еще больший драматизм и более сложную структуру: получается, что сюжет соединяет младенческий образ сына с двумя важнейшими событиями его жизненного пути — во-первых, с его женитьбой и, во-вторых, с его смертным часом.

И фрагмент заговора, приведенный Блоком, и стихотворение «Сын и мать» оканчиваются описанием смерти сына. В заговоре она отнесена в какое-то неопределенное будущее, лишена трагизма и предстает как торжественный ритуал прощания с Родиной и матерью-землей; сын как бы не умирает, а засыпает глубоким сном. Причины его смерти совершенно неясны; во всяком случае очевидно, что он не ранен в бою, как герой блоковского стихотворения. Характерно, что и в этот момент мать продолжает называть своего сына «дитяткой», хотя он уже давно вышел из детского возраста. У Блока данному эпизоду соответствует двустишие: «Сын не забыл родную мать: / Сын воротился умирать». Для родной матери возвращение сына является долгожданным событием, несмотря на то что сын пришел к ней не жить, а умирать. В стихотворении Блока он истекает кровью на глазах матери и готовится к смерти, однако у нее это не вызывает горечи и сожаления; напротив, при виде окровавленного сына и его пронзенной груди она испытывает чувство «золотой радости».

Эта ситуация в стихотворении Блока соответствует общей метафорической структуре текста. Его действие охватывает, по существу, время одних суток, от ночи до наступления дня; при этом сын выступает в роли солнца, которое появляется «в шлеме утренней зари» и, подобно Фебу, рассыпает по земле свои стрелы-лучи. Можно догадаться, что сын-солнце сражался с ночным мраком и одержал победу над ним, однако был смертельно ранен в этом бою.[36] По предположению Е. А. Некрасовой, «так формируется еще одна возможная трактовка образного содержания стихотворения — образ окровавленного сына как галлюцинации матери, видящей его среди причудливо освещенных солнцем утренних облаков».[37]

Мифопоэтическое отождествление сына с солнцем также имеет определенную параллель в сахаровском тексте. В начале заговора, которое не процитировано Блоком, говорится, что мать рыдает весь день от утренней зари до вечерней, «во чисто поле глядючи, на закат ненаглядного дитятки своего

дитятко!»; «злы татарове» угнали в плен матушку и батюшку; дитятко призывают вырасти, поскакать в Золотую Орду и вывезти оттуда родителей и молодую жену (Песни русского народа. Ч. 4. С. 403–406, № 4).

[36] См. в черновых вариантах поэмы «Ее прибытие» (1904): «Плыли и пели, и море пьянело, / *Правящий Феб, рассекая туман, / Дале все мчал пурпуровые стрелы / Но не иссяк заповедный колчан*» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 288).

[37] *Некрасова Е. А.* Виды экспрессивной тональности стихотворных произведений А. Блока // Образное слово А. Блока. М., 1980. С. 116.

красного солнышка — такого-то» (№ 3). Вероятно, мать видит заходящее красное солнце, которое ассоциируется у нее с сыном, покидающим родительский дом, однако в тексте это сформулировано не как сравнение сына с солнцем, а как их символическое отождествление. Оборот «на закат ненаглядного дитятки своего ясного солнышка» подхватывается далее в словах: «Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного...».

Художественное время рассматриваемых произведений имеет и различия, и сходства. С одной стороны, заговор охватывает всю жизнь человека, а в стихотворении все действие укладывается в одно утро. С другой, из сахаровского текста совершенно непонятно, сколько времени прошло между тем, как сын появился на свет, и тем, как он оставил родной дом, а потом пришел его смертный час. Вся судьба человека, включая его рождение, женитьбу (?) и смерть, предстает в восприятии его матери в одном концентрированном промежутке времени, так что он как бы одновременно и младенец, и мужчина, покидающий материнский дом, и человек, заканчивающий свой жизненный путь.

Таким образом, сопоставление сахаровского заговора и стихотворения Блока позволяет предполагать, что Блок прочитал этот заговор как драматическое повествование о сложных психологических коллизиях во взаимоотношениях матери и ее сына.

* * *

Итак, в «Поэзии заговоров и заклинаний» Блок процитировал три заговора, впервые опубликованные в книге Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». При этом «Заговор от запоя» и «Заговор островника на зеленую дуброву» приведены полностью, а «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» — с небольшими сокращениями. Как уже отмечала Кумпан, Блок цитировал заговоры Сахарова по их перепечаткам в книге Забылина с сохранением отдельных описок или опечаток этого издания.[38]

В библиотеке Блока, хранящейся в Пушкинском Доме, отсутствуют издания Сахарова и Забылина, однако из этого не обязательно следует, что у поэта их не было, поскольку часть его библиотеки утрачена. К тому же в период работы над статьей Блок систематически посещал Библиотеку Академии наук,[39] в которой имел возможность познакомиться и с той, и с другой книгой.

В издании «Сказаний», указанном в библиографии к статье Блока (л. 41), под заглавием «Сказания о кудесничестве» включены 64 заговора.[40] В коллекции Сахарова заговоры даются вразнобой, поэтому составить общее представление о какой-нибудь определенной функциональной группе довольно трудно. К тому же процент явных фальсификатов в этом собрании довольно велик, что сразу настораживает читателя, который знаком с заговорной традицией. Как мы видели, Блок имел представление о сомнительной репутации Сахарова, поэтому не было бы удивительным, если бы он остерегался пользоваться этой книгой.

При работе над «Поэзией заговоров и заклинаний» Блок использовал в основном два крупных издания русских заговоров — Л. Н. Майкова и П. С. Ефименко. К этим собраниям аутентичных текстов он добавил и компиляцию Забылина. Во всех трех книгах тексты расположены по функциональным

---

[38] *Кумпан К. А.* Заметки об источниках... С. 41, прим. 35.
[39] *Кумпан К. А.* О датировке статьи Блока... С. 272.
[40] Сказания... Т. 1. Кн. 2. С. 18–35.

группам, поэтому с ними легко работать. Забылиным перепечатаны примерно 40 заговоров из коллекции Сахарова, а также около 30 заговоров из рукописи графомана Г. Д. Книголюбова,[41] однако остальная часть забылинских текстов взята из достоверных публикаций Ефименко, Афанасьева и др.[42] В издании Забылина имеется раздел, посвященный колдунам, из которого Блок привел цитату в своей статье и в стихотворении «Русь», написанном 24 сентября 1906 года.[43] Тот факт, что книга Забылина представляет собой «сомнительную компиляцию»,[44] по-видимому, Блока не смущал.

Если с точки зрения фольклориста сахаровские заговоры представляют собой фальсификаты, то с точки зрения литературоведа их можно осмыслить как литературные стилизации на фольклорной основе. Блок высоко оценил «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою», который он сопроводил восхищенными ремарками и отнес к «истинным перлам первобытной поэзии». Этот же текст стал одним из источников стихотворения «Сын и мать», написанного Блоком во время работы над «Поэзией заговоров и заклинаний».

Можно предположить, что внимание Блока привлекли поэтические характеристики текста, его психологизм и внутренний драматизм, ситуация ухода из родительского дома, изображение материнской тоски по сыну, магических действий матери и ее заклинаний, произнесенных «зычным голосом», красочный перечень сказочных и демонических существ, описание того, как в свой смертный час сын вспоминает о матери и припадает к сырой земле. Не исключено, что в психологических коллизиях во взаимоотношениях между матерью и сыном Блок мог усмотреть и некоторые параллели к его собственной семейной жизни (напомним, что Блок посвятил стихотворение своей матери).

«Заговор от запоя» насыщен мифологическими мотивами и космическими образами. Заклинатель предстает как могучий маг, который повелевает светилами; по его призыву звезды, месяц и солнце спускаются с неба как живые существа. Вероятно, Блок оценил поэтическую структуру текста и его экспрессию. Блока явно затронуло за живое осмысление пьянства как «самой злой и таинственной» порчи, «которой не видно и не слышно, которая настигает внезапно и приносит в дом несчастие».

Таким образом, представление Блока о русских заговорах в значительной части было сформировано под влиянием текстов из коллекции Сахарова, которые в персонажно-образном, сюжетно-мотивном и лексико-стилистическом отношениях весьма далеки от подлинных русских заговоров. Все это, конечно, не противоречит высокой оценке статьи Блока как яркого проявления фольклоризма Серебряного века, однако побуждает критически отнестись к включенным в нее фольклорным материалам.

---

[41] *Топорков А. Л.* О рукописи Г. Д. Книголюбова // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 352–358.

[42] Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 289–392.

[43] *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники. С. 44; *Кумпан К. А.* О датировке статьи Блока... С. 271.

[44] *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники. С. 44.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-82-91

© *Н. Ю. ГРЯКАЛОВА*

К КОМУ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОБРАЩЕНО СТИХОТВОРЕНИЕ А. А. БЛОКА «ИСПАНКЕ»?

Стихотворение Александра Блока «Испанке» (1912) — пример поэтического послания, обращенного к условному, на первый взгляд, адресату.

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой…

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль…
Заревая Господняя слава
Исполняла священную шаль…

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам…

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик Handá и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший Бога поэт.[1]

Неперсонифицированное посвящение, выраженное нарицательным существительным в дательном падеже и вынесенное в позицию заглавия, — случай в художественной практике Блока нечастый на фоне многочисленных классических посланий, имеющих конкретных адресатов (их имена зафиксированы в заглавиях: «Анне Ахматовой», «Вячеславу Иванову», «Моей матери», «Андрею Белому», «З. Гиппиус», «Пушкинскому Дому» и т. д.) или же обращенных к типизированным фигурам-шифтерам («Друзьям», «Поэту», «Дельвигу», «Е. А. Баратынскому») и даже метафизическим сущностям («Неведомому Богу», «Двойнику», «Моей смерти»[2]). Однако он и не единственный. Подобным образом оформленное заглавие-посвящение в «каноническом» тексте «лирической трилогии» встречается еще дважды: это стихотворения «Девушке» («Ты перед ним, что стебель гибкий…»), развивающее мотив «звериной страсти», страсти-борьбы, и «Встречной» («Я только рыцарь и поэт…»; вариантное заглавие в рабочей тетради — «Даме с парохода»).

[1] *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 135.
[2] Вариантное заглавие стихотворения «Уже над морем вечереет…».

К тому же типу следует отнести стихотворение «Ты можешь по траве зеленой...», в ранних публикациях имевшее заглавие «Мещанке», что коррелирует, как и в случае со стихотворением «Девушке», с авторской установкой на литературную стилизацию и тем самым снимает вопрос об адресате текста, относя его к области литературной фикции. Приметы открытого лирического высказывания, характерные для стихотворения «Встречной» (здесь они «остранены» авторской иронией), как и «Испанке», напротив, предполагают возможность имплицитного адресата.[3] В то же время перенос посвящения в позицию заглавия и гибридная форма заглавия-посвящения позволяют автору, во-первых, элиминировать конкретику адресации и придать номинативу обобщающий смысл, во-вторых — трансформировать жанр послания в ситуативную импрессионистическую зарисовку («Встречной») или в «геральдическую конструкцию» («Испанке»), о чем будет сказано далее. В таком случае речь идет уже не столько о прагматике текста и его коммуникативной направленности, сколько о семантике заглавия и художественного текста в целом. Подобные типы дедикации Р. Чемберс, анализируя творчество Ш. Бодлера, называет «лирическими», в отличие от «функциональных», т. е. эксплицитных.[4] Стихотворения «Креолке», «Прохожей», «Рыжей нищенке» не предполагают конкретизации адресата, поскольку для их понимания и интерпретации важен не факт биографии, а поэтическая мизансцена, оформляющая событие встречи. С типологически сходной ситуацией читатель сталкивается и в указанных выше текстах Блока.

Двойственная валентность подобных заглавий-посвящений создает семантическое напряжение как между элементами паратекста — заглавием / посвящением (в их транспозиции и гибридных формах), так и между категориями атрибутированность / неатрибутированность адресата, латентный / эксплицитный характер атрибуции. Это оказывается важным интерпретативным фактором, побуждающим к поискам новых источников атрибуции, к углублению в сферу писательской биографии, в психологию творчества, в историко-культурный контекст. Анализ дедикативной практики Блока, в том числе семантических трансформаций при перемещении посвящения в позицию заглавия и наоборот,[5] переадресации посвящений, как и экспериментов с циклизацией и заголовочным комплексом в целом, — актуальная и эвристичная по своему потенциалу задача блоковедения. Ее решение возможно только при фронтальном изучении всего корпуса лирики Блока, включая автографы, наборные рукописи, тексты, не предназначавшиеся для печати, прижизненные публикации, — теперь это осуществимо благодаря полному их своду в томах 1–5 академического Полного собрания сочинений и писем поэта.

* * *

«Запрет на интерпретацию» в качестве методологического императива при составлении комментария к академическому собранию сочинений вынуждает отринуть любые гипотетические версии, если они не находят непротиворечивого источниковедческого обоснования. Этим по преимуществу

---

[3] Ср. стихотворения «Твое лицо мне так знакомо...» и «Твое лицо бледней, чем было...», имевшие в автографе и первой публикации заглавия «К неизвестной» и «Незнакомке» соответственно, о чем см.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 715–716, 758–759.

[4] См.: *Chambers R.* Baudelaire's Dedicatory Practice // SubStance. 1988. Vol. 17. № 2. P. 5–17.

[5] Ср. характерный пример — варьирование адресации стихотворения «Ты был осыпан звездным цветом...» между посвящением (Г. Гюнтеру) и заглавием («Гансу Гюнтеру», «An Hans Guenther») и специальное указание в наборной рукописи одного из изданий: «как заглавие» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 672).

объясняется существующая лакуна в комментариях к стихотворению «Испанке», сохраняющаяся от издания к изданию и так, увы, и не восполненная в Полном собрании сочинений и писем А. А. Блока.[6] Попытку установить адресата стихотворного послания предпринял искусствовед, историк отечественной эстрады А. А. Лопатин. Согласно его версии, блоковское стихотворение вдохновлено танцем гитаны в спектакле «испанского цикла», поставленном в «Старинном театре» осенью 1911 года К. М. Миклашевским по комедии Тирсо де Молины «Благочестивая Марта, или Влюбленная святоша». Его темпераментно исполняла актриса «малого жанра» Бэлла Казароза (сценический псевдоним Бэллы Георгиевны Шеншевой, 1893–1929), впервые ступившая на эстраду в мейерхольдовском «Доме интермедий» и недавно принятая в труппу театра: «Поэтическим отголоском этого спектакля и испанского танца Казарозы *предположительно* является написанное Александром Блоком в октябре 1912 года стихотворение „Испанке“».[7] Кроме того, Казароза исполняла в том же спектакле «под звон кастаньет и гитары страстную, испанскую песнь, сверкая черными глазами»,[8] — «Песенку гитаны» на музыку И. А. Саца (текст К. М. Миклашевского), а ранее, в 1910 году, на сцене «Дома интермедий» выступила в роли гитаны Хуаниты в пьесе Е. А. Зноско-Боровского «Обращенный принц» (реж. Вс. Э. Мейерхольд), заполняя антракты между действиями-хорнадами бравурными испанскими танцами. В памяти участников театральных проектов той поры запечатлелся образ «экзотического создания», смуглой женщины-подростка, экспрессивным исполнением испанских номеров создававшей иллюзию «подлинной гитаны, каким-то чудом занесенной на берега Невы».[9]

Известно, что Блок был связан творческими и деловыми отношениями с Н. В. Дризеном, одним из инициаторов, наряду с Н. Н. Евреиновым, проекта «Старинного театра». Идея воссоздания на современной сцене средневековых и ренессансных театральных постановок — мираклей, мистерий, моралите, фарсов, сочетавших в своей драматургии религиозную и театральную составляющие, поначалу привлекла Блока, всегда интересовавшегося историей театра и его мистериальными истоками. По заказу барона Дризена он перевел для «Старинного театра» миракль средневекового французского трувера Рютбёфа «Действо о Теофиле», который был поставлен в сезон 1907–1908 года. В дальнейшем Блок разочаровался в «эстетских», на его взгляд, сценических экспериментах «Старинного театра», но иногда посещал дризеновские «среды». 19 октября 1911 года он манкировал приглашением на пер-

---

[6] См.: Там же. Т. 3. С. 858.

[7] *Лопатин А.* Три персонажа в поисках любви: Б. Казароза, Н. Волков, О. Книппер-Чехова // Петербургский театральный журнал. 2001. № 24. С. 84 (курсив мой. — *Н. Г.*). В приложении к статье автор разместил стихотворения, инспирированные, по его мнению, образом «испанской танцовщицы»: кроме блоковского текста здесь представлены «Футбол» («Телохранитель был отравлен...») О. Мандельштама (по мемуарному свидетельству Вл. Пяста, образ Юдифи в заключительной строфе стихотворения был вдохновлен «одной из посетительниц „Бродячей собаки“») и «Гитана» («По платью нищая — красой движений жрица...») С. Маковского.

[8] *Мгебров А.* [Воспоминания] // Казароза. М., 1930. С. 67. Сборник памяти артистки, ушедшей из жизни при трагических обстоятельствах, был составлен из воспоминаний близко знавших ее людей преимущественно театрального круга и издан на правах рукописи в количестве четырехсот нумерованных экземпляров ее супругом театроведом Н. Д. Волковым. Он же, кстати, был автором монографии «Александр Блок и театр» (М., 1926). Раритетный экземпляр (№ 235) с автографом издателя, подаренный Л. Д. Блок (дата: 8 февраля 1931 года), находится в составе мемуарной части библиотеки Блока в ИРЛИ (шифр: 94.14/248).

[9] *Бенуа А. Н.* [Воспоминания] // Казароза. С. 20. Ср.: «...милая крошечная женщина, словно сошедшая с картины Гогена <...>. Это было совершенно экзотическое существо, бог весть как выросшее на нашей почве» (*Щепкина-Куперник Т. П.* Театр в моей жизни. М.; Л., 1948. С. 161).

вую «среду» сезона, 26 октября «опять не пошел к Дризену», но 10 ноября присутствовал на чтении кн. С. М. Волконского, бывшего директора Императорских театров.[10] В списке перечисленных Блоком присутствующих — «актеры и актрисы, певицы, какой-то (Пресняков)»[11] — и это единственная запись, в которой можно усмотреть косвенный намек на возможное знакомство поэта с Бэллой Казарозой.[12] В дошедших до нас биографических материалах — а осень 1911 года задокументирована в дневнике практически поднев-но! — нет ни одного упоминания имени актрисы, ни одного следа участия Блока в деятельности «Старинного театра» во второй его сезон (1911–1912), прошедший под знаком золотого века испанского театра. Блок не был ни на спектакле по пьесе Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна», состоявшемся 18 ноября, ни на «Благочестивой Марте» 28 ноября, отдав в этот вечер предпочтение спектаклю Мариинского театра — опере М. П. Мусоргского «Хованщина» с участием Ф. И. Шаляпина...[13] Весьма показательно и отсутствие каких-либо мемуарных свидетельств, касающихся факта знакомства Блока с артисткой. В посвященном ей некрологическом сборнике имя поэта встречается лишь однажды, во фрагменте, ощутимо ориентированном на стилистику «петербургского текста»: А. Радлова свидетельствует, что Казароза «любила широкие петербургские проспекты, гранитную набережную, низкие зеленые острова и стихи Блока».[14] И это при скрупулезной фиксации современниками малейшей причастности к биографии знаменитого поэта (вплоть до легендарных версий[15]), имя которого уже вскоре после смерти было включено в канон отечественной литературы.

Под пером увлеченного своей эксцентричной героиней автора реконструктивная гипотеза превратилась в безусловное утверждение, к тому же зафиксированное им в ряде справочных энциклопедических изданий.[16] В настоящее время достаточно спорная атрибуция, растиражированная сетевыми информационными ресурсами, начинает приниматься за аксиому даже в блоковедческой литературе. Это обстоятельство побуждает еще раз обратиться к ближайшему контексту создания стихотворения и, конечно, к самому тексту, чтобы обосновать альтернативный вариант атрибуции адресата посвящения.

* * *

Фактором, существенно затрудняющим идентификацию адресата рассматриваемого текста, является сведенная к минимуму его текстологическая «легенда». Поскольку записные книжки с № 34 по № 38 включительно, а это

---

[10] *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 68, 71, 77.

[11] Там же. С. 77. Отметим, кстати, что неизвестный Блоку на тот момент Валентин Иванович Пресняков (1877–1966) — артист балетной труппы Императорских театров, хореограф, педагог, устроитель частной школы «мимики, пластики и танца» (1910–1912), где был наставником Казарозы.

[12] О «Старинном театре» как локусе знакомства Блока с Казарозой см.: *Лопатин А. А.* А. А. Блок и «Старинный театр» (опыт прочтения стихотворения «Испанке») // Поэтическое пространство Александра Блока: Сб. статей / [Сост. и отв. ред. Д. Д. Кумукова]. СПб., 2013. С. 82–93.

[13] *Блок А.* Дневник. С. 87.

[14] *Радлова А.* [Воспоминания] // Казароза. С. 57.

[15] См., например, о претендентках на роль прототипа героини стихотворения «В ресторане»: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 596–597.

[16] Ср.: «А. Блок в стихотворении „Испанке“ (1912) дал поэтическое описание танца Гитаны в Старинном театре» (*Лопатин А. А.* Казароза Бэлла Георгиевна // Эстрада в России. XX век: энциклопедия / [Отв. ред. Е. Д. Уварова]. М., 2004. С. 260). См. также: *Лопатин А. А.* Казароза Бэлла Георгиевна // Энциклопедия циркового и эстрадного искусства. http://www.ruscircus.ru/news/prep/cgi/encyc?func=text&sellet=%CA&selword=2183; дата обращения: 31.07.2020.

период с середины сентября 1911 года до июня 1913 года, были Блоком незадолго до смерти уничтожены,[17] постольку утрачен и самый вероятный след первоначального наброска стихотворения, так как именно записные книжки являлись для поэта его главной творческой лабораторией, оттуда по преимуществу берет начало текстологическая история получивших воплощение стихотворных замыслов.[18] Более того, до нас не дошел и беловой автограф этого текста: в рабочую тетрадь № 7 стихотворение переписано матерью поэта А. А. Кублицкой-Пиоттух — случай в практике Блока не исключительный, характерная черта его литературного быта. Список авторизован: заглавие, дата под текстом «Лето — октябрь», а также позднейшая правка (зачеркнута 2-я строфа, не вошедшая во второе издание третьего тома, но впоследствии восстановленная) принадлежат поэту. Год написания стихотворения зафиксирован: в Хронологическом указателе в той же тетради оно помещено в перечне стихотворений 1912 года,[19] как и в аналогичном указателе в тетради № 9.[20] С датировкой, казалось бы, полная ясность, однако казус в том, что впоследствии, начиная с Собрания сочинений в 12 томах, текст, в соответствии с существовавшими эдиционными принципами, печатался с указанием последней по времени даты как итоговой, фиксирующей завершающий этап работы над текстом, т. е. *октябрь 1912 года*. В результате первая отмеченная Блоком в тетради дата, пусть и не конкретизированная, вообще выпала из поля зрения составителей комментария, что в итоге и дезориентировало их: события *лета 1912 года*, послужившие для поэта импульсом к созданию стихотворного послания, оказались вне круга рассмотрения и осмысления. Было бы логично обратиться к некоторым отчасти уже известным биографическим фактам и ввести их наконец в интерпретационный контекст стихотворения «Испанке».

Речь идет прежде всего о Териокской антрепризе — «Товариществе актеров, художников, писателей и музыкантов» (лето 1912), дававшем спектакли в курортном поселке Териоки под Петербургом (ныне — г. Зеленогорск) на сцене летнего театра «Казино». Л. Д. Блок, мечтавшая о сценической карьере и пробовавшая себя в амплуа драматической актрисы, на этот раз выступила инициатором идеи и основным финансовым спонсором предприятия.[21] Режиссером антрепризы согласился стать Вс. Э. Мейерхольд (под псевдонимом Доктор Дапертутто), труппу составили близкие к нему актеры, художники, энтузиасты сцены, разделявшие его увлечение пантомимой, commedia del'arte, арлекинадой. На эти театральные формы и был поначалу ориентирован постановочный репертуар, а пришедшие из «Старинного театра» А. А. Мгебров и В. В. Чекан привнесли в него колорит «испанского сезона».

Для премьеры была выбрана «очень стильная и выразительная», как оценит ее газетная пресса, пантомима «Влюбленные», уже ставившаяся Мейерхольдом в январе 1912 года в театральном зале в доме О. К. и Н. П. Карабчевских на Знаменской улице.[22] Визуальной основой пантомимы, ее сюжетной

---

[17] В дневниковой записи 3 июля 1921 года перечислены «нумера оставшихся записных книжек» (*Блок А.* Дневник. С. 351).

[18] Подробнее об этом см.: *Грякалова Н., Иванова Е.* Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 91–105.

[19] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 7.

[20] Там же. Ед. хр. 9. Л. 113 об.

[21] Данный эпизод в биографии жены поэта подробно, с опорой на архивные источники и материалы прессы, освещен в монографии Ю. Е. Галаниной, первом серьезном исследовании сценической деятельности Л. Д. Блок. См.: *Галанина Ю. Е.* Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М., 2009. С. 132–160 (глава «Териокское „Товарищество“ 1912 года»).

[22] Подробное описание этой ранней редакции пантомимы (художественное оформление под руководством А. Я. Головина), сделанное одной из ее участниц, А. Ф. Гейнц, приведено в книге:

схемы и сценических эффектов послужила картина «Влюбленные» набиравшего популярность испанского художника Эрменхильдо Англады-и-Камарасы (1871–1959), живописная манера которого отличалась характерным сочетанием эстетики «Черной Испании» с гротескно-фантастическим элементом — и этим была близка эстетической программе Доктора Дапертутто.[23] Автотипия картины, размещенная в журнале «Аполлон»,[24] в ряду других иллюстраций сопровождала обзор Международной выставки современного искусства в Риме. Его автор, знаток художественной жизни Европы, критик и искусствовед Я. А. Тугендхольд заметное внимание уделил современным испанцам — Игнасио Зулоаге (Сулоаге) и Англаде Камарасе, со- и противопоставляя их художественные принципы — органичность, «почвенность» первого, экзотизм и декоративизм второго: «...Испания Зулоаги — суровая Испания каждого дня; Испания Англады — царство экзотики, пышный и яркий ковер. <...> Его „Цыганская пляска“ — феерия южной ночи <...>. Всю роскошь своей палитры вкладывает он в пышность испанских костюмов, кажущихся у него действительно выпуклыми, усыпанными настоящими камнями. Зулоага ищет в лице индивидуальной и бытовой экспрессии, для Англады лицо — лишь сладострастная маска. Гитана Зулоаги — настоящая испанка, в которой огонь темперамента сочетается с целомудренной гордостью нации, гитана Англады — лишь жрица любви. Только в одной картине „Влюбленные арагонцы“ эта испанская страстность явлена нам как быт. „Испанские“ панно Англады — экзотическое сновидение и мишурный фейерверк, приснившийся парижанину...»[25] Имена двух художников представлялись русской публике не впервые: с 1901 по 1904 год журнал «Мир искусства» регулярно публиковал обзоры европейских выставок, в том числе тех, в которых

Волков Н. Д. Мейерхольд: [В 2 т.]. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 221. Мнение Лопатина, что литературной основой пантомимы послужила одноименная пьеса Октава Мирбо (см.: Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1999. Вып. 4. С. 326), не выдерживает критики при обращении к предполагаемому источнику: одноактная пьеса французского драматурга, ограниченная тремя действующими лицами (Он, Она, Излагатель), статична, лишена национального колорита и близка скорее буржуазной «комедии нравов» (см.: *Мирбо О.* Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. М., 1908. Т. 6. Фарсы и аллегории. С. 89–106).

[23] Мейерхольд познакомится с Англадой в Париже в мае 1913 года и посетит вместе с ним испанское кабаре (кафе кантанте) на Монмартре, где впервые услышит аутентичное исполнение испанских народных песен. «Англада очарователен, — делился режиссер в письме к жене своими восторгами от узнавания искусства «подлинной» Испании. — Очень интересуется Россией и хочет что-нибудь написать для театра. Готов ездить по старым заброшенным гнездам Испании, чтобы добыть настоящие костюмы. Он очень был заинтересован моими „Влюбленными“ и очень жалел, что ему не написали, не то он прислал бы имеющиеся у него костюмы» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896–1939. М., 1976. С. 155). Отметим, что в фонде театроведа А. В. Февральского, прошедшего обучение в Государственных экспериментальных театральных мастерских под руководством Мейерхольда, отложились фотографии картин Англады, есть среди них и «Влюбленные» (РГАЛИ. Ф. 2437).

[24] Аполлон. 1911. № 9 (между с. 34 и 35). В. П. Веригина, участница Териокской антрепризы, в своих мемуарах ошибочно называет картину «Серенада». «На картине изображена группа из пяти гитаристов: можно видеть пять гитар, хотя ноги пятого гитариста едва различимы, и стоящую фигуру справа» (цит. по: *Бирченоф Т.* Александр Головин и Испания // Третьяковская галерея. 2015. № 4 (49); https://www.tg-m.ru/articles/4-2015-49/aleksandr-golovin-i-ispaniya; дата обращения: 31.08.2020). Картина имела несколько версий и, соответственно, названий, сохранявших, однако, изначальное лексическое ядро: «Влюбленные из Хаки», «Влюбленные арагонцы».

[25] *Тугендхольд Я. А.* Международная выставка в Риме // Аполлон. 1911. № 9. С. 41–42. Выставка открылась 9 апреля 1911 года и была приурочена к пятидесятилетию провозглашения Рима столицей Италии. Ее посетил и М. Горький, живший тогда на Капри, который также отметил сильное впечатление, произведенное на него работами Сулоаги и Англады. См. также обзор «Римская международная художественная выставка» за подписью «Э. Х.» (Современник. 1911. Кн. 6. С. 12–39), где основное внимание уделено Сулоаге (Там же. С. 29–33) и только мельком упомянут Англада.

участвовали Сулоага и Англада. Оба попали в мейнстрим модерна с его интересом к своеобразию национальных стилей и их преломлению в современном искусстве. Художники входили в моду, особенно младший, Англада, обосновавшийся в Париже. Всего за указанный период журнал представил четырнадцать работ Англады, а картина «Испанский танец» позже была приобретена И. А. Морозовым (в настоящее время — в коллекции Государственного Эрмитажа).

В этой связи любопытна до сих пор не прокомментированная запись в дневнике Блока 6 декабря 1911 года: «У Любы сидят Анна Ивановна (Менделеева, мать Л. Д. Блок. — *Н. Г.*) и художница Краснушкина и глупо о чем-то говорят (слышно — Англада, Зулоага...)».[26] Эта ироническая реплика-зарисовка свидетельствует не только об интересе ближайшего семейного окружения Блока к новейшим тенденциям в искусстве, но также о дистанцированности самого поэта от внешних, как ему казалось, увлечений его жены «модными» веяниями.[27] Ни в одном из существующих изданий блоковского дневника не приводятся сведения о Е. З. Краснушкиной (1858 — после 1912), художнице батального жанра, мастере гравюры, работавшей в технике офорта, участнице художественных выставок в России и Европе, соученице А. И. Менделеевой по Императорской Академии художеств.[28] С 1890-х годов она постоянно жила в Риме, где имела свою мастерскую, и, конечно, была хорошо осведомлена о заметных событиях европейской художественной жизни, вполне возможно, что разговор шел как раз об экспозиции Международной выставки 1911 года.

Пантомима «Влюбленные», сочиненная Мейерхольдом по мотивам картины Англады, в своей сюжетной схеме предполагала участие шести действующих лиц: скрипач, две пары влюбленных и одинокая женщина.[29] Мизансцена, в соответствии с замыслом режиссера, была организована следующим образом: «Скрипач как бы вызывал своей музыкой пары влюбленных. Они появлялись справа и слева одновременно. Кавалеры — с гитарами, на которых они временами как бы играли. Начинался безмолвный диалог. Как ничего не значащие слова несут в себе многое, понятное влюбленным — ласку, сомнение, ревность, просто радость свидания и т. д., — так же движения пантомимы Мейерхольда таили в себе диалог чувств. <...> Пары действовали по обеим сторонам сцены. Иногда, как в танце, кавалеры менялись дамами, од-

[26] *Блок А.* Дневник. С. 89.

[27] Кстати, под той же датой зафиксировано и вечернее времяпрепровождение супругов, значимое в рассматриваемом контексте: «...Люба в Старинном театре, а я брожу и в кинематографе» (Там же). Ср. ровно через год, в записи 6 декабря 1912 года: «Вечером — и вчера и сегодня — уличные „миниатюры“ с кинематографом, — живее многого театрального» (Там же. С. 160).

[28] См.: *Менделеева А. И.* Менделеев в жизни / Вступ. статья и прим. М. Цявловского. М., 1928. С. 17–18 (глава II. «Академия Художеств»). См. также: Краснушкина Елизавета Захарьевна // Донская энциклопедия: В 2 т. Таганрог, 2015. Т. 1. С. 409.

[29] Кроме того, в прологе, сочиненном В. Н. Соловьевым, «некто, сходный с гофмановским странствующим энтузиастом, выходил с гитарой из глубины и произносил слова <...>, почти не имевшие отношения к пантомиме» (*Веригина В. П.* Воспоминания / Вступ. статья С. Л. Цимбала; прим. Т. В. Ланиной. Л., 1974. С. 177). Прием был заимствован из классического испанского театра, как и концепция всей программы, содержащая его рефлексы, но, естественно, адаптированная под местные условия. Ср.: «Спектакль начинался исполнением какой-нибудь популярной народной песни под аккомпанемент гитары. Затем следовал пролог, называемый в испанском театре лоа (дословно — похвала), не связанный тематически с разыгрываемой пьесой. <...> После этого исполнялась сарабанда — женский сольный танец с пением и кастаньетами. Затем начинался первый акт комедии; после него шла интермедия. Между вторым и третьим актами комедии разыгрывалась вторая интермедия. По окончании комедии представлялся сайнет (дословно — приправа) — одноактный фарс с музыкой и танцами <...>. По окончании сайнета исполнялся танцевальный номер, так называемая мохиганга — балетная сценка в масках» (История западноевропейского театра: В 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 372).

нако это был не танец, а скорее вступление к танцу. В середину выходила одинокая женщина, отвергнутая кем-то или не встретившая возлюбленного. Волна движения шла из центра, от одинокой фигуры, и движения боковых фигур становились интенсивнее, усложнялись. Немой диалог становился оживленнее и порой переходил в танец, который быстро обрывался, и снова возникал диалог».[30] Не совсем ясно, какую именно роль исполняла Л. Д. Блок — одинокой женщины или танцующей с партнером, но в любом случае ей удалось добиться выразительности и стать «убедительной испанкой по верности стилю и по насыщенности образа внутренней энергией».[31] Вероятно, сказался опыт, обретенный на уроках испанского танца, которые она брала в 1907 году у хореографа В. И. Преснякова (см. прим. 11). Как проницательно заметила Ю. Е. Галанина, «Любови Дмитриевне удавалось пластическое решение образа, когда она могла опереться на какой-либо изобразительный материал, будь то античные скульптуры или картина Англады».[32]

3 июня 1912 года Блок присутствовал на репетиции спектакля и оставил свой одобрительный отзыв в эпистолярной форме: «...я видел, как Люба танцует испанку — танцует свободно и легко, хотя и по-ученически. Трудно судить без декораций и костюмов».[33] Почти ежедневные письма к матери дают исчерпывающее представление о блоковской рецепции этого «испанского сюжета» в его весьма локальном «северном изводе». Открытие театра состоялось 9 июня спектаклем, включавшим три «пролога» — импровизированные выступления «кураторов» проекта Кульбина-Кульминанте, Мейерхольда-Дапертутто и В. Н. Соловьева, делившихся своим ви́дением театральной условности, и сценические воплощения этой идеи — пантомиму «Влюбленные», интермедию Сервантеса «Два болтуна» и арлекинаду «Арлекин — ходатай свадеб». Блок, переживавший очередную «переоценку ценностей», был критически настроен по отношению к модернистскому условному театру и сценическим экспериментам Мейерхольда, как и к «театральной археологии» в целом. Свой скепсис он перенес и на оценку спектакля. «Мне ничего не понравилось, — делился он впечатлениями с матерью на следующий день после премьеры. — О Любе судить мне невозможно, особенно по вчерашнему спектаклю, где, в сущности, никому и ни в чем нельзя было проявиться. Правда, прекрасную и пеструю шутку Сервантеса разыграли бойко, и Люба играла, держалась на сцене свободно, у нее был красивый костюм и грим, но она иногда переигрывала, должно быть, от волнения. Кроме того, были две пантомимы, из которых она участвовала в одной — танцевала; пантомима, по-моему, очень бессмысленная и необыкновенно банально придуманная и поставленная Мейерхольдом».[34] Выяснив, что он спутал во «Влюбленных» Л. Д. Блок с не понравившейся ему В. В. Чекан, он изменил свое мнение, еще раз подчеркнув, что «на репетиции эта роль была Любина».[35] Блок внимательно следил за скупой реакцией прессы на спектакли Териокской антрепризы и, стараясь поддержать жену, прибегал даже к некоторому искажению информации в ее пользу. Так, например, в письме от 11 июня он сообщал, имея в виду

---

[30] *Веригина В. П.* Воспоминания. С. 178.

[31] *Веригина В.* Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок // Звезда. 1980. № 10. С. 164. Веригина же отмечала и свойственное Л. Д. Блок «удивительное уменье владеть своим телом» (Там же). В составленную Галаниной хронографию ролей, сыгранных Л. Д. Блок, включена роль Испанки в пантомиме «Влюбленные», однако автор монографии обходит вопрос об адресате стихотворения «Испанке».

[32] *Галанина Ю. Е.* Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. С. 142–143.

[33] Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.] / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. М., 1932. Т. 2. С. 200 (письмо к матери от 5 июня 1912 года).

[34] Там же. С. 201.

[35] Там же. С. 203. Ср.: *Блок А.* Дневник. С. 129–130.

корреспонденцию в газете «Речь»: «...Василевский <...> пишет сочувственно, а тебя два раза похвалил: говорит, что в пантомиме ты была „интересна“, а в „Болтунах“ „выделялась“. Также одобрительно относится Зинаида Венгерова, с которой я разговаривал на станции».[36]

Таким образом, имеется достаточно оснований к тому, чтобы реактуализировать вопрос об адресате стихотворения «Испанке» и вывести из-за кулис персонажа, по праву претендующего на заглавную роль. Для дополнительной аргументации обратимся к поэтическому тексту.

* * *

Стихотворение Блока парадоксальным образом нарушает жанровый канон послания-оммажа уже своей инициальной строфой: лирический герой обращается к самому себе («Не лукавь же, себе признаваясь...»), восстанавливая в памяти события прошлого, т. е. начинает рассказывать свою собственную историю, историю *поэта*. В обрамленный лирической рамкой текст помещен текст-репрезентация — описание испанского танца, исполнительница которого инспирировала рассказ-размышление об искусстве, любви и их причастности трансцендентному.[37] Перед нами, с одной стороны, лирика переживания, с другой — «геральдическая конструкция» (mise en abyme), репрезентация текста в тексте. Вставной сегмент, по наблюдению Л. Делленбаха, автора классического исследования о метанарративной функции риторической фигуры mise en abyme, обладает способностью подчеркивать структуру произведения, обеспечивая его «автоинтерпретативными» приемами.[38] Вторичная репрезентация выступает «зеркальным отражением» претекста — той самой пантомимы «Влюбленные», разыгранной на подмостках летнего театра. Многочисленные реалии поддерживают параллелизм «текста жизни» и «текста искусства». Во-первых, характерные элементы исполнения испанского танца: жесты рук, отбивание каблуками четкого, ритмичного звука (сапатеадо), особая чувственность и величавость,[39] свойственные отдельным стилям фламенко; во-вторых, обязательные аксессуары: туфли на каблуках, разноцветные ленты, белые чулки, кастаньеты, шаль с кистями, — и это не экзотизмы, расцвечивающие «испанскую тему», но узнаваемые детали определенного сценического образа. Участница труппы свидетельствует: «Сапунов расписывал нам шали для испанской пантомимы»,[40] а корреспондент газеты «Речь» отмечает «превосходные костюмы», обеспечившие «стильность» постановки, вспомним, что и Блок отметил «красивый костюм и грим» Л. Д. Блок в роли Испанки.

Совершенно в ином ключе был решен образ Бэллой Казарозой (спектакль «Благочестивая Марта») — «бродячей песенницы-гитаны», «гитаны в лохмотьях», что подтверждает и сохранившаяся иконография, и мемуаристы.

---

[36] А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка: 1901–1917 / Предисловие Д. М. Магомедовой; послесловие Ю. Е. Галаниной; комм. Ю. Е. Галаниной, Е. В. Глуховой, Е. Е. Чугуновой-Полсон. М., 2017. С. 421–422. На самом деле рецензент отметил игру Л. Д. Блок в ряду других исполнителей, используя форму множественного числа, ср.: в пантомиме «Влюбленные» были «интересны Блок, Веригина, Ансельм, Чекан и особенно Донской», а в интермедии «Два болтуна» «выделялись Подгорный, Л. Блок и Лачинов» (*Вас<илевск>ий Л.* Театр в Териоках // Речь. 1912. 11 июня. № 157. С. 3).

[37] См. анализ стихотворения в ином методологическом ракурсе: *Дёньдёши М.* Два типа художественной субъективности: стихотворения Рильке и Блока на тему испанского танца // Шахматовский вестник. М., 2011. Вып. 12. С. 350–361.

[38] *Dallenbach L.* Le recit speculaire. Essai sur la mise en abyme. Paris, 1977. P. 127 и след.

[39] Ср. хиазм во 2-й строфе: «Что была, как печаль, величава / И безумна, как только печаль...»

[40] *Веригина В. П.* Воспоминания. С. 179.

В ее облике и исполнительской манере присутствовали южный темперамент, экспрессия, но не величавость. Ее танец — «танец босоногой танцовщицы», а в костюме нет ни лент, ни шали.[41] В блоковской лирической зарисовке шаль не просто аксессуар, но предмет сакрализованный, исполненный намека на потаенный смысл: «Заревая Господняя слава / Исполняла священную шаль», — эпитет в этом сочетании является у Блока постоянным (ср. в цикле «Венеция»: «...Меня от ветра, от лагуны / Священной шалью оградить...»).

Отсылка к «Влюбленным» эксплицирована в заключительной строфе упоминанием «влюбленного испанца»: ему и причастному «иным мирам» поэту понятны скрытые знаки («язык кастаньет»), как и язык аффекта — «крик Handá» (*исп.* Давай! Иди!). Финальная мизансцена оформляет любовный треугольник,[42] вновь создавая взаимопроекцию «текста жизни» и «текста искусства», превращая описание танца в рассказ об «испанской страсти», а все стихотворение — в лирическое излияние внутренней душевной тревоги.

[41] *Лопатин А. А.* А. А. Блок и «Старинный театр» (опыт прочтения стихотворения «Испанке»). С. 86 и след. Автор считает, что шаль «полностью домыслена Блоком» (Там же. С. 91).

[42] Об увлечении Л. Д. Блок артистом труппы К. К. Кузьминым-Караваевым (псевд. К. Тверской) и их начавшемся романе см.: *Высотская О.* Мои воспоминания // Театр. 1994. № 4. С. 100; *Веригина В.* Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок. С. 167–168. Коллизии семейной драмы отражены в дневниковых записях Блока за октябрь 1912 года. Напомним, что это финальная датировка стихотворения.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-91-100

© ***В. Н. БЫСТРОВ***

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К «ЕЖЕДНЕВНИКУ» А. А. БЛОКА 1915 ГОДА

«Ежедневники» Блока, несомненно, ценные источники самой разнообразной информации, касающейся его повседневной жизни в тот или иной период. Непростая задача комментатора заключается в том, чтобы прояснить их обширнейший контекст. Автор уже обращался к записной книжке Блока № 46 («Календарь. Отметчик. 1915»). В предыдущих публикациях содержится краткая характеристика этой книжки, хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ.[1] К обозначенному ранее следует внести некоторые существенные дополнения.

На одной странице Блок умещал мелким почерком записи о произошедшем за неделю, что неизбежно приводило к большой плотности текста.[2] Немало записей сделано на полях, поэтому в целом ряде случаев трудно определить, к какому дню они относятся. Множество заметок зачеркнуто, что чаще всего свидетельствует об исполнении тех или иных планов, намерений.

[1] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 357. Далее ссылки на этот документ даются в тексте сокращенно, с указанием номера листа. См.: *Быстров В. Н.* 1) Из комментариев к записной книжке А. Блока 1915 года // Русская литература. 2012. № 1. С. 153–162; 2) «Угрюмством множа красоту»: статьи, сообщения и заметки о творчестве А. А. Блока. СПб., 2017. С. 248–267 (см. другое сходное сообщение: «Непроясненные фрагменты записных книжек Блока» (Там же. С. 241–247)).

[2] Данная записная книжка с этой точки зрения разительно отличается, к примеру, от записной книжки № 44 — «ежедневника» 1914 года (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 355), в котором событиям одного дня отводилась целая страница.

Другой важный момент — отсутствие строгой хронологии: нередко записи делались заранее или, наоборот, post factum, иногда их порядок можно выстроить лишь предположительно. Естественно, что текст изобилует сокращенными словами, затрудняющими адекватное прочтение. Нельзя не отметить, что параллельно Блок заполнял записную книжку № 45, в которую вошли записи с июля по ноябрь 1915 года. Краткие заметки в ней, связанные, например, с благоустройством шахматовской усадьбы,[3] перекликаются с лапидарными летними заметками в рассматриваемой записной книжке.

* * *

Привлекает внимание целая россыпь записей, продиктованных перипетиями бурного романа поэта с актрисой Театра музыкальной драмы Л. А. Андреевой-Дельмас, исполнительницей заглавной партии в опере Ж. Бизе «Кармен». В частности, в книжке чрезвычайно часто встречается утвердительная частица *«да»*, касавшаяся свиданий Блока с возлюбленной в его доме. Она имела какое-то потаенное, интимное значение. Нередко эта императивная частица подчеркнута одной или даже двумя чертами. Иногда Блок видоизменял, редуцировал ее; например: «д...» (22 февраля; л. 6; в «Записных книжках»[4] отсутствует); «д __» (8 марта; л. 8). Данное закодированное обозначение появилось еще в 1914 году. Так, 7 апреля Блок отметил: «Я зайду к ней — да».[5] 28 декабря 1914 года поэт сделал, вероятно, знаменательную для себя запись: «Веч<ер> и ночь — с Л<юбовью> А<лександровной>. Да, да, да...».[6] В связи с этим, несомненно, примечательно свидетельство Е. П. Иванова в письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 23 декабря 1940 года после посещения Л. А. Андреевой-Дельмас: «Показывала она рукописи свои с условной пометкой „Да“; я не считал деликатным вчитываться очень...».[7] Ср. также ретроспективную дневниковую запись Блока от 21 мая 1917 года: «Сколько у меня было счастья («счастья», да) с этой женщиной» (*ЗК*, с. 339).

15 января Блок записал о своем посещении вместе с Л. А. Дельмас больной матери: «Днем и веч<ером> у мамы. Она у мамы. Спор с мамой — мой» (л. 2; в *ЗК* отсутствует). Вероятно, о причине этого спора может свидетельствовать признание А. А. Кублицкой-Пиоттух в письме к М. П. Ивановой от 17 января 1915 года: «Мне не сужден покой. Теперь началась ревность к Саше, по поводу меня, со стороны Л<юбови> А<лександровны>. Саша уже жалеет, что нас познакомил. Совсем повторяется история с Любой (Л. Д. Блок. — *В. Б.*). Конечно, до этого не дойдет и не может дойти. Но — посмотрим, что будет дальше».[8] Ср. запись Блока от 17 января, возможно связанную с этой историей: «Днем у мамы — ужас» (л. 2; *ЗК*, с. 254).

На первых страницах книжки в связи с Л. А. Дельмас неоднократно упоминается фамилия Карабчевских (у Блока ошибочное написание — Кораб-

---

[3] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 356. Л. 1 об. — 4.

[4] *Блок А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *ЗК*, с указанием номера страницы.

[5] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 86; в *ЗК* отсутствует.

[6] Там же. Ед. хр. 356. Л. 218 об.; двойное подчеркивание Блока; в *ЗК* отсутствует.

[7] К творческой истории стихотворения Блока «Перед судом» (Из переписки Р. В. Иванова-Разумника и Е. П. Иванова / Предисловие, публ. и комм. Н. В. Скворцовой // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4. С. 654.

[8] Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика; подг. текстов Ю. Е. Благоволиной, Ю. Е. Галаниной и др.; комм. Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Н. В. Лощинской, Р. Д. Тименчика и др. // Там же. Кн. 3. С. 442.

чевских). 4 января: «...пров<одил> до Корабчевских» (л. 1 об.; в *ЗК* отсутствует); 9 января: «Л<юбовь> А<лександровна> у Корабчевских...» (л. 1 об.; в *ЗК* отсутствует); 25 января: «...я провожаю ее к Корабчев<ским>...» (л. 3; *ЗК*, с. 254); 30 января: «Вечером — реп<етиция> — Пик<овая> Дама, у Корабчевских» (л. 3; в *ЗК* отсутствует); 31 января: «Ночью — она у Корабчевских» (л. 3; в *ЗК* отсутствует). Тут подразумевается семья Николая Платоновича Карабчевского (1851–1925) — заметной фигуры в российской жизни конца XIX — начала XX века, знаменитого юриста, адвоката, с 1913 года — председателя Петербургского совета присяжных поверенных. Многосторонне одаренный человек, он был и писателем (сочинял прозу, стихи, мемуары, пробовал свои силы в драматургии), и увлеченным театралом (нередко, особенно в молодости, выступал на любительской сцене). Состоял в дружеских отношениях с именитыми артистами: К. А. Варламовым, Л. В. Собиновым, В. Ф. Комиссаржевской и др., был членом Русского театрального общества. В его домашнем театре в особняке на Знаменской ул. (ныне ул. Восстания, д. 45) по субботам устраивались благотворительные спектакли и концерты; в частности, осуществлял свои постановки В. Э. Мейерхольд.[9]

27 апреля Блок записал: «Веч<ером> мы с Л<юбовью> А<лександровной> на поэзоконц<ерте> И. Северянина» (л. 12 об.; *ЗК*, с. 261). Имеется в виду 7-й поэзоконцерт, состоявшийся 27 апреля 1915 года в Александровском зале Городской думы. А. Масаинов прочел доклад «Поэты и толпа», с чтением стихов, помимо И. Северянина, выступили А. Масаинов, В. Виноградов, А. Толмачев.

В «Заметках» перед августовскими записями Блок зафиксировал: «В июле в Шахматове был 3 дня Франц. Неделю (до 31 авг<уста>) — Л<юбовь> А<лександровна>» (л. 22 об.; *ЗК*, с. 267). 19 июля А. А. Кублицкая-Пиоттух сообщала в письме к М. П. Ивановой: «14-го утром мы внезапно услышали звонки и увидели Франца. Он приезжал на 3 дня и 17-го уже уехал».[10] Относительно посещения Шахматова Л. А. Дельмас Блок ошибся: она гостила в конце июля — начале августа. Ср. в письме А. А. Кублицкой-Пиоттух к той же М. П. Ивановой от 6 августа: «У нас через 10 дней после отъезда Франца побывала Любовь Александровна. Прожила неделю. Я сама пригласила ее, написала ей письмо. Саша был очень рад».[11] Л. А. Дельмас позднее вспоминала: «Летом 1915 года я получила приглашение посетить имение семьи Блока — Шахматово. <...> В Шахматове в то время находилась семья: мать Блока, тетка, особенно близкая мне, и сам поэт. <...> И я решилась. На обратном пути из Чернигова в Петербург я остановилась в Москве и оттуда на неделю уехала в Шахматово. <...> Я волнуюсь — столько думала об этой поездке, — и вот я здесь. <...> Неделя пролетела незаметно, как сон...»[12] 12 августа Блок в письме признался Л. А. Дельмас: «Той недели, которую Вы провели в деревне, я никогда не забуду. Что-то особенное было в этом и для меня».[13]

* * *

Несомненно, тесно связаны между собой три февральские записи, в которых косвенно отразились достаточно громкие в то время события культурной и общественной жизни России: «Отв<ет> Ан. Чеботаревской (о еврейском

---

[9] См. о нем: *Троицкий Н. А.* Корифеи российской адвокатуры. М., 2006. С. 127–153.

[10] Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921). С. 450. Имеется в виду Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, отчим Блока.

[11] Там же.

[12] *Дельмас Л. А.* «Мой голос для тебя...». Воспоминания / Публ. и подг. текста И. Фащевской // Аврора. 1971. № 1. С. 69.

[13] Письма А. А. Блока к Л. А. Дельмас / Публ. И. Фащевской // Звезда. 1970. № 11. С. 200.

воззвании)» (3 февраля; л. 4 об.);[14] «Приставанье с жидами Чебот<аревской>, Андр<еева>, Горьк<ого> и Солог<уба>» (6 февраля; л. 4 об.);[15] «Веч<ером> еще один бесконечный разгов<ор> с Ан. Ник. Чебот<аревской> о порхатых жидах» (8 февраля; л. 5).[16] Чем же были вызваны эти написанные в явном раздражении строки? В предыдущей публикации данный эпизод уже затрагивался нами в комментарии ко второй записи; он касался сборника «Щит» (1915), направленного в защиту евреев.[17] Однако здесь необходимы существенные уточнения и дополнения.

В конце 1914 года по инициативе М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба начало создаваться «Русское общество изучения еврейской жизни». 16 января 1915 года Л. Андреев сообщал одному из своих корреспондентов: «...возник у нас некоторый писательский кружок (Горький и Сологуб и я во главе) с целью противодействовать антисемитизму; составляем книгу, проводим устав общества „для изучения еврейства“, ибо хотим легализоваться, устраиваем коллоквиумы с именитыми писателями и общ<ественными> деятелями и проч.».[18] Горький предложил составить анкету (опросный лист) по еврейскому вопросу и распространить ее среди деятелей науки, культуры, искусства и т. д.[19] Предполагалось подготовить два сборника: художественно-публицистический и «анкетный» (ответы на вопросы). Первый — это «Щит», выдержавший три издания, второй так и не вышел. Кроме того, решено было выступить с воззванием в защиту прав евреев. В одном из сохранившихся документов Сологуб свидетельствовал: «Я <...> составил текст обращения к русскому обществу по поводу гонений на евреев, тот текст, который, после обсуждения и некоторых изменений, был напечатан со многими подписями в газетах „Русские ведомости“, „Утро России“ и др. Ан. Н. Чеботаревская собрала многие из этих подписей и организовала у себя на дому ряд собраний, где обсуждались вопросы о положении евреев».[20] Заседания бюро Общества происходили в феврале 1915 года на квартире Сологуба. Его воззвание было одобрено 4 февраля. Текст опубликован в газетах 1 марта; его подписали свыше 200 литераторов, ученых, общественных деятелей. Среди них, кроме М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба: Н. Бердяев, И. Бунин, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, И. Северянин, Ал. Н. Толстой, Д. Философов и др.[21] Блок присоединиться к ним отказался. В письме к Ан. Н. Чеботаревской от 3 февраля он заявил: «Воззвания о снятии черты еврейской оседлости и об уничтожении процентной нормы я не подпишу, как не подписал бы и обратного, так как не считаю себя сведущим в государственной политике России. Я мог бы подписать только воззвание к добрым чувствам, свойственным русскому человеку, по отношению к людям, для которых смысл русского

[14] Ср.: «Отвечаю Ан. Чеботаревской» (*ЗК*, с. 255).

[15] Ср.: «Приставанье Чеботаревской, Андреева, Горького и Сологуба» (Там же). Ср. прим. Орлова: «По поводу участия в одной литературной анкете» (*ЗК*, с. 567).

[16] Ср.: «Вечером еще один бесконечный разговор с Ан. Ник. Чеботаревской» (*ЗК*, с. 255).

[17] См.: *Быстров В. Н.* Из комментариев к записной книжке А. Блока 1915 года. С. 155.

[18] Леонид Андреев. Письма А. А. Кипену / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. В. Н. Чувакова // De visu. 1994. № 3/4. С. 13.

[19] См.: Анкета об евреях (открытое письмо к публике трех русских писателей) // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 3 февр. № 14648.

[20] Цит. по: *Боева Г. Н.* Сологуб, Андреев и Горький в третейском суде: об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни // Научные труды по иудаике: Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2014. Вып. 46. Т. 2. С. 107. См. также по данной теме: *Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 66–93; *Соболев А. Л.* Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum Homini Universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011. С. 327–358.

[21] См.: К русскому народу // Утро России. 1915. 1 марта. № 59. С. 5.

просвещения и дух русского языка во многих известных мне случаях непонятен или враждебен».[22] В письме к ней же от 9 февраля 1915 года Блок еще раз акцентировал свою позицию: «Есть также своя мистика в том, что атмосфера еврейских воззваний парализует волю, заставляет ее как-то замирать».[23] Отвечать на вопросы анкеты поэт также не стал. 9 февраля 1915 года он, в частности, писал жене: «Горький, Андреев и Сологуб затеяли жидовские анкеты, воззвания и пр. Я наотрез отказался подписать что бы то ни было, отказался участвовать в порхатом концерте...».[24] Известно, что у Блока было крайне неоднозначное отношение к евреям, что нередко выражалось в антисемитских высказываниях.[25]

* * *

Среди многочисленных заметок, связанных с подготовкой к печати книги «Стихотворения Аполлона Григорьева»,[26] коснемся двух. Помимо других нерешенных вопросов Блок обозначил для себя следующий: «Колич<ество> экз<емпляров> Стих<отворений> 1846? (катал<ог> Базунова)» (л. 3 об.; в *ЗК* отсутствует). Сборник «Стихотворения Ап. Григорьева» издания 1846 года вышел тиражом 50 экземпляров, о чем Блок впоследствии сообщил в примечаниях к своей книге со ссылкой: «Указание Ю. Битовта (каталог библиотеки К. М. Соловьева. М., 1914. Стр. 165)».[27] Битовт Юрий Юлианович (1860-е — после 1914) — библиограф; составил обширную картотеку различных библиографий и указателей. В записи подразумевается также «Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова...», составленный В. И. Межовым (СПб., 1869). Сборник А. Григорьева указан на с. 749 (сведения о тираже там отсутствуют).

В осенних «Заметках» Блок отметил: «[Опечатки Ап. Григ<орьева>]» (л. 28 об.; в *ЗК* отсутствует). Список опечаток поэт послал Н. С. Ашукину 7 октября (л. 29; письмо не выявлено). 10 октября он писал ему же: «Список ошибок можно, конечно, не называть списком опечаток. Как видите, почти все ошибки — в драме: это я положился на „интеллигентную переписчицу“, а сам спохватился поздно — сверить в Публ<ичной> библ<иотеке>».[28]

* * *

12 января Блок записал: «Тет<ино> рожд<ение> (подар<ил> ей Кармен)» (л. 2; в *ЗК* отсутствует). День рождения М. А. Бекетовой — 11 января. К сожалению, Мария Андреевна не упоминает об этом эпизоде своей биографии. Возможно, Блок подарил ей книгу Ю. Д. Энгеля «Кармен. Опера Ж. Бизе: Путеводитель» (М.: Польза В. Антик и К° [1914] (Универсальная библиотека; № 632)), которая была в его библиотеке.[29] Не исключено, впрочем, что здесь подразумевался цикл «Кармен», только что опубликованный в журнале

---

[22] Цит. по: *Тименчик Р. Д.* Заметки комментатора 8. Пропавшее письмо // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 475.

[23] Там же.

[24] А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка: 1901–1917 / Предисловие Д. М. Магомедовой; послесловие Ю. Е. Галаниной; комм. Ю. Е. Галаниной, Е. В. Глуховой, Е. Е. Чугуновой-Полсон. М., 2017. С. 563.

[25] См. об этом, например: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. Париж, 1991. С. 38–42.

[26] Стихотворения Аполлона Григорьева / Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1916.

[27] Там же. С. 537.

[28] Московский понедельник. 1922. 7 авг. № 8. С. 3.

[29] См.: Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1986. Кн. 3. С. 272. Книга указана в списке изданий, местонахождение которых неизвестно.

Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» (1914. № 4/5. С. 5–16). Корректуру Блок вычитывал 29 ноября и 8 декабря 1914 года. 19 декабря 1914 года он отметил: «В 1-м часу ночи Мейерхольд передал в дверь № 4/5 журнала. Там — „Кармен“» (*ЗК*, с. 251).

* * *

В записи от 20 января о вечере у Ф. Сологуба упомянут, среди прочих гостей, прозаик, драматург, актер, режиссер Леонид Михайлович Добронравов (Леон Донич-Добронравов; 1887–1926). Идентификация может вызывать сомнения, поскольку написание его фамилии сокращено до четырех букв: Добр. (л. 2 об.; в *ЗК* отсутствует).[30] Об этом дружеском собрании оставила запись от 20 января 1915 года в своем дневнике В. А. Щеголева. Примечательно, что в ее написании фамилия Добронравова также сокращена до четырех букв, и у публикаторов дневника данный персонаж ошибочно фигурирует в качестве некой певицы: «И Добр. пел<а> много и по просьбе Б<лока> спел<а> „Уймитесь, волнения страсти“».[31] Между тем речь идет, вероятнее всего, именно о Л. М. Добронравове, который был певцом-любителем, приятелем Ф. И. Шаляпина, имел даже опыт выступления на оперной сцене, в частности в роли Бартоло в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини.

* * *

В «Заметках» после февральских записей Блок зафиксировал: «Вик<ентий> Вик<ентиевич> Пашуканис взял Чехон<инские> обложки и обманул насч<ет> прис<ылки> книг». На полях помета: «всё улажено» (л. 6 об.; в *ЗК* отсутствует). Живописец и график, ученик И. Е. Репина, член объединения «Мир искусства» Сергей Васильевич Чехонин (1878–1936) сделал четыре эскиза обложек для несостоявшегося проекта издательства «Сирин» — блоковского собрания стихотворений и тома «Театр» (хранятся в Литературном музее ИРЛИ). Ср. запись от 15 июля 1914 года: «Обложка Чехонина (мне)...» (*ЗК*, с. 234). 28 февраля 1915 года Блок писал по поводу них Н. П. Киселеву: «Кстати, г. Пашуканис забрал у меня обложки для нового издания моих книг, рисованные худ<ожником> Чехониным для „Сирина“. После всего, что знаю и слышу о г. Пашуканисе, судьба этих обложек меня беспокоит».[32] В связи с обещанными В. В. Пашуканисом книгами Блок сообщал в том же письме к Киселеву: «...г. Пашуканис обещал выслать мне несколько книг издания „Мусагета“. С тех пор прошло три недели, никаких книг нет. <...> Книг я не просил, он довольно настойчиво предложил мне их *сам*».[33]

* * *

11 апреля Блок отметил: «Наше письмо в „Дне“ о выходе из „Вершин“» (л. 11; *ЗК*, с. 260). Ранее, 9 апреля, А. М. Ремизов обратился к поэту: «Вы ничего не имеете против того, чтобы подписать письмо о выходе из „Вершин“? Письмо простое: просто уходим и всё тут. Подписи вам знакомые. Позвоните Вл<адимиру> Ник<олаевичу> Гордину 155–65. Хотите или не хотите подписыв<ать>».[34] Блок согласился и 10 апреля извещал Вл. Пяста: «Из „Вер-

[30] См. об этом: *Быстров В. Н.* «Угрюмством множа красоту». С. 242–243.

[31] *Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С.* Блок и В. А. Щеголева // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 855.

[32] *Чарушникова М. В.* Письма А. Блока Н. П. Киселеву // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 225.

[33] Там же. С. 224–225.

[34] *Блок А. А.* Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; публ. и комм. А. П. Юловой // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 120.

шин“ надо уходить, Гудзац повел себя неприлично. <...> мы с Ремизовым решили взять это на себя».[35] Писатель, журналист В. Н. Гордин выступил в газете «День» (11 апр., № 98) с заявлением об отказе редактировать журнал «Вершины» из-за конфликта с издателем Д. М. Гудзацем. Наряду с заявлением Гордина было помещено письмо группы писателей (А. Ахматовой, Блока, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, Вл. Пяста, А. Ремизова, П. Соловьевой и др.). Причина принципиальных разногласий между редактором и издателем заключалась в том, что Д. М. Гудзац, по словам В. Н. Гордина, намеревался поставлять «фривольную литературу для армии».[36]

* * *

В «Заметках» после апрельских записей фигурирует следующая зачеркнутая строка: «[? Генриэтта Паскарль[37] (Измайлов)]» (л. 13). Под второй фамилией подразумевается, вероятно, А. А. Измайлов.[38] Неясно, кто такая Паскарль. Можно предположить, что Блок ошибся в написании и имеется в виду Генриетта Мироновна Паскар (в замужестве Либерман; 1886–?) — актриса; в Петербурге училась актерскому мастерству у Мейерхольда. Позднее стала директором и художественным руководителем Первого государственного театра для детей в Москве. В 1926 году эмигрировала во Францию. Блок упоминает ее также в записной книжке 1921 года[39] и в дневниковой записи от 25 мая 1921 года.[40]

* * *

Несколько майских записей касаются непростой цензурной истории драмы «Роза и Крест»: «[К барону Дризену шлет М<ейерхоль>д (3½ — 5 на Театр<альной> ул<ице>, в цензуре).] Был 27 V и 29 V» (л. 13 об.; *ЗК*, с. 262). 27 мая: «У бар<она> Дризена (сухой чиновник)» (л. 15 об.; *ЗК*, с. 264); 28 мая: «Любезный тел<ефон> от бар<она> Дризена (всё разрешил)» (л. 15 об.; *ЗК*, с. 264); 29 мая: «Я получ<ил> от бар<она> Дриз<ена> ценз<урный> экз<емпляр> Р<озы> и Креста» (л. 15 об.; *ЗК*, с. 264).

У театрального цензора барона Н. В. фон Дризена Блок (при содействии Мейерхольда) хотел получить разрешение на постановку драмы «Роза и Крест». Это была не первая попытка. Ранее, летом 1914 года, Мейерхольд, намеревавшийся поставить пьесу в Александринском театре, уже обращался по этому поводу к Дризену. 9 июня 1914 года он писал Блоку: «Дорогой Александр Александрович, сегодня я получил письмо от ученика моего Генриха Федоровича Нотмана, который сообщает (письмо написано 1 июня): „в четверг был у барона Дризена, который сообщил мне, что пьеса Ал. Блока «Роза и Крест» может быть пропущена цензурой только в том случае, если название пьесы будет изменено, а также переделаны фразы на стр. 211: «на груди твоей крест горит»; на стр. 215: «что чернеет на кресте у него», — причиной этих изменений он назвал слово «крест», который, раз он упоминается в пьесе, актер должен будет надеть на себя, что на русской сцене недопустимо. Барон просил Вас написать ему ответ, как Вы на это смотрите, или чтобы Ал. Ал. Блок

---

[35] *Блок А. А.* Переписка с Вл. Пястом / Вступ. статья, публ. и комм. З. Г. Минц // Там же. С. 220.

[36] См. письма Блока к Вл. Пясту от 10 и 12 апреля: Там же.

[37] Орловым имя прочитано так: «Генриэтта Пасторль» (*ЗК*, с. 262).

[38] О взаимоотношениях его с Блоком см.: *Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017. С. 598–606.

[39] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 59.

[40] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 420. См. также: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921). С. 521–522.

зашел к нему для переговоров по этому поводу“. <…> Судя по тому, что барон просил Нотмана написать мне, спросить, как я на это смотрю, судя по этому, мне кажется, с бароном можно договориться, можно убедить его пропустить пьесу без изменений. В крайнем случае Вы, быть может, найдете возможным кое-что изменить из того, что — измененное — не может испортить пьесу. <…> Если Вы в Шахматове, то напишите барону только просьбу подождать Вашего возвращения в Петербург, начав письмо с того, что Вас известил я о „любезном приглашении“ зайти для переговоров по вопросу об изменении некоторых мест в пьесе „Роза и Крест“. <…> Поблагодарите за любезное предупреждение (ведь барон мог бы, не предупреждая, запретить пьесу или так много мест замазать красными чернилами, что разрешение было бы равносильно запрещению) и просите не скреплять пока пьесы, так как в июле (?) Вы вернетесь в Петербург и тотчас явитесь к барону. Если Вы вернетесь в середине июля, это было бы удобно. И я возвращаюсь в середине июля. Мы могли бы вместе отправиться к барону уламывать его».[41] 14 июня 1914 года Блок, получив от режиссера письмо, отметил в записной книжке: «…барон Дризен артачится насчет „Розы и Креста“» (*ЗК*, с. 233). 18 июня 1914 года поэт, сообразуясь с письмом Мейерхольда, сообщал Дризену: «В. Э. Мейерхольд известил меня о Вашем любезном приглашении зайти в Комитет для переговоров об изменении некоторых мест в моей пьесе „Роза и Крест“. К сожалению, я уже в деревне, но, если Вы не откажете принять меня осенью, я немедленно по возвращении явлюсь к Вам».[42] Неопределенность с разрешением к постановке пьесы длилась почти год. 29 мая 1915 года Блок сообщил матери, что по докладу Дризена в Главном управлении по делам печати «решили попробовать разрешить всё целиком».[43] В Александринском театре от сценического воплощения пьесы отказались. В апреле 1915 года режиссер Камерного театра А. Я. Таиров заручился согласием Блока на постановку драмы. Однако в ноябре 1915 года поэт, отказав Таирову, откликнулся на предложение Московского Художественного театра. В марте 1916 года началась работа над спектаклем, но он так и не был поставлен.[44]

* * *

24 июня Блок записал: «Люба получила лестное письмо от Репина» (л. 18 об.; *ЗК*, с. 266). Данное письмо художника было связано с желанием Л. Д. Блок попасть в труппу Нового театра актрисы и антрепренерши Л. Б. Яворской. Любовь Дмитриевна обратилась к И. Е. Репину с просьбой оказать ей в этом содействие. В ответ он, в частности, писал: «Разумеется, я с большой радостью исполняю Ваше желание. Прилагаю письмо к Л. Б. Яворской и очень желаю, чтобы оно было Вам полезно; но, увы, я не смею надеяться, что моему слову о Вас будет придано значение: я только голос из публики. Утешаюсь, что Вы и без моего отзыва завоюете всю симпатию и надлежащую оценку Лидии Борисовны».[45]

---

[41] *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896–1939 / Сост. В. П. Коршунова и М. М. Ситковецкая. М., 1976. С. 164–165.

[42] *Заборова Р. Б.* Новое об Александре Блоке // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 42.

[43] Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.]. М., 1932. Т. 2 / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. С. 266.

[44] См. об этом: *Полканова М. Ф.* О подготовке спектакля «Роза и Крест» в Художественном театре (Неизданные материалы) // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 5. С. 56–68. Ранее постановка была осуществлена в харьковской студии П. И. Ильина (см.: *Шоломова С. Б.* К истории первой постановки драмы «Роза и Крест» // Там же. С. 46–55 (было ли цензурное разрешение, не установлено)).

[45] Цит. по: *Галанина Ю. Е.* Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М., 2009. С. 207.

* * *

Отдельный сюжет связан с рисунком Н. К. Рериха, принадлежавшим Блоку; ср.: «[В. Н. Левитскому отдан для воспроизведения у Голике — рис<унок> Рериха]» (9 октября; л. 29; в *ЗК* отсутствует); «В. Н. Левитск<ий> присл<ал> за рис<унком> Рериха» (12 октября; л. 29 об.; в *ЗК* отсутствует); «От Левитск<ого> — Рериха рис<унок>» (28 октября; л. 30 об.; в *ЗК* отсутствует). Левитский Владимир Николаевич (1879–1942) — художник-график, сотрудник журнала «Аполлон»; один из составителей и художественный редактор коллективной монографии «Рерих», вышедшей в издательстве «Свободное искусство» в 1916 году. Для воспроизведения в этом издании Левитский и просил у Блока рисунок Рериха. История кратко такова. В конце 1909 года Блок обратился к Н. К. Рериху с просьбой предоставить в качестве фронтисписа к своим «Итальянским стихам» рисунок «Италия», сделанный художником в 1907 году. Н. К. Рерих согласился, подарив его поэту. Он был опубликован со стихами Блока в журнале «Аполлон».[46] Рерих вспоминал о встрече с Блоком по этому поводу: «Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его „Итальянских песен“ и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, — все эти вехи Блок знал как нечто реальное».[47] Ср. также в статье Рериха «Блок и Врубель»: «Первый раз Блок пришел с просьбою сделать ему для его книги (имеется в виду публикация в «Аполлоне». — *В. Б.*) фронтиспис „Италия“. На этой почве старинных фресок и великолепных сооружений начались наши внутренние беседы».[48] Рисунок хранится в Литературном музее ИРЛИ (инв. № ПД-1609 / И-53947). В первой записи Блок имел в виду издательское товарищество «Р. Р. Голике и А. И. Вильборг» (1902–1918). Однако книга «Рерих» была отпечатана в типографии «Унион». Это «художественно-графическое заведение <...> имело репутацию одной из лучших типографий, соперничающих с типографией Голике и Вильборг. „Унион“ <...> осуществлял красочную и иллюстрационную печать (гравюры, офорты) и т. д.».[49]

* * *

2 ноября Блок отметил: «Рец<ензия> А. Левинсона о маме (Флобер)» (л. 32; *ЗК*, с. 274). Левинсон Андрей Яковлевич (1887–1933) — художник, театральный критик, историк балета, переводчик. Подразумевается издание тома переписки Флобера в переводе А. А. Кублицкой-Пиоттух в Полном собрании сочинений.[50] На вышедший перевод рецензент откликнулся критически и, в частности, писал: «Радуясь прекрасной книге <...> и, видимо, любовному отношению русских издателей к славной памяти Флобера, нельзя не указать на серьезные недостатки перевода, сделанного заслуженной переводчицей под редакцией известного поэта. <...> допущен целый ряд

---

[46] Аполлон. 1910. № 4. С. [38].

[47] *Рерих Н. К.* Твердыня пламенная. Рига, 1991. С. 7.

[48] *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 2 т. 2-е изд. / Предисловие С. А. Пономаренко; сост., прим. и указатели Н. Г. Михайловой. М., 2000. Т. 2. 1936–1941. С. 120–121.

[49] *Шехурина Л. Д.* Петербургская типография «Унион» (1908–1917) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения — 2010. Сб. науч. трудов: [В 2 ч.]. СПб., 2011. Ч. 1. Книжное дело. Культурология. С. 38.

[50] *Флобер Г.* Полн. собр. соч.: Новые переводы. Т. 8. Переписка. Ч. 1. Письма к племяннице с приложением «Интимных воспоминаний» Каролины Комманвилль / Пер. А. А. Кублицкой-Пиоттух; под ред. А. Блока. СПб.: Шиповник, 1915. Издание сохранилось в книжном собрании поэта: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 2. С. 358.

отступлений от действительного смысла оригинального текста; „воспоминаниям“ же придана несвойственная им вычурность».[51]

В данных заметках, как и в предыдущих, затронута лишь небольшая часть сюжетов, отраженных в «ежедневнике» Блока 1915 года. Краткие записи поэта нередко нуждаются в пояснениях, интерпретациях, иногда носящих характер предположений. Тема эта далеко не исчерпана и требует дальнейших изысканий. Более обстоятельную картину в каждом конкретном случае дадут, конечно, готовящиеся к изданию два тома записных книжек в составе академического Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока.

[51] *Левинсон А.* Письма Флобера // Речь. 1915. 2 нояб. № 302. С. 3.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-100-108

© *О. А. КУЗНЕЦОВА*

«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» А. А. БЛОКА: ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА И АВТОРСКОЕ НАЧАЛО

С 8 мая 1917 по январь 1918 года А. А. Блок был редактором стенограмм допросов в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (далее — ЧСК). Предполагалось, что результатом деятельности ЧСК будет Отчет первоначально для предоставления Временному правительству, а впоследствии к открытию Учредительного собрания.[1] В нем Блоку было поручено написать две главы: «Последние дни старого режима» и о последнем министре внутренних дел Российской империи Александре Дмитриевиче Протопопове (1866–1918).[2] В августе 1917 года Блок приступил непосредственно к работе над текстом первой из них,[3] а 3 апреля 1918 года уже отправил ее в Академию наук С. Ф. Ольденбургу,[4] возглавлявшему редакционную комиссию ЧСК. В записной книжке он пометил, что туда же необхо-

[1] «План отчета или доклада Учредительному собранию, составленный Е. В. Тарле», см.: *Блок А.* Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский, З. И. Перегудова. М., 2012. С. 405.

[2] См.: Проект отчета Чрезвычайной следственной комиссии // Там же. С. 406.

[3] Подробнее об этапах подготовки Блоком этого труда см.: *Гальперина Б. Д.* 1) Аполлон в плену у Клио: О работе Блока в Чрезвычайной следственной комиссии // Аврора. 1970. № 11. С. 59–64; 2) Работа А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002. С. 355–368; *Иванова Е.* 1) Блок в Чрезвычайной следственной комиссии; Очерк «Последние дни императорской власти»: история создания // Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни. М., 2012. С. 64–86; 2) Блок и Февральская революция // Наше наследие. 2017. № 121. С. 50–55; *Перегудова З. И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 298–365.

[4] Об этом свидетельствуют пометы на обложке рукописи «Последние дни старого режима» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 1) и в записной книжке (*Блок А. А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 398).

димо передать «четыре стенограммы для хранения».[5] 8 апреля академик вернул ему рукопись, предлагая поправить то, что нарушало «общий летописный тон».[6] Окончив труд, поэт передал скопившиеся у него за это время материалы ЧСК в Пушкинский Дом.[7] В фонде Блока сохранилась пустая папка, на которой рукой неустановленного лица сделана надпись: «В помещение Пушкинского Дома в Российской Академии Наук. От Ал. Блока: просьба — приложить пакет к стенограммам Чрезв<ычайной> Следств<енной> Комиссии для рассказов о противозак<онных> по должности действиях бывш<их> министров (1917 года). Здесь находятся некот<орые> деловые документы и материалы для части Отчета Учредит<ельному> Собранию, могущие впоследствии придать некоторый интерес».[8] Вероятно, речь идет о 55 единицах хранения, включая эту папку, которые в описи числятся под единым заглавием «Материалы Чрезвычайной Следственной комиссии».[9]

Переданные Блоком в архив документы позволяют проследить начальные стадии составления этого сочинения, опубликованного в 1919 году на страницах журнала «Былое» под заглавием «Последние дни старого режима»,[10] а в 1921 году вышедшего отдельным изданием с Предисловием и Приложениями, под названием «Последние дни императорской власти».[11] В процессе работы Блока жанровая природа его труда неоднократно претерпевала изменения. Поначалу личное присутствие на допросах министров и посещение их в казематах Петропавловской крепости создает у поэта впечатление погружения «в историю русского самодержавия XX века», которую он в письме к матери 18 мая 1917 года изображает как «увлекательный роман с тысячью действующих лиц и фантастических комбинаций». На этом материале можно было бы, по мнению Блока, написать серию романов или эпопею, «историю этого бесконечного рода русских Ругон-Маккаров, или Карамазовых».[12] В этом же письме он делает портретные зарисовки «героев» своего воображаемого «романа» в духе Э. Золя или Ф. М. Достоевского: «Пошли в гости — сначала к Воейкову <...> это ничтожное довольно существо, не похож на бывшего командира гусарского полка, но показания его крайне интересны; потом зашли к кн. Андроникову; это — мерзость, сальная морда, пухлый животик, новый пиджачок (все они повторяют одинаково: «ах, этот Андроников, который ко всем приставал»). Князь угодливо подпрыгнул — затворить форточку; но до форточки каземата не допрыгнешь. Прямо из Достоевского».

---

[5] Там же. С. 398.

[6] Там же. С. 399.

[7] Подробнее о связях Блока с Пушкинским Домом при Российской Академии наук см.: *Лощинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи, документы, библиография. Л., 1982. С. 13–36.

[8] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 55. Основное собрание материалов, связанных с А. А. Блоком, поступило в Пушкинский Дом 29 марта 1940 года, через шесть месяцев после смерти его вдовы, Л. Д. Блок, — из них было сформировано 8 описей 654-го фонда. Отдельные документы, поступавшие от разных лиц в период с 1928 по 1980 год, оформлялись в разряд I, опись 3 «Материалы А. А. Блока». Автор выражает благодарность за эти сведения Людмиле Дмитриевне Зародовой.

[9] Эти документы, сданные поэтом лично в 1918 году, по всей видимости, были обнаружены уже после того, как фонд 654 был сформирован, и присоединены к описи 5, где уже содержались стенограммы отчетов, но не расписаны по единицам хранения, под общим заглавием «Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1–55).

[10] *Блок А.* Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15. С. 3–50.

[11] Последние дни Императорской власти: По неизданным документам составил Александр Блок. Пг.: Алконост, 1921. Подробнее об издании см.: *Иванова Е.* Очерк «Последние дни императорской власти»: история публикации // Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни. С. 220–222.

[12] Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.]. М., 1932. Т. 2 / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. С. 364.

К последнему предложению Блок делает сноску: «М<ежду> пр<очим>, большую библию на столе я заметил только у Андроникова».[13]

19 июня 1917 года он продолжает смотреть теперь уже на протоколы допросов глазами писателя и видит в них «богатый *литературный материал*»,[14] который можно использовать в работе над отчетом. 25 июля Блок записывает в дневнике свои размышления по поводу жанра предстоящего труда, которые он высказывал в этот день на заседании ЧСК: «Мыслимо: — или — большое исследованье, исследованье свободное, с точки зрения исторической, подходящее к явлениям, <...> пользующееся всем богатейшим матерьялом; или — доклад политический, сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом). Я останавливаюсь <...> на последней форме».[15] Если в воображаемом романе из жизни самодержавного рода или «литературном материале» допросов автора могли заинтересовать персонажи, характеры, судьбы, то риторика политического доклада-обвинения, напротив, позволяла абстрагироваться от «значения имен» и роли каждой отдельной личности в историческом процессе. Эту свою мысль Блок проиллюстрировал примером: «Протопопов (даже) — личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная *политически*».[16]

Однако 4 августа Блок приступает к работе над тезисами своих разделов в общем труде, и в его бумагах уже фигурирует исключительно жанр отчета. 19 августа 1917 года он составляет докладную записку на имя Председателя ЧСК, где подробно расписывает план порученной ему части. В ней он демонстрирует намерение «подвергнуть обработке материалы», добытые ЧСК, и представляет список «важнейших в политическом отношении» событий.[17] Временные рамки главы «Последние месяцы старого режима» указаны как 1 ноября 1916 года — 27 февраля 1917 года.

Ольденбургу жанр будущего сочинения представлялся собранием документов, оформленных в виде выдержанной в летописном стиле исторической хроники. По его поручению Блок составил по газетам хронологическую «Сводку событий», определив даты шире — «с 1 сентября 1916 по 26 февраля 1917».[18] В данном жанре автор выступал в роли хрониста, излагающего последовательность событий, приведших к падению режима.

18 января 1918 года ЧСК прекратила работу, однако поэт, уже не связанный жесткими бюрократическими рамками, продолжил свое дело.

На разных этапах подготовки этого труда в зависимости от жанровой природы сочинения менялся и статус автора: он выступал то сочинителем воображаемого романа, то беллетристом, черпающим из стенограмм допросов психологические типы и характеры и драматические коллизии, то составителем политического памфлета, то историком, то компилятором, то просто чиновником, подготавливающим отчет, или даже анонимным летописцем. Все эти разнородные, разножанровые элементы в том или ином виде оказали влияние на окончательный текст произведения.

Подготовительные материалы к этому труду, сданные поэтом в Пушкинский Дом, позволяют не только проследить историю создания, но и более детально выявить присутствие автора в окончательном тексте его сочинения,

---

[13] Там же. С. 365.

[14] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 265.

[15] Там же. С. 288.

[16] Там же.

[17] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 368–369.

[18] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 28. Опубл.: *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 233–275. См. также: *Поливанов О. А.* «Сводка событий» А. А. Блока предреволюционных и февральских дней 1917 года // Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 367–372.

несмотря на скромную позицию «составителя», которую он сам себе отвел в последнем издании.

Для этого необходимо, в первую очередь, раскрыть все закавыченные и скрытые цитаты, установить, сведения из чьих допросов использовались в каждом конкретном случае, и самое главное — определить принципы цитирования и способы подачи «чужого слова».

С этой точки зрения особый интерес представляет работа поэта с историческими свидетельствами, а именно краткие конспекты и выписки из многостраничных протоколов допросов,[19] сделанные им на начальном этапе.[20] Помимо того, что в них зафиксирована стадия отбора фактического материала, эти конспекты содержат краткие характеристики исторических личностей, оценку их деятельности, в них поэт пытается выстроить логику развития событий и самое ценное — фиксирует свои собственные размышления. Так, например, на обороте конспекта допроса директора Департамента полиции, а впоследствии заместителя министра внутренних дел Степана Петровича Белецкого (1873–1918) Блок сделал помету: «письм<енные> показания, мои сообр<ажения>, допросы».[21]

Рассмотрим на конкретных примерах принципы работы Блока с «подлинными документами», о которых он писал в Предисловии к «Последним дням императорской власти». В тексте книги князь Михаил Михайлович Андронников (1875–1919), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, обрисован автором следующим образом: «...вертевшийся в придворных и правительственных кругах, подносивший иконы министрам, цветы и конфекты их женам, и знакомый с царскосельским камердинером, характеризует сам себя так: „человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы“».[22]

Портрет в целом представляет собой собрание явных и скрытых цитат из двух протоколов допросов, установить которые помогает двухстраничный конспект, сделанный Блоком. В нем большое внимание уделяется связям Андронникова с царской семьей, ее ближайшим окружением и министрами. Трижды Блок фиксирует истории дарения икон,[23] игравшие особую роль в установлении нужных для Андронникова политических контактов: «Подносил образа рублей в 50, букеты знакомым женам министров, что-то еще Сухомлиновой»,[24] «...поднес императрице два образа; это было, когда она уже „взяла бразды правления“».[25] Среди этих выписок особый интерес представляет рассказ

---

[19] Е. В. Иванова опубликовала записку Блока в ЧСК от 13 октября 1917 года, где перечислены 25 из 88 «стенографических отчетов допросов», которые Блок собирался использовать в своем сочинении, с указанием, на чьих показаниях будет строиться каждый сюжет (см.: *Иванова Е.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 83–84).

[20] Е. В. Иванова считает, что эти краткие конспекты связаны с проектом сокращенного издания стенограмм (см.: Там же. С. 78). Однако два факта, а именно: избирательность сведений, представленная в конспектах, и характер записей «для себя», — позволяют предположить, что это подготовительные наброски к «Последним дням императорской власти».

[21] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 2. Л. 1 об.

[22] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 8–9.

[23] Следователь ЧСК В. М. Руднев писал: «Князь Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовни, поставив большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналоя и пр.» (*Руднев В. М.* [Правда о русской царской семье и темных силах] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998. С. 148–165 (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 8)).

[24] Протокол допроса кн. Андронникова Михаила Михайловича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 2. Сухомлинова Екатерина Викторовна (1882–1925?) — жена военного министра В. А. Сухомлинова.

[25] Там же.

о подношении иконы А. Д. Протопопову через несколько дней после назначения его на пост министра внутренних дел: «17-го состоялось назначение, 19 или 20 А<ндроннико>в приехал и видел П<ротопопо>ва всего 1 ½ мин<уты> и просил разреш<ения> поднести образ. Протопопов охотно согласился. На обороте образа А<ндроннико>в написал слова П<ротопопо>ва о законности и справедливости, а через две недели П<ротопопо>в его уже не принимал».[26]

История с дарением «конфект» в этих протоколах не упоминается, она рассказана И. Л. Горемыкиным на его допросе 15 мая 1917 года как пример манеры поведения Андронникова. В частности, И. Л. Горемыкин заявил: «Как же, знаю Андроникова — странный человек. Он ко мне приставал, он несколько раз бывал и никогда не являлся с пустыми руками, всегда с букетом роз или с конфектами, которых я не ем, потому что мне запрещены конфекты».[27]

Однако все эти подробности и важные детали в тексте «Последних дней императорской власти» Блок сознательно опускает. Кроме того, на первый взгляд, создается впечатление, что автор не придает значения и той модальности, в которой тема дарения «образов и цветов» возникала в протоколах ЧСК.

Вопросы, которые задают подследственному прокурор харьковской судебной палаты Б. И. Смиттен и Председатель относительно икон и цветов на допросе 8 апреля 1917 года, на самом деле касаются коррупционной составляющей:

«*Смиттен*. — Скажите, пожалуйста, вы делали подношения ценного характера должностным лицам?

Андроников. — Ценные... нет. Мои подношения состояли из образов: образ стоил рублей 50... <...>

Смиттен. — А букеты цветов вы подносили женам министров?

Андроников. — Только тем, которых я знал.

Смиттен. — Другого рода подношений вы не делали?

Андроников. — Нет, другого рода — нет...»[28]

Автохарактеристика Андронникова: «человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы», — также появляется в протоколе допроса в определенной ситуации, которую Блок в своих конспектах и своем сочинении как бы игнорирует:

«*Председатель*. — Позвольте вам прямо поставить вопрос: в чем заключалась ваша деятельность? Кто вы?

Андроников. — Я ответил бы: человек, гражданин, желающий как можно больше принести пользы...

Председатель. — Это в сфере субъективной, в сфере идеалов. А конкретно, — кто вы? Какова ваша деятельность?

Андроников. — Это очень трудно... Я себе задавал часто этот вопрос и отвечал: „Благодатью божиею, я есть то, что есть: человек, в настоящем смысле этого слова, но интересующийся всеми вопросами государственной жизни, близко принимающий все и желающий принести как можно больше пользы!“»[29]

Как видим, Председатель пытается выяснить роль Андронникова в политике, а князь как ловкий придворный уходит от ответа, прячется за избитые фразы об общественной пользе. Однако даже изъятый из контекста допроса этот высокопарный пассаж становится яркой речевой характеристикой блоковского героя. Таким образом, собственно блоковским текстом в этом портретном изображении остается единственная фраза, квалифицирующая

[26] Там же. Л. 1.

[27] Допрос И. Л. Горемыкина 15 мая 1917 // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. / Ред. П. Е. Щеголев. Л., 1925. Т. 3. С. 319.

[28] Допрос кн. М. М. Андронникова. 8 мая 1917 г. // Там же. Т. 2. С. 12–13.

[29] Там же. С. 11.

характер деятельности и роль этого персонажа: «вертевшийся в придворных и правительственных кругах».[30]

Другая краткая портретная зарисовка — последнего председателя совета министров князя Николая Дмитриевича Голицына — основывается исключительно на его речевой манере. Блок выписывает в своем конспекте следующий фрагмент из протокола допроса князя Голицына: «Когда чернь волновалась в городе, я скрывался. Председатель: будем говорить народ».[31] Слово «чернь» Блок подчеркивает красным карандашом. В соответствии с этим в «Последних днях...» возникает следующий образ: «старый аристократ, брезгливо называвший народ „чернью“».[32]

В отличие от портретов оценка репутации исторических деятелей принадлежит главным образом автору. В «Последних днях императорской власти» «людьми самой высокой честности» названы «министр народного просвещения граф Игнатьев» и «министр иностранных дел Покровский». Исключением является реноме военного министра генерала Беляева как человека порядочного, здесь Блок ссылается на мнение М. В. Родзянко,[33] но по всей видимости, его не разделяет. Стоит учесть, что не все оценочные отзывы Блока из предварительных материалов попали в окончательный текст. Так, в конспекте допроса Голицына Блок резюмировал: «Бледная, порядочная фигура <...>, он сказал мало, но кое-что выразительно».[34] По поводу стенограмм Белецкого он восклицал: «Вот характерная фигура!», а в конспекте его первого письменного показания конкретизировал свое замечание: «В этом показании 19 л., а сколько ведер грязи!»[35]

Еще один важный момент авторского волеизъявления заключается в том, кому из очевидцев и участников событий Блок предоставляет в своем повествовании право голоса: какие свидетельства он цитирует, на чьи показания опирается. «Подлинные документы» присутствуют в хронике Блока в разных ипостасях: эксплицитно, в виде закавыченной цитаты из допроса, и имплицитно, когда автор передает чей-то рассказ о событиях, выбирая из множества вариантов точку зрения именно этого персонажа.

Так, история назначения князя Голицына, напоминающая скорее великосветский анекдот, выписана Блоком из протоколов его допроса: «Царь думал, кого бы назначить: Рухлов[36] не знает франц<узского> языка, а на днях собирается конференция. „Я с вами хитрю, я вас вызвал, не императрица, мой выбор пал на вас“ (слова царя). Голиц<ын> „мечтал только об отдыхе“».[37] Она почти без изменений вошла в «Последние дни...».[38]

В то же время сюжет назначения на пост Протопопова[39] основан на показаниях князя Андронникова, при этом его имя ни разу не упоминается. Блок законспектировал этот рассказ из стенограммы допроса: «Как был

---

[30] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 8.

[31] Допрос кн. Голицына Николая Дмитриевича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 1.

[32] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 11.

[33] Там же. С. 12. Ср. также: «*Председатель.* — Вам ничего не известно о незаконной деятельности Беляева, бывшего военного министра?

Родзянко. — Я считал его всегда очень порядочным человеком в денежных и других делах» (Падение царского режима... Т. 7. С. 171–172).

[34] Допрос кн. Голицына Николая Дмитриевича. Л. 3.

[35] Протоколы допросов Белецкого Степана Петровича (30 мая — 6 июня с перерывами) // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 2. Л. 7.

[36] Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) — член Государственного Совета.

[37] Протоколы допросов Белецкого Степана Петровича. Л. 1.

[38] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 10–11.

[39] Подробнее об этом см.: *Спивак М. Л.* Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 8. С. 102–118.

назнач<ен>[40] П<ротопоп>ов: „он хотел во что бы то ни стало добиться власти и всех водил за нос, говорил то, чего впоследствии не оказывалось, и не брезговал никакими путями. Он понял, что надо быть по покладистости вторым Сухомлиновым. Для достиж<ения> цели, он лечился у Бадмаева. Английский король был в восторге от его разговоров и писал об этом царю. С другой стор<оны> — путь расчистили Распутин, Питирим, Мануйлов и остальные“».[41] В текст исторического труда он вошел с незначительными изменениями.[42]

Для себя в конспекте Блок сделал более подробную запись из допроса хорошо осведомленного во всех нюансах этого назначения Андронникова: «Знакомство с Протопоповым. Бывшая императрица сместила А. А. Хвостова, очень пожилого человека, „кот<орый> не пускал к себе Р<аспути>на, не кланялся В<ырубов>ой, делал по-своему и Сухомлинова из крепости не выпускал“.[43] Узнав от Хвостова, что он уходит, Андронников по „Всему Петрограду“ нашел телеф<он> П<ротопопо>ва. Ему ответили, что просят приехать сегодня же. На Кирочной вышел сначала военный, потом Протопопов. Он вдумчиво посмотрел в глаза и сказал, как кто-то из покойных иерархов назвал Ан<дроннико>ва „апостолом Господа Бога“. Ему понравилось амплуа Ан<дроннико>ва, знает, что оригинальный человек. На вопрос о программе П<ротопоп>ов говорил без конца, что он либеральный, введет прежде всего законность и справедливость. Разговор от 9½ до 2½ ночи. <...> Это было 15 сент<ября>, 17-го состоялось назначение».[44]

Одна из наглядных блоковских характеристик Протопопова — это мастерски исполненная им интрига, приведшая к отставке с поста премьера А. Ф. Трепова. Блок так описывает эту ситуацию: «Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела)».[45] В данном случае Блок опирается на свидетельство Белецкого, также разрабатывавшего план избавления от Распутина. Эту историю Блок выписал из его Письменного показания № 4 от 20 июля 1917 года: «Победа Протопопова в борьбе с Треповым. К Распутину приходил ген. А. А. Мосолов[46] и, принеся с собой вино, стал убеждать Распутина (во время выпивки) отказаться от вмешательства в дела управления и назнач<ения> министров — от имени Трепова, — передал ему 30 тысяч. Распутин терпеливо выслушал, отказался и рассказал об этом царице, а потом царю. После этого царь изменил свое мнение о Трепове и всецело перешел на сторону Протопопова».[47]

---

[40] Это слово было подчеркнуто Блоком.

[41] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 1. Ср.: Падение царского режима. Т. 2. С. 399–400.

[42] Ср.: «Действуя одновременно в разных направлениях и не порывая отношений с думской средой, Протопопов сумел проникнуть к царю и заинтересовать его своей стокгольмской беседой, а также — приблизиться к Бадмаеву, с которым свела его болезнь, и к его кружку, где он узнал Распутина и Вырубову» (*Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 13).

[43] 21 апреля (4 мая) 1916 года Сухомлинов был арестован и находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, пока продолжалось следствие. 11 (24) октября 1916 года он был переведен под домашний арест, и у него появилась возможность публичного оправдания. Со стороны высших сановников предпринимались попытки свернуть дело Сухомлинова, но министры юстиции А. А. Хвостов и А. А. Макаров не допустили этого, угрожая отставкой (*Родзянко М. В.* Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000. С. 206 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.)). С 7 июля по 16 сентября 1916 года А. А. Хвостов занимал пост министра внутренних дел.

[44] Протокол допроса кн. Андронникова Михаила Михайловича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

[45] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 10.

[46] Генерал-лейтенант Александр Александрович Мосолов (1854–1939), начальник канцелярии Министерства императорского двора, был женат на родной сестре А. Ф. Трепова Елизавете Федоровне.

[47] Протокол допроса Белецкого Степана Петровича. Л. 9.

Образ Григория Распутина на страницах «Последних дней императорской власти» строится на разноголосице противоречивых мнений, ни одно из них Блок не опровергает и не поддерживает. Четвертая из анонимно представленных в тексте точек зрения принадлежит Белецкому: «...упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко и который некогда учился у магнетизера».[48] Блок законспектировал ее из Письменного показания № 5 от 20 июля 1917 года: «Распутин учился гипнозу у гипнотизера. Как Распутин вылечил Вырубову. Смерть Распутина. Распутин „чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно порочных наклонностей...“»; «Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал „преображение“ своей души, омытой своими грехами»; «Распутин никогда не забывал обид и жестоко мстил. Скрытный, подозрительный и неискренний. Фальши в отнош<ении> к себе не допускал. Стремился поработить того, кому был полезен. Упрямство, настойчивость».[49] Как видим, Блок проявлял живой интерес к мистическим переживаниям и практикам старца, но в текст его сочинения именно эти детали не вошли.

Имя представителя придворных кругов, ближе всех стоявшего к царской семье, зятя министра двора В. Б. Фредерикса, В. Н. Воейкова, часто мелькает на страницах блоковского исследования. Это связно с тем, что Воейков сопровождал императора в его последней перед арестом поездке в Ставку и назад в Царское Село. Во время этой поездки император отрекся от престола. Блок, следуя своему принципу «не преувеличивать значение имен», чтобы не создать у читателя «зрительную ошибку» нарушения масштаба, оставляет персонажа без портрета, ограничиваясь одной фразой — «ловкий коммерсант». В конспектах допроса он составляет для себя подробную характеристику этого исторического персонажа: «Генерал-майор Воейков убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что интересует спрашивающих. Он может сообщить ряд анекдотов и фактов, интересных в бытовом отношении, но обобщить что бы то ни было не способен. Спортивный генерал. При всем том, допрос его представляет исключительный интерес. Сам того не понимая, он рассыпает перлы, которые через 100–150 лет (а мож<ет> б<ыть>, и раньше) будут драгоценны для исследователя».[50]

Помимо использования «богатого литературного материала, который дают <...> стенограммы и письменные показания»,[51] Блок задействует для художественного осмысления событий систему образов, метафор, символов.[52] Одна из них — это государственное тело (или государственный организм), пораженное болезнью, требующее опасной операции, с которым может случиться паралич и т. д.

Другой проходящий через все произведение и задействованный на разных его уровнях образ — это символ круга, играющий важную роль в понимании

---

[48] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 7.

[49] Протокол допроса Белецкого Степана Петровича. Л. 10–10 об.

[50] Допрос Воейкова Владимира Николаевича, князя Волконского Владимира Михайловича, Вырубовой Анны Александровны, Герасимова Александра Васильевича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 2–3.

[51] *Блок А.* Собр. соч. Т. 7. С. 265.

[52] Ср. суждение Г. Иоффе: «Мастерство Блока-художника, органически сливаясь с его проницательностью историка, позволяло ему воссоздать события» (*Иоффе Г.* Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2007. № 246. С. 249).

и истолковании Блоком не только собственной биографии, но и исторических событий. Он мыслил человеческую жизнь в форме смыкающегося круга[53] и следил за цикличностью явлений, происходящих в его жизни, эти наблюдения подпитывали его творческие идеи.[54]

В первой части «Последних дней императорской власти», озаглавленной «Состояние власти», Блок структурирует всех задействованных в историческом повествовании героев по принципу концентрических кругов: это круг царской семьи и приближенный к нему «самый мистический круг», куда входят Распутин и Вырубова, придворные круги, разбитые на маленькие кружки, круги правительственные, круги бюрократические и круги общественные. Ход исторических событий также принимает конфигурацию стихийного круга: «...все они неслись в неудержимом *водовороте* к неминуемой катастрофе».[55]

Этот же образ отразился в последней главе «Переворот» в виде кольцевой композиции. В краткой аннотации к главе, где перечисляются места и дни основных явлений, автор называет две эпохальные даты. На них, как правило, обращают внимание историки: «...последняя глава <...> раскрывает ход событий с начала революции (23 февраля) до отречения Михаила Александровича (3 марта)», — резюмирует З. И. Перегудова.[56] Но при этом в самом тексте главы Блок начинает рассказ с описания событий, произошедших днем раньше, 22 февраля, и заканчивает его случившимся на пять дней позже, 8 марта. Эти исторические вехи имеют непосредственное отношение к судьбе Николая II: 22 февраля «царь выехал из Царского Села в Ставку, в Могилев», а 8 марта уже «бывший император выехал из Ставки и был заключен в Царскосельском Александровском дворце».[57] Таким образом, в последней главе смыкается круг царствования последнего императора.

Подводя итог, можно сказать, что перед Блоком стояла непростая задача — облечь документальный материал живого, еще не завершившегося исторического процесса в соответствующую жанровую форму. Ему удалось создать сложное полифоническое полотно, где звучат голоса участников и свидетелей последних дней императорской власти. Поэт выступает здесь дирижером оркестра, предоставляя то одному, то другому исполнителю право на сольную партию.

---

[53] Ср. в статье «Рыцарь-монах»: «Исполнялся древний закон, по которому мудрая, хотя бы и обессиленная падениями и изменами жизнь, — старости возвращает юность. Издали светящаяся точка этой юности, как ἀναμνησις (воспоминания (*др.-греч.*). — *О. К.*), как воспоминание о стране, из которой прибыл, которую забывал в пустыне жизни, — знаменует близость смыкания круга, близость конца, но не гибели, успения, но не смерти» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 8. Проза (1908–1916). С. 137).

[54] В Предисловии к поэме «Возмездие» Блок писал: «Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все уже и уже, и самый маленький круг, съежившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался — в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас» (Там же. Т. 5. Стихотворения и поэмы (1917–1921). С. 49). См. также: *Силард Л.* К символике круга у Блока // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 219–224.

[55] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 12; курсив мой. — *О. К.*

[56] *Перегудова З. И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий... С. 357–358.

[57] *Блок А.* Последние дни Императорской власти. С. 34, 75.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-109-127

© *Е. В. ИВАНОВА*

А. А. БЛОК В РАБОТЕ НАД ПРОЕКТОМ «СТО ЛУЧШИХ РУССКИХ КНИГ»*

В послереволюционной прозе А. Блока его статья «О списке русских авторов» стоит особняком. При первой публикации в 12-томном Собрании сочинений она была снабжена примечанием В. Н. Орлова: «Статья эта служила пояснительным предисловием к составленным Блоком в 1919 году для редакционной коллегии издательства З. И. Гржебина спискам русских писателей XVIII–XX столетий и к выработанным им же планам издания их сочинений».[1] Эта краткая справка почти дословно повторена в примечаниях к 8-томному Собранию сочинений Блока,[2] но ни в том ни в другом случае не предпринималось попыток предъявить эти списки.[3] Между тем списки писателей XVIII–XX веков в нескольких, существенно отличающихся друг от друга вариантах сохранились в архиве Блока; не публиковались они потому, что установить, какие из них связаны со статьей «О списке русских авторов», а какие нет, и в чем заключалась эта связь, не удавалось. По этой же причине части единой по содержанию и времени создания работы Блока в его архиве в ИРЛИ (Ф. 654) находятся не только в разных единицах хранения, но и в разных описях.

Основная трудность изучения списков заключалась в том, что все они содержат имена примерно одних и тех же писателей, но в разных комбинациях, и первое, что необходимо было сделать, — установить причины изменений.

В записных книжках Блока работа над списками отражена в записях с 13 ноября по конец декабря 1919 года, но краткие заметки («занятие списком для Гржебина», «списки», «окончены два списка» и др.) при отсутствии датировок на вариантах не давали возможности определить их последовательность. Кроме того, в процессе подготовки нового издания записных книжек для Полного собрания сочинений и писем Блока оказалось, что записи, относящиеся к этой работе, опубликованы не полностью.

Первые подсказки давала история организации «Издательства З. И. Гржебина», которое сформировалось в недрах «Всемирной литературы» (1918–1924), где Гржебин был одним из учредителей наряду с М. Горьким, А. Н. Тихоновым и И. П. Ладыжниковым, возглавляя производственно-издательский отдел. В отличие от издательства «Всемирная литература», существовавшего на дотации Наркомпроса, издательство З. И. Гржебина было частным, Гржебин был его владельцем, а Горький, под авторитет которого создавалось издательство, значился в нем главным редактором, при этом защита издательства в правительственных инстанциях полностью лежала на его плечах.

---

* Приношу благодарность Н. Ю. Грякаловой и А. П. Дмитриеву за помощь в подготовке публикации.

[1] *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 11. История литературы: 1903–1921. С. 471.

[2] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. Проза: 1918–1921. С. 511. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[3] Единственный раз эти списки были упомянуты в плане издания 12-томного Собрания сочинений Блока, подготовленном редакционной коллегией под руководством Иванова-Разумника. По замыслу они должны были входить в восьмой том («История литературы»): «Список русских писателей XVIII–XX вв. и объяснительная записка к нему» (*Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. С. 11). В дальнейшем работа над изданием была передана в руки В. Н. Орлова, существенно изменившего эти планы. Подробнее см.: *Лавров А. В.* Блок и Иванов-Разумник // Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 136–147.

Драматической истории «Издательства З. И. Гржебина», успевшего за недолгий период своего существования выпустить около 300 книг, посвящено большое число научных работ, итог которым подводит недавнее фундаментальное исследование Е. А. Динерштейна «Синяя птица Зиновия Гржебина».[4] При всей своей основательности оно не смогло поставить точку в спорах по поводу мотивов издательской активности Гржебина, которого ряд исследователей подозревает в финансовых махинациях.[5] Однако работа Динерштейна открыла малоизвестную ранее сторону в истории издательства: в ней убедительно показано, какие силы были брошены, какие партийные и родственные связи были задействованы сотрудниками разных ведомств на уничтожение издательства и сколько усилий приложил Горький для того, чтобы защитить его от нападок, но в итоге оказался бессильным в разгоревшемся противостоянии.

Главным аргументом, свидетельствующим об исключительно просветительских целях Гржебина и Горького, Динерштейн считает «Каталог издательства З. И. Гржебина»,[6] программу которого один из рецензентов назвал «образцовой» и советовал держать «каждому издателю, и русскому, и иностранному у себя на столе».[7] Каталог не содержал ответа на вопрос, насколько реальными были заявленные здесь планы, насколько они совпадали с потребностями дня и с наличием рынка сбыта для такого количества книг в разоренной стране. История сотрудничества Блока с издательством предлагает свой ответ на вопрос, ради чего создавался этот Каталог, к составлению которого он оказался причастен.

Первое упоминание о новых планах Горького Динерштейн нашел в его письме к В. В. Воровскому от 26 апреля 1919 года: в этот день «Горький обратился с предложением под своей редакцией начать выпуск критико-исторической серии „Русская литература XIX века“ объемом 400–500 томов с „биографиями авторов, очерками эпохи и разного рода примечаниями“. Почти одновременно он подписал с Луначарским соглашение (в дополнение к предшествующим договорам, определяющим статут «Всемирной литературы»), по которому в составе издательства предусматривался отдел, выпускающий русскую литературу».[8]

История издательства начиналась с составления плана издания русских писателей. Горький привлек к этой работе тех, кто в тот момент сотрудничал под его руководством во «Всемирной литературе», Секции исторических картин и редакционной коллегии профессионального Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ)[9] и среди них — К. Чуковского, дневник которого оказался бесценным источником по истории проекта.

13 ноября 1919 года Чуковский упомянул о заседании, на котором Горький «взволнованно стал говорить о серии книг: Избранные произведения русских писателей XIX в., затеваемых Гржебиным. Предложил образовать коллегию по изданию этой серии. В коллегию входим: Н. Лернер, А. Блок, Горький, Гржебин, Замятин, Гумилев и я».[10]

Один из участников проекта Е. И. Замятин сравнил их деятельность в той исторической ситуации со строительством Вавилонской башни: «...поздно вечером, после трех или, может быть, четырех заседаний — в одной из малень-

---

[4] *Динерштейн Е. А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014.

[5] См., например: *Катаева А. Г.* М. Горький и русское издательское дело в Германии в начале 20-х гг. // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 6–29; *Ипполитов С. С.* З. И. Гржебин (1877–1929) // Там же. 2003. № 1 (9). С. 143–166.

[6] Каталог издательства З. И. Гржебина. Берлин; Пб., 1921.

[7] Цит. по: *Динерштейн Е. А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. С. 205.

[8] Там же. С. 187.

[9] Подробнее об этом см.: *Иванова Е.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012. С. 282–327.

[10] *Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. Дневник. 1901–1921. С. 266.

ких задних комнат „Всемирной литературы“. Столовая, под зеленым колпаком лампа; лица в тени. Налево от дверей — теплая изразцовая лежанка и на лежанке, возле лежанки — Блок, Гумилев, Чуковский, Лернер, я — и кругленьким кубарем из угла в угол Гржебин. Трудно починить водопровод, трудно построить дом — но очень легко — вавилонскую башню. И мы строили вавилонскую башню: издадим Пантеон Литературы российской — от Фонвизина и до наших дней. Сто томов! Мы, быть может чуть-чуть улыбаясь, — верили или хотели верить. И больше всех верил Блок. Как и всегда, как и ко всему — он и к этому подошел „по-настоящему“. В пестрой, переливающейся груде — надо было увидеть какую-то закономерность, уловить ритм. И тут у Блока оказалась зоркость глаза, острота слуха такая, как ни у кого. Башню решили строить по его плану; в издательстве Гржебина где-то хранится составленный им список ста томов. И недаром в найденной среди его посмертных бумаг автобиографии он отмечает: „Ноябрь 1919 г. Составление списка ста томов“. Если вавилонская башня когда-нибудь будет построена — она будет одним из памятников Блоку: с такой тщательностью и точностью он сделал выбор».[11] Действительно, все главные планы строительства разрабатывались при активном участии Блока.

Первоначальный обмен мнениями по поводу нового проекта описан в дневнике Чуковского 19 ноября: «Блок неожиданно, замогильным голосом сказал, что литература XIX века не показательна для России, что в XIX в. вся Европа (и Россия) сошла с ума, что Гоголь, Толстой, Достоевский — сумасшедшие. Гумилев говорил, что Майков был бездарный поэт, что Иванов-Разумник — отвратительный критик».[12] В словах Блока о XIX веке содержатся очевидные переклички с тем, что он писал в марте–апреле 1919 года в статье «Крушение гуманизма». Несмотря на это высказывание, идея издания серии «Сто лучших русских книг» получила у него отклик, Блок сразу включился в работу над составлением планов и в дальнейшем все дошедшие до нас варианты этих планов записывались, переписывались, дополнялись и готовились к заседаниям исключительно им.

Первоначально Блоку было поручено составить для этой серии список писателей XVIII и XIX веков, в его записных книжках 19, 20, 21, 23 ноября 1919 года упоминается работа над «списком для Гржебина».[13] Выполняя ее, Блок читал «Историю русской общественной мысли» Р. В. Иванова-Разумника, о чем свидетельствует запись от 23 ноября: «Весь день — список 100 томов русской литературы. Все более погружаюсь в „Историю русской общественной мысли“ Иванова-Разумника».[14]

Далее запись от 24 ноября: «Окончены два списка» и от 26 ноября: «Написал я „декларацию“ к списку — целую статейку» (*ЗК*, 481). «Декларацией» Блок назвал статью «О списке русских авторов», и эта запись уточняет дату ее создания — 26 ноября, вопреки принятой в изданиях датировке «декабрь 1919». Авторизованная машинопись этой статьи с правкой присоединена к спискам.[15]

---

[11] *Замятин Е. И.* Александр Блок // Замятин Е. И. Избр. произведения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 247.

[12] *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. С. 270.

[13] *Блок А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 481. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *ЗК*, с указанием номера страницы.

[14] «История русской общественной мысли» (Пг., 1918. Ч. 1–8) Иванова-Разумника с многочисленными пометами сохранилась в библиотеке Блока (см.: Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1. С. 299–300). О некоторых пометах см.: *Миллер О. В.* Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 59–60, 70–72.

[15] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 2–5.

Составляя список писателей XVIII и XIX веков, Блок был уверен в его жгучей актуальности для той «исторической минуты», когда «весь крестный путь русской духовной жизни проходит сквозь наше сердце, горит в нашей крови» (6, 137), он видел необходимость в том, чтобы «представить с возможной полнотой двухвековую жизнь русского слова — начиная с бедного Посошкова,[16] открывшего собою длинный ряд тех, кого волновал основной вопрос *эры*, социальный вопрос, кто неустанно твердил о народе, земле, образовании, и кончая — увы! — тоже еще бедным человеком, который плакал прекрасными слезами накануне жестокого, трагического, забывшего слезы XX века» (6, 137). От Ивана Посошкова до Владимира Соловьева — таким первоначально виделся диапазон будущего издания.

Статья «О списке русских авторов» помогает определить, какие варианты были закончены 24 ноября. Первый из них, назовем его Список I, сохранился в черновом и беловом вариантах, перед беловым рукой Блока приписано: «ненужный компромисс». Слово «компромисс» относится к принципам составления отдельных томов. 24 ноября Блок записал: «Утром — Иванов-Разумник (разговор о «компромиссе»)» (*ЗК*, 481).

Отличительная особенность Списка I заключается в том, что здесь присутствуют тематические сборные тома: «Лирики XVIII века», «Поэты-декабристы», а также тома, объединенные по жанрам — басня, сатира, исторический и бытовой роман, по поколениям — пушкинская плеяда, и т. д., о них Блок писал в статье «О списке русских авторов»: «Кроме поэтов, признаваемых всеми, есть много стихотворцев, каждый из которых создал несколько замечательных вещей и массу произведений, потерявших всякое значение. <...> Поэтому пусть не смущает нас, если мы дадим понемногу какого-нибудь Бенедиктова и в лирике 30-х годов, и в гражданских мотивах 60-х; какого-нибудь Вейнберга — и в шуточной поэзии и в гражданской» (6, 138).

Но сборные тома не устраивали Блока: их он и называл «компромиссом», порицая распространенный тип хрестоматий «ввиду ныне всеми признанного требования цельности художественной *формы* произведения» (6, 137). Они присутствовали только в планах Списка I, начинавшегося именами: «1. Посошков, Новиков, Радищев, Пнин, Н. И. Тургенев».[17] Посошков упомянут в статье «О списке русских авторов», но в беловом варианте Списка I его имя отсутствует. Уже на этом этапе Блок думал о пропорции между отдельными писателями, отвечающей масштабу каждого; цифра, проставленная перед их именами, означает количество отведенных писателю томов. В рукописи имена расположены в столбик, мы публикуем их в подбор, разделяя точкой с запятой.

Ненужный компромисс

1 Лирика XVIII века (Тредьяковский, Богданович); 2 Ломоносов; 1 Державин; 1 Басни и сатира (Крылов, Воейков); 1 Жуковский; 1 Батюшков и классики (Гнедич, Тепляков); 1 Грибоедов; 3 Пушкин; 1 Боратынский, Дельвиг, Языков; 1 Остальные поэты Плеяды и прим<ыкающие> к ним; 1 Поэты-декабристы; 2 Историческ<ий> роман (Загоскин и Лажечников); 6 Повесть 20–30–40-х годов; 1 Тютчев (½, остальное на Фета); 4 Гоголь; 1 Народные поэты: Кольцов, Никитин, Суриков; 2 Лермонтов; 2 Поэты 40<-х> и 50-х годов; 1 Герцен; 2 Гончаров; 1 Ал. Толстой и Майков; 4 Тургенев; 1 Фет (1½; взять от Тют-

[16] Интерес к Ивану Тихоновичу Посошкову (1670–1726), автору «Книги о скудости и богатстве», которого называют социальным философом, возник у Блока, видимо, в ходе занятий Аполлоном Григорьевым, «Стихотворения» которого Блок готовил для издательства К. Ф. Некрасова (М., 1916). 1 марта 1918 года Блок записал в дневнике: «Посошков (яростный реформатор из народа) — через Ап. Григорьева» (цит. по: *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 269).

[17] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 6.

чева); 1 Полонский (½; остальное — от Некрасова); 1 С. Аксаков; 3 Писемский; 1 Мей и Щербина; 1 Этнографы: Даль, Максимов, Якушкин; 1 Мельников (Андрей Печерский); 1 Некрасов (1 ½; взять у Полонского); 1 Гражданские мотивы и революционные песни; 8 Достоевский; 3 Островский; 1 Кохановская и Г. Данилевский; 1 Панаев и Крестовский; 2 Дружинин и Б. Маркевич; 1 Шуточная поэзия; 9 Толстой; 3 Салтыков; 4 Лесков; 1 Чернышевский; 1 Сухово-Кобылин; 1 Левитов; 1 Помяловский; 1 Решетников; 1 Н. Успенский; 1 Слепцов; 2 Гл. Успенский; 1 Поэты конца века; 1 Гаршин; 2 Чехов.[18]

Содержанию статьи Блока в большей степени отвечает другой вариант списка, который мы назовем Список II.[19] Его предваряет пояснение: «Писатели разделены по четырем отделам: 1. Поэзия 2. Повествование 3. Драма и 4. Философская мысль. По всем четырем отделам проходит только один: Пушкин. По трем отделам проходят [Гоголь и Лермонтов] Гоголь (2, 3 и 4), Лермонтов (1, 2 и 3), Григорьев (1, 2, 4), Толстой (2, 3 и 4). По двум: Ломоносов (1 и 4), Грибоедов (3 и 4), В. Одоевский (2 и 4), Тютчев (1 и 4), Герцен (2 и 4), Хомяков (1 и 4), Достоевский (2 и 4), [Толстой (2 и 4)], Вл. Соловьев (1 и 4) и Чехов (2 и 3). *В большом списке около* [*140*] *150 имен (75 основных). Тома: Повесть — 46, Поэзия — 24, Филос<офская> м<ысль> — 12, Драма — 5, Смешан<ные> — 13. В моих списках — 96 томов.* Компромисса не надо».[20]

Фраза о ненужности компромисса означает окончательный отказ Блока от сборных томов.

Список II составлен совсем по другим принципам, которые главным образом и описаны в статье «О списке русских авторов». Фамилии предполагаемых составителей томов, проставлены Блоком на полях, возможно, в ходе обсуждения списка на редакционной коллегии, мы приводим в квадратных скобках после имени писателя. В списке Блока имена расположены в столбик, мы публикуем их через точку с запятой; подчеркивания имен крупнейших писателей принадлежат Блоку, вопросительные знаки и дефисы перед именами авторов проставлены карандашом, видимо, в ходе заседания; некоторые пометы, смысл которых не совсем ясен (крестики, кружочки), мы опускаем.

I. Повествование

Карамзин; Загоскин; С. Аксаков; ?Лажечников; ?Марлинский; ?А. Одоевский; -Гоголь; -Гончаров; ?Панаев; -И. Тургенев; ?Мельников-Печ<ерский>; -Писемский; -Достоевский — Подросток; -Дружинин — Пол<инька> Сакс; -Кохановская; -Салтыков; -Л. Толстой; -Г. Данилевский — Черная курица;[21] -Лесков; -Левитов; -Помяловский Молотов, Мещ<анское> счастье; -Слепцов Трудное время и рассказы; ?В. Крестовский; -Решетников; -Г. Успенский; ?Короленко; Гаршин; Чехов; ?Горький; и: -Пушкин; -Лермонтов Герой наш<его> врем<ени>; -Герцен Кто виноват?; -Григорьев; -В. Одоевский.

II. Поэзия

Тредьяковский; -Ломоносов; -Державин; -Богданович Душенька; Крылов; -Воейков Дом сумасш<едших> [Лернер]; -Козлов; -Жуковский [Гумилев];[22]

---

[18] Там же. Л. 8–8 об.

[19] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 10.

[20] Там же. Л. 1. Обращает на себя внимание, что блоковская нумерация страниц начинается с цифры 15, т. е. до нас дошла только часть черновиков, отражающих работу над замыслом.

[21] Блок ошибочно приписал повесть Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» перу Г. П. Данилевского.

[22] Присутствие имени Н. С. Гумилева в качестве предполагаемого составителя тома В. А. Жуковского имеет некоторую предысторию, отраженную в дневниковой записи Чуковского от 28 ноября: «На заседании „Всемирной литературы“ произошел смешной эпизод. Гумилев приготовил для народного издания Саути — и вдруг Горький заявил, что оттуда надо изъять... все переводы

-Давыдов; -Батюшков; ?Мятлев; -Дельвиг пл<еяда?>;[23] Пушкин [?Лернер]; -Рылеев дек<абристы>;[24] -Боратынский; -Языков; Тютчев; -Веневитинов — ст<ихотворени>я? статьи?; -Полежаев; -Подолинский; Бенедиктов; -Кольцов; -Греков; -К. Павлова [Брюсов]; -Растопчина; -Огарев; Лермонтов [Блок]; Ершов Конек-Горбунок; -Ал. Толстой; -Фет; -Полонский; -Щербина; -Майков; -Некрасов [Чуковский]; -К. Прутков [Лернер]; -Мей; -?Минаев; -Никитин; ?Михайлов; Алмазов [Лернер]; ?Вейнберг; Курочкин [Лернер]; Случевский; -Апухтин (и Надсон!); ?Минский; и: -Григорьев; -Хомяков; -Вл. Соловьев.

III. Драма

?Фонвизин; -Грибоедов — Г<оре> о<т> у<ма>; -Сухово-Кобылин — трилогия; -Островский [Морозов]; и: -Пушкин; -Гоголь — Ревизор; -Лермонтов Маскарад; -Толстой Власть тьмы; -Чехов Три сестры и Виш<невый> Сад.

IV. Философская мысль

?Радищев; ?Н. Тургенев; ?Пестель; -Чаадаев — Филос<офические> письма Апол<огия> сумасш<едшего>; -В. Одоевский Рус<ские> ночи афоризмы; -Хомяков; ?Шевырев; -И. Киреевский; Белинский [Иванов-Разумник]; Герцен (отрывки из Был<ого> и дум<,> С того берега и др.) [Иванов-Разумник]; -Станкевич — Моя метафизика; ?М. Бакунин; -К. Аксаков; ?Катков; -Григорьев — отрывки; ?Лавров; Дружинин;[25] ?Страхов; ?Чернышевский; -Леонтьев; ?Добролюбов; ?Писарев; ?Михайловский; Вл. Соловьев — статьи и отрывок «Три разговора»; и: -Ломоносов — разнообразие его интересов; -Грибоедов мысли; -Пушкин — мысли; -Тютчев — полит<ические> статьи; -Гоголь — Перепис<ка> с друзьями; -Толстой — мысли; -Достоевский — Дневн<ик> пис<ателя> — отрывки Пушкинск<ая> речь».[26]

Список II можно назвать наиболее «блоковским», он не только тесно связан со статьей «О списке русских авторов», но и раскрывает ее содержание именно как декларацию работы Блока в проекте «Сто лучших русских книг». Отдельные части статьи можно рассматривать как введение к четырем разделам списка, о «Повествовании» здесь сказано: «Художественной прозе в отношении количественном следует отдать первое место — больше половины всей библиотеки; это естественно и знаменательно для России XVIII и XIX столетий. <...> Есть, однако, в России масса произведений бесформенных, по-деревенски, по-помещичьи тягучих повестей и романов, которые утеряли всякое значение в целом, но которые таят в себе жемчужины отдельных мыслей и изображений. Эти жемчужины надо сохранить» (6, 137–138).

Принципы, которыми предлагал руководствоваться Блок, составляя раздел «Поэзия», он суммировал следующим образом: «1) дать в возможно неприкосновенном виде первых и великих и 2) дать много вторых и мелких — всех понемногу» (6, 138).

В пояснениях к «Драматургии» Блок перечислил менее десяти имен русских авторов, о пути развития русской драмы он написал, что его надо представить отчетливо, «благо он короток» (6, 139).

Жуковского, которые рядом с переводами Гумилева страшно теряют! Блок пришел в священный ужас, я визжал <...>. Горький стоял на своем» (*Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. С. 258); о том же в записи 5 ноября: «Вопрос о Жуковском кончился очень забавно: Гумилев поспорил с Горьким о Жуковском — и ждал, что Горький прогонит его, а Горький — поручил Гумилеву редактировать Жуковского для Гржебина» (Там же. С. 260).

[23] Вероятно, в том Дельвига Блок предполагал включить поэтов пушкинской плеяды, обозначенных в Списке I.

[24] К Рылееву, вероятно, предполагалось присоединить поэтов-декабристов из Списка I.

[25] Строка вычеркнута.

[26] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 2–5.

Но может быть, самой большой неожиданностью в списке «Сто лучших русских книг» выглядит раздел «Философская мысль», которому уделено много места, в чем следует видеть прежде всего влияние «Истории русской общественной мысли» Иванова-Разумника: «Под философской мыслью разумеем мы ту мысль, которая огнем струилась по всем отраслям литературы и творчески их питала. В России это было всегда — причудливое сплетение основного вопроса *эры* — социального вопроса с умозрением, с самыми острыми вопросами личности и самыми глубокими вопросами о боге и о мире; Посошков и Чаадаев, Одоевский и Белинский, Герцен и Григорьев, Радищев и Леонтьев — вот вечные образцы нашего неистового прошлого, вот полюсы нашей мысли, вот наши вечные братья-враги. В связи с началом гражданской жизни, в эпоху падения крепостного права, образования политических партий и т. д., часть этой мысли переходит временно в руки публицистов, ученых, а иногда и просто профессоров; — здесь потускнела и мысль, поистерся и язык; здесь нам нет нужды следовать за нею до тех пор, пока с новой силой синтетическая и огненная мысль не загорается к концу века — во Владимире Соловьеве» (6, 139). Этот раздел более всего отвечает заданной в предисловии рамке «от Посошкова до Соловьева», хотя само имя Посошкова затерялось в Списке I (в последующих вариантах списка оно будет восстановлено).

Обращают внимание имена писателей, помеченные знаком вопроса. Поскольку задача серии для Блока заключалась в том, чтобы показать «жизнь русского слова», у него возникали сомнения в необходимости И. Панаева, П. Мельникова-Печерского, Вс. Крестовского, В. Короленко и многих других, например, М. Горького.

В разделе «Поэзия» под знаком вопроса оказались имена И. Мятлева, Д. Минаева, М. Михайлова (его переводы Г. Гейне при этом Блок ценил) и Н. Минского; Блок не выделил отдельный том Надсону, соединив его с Плещеевым. В разделе «Драма» под вопросом оказался Фонвизин, видимо, из-за своей малой сценичности. Но больше всего имен, которые вызвали сомнения, в разделе «Философская мысль»: Н. Тургенев, Пестель, Шевырев, М. Бакунин, М. Катков, Лавров, Страхов, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и Михайловский.

Знаки вопроса поставлены против имен представителей так называемой революционно-демократической критики, среди которых остался только В. Г. Белинский. Под вопросом оказался Н. Н. Страхов, книги которого «Борьба с Западом в нашей литературе» и «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» с пометами Блока сохранились в его личной библиотеке,[27] но имя К. Леонтьева, ни разу не упомянутое Блоком за пределами этого проекта (в письмах, статьях, дневнике), в списке осталось.

Несмотря на то, что статья «О списке русских авторов» была написана как пояснение к Спискам I и II, упоминаний о том, что она обсуждалась на редакционной коллегии вместе с этими списками, нет, как нет упоминаний о том, что она и позднее была известна кому-либо.

Обсуждение подготовленных Блоком списков происходило на заседании 28 ноября, в этот день он записал: «Горький, Иванов-Разумник. Наконец я их пробую опять соединить, оба топорщатся» (*ЗК*, 481). Чуковский описал заседание под 27 ноября, из его записи следует, что к этому дню не только Блок, но все участники подготовили свои варианты списка, но ни одного из них выявить не удалось. Чуковский записал: «...начинаем обсуждать программу ста лучших писателей. Гумилев представил импрессионистскую: включен Денис Давыдов (потому что гусар) и нет Никитина. Замятин примкнул к Гумилеву. Блок стоит на исторической точке зрения — и составил программу идеальную: она и свежа, и будоражит, в ней нет пошлости — и научна. Мы спорили

[27] Библиотека А. А. Блока. Кн. 2. С. 289–291.

долго. Гумилев говорит по поводу моей: это провинциальный музей, где есть папироса, которую курил Толстой, а самого Толстого нет. Я издевался над гумилевской, но в глубине души уважал его очень: цельный человек. Вообще все заседание носило характер гумилевской чистоты и наивности. Блок — со своей любовью к системе — изготовил несколько табличек: сколько поэтов, сколько прозаиков, какой процент юмористов и т. д. Я включил в свою программу модернистов. „К чему вы этих молодых людей включили?“, „я в этих молодых людях ничего не понимаю“, — твердил Блок. Я наметил для Сологуба 2 тома. Блок: „Неужели Сологуб есть 1/50 всей русской литературы“. На следующий день (вчера) мы встретились на заседании Дома Искусств, Блок продолжал: „Гумилев хочет дать только хорошее, абсолютное. Тогда нужно дать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского“. Я говорю: а Тютчева? „Ну что такое Тютчев? Коротко, мало, все отрывочки. К тому же он немец, отвлеченный“».[28]

На заседании к работе подключился Иванов-Разумник, появление которого Чуковский прокомментировал в записи 29 ноября: «Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить: не сто книг, а двести пятьдесят. Впервые на заседании присутствовал Иванов-Разумник, облезлый (в калошах), с прыщами на носу, молчаливый, чужой. Блок очень хлопотал привлечь его на наши заседания. Я научил Блока — как это сделать: послать Горькому письмо. Он так и поступил. Теперь они явились на заседание вдвоем...»[29]

1 декабря Блок записал: «Список. Схемы» (*ЗК*, 482), что указывает на связь размышлений над списками еще с одной работой Блока — «Общественно-литературные параллели XIX века (схема по десятилетиям)», единственный раз опубликованной В. Н. Орловым в 12-томном Собрании сочинений,[30] но связь эта нуждается в осмыслении. 2 декабря Блок упоминает о расширении списка: «О Гржеб<инском> списке (250 томов теперь)» (*ЗК*, 482). Ход заседания Чуковский изложил в дневнике 3 декабря, на нем в обсуждении списка принял участие Горький, поразивший Чуковского «доскональным знанием отечественной словесности»: «Когда зашла речь о Вельтмане, он сказал: а вы читали Софью Вельтман, жену романиста? Замечательный роман в „Отечественных Записках“ — с огромным знанием эпохи — в 50-х гг. издан. Блок представил список, очень подробный, по годам рождения — и не спорил, когда, напр., Дельвига из второй очереди перевели в первую. Во время чтения программы Иванова-Разумника — произошел инцидент. Иванов-Разумник сказал: „Одну книжку — бывшим акмеистам“. Гумилев попросил слова по личному поводу и спросил надменно: кого именно Иванов-Разумник считает бывшими акмеистами? Разумник ответил: — Вас, С. Городецкого и других. — Нет, мы не бывшие, мы... — Я потушил эту схватку».[31]

Все дополнения, о которых упоминает Чуковский, мы находим на полях наиболее трудночитаемого списка, который мы назовем Список III.[32] Он сохранился в виде чернового автографа черными чернилами, с многочисленными приписками на полях и включает 63 имени, карандашом рукой Блока на полях сделаны многочисленные вписывания, зачеркивания, исправления и подсчеты, в конце подведен итог: «всего 107 томов».[33] При составлении списка Блок распределил писателей по годам рождения в пределах десятилетий, датировки проставлены на полях, при публикации мы выделяем их полужирным шрифтом; цифра после фамилии автора означает количество

[28] *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. С. 274.
[29] Там же. С. 275.
[30] *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. С. 466–469.
[31] *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. С. 276–277.
[32] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 6–8 об.
[33] Трудно установить, на чем основывались подсчеты Блока, так как часть цифр, обозначающих количество томов, вписана, часть поставлена под вопросом и т. д.

предполагаемых томов. Имена писателей записаны в столбик черными чернилами (мы публикуем их через точку с запятой), почти ко всем из них за редкими исключениями указаны предполагаемые составители томов; вписанное карандашом набрано нами курсивом. Приписка вместо заглавия — «Список первой очереди (2.XII.1919) по годам рождения» — свидетельствует о том, что Блок рассматривал Список III как план ближайшей работы.

1741–<17>50 Державин *1* [*Альмединген*]; Фонвизин *1* [*Мод<залевский>*]; **1761–<17>70** Карамзин *1* [*?Герш<ензон>*]; Крылов 1; **1771–<17>80** Козлов *1* [*Герш<ензон>, Бл<ок>? или Гум<илев>*]; **1781–<17>90** Жуковский *2* [*Гум<илев>*]; Батюшков *1 Пушкинская отметка (у Л. Майкова)* [*Лерн<ер>, Бл<ок>*]; **1791–1800** С. Аксаков 1–*2? Сем<ейная> хрон<ика>, Детс<кие> годы <Багрова-внука>, Воспоминания* [*Горн<фельд>*]; Грибоедов *1* [*Бл<ок>*]; Дельвиг 1 [*?Гум<илев>*]; Пушкин 4–*5* [*Лернер — Брюс<ов>*]; Боратынский *1* [*Гум<илев>*]; **1801–<18>10** Языков *1* [*Гум<илев>*]; Тютчев *1* [*Брюсовский (Бартеневский)*]; В. Одоевский *1* [*Лерн<ер>*]; Хомяков *1* [*Гумилев*]*?*;[34] Полежаев 1; Шевырев — ?;[35] Гоголь *4* [*Зам<ятин>*]; Герцен 3 *2 Былое и думы, Письма к Стасюлевичу* [*Ив<анов>-Раз<умник>*]; Гончаров 3 *Обрыв или Обломов*; Лермонтов 2 [Бл<ок>]; Ершов 1 прижизненные тексты [Лерн<ер>]; Ал. Толстой *2 (Письма)* [*Гум<илев>*]; И. Тургенев 3 *Первая любовь, Вешн<ие> Воды. 2 т<ома> рассказов, Руд<ин> и Отцы и Дети* [*Герш<ензон>*]; Мельников-Печерский *2 (В лесах)* [*Замят<ин>*]; Фет *1 Прилож<ение> к Ниве — доп<олнение> Лернера* [*Бл<ок>*]; Полонский *1* [*Бл<ок>*]; Сухово-Кобылин *1* [*Бл<ок>*]; Писемский *2* [*Лер<нер>*]; **1821–1830** Достоевский *6–7 Бесы 2, Село Степан<чиково>, Зап<иски> из подп<олья>, Прест<упление> и Нак<азание> 1, Хозяйка, Братья Карамазовы 2 т<ома>* [*Вл. Гиппиус*]; А. Майков *1* [*Гум<илев>*]; Некрасов *1* [*Чук<овский>*]; К. Прутков 1; *Ап. Григорьев 1* [*Бл<ок>*]; Островский *2* [*Морозов*]; Салтыков-Щедрин 3 *Сказки, Губ<ернские> Оч<ерки>, Головлевы, История Одного Города* [*Модзалевский*]; Толстой *8–9 Детство, В<ойна> и М<ир>* [*Лернер*]; К. Леонтьев *1 Беллетр<истика>*; **1831–1840** Лесков *5* [*Ремизов*]; Слепцов *1* [*Горький*]; Н. Успенский[36] 1 Зам<енить>? Пом<яловским>?; *Случевский 1 (со ст<атьей> Брюсова),* [*Брюс<ов>*]; **1841–<18>50** Г. Успенский *2* [*Чук<овский>*]; **1851–<18>60** Вл. Соловьев *1* [*Стихи*] *и Три разговора* [*Бл<ок>*]; Короленко 1 [*Чук<овский>*]; Гаршин *1?*; Чехов 3 Чук<овский>? Зам<ятин>?; **1861–<18>70** Сологуб 2 *(М<елкий> б<ес>), Ст<ихи> и расск<азы>* [*Горн<фельд>*]; Мережковский 1 — *надо 2*; Вяч. Иванов *1* [*Гум<илев>*]; Бальмонт *1* [*Бл<ок>*]; Горький *2* [*Чук<овский>*] *3?*; З. Гиппиус *1* [*Бл<ок>*];[37] Бунин *1* [*Чук<овский>*]; Куприн 1;[38] **1871–<18>80** Л. Андреев *2*; Брюсов *1* [*Бл<ок>*]; Ремизов *1 Замя<тин>*; **1880–<18>90** Андрей Белый *2* [*Ив<анов>-Раз<умник>*]; Блок *1* [*Гум<илев>*]; Ахматова 1.[39]

Это последний вариант списка, отвечающий первоначальному названию проекта «Сто лучших русских книг», который составлен уже коллективными

---

[34] Строка вычеркнута карандашом.

[35] Строка вычеркнута карандашом.

[36] Вычеркнуто карандашом.

[37] О своем желании подготовить том З. Гиппиус для «Издательства З. И. Гржебина» Блок писал 8 декабря 1919 года Чуковскому: «...скажите З<инаиде> Н<иколаевне>, что я не думаю, чтобы она сделала *верные* выводы из моих этих стихов, что я ее люблю и чту по-прежнему, а иногда и больше прежнего, и очень хочу „редактировать“ (у Гржебина), если она позволит» (Письма Блока к К. И. Чуковскому и отрывки из дневника К. И. Чуковского / Вступ. статья, публ. и комм. Е. Ц. Чуковской // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 240).

[38] Строка вычеркнута карандашом.

[39] Под именем Ахматовой Блок провел черту.

усилиями, но записан рукой Блока. Как следует из приписки в начале страницы, он рассматривался как «список первой очереди», т. е. ближайший план работы, хотя сомнения в возможности его осуществления могли бы, казалось, возникнуть уже на этом этапе, поскольку согласно плану Гумилев должен был подготовить 11 томов, Блок — 9 томов, не считая тех, где он приписан предположительно, четыре тома — Чуковский (среди них — том Некрасова). И если Замятин называл проект «Сто лучших русских книг» строительством Вавилонской башни, то как следует назвать проект издания 250 русских писателей, созданный по настоянию Горького! Решение об увеличении объема было принято 29 ноября, однако, когда Блок приступил к работе, неясно.

Список из 250 имен, который мы назовем Список IV, также дошел до нас в записи Блока, беловой автограф в архиве следует сразу за Списком III.[40]

Имена писателей в Списке IV распределены по годам рождения в пределах десятилетий, вместо заглавия в начале списка две записи: «По годам рождения» и «Романы, повести, рассказы; лирика, эпос, басни, сатира, эпиграммы, шутки; драма; философия, филология, критика, публицистика, политика». В левом углу карандашом приписка: «Для Гржебина. 3<-й> или 4<-й> вар<иант>».[41]

В существующих публикациях записных книжек Блока была пропущена запись от 5 декабря: «О списке (переписать решенное во вторник)».[42] Она помогает установить время, когда Список IV был перенесен на карточки и превращен в картотеку, составленную более основательно: имя каждого писателя с инициалами и датами жизни помещено на отдельной карточке, здесь же указаны краткие биографические и библиографические сведения, иногда перечислены главные произведения. Часть этих примечаний совпадает с тем, что содержится в приписках на полях в Списке III, так что картотека отчасти объединяет оба списка.

О завершении коллективной работы над списками Чуковский писал 7 декабря: «Мы составили большой и гармонический список. Блок настоял на том, чтобы выкинули Кольцова и включили Аполлона Григорьева».[43] Кольцова нет, а Аполлон Григорьев есть и в Списке IV, и в картотеке, составленной на его основе и отражающей наиболее полно этот «большой и гармонический список», созданный коллективными усилиями все тех же строителей Вавилонской башни, но с бóльшим размахом.

Картотека содержит 263 карточки, на первой из них карандашом приписано: «Русск<ие> писатели по годам рождения (XVIII и XIX и XX)». Начиная с л. 231 (Альбов) на карточках помещены только фамилии авторов, расположенные в алфавитном порядке.

Последнее упоминание Блока о работе над проектом содержится в записи 30 декабря 1919 года в записной книжке № 60: «Гржеб<ин> <...> Мой список».[44] Вероятно, в этот день последний вариант был передан Гржебину, но в каком виде — остается неизвестным. В составленном Блоком хронологическом указателе «Список моих работ» под 1919 годом записано: «Издательство Гржебина. <...> Списки авторов XVIII–XX, объяснительная статья к ним. Списки, планы, копия на маш<инке> (черн<овик> у Гржебина)».[45] В архиве Блока машинописная копия отсутствует. Передачей спис-

---

[40] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 7–8.

[41] Там же. Л. 7.

[42] Записная книжка № 60 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 86 об.). Записи, опущенные при публикации записных книжек № 60 и № 61 В. Н. Орловым, цитируются по рукописи, подготовленной В. Н. Быстровым для т. 14 Полного собрания сочинений и писем Блока.

[43] *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. С. 278.

[44] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 92 об.

[45] Там же. Ед. хр. 373. Л. 6. Возможно, объяснительной запиской здесь названа статья «О списке русских авторов».

ка в руки Гржебина участие Блока в его составлении и в редакционной коллегии, по существу, завершилось, в неопубликованной записи от 8 февраля 1920 года (записная книжка № 61) Блок говорит о нежелании продолжать эту работу: «У Горького — *совещание о плане Гржебинских* изданий — не пойду».[46]

Как представляется, к этому времени ему окончательно стали ясны непростые мотивы, заставлявшие Горького и Гржебина увеличивать список. Они преследовали единственную цель — закрепить за «Издательством З. И. Гржебина» право монопольного издания русской классики и завоевать соответствующую нишу на книготорговом рынке.

Машинописный вариант списка, включавший 260 имен, был обнаружен в фонде Гржебина в Архиве А. М. Горького (ИМЛИ). Он озаглавлен «Список авторов, намеченных к изданию по отделу „Русская литература XIX века“».[47] По составу авторов он в основном совпадает со Списком IV и картотекой, отличаясь от них лишь тем, что фамилии писателей расположены в нем в алфавитном порядке. Поначалу к ним были добавлены имена писателей, у которых Гржебин успел приобрести права на издание, — Ахматовой, З. Гиппиус, Гумилева, Городецкого и др., но затем они были вычеркнуты Горьким.

Этот горьковско-гржебинский вариант списка составлен в виде таблицы, в первой колонке которой помещены в алфавитном порядке без инициалов авторы, во второй графе дата их смерти, в третьей — срок окончания действия авторского права. Появление этих сведений объясняется тем, что Гржебин намеревался вести издательскую деятельность за границей, где действовал закон об авторском праве. Четвертая графа называется «редакторы», пятая указывает отведенное авторам количество томов.

В графе «редакторы» имя Блока закреплено только за Лермонтовым, Чуковского — за Л. Андреевым и Некрасовым, Гумилева — за А. К. Толстым, Замятина — за Гоголем и Чеховым. Здесь появились новые имена редакторов, не участвовавших в деятельности редакционной коллегии, — М. Л. Гофмана, И. А. Кубасова, А. В. Амфитеатрова, Б. М. Эйхенбаума, В. А. Десницкого и др. Сохранился и набросок статьи Горького «О классике»,[48] видимо готовившейся как предисловие к списку. Эти новые издательские планы были в основном осуществлены Гржебиным в 1921–1924 годах, но они заслуживают особого разговора, поскольку лишь в незначительной части связаны с проектом «Сто лучших русских книг», и мы надеемся посвятить им отдельную статью.

Для дальнейшей истории проекта важно, что с момента передачи списков в руки Горького из творческого задания он превратился в утвержденный план, по которому каждому из членов редколлегии надо было отчитываться. Методы руководства Горького на этом этапе передает запись Чуковского от 20 марта 1920 года: «Вчера заседание у Гржебина — в среду (т. е. 17 марта. — *Е. И.*). Я, Блок, Гумилев, Замятин, Лернер и Варвара Васильевна. Началось с того, что Горький, сурово шевеля усами, сказал Лернеру: „Если вы на этой неделе не принесете «Казаков» (которые заказаны Лернеру около полугода назад), я закажу их кому-нб. другому“. Лернер пролепетал что-то о том, что через три дня работа будет закончена вполне. Он говорит это каждый день. — Где заказанный вам Пушкин? — Я уже начал. — Но ведь на этой неделе вы должны сдать... (На лице у Лернера — ужас. Видно, что он и не начинал работать.) Потом разговор с Гумилевым. Гумилев взялся проредактировать Алексея Толстого — и сделал черт знает что. Нарезал беспомощно книжку — сдал

[46] Там же. Ед. хр. 367. Л. 2 об.

[47] ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ изд15-24-1 Гржебин З. И.

[48] Там же. КГ изд15-17-1 Гржебин З. И. «Программа серии „Библиотека классиков“» [1919]. Л. 1–8.

и получил 20 000 р. Горький перечислил до 40 ошибок и промахов.[49] Потом — разговор с Блоком. Блок взялся проредактировать Лермонтова — и, конечно, его работа прекрасна. Очень хорошо подобраны стихи — но статья написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, а в обычном блоковском, с напрасными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей. Для Блока Лермонтов — маг, тайновидец, сновидец, богоборец; для Горького это „культурная сила“, „двигатель прогресса“, здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока — трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: „дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал «На смерть Пушкина»“, тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока.

Замятин еще не закончил Чехова. Я — после звериных трудов сдал, наконец, Некрасова. Когда мы с Горьким случайно оказались в другой комнате — он очень огорченно и веско сказал:

— Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иваныч, ученые лучше. Вот мы вчера заседали здесь — это люди! Ферзман, Ольденбург и Пинкевич! Как работают. А из писателей вы один. Я вами любуюсь... Да, любуюсь...

Он только что получил от Уэльса письмо — и книжки, написанные Уэльсом, — популяризация естественных наук. Это Горькому очень дорого: популяризация. Он никак не хочет понять, что Блок создан не для популяризации знаний, а для свободного творчества, что народу будет больше добра от одного лирического стихотворения Блока, чем от десяти его же популярных брошюр, которые мог бы написать всякий грамотный полуталант, вроде меня».[50]

История каждого из названных здесь изданий — тема особого разговора. В качестве итога работы Блока под руководством Горького приведем его неопубликованную запись от 8 апреля: «Новый слух: от Ремизова (через Книпович): Горький сказал, что русские писатели все, кроме Замятина, лодыри. Как бы выйти из этой монопольной (увы) в этом сельце сферы насилия?»[51]

По процитированному фрагменту из дневника Чуковского заметно также, что Горький в определенный момент разочаровался в проекте издания русских писателей, с которого начиналась история их общего с Гржебиным издательства. Раздел «Русская литература» в «Каталоге издательства З. И. Гржебина» оказался четвертым по счету. Здесь отмечено, что составлен он «при ближайшем участии: Александра Блока (†), М. Горького, В. А. Десницкого, Е. И. Замятина, Н. О. Лернера, К. И. Чуковского и др.».[52] Далее перечень 174 русских писателей без инициалов, в конце которого приписка: «и другие». До сегодняшнего дня этот раздел оставался единственной, хотя и анонимной публикацией работы Блока над проектом, первоначальное название которого было «Сто лучших русских книг».

---

[49] О горьковской критике тома А. К. Толстого, составленного Гумилевым, Блок записал 3 марта: «Заседание у Гржебина (с Горьким; критика Ал. Толстого гумилевского, Державина. О Некрасове, о Лермонтове, о Чехове» (*ЗК*, 488). Том вышел уже после расстрела Гумилева: *Толстой А. К.* Избр. соч. / Ред., вступ. статья и прим. Н. Гумилева. Берлин; Пб.; М.: З. И. Гржебин, 1923. Сохранилось предисловие Гумилева к тому в виде чернового наброска и нескольких страниц, перепечатанных на машинке. На отдельном листке (л. 1а) приписка: «Передано в Пушкинский Дом автограф (на 5 лл.) покойного *Николая Степановича Гумилева.* Черновой набросок статьи, которую он предназначал (1919–1920) для II тома „Избранных сочинений А. К. Толстого“ (изд. З. И. Гржебина). Н. Лернер. 15 августа 1928» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 147. Л. 1–5). Набросок статьи — автограф черными чернилами с правкой (л. 1–5) и машинописная копия (л. 6–12).

[50] *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. С. 292–293.

[51] Записная книжка № 61 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 7).

[52] Каталог издательства З. И. Гржебина. С. 67.

* * *

В Приложении публикуется список «Русск<ие> писатели по годам рождения (XVIII и XIX и XX)» по картотеке, хранящейся в фонде Блока в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 390. Л. 1–263). На первой карточке приписка Д. М. Пинеса, участвовавшего в подготовке Собрания сочинений Блока под руководством Иванова-Разумника: «Список писателей намечался А. А. Блоком по годам рождения, поэтому по существу карточки должны бы быть расположены — с середины, от Посошкова (1670) — до Достоевского (1821); затем линия остальных (Дедлов — Гарин), — по алфавиту, даты для которых отсутствуют, за исключением Розенгейма (1820), здесь расположенного последним (его надо поставить, примерно, перед Достоевским или Якушкиным), — после Достоевского надо сначала, с Авдеева (1821) — до Бугаева (1880), а у оставшихся двадцати пяти, начиная с Теплякова до Суханова включит<ельно> не проставлены даты рождения (при этом с Альбова до Суханова они расположены в алфавитном порядке). — Тогда хронология от Посошкова до Бугаева будет выдержана — 1670–1880.

23.XI.1932 Д. Пинес».[53]

Подчеркивания Блоком отдельных имен и сокращенные написания названий отдельных произведений сохранены, имена выделены нами полужирным шрифтом для удобства восприятия, двумя косыми линейками текст на одной карточке отделен от текста на другой, а с помощью одной косой линейки показано его членение на строки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русск<ие> писатели по годам рождения (XVIII и XIX и XX)

И. Т. Посошков 1670–1726 / «О скудости и богатстве» / «Завещание отеческое» (Домострой XVIII в.) / «Зерцало суемудрия раскольничьего» / Умер в Петроп<авловской> крепости / Соч. — изд. Погодина (1842–<18>63) // **В. К. Тредьяковский 1703–1769** // **М. В. Ломоносов 1709–1765** // **А. П. Сумароков 1718–1777** / «Хорев» 1747 / Первый директор постоян<ного> театра (с 1756) // **Вас. И. Майков 1728–1778** / Лирика и драма / Соч. СПб. 1867, изд. Ефремов со ст. Л. Н. Майкова // **<u>А. Т. Болотов 1738–1833</u>** // **А. О. Аблесимов 1742–1783** / «Мельник...» 1779 («первый народный сюжет») // **Г. Р. Державин 1743–1816** // **И. Ф. Богданович 1743–1803** / Душенька 1775 // **Н. И. Новиков 1744–1818** / Трутень — 1769–<17>70 / Живописец — 1772–<17>73 / Кошелек — 1774 // **И. И. Хемницер 1745–1784** // **А. Н. Радищев 1749–1802** // **Ю. А. Нелединский-Мелецкий 1751–1828** / «Выйду я на реченьку» // **А. С. Шишков 1754–1841** / Расс<уждение> о стар<ом> <и> нов<ом> сл<оге> — 1803 / В 1811 основал «Бес<еду> Люб<ителей> Рус<ского> Слова» // **Гр. Д. И. Хвостов 1757–1835** // **В. В. Капнист 1757–1823** / 1798 — «Ябеда» на сцене / 1783 — «Ода на рабство» (напеч<атана в> 1806) // **Н. М. Карамзин 1766–1826** / Стих<отворение> «Поэзия» (Оссиана) — 1787 / Стих<отворение> «Меланхолия» — 1800 / Наталья Боярская дочь — 1792 / Марфа Посадница, 1802 / Письма русск<ого> путеш<ественника> — 1790 / «Бедная Лиза» 1792 / «Фрол Силин» / Его школа: Подшивалов?, Шаликов, Кобин?,

[53] Эта приписка позволяет установить, что нынешний порядок следования карточек, который мы воспроизводим в нашей публикации, установлен не Блоком; в процессе подготовки 12-томного Собрания сочинений в картотеке производились перестановки, но ее общий объем был при этом сохранен.

Кропотов, В. Панаев и др. // **А. Ф. Лабзин 1766–1825** / Сионский Вестник — 1806–<180>7, 1817 // **Кн. П. И. Шаликов 1767–1852** // **И. А. Крылов 1768–1844** / Пис<ал с> 1785 — / Басни — <18>10-е, <18>20-е годы / 1784 — Кофейница (начало) / 1800 — Трумф («Подщипа») — пародия на псевдо-класс<ическую> траг<едию> / 1801 — Пирог / 1806 — «Модная лавка» и «Урок дочкам» / В 1833 году прекращает писать басни, в 1838 — умолкает совсем / Большинство трагедий <так!> — в XIX в. // **В. Л. Пушкин 1770–1830** / Соч<инения> под ре<дакцией> Саитова — Соб<рание> 1893 // **Г. П. Каменев 1772–1803** / Баллада Громвал // **И. П. Пнин 1773–1805** / Оды и статьи / «Опыты о просвещении относительно России» 1804 // **Анна Петровна Бунина 1774–1828** / Собр<ание> стих<отворений> изд<ания> 1819–<18>21 // **Н. И. Ильин 1777–1823** / Влияние Карамзина; драмы из нар<одной> жизни / 1802 — Лиза или торжество добродетели / 1804 — Великодушие или рекрутский набор / 1816 — Физиономист и хиромант, ком<едия> / 1818 — Семик, ком<едия> // **Кн. А. А. Шаховской 1777–1846** / Отец «класс<ицизма>» и «романт<изма>» / До 100 пьес — «комедий шумный рой» // **А. Ф. Мерзляков 1778–1830** / Нач<ал> пис<ать с> 1796 / «Среди долины ровныя» / Собр<ание> стих<отворений> 1867 // А. Ф. **Воейков 1778–1839** / Дом сумасшедших 1814 — переделывал до 1838 / Учился и сотрудничал с Жуковским, был профессором в Дерпте, работал с Гречем, редактировал, издавал и перев<одил> Вергилия, Вольтера // **Г. Ф. Квитко (Основьяненко) 1778–1843** / По-малороссийски — повести и оперетта «Сватанье на Гончаровке» / По-русски — «Пан Халявский» / Собр<ание> соч<инений> (без драм) — 1887 // **А. Е. Измайлов 1779–1831** / Роман «Евгений, или пагубн<ые> следствия дурного воспит<ания> и сообщества» — 1798 / Басни / Изд<ание> соч<инений> 1891 г. (3 ч.) // **И. И. Козлов 1779–1840** / Пис<ал> — <в> <18>20-е годы / В 1818 — паралич ног, в 1821 ослеп / 1824 — Чернец (восторг Пушкина) / 1828 Ключница Наталья Долгорукова / Стих<отворен>ия / 1840 — Ст<ихотворен>ия под ред<акцией> Жуковского // **В. Т. Нарежный — 1780–1826** / «Российский Жильблаз» — 1814 / «Бурсаки» — 1824 / «Два Ивана» или страсть к тяжбам — 1825 / Собр<ание> соч<инений> изд<ание> Смирдина 1835–<18>36. Редкость, перепечатки плохие / Счит<ается> созд<ателем> рус<ского> реального романа. Влияние на Гоголя // **А. Х. Востоков 1781–1864** / 1805–<180>6 — «Опыты лирические» // **В. А. Жуковский 1783–1852** / Пис<ал в> 1797–1850 / 1800-е, <18>10-е, <18>20-е, <18>30-е // **А. И. Галич 1783–1848** / Один из первых шахматианцев у нас / Опыт науки изящного 1825 / Ист<орико>-филос<офская> система 1818–1819 // **Н. И. Гнедич 1784–1883** / Перевод Илиады — 1829 / Идиллии («Рыбаки») // **Д. В. Давыдов 1784–1839** / Пис<ал> с 1804 // **Ф. Н. Глинка 1786–1880** / Опыты свящ<енной> поэзии 1826 / Духовн<ые> стих<отворен>ия 1839 // **К. Н. Батюшков 1787–1855** / Первое изд<ание> ст<ихотворен>ий — 1817 (Опыты в стихах и прозе, 2 ч.) / <18>10-е, <18>20-е, (<18>30-е) / 1834 — «Сочинения в прозе и стихах» (2 ч.) // **Н. И. Греч 1787–1867** / Переводил с 1806 / Ром<ан> «Черная женщина» — 1834 / И «Поездка в Германию» — 1836 // **Ф. Б. Булгарин 1789–1859** / Ив<ан> Выжигин — 1829 / Петр Ив<анович> Выжигин — 1831 / Воспоминания / Собр. соч. — 7 частей 1839–<18>44 // **М. Н. Загоскин 1789–1852** / Юрий Милославский — 1829 (до того — драма «Богатырев» и др.) / 1830–<18>48: Рославлев / Аскольдова могила / Кузьма Рощин / Кузьма Петрович Мурашев / Брянский лес / Русские в начале XVIII столетия // **Н. И. Тургенев 1789–1871** / La Russie et les russes — 1847 (3 т.) // **Н. И. Хмелевский 1791–1845** / Первые водевили // **С. Т. Аксаков 1791–1859** / Пис<ал в> 1847–1858 / 1847. Зап<иски> об уженье рыбы / 1852. Зап<иски> ружейного охотника / 1856. Семейная хроника и воспоминания / 1858. Детские годы Багрова-внука // **С. Е. Раич 1792–1855** //

Кн. П. А. Вяземский 1792–1878 / Пис<ал> с 1808 / 1818 — «Негодование» (стихи) // **П. А. Плетнев 1792–1862** / Соч<инения> и переписка, изд<ание> Я. Грота, 3 т. 1885 // **П. И. Пестель 1792–1826** / Отличился в войнах 1812 и др. / Основал Союз Благоденствия 1817 / Русская правда — 1820–<18>24 / Открыл Южное тайное общество // **П. Я. Чаадаев 1794–1856** / 1829–1831 — 3 философических письма / <18>20-е, <18>30-е // **И. И. Лажечников 1794–1869** / Последний Новик / Ледяной Дом / Бусурмане // **А. С. Грибоедов** / Пис<ал> с 1814 — / Горе от ума 1823 // **К. Ф. Рылеев 1795–1826** / Пис<ал в> 1820–1825 / <18>20-е / Смерть Ермака («Ревела буря, дождь шумел...») / «Ах, где те острова, Где растет трын-трава» (дальше: «Как в ненастные дни...») // **Н. А. Полевой 1796–1846** / Романы: Абадонна, Клятва при гробе Господнем / Драмы: Параша-Сибирячка, Купец Иголкин, Дед рус<ского> флота // **И. П. Мятлев 1796–1844** // **И. Т. Калашников 1797–1863** / Дочь купца Жолобова, роман из иркутских преданий (перев<од> с нем. яз.) / 1833 — Камчадалка / 1834 — Изгнанники / 1835 — Жизнь крестьянки / 1841 Автомат / Стихи (Сын от<ечества> <18>30-х годов) // **В. К. Кюхельбекер 1797–1846** / Смерть Байрона М. 1824 / Шекспиров дух — 1825 / Ижорский 1835 — попытка «мистерии» «по примеру Г. Сакса» / Вечный Жид // **Н. Г. Цыганов 1797–1831** / Актер и поэт / «Что ты рано травушка пожелтела» / «По полю, полю чистому» / «Не шей ты мне, матушка» / «Рус. Песни», 1834; «Собр. соч. Цыганова» 1851 / Изд. Суворина — 1880 // **А. А. Бестужев-Марлинский 1797–1837** / Критика и повести: Аммалат-Бек, Мулла Нур, Фрегат Надежда, Наезды, Страшное гаданье / Четыре полных издания повестей 1832–1843 // **Барон А. А. Дельвиг 1798–1831** // **А. С. Пушкин 1799–1837** / Пис<ал в> 1814–1837 / <18>10-е, <18>20-е, <18>30-е // **М. П. Погодин 1800–1875** / 1823 — диссерт<ация> «О происх<ождении> Руси» // **Е. А. Баратынский 1800–1844** / Пис. 1826–1842 / <18>20-е, <18>30-е / 1826 — Эда и Пир / 1827 — Ст<ихотворен>ия / 1828 — Бал / 1831 — Наложница / 1842 — Сумерки / 1869 — первое собр. сочинений // **А. Ф. Вельтман 1800–1860** / Кощей Бессмертный — 1833 / А. Ф. Македонский 1836 / Сердце и Думка 1838 / Историч<еские> труды // **О. (Ю.) И. Сенковский 1800–1858** / (Барон Брамбеус) / Соч<инения> — 9 тт. (1859) // **В. И. Туманский 1801–1860** // **<u>В. И. Даль</u>, Казак Луганский 1801–1872** // **Ф. А. Туманский 1802–1853** // **И. А. Одоевский 1802–1839** / До 1825 почти не писал / «Василько» // **Н. М. Языков 1803–1846** / Пис<ал в> 1833–1845 / Соотв<етственно>, <18>30-е // **Ф. И. Тютчев 1803–1873** / В 1836–1840 напечатал ряд ст<ихотворений> в Современнике. Потом через 14 лет, <18>50-е годы (собрал И. Тургенев, издал Некрасов) // **Н. И. Надеждин 1804–1856** / Пис<ал> с 1828 // **Д. П. Ознобишин 1804–1877** / «Лучшие ст<ихотворен>ия» — Отеч<ественные> зап<иски> 1839–<18>44 // **Кн. В. Ф. Одоевский 1804–1869** / Расцвет — <18>30-е и <18>40-е годы / В молодости — в кружке Веневитинова «Любомудров» (1823–<18>25) / М<ежду> пр<очим> писал книги для народа. Нач<ал> в 1824 / Собр. соч. — 1844 года. Самая важная вещь — Русские ночи (1831–<18>36) / Повести, рассказы, статьи научные и публиц<истические> книги для народ<ного> чтения / «Четыре диалога» — 1824 // **А. С. Хомяков 1804–1860** // **<u>Д. В. Веневитинов</u> 1805–1827** / Ст<ихотворен>ия и крит<ические> статьи. Шеллингианец, основ<ал> Общ<ество> «Любомудров» <18>20-е в Москве. В СПб арестован на 3 дня за близость к декабристам — «Поэт», «Жертвоприношение», перев<од> из «Фауста». «Как знал он жизнь, как мало жил» // **Н. Ф. Павлов 1805–1864** / Пис<ал> с 1825 / «Три повести» — 1835 / «Новые повести» — 1838 / «Четыре письма Гоголю» — Моск<овские> Вед<омости>. 1847 / Друг Погодина, Грановского, Белинского / муж Каролины Яниш // **С. П. Шевырев 1806–1864** // **И. В. Киреевский 1806–1856** / Основ<ал> «Европеец» (1832); 1845 — «Москвитянин», 1852 — «Моск<овский> сборник».

Главное сочинение: «О возможности и необходимости новых начал для философии» (чувство и вера) / Полн. собр. соч. 1861 года // **А. И. Подолинский 1806–1886** // **В. Г. Бенедиктов 1807–1873** / Пис<ал>: <18>30-е — <18>50-е годы / Изд. Ст<ихотворен>ий — 1835, <18>36, <18>38, <18>42 / 1856 — Полн. собр. ст<ихотворен>ий (3 т.) / 1858 — Новые стихотворения / 1883–84 — 3 т. «Стихотворений» под ред. Полонского // **А. Н. Струговщиков. 1808–1878** / Ст<ихотворен>ия 1845 (гл<авным> обр<азом> перев<оды> Гете) / «Переводы. Статьи в прозе» 1845 // **Н. В. Гоголь 1809–1852** / Пис<ал в> 1829–1852 / 1829 — Ганс Кюхельгартен / 1831–1832 — Вечера на хуторе / 1835 — Арабески, Миргород / 1836 — Ревизор, Шинель / Мертв<ые> Души I — 1842 (II — 1855) / 1846 — Выбр<анные> места из переписки с друзьями // **Н. Кукольник 1809–1868** // **А. В. Кольцов 1809–1842** / Пис<ал в> 1835 — <18>30-е // **Н. П. Греков 1810–1866** / Пис<ал в> 1827 — / Кон<ец> <18>30-х, <18>40-е, <18>50-е // **Н. И. Пирогов 1810–1881** // **В. П. Боткин 1810–1869** / Друг Белинского. Отеч<ественные> зап<иски> и Соврем<енник> <18>40-х гг. / Письма об Испании — 1847 // **В. И. Красов 1810–1855** / друг Белинского, член кружка Станкевича / «Ст<ихотворен>ия» — М. 1860 / «Я вновь пред тобою стою, очарован» / «Пронеслась, пронеслась моя младость» // **К. К. Павлова 1810–1894** // **В. Г. Белинский 1811–1848** / Пис<ал в> 1834–1848 / Кон<ец> <18>30-х, <18>40-е // **И. П. Клюшников 1811–1895** / Друг Станкевича и Белинского / Ст<ихотворен>ия 1838–<18>40 гг. (подпись «–ф–») / Рассказы и повести // **Гр. Е. П. Растопчина 1811–1858** / Северная звезда («Дивный терем стоит») // **А. В. Тимофеев 1812–1883** / «Песни» — 1835 / Опыты в прозе и стихах — 1837 / Микула Селянинович, представитель земли — 1876 // **А. И. Герцен 1812–1870** / Пис<ал в> 1830–1866 / Собств<енно,> <18>40-е, <18>50-е, нач<ало> <18>60-х / 1847. Кто виноват? / 1848. Сорока-Воровка / 1850. С того берега / 1861. Былое и Думы (4 тома, Лондон) // **И. А. Гончаров 1812–1891** / Пис<ал в> 1847–1889 / Собств<енно,> <18>50-е, <18>60-е / Обыкнов<енная> история 1847 / Обломов — 1858 / Фрегат-Паллада — 1855–<18>57 / Обрыв — 1869 / Миллион <так!> терзаний — 1872 // **И. И. Панаев (Новый поэт) 1812–1862** // **Е. П. Гребенка 1812–1848** / «Приказки» (басни) — на малоросс<ийском> яз<ыке> 1834 / Записки Студента / Рассказы Пирятинца / ром. «Чайковский» / Собр. соч. — 1862 // **Н. В. Станкевич 1813–1840** // **Н. П. Огарев 1813–1877** / Стих<отворения> 1856 / <18>50-е // **Т. Н. Грановский 1813–1855** // **М. Ю. Лермонтов 1814–1841** / Пис<ал в> 1835–1840 / <18>30-е // **М. А. Бакунин 1814–1876** // **Т. Г. Шевченко 1814–1861** / «Кобзарь», 1-е изд. 1840 // **Э. И. Грубер 1814–1847** / Перев<од> «Фауста» / Стих<отворен>ия — 1845 / Собр. соч. — 1860 // **Н. М. Сатин 1814–1873** / друг Герцена и Огарева // **гр. В. А. Соллогуб 1814–1882** / Тарантас — 1845 / Сочинения — 5 тт. 1855–<18>56 // **П. П. Ершов 1815–1869** / Конек-Горбунок написан в школе, начал печататься в 1834 г. // **С. Ф. Дуров 1816–1869** // **А. Ф. Погосский 1816–1874** / «Полн. собр. повестей» — 1881 // **А. П. Милюков 1817–1897** / 1847 — Очерк истории русской поэзии / (впервые в России; в духе Белинского) // **К. С. Аксаков 1817–1861** // **гр. А. К. Толстой 1817–1875** / Пис<ал> 1841 — / Собств<енно,> (<18>40-е), <18>50-е, <18>60-е / 1841 — Упырь. 1850 — Колокольчики мои и др. / 1858 — Грешница. 1859. И. Дамаскин / 1862. Дон-Жуан. 1863 — Князь Серебряный / 1866 — Смерть Грозного. 1867 — Ст<ихотворен>ия. 1868 — Царь Фед<ор> Иоаннович / 1870. Царь Борис // **В. А. Дьяченко (1818–1876)** / 1861 Жертва за жертву / 1864 Гувернер // **И. С. Тургенев 1818–1883** / Пис<ал в> 1836–1883 / Собств<енно,> <18>40-е, <18>50-е, <18>60-е, <18>70-е / <18>40-е — ст<ихотворен>ия, драма, рассказы / <18>50-е — рассказы, драмы. 1852 — Перв. изд. Запис<ок> охотника / 1859 — Дворянское гнездо. 1860 — Накануне; 1862 — Отцы и дети; / 1867 — Дым; 1872 — Вешние воды;

1877 — Новь / 1883 — Клара Милич / Утро туманное / **М. Н. Катков 1818–1887** // **Ф. Б. Миллер 1818–1881** // **Ю. Ф. Самарин 1819–1876** / «Окраины России» (Берл<ин> 1868) / Иезуиты и их отнош<ение> к России // **П. И. Мельников-Печерский 1819–1883** / Пис<ал в> 1857–1881 / В лесах — 1871–1874 / На горах — 1875–1881 / <18>70-е // **А. А. Фет (Шеншин) 1820–1892** / Пис<ал в> 1840–1890 / <18>40-е, <18>50-е, <18>60-е, <18>70-е, <18>80-е / Лир<ический> Пантеон А. Ф. Москва 1840 / 1845–<18>58 — военная служба / Ст<ихотворен>ия — Москва 1850 / Ст<ихотворен>ия, СПб. 1856 / Ст<ихотворен>ия, 2 ч. М. 1863 (изд<ание> Солдат<енкова>) / Веч<ерние> Огни, I — 1883, II — 1885, III — 1888, IV — 1891 / Мои восп<оминания> — М. 1890. Ранние годы моей жизни — М. 1893 // **Я. П. Полонский 1820–1898** / Пис<ал в> 1844–1890 / (<18>40-е), <18>50-е, <18>60-е, <18>70-е, <18>80-е / 1844 — Гаммы. 1846 — Ст<ихотворен>ия / 1859 — Кузнечик Музыкант. — Ст<ихотворен>ия / 1871. Снопы (Стихи и проза). 1873 — Мими / 1881. На закате. 1890 — Вечерний звон / 1896 — «Полн. Собр. ст<ихотворен>ий» (5 тт.) // **А. В. Сухово-Кобылин 1820–1903** / Свадьба Кречинского — 1856 / Картины прошлого — 1869 // **А. Ф. Писемский 1820–1881** / Пис<ал в> 1850–1880 / <18>50-е, <18>60-е, <18>70-е / 1850 — Тюфяк. 1852 — Ипохондрик / 1853 — Пов<ести> и расск<азы>, 3 т.; 1858 — Тысяча душ. 1859 — Горьк<ая> Судьбина / 1863 — Взбаламуч<енное> море. 1867. Самоуправцы. 1869 — Люди сороковых годов / 1871 — В водовороте; 1877 Мещане. 1880 — Масоны // **П. И. Якушкин 1820–1872** // **М. П. Розенгейм 1820–1887** / Ст<ихотворен>ия (1-е изд.) — 1858 / «Заметки праздношатающегося» — 1859 / Ст<ихотворен>ия — 1889 // **Ф. М. Достоевский 1821–1881** / Пис<ал в> 1846–1880 / <18>40-е, <18>60-е, <18>70-е / 1846 — Бедные Люди. 1849 — Неточка Незванова / 1859 — Село Степанчиково. 1861 — Униж<енные> и оскорбл<енные> / 1861–<18>62. Зап<иски> из Мертв<ого> Дом<а>. 1864 — Записки из подполья / 1866 — Прест<упление> и Нак<азание>. 1868 — Идиот / 1871. Бесы. 1875 Подросток. 1879–<18>80 — Бр<атья> Карамазовы / 1880. Пушкин // **М. В. Авдеев 1821–1876** / Трилогия «Тамарин» (подр<ажание> Лерм<онтову> и Пушк<ину>) / Повесть «В сороковых годах» (кружок Герц<ена> и Бел<инского>) / 1860 — «Подводный камень» (гражд<анский> брак) // **Н. Ф. Щербина 1821–1869** / «К морю» — 1838; «Греческ<ие> ст<ихотворен>ия» — 1850 / Эпиграммы на гуртов<ых> радикалов // **Кузьма Прутков — «Современник» 1850–<18>54** / **(А. М. Жемчужников род. в 1821 г.)** / Фантазии и басни — «Соврем<енник>» 1851 // **А. Н. Майков 1821–1897** / Пис<ал в> 1842–1882 / <18>40-е, <18>50-е, <18>60-е, <18>70-е // **Н. А. Некрасов 1821–1877** / Пис<ал в> 1840–1877 / (<18>40-е, <18>50-е), <18>60-е, <18>70-е / 1840 — Мечты и звуки. 1846 — В дороге и др. / 1856 Ст<ихотворен>ия; Саша. 1869–<18>74 — Кому на Руси жить хорошо / 1872–<18>73 — Русские женщины / 1877 — Последние песни. 1879 — Ст<ихотворен>ия (4 тома) // **Н. Я. Данилевский 1822–1885** / «Россия и Европа» — 1871 / «Дарвинизм» — 1885 // **А. А. Григорьев 1822–1864** / Пис<ал в> 1842–1864 / <18>40-е, <18>50-е / Для себя мы не просим покоя / Цыганская венгерка // **Л. А. Мей 1822–1862** / <18>40-е и <18>50-е // **Д. В. Григорович 1822–1899** / Деревня — 1846 / Антон Горемыка — 1847 / Проселочные дороги — 1852 / Рыбаки — 1853 / Переселенцы — 1855–<18>56 / Корабль «Ретвизан» — 1859 / Гуттаперч<евый> мальчик — 1883 / Акробаты благотворит<ельности> — 1885 / Полн. собр. соч. — 1896 // **Б. М. Маркович 1822–<18>84** / Четверть века назад — 1878 / Перелом — 1880 / Бездна 1883–<18>84 / Собр. соч. — СПб. 1885 // **Валер<иан> Майков 1823–1847** // **И. С. Аксаков 1823–1886** / 1846 — Зимняя дорога / Сборн<ик> ст<ихотворен>ий — М. 1886 / Публиц<истические> статьи — 7 тт. (М. 1886–87) / «Переписка», 3 тт. // **А. Н. Островский 1823–1886** / Пис<ал в> 1847–1881 /

<18>50-е, <18>60-е, <18>70-е / 1850 — Свои люди — сочтемся. 1853 — Не в свои сани... / 1854 — Бедность не порок. 1857 — Дох<одное> место / 1860 — Гроза; 1863 — Грех да беда; 1865 — Воевода; На бойк<ом> месте / 1868 — Вас<илиса> Мел<ентьевна> 1869 Горяч<ее> сердце / 1871 — Лес. 1872 — Не было ни гроша; 1873 — Комик XVII ст<олетия> / 1874 — Труд<овой> хлеб. 1875 — Волки и овцы. 1879 — Бесприд<анница> // **П. Л. Лавров 1823–1900** // **Д. Д. Минаев 1823–1889** // **А. В. Дружинин 1824–1864** / Поленька Сакс — 1847 (сюжет целиком из «Жака» Ж. Занд) // **Н. В. Берг 1824–1884** // **Ю. В. Жадовская 1824–1883** // Н. А. Чаев 1824– // **И. С. Никитин 1824–1861** / Пис<ал в> 1853–1858 / <18>50-е / 1857 — Кулак // **Н. С. Кохановская (Соханская) 1825–1884** / После обеда в гостях — 1858 // **А. Н. Плещеев 1825–1893** / Печ<атался> с 1847 / Собр<ание> стих<отворений> — 1887 и 1894 / Пов<ести> и рассказы — 1896 // **М. Л. Михайлов 1826–1865** // **И. Т. Кокорев 1826–1853** / Опис<ание> моск<овского> мещанства / В кружке «молодой редакции Москвитянина» / **Б. Н. Алмазов 1826–1876** // **М. Е. Салтыков-Щедрин 1826–1889** / Пис<ал в> 1841–1889 / Собств<енно,> <18>50-е, <18>60-е, <18>70-е, <18>80-е / 1856–<18>57 — Губ<ернские> очерки; / 1869–<18>70 — История одного города / 1869–<18>72. Господа ташкентцы. 1873. Помп<адуры> и помп<адурши> / 1880 Господа Головлевы. 1881–<18>82. Письма к тетеньке / 1883. Пошех<онские> рассказы. 1887–<18>89 — Пошех<онская> старина // **К. П. Победоносцев 1827–1907** // **Л. Н. Толстой 1828–1910** / Пис<ал в> 1852–1910 / Полвека и еще 10 лет / 1852. История моего детства. 1854. Отрочество. <18>50-е — Севастополь, рассказы / 1863. Казаки. 1865–<18>69 — Война и мир / 1875–<18>77 — Анна Каренина / 1887 — Власть тьмы. 1890. Крейц<ерова> соната / 1892. В чем моя вера. 1893–94. Царство Божие внутри вас / 1899 — Воскресение // **Н. Н. Страхов 1828–1896** // **А. Н. Энгельгардт 1828–1893** // **Н. Г. Чернышевский 1828–1889** / 1855 — Эстет<ические> отнош<ения> иск<усства> к действ<ительности> / 1863 — Что делать? // **А. А. Потехин 1829<–1908>** / нач<ало> — «Забавы и удовольствия» (оч<ерк> нар<одного> быта) — 1852 / Рассказы, романы, драмы // **Г. П. Данилевский 1829–1890** // **Д. Л. Мордовцев 1830–1905** // **А<лексан>др Ник. Андреев 1830–1891** / драма, водевиль, цыг<анские> песни // **П. И. Вейнберг 1830–1908** / Пис<ал в> 1854–1902 / <18>60-е // **К. Н. Леонтьев 1831–1891** // **С. В. Максимов — 1831–<1901>** // **Н. С. Лесков 1831–1895** / Пис<ал в> 1863–1888 / <18>60-е, <18>70-е, отчасти <18>80-е / 1863 — Овцебык. 1864 — Некуда / 1865 — Обойденные. 1866 — Островитяне / 1870–<18>71. На ножах. 1872 — Соборяне / 1873. Запечатл<енный> Ангел. Очаров<анный> странник / 1878 — Мелочи архиер<ейской> жизни / 1884–<18>86 — Рассказы кстати // **В. С. Курочкин 1831–1875** // **И. Ф. Горбунов 1831–1895** // **И. Е. Чернышев 1833–1863** / 1857 — Не в деньгах счастье / Жених из долгового отделения // **А. И. Левитов 1835–1877** / Пис<ал в> 1865–1874 / Кон<ец> <18>60-х, <18>70-е / 1865 — Степные очерки, 2 тома / 1874 — Горе сел, дорог и городов, М. // **Н. Г. Помяловский 1835–1863** / 1859 — Вукол / 1861 — Мещанское счастье; Молотов / 1862–<18>63. Очерки бурсы // **П. Д. Боборыкин — 1836–1918** <так!> / Однодворец, ком<едия> — 1860 (перв<ое> печ<атное> произв<едение>) // **И. В. Федоров (Омулевский) 1836–1883** / «Песни жизни» // **Д. В. Аверкиев 1836–<1905>** / 1872. Каширская старина / 1893. О драме // **В. А. Слепцов 1836–1878** / Пис<ал в> 1863 — / Собств<енно,> <18>60-е / 1863 — Питомка / 1865 — Трудное время / 1866 — Сочинения, 2 тома // **Н. А. Добролюбов 1836–1861** / Пис<ал в> 1856–1861 / Конец <18>50-х // **Н. В. Успенский 1837–1889** / Нач<инал> в Соврем<еннике>. 1857 / «Рассказы» — 1886 / «Из прошлого» — 1889 // **К. К. Случевский 1837–1904** / Пис<ал в> 1857 — // **Н. А. Вроцкий (Навроцкий) 1839–** / Стихи, драмы, повести / «Картины ми-

нувшего» — 1881, и др. собрания // **В. В. Крестовский 1840–1895** / 1864–66 — Петерб<ургские> трущобы / 1869 — Панургово стадо / 1874 — Две силы // **В. П. Клюшников 1841–1892** / 1864 — роман «Марево» // **В. П. Буренин — 1841** // **И. И. Пальмин 1841–1891** / Собр. ст<ихотворен>ий. М. 1892 // **И. З. Суриков 1841–1880** / Сб<орник> ст<ихотворен>ий — 4-е изд. 1885 // **С. Н. Терпигорев (Атава) 1841–1895** / Оскудение — очерки (1886) // **Д. И. Писарев 1841–1868** / <18>60-е годы / 1864 — Реалисты / 1865 — Разрушение эстетики / Мыслящий пролетариат / Пушкин и Белинский / 1868 — Старое барство // **А. Н. Апухтин 1841–1893** / Отчалила лодка / Позднею ночью, равниною снежной // **Ф. М. Решетников 1841–1871** / Пис<ал в> 1864 — / <18>60-е / 1864 — Подлиповцы / 1865 — Между людьми / 1866–<18>67 — Глумовы / 1868 — Где лучше / 1869 — Сочинения, 2 тома // **Н. К. Михайловский 1842–1904** // **В. Н. Андреев-Бурлак 1843–1888** / Волжские сцены // **Г. И. Успенский 1843–1902** / Пис<ал в> 1866–1882 / Собств<енно,> конец <18>60-х, <18>70-е, <18>80-е / 1866 — Нравы Растеряевой улицы / 1869 — Разорение / 1879 — Черная работа / 1882 — Власть земли / 1883–1886 — Сочинения, 8 томов // **И. А. Кущевский 1847–1876** / Николай Негорев или благополучный россиянин. 1872 // **С. А. Андреевский 1847–1918** // **О. (И.) И. Юзов (Каблиц) 1848–1893** / Один из основателей народничества // **гр. А. А. Голенищев-Кутузов 1848–** / Нач<ал> пис<ать> в <18>70-х годах // **Всеволод С. Соловьев 1849–1903** // **И. И. Ясинский (М. Белинский) — 1850** // **кн. Д. Н. Цертелев 1852–** // **Вл. С. Соловьев 1853–1900** // **В. Г. Короленко, род. 1853** // **В. М. Гаршин 1855–1888** / Пис<ал в> 1877–1887 / <18>80-е / 1877 — Четыре дня / 1879. Художники. Attalea Princeps / 1882. Рассказы / 1883. Красный цветок / 1885. Надежда Николаевна; 2-ая кн<ига> расск<азов> / 1887. Сигнал. 1888 — 3-я кн<ига> рассказов // **П. П. Гнедич — 1855** / Иллюстр<ированная> «Ист<ория> Иск<усств>» 1885 // **И. Ф. Анненский 1855–1909** // **Н. М. Минский (Виленский), род. 1855** // **Г. В. Плеханов (Бельтов) 1857–1918** / «Наши разногласия» — 1884 / «К вопр<осу> о разв<итии> монистич<еского> взгл<яда> на историю» — 1895 / Отец русского марксизма (1884 — основ<ал> группу «Освобождение труда» — Аксельрод, Дейч, В. Засулич) // **К. Р. — 1858–1916** // **П. Ф. Якубович (П. Я., Мельшин, Гриневич) 1860–1911** // **А. П. Чехов 1860–1904** // **К. М. Фофанов 1862–<1911>** // **С. Я. Надсон 1862–1887** // **Ф. К. Сологуб (Тетерников) — 1863** // **А. Л. Волынский (Флексер) — 1863** // **Д. С. Мережковский 1865–** // **Вяч. Ив. Иванов 1866–** // **К. Д. Бальмонт — 1867** / Первый сб<орник> стихов. Ярославль 1890 // **А. М. Горький (Пешков), род. 1869** // **З. Н. Гиппиус (Мережковская) 8 ноября 1869** / Первые стихи появились в Сев<ерном> вестнике — ноябрь 1888 / Первый рассказ — В<естник> Е<вропы> 1890 // **И. А. Бунин — 1870** // **А. И. Куприн — 1870** // **Л. Н. Андреев 1871–1919** // **М. А. Лохвицкая (Жибер) 1871–1905** // **В. Я. Брюсов — 1873** // **А. М. Добролюбов — 1876** // **М. А. Кузмин — 1876** // **И. И. Коневской (Ореус) 1877–1901** // **Р. В. Иванов (Иванов-Разумник) 1878** // **Б. Н. Бугаев (А. Белый) — 1880** //

Альбов // Ахшарумов // Баранцевич // Дедлов // С. Дрожжин // Вл. Жуковский // Забытый // Засодимский // Златовратский // Имп. Екатерина II // кн. А. Д. Кантемир // Каронин // Кульман // Мамин-Сибиряк // Марков // Мачтет // Михайлов-Шеллер // Наумов // Нефедов // Потапенко // А. М. Ремизов // В. В. Розанов // Слепушкин // П. С. Соловьева (Allegro) // Ор. Сомов / О романтической поэзии — 1823 // Станюкович // Степняк-Кравчинский // Суханов // В. А. Тепляков — 1838 // Хвощинская // Херасков // Гарин // Эртель

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-128-135

© ***ТОМИ ХУТТУНЕН*** (*Финляндия*)

«В ТЕНИ ПОСЛЕДНЕЙ КУЛИСЫ...»: АНТТИ ТИИТТАНЕН — ПЕРЕВОДЧИК А. А. БЛОКА И ПОСРЕДНИК МЕЖДУ РУССКОЙ И ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАМИ

История переводов русской литературы модернистского периода на финский и шведский языки все еще остается не достаточно хорошо изученной и нуждается в дополнительном исследовании. До сих пор широко распространено представление о том, что в начале XX века переводов произведений русского модернизма практически не было, а общественно-политические настроения в Финляндии этого периода препятствовали полноценным литературным контактам между представителями двух культур. С одной стороны, отчасти это соответствует действительности. Например, русские писатели-эмигранты имели мало связей с финской литературной интеллигенцией.[1] Вместе с тем историкам литературы хорошо известен интерес русских поэтов и художников к финской культуре, прежде всего к «Калевале», и к финской природе, чему способствовала дачная жизнь на Карельском перешейке — излюбленном месте отдыха от городской суеты для многих петербургских писателей. Наиболее популярными поселками приграничной Финляндии были Териоки, Куоккала, Оллила, Келломяки, Райвола, Уусикиркко и Ваммелсуу, которые сегодня прочно ассоциируются с историей русско-финских культурных взаимосвязей начала прошлого столетия.[2] Не следует забывать и о городе Иматра, а также о санатории «Рауха» и его посетителях. Наиболее известный из них — В. С. Соловьев, который восхищался там «чухонской музой» и «музой финскою», но не общался с самими финнами.[3]

Считается, что в 1910–1920-е годы собственно финские литераторы мало интересовались русской литературой. Среди ее любителей и, соответственно, переводчиков преобладали финны шведского происхождения. Однако, как выясняется, это справедливо лишь для отдельных изданий. Если мы обратимся к периодике, то общая картина будет гораздо более многообразной, чем представлялось ранее. Сделать этот вывод удалось не в последнюю очередь благодаря тотальной оцифровке журналов и газет из Национальной библиотеки Финляндии, где интересующий нас материал представлен с исчерпывающей полнотой. Более того, помимо неучтенных переводов, были обнаружены прежде неизвестные переводчики и пропагандисты русской литературы в Финляндии. Среди них встречаются довольно загадочные транснациональ-

---

[1] Впрочем, были и исключения в лице Вадима Гарднера (1880–1956), Ивана Савина (Саволайн[ен], 1899–1927) и Веры Булич (Vera Bull, 1898–1954). Ряд произведений последней был переведен на финский и шведский языки, а сама поэтесса переводила финских поэтов на русский. К тому же в 1940-е годы Булич делала интересные доклады о финском модернизме. Подробнее об этом см.: *Kiparsky V.* Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945. S. 141; *Башмакова Н.* «Мы говорим на разных языках»: Из литературной жизни русских в Финляндии в межвоенные годы // Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1992. S. 171–173 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III); *Сойни Е.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М., 2017. С. 225–252.

[2] См. об этом: *Baschmakoff N.* Avant-Garde Encounters on the Carelian Bedrock // A Cultural History of the Avant-Garde in the Nordic Countries / Ed. by H. van den Berg & M. Ølholm. Amsterdam, 2012. P. 351–366.

[3] *Pesonen P.* Luonnon surullinen poikapuoli ja Saimaan rannan nymfi // Suomi, suuriruhtinaan maa. Helsinki, 1991. S. 135; *Сойни Е.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. С. 167–181.

ные фигуры, изучение которых позволяет выстроить более объективную картину истории финской литературы и распространения русской литературы в Северной Европе. К числу таких транснациональных посредников, без сомнения, относятся, например, родившийся в Выборге в немецко-русскоязычной семье и писавший по-шведски поэт и прозаик Генри Парланд, а также уроженка Петербурга, получившая здесь образование, шведскоязычная поэтесса Эдит Седергран, или наиболее плодовитый переводчик русской литературы начала XX века во всей Скандинавии финский швед Рафаэль Линдквист,[4] наконец, родившийся в Конколове писатель и переводчик классической русской литературы на финский язык Юхани Конкка.

Предметом нашего внимания является один из таких загадочных транскультурных посредников — приехавший в Хельсинки в начале 1920-х годов ингерманландский писатель, переводчик и журналист Антти Тиитттанен (1890–1927). Его имя не упоминается ни в историях финской литературы,[5] ни в исследованиях по истории перевода или взаимосвязям русской и финской литератур. Однако в начале XX века среди ингерманландских финнов он был широко известен как литератор, театральный деятель и политик.[6] Надо отметить, что на фоне других интересующихся русской культурой финнов Тиитттанен выгодно отличался как уровнем владения русским языком, так и редким знанием современной русской литературы. В 1920-е годы он не только активно переводил произведения современных русских писателей, но и нередко впервые представлял их финскому читателю в своих многочисленных статьях на страницах газет и журналов. К тому же его собственные произведения — в первую очередь вошедшие в сборники рассказов «Только из любви к тебе» («Vain rakkaudesta sinuun», 1923) и «Торжественный круг» («Riemukierros», 1927) — написаны под сильным влиянием А. А. Блока, И. А. Бунина и Н. Н. Евреинова. Эти три достаточно разных по стилю писателя отражают ту творческую многоплановость Тиитттанена, которая находится в фокусе настоящей статьи.

Антти Тиитттанен родился в деревне Каукола (ныне деревня Кавголово, входящая в Токсовское городское поселение Всеволожского р-на Ленинградской обл.), в одном из наиболее крупных приходов Ингерманландии. Его родители были богатыми крестьянами и имели молочную ферму. Все дети учились в русскоязычной сельской школе, а затем продолжали свое образование в училище. Кроме того, их воспитанием занимался финский гувернер, студент-теолог. В середине 1910-х годов дом Тиитттаненов стал своеобразным культурным центром Кауколы, где проходили литературно-театральные вечера.[7] После окончания известной среди ингерманландцев Колпанской семинарии Антти Тиитттанен поступил в финскую школу на Большой Конюшенной улице в Петербурге, а также посещал режиссерские классы при Театральном училище.[8] Особенно он пристрастился к театру «Кривое зеркало»

---

[4] Подробнее о нем см.: *Hellman B.* Rafael Lindqvist, 1867–1952 // Svensk översättarlexikon. URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Rafael_Lindqvist (дата обращения: 31.07.2020); *Сойни Е.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. С. 83–87.

[5] Дипломное сочинение И. С. Тойволы является единственной академической работой, посвященной жизни и творчеству Тиитттанена. См.: *Toivola I. S.* Antti Tiittanen. Kotimaisen kirjallisuuden laudaturtyö. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1935. Сама Тойвола была родом из поселка Салми (Питкярантский район Карелии), специализировалась в финно-угристике и собирала фольклор.

[6] См.: *Nevalainen P.* Viskoi kuin luoja kerjäläistä. Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki, 1999. S. 255; *Mišin A.* Antti Tiittasen lyhyt taival // Carelia. 2002. № 1. S. 50–51; *Flink T.* Pois nöyrän panta. Inkerin liitto 1922–1944. Turku, 2012. S. 82–83; *Пюккенен А.* Былое Токсово. СПб., 2018. С. 77.

[7] См. об этом: Neva. 1915. 4. syyskuuta (sent'abr'). S. 3; см. также: *Toivola I. S.* Antti Tiittanen. S. 6–7.

[8] Ibid. S. 13.

под руководством Н. Н. Евреинова.[9] Но настоящим литературным кумиром Тииттанена в Петербурге был Блок. Наиболее ярким свидетельством этого является посвящение, предпосланное сборнику рассказов «Riemukierros»: «Памяти поэта Александра Блока с бесконечным восхищением посвящает эти рассказы автор». К тому же сборник открывается ранее не публиковавшимся переводом Тииттанена стихотворения Блока «В час, когда пьянеют нарциссы...» (1904):

И, пока пьянеют нарциссы,	Narsissein juovunta-ajan
Я кривляюсь, крутясь и звеня...	minä liekehdin, hehkun, soin.
Но в тени последней кулисы	Mut takana kulissirajan
Кто-то плачет, жалея меня.	syvän itkun mä kuulla voin.[10]

Как известно, судьба Блока связана с Финляндией многими нитями. Он был любителем Карельского перешейка, регулярно совершал прогулки по взморью, а в своем «сестрорецком» стихотворении «В дюнах» (1907) воспевал «зеленоглазых финнов» и развивал тему свободной Финляндии.[11] Это особое отношение петербуржца к финскому локусу на рубеже XIX–XX веков засвидетельствовал Осип Мандельштам в книге эссе «Шум времени» (1925), показательно соединив его с именем поэта: «Зимой, на Рождестве, — Финляндия, Выборг, а дача — Териоки. В Териоках песок, можжевельник, дощатые мостки, собачьи будки купален, с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний, и близкий сердцу петербуржца домашний иностранец, холодный финн, любитель Ивановых огней и медвежьей польки на лужайке Народного дома, небритый и зеленоглазый, как его называл Блок. Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреду своем слушая бубенцы низкорослых финских лошадок».[12] Кроме того, Блок хорошо знал финскую литературу, особенно «Калевалу», и переводил стихи З. Топелиуса, Ю. Л. Рунеберга, Н. Рунеберга, Я. Тегенгрена и Л. Онерва для «Сборника Финляндской литературы» (1917). Как вспоминала М. А. Бекетова, в 1915 году Блок «получил очень интересный заказ от М. Горького, который собирался издавать сборники литературы всех народов, входивших в состав Русской империи <...> Блок взялся переводить армянских, латышских и финских поэтов».[13] В статье, посвященной истории самого сборника переводов из финляндской литературы, А. Л. Соболев отметил: «История ее (книги. — *Т. Х.*), если считать от появления первых замыслов до их бумажного воплощения, растянулась более чем на пятнадцать лет».[14] Специально для этого проекта Блок перевел в том числе и два самых известных финских стихотворения, а именно: «Наш край» («Vårt land») Ю. Л. Рунеберга, т. е. государственный гимн страны, и «Летний день в Кангасала» («En sommardag i Kangasala», 1853) З. Топелиуса, — одну из наиболее популярных песен финских школьников на все времена.

---

[9] *Tiittanen A.* Käskijä ja rakastaja. Kaksi merkillistä venäläistä näytelmää // Helsingin Sanomat. 1924. 30. heinäkuuta (ijul). S. 3.

[10] *Tiittanen A.* Riemukierros. Taiteilijanovelleja. Helsinki, 1927. S. 5.

[11] *Блок А. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 875–877; см. также: *Kiparsky V.* Suomi Venäjän kirjallisuudessa. S. 113.

[12] *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 219. См. также: *Обатнин Г.* «Северная любовь» (вместо предисловия от составителя) // Russian Literature. 2012. Vol. 71. № 2. С. 130–131.

[13] *Бекетова М. А.* Александр Блок. Л., 1930. С. 204.

[14] *Соболев А.* К истории «Сборника Финляндской литературы» // Russian Literature. 2012. Vol. 71. № 2. С. 229.

Несмотря на очевидный интерес поэта к финской литературе, творчество самого Блока долгое время не было известно в Финляндии. Считается, что первые переводы его произведений, причем на шведский язык, были опубликованы здесь только в 1924 году, в сборнике Рафаэля Линдквиста «Sånger i rött och svart. Ett urval ryska dikter från bolsjevismens dagar» («Песни в красном и черном. Сборник русских стихов большевистских дней»), и лишь в 1928 году — на финский, в составе статьи Олави Пааволайнена «Venäläisiä vallankumousrunoilijoita».[15] Однако оба эти утверждения неверны, так как еще в декабре 1921 года на финский язык было переведено блоковское стихотворение «Милый друг, ты юною душою...» (под названием «Ystävättärelle» — «Подруге») и сразу же положено на музыку жившим тогда в Америке финским композитором К. В. Килкка.[16] Этот первый финский перевод появился в журнале «Suomen Kuvalehti». Его автором был поэт Рафаэль Ронимус, активный участник теософского кружка «Роза–Крест» в городе Териоки. Очевидным импульсом к созданию данного перевода послужила смерть поэта в августе того же года. Именно тогда о Блоке стала впервые писать финская пресса. Главным источником сведений об этом трагическом событии было интервью А. В. Амфитеатрова, который в августе бежал из Петрограда в Хельсинки и рассказал главной газете страны «Helsingin Sanomat»: «Горький говорит о том, как спасти мозги России, а все же в Петрограде только что умер от голода самый великий поэт современности Александр Блок».[17] Многие финские периодические издания перепечатали эту новость с упоминанием о том, что Блок хотел приехать в Финляндию для лечения, но разрешение пришло слишком поздно.[18] Однако пока все остальные ссылались на информацию Амфитеатрова, выходившая в Кирьясало газета «Inkerin Sanomat», где работал редактором Антти Тииттанен, писала о смерти поэта по-своему: «Недавно умерший в Петербурге поэт Александр Блок был наряду с Бальмонтом одним из величайших русских поэтов современности, нетрудно их сравнить и с давними великими Лермонтовым и Пушкиным».[19]

Несмотря на то, что самым ранним опубликованным по-фински было блоковское стихотворение «Милый друг, ты юною душою...», в Финляндии — как и вообще в Европе — поэта-символиста знали и знают прежде всего как автора поэмы «Двенадцать», которая неоднократно переводилась на финский и шведский языки. Еще в 1924 году Рафаэль Линдквист выполнил для

---

[15] См. об этом: *Шеншина В.* Поэзия поэтического перевода. О переводах поэмы «Двенадцать» Александра Блока на финский и шведский языки // Литературный процесс: внутренние законы и внешние воздействия. Тарту, 1990. С. 119 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia II); *Klapuri T.* Venäläisen modernistisen runouden suomalainen käännöshistoria, 1918–1930 // Avain. 2016. № 3. S. 40; *Jänis M., Pesonen P.* Venäläinen kirjallisuus // Suomennoskirjallisuuden historia / Ed. by H. K. Riikonen et al. Helsinki, 2007. Vol. 2. S. 197.

[16] *Block A.* Ystävättärelle / Suom. R. Ronimus // Suomen Kuvalehti. 1921. 10. joulukuuta (dekabr'). S. 1195. Композитор К. В. Килкка окончил Хельсинкское музыкальное училище в 1908 году, после чего переехал в Бостон, где около десяти лет работал преподавателем музыки в «Suomi-opisto» («Финское училище»), а затем в «The New England Conservatory of Music» под руководством Джорджа Чэдвика. Летом 1921 года Килкка планировал побывать в Финляндии с мужским хором, состоящим из американских финнов, однако в результате хор приехал без него. Песня на стихи Блока впервые упомянута на страницах финско-американского журнала «Koti-Home» осенью 1922 года (см.: Koti-Home. 1922. Syyskuu (Sent'abr'). S. 29–30). Ноты хранятся в Национальной библиотеке Финляндии.

[17] Helsingin Sanomat. 1921. 14. syyskuuta (sent'abr'). S. 3. Перевод наш. — *Т. Х.*

[18] См.: *Крюкова А. М.* Блок и Горький. I. К истории личных и творческих взаимоотношений Блока и Горького // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4. С. 264–265.

[19] *Tiittanen A.* Alexander Blockin kuolema // Inkerin Sanomat. 1921. 16. syyskuuta (sent'abr'). S. 2.

вышеупомянутого сборника «Sånger i rött och svart» ее шведский перевод. Однако до сих пор неизвестным оставался тот факт, что именно Антти Тииттанен был первым финским переводчиком «Двенадцати». Его перевод, сделанный в начале 1920-х годов, не дошел до нас полностью и никогда не публиковался, так как сам Тииттанен считал свой труд недостойным печати и нуждающимся в переделке настоящим поэтом.[20] Нам представляется возможным, что этот перевод попал в руки представителей «tulenkantajat» («огненосцев», иногда «пламеносцев»)[21] — ведущей группы финских модернистов, которые считали себя первыми поэтами независимой Финляндии. Как и футуристы в предреволюционной России, они находились в поиске новых литературных форм и тем, декларировали отказ от традиции, резко критиковали своих предшественников и современников в финской поэзии. Желая «открыть окно в Европу», «огненосцы» апеллировали к европейской литературе, в том числе проявляли интерес и к ее русскому варианту. Контакты Тииттанена с членами этой группы до сих пор практически не изучены.[22] Вместе с тем велика вероятность того, что именно перевод Тииттанена, хотя бы отчасти, послужил подстрочником для первого опубликованного финского перевода поэмы «Двенадцать», выполненного в 1934 году поэтом Юрье Юльхя.[23] Посредником в этом процессе, скорее всего, выступил ведущий деятель финского модернизма поэт Олави Пааволайнен. Еще в 1928 году он опубликовал статью под названием «Venäläisiä vallankumousrunoilijoita» («Русские поэты-революционеры»), которая получила широкую известность в Финляндии и была посвящена творчеству Блока, Есенина и Маяковского. В этой статье Пааволайнен, в частности, сетовал на то, что не владеющие русским языком читатели-иностранцы, не способные соотнести «Двенадцать» с более ранними стихами поэта, делают из Блока «национального поэта большевизма».[24] Здесь же был приведен перевод концовки блоковской поэмы на финский язык без указания имени переводчика. Судя по тем фрагментам, которые нам известны благодаря дипломной работе И. С. Тойвола, Пааволайнен процитировал именно перевод Тииттанена. И та же концовка с небольшими вариациями повторяется в переводе Юрье Юльхя 1934 года. Таким образом, можно предположить, что желание Тииттанена, чтобы «настоящий поэт» доделал его перевод, исполнилось.[25]

Как писатель и переводчик Тииттанен дебютировал в петербургской финноязычной газете «Neva» в 1915 году. Это издание выходило с 1907 по 1918 год в продолжение давней городской традиции, возникшей в 1870 году

---

[20] *Toivola I. S.* Antti Tiittanen. S. 36–37.

[21] В группу «огненосцев» входили молодые поэты Олави Пааволайнен, Катри Вала, Эркки Вала, Арви Кивимаа, Элина Ваара, Юрье Юльхя, Онни Халла, Мика Валтари, Катри Суоранта и др. Их первый альманах «Tulenkantajat» вышел в 1924 году. Группа распалась в 1932 году.

[22] Известна рецензия Тииттанена на антологию «огненосцев», в которой приводятся стихи шести представителей этой группы. См.: *Tiittanen A.* Hurmioituneet kasvot // Inkeri. 1925. № 11. S. 171–172.

[23] *Blok A.* Kaksitoista // Runon pursi. Maailmankirjallisuuden kertovaa runoutta / Valinnut ja suomentanut Yrjö Jylhä. Helsinki, 1934. S. 369–386.

[24] *Paavolainen O.* Venäläisiä vallankumousrunoilijoita. Block — Jessenin — Majakovski // Aitta. 1928. № 2. S. 38. Кроме статьи Пааволайнена, в этом номере «Aitta» помещен и первый финский перевод «Скифов» Блока, принадлежащий тому же Юльхя (Ibid. S. 44–45). А цитируемые в статье фрагменты из поэмы Маяковского «150 000 000» переведены самим Пааволайненом. Оба поэта в определенной мере знали русский язык — Пааволайнен с детства, а Юльхя три года изучал его в гимназии.

[25] Сразу же отметим, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов вдова Тииттанена Ирэне была личным секретарем Олави Пааволайнена. Вот как его переводы могли попасть в руки «огненосцев».

с основанием газеты «Pietarin Sanomat» («Вести Петербурга»).[26] Главным редактором «Neva» был известный деятель культуры и переводчик Каапре Тюнни. Редакционная политика газеты считалась достаточно радикальной и сепаратистской по своей направленности, что полностью соответствовало общественным устремлениям начинающего литератора. В годы Первой мировой войны Тииттанен — подпоручик Ингерманландского полка — стал редактором ряда ингерманландских газет,[27] а во время Гражданской войны — адъютантом подполковника Ю. Эльфвенгрена и членом так называемого «временного правительства Северной Ингрии», столицей которой был Кирьясало.[28]

В 1919 году Тииттанен перебрался в Хельсинки. А уже в 1921 году у него вышел первый сборник рассказов «Minun Inkerini» («Моя Ингрия») в крупном хельсинкском издательстве «WSOY». Критикой этот опыт, несмотря на очевидные стилистические недостатки, был воспринят весьма благосклонно. Судя по письмам, хранящимся в Национальном архиве Финляндии, в начале 1922 года Тииттанен предлагал издательству свои новые книги и переводы рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско» и прозы Е. И. Замятина.[29] Однако они не были опубликованы. В тот период Тииттанен продолжал редактировать консервативную газету «Inkeri», где публиковал не только материалы о жизни беженцев, но и собственные рассказы, а также стихотворения Лермонтова в переводе своего приятеля, ингерманландского поэта Аапо Ихо. Между тем парадоксальным образом, вопреки своей «патриотической» ориентации, он вдруг оказался в среде радикально левых писателей, выступавших против любого национализма в финской культуре и призывавших «открыть окно в Европу», когда начал писать рецензии для двуязычного (финско-шведского) модернистского литературно-художественного журнала «Ultra». Здесь печатались ведущие финские поэты-экспрессионисты Хагар Ульссон и Эльмер Диктониус, драматург Лаури Хаарла, Эдит Седергран и Ууно Кайлас. В этой знаменитой группе финских модернистов Тииттанен считался знатоком современной русской литературы,[30] наряду с Седергран и Ульссон, которые, однако, в это время переводили и пропагандировали одного Игоря Северянина, жившего теперь в Эстонии. Благодаря их усилиям Северянин стал временным «представителем» русской модернистской поэзии в Финляндии.[31] Напротив, Тииттанен, рецензировавший произведения новой финской литературы, позволял себе более широкие параллели, например, с упоминанием имен А. А. Ахматовой и М. Л. Моравской. В этом кругу он обрел и свою будущую жену Ирэне (иногда Эйрене или Ирина; Anna Irene Tiittanen, в девичестве

---

[26] В 1870-е годы в Петербурге проживало около 20 000 финнов и около 90 000 ингерманландских финнов. Поэтому не удивительно, что только между 1870 и 1883 годом здесь выходили четыре финские газеты. А в 1893 году читатели Петербурга заказывали уже 49 разных финских газет общим тиражом 1161 экз. Начиная с 1880-х годов у ингерманландцев были свои глашатаи: газеты «Inkerinmaa», «Kirjasalon Sanomat», «Inkerin Sanomat», «Inkeri» и др. Соответственно в новой исторической ситуации с 1918 по 1927 год в Финляндии выпускалось 12 русскоязычных газет.

[27] См. об этом: *Nevalainen P.* Viskoi kuin luoja kerjäläistä. S. 252.

[28] Это кратковременное государственное образование называлось «Республика Кирьясало». Подробнее о нем см., например: *Таргиайнен М. А.* Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 2001.

[29] Suomen Kansallisarkisto. [Fond:] WSOY:n arkisto. [Opis':] 337500. KA Kirjailijakirjeenvaihto T. [Edinica hraneniya:] Tiittanen, Antti.

[30] *Wrede J.* Tidskriften Ultra // Festskrift till Olof Enckell 12.3.1970 / Red. P. O. Barck et al. / Helsingfors, 1970. S. 149.

[31] Во втором номере журнала «Ultra» был помещен перевод «Увертюры» Северянина, сделанный Седергран, а в пятом номере ее же статья о Северянине. Подробнее об этом см.: *Клапури Т.* Седергран и Северянин, или Как эгофутуризм пришел в Финляндию // Транснациональное в русской культуре / Ред. Г. Обатнин, Т. Хуттунен. М., 2018. С. 221–228.

Lyyski, 1900–1971; псевдоним: Фириня), которая была редактором-секретарем журнала «Ultra», выходившего в издательстве «Daimon».[32]

В 1923 году Тииттанен написал одноактную пьесу «Nuori orja» («Молодой раб») о народном ингерманландском поэте Яакко Ряйккенене. Вскоре издательство «Daimon» выпустило сборник его новелл, посвященных театру. Еще с середины 1910-х годов, когда Тииттанен посещал в Петербурге театр «Кривое зеркало», его кумирами в этом виде искусства были Оскар Уайльд и Николай Евреинов. Пьеса последнего «Самое главное» шла в Национальном театре в Хельсинки с ноября 1924 года. Перед премьерой Тииттанен написал несколько статей о русском режиссере и драматурге, знаменательно связав его творчество с последней блоковской поэмой: «...Евреинов разрешает общественной сатире безжалостно ударять налево и направо. Тогда у него в крови <закипает> та же самая беспощадность, что и у Блока в „Двенадцати“».[33] Не удивительно, что его собственные «театральные» рассказы были написаны под сильным евреиновским влиянием.

Однако тема театра в творчестве Тииттанена этим не исчерпывается. Так, в финских газетах и журналах он писал о Чехове и князе Волконском. А его первым опубликованным переводом из Бунина была «театральная» новелла «Богиня», которая вышла в 1926 году.[34] Несколько статей Тииттанен посвятил А. Я. Таирову и сделал переводы его работ о технике актерского мастерства. Все они были помещены на страницах театрального журнала «Näyttämö» («Сцена»), с которым Тииттанен сотрудничал с момента основания в 1923 году, а во второй половине 1920-х годов стал секретарем редакции.[35] В определенном смысле со сценическим искусством были связаны и переводы Тииттанена стихотворений Блока «Она пришла с мороза...» (1908), прообразом героини которого является актриса Н. Н. Волохова, и «Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...» (1906), основанного на пьесе Г. Ибсена «Пер Гюнт». Оба перевода были опубликованы посмертно, в 1927 и 1928 годах, по инициативе Ирэне Тииттанен в журнале «Näyttämö». Третий, ненапечатанный перевод блоковской «Офелии» хранится в личном архиве писателя в Финском литературном обществе.

Кроме Ингерманландии и жизни беженцев, основной темой публицистики Тииттанена, без сомнения, является русская литература, в том числе эмигрантская. В финской прессе того времени это большая редкость. С горечью отметив в одной из своих рецензий отсутствие читательского интереса к модернистским течениям: «...если увлечение русской литературой в Финляндии ничтожно, едва ли имеются возможности для перевода более современной русской литературы...»,[36] — он словно ставит перед собой задачу изменить существующую ситуацию. И начинает с известных фигур. Так, в марте 1925 года в отклике на смерть Аркадия Аверченко, сборник которого «Юмористические рассказы» вышел на финском языке еще в 1912 году, Тииттанен называет его «самым переводимым» «из современных русских писателей» в Финляндии.[37]

---

[32] См. об этом: *Wrede J.* Tidskriften Ultra. S. 157; *Kurjensaari M.* Loistava Olavi Paavolainen. Helsinki, 1975. S. 78; *Riikonen H.* Nukuin vasta aamuyöstä. Olavi Paavolainen 1903–1964. Helsinki, 2014. S. 158.

[33] *Tiittanen A.* Käskijä ja rakastaja. S. 3.

[34] *Bunin I.* Jumalatar / Suom. Antti Tiittanen // Näyttämö. 1926. № 3–10.

[35] Журнал «Näyttämö» был органом трех театральных ассоциаций одновременно: Союза театров, Союза актеров и Союза драматургов Финляндии. Первый номер вышел в сентябре, в начале театрального сезона 1923/1924 годов.

[36] *Tiittanen A.* Krylovin tarinat // Inkeri. 1924. 17. marraskuuta (noyabr'). S. 328.

[37] *Tiittanen A.* Erään kuolemanviestin saavuttua // Helsingin Sanomat. 1925. 22. maaliskuuta (mart). S. 12.

И объясняет это тем, что Аверченко воспринимается читателем как продолжатель Чехова в жанре юмористического рассказа. В апреле 1925 года Тиитттанен пишет статью о Леониде Андрееве, а в мае 1926 года — об Игоре Северянине.[38] Выбор этих имен представляется нам далеко не случайным. Ведь в конце 1910-х — начале 1920-х годов названный триумвират писателей пользовался исключительной популярностью не только среди литераторов, но и у финской прессы: Аверченко как новый Чехов, Андреев благодаря множеству переводов на финский и шведский языки, а также как житель Вамелсуу, Северянин вследствие усилий своих знаменитых поклонниц из группы «Ultra».

В середине 1920-х годов Тиитттанена интересуют в основном писатели-эмигранты. Об этом свидетельствуют его переводы, опубликованные в литературном еженедельнике «Väinämöinen» («Вяйнямейнен»), который выходил с 1924 по 1926 год сначала в г. Лахти, а затем в Хельсинки. Здесь печатались рассказы, стихи, фельетоны, анекдоты, афоризмы, мелкие новости и т. д. Издание помещало большое количество новых переводов художественной литературы. В 1925 году его главным редактором стал театральный деятель, драматург и переводчик Эеро Алпи, с которым Тиитттанен был хорошо знаком, после чего началось его сотрудничество в этом журнале. На страницах «Väinämöinen'a» в переводах Тиитттанена были опубликованы новелла «Голова героя» латвийского писателя Павилса Розитиса, рассказы Пантелеймона Романова, Михаила Осоргина и Константина Бальмонта, воспоминания Ильи Репина о Толстом и Зинаиды Гиппиус о Сологубе, а также его статья, посвященная воспоминаниям Татьяны Кузьминской. Уже сам этот перечень существенно корректирует историю переводов русской литературы в Финляндии 1920-х годов.

В области оригинального творчества Тиитттанена тоже можно назвать первопроходцем. Он открыл дорогу в финскую литературу для таких впоследствии известных ингерманландских писателей, как прозаик и переводчик русской литературы Юхани Конкка, поэтесса Аале Тюнни. Конкка дебютировал в конце 1920-х годов, Тюнни — в конце 1930-х.

Судьба писателя была богата на разнообразные литературные и политические события, а конец трагичен. В январе 1927 года он пошел на ежедневную прогулку по льду залива в Хельсинки и пропал без вести. Происшествие широко обсуждалось в финской прессе. Одни считали, что это несчастный случай. Другие полагали, что смерть Тиитттанена имела политическую подоплеку и была местью со стороны хозяйки известного в 1920-е годы литературного салона, который посещали в том числе и «огненосцы», Минны Крошер (наст. имя Мария Линделл). Так или иначе, в 1935 году писателя, переводчика, журналиста, пропагандиста русской литературы в Финляндии Антти Тиитттанена объявили умершим.

[38] *Tiittanen A.* 1) Pelolla siunattu. Lisäpiirteitä Leonid Andrejevin kirjailijakuvaan // Helsingin Sanomat. 1925. 26. huhtikuuta (aprel'). S. 14; 2) Nerosta — runoilijaksi. Kirjallisia ja elämäkerrallisia piirteitä Igorj Severjaninista // Karjala. 1926. 30. toukokuuta (maj). S. 13.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-136-185

ПЕРЕПИСКА Ю. Г. ОКСМАНА И Н. К. ГУДЗИЯ (1930–1965)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. А. ФРОЛОВА)

В январе 2020 года исполнилось 125 лет со дня рождения, а в сентябре — 50 лет со дня кончины историка литературы и общественной мысли XIX века, пушкиниста, текстолога Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970). Мы хотели бы отметить эти даты, познакомив читателей с эпистолярным диалогом, в котором отразились жизнь советского общества, многотрудная судьба отечественной филологической науки второй трети XX века, а главное — судьбы участников этого диалога. В конце октября 1965 года Оксман писал своему коллеге: «...бесконечно жаль одного из последних праведников советского литературоведения, доброго и благородного человека, настоящего филолога, одного из немногих моих близких друзей».[1] Эти слова относились к литературоведу, специалисту по русской и украинской литературе и культуре XI–XIX веков, русско-украинским литературным связям, текстологу, историку науки, педагогу Николаю Каллиниковичу Гудзию (1887–1965).

Их знакомство, установление дружеских связей, полных доброжелательного взаимного интереса друг к другу, относятся к началу 1920-х годов. В августе 1923 года Гудзий подарил Оксману оттиск своей статьи «Прототип Кулигина (К литературной истории «Грозы» Островского)» с дарственной надписью: «Дорогому Юлиану Григорьевичу Оксману от автора. 21/VIII 923».[2] Много позднее, в феврале 1929 года Оксман получил от коллеги оттиск первой части опубликованной в Берлине работы Гудзия, посвященной изучению древнерусской литературы в 1914–1926 годах,[3] высокая научная ценность ко-

---

[1] Письмо Оксмана к П. Н. Беркову от 30 октября 1965 года // «Искренне ваш Юл. Оксман»: Письма 1914–1970 годов / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2006. № 1. С. 235 (далее ссылки на эту публикацию приводятся сокращенно: Русская литература, с указанием года выхода, номера журнала и номера страницы). Оксман узнал о кончине Гудзия на следующий день. Ср. в письме Оксмана, адресованном его другу и коллеге, выдающемуся историку и теоретику литературы, фольклористу Александру Павловичу Скафтымову (1890–1968) от 2 ноября 1965 года, уточняющем и год знакомства Оксмана и Гудзия: «Вчера похоронили Н. К. Гудзия. <...> Для меня лично это особенно тяжелая потеря — мы знакомы были с 1919 г., а дружны с 1924 г. Именно „дружны“, несмотря на разницу лет, а переговаривались с ним не реже трех-четырех раз в неделю все десять лет моей жизни в Москве» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / Предисловие, сост. и подг. текстов А. А. Жук; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. Vol. 1. № 2. С. 322–323).

[2] Прототип Кулигина (К литературной истории «Грозы» Островского) // Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измайловичу Срезневскому (1891–1916 гг.). Л., 1924. С. 183–190 (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1188. Л. 1). Судя по дате дарственной надписи, можно предположить, что оттиски своей работы Гудзий получил еще до выхода сборника из печати.

[3] *Gudzij N.* Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914–1926. Besprechungen. Teil 1 // Zeitschrift für Slawistik (Berlin). 1928. Bd 5. H. 1/2. S. 153–175 (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1188. Л. 5). См. также прим. 1 к п. 1.

торой была для Оксмана вне всякого сомнения, о чем говорит первое из сохранившихся его писем к Гудзию от 15 сентября 1930 года.

Два других письма Оксмана 1930-х годов также свидетельствуют о том, что в последующие годы их общение и сотрудничество лишь укреплялись, основываясь на общности интересов и увлечений. Не стоит забывать, что и Оксман, и Гудзий были многоопытными собирателями книг, документов и рукописей, но для них собирательство никогда не становилось самоцелью, а неизменно служило ближним и дальним целям их научной деятельности. Уже в 1920–1930-е годы их сближал интерес к целому ряду исследовательских тем и проблем — биография и наследие А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, литературное наследие и судьбы декабристов, проблемы цензуры литературных и публицистических произведений, вопросы текстологии и литературного источниковедения, история филологической науки, в том числе — история отечественной пушкинистики.

Они сотрудничали с одними и теми же издательствами, печатались в одних научных журналах, легендарных книжных и академических сериях — «Academia», «Литературное наследство», «Русский библиофил», «Голос минувшего», «Каторга и ссылка». Их работы напечатаны по соседству в сборниках, один из которых был посвящен памяти их друга, а другой стал приношением их старшему знакомому и коллеге.[4]

Письма Гудзия к Оксману за 1920–1930-е годы не сохранились по причинам, связанным с трагическими обстоятельствами судьбы Оксмана в 1936–1946 годах (проведенных в заключении и в отрыве от круга общения и научной работы), с утратой значительной части его архива вскоре после ареста. Тем ценнее сохраненные Гудзием три открытки своего корреспондента, относящиеся к этому периоду, благодаря которым можно хотя бы пунктирно проследить начальный период их общения.

Прерванная переписка возобновилась в конце 1940-х годов, ознаменовав возвращение Оксмана к относительно устроенной, но полной различного рода препятствий жизни в Саратове и работе в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского. Переписка была особенно интенсивной до того момента (произошло это в конце 1956 года), когда Оксман переехал в Москву, став старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (где работал и Гудзий в 1938–1941, 1943–1952 годах), но не потеряв крепких человеческих и научных связей с филологами и историками Саратова, многие из которых были его учениками и просто добрыми друзьями, не раз помогавшими ему в трудных обстоятельствах. Возможно, Оксман и Гудзий переписывались и до 1949 года, но писем за этот период не сохранилось. Во второй половине 1950-х годов переписка уступает место личному общению — встречам и телефонным разговорам, часто корреспонденты писали друг другу, находясь на отдыхе, в рабочих командировках, готовясь к ответственным выступлениям. Связывала их работа в Комиссии по истории филологических наук Отделения литературы и языка АН СССР, участие в редакционных коллегиях академических серий и собраний сочинений писателей-классиков.

Восторг и преклонение перед научным талантом и исключительными человеческими качествами одних коллег, презрение к другим, которые лишь формально, благодаря исправной работе бюрократической машины, оказались их «коллегами», но не могли так называться по существу, объединяли страстные, импульсивные натуры Оксмана и Гудзия. Только учитывая эти

[4] Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931; Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.

особенности характера и мировосприятия, следует воспринимать некоторые из их категоричных и не всегда объективных оценок и суждений (заметим, что сказанное относится в большей степени к Оксману). Но эти суждения, рассмотренные в контексте происходивших тогда в общественно-политической жизни, культуре и науке событий, позволяют не только представить реальное положение дел, но увидеть эпоху глазами ее свидетелей и активных участников этих событий. Деятельная забота о сохранении светлой памяти ушедших друзей и учителей, всемерная помощь живущим, стремление осудить лжеученых, доносчиков, гонителей и разрушителей науки также отчасти находят свое отражение на страницах публикуемых писем.

Обстоятельства, предшествующие возобновлению волны преследований и травли в отношении Оксмана в 1963–1964 годах и отчасти ускорившие уход из жизни Гудзия, остались за пределами эпистолярного диалога, но о них необходимо хотя бы кратко напомнить. В начале 1963 года в Москву вместе с мужем и дочерью приехала американская славистка Кэтрин Фойер (1926–1992), писавшая в то время докторскую диссертацию о «Войне и мире» Л. Н. Толстого.[5] Она собиралась заняться изучением толстовских рукописей, побывать в музее «Ясная Поляна». Планы этой работы она обсуждала с Н. К. Гудзием и Ю. Г. Оксманом, которого о визите Фойер предупредил Г. П. Струве (пожелавший иметь в своем собрании текст «Реквиема» Анны Ахматовой — в одну из встреч Юлиан Григорьевич подарил Фойер машинописную копию «Реквиема» и передал несколько писем для Струве). Последняя встреча супругов Фойер с Оксманом состоялась 23 мая, вскоре они уехали в Ленинград. Утром 7 июня они сели в поезд, идущий в Хельсинки — при подъезде к финской границе подверглись грубому обыску со стороны сотрудников КГБ, были обвинены в антисоветской деятельности — им было предъявлено письмо Оксмана к Струве, выкраденное КГБ в «Европейской гостинице». После допроса семье Фойер были возвращены паспорта, и они покинули страну. В эти же месяцы (май–август) в нескольких зарубежных изданиях был опубликован «меморандум» (определение Струве) Оксмана «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых».[6] В течение двух дней, 5 и 6 августа 1963 года, у Оксмана проводился обыск (в рамках заведенного КГБ уголовного дела), в ходе которого были изъяты оттиски статей Струве и других зарубежных ученых, несколько писем Струве к Оксману (сентябрь 1962 — май 1963), а также изданные в Америке и Европе книги по истории русской литературы. Следствие по делу Оксмана закончилось в декабре (в течение нескольких месяцев его регулярно вызывали на допросы), материалы дела были переданы в Союз писателей СССР и ИМЛИ.

7 октября 1964 года на объединенном заседании секретариатов СП СССР и СП РСФСР, Московского отделения СП РСФСР и дирекции ИМЛИ Оксман был исключен из Союза писателей, вскоре был вынужден уйти из ИМЛИ, выйти из редакционных коллегий «Краткой литературной энциклопедии», «Литературного наследства», «Серии литературных мемуаров», из сектора классиков редакционной коллегии Гослитиздата. Секретный циркуляр Комитета по делам печати СССР запретил упоминать его имя даже в ссылках на специальную литературу (несмотря на это, усилиями коллег имя ученого все-таки удавалось упоминать, зачастую же он прибегал к псевдонимам «Ю. Григорьев» и «А. Осокин»). Гудзий, в течение длительного времени испытывавший давление со стороны органов госбезопасности, скончался 29 октября 1965 года, «не выдержав единоборства с Лубянкой из-за К. Фойер» (по спра-

[5] Опубликована в русском переводе: *Фойер К. Б.* Генезис «Войны и мира». СПб., 2002.
[6] См. прим. 3 к п. 32.

ведливому замечанию В. Д. Рака и М. Д. Эльзона, основанному на устном свидетельстве Г. Я. Галаган). Оксман, получивший должность профессора-консультанта кафедр истории СССР и истории русской литературы (благодаря дружеской поддержке Г. В. Краснова и В. В. Пугачева), в 1965–1968 годах работал в Горьковском университете (уволен по требованию КГБ и обкома КПСС).[7]

Письма Оксмана публикуются по автографам, сохранившимся в фонде Гудзия (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 34. № 55; Разд. II. Карт. 10. № 54), письма Гудзия — по автографам, хранящимся в фонде Оксмана (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 448). Тексты печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом.

За критические замечания, советы и уточнения выражаю сердечную признательность А. В. Лаврову и К. М. Азадовскому.

1

<15 сентября 1930 года. Ленинград>

Дорогой Николай Каллиникович, спасибо большое за ваш обзор, третий выпуск которого увидел впервые.[1] Думаю, что истинным благодеянием было бы для всех историков русской литературы доведение вами этого обзора до новейшей эпохи словесности, т. е. включение в сферу ваших интересов критико-библ<иографических> изучений работ по XVIII–XX вв. Такая книга («Итоги изуч<ения> рус<ской> лит<ературы> за последнее пятнадцатилетие») была бы у вас куплена любым издательством и стала бы для всех настольной. От вас же, при размахе ваших интересов и тонком литер<атурном> чутье, не потребовала бы большого труда. Если бы удалось попасть мне в Тиберду, то уверен, что распропагандировал бы вас в этом напр<авлении> удачнее, чем в «вещном». Кстати, в Кисловодске последние недели были гораздо веселее первых. Беда только, что обижала меня очень Серафима Германовна[2] своей строгостью и взыскательностью. Попеняйте ей... Юр<ий> Ник<олаевич>[3] пока в Кисловод<ске>, откуда возвратится только через три-четыре недели. Привет всем москвичам (кроме В. В. Виноградова[4]).

Ваш Ю. О.

Штемпель отправления сохранился не полностью: «Ленинград. 15.9.3<?>». Год установлен по содержанию.

[1] *Gudzij N.* Die altrussiche Literaturgeshichte in den Jahren 1914–1926. Besprechungen. Teil 3 // Zeitschrift für Slawistik (Berlin). 1929. Bd 6. H. 1/2. S. 258–269. Предшествующие две части обзора: Ibid. 1928. Bd 5. H. 1/2. S. 153–175; H. 3/4. S. 418–471.

[7] Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 67–69; Еще раз о «деле» Ю. Г. Оксмана (*Фойер Л. С.* О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых; *Фойер-Миллер Р.* Вместо некролога Кэтрин Фойер; *Чудакова М. О.* По поводу воспоминаний Л. Фойера и Р. Фойер-Миллер) // Тыняновский сборник 8: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 347–374; *Зубарев Д. И.* Писатели-диссиденты: Биобиблиографические статьи // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 425–427; Русская литература. 2005. № 4. С. 195; 2006. № 1. С. 234; *Колобов Е. Ю.* «Я подчиняюсь этому страшному приговору»: Как был исключен из Союза писателей СССР Ю. Г. Оксман. 1964 г. // Исторический журнал. 2017. № 4. С. 70–100.

[2] По всей вероятности, Серафима Германовна Гроссман (урожд. Айзенгарт) — пианистка, супруга Леонида Петровича Гроссмана (1888–1965) — историка литературы, писателя, коллеги и общего друга Гудзия и Оксмана.

[3] Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — историк и теоретик литературы, писатель, друг Оксмана.

[4] Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — лингвист, литературовед, к моменту написания письма — профессор Московского государственного университета (далее МГУ) и нескольких педагогических институтов. С чем связана заключительная фраза письма, относящаяся к Виноградову, установить не удалось.

2

21.VI.1931 <Ленинград>

Дорогой Николай Каллиникович, с жадностью прочитал вашу работу, о которой только слышал несколько недель назад. Спасибо большое за память, — отклик ваш ценен поэтому вдвойне. Что сказать о статье? Лет пять назад она была бы, конечно, событием, а сейчас кажется несколько отрешенной от «веяний времени». Ваше «резюме», исключительное по тонкости, четкости и остроте формулировок, мне особенно кажется значительным и бесспорно войдет в железный инвентарь русского литературоведения, даже при максимальных завоеваниях марксистской методологии в будущем. Более спорны приемы частных анализов и сближений — много в них и от теоретиков символизма и от импрессионизма, близкого мироощущению самого исследователя. Боюсь, что за эти «уклоны» вам достанется от налитпостовских зоилов.[1] Впрочем, за стеной редакции Толстого вам уже не страшны никакие зоилы...

О себе ничего хорошего сказать не могу. Хотя особенных опасений мое нынешнее положение не внушает, но само по себе оно все же крайне неопределенно. Работаю очень много по Пушкину,[2] халтурю в издании академического Добролюбова,[3] готовлю книгу о жанрах агитац<ионной> литер<атуры> нач<ала> XIX в.[4] и о Влад<имире> Раевском.[5] Попутно редактирую два тома мемуаров декабристов,[6] рецензии Тургенева,[7] посмертную книгу Щеголева «Будни Пушкина»,[8] «Письма Гаршина»[9] и еще что-то. Все лето буду пригвожден к Питеру — много дел и мало денег, ибо ГИХЛ не платит. Осенью выберусь, м. б., куда-ниб<удь> на юг, ибо старые кости уже требуют солнца. А у вас что?

Ваш Юл. О.

[1] Речь идет о статье Гудзия, посвященной теме, к которой обращался в своей работе и Оксман (о чем автор упомянул на первой же странице, рассказывая об истории изучения исследовательского сюжета предшественниками, — это объясняет благодарность Оксмана, выражаемую им в комментируемом письме): *Гудзий Н. К.* К истории сюжета романса Пушкина о бедном рыцаре // Пушкин. Сб. второй / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 145–158. Оксман также указывает на опасность возможной критики со стороны редакции и авторов журнала «На литературном посту», официального органа Российской ассоциации пролетарских писателей.

[2] О пушкинистских работах Оксмана этого периода исчерпывающее представление дает библиографический указатель «Труды доктора филологических наук Ю. Г. Оксмана по истории русской литературы и общественной мысли XIX–XX вв.», составленный К. П. Богаевской под редакцией Оксмана и впоследствии дополнявшийся ею вплоть до 1990-х годов: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1428; см. также публикацию, в основу которой был положен упомянутый указатель: Список печатных трудов Ю. Г. Оксмана (К 100-летию со дня рождения) / Сост. К. П. Богаевская, В. А. Черных // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 327–340.

[3] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Л., 1934. Т. 1. Литературная критика. Статьи и рецензии 1856–1858 гг. / Ред. <и комм.> Ю. Г. Оксмана; Л., 1935. Т. 2. Литературная критика. Статьи и рецензии 1859–1861 гг. / Ред. <и комм.> Ю. Г. Оксмана (об участии Оксмана в этом издании см.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт,

но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 421–423).

[4] Этот замысел Оксману удалось реализовать лишь отчасти, а в наиболее полной форме — в монографической статье «Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века» (см. прим. 11 к п. 7).

[5] Книгу о Владимире Федосеевиче Раевском (1795–1872) — поэте, публицисте, декабристе — Оксман не подготовил, но посвятил ему несколько работ, опубликованных в 1950–1970-е годы: Неизвестные письма В. Ф. Раевского (1827–1866) // Лит. наследство. 1956. Т. 60. Декабристы–литераторы (II). Кн. 1. С. 129–170; Ранние стихотворения В. Ф. Раевского (1816–1822): 1. Первые журнальные публикации стихотворений В. Ф. Раевского; 2. Ода «Глас правды»; 3. Послание к П. С. Пущину; 4. Сатира «Смеюсь и плачу» // Там же. С. 517–530; В. Ф. Раевский и его записки // Декабристы в Сибири. В сердцах отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 212–225 (посмертная публикация).

[6] Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1–2 / Общ. ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова. М., 1931–1933.

[7] *Тургенев И. С.* Соч.: В 12 т. / Под общ. ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1933. Т. 12. Статьи. Речи. Предисловия. Корреспонденции. Письма в редакцию / Комм. Ю. Г. Оксмана и М. К. Клемана при участии М. К. Азадовского.

[8] О судьбе этих материалов, которые должны были составить основу так и не вышедшего в свет издания, см.: *Краснобородько Т. И.* «Жаль кольца» (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня — талисмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 28–29; *Фролов М.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958) // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 442–443.

[9] См. прим. 1 к п. 3.

3

<22 апреля 1933 года. Ленинград>

Дорогой Николай Каллиникович,

смиренно бьет вам челом редактор «Писем Гаршина», полное собрание которых издает «Academia».[1] Из письма Бонч-Бруевича[2] случайно узнал я на днях, что вы печатаете какие-то письма мелкобуржуазного либерала Гаршина в «Звеньях».[3] Копии этих писем В. Д. любезно предложил сообщить мне, ибо «Звенья» выйдут гораздо раньше моего тома. Однако я предпочитаю снестись с вами непосредственно, ибо точность копий должна быть заверена самим публикатором, авторитет текстологический которого снимает с меня ответственность за перепечатку. Независимо от сего, я необычайно заинтригован, ибо собрать мне удалось около *500* писем за три-четыре года самых активных розысков. Каждое лишнее письмо поэтому волнует меня уже как спортсмена, а не литературоведа. Из Московских собраний мною печатаются письма: 1) к Эртелю, 2) к Случевскому, 3) к Гольцеву, 4) к Черткову, 5) к Бахметеву, 6) Обещано мне еще письмо к Плещееву.[4]

Что за письма у вас? С нетерпением жду вашей информации и копий самих писем, ибо нужно заблаговременно сломать нумерацию писем в моем томе. Писать о себе не хочется, ибо мы скоро с вами увидимся на Пушкинской конференции,[5] но писем Гаршина жду с самым истерическим нетерпением в ближайшие же дни.

Ваш Юл. Оксман

Ленинград, пр. К. Либкнехта, 69,[6] кв. 46.

Открытое письмо. Почтовые штемпели: «22.4.33 Ленинград», «23.4.33 Москва».

[1] *Гаршин В. М.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1934. Т. 3. Письма / Ред., статьи и прим. Ю. Г. Оксмана (издание вышло в свет в декабре 1933 года). Остальные два тома не были опубликованы. Дополнением к тому писем может служить том произведений Гаршина: *Гаршин В. М.* Соч. / Вступ. статья, ред. и комм. Ю. Г. Оксмана. 2-е изд., доп. М.; Л., 1934.

[2] Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — государственный деятель, революционер, историк, архивист, музейный работник, основатель и директор (в 1933–1945 годах) Государственного литературного музея; состоял в переписке с Оксманом в 1930–1950-е годы (прерванной в 1936–1946 годах в связи с трагическими обстоятельствами судьбы Оксмана). См.: НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 311. № 62; Карт. 387. № 22; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 191а, 342.

[3] Речь идет об осуществленной Гудзием публикации: Два неопубликованных письма Гаршина к И. Т. Полякову // Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 799–803.

[4] Упомянуты писатели, поэты, литературные критики, издатели, общественные деятели — корреспонденты Гаршина: Александр Иванович Эртель (1855–1908), Константин Константинович Случевский (1837–1904), Виктор Александрович Гольцев (1850–1906), Николай Николаевич Бахметьев (1847–1902), Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936), Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893).

[5] Пушкинская конференция проходила в ИРЛИ АН СССР с 8 по 11 мая 1933 года. См.: *Мануйлов В., Модзалевский Л.* Хроника пушкиноведения за 1933 год // Пушкин. 1834 год. Л., 1934. С. 152–155 (Пушкинское Общество. Сер. «Последние годы творчества Пушкина». 1833–1837; вып. 2).

[6] Современный адрес: Большой пр. Петроградской стороны, д. 69.

4

14/II 49 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Вам и Александру Павловичу[1] большое спасибо за внимание, за память, за Уч<еные> Записки. Филологи Саратова прекрасно работают и то и дело выпускают очередной том Записок. Я пока лишь бегло смог просмотреть новый том. Он очень содержателен. В частности, как всегда, солидны Ваши статьи, прекрасно документированы, убедительны и интересны по материалу.[2]

Полтора месяца для *Украины*, по долгу украинского ученого, пишу популярную книжку (листов в 6) о... Пушкине (sic!) — к юбилею. Не иронизируйте над дилетантом в этой священной области: нужно было, чтобы Украина тут удовлетворена была не варягами, а своим человеком. Когда напечатают, пришлю Вам.[3]

Как Вы живете?

Сердечный привет Вам, супруге,[4] А<лекса>ндру Павловичу.

Искренне Ваш

Ник. Гудзий

[1] Скафтымову.

[2] Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1948. Т. XX. Вып. филологический. В этом издании увидели свет статья и публикация Оксмана, посвященные малоизученным моментам биографий В. Г. Белинского и А. В. Кольцова: «А. В. Кольцов и тайное „Общество независимых“» (с. 50–91), «Из разысканий в области биографии Белинского: 1. Легенда о переводе „Монфермельской молочницы“; 2. Письмо Белинского к К. С. Аксакову от 16–20 ноября 1837 г.; 3. Записка Белинского к М. А. Бакунину от 3 января 1838 г.; 4. Дата смерти Белинского» (с. 310–321).

[3] *Гудзий Н. К.* Пушкин. Критико-биографический очерк. Киев, 1949. Одновременно в Киеве вышло издание этой книги на украинском языке: *Гудзій М. К.* Пушкін. Критико-біографічний нарис. Київ, 1949. К творчеству А. С. Пушкина Гудзий обращался неоднократно, начиная с 1920 года, когда опубликовал предисловие к тому избранных стихотворений поэта, изданному в Симферополе. С тех пор он выступал в качестве редактора изданий произведений поэта, рецензента и автора обзоров пушкинской литературы. Поэтому пушкинская тема была для него отнюдь не случайным, а давним исследовательским интересом.

[4] Оксман Антонина Петровна (урожд. Семенова; 1894–1984) — супруга Оксмана.

5

<29 июня 1949 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

спешу поблагодарить вас за книжку о Пушкине,[1] которую прочел немедленно же. В книжке понравились мне страницы об отношении Пушкина к Украине, о прозе Пушкина (особенно, «Кап<итанской> Дочке»), о «Современнике», о Пушкине и Николае. Вовсе не удовлетворили меня страницы о политической лирике и сатире Пушкина, о «Зеленой Лампе», вообще о Пушкине и декабристах. Не согласен я и с вашей трактовкой Александра I (ну какой же он «крепостник» и где он смотрит на дворянство как на опору трона — см. стр. 13 и 21)? «Noël» вы по старинке связываете (стр. 22) с Варшавской речью, а это ведь писано уже после Ахенского конгресса, после гораздо более красноречивых показателей лицемерия и пустословия царя, чем весенние выступления на сейме (см. дневники Н. И. Тургенева за 1818 г.!).[2] Не ясен и адрес книжки. Основные ее части адресованы как будто бы к молодежи, к массовой аудитории, а язык суховат, чувствуется, что автор отбывает повинность, а не воодушевлен своей темой. Я вспоминаю ваши замечательные книжки о Толстом,[3] которые читал еще на Колыме, — вот так нужно говорить и о Пушкине! Но лучшее — враг хорошего! Я невольно сбиваюсь на рецензию, придирчивую, а потому и несправедливую. Ведь книжки Петрова, Мейлаха, Мануйлова — много хуже вашей во всех отношениях — бесцветны, штампованы, примитивны, а претензий-то — как будто Америку открывают в каждой главе! Ну, да бог с ними!...[4]

Очень соскучился я по вас, дорогой Николай Каллиникович. В прошлом году весною мне не пришлось вас застать в Москве. Авось, застану летом или в сентябре, если буду жив. Эта оговорка отнюдь не кокетство. За последний год я состарился (прежде всего душевно) лет на десять, аннулировав десять лет консервации во льдах дальнего севера.[5] Мои надежды на то, что через два-три года я смогу войти в нормальную жизнь, не оправдались. Наоборот, с каждым следующим годом я убеждаюсь, что не закрепляю свои общечеловеческие позиции, а строюсь на трясине. Дело вовсе не в том, что меня «с оглядкою выводят на показ», что мои работы лежат без движения (а написал я в Саратове за два года больше, чем в доброе старое время писал в 10 лет!). Все это пустяки в сравнении с главным — бесперспективностью, неуверенностью даже в завтрашнем дне, который определяется иррациональными факторами, а не моим поведением![6] Простите, если испортил вам несколько минут хорошего настроения.

Ваш

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.[7]

Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: «29.6.1949. Саратов».

[1] См. п. 4 и прим. 3 к нему.

[2] В отзыве о книге Гудзия Оксман не мог не затронуть вопрос, привлекавший его внимание на протяжении нескольких десятилетий (по крайней мере, с конца 1920-х годов, когда значительная часть архивных и печатных материалов к теме была уже собрана ученым). В окончательном виде его точка зрения на датировку и творческую историю стихотворения «Noël» и других стихотворений этого периода, подкрепленная результатами архивных и библиографических поисков, была выражена в статье «Политическая лирика и сатира Пушкина» (Проблемы истории, культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1990. Вып. 6. «Тамиздат». От осуждения — к диалогу. Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. С. 63–89). Процитируем фрагмент этой статьи: «Первый стихотворный памфлет на Александра I — „Ура! В Россию скачет кочующий деспот“ — появился в Петербурге в конце декабря 1818 г. <...> Стихи приурочены

были к возвращению Александра I в столицу с Аахенского конгресса (22 декабря 1818 г. он приехал в Царское Село). Именно на этом конгрессе русский царь выявил себя до конца как знаменосец феодальной реакции, как послушный ученик австрийского государственного канцлера Меттерниха, как верный союзник Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов <...> Время создания памфлета <...> в течение многих десятилетий ошибочно определялось весной 1818 г. Эта комментаторская традиция <...> основывалась на том, что пушкинский „Ноэль“ являлся якобы откликом на речь императора Александра I 15/27 марта при открытии первого сейма Царства Польского. В этой речи царь обещал не только строго соблюдать польскую конституцию, но и реорганизовать на конституционных началах государственный строй всей российской империи. Передовая общественность очень сочувственно реагировала как на варшавское выступление, так и на подтверждение царем этих обещаний в октябре 1818 г. в беседе с маршалом Мезоном (здесь Оксман ссылается на издание «Дневники и письма Н. И. Тургенева» (М., 1921. Т. 2, 3). — *М. Ф.*). Разумеется, ни весною, ни осенью 1818 г. у Пушкина не могло быть еще никаких оснований для объявления деклараций Александра I „сказками“». В. Д. Рак и М. Д. Эльзон относят к 1949 году оформление разработанной Оксманом концепции. Она касалась связи Пушкина с декабристским движением и позволяла, с точки зрения ученого, по-новому датировать целый ряд произведений 1817–1820 годов, относимых Оксманом к жанру «политической лирики и сатиры». Разработке и корректировке этой концепции был подчинен и цикл лекций «Пушкин и декабристы», прочитанный Оксманом в СГУ в 1950–1957 годах. Именно такую, ориентированную на университетскую аудиторию, «редакцию» работы опубликовал в 1971 году коллега Оксмана, много сделавший для него при жизни, а также всемерно способствовавший сохранению доброй памяти об ученом после его кончины, — историк, профессор СГУ Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998), см.: *Оксман Ю. Г.* Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сб. I. Саратов, 1971. С. 70–88. 22 мая 1951 года Оксман сообщал писательнице, литературному критику, редактору Лидии Корнеевне Чуковской (1907–1996): «Институт Истории Акад<емии> Наук, обещавший напечатать несколько глав из моей работы к 125-летию декабристов, до сих пор не удосужился даже сдать юбилейный сборник в типографию» (*Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисловие и комм. М. А. Фролова; подг. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6. С. 137). О месте этой исследовательской темы (итогом которой ученый мыслил монографию) в научной работе Оксмана в 1920–1960-е годы см.: Русская литература. 2003. № 4. С. 190–191; 2004. № 1. С. 152–153 (комм. к письму Оксмана Т. Я. Арьеву от 22 июня 1955 года); 2005. № 4. С. 186 (письмо к П. Н. Беркову от 26 декабря 1963 года). В подготовительных материалах к ненаписанной монографии «Пушкин и декабристы», расшифрованных по рукописям ученого А. Е. Софроновой и Е. О. Селезневой, также содержатся интересные замечания, касающиеся проблем датировки и хронологии применительно к «политической лирике и сатире» Пушкина (*Оксман Ю. Г., Пугачев В. В.* Пушкин, декабристы и Чаадаев / Сост., вступ. статья и прим. Л. Е. Герасимовой, В. С. Парсамова, В. М. Селезнева. Саратов, 1999. С. 236–252). К упомянутым статье и лекции Оксмана примыкает и монографическая статья, которая фрагментарно была им изложена в докладе в 1955 году на Седьмой Всесоюзной Пушкинской конференции, а полностью — в 1964 году во Всесоюзном музее А. С. Пушкина: Пушкинская ода «Вольность» (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы и социально-экономической мысли: Межвузовский науч. сб. Саратов, 1989. Вып. 5. Ч. 2. Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана. С. 3–33. См. также: *Гришунин А. Л.* 1) Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. 3. С. 269–290; 2) Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина // Там же. М., 1999. Вып. 6. С. 338–372. Существенные дополнения и уточнения, а главное — подробный источниковедческий анализ проблемы, отсутствие которого Оксман ставил в вину своим оппонентам в 1950–1960-е годы, содержатся в новейших исследованиях Д. П. Ивинского 2006–2011 годов, им также были выявлены и подробно проанализированы французские литературные и исторические контексты оды: *Ивинский Д. П.* 1) Ода «Вольность» // Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 14–37; 2) Ода Пушкина «Вольность»: Источники текста // Вестник Московского ун-та. 2006. Сер. 9. Филология. № 1. С. 47–69; 3) Ода Пушкина «Вольность»: французские контексты // Известия ОЛЯ РАН. 2011. № 1. С. 22–28.

[3] Жизни и творчеству Л. Н. Толстого посвящены несколько книг и популярных брошюр Гудзия 1930–1940-х годов: Как работал Л. Толстой. М., 1936; Лев Толстой. Свердловск, 1942; Лев Толстой. М., 1943 (2-е изд.: 1944); Лев Николаевич Толстой. М., 1944 (в сер. «Великие русские люди» издательства «Молодая гвардия»); Лев Толстой. Киев, 1947; Л. Н. Толстой (1828–1910). М., 1949. Кроме того, в 1944 году была издана стенограмма публичной лекции ученого, прочитанной 18 августа 1944 года в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве, а в 1945 году — стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 декабря 1944 года в Колонном зале Дома Союзов.

[4] Упомянуты, по всей вероятности, следующие книги, приуроченные к 150-летию со дня рождения поэта: *Петров С. М.* А. С. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1949; *Мейлах Б. С.*

А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М., 1949; *Мануйлов В. А.* А. С. Пушкин. 1799–1837. Очерк жизни и творчества. Псков, 1949. Их авторы — литературоведы Сергей Митрофанович Петров (1905–1988), Борис Соломонович Мейлах (1909–1987), Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987).

[5] Оксман был арестован 6 ноября 1936 года в Ленинграде по доносу сотрудницы ИРЛИ Евгении Васильевны Михайловой (1903 — ?), осужденной в декабре 1939 года. В конце февраля 1937 года ученый был переведен в Москву, а затем осужден постановлением ОСО НКВД СССР от 15 июня 1937 года к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, в 1941 году, по истечении первого срока, получил еще пять лет «за клевету на советский суд» (срок отбывал в Омске, на Колыме, Индигирке, в Магадане, последние два года — почти на вольном поселении). Освобожден в ноябре 1946 года, в Москве оказался в декабре. См.: *Приходько В.* Дутое дело пушкинистов // Московская правда. 1999. 5 июня. № 104; 8 июня. № 105 (материалы следственного дела Оксмана 1936–1937 годов); *Райзман М.* 1) Юлиан Оксман в письмах и документах // Магаданская правда. 2008. 18 янв. № 5. С. 11; 25 янв. № 8. С. 20; 1 февр. № 11. С. 20; 2) Колымский след в судьбе профессора Ю. Оксмана // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 2. С. 39–46; *Фролов М.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». С. 431–473.

[6] В апреле 1947 года, при поддержке литературоведа Григория Александровича Гуковского (1902–1950) и А. П. Скафтымова и благожелательном содействии ректора П. В. Голубкова, Оксман получил должность профессора на кафедре истории русской литературы СГУ, где проработал до 1958 года (см. прим. 4 к п. 25). За первые два года пребывания в Саратове им был подготовлен ряд публикаций, посвященных Пушкину, Лермонтову, Белинскому, Рылееву и агитационно-пропагандистской литературе первой четверти XIX века. Материалы ко многим из них были собраны и критически исследованы ученым задолго до ареста. Со значительными задержками, обусловленными цензурными и административными препятствиями, эти публикации (общим числом около 30), включая рецензии и микропубликации новых текстов и документальных материалов, а также монографическую статью «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ»), все же увидели свет в 1948–1955 годах на страницах «Ученых записок», «Литературного наследства», научных ежегодников и исторических сборников (в ряде случаев — под псевдонимами и за чужими подписями). В письме Оксман цитирует «Литературную исповедь» (1854?) П. А. Вяземского, а именно строки, обращенные к В. Т. Плаксину и А. Д. Галахову: «Браковщики живых и судьи славных прахов, / С оглядкою меня выводят напоказ, / Не расточая мне своих хвалебных фраз».

[7] Гудзий (урожд. Дунаевская; 1892–1966) Татьяна Львовна — супруга Гудзия; Гудзий Анна Каллиниковна — сестра Гудзия; помогала брату в составлении библиографии его трудов.

6

4/VII 49 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич,

Спасибо Вам дружеское прежде всего за то, что прочли мою дилетантскую книжку о Пушкине, которую я не позволил бы себе писать, будучи в пушкинских делах лишь подмастерьем, если бы к этому меня не обязывал мой *украинский* академический мундир: нужно было, чтобы от Украины написал о Пушкине не «варяг», а свой человек.[1] Написал книжку я меньше чем в 1½ месяца и потому не столь солидно, как мог бы сделать это даже я, не специалист.

С благодарностью принимаю Ваши замечания и возражения и не вступаю относительно их с Вами в спор, а подумаю над Вашими указаниями. С одним лишь я не согласен с Вами — что книжка написана сухо и без любви к тому, о чем писал, для того лишь, чтобы отделаться. Написана она, по-моему, вовсе не сухо, и не плохим языком, но без украшательств и патетики, которых не выношу. Хоть и в большой спешке, написал я книжку con amore,[2] потому что Пушкин для меня самый дорогой спутник, самое священное и дорогое в нашей культуре. За него отдам я всю нашу литературу, не исключая и Толстого.

Мне было очень грустно читать пессимистические строчки Вашего письма. Понимаю, что Вы не можете осуществить и десятой доли того, на что Вы

способны. Но не падайте, Бога ради, духом. Впереди, мне кажется, — облегчение для литературной братии и какие-то просветы. Особенно замутилась атмосфера в Ленинграде (Гуковский, Азадовский, Эйхенбаум и др.). Но я уверен, и они сядут на свои места. Только что уехал из Москвы М. К. Азадовский, который приехал сюда искать правды и, видимо, кое-чего добьется, хоть Бельчиков, как директор Пушк<инского> дома, не очень идет ему навстречу.[3]

Был на Пушкинских торжествах в Л<енин>гр<аде>, Пскове, Михайловском. Вероятно, на днях придется поехать в Киев и Львов.[4] Где и как буду проводить лето, еще не знаю. Вероятно, в августе буду в Болшево. Искренно буду рад повидаться с Вами.

Мои Вам кланяются. Сердечный привет мой Вам и жене.

Дружески Ваш Ник. Гудзий

[1] С Украиной Гудзий был связан с самого своего рождения — он родился в городе Могилеве-Подольском. В 1911 году окончил славяно-русское отделение филологического факультета Киевского университета, в котором спустя три года начал преподавать; в мае 1918 года перешел на работу в Таврический университет в Симферополе (филиал Киевского университета), где преподавал (до своего отъезда в Москву в конце 1921 года) на кафедре русской литературы в должности экстраординарного профессора. Наконец, в 1945 году ученый был избран действительным членом Украинской Академии наук, впоследствии заведовал отделами русской и древнеукраинской литератур Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Его библиография насчитывает несколько десятков публикаций по истории украинской литературы и русско-украинских литературных связей. См. прим. 3 к п. 33.

[2] с любовью (*итал.*)

[3] Речь идет о политической кампании по борьбе с космополитизмом, коснувшейся в Ленинграде, в частности, двух крупнейших центров отечественной филологической науки — ИРЛИ и Ленинградского государственного университета. Гуковский, вернувшийся на работу в Ленинград из Саратова после эвакуации в июне 1946 года, был арестован 25 июля 1949 года и в следующем году умер в Москве, в Лефортовской тюрьме, не дожив до окончания следствия. Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) и Марк Константинович Азадовский (1888–1954) с оскорбительными формулировками были уволены с работы в Пушкинском Доме и ЛГУ в мае 1949 года, подверглись предельно грубой и безосновательной критике, что, естественным образом, не могло не отразиться на печатной судьбе их научных работ и на состоянии здоровья. Азадовский, директивные нападки на которого в печати, на научных и партийных собраниях, заседаниях и дискуссиях имели место еще в 1947–1948 годах, не успел увидеть изданными многие написанные им фундаментальные труды. Лишь в 1950 году стал возможен выход в свет некоторых его научных работ. 24 апреля 1949 года Оксман писал К. П. Богаевской: «О Ленинграде знаю только в самых смутных очертаниях — по газет<ному> отчету в университетской газетке. Но там нет ни слова о том, что произошло в Пушк<инском> Доме. Если вы что знаете об этом — обязательно напишите. Мои друзья еще хранят молчание» (РГАЛИ. Ф. 1633. Оп. 4. № 11. Л. 35 об.). 8 октября 1949 года датировано письмо Оксмана к литературоведу Борису Яковлевичу Бухштабу (1904–1985), в котором есть такие строки: «Очень беспокоит меня участь Бориса Михайловича, но писать ему мне почему-то очень сейчас трудно». Спустя несколько месяцев, 23 февраля 1950 года Оксман в письме П. Н. Беркову выражал беспокойство о судьбе Азадовского, считая его возвращение к работе «частью общего научного и литературного долга перед страной» (Русская литература. 2003. № 3. С. 162, 167). Добавим, что только в сентябре 1956 года, спустя семь лет после увольнения, Эйхенбаум возобновил работу в Пушкинском Доме. Литературовед Николай Федорович Бельчиков (1890–1979), директор Пушкинского Дома в 1949–1955 годах (на которого было возложено осуществление партийной программы в отношении представителей академической науки), активный недоброжелатель Азадовского, препятствовал его возвращению к научной и преподавательской работе. Гудзий в 1949–1950 годах неоднократно ходатайствовал о судьбе Азадовского, лично встречаясь с заведующим кафедрой советской литературы ЛГУ и сектора печати Ленинградского горкома ВКП (б) Александром Григорьевичем Дементьевым (1904–1986), начальником Главного управления университетов, членом коллегии Министерства высшего образования СССР в 1949–1951 годах Кузьмой Фомичем Жигачем (1906–1964), с литературоведом, в 1946–1949 годах сотрудником аппарата ЦК КПСС Иваном Васильевичем Сергиевским (1905–1954), академиком АН СССР В. В. Виноградовым и, наконец, с самим Бельчиковым. См.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: В 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 40–111, 138–169, 201–202, 218–223, 234–252, 258–312, 316–361, 363–429, 433–470, 500–524; *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954 / Изд. подг.

К. Азадовский. М., 1998. С. 110–165; *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* 1) О низкопоклонстве и космополитизме // Звезда. 1989. № 6. С. 157–186; 2) «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135; «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 68–76, 81, 83. Происходившие тогда трагические события в истории отечественной науки как бы «отраженным светом» коснулись и Оксмана — в октябре 1949 года в «Литературной газете» вышла статья, которую по жанру и тону вернее определить как пасквиль на 20-й том «Ученых записок» СГУ (1948). В ней, в частности, была подвергнута критике статья Оксмана «А. В. Кольцов и тайное „Общество Независимых“», опубликованная в томе (*Пермяков Г.* Жизнь знай себе идет и проходит... // Литературная газета. 1949. 8 окт. № 80. С. 3). Оксман выступил с отповедью на грубый выпад Пермякова во время его обсуждения на открытом партийном собрании в СГУ в конце 1949 года. Об этом он писал своему давнему (с 1917 года) знакомому, писателю, историку литературы, критику, переводчику Корнею Ивановичу Чуковскому (1882–1969) 28 декабря 1949 года (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969] / Предисловие и комм. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 20).

[4] Пушкинские торжества были приурочены к 150-летию со дня рождения поэта.

7

24/XII <1951 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

прочел только что вашу рецензию на книгу Г. Макогоненко о Новикове,[1] и сразу же захотелось хоть в двух словах сказать вам о том, что давно я не читал ничего более умного и тонкого по линии критических разборов наших литературоведческих монографий*. Да, пожалуй, это именно ваш жанр, которым вы напрасно пренебрегаете. Ведь даже в «Советской Книге» только ваши рецензии стоят на той высоте, которая удовлетворяет специалистов, помогает росту наших филологических кадров, поднимает уровень рядовых читателей.[2] Я бы только решительно протестовал против вашей тенденции ограничивать круг ваших разборов книгами по древней литературе. Вы принадлежите к числу тех литературоведов, которые с одинаковым авторитетом могут судить и работы о «Слове о полку Игореве», и разыскания о летописных *сводах*, и новинки пушкинианы, и академическое издание Гоголя, и литературу о Толстом, и материалы о символистах.[3] Пожалуй, только вы и остались у нас сейчас самым авторитетным представителем интересов литературоведения как науки. Н. К. Пиксанов[4] давно и безнадежно потерял свой научный престиж, Д. Д. Благой[5] им никогда не обладал, А. И. Белецкий[6] — это профессор элоквенции, широко образованный софист, а не передовой ученый, Н. Л. Бродский[7] — уже в могиле. Об исследователях камерного типа я не говорю, а В. М. Жирмунский — очень большой ученый — к изучению русской литературы только по временам «прикладывал лапку».[8] Вот видите, как далеко меня завели впечатления от вашей статьи в «Большевике» о Новикове. Давно прошло то время, когда мое мнение что-нибудь значило хотя бы для моих друзей и учеников, но никак не могу отрешиться от привычки даже в саратовских условиях рассуждать «в общесоюзных масштабах» о судьбах нашей науки. Знаете ли, что я часто отводил душу в письмах к Н. Л. Бродскому и Н. И. Мордовченко, людям, несоизмеримым ни в каком отношении, но которых я очень любил — одного как своего старшего коллегу, горевшего теми же интересами, которыми жил и я, другого — как своего ученика и друга. В этом году я потерял их обоих.[9] Бесконечно счастлив, что прошлым летом, когда я жил в Переделкине, Ник<олай> Ив<анович> приехал ко мне на три дня из Ленинграда, а у Ник<олая> Леонтьевича я провел вечер в феврале этого года. Вы отдыхали в ту пору в Узком, а потому мне не удалось повидаться с вами**.

Но еще досаднее, что я не видел вас этим летом: я жил под Москвою, часто бывал в городе, но вас не было в Москве. Надеюсь приехать хоть на несколько дней в конце января, авось на этот раз буду счастливее и повидаю вас...

А в Макогоненке вы очень проникновенно определили и его «шуйцу» и «десницу»! В сущности говоря, ведь в Макогоненке ожили все характернейшие черты его учителя. Читая его книгу, я иногда забывал, что это Макогоненко, и хотел спорить с Гуковским. Читая вашу рецензию, я невольно относил ее ко всей школе...

Что же вам сказать о себе? После выхода в свет томов «Лит<ературного> Нас<ледства>», где появились за полными моими подписями, за псевдонимами и даже за чужими именами некоторые из моих работ о Белинском, мне «морально» стало много легче. Две работы о Бел<инском>, которые лежали в Саратовской типографии без движения с 1948 г., пошли в машину и в серед<ине> января, вероятно, выйдут в свет. В ближайшем пушкинско-лермонтовско-гоголевском томе печатаются мои статьи, изъятые в свое время из «Нового мира» и «Звеньев» (в том числе и статья «Пушкин в работе над „Историей Украины“», которая в 1947 г., когда она была набрана для «Звеньев», представляла бы большой интерес, а сейчас как-то потухла, ибо некот<оры>е мои положения утратили интерес новизны и политич<ескую> остроту).[10] Сейчас занимаюсь декабристами. Написал нечто об «Обществе Соед<иненных> Славян», над чем работал ровно 25 лет (а результат — 3 печат<ных> листа).[11] Для след<ующего> тома «Л<итературного> Н<аследства>» у меня вчерне сделана работа «Полит<ическая> лирика и сатира Пушкина 1817–1820 г.».[12] Но хотелось бы это оформить получше, а потому не уверен, что смогу ее сдать в феврале, как требует редакция. Весною исполняется 5 лет со дня моего внедрения в Саратовский университет. Удивительное дело: с каждым годом я чувствовал себя менее прочно, хотя работал лучше и больше. И чем сильнее я располагал к себе студенчество, тем суше относился ко мне ректорат. Хорошо, что мы сейчас все стали разбираться в диалектике!

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

Ваш Юл. Оксман

* Я не могу судить о вашем учебнике древ<ней> лит<ературы> в его новом варианте.[13] Но Т. М. Акимова,[14] кот<ора>я ведет у нас древ<нюю> лит<ератур>у, считает это новое издание *замечательным* по мастерству переделки.

** Но в «Вест<нике> Москов<ского> Универ<ситета>» я прочел вашу статью об «Энеиде» и даже нашел в ней упоминание о моей заметке, кот<ор>ую сам не могу вспомнить![15]

Год установлен по содержанию.

[1] *Гудзий Н. К.* Книга о русском просветителе XVIII века [Рец. на: *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951] // Большевик. 1951. № 21. С. 67–73. Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912–1986) — литературовед, специалист по истории русской литературы XVIII–XIX веков, текстолог. Обе редакции этой рецензии (краткая, опубликованная в журнале, и полная), а также верстка с сокращениями сохранились: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 5. № 61, 62.

[2] В 1946–1952 годах в журнале «Советская книга» регулярно появлялись рецензии Гудзия (члена редколлегии журнала, заведовавшего отделом литературы и языка) на академические издания литературных памятников, хрестоматии, труды коллег-филологов. См. полный перечень рецензий Гудзия в «Советской книге»: Библиография трудов Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Н. К. Гудзии. М., 1968. С. 164–170.

[3] Творческая история, и шире — текстология произведений Л. Н. Толстого еще в середине 1920-х годов плотно вошли в круг научных интересов Гудзия, со временем став в ряд центральных тем его исследовательской работы. К 1933 году, когда из печати вышли 27-й и 32-й тома

юбилейного Полного собрания сочинений писателя, включившие подготовленные ученым тексты «Воскресения», «Крейцеровой сонаты», «Плодов просвещения», «Дьявола» (сопровождаемые его текстологическими пояснениями и научными комментариями), Гудзий уже был автором нескольких статей, занявших заметное место в обширной литературе о Толстом, см.: Библиография трудов Н. К. Гудзия. С. 153–160. Впоследствии, в 1934–1939 и в начале 1950-х годов Гудзий принял ближайшее участие в подготовке еще девяти томов юбилейного издания, включивших отредактированные и прокомментированные им лично и совместно с коллегами тексты «Анны Карениной», черновые редакции и варианты «Воскресения», тексты целого ряда художественных и публицистических сочинений малой формы 1880-х, 1904–1906 годов. В наследии Гудзия насчитывается еще несколько десятков статей и публикаций, посвященных Толстому, включая научную редактуру изданий повести «Казаки» и романа «Воскресения» в серии «Литературные памятники», вышедших в 1963–1964 годах. С начала 1920-х годов Гудзий занимался также и историей русского символизма. В 1923–1924 годах Гудзий вел «Семинарий по русскому символизму» во 2-м Московском университете (протоколы заседаний см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 10. № 5). В сборнике «Искусство» (М., 1927. Кн. 4) увидела свет его статья «Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты»)». Ученый в 1923–1930 годах активно участвовал в работе Государственной Академии художественных наук, являясь ее действительным членом и заведующим подсекцией русской литературы (с 1925 года). Кроме того, перу Гудзия принадлежит обширная статья: *Гудзий Н. К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 465–549. Впоследствии, в 1930-е годы он продолжил изучение истории символизма, обратившись к раннему периоду творчества В. Я. Брюсова: в академической серии «Литературное наследство», в ее «символистском» томе (М., 1937. Т. 27–28) Гудзий опубликовал статью «Юношеское творчество Брюсова», первоначальная редакция которой называлась «Досимволический Брюсов» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 14). В архиве Гудзия хранятся материалы к первому тому предполагавшегося 12-томного собрания сочинений Брюсова (1937), в том числе — списки стихотворений рукой И. М. Брюсовой и составленный ученым библиографический список «Социологическая природа символизма» (Там же. Карт. 1. № 12; Карт. 9. № 5). См. также подготовительные материалы к статье о русском символизме и к статье «Юношеское творчество Брюсова» (Там же. Карт. 1. № 10) и черновой автограф плана лекций «Пушкин и Блок» (Там же. Разд. II. Карт. 2. № 13; 1920-е годы).

[4] Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969) — текстолог, библиограф, специалист по истории древнерусской литературы и русской литературы первой половины XIX века, профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (1931). Оксман считал его своим учителем (лекции Пиксанова в Петербургском университете Оксман посещал с 1912 года), более того — в 1924 году Пиксанов был научным редактором первого издания «Летописи жизни Белинского», составленной Оксманом в соавторстве с Н. Ф. Бельчиковым и П. Е. Будковым. Но в 1940–1960-е годы Оксман зачастую был склонен скептически оценивать его труды, выходившие из печати в это время. Кроме того, охлаждению их отношений способствовало участие Пиксанова в политических кампаниях и проработках конца 1940-х годов — публичное выступление против Гуковского в апреле 1949 года (*Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954. С. 42–43, 117).

[5] Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — историк литературы, пушкинист.

[6] Белецкий Александр Иванович (1884–1961) — литературовед, специалист по истории русской, украинской и западноевропейской литератур XVII–XIX веков, театровед. Оценка, данная Оксманом в письме («профессор элоквенции», от *лат.* eloquentia — красноречие), связана с тем, что, по его субъективному мнению, объем возложенных на Белецкого после войны обязанностей, количество должностей и регалий были несопоставимы с его реальным значением и авторитетом в научном мире. В 1940–1950-е годы Белецкий возглавлял Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, заведовал кафедрой русской литературы в Киевском университете, в 1939 году был избран академиком АН УССР, а в 1946 году — членом-корреспондентом АН СССР (в 1958 году — академиком).

[7] Бродский Николай Леонтьевич (1881–1951) — литературовед, педагог.

[8] Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — лингвист, литературовед, специалист по теории литературы, истории немецкой и английской литератур, стиховед, фольклорист. Его обращение к русской литературе было связано, прежде всего, с изучением русской поэзии начала XX века, творчества Александра Блока, Анны Ахматовой и Валерия Брюсова — им посвящены несколько книг и статей Жирмунского.

[9] Мордовченко Николай Иванович (1904–1951) — специалист по истории русской поэзии и литературной критики XIX века, а также литературному наследию декабристов, библиограф, ученик Оксмана в ЛГУ.

[10] Перечислим упомянутые Оксманом публикации в порядке их появления в печати: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Предисловие и общ. ред. А. Осокина [Ю. Г. Оксмана] // Лит. наследство. 1950. Т. 56. В. Г. Белинский. [Кн. 2]. С. 87–200; Переписка

Белинского. Критико-библиографический обзор // Там же. С. 204–254; Мнимые статьи молодого Белинского // Лит. наследство. 1951. Т. 57. В. Г. Белинский. [Кн. 3]. С. 564–567; Из разысканий о Пушкине. I. Неосуществленный замысел «Истории Украины». II. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» // Лит. наследство. 1952. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 211–242; <Письмо> А. А. Краевского и В. Ф. Одоевского к Пушкину // Там же. С. 289–296; Лермонтов в записках А. И. Арнольди / Публ., введение и прим. Ю. Г. Оксмана // Там же. С. 449–476; Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1952. Т. XXXI. Вып. филологический. С. 111–204; К истории работы Белинского в «Телескопе»: I. Белинский накануне «Литературных мечтаний»; II. Н. А. Полевой — сотрудник «Телескопа»; III. Белинский и литературно-театральный салон Н. С. Селивановского // Там же. С. 230–262. Том «Ученых записок», содержащий статьи Оксмана, вышел в свет лишь в конце 1952 года, хотя был задуман как издание, приуроченное к 100-летию со дня кончины Белинского. О подлинной причине столь длительной задержки с публикацией писали В. Д. Рак и М. Д. Эльзон — «боязнь администрации Саратовского университета выпускать в свет книгу со статьями „неблагонадежного“ автора, предлагавшего расходившуюся с официальной трактовку письма Белинского к Гоголю». Об этом говорит и письмо Оксмана П. Н. Беркову от 29 октября 1952 года: «Отпечатанный и переплетенный еще в феврале (в типографии он лежал с 1949 г.), этот сборник задержан Ректором, опасающимся, „как бы чего не вышло“. Я сейчас ультимативно требую выпуска сб<орник>а в свет. Поддерживают меня два факультета — филол<огический> и исторический» (Русская литература. 2003. № 3. С. 172; № 4. С. 183). Немаловажную роль сыграла некоторая двусмысленность положения Оксмана: работа, включившая последовательное изложение результатов многолетнего изучения и сопоставительного анализа всех сохранившихся списков письма Белинского к Гоголю и главный итог этой работы — критически установленный текст письма — появилась в томе «Литературного наследства» за подписью старейшего сотрудника редакции, библиографа и историка литературы Ксении Петровны Богаевской (1911–2002), давней знакомой Оксмана, которая взяла на себя трудную роль его «соавтора»: Письмо Белинского к Гоголю / Статья и публ. К. Богаевской; комм. Я. З. Черняка // Лит. наследство. 1950. Т. 56. С. 513–605. К сказанному следует добавить несколько строк из письма Оксмана к Богаевской от 13 февраля 1949 года: «...разумеется, проект, предлагаемый мудрейшим Сергеем Алек<сандровичем> <Макашиным>, самое для меня удобное разрешение вопроса о формах публикации в „Лит<ературном> Н<аследстве>“ моей работы. Т. е., конечно, это разрешение лучше всего устраивает „Л<итературное> Н<аследство>“, ибо затыкает мне рот, позволяет широчайшим образом использовать все то, что уже мною сделано, не требует дополнительных матер<иальных> затрат и т. д. и т. п. Но, учитывая конъюнктуру трезво, я понимаю и важность для „Л<итературного> Нас<ледства>“ публикации „Письма“ и невозможность ссориться из-за меня с Пушк<инским> Домом. Понимаю, что не воспользоваться моим текстом нельзя, что мое решение проблемы текста письма к Гоголю является единственно правильным и т. д. и т. п. Остается путь передачи „своими словами“ моих наблюдений. Кто же это сделает лучше вас? Разумеется, никто <...> Но одно условие я все-таки хочу поставить „Лит<ературному> Нас<ледств>у“ категорически. В предисловии, в послесловии или в примечании должно быть оговорено, что значение списка Л<енинской> Б<иблиотеки>, как авторитетнейшей из дошедших до нас копий письма, установлено мною в докладе в Инст<итуте> Истории А<кадемии> Н<аук> в марте 1948 г. Никому не возбраняется использовать мои соображения, но недопустимо в академическом издании и умолчание об этом факте <...> Вопрос идет не о претензиях самолюбия, а о научной чести <...> Появление в „Лит<ературном> Н<аследстве>“ текста письма без малейших ссылок на мою работу над ним естественно вызывает вопрос о моем плагиате, о присвоении мною результатов исследов<ательской> работы „Л<итературного> Нас<ледства>“» (РГАЛИ. Ф. 1633. Оп. 4. № 111. Л. 15–16). Ср. в письме Л. К. Чуковской от 22 мая 1951 года: «Ситуация была в прошлом году еще такова, что я не мог защитить своего достояния и продал свое первородство за чечевичную похлебку в самом точном смысле этого слова — за 8 тысяч рублей и за публикацию с моим именем хотя бы одной из трех работ, сделанных мною в 1948 г. для „Лит<ературного> Насл<едства>“» (*Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970). С. 137). См. также письмо Оксмана Чуковскому от 26 ноября 1952 года (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969]. С. 38–40).

[11] См.: *Оксман Ю. Г.* Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века: [I. «Воззвание к сынам Севера»; II. «Пифагоровы законы» и «Правила Соединенных Славян»] // Очерки по истории движения декабристов: Сб. статей / Под ред. Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского. М., 1954. С. 451–515.

[12] См. п. 5 и прим. 2 к нему.

[13] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы: Учебник для высш. учеб. заведений. 4-е изд., перераб. М., 1950. См.: *Кусков В. В.* Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 170–175. См. также полемику начала 2000-х годов, развернувшуюся в связи с выходом в 2002 году очередного,

8-го переиздания учебника Гудзия (с предисловием А. М. Ранчина): *Проскурин О. А.* Древнерусская идея: учебник сталинской эпохи как постмодернистский феномен // Консерватор. 2002. 15–21 нояб. № 11; *Ранчин А. М.* В защиту «сталиниста» Н. К. Гудзия, или Какой может или не может быть история древнерусской словесности // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 571–589.

[14] Акимова Татьяна Михайловна (1899–1987) — литературовед, фольклорист, этнограф (ученица Б. М. Соколова), педагог, с 1938 года — профессор кафедры русской литературы филологического факультета СГУ.

[15] См.: *Гудзий Н. К.* «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная проза XVIII века // Вестник Московского ун-та. 1950. № 7. С. 127–143. На с. 132 статьи Гудзий ссылается на работу: *Оксман Ю.* К истории опубликования «Энеиды» И. П. Котляревского // Атеней: Историко-литературный временник. Л., 1926. Кн. 3. С. 152–154.

8

31/XII 51 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю Вам счастья, здоровья, всяческих успехов и всяческих нечаянных радостей.

Вы очень обрадовали и очень взволновали меня своей похвалой моей рецензии на книгу Макогоненко. Получить такую похвалу из уст такого образованного и талантливого литературоведа, каким Вы по праву считаетесь, — большая честь и большой импульс для работы. С бóльшим правом Ваши похвалы по моему адресу я мог бы отнести к Вашим работам. Когда два месяца назад я был в Ленинграде и навестил М. К. Азадовского, он очень тепло и уважительно говорил мне о Вашей статье «Переписка Белинского», напечатанной в «Лит<ературном> насл<едстве>», о том, как тонко, с каким прекрасным знанием материала она написана, и я совершенно разделяю его оценку. Думаю, что если бы Вы напечатали все, что у Вас накопилось за многие годы, Вы значительно обогатили бы наши литературоведческие сведения.[1]

О книге Макогоненко я, не желая мешать ему в выдвижении на Сталинскую премию, написал снисходительнее, чем я о ней думаю. В основном книга мне не по душе. Это книга, которой не веришь, потому что она чрезмерно криклива и бьет на эффект. Страсть удивить мир чем-то новым, чему, б<ыть> м<ожет>, не верит и сам автор, характерная черта Макогоненко. Это признак легкомыслия и малой духовной культуры. Мои возражения Макогоненко в «Большевике» значительно сокращены. В этом журнале, рассчитанном на миллионного читателя, пришлось говорить не только о рецензируемой книге, но и о самом Новикове — самые элементарные вещи, что не входило в мою задачу. Поэтому на рассуждения о книге осталось мало места. Пришлось выпустить более детальные соображения о том, что в XVIII в. значило «сочинение» и «сочинитель», защиту Семенникова против упреков по его адресу в формализме[2] и многое другое. Щадя автора, не упомянул, что он переврал даже общеизвестную цитату из Радищева, которым сам усиленно занимался. Вы правы, что ученик заимствовал многое от своего учителя, притом не лучшее, а, пожалуй, худшее.

Мне было совестно и конфузно — в порядке самокритики читать то, что Вы пишете о моих качествах как литературоведа. Вы, дорогой друг, так преувеличили мои данные, что вогнали меня в краску. Я, например, никогда не ставил себя в один ряд с А. И. Белецким, ученым потрясающей эрудиции в самых разнообразных областях литературы и литературной науки, пожалуй, порой и софиста, но блестящего софиста.

Я очень радуюсь тому, что у Вас так много заготовлено для печати. Как своим успехам, буду радоваться Вашим новым успехам.

А работать нашему брату — литературоведу тяжко. Читали Вы, конечно, разносную и несправедливую статью Рюрикова в «Лит<ературной> газ<ете>» на статью Тихомирова в № 5 Известий ОЛЯ.[3] Чуть человек попробовал проявить самостоятельность мысли, как его спугнули и накричали на него. Вот Вам спасительная свобода дискуссии! А как тяжело быть редактором моего отдела в «Сов<етской> книге», откуда я уже три года бесплодно пытаюсь уйти! С трудом приходится унимать ретивых разносителей, упрекающих тебя в зажиме критики.

Я был бы необыкновенно рад повидаться с Вами в конце января. Боюсь только, как бы в это время не пришлось выезжать в Киев. Еду туда дней через 6 на сессию АН УССР, а затем ЦК КП (б) У<краины> может вызвать меня на обсуждение макета Истории Украины.[4] М. б., придется съездить в Л<енин>-гр<ад> для защиты В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева от травли их негодяем Лапицким (меня назначили в комиссию по расследованию этой травли).[5]

Самому работать как следует — некогда. Посылаю Вам бандеролью несколько своих печатных работок.[6] Прошу Вас причитающееся передать А. П. Скафтымову.

Мой искренний привет супруге. Обнимаю Вас

Ваш Н. Гудзий

Штемпель отправления: «31.12.51. Москва». Отметка почты: «3.1.52. Адресат не прожив<ает>». Штемпель получения: «14.1.52. Саратов». Это письмо, отправленное с ошибкой в номере дома (23 вместо 123), искало адресата около двух недель и попало в руки Оксмана лишь 14 января 1952 года, о чем он пишет в п. 9.

[1] См. прим. 10 к п. 7.

[2] Семенников Владимир Петрович (1885–1936) — библиограф, археограф, специалист по русской культуре XVIII века, а также по биографии и творческому наследию А. Н. Радищева. См.: *Семенников В. П.* 1) Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. М., 1922; 2) Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923 (в особенности — статья «К истории создания „Путешествия из Петербурга в Москву“» (с. 319–364), которой и были посвящены многочисленные критические замечания Г. П. Макогоненко); 3) Литературно-общественный круг Радищева // А. Н. Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Крайне несправедливая оценка, данная Макогоненко работам Семенникова в книге о Н. А. Новикове и в других публикациях, становилась предметом научной полемики, см., например: *Баранская Н. В.* Еще об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 227. В том же 1951 году, которым датирован выход упоминаемой Оксманом и Гудзием книги «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», Макогоненко посвятил критике работ Семенникова несколько страниц в издании избранных произведений Новикова: «„Отрывок путешествия“ „окончательно“ закреплен за Радищевым исследованием В. П. Семенникова. Как и все предшествовавшие ученые, Семенников не занимается вопросом, почему это „Путешествие“ не может принадлежать Новикову. Весь пафос обращен на приписание его Радищеву <...> Работа Семенникова тщательная, но бесплодная <...> бездоказательно отвергнуто авторство самого Новикова, не прослежена связь идейного содержания этого „Отрывка путешествия“ с воззрениями Новикова, потому, что не показано, в какой связи находился этот „Отрывок путешествия“ со всем остальным материалом двух журналов Новикова, потому, что это сочинение в анализе вырвано из композиционного единства журнала <...> Прежде всего в систему доказательств Семенникова не входит главное — идейный анализ. <...> Если же подойти к двум „Путешествиям“ с этих позиций, то все доказательства рушатся, как карточный домик» (*Макогоненко Г. П.* Комментарии: Об авторстве Новикова // Новиков Н. И. Избр. произведения. М.; Л., 1951. С. 684, 685–686). См. также новейшую работу, где говорится о научной ценности работ Семенникова, посвященных Радищеву: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2009. Сб. 25. С. 207–208, 224–230. 7 января 1952 года Оксман признавался в письме к П. Н. Беркову: «Я всегда был в этом споре на стороне В. П. Семенникова, полагая только, что последнее слово сказано будет лингвистами» (Русская литература. 2003. № 3. С. 180–181).

[3] *Тихомиров Г. С.* К вопросу о традиции и идейных влияниях // Известия ОЛЯ. 1951. Т. X. Вып. 5. С. 437–453. Эта статья историка, географа Георгия Сергеевича Тихомирова, в основной своей части выражавшая официальную точку зрения («Преклоняться перед вырождающейся культурой капиталистической Европы и Америки <...> может только крайний невежда, лишенный национальной советской гордости, космополит и антипатриот <...> Советское литературоведение проводило и продолжает вести успешную борьбу с проявлениями низкопоклонства перед современной буржуазной литературой»), выделялась лишь робкой попыткой избежать некоторых ошибок и крайностей «в трактовке вопросов истории литературы»: «Борясь с компаративистскими, идеалистическими теориями заимствований и влияний, некоторые литературоведы и философы впадают иногда в крайность, видя правильное решение вопроса в отрицании фактора идейных влияний. Само слово влияние стало в критической литературе предметом особенно резкого неприятия. Сказать, что гегелевская философия оказала влияние на Белинского или материализм Фейербаха на Чернышевского, — значит, по мнению некоторых товарищей, обнаружить отсталость суждений, совершить предосудительный поступок». Отклик на статью последовал в конце декабря: *Рюриков Б.* Старые ошибки в новом обличии // Литературная газета. 1951. 20 дек. № 150. С. 3–4. Автор открыл свою статью прямым выпадом против Тихомирова: «В журнале „Известия Академии Наук СССР“ (отделение литературы и языка, том X, вып. 5) напечатана статья Г. Тихомирова „К вопросу о традициях и идейных влияниях“. Автор этой статьи решил направить огонь против крупных недостатков литературоведения, которые он видит прежде всего в том, что наши ученые „борьбу с проявлениями низкопоклонства перед культурой капиталистического Запада превратили в ряде случаев в отрицание всяких, в том числе и прогрессивных, влияний в прошлом“. Г. Тихомиров негодует, что „само слово влияние стало в критической литературе предметом особенно резкого неприятия“. Автор не утруждает себя доказательствами. Кроме одной, произвольно вырванной из контекста фразы из газетной статьи, он не подтверждает свои обвинения ничем <...> Тон статьи Тихомирова не свойственен людям убежденным, твердо и спокойно отстаивающим свои положения, он скорее свойственен людям, которые, чувствуя шаткость и ошибочность своих позиций, кричат громче всех». Рюриков Борис Сергеевич (1909–1969) — критик, журналист, сотрудник аппарата ЦК КПСС (отделы агитации и пропаганды, культуры) в 1946–1949, 1955–1956 годах, главный редактор «Литературной газеты» в 1953–1955 годах.

[4] Черновой автограф замечаний Гудзия по поводу макета «Истории Украины» см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 6. № 42.

[5] Вместе с Гудзием в состав комиссии входили, в частности, В. В. Виноградов и Н. К. Пиксанов. Лапицкий Игорь Петрович (1920–1998) — старший преподаватель филологического факультета ЛГУ, член ВКП (б). В 1949–1952 годах он регулярно выступал в роли осведомителя и погромщика филологической науки. 27 ноября 1951 года он выступил на общем собрании критиков и литературоведов в Ленинградском отделении СП СССР с критикой «антипатриотических взглядов» крупнейших специалистов по литературе и культуре Древней Руси — члена-корреспондента АН СССР и УССР, заведующей Сектором древнерусской литературы ИРЛИ Варвары Павловны Адриановой-Перетц (1888–1972) и филолога, культуролога, текстолога, старшего научного сотрудника ИРЛИ, профессора ЛГУ Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999). Лапицкий был уволен из университета в 1957 году. О нем см.: *Дружинин П.* 1) Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 202–213; 2) Идеология и филология. Т. 2. С. 313–316, 535–541. О том, как складывалась судьба Адриановой-Перетц и Лихачева, свидетельствуют письма Лихачева к Гудзию. Из письма от 13 декабря 1951 года: «Мне милый Владимир Иванович только что рассказал о Вашей теплой защите нашего Сектора. Большое Вам спасибо. Варв<ара> Павл<овна> не скоро об этом узнает, т. к. ей велено врачами <...> отгородиться самой высокой стеной от внешнего мира <...> Боюсь, что она уже не сможет руководить Сектором, а тогда для Сектора наступит неминуемая гибель». Из письма от 25 декабря: «...гнусность поднятой против меня и В. П. кампании превосходит все возможное. Вы совершенно не представляете себе, этого и не опишешь, к каким омерзительным средствам прибегают люди, чтобы „убрать с пути“ меня и В. П. Я бы не стал упоминать о Скр<ипиле> и Ер<емине>, но Вы сами об этом написали, и поэтому я все же хочу объяснить Вам разницу между ними. На Еремина я не сержусь. Я почти уверен в том, что сейчас, когда общественное отношение к Лап<ицкому> вполне определилось, Ер<емин> его не поддерживает. Когда-то он ему, конечно, по-обывательски жаловался на нас (вернее бранил нас) и, может быть, без злого умысла рассказывал какие-нибудь подробности из жизни В. П. Сейчас все это, конечно, „материал“ в руках у Лап<ицкого>! Со Скр<ипилем> обстоит иначе. Это холодный интриган, вертевший дураком Лап<ицким>, который выбалтывал гораздо больше, чем это, может быть, хотелось его хозяину. Я пишу в прошедшем времени, но „история“ отнюдь еще не кончилась <...> Впрочем, благодаря принятым Отделением мерам, непосредственной опасности нам не угрожает и репутация наша не пострадала, так как „передержки“ и „невежество“ Лапицкого ясны всем». Из письма от 5 января 1952 года: «В истории с Лап<ицким> мы с Варв<арой> Павл<овной> старались действовать,

как могли, с самого начала, но не смогли добиться результатов, так как на стороне Лап<ицкого> была Дирекция <...> Теперь у нас один выход в будущем — уйти из Института. Даже если вопрос будет решен в нашу пользу, — разве можно оставаться работать с такими людьми?». Из письма от 28 января: «Дела наши как будто бы и прояснились и, вместе с тем, невероятно запутались. Уже прошло третье закрытое заседание нашего Сектора с участием дирекции и парторганизации, посвященное разбору наших личных взаимоотношений в Секторе и научных разногласий <...> я сам добивался такого разбора, чтобы сделать гласными личные взаимоотношения и поставить тем преграду возможности вредить втихомолку. Как будто бы для всех теперь ясно, что „критик“ — партизан определенной стороны в Секторе <...> Следующее заседание было также чрезвычайно длинным. <...> Началось оно с краткой вступит<ельной> речи В<арвары> П<авловны>, подчеркнувшей, что заседание научное. Затем продолжал свой доклад аспирант <...> Мое выступление содержало три части: в первой я возражал Скрип<илю> по поводу того, что его не печатали и не допускали молодежь. Во второй части я остановился на положении в Секторе, заявив, что Сектор — фикция, а есть Сектор А и Сектор Б. В третьей части я остановился на Лап<ицком>, но не смог сказать всего того, что хотел (не хватило времени). Затем выступали Скр<ипиль> и Ер<емин>, опровергавшие обвинения асп<иранта> в антипатриотизме. Заседание продолжалось в субботу (выступала Варв<ара> Павл<овна>, говорившая о научных расхождениях в Секторе, не находивших себе выхода в открытых спорах, о необходимости заниматься темами, которые требуются современностью). Заседание будет продолжаться в субботу 2 февраля. Основная забота нашей дирекции состоит в том, чтобы найти в наших с Варв<арой> Павл<овной> работах ошибки и чтобы эти ошибки были доложены вескими людьми». Из письма от 9 мая: «„Критик“ наш действует, хотя и в отдалении. Мер против него упорно не принимается» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 8. № 64. Л. 14, 16, 17–17 об., 20–20 об., 23). Скрипиль Михаил Осипович (1892–1957) — педагог, с 1946 года — профессор кафедры русской литературы ЛГУ, в 1945–1954 годах — старший научный сотрудник и и. о. ученого секретаря ИРЛИ. Упомянутый в письме «аспирант», вставший на защиту Лихачева и Андриановой-Перетц, — Б. И. Дубенцов, литературовед, византолог, в 1955 году защитивший в ИРЛИ кандидатскую диссертацию «Из истории тверской литературы первой половины XV века (Повесть о Михаиле Александровиче Тверском)». Об упомянутых в письмах И. П. Еремине и В. И. Малышеве см. прим. 9 к п. 25 и прим. 3 к п. 27.

[6] В фонде Оксмана сохранились оттиски статей Гудзия с дарственными надписями, датированными 31 декабря 1951 года: *Гудзий Н. К.* 1) «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная поэма XVIII в. // Вестник Московского ун-та. 1950. № 7. С. 127–143; 2) О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 249–254; 3) Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1951. Т. 8. С. 31–52; 4) Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве» // Известия ОЛЯ. 1950. Т. IX. Вып. 6. С. 492–498 (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1188. Л. 27–31, 38–66 об.). Третий из упомянутых оттисков — публикация доклада Гудзия, прочитанного на сессии ОЛЯ АН СССР и ИРЛИ 9 декабря 1950 года.

9

14.I.52 г. <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

очень тронут был вашим новогодним подарком. Перечел еще раз ваши статьи о «Слове» и об «Энеиде» Котляревского и впервые познакомился с вашим сборником о русско-украин<ских> лит<ературных> отношениях.[1] Слыхал об этом сборнике что-то еще в начале прошлого года (вероятно, от Полякова), но до сих пор не видал. Вашу статью прочел с большим интересом и пользой для себя — узнал много фактов, которые нужно знать и которые как-то прошли мимо меня (статьи Франко *после* его выст<уплений> в «Энциклопедии» Брокгауза, фельетоны Нечуй-Левицкого и пр.).[2] Но зато почти все прочие статьи этого сборника только затемняют историю и вносят полную сумятицу в мозги читателей. Чего стоит уже одна статья о Шевченко и рев<олюционерах>-демократах! Я немножко занимался этой проблемой, а потому могу судить о той галиматье, которая в вашем сборнике выдается за решение вопроса о Белинском и Шевченко.[3] Учитываю благодетельную роль,

которую мог сыграть в обогащении сборника такой бдительный и, я бы сказал, вдумчивый редактор, как Марк великолепный,[4] но все же за кое-что отвечают и авторы. Я предпочел вовсе изъять из своего обзора писем Белинского главку об отзывах Бел<инского> о Шевченко, чем допустить извращение истины. Кстати, знаете ли вы о моей гипотезе? Если нет, — напомните при свидании. Мне бы очень хотелось послушать вашу критику.[5]

Надеюсь увидеть вас на конференции по литературоведению 28-го января.[6]

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

Ваш Юл. Оксман

P. S. К новому году я получил привет «Совет<ской> Книги»: В. В. Жданов пожаловал меня лестным упоминанием — старайтесь, мол, молодой человек. — Начальство все видит и когда-ниб<удь> «поощрит».[7]

P. S. Дорогой Николай Каллиникович, заработался в последние дни и не имел возможности отнести письма к вам на почту. А тем временем получил ваше письмо, путешествовавшее ровно две недели по Саратову в поисках адресата: вы по ошибке поставили 23 вместо «123» (точно такую же ошибку сделал в своей телеграмме Н. Л. Степанов — уж не он ли вам и адрес мой сообщал?).[8]

Бесконечно тронут вашим письмом в его первой части (пожелания к новому году). Комплиментарную часть не принимаю — не заслужил ее, а не реализованные возможности только растравливают раны — и без того не заживающие.

Все, решительно все, до последних мелочей — из того, что вы говорите сейчас о своем отношении к книжке Макогоненко, я прочел уже в вашей рецензии, хотя звучало это в значительной степени только между строк или заключалось только в интонации. Но разгадал я ваши мысли и настроения правильно — значит, материал для этого был достаточный. Помните, в «Каменном госте»: «Под этим вдовьим черным покрывалом чуть узенькую пятку я заметил» — «Довольно с вас. У вас воображенье в минуту дорисует остальное».[9] Так вот, — эта «узенькая пятка» и вдохновила меня на мысли о вас и на письмо, которое могло показаться вам совсем неожиданным. Эти «узенькие пятки», на мой взгляд, гораздо более шевелят мозги, чем «потрясающая эрудиция» Надеждиных, Сакулиных,[10] а уж тем более Белецких. Вы знаете, что я всегда очень чтил П. Н. Сакулина, а потому не думайте, что я плохо отношусь к Александру Ивановичу. Но «ученость» его не из тех, которою можно вдумчивого человека «обморочить».

[1] Русско-украинские литературные связи / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1951.

[2] В сборнике была опубликована статья Гудзия «Литература Киевской Руси в истории братских литератур» (с. 41–78). Писатель, ученый, деятель революционного движения Иван Яковлевич Франко (1856–1916) был автором ряда статей в томах «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (1890–1907), в частности статьи «Южнорусская литература» (81-й полутом, 1904). Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838–1918) — писатель, драматург, критик, педагог. Гудзий упоминает его статью «Современные литературные движения» (Правда (Часть Литературно-наукова). Львов, 1878. Т. II): «Представляя своим читателям русскую литературу от Пушкина до Льва Толстого и Достоевского в форме анекдотически-оскорбительного шаржа и умаляя безоговорочно ее ценность по сравнению с западноевропейской, Нечуй-Левицкий резко порицает русских ученых, за то, что они причисляют украинскую литературу к русской <...> Статья Нечуя-Левицкого вызвала резкий протест со стороны Ив. Франко, который в статье „Литература, ее задачи и важнейшие черты“, напечатанной в львовском демократическом журнале „Молот“ в том же 1878 году, между прочим, отрицательно отнесся к тому, что Нечуй-Левицкий зачем-то обрушился на русских историков литературы за то, что они „без стеснения“ включают памятники украинской литературы в свои курсы». Также Нечуй-Левицкий упоминается Гудзием как противник А. Н. Пыпина, выступивший против его статьи «Особая история русской литературы» (Вестник Европы. 1890. Кн. 9. Сентябрь. С. 241–274) в газете «Дело» за 1891 год под псевдонимом

«И. Баштовый» с серией статей «Украинство в литературном споре с Московщиною» (вскоре были изданы отдельной книгой). Имя Франко фигурирует в статье и в контексте его полемики с В. М. Истриным, автором серии статей под общим названием «Из области древнерусской литературы», печатавшихся в «Журнале Министерства народного просвещения» с 1903 года. Франко опубликовал в 5-й книжке «Записок Наукового товариства ім. Шевченка» за 1904 год резкую рецензию на статьи Истрина и рецензию на книгу П. В. Владимирова «Древняя русская литература киевского периода XI–XIII веков».

[3] Критика Оксмана касается опубликованной в сборнике статьи Е. П. Кирилюка (см. прим. 3 к п. 32) «Т. Г. Шевченко и русская демократическая критика 40–60-х годов» (с. 108–127).

[4] Издательским редактором упомянутого выше сборника, которого в ироническом ключе именует Оксман в письме, был литературовед, критик, специалист по творчеству Белинского и Шевченко, Марк Яковлевич Поляков (1916–2011).

[5] См., в частности: *Оксман Ю.* Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор. С. 245. Резкий отзыв Белинского о Шевченко в письме к П. В. Анненкову от 1–10 декабря 1847 года см.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. Письма 1841–1848. С. 440, 571 (комм. К. П. Богаевской).

[6] См. п. 10.

[7] Литературовед, критик Владимир Викторович Жданов (1911–1981) откликнулся на критико-библиографический обзор Оксмана «Переписка Белинского» (см. прим. 10 к п. 7), см.: *Жданов В. В.* «Литературное наследство». В. Г. Белинский. Томы 55–57 // Советская книга. 1951. № 12. С. 89.

[8] Имеется в виду п. 8. Степанов Николай Леонидович (1902–1972) — литературовед.

[9] Цитата из трагедии Пушкина «Каменный гость» (1830; сцена 1, диалог Дон Гуана и Лепорелло).

[10] По контексту с упомянутыми современниками и коллегами Оксмана маловероятно, но все-таки возможно упоминание Николая Ивановича Надеждина (1804–1856), философа, историка, этнографа, лингвиста, критика. Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, общий знакомый Оксмана, Гудзия и Пиксанова (108 его писем к Сакулину за 1911–1929 годы сохранились в фонде адресата: РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 671). В архиве Сакулина сохранилось письмо некоего Николая Прокофьевича Надеждина, архивного сотрудника, проживавшего в Гродненской губернии, но его упоминание Оксманом еще труднее предположить.

10

20/II 52 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Ваше письмо в ответ на мое блуждавшее письмо я получил в пору моего трехнедельного сидения в Киеве, куда ездил на очередную большую сессию нашей украинской Академии и где занят был всякими делами по Институту литературы и по другим инстанциям, накопившимися за время моего длительного отсутствия в Киеве.

Не доставляют мне особенного удовольствия поездки мои на Украину, где приходится заниматься не столько делами, сколько всякими поделками (не подделками), отнимающими много времени и сил и не радующи<ми> душу. Меня вот уже больше года сватали усиленно на посаду вице-президента АН УССР, но я самым категорическим образом отказывался всегда от этой славы — не только потому, что принятие такого предложения повлекло бы мой переезд в Киев, что по разным причинам не входит в мои расчеты, но и потому, что считаю себя абсолютно непригодным к административной деятельности, в чем убедился и, надеюсь, убедил других, будучи 4 года деканом сначала в ИФЛИ, а затем в МГУ.[1]

Как раз в бытность мою в Киеве украинская «Літературна газета» напечатала трехподвальную статью, направленную против А. И. Белецкого, взвалив на него обвинения, которых он не заслужил. Верхи как будто не очень одобряют этот демарш «Літ<ературни> газ<ети>», но удовольствия А. И. доставил он немного и лишний раз доказал ему, какой черной неблагодарностью способны платить люди той республики, для которой так много сделал А<лексан>др

Ив<анович>, став для нее своего рода просветителем и шефом всех, добывающих себе степени.[2] Мне совестно, что я не могу быть ему настоящим помощником по причине своего сидения в Москве и нежелания покидать ее.

А Вы ведь, кажется, во время моего отсутствия были в Москве и даже звонили мне. Уехали Вы назад, что называется, не солоно хлебавши, потому что скандальным образом сорвалось совещание по вопросам литературоведения, на которое Вы, очевидно, и приезжали. Искренно жалею, что уже не в первый раз мы «разминаемся» и что на этот раз нам не удалось свидеться.

Совершенно согласен с Вами в том, что у нас «улучшают историю», фальсифицируя отношения Белинского и Шевченко. На эту тему — в таком же направлении, но дойдя до геркулесовых столбов извращения истины, прислал для сборника об укр<аинско>-русск<их> лит<ературных> связях в свое время статью И. Я. Айзеншток, но я отверг ее по причине ее полной фантастичности.[3] Сейчас — на Украине — мы готовим второй сборник на ту же тему, значительно больший по объему.[4]

Очень интересно было бы узнать Вашу гипотезу о Белинском и Шевч<енко>, которую, надеюсь, Вы сообщите мне при нашем свидании.

Сам я сейчас работаю плохо и непродуктивно. Очевидно, устал и выдохся. Приготовил лишь главу листов в 6 печ<атных> о Толстом для вузовского учебника по литературе XIX в<ека>.[5] Гоголем совсем не занимаюсь. Отказался даже ехать к началу марта в Киев, где меня просили прочесть доклад на общем собрании АН УССР на общую тему. А Вы что делаете и как живете?

Искренний привет Вашей супруге. Обнимаю Вас.

Ваш Ник. Гудзий

[1] Еще в 1922–1929 годах, вскоре после переезда в Москву, Гудзию довелось быть профессором 2-го МГУ, Института красной профессуры (1934–1935), МИФЛИ (1934–1941); в 1941–1945 годах он был деканом филологического факультета, а в 1942–1944 годах профессором и деканом филологического факультета эвакуированного в Свердловск МГУ, в 1943–1946 годах — заведующим кафедрой фольклора филологического факультета. См.: *Артамонов Ю. А.* Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 425. Ср. в автобиографической справке: «С ноября 1941 г. по май 1943 г. находился в эвакуации в Свердловске, где преподавал в местном педагогическом институте и в Московском университете, временно эвакуировавшемся в Свердловск. С 1940 по 1944 г. состоял деканом филологического факультета — сначала в МИФЛИ, затем в МГУ» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 13. № 6. Л. 4). Из автобиографии 7 июня 1946 года: «В октябре 1941 г. я эвакуировался в Свердловск, где стал преподавать в местном Педагогическом институте. Осенью 1942 г. был переведен в Свердловск МГУ, первоначально эвакуированный в Ашхабад и включивший в свой состав ИФЛИ, в частности его филологический факультет, на котором я возобновил свою работу в качестве профессора и декана. В мае 1943 г. вернулся в Москву в связи с реэвакуацией МГУ. В настоящее время продолжаю свою работу в МГУ в качестве профессора (от обязанностей декана я по моей просьбе освобожден в октябре 1944 г.) и в Институте мировой литературы в качестве старшего научного сотрудника» (Там же. Л. 6–6 об.).

[2] [Б. п.]. За ідейну чистоту українського радянського літературознавства // Літературна газета. 1952. 17 січня. № 3. С. 2–4. В статье, которую по жанру вернее будет определить как политический донос с националистической подоплекой, имевший своей целью ни больше ни меньше как дискредитировать научное творчество Белецкого, в частности, говорилось: «Говорячи про буржуазного ліберала О. Веселовського і його „творчість“, О. Білецький вважає за потрібне підкреслити „незвичайну“ популярність його книги „Западное влияние в новой русской литературе“ і закінчує свою „крітику“ в кілька рядків тім, що, мовляв, „книга Олексія Веселовського мало повне просвітительське значення“. До того ж з статті виходить, ніби не іменами Герцена і Белінського, Чернишевського і Добролюбова характеризується вітчизняна наука про літературу до 1917 року, а іменами Пипіна і Веселовського, „школа“ якого з усією різкістю засуджена партійною критикою і громадскістю» (речь идет о статье Белецкого «Завдання радянського літературознавства в боротьбі проти схиляння перед культурою Заходу» (Рядянське літературознавство. 1948. № 9)). Заканчивалась статья следующим заявлением: «О. Білецький в ряді своїх праць дає загалом вірне розв'язання важливих питань рядянського літературознавства, але пережитки буржуазного літературознавства нерідко заважають йому бути до кінця послідовним. З ними

треба наполигливо і до кінця боротися всіма засобами нашої критики, з позіций марксизму-ленінізму відстоювати ідейну чистоту радяньского літературознавства». Благодарю сотрудников Справочной службы Отдела газет РГБ и киноведа А. Г. Иванова за сообщенные сведения.

[3] Айзеншток Иеремия Яковлевич (1900–1980) — историк русской и украинской литературы, специалист по биографии и творчеству Шевченко, Гоголя; с 1946 года преподавал в ЛГУ. В автобиографии, относящейся к 1974–1975 годам, Айзеншток упоминает в числе своих работ 1950-х годов, так и не увидевших свет (главным образом, ввиду своего большого объема), статью «Бєлінський та українська література» (*Айзеншток І.* Автобіографія. Вибрані листи (1910-і — 1920-і роки) / Упоряд., підгот. текстів та комент. С. Захаркіна. Київ, 2003. С. 23). Возможно, именно о ней идет речь.

[4] Російско-украінске літературне еднання / Под общ. ред. Н. К. Гудзия и А. И. Белецкого. Киев, 1953. Вып. 1. В этот сборник вошла статья Гудзия «Литература Киевской Руси в истории братских литератур» (см. прим. 2 к п. 9) в переводе на украинский язык.

[5] *Гудзий Н. К.* Лев Николаевич Толстой. Из курса лекций по истории русской литературы. М., 1952.

11

1/III 52 г. <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

очень мне грустно, что не застал вас в Москве. Правда, пробыл я на этот раз в ней только 8 дней и совершенно одурел от массы дел, которые все равно не успел переделать, но от попыток объять необъятное до сих пор прийти в себя не могу. Годы, видимо, начинают себя давать знать на всех участках и работы, и личного быта. Очень устаю от лекций, а, главное, после них не могу ничем путным заниматься. Хочется написать что-нибудь поинтереснее для сборника памяти Н. Л. Бродского. Я получил уже два письма от М. К. Добрынина, который меня даже поторапливает. Хочется поэтому узнать, из авторитетных источников, действительно ли этот сборник «на мази» или еще находится в стадии «благих пожеланий». Очень прошу вас быть другом и осведомить меня о положении этого сборника, так как кому же, как не вам быть в курсе этого начинания.[1]

По вашему последнему письму чувствую, что вы очень устали от Киева. Разумеется, большое счастье для вас, что отвертелись от новых «посад», но не могу согласиться с тем, что вы отрицаете всякие возможности административной работы для себя. Для больших постов вовсе не обязательна большая организационная работа — функции общего руководства и представительства — это тоже не малое дело. Но мне кажется, что Вы не созданы для киевских склок, а «потребны на важнейшее».[2] Но об этом мы с вами еще поговорим, так как имею я некоторые надежды побывать в конце апреля опять в Москве. Кстати, Н. Ф. Бельчиков мне несколько раз говорил о том, что вы тяготитесь «Совет<ской> Книгой». Ни в коем случае не уходите оттуда,[3] тем более, что вами там очень дорожат (я рекомендовал Бельч<иков>у нескольких своих учеников и товарищей по работе в Сарат<овском> унив<ерситете> для рецензирования книг по истории и литер<атур>е (Пороха, Бугаенко, Покусаева[4] и др.). Но меня самого он приглашает обычно в такой форме, что я не могу не отказаться! Это, впрочем, не мешает нашим дружеским разговорам и даже активной переписке).

Прочел вашу статью в Толстовском сборнике, но ничем эта статья меня не зажгла.[5] Но сборник полезный, я его читал внимательно, так как у меня лежат две диссертац<ионные> работы о Толстом.

Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне самый сердечный поклон.

Ваш Юл. Оксм.

[1] Сборник памяти Н. Л. Бродского не был выпущен. Оксман предложил для этого сборника статью «Проблематика крестьянской революции в работе Пушкина над первоисточниками „Капитанской дочки“» (Русская литература. 2003. № 3. С. 183; письмо Оксмана к Беркову от 21 мая 1952 года). Добрынин Михаил Кузьмич (1899–1955) — литературовед, к моменту написания письма — заведующий сектором литератур народов СССР в ИМЛИ и заведующий кафедрой литературы ГИТИС. Ему, очевидно, было поручено редактирование сборника.

[2] Цитата из повести Тынянова «Подпоручик Киже» (1928), 20-я глава, реплика императора Павла I, обращенная к графу Палену: «Дивизией погоди его обременять. Он потребен на важнейшее».

[3] Бельчиков был в 1947–1952 годах заместителем главного редактора журнала «Советская книга». В 1952 году Гудзия на посту заведующего отделом литературы и языка сменил С. М. Петров. См. п. 12.

[4] Упомянуты саратовские ученые: Порох Игорь Васильевич (1922–1999) — историк; Бугаенко Павел Андреевич (1908–1983) — литературовед; Покусаев Евграф Иванович (1909–1977) — историк литературы, в 1949–1951 годах декан филологического факультета, с 1951 года — заведующий кафедрой русской литературы. Порох и Покусаев были учениками Оксмана и Скафтымова. Покусаев активно печатал рецензии в «Советской книге», см.: [Рец. на: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. 2-е изд., доп. М., 1951. Т. 1] // Советская книга. 1952. № 1. С. 94–98; Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Там же. № 2. С. 93–99; Юбилейная литература о Гоголе // Там же. № 8. С. 82–91. См. также рецензии его коллег: *Порох И. В.* «Декабристы» // Там же. С. 97–101; *Бугаенко П. А.* А. А. Богданов. Избранное // Там же. 1951. № 10. С. 95–97.

[5] *Гудзий Н. К.* От «Романа русского помещика» к «Утру помещика» // Лев Николаевич Толстой: Сб. статей и материалов. М., 1951. С. 321–347.

12

6/IV 52 <Московская область>

Дорогой друг,

отвечаю на Ваше письмо от 1/III только сегодня в вагоне, увозящем меня в Киев для 1) участия в совещании ЦК КП (б) У<краины> по обсуждению нового макета Истории *Украины* (не украинской литературы), т. к. я состою членом правительственной комиссии по этому делу, 2) для доклада на сессии АН УССР на тему «Русско-украинские литературные связи в свете учения Ленина и Сталина по национальному вопросу». Все это на меня свалилось внезапно и доклад придется писать в Киеве, не такими раскоряками, какими пишу сейчас в трясущемся международном вагоне, трясущемся так же, как трясется международная обстановка по воле тех, кому не по душе плавное, спокойное движение к нормальному человеческому бытию.

Не писал Вам раньше, потому что был задерган паршивой суетой житейской, напрягавшей мои нервы до крайности. Пришлось, между прочим, съездить в Ленинград для того, чтобы по просьбе бюро ОЛЯ АН СССР принять участие в работе комиссии, созданной для спасения В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева от негодяя, некоего Лапицкого, непрерывно занимающегося их травлей при попустительстве многоликого Бельчикова. Все, что мог, сделал, но нервы обоих травимых, кажется, не успокоил.[1]

Не послушался Вашего совета и вчера куда следует послал категорическое заявление о своем отказе от обязанностей редактора отдела литературы и искусства в «Сов<етской> книге». Будучи изнасилован, хотя и сделал все, все возможное, чтобы смягчить и обделика<тнить> несправедливые упреки редакторам VI тома соч<инений> Гоголя — Жданову и Зайденшнур, ставши невольным соучастником нарушения авторских прав внушающего мне полное доверие по своей научной квалификации и научной честности Покусаева, и предвидя возможности дальнейших, тревожащих мою совесть компромиссов, я не чувствую себя в силах в дальнейшем руководить отделом.[2] Все это между нами. При свидании поговорим об этом. Через две недели я собираюсь

вернуться в Москву и, если Вы приедете к нам в конце апреля, мы, наконец, свидимся, чего я душевно, искренно желаю.

Ничего не могу сказать Вам о состоянии сборника памяти Н. Л. Бродского. Сегодня Д. Д. Благой сказал мне, что за последнее время о нем ничего не слыхал. Сам я еще не дал для сборника статьи. Впрочем, все, видимо, зависит от нас. Если подберется идейный материал, сборник выйдет в свет.

Мой сердечный привет Вашей супруге. Вас крепко обнимаю.

Ваш Н. Гудзий

[1] См. прим. 5 к п. 8.

[2] Речь идет о рецензии Е. И. Покусаева, посвященной разбору вышедших томов академического издания сочинений Гоголя. В ней высказано несколько конструктивных критических замечаний относительно текстологических и композиционных решений, принятых литературоведами Владимиром Александровичем Ждановым (1898–1971) и Эвелиной Ефимовной Зайденшнур (1902–1985), редакторами 6-го и 7-го томов издания (редактором 7-го тома был также В. Л. Комарович), содержащих критический текст поэмы «Мертвые души» и сопроводительные материалы к нему: *Покусаев Е. И.* Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Советская книга. 1952. № 2. С. 95, 98. С чем связана фраза Гудзия о «нарушении прав» Покусаева, установить не представляется возможным. О полемике Гудзия с Зайденшнур и Ждановым по вопросам текстологии произведений Толстого в 1960-е годы, закончившейся разрывом личных отношений, см. прим. 4 к п. 57.

13

15/II 53 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Сердечное Вам спасибо за то, что Вы в числе трех авторов прислали мне сборник статей о Белинском. А<лександ>ра Павл<овича>[1] поблагодарите особо, как поблагодарил Вас, а Е. И. Покусаеву, с которым знаком только <нрзб.>, прошу передать мою благодарность Вас.

Вы рассказывали мне содержание Вашей статьи о письме Белинского к Гоголю и открыли мне глаза на многое такое, что не могло прийти мне в голову и что, кроме Вас, никому другому в голову не приходило. Теперь Вы приобщаете к Вашим разысканиям читателя, который получит, как получил и я, очень питательную пищу от Вашей статьи. Только Ваша большущая эрудиция и знание и понимание, где и как нужно искать материалы и как следует их осмысливать, дали возможность появиться в свет такой прекрасной статье. Поздравляю Вас!

Свежа и интересна по материалу и по наблюдениям и Ваша вторая статья, с которой я успел пока ознакомиться лишь очень бегло, как и с прочими статьями сборника.[2]

Как Вам живется, дорогой друг? Я слыхал, что, с одной стороны, Вами дорожат в Саратове, с другой — ввиду того, что вовремя прозевали официально утвердить Вас в профессорском звании, Вы чуть ли не переведены на преподавательскую ставку. Так ли это? Если так, то это черт знает что такое.[3]

Сам я пребываю в каждодневной суете и в постоянном ощущении нехватки времени для того, чтобы делать что-нибудь нужное. Разрываюсь между Москвой и Киевом, и там и тут делаю утомительную, но невидную работу. Немало времени затратил на подготовку 5-го издания моего учебника,[4] а вот за небольшую книгу о Толстом никак не могу приняться вплотную.[5] На Украине редактирую ряд изданий, в том числе историю украинской литературы,[6]

которую боятся выпустить в свет, и академическое издание писем Шевченко, в которых в большом количестве попадаются такие перлы по части «москалей» и «казаков» и «казакской» мовы, что не знаешь, как со всем этим быть. Университет торопит с написанием статей по истории Московского университета[7] в связи с близящимся двухсотлетним юбилеем, бюро ОЛЯ просит выступить с развернутым докладом о работе сектора древней литературы Пушкинского дома,[8] и ко всему тому — диссертации, дипломные работы и всякое другое в том же роде. Да и жена болеет вот уже почти полгода гипертонией.

Вероятно, и у Вас не веселее, но Вы все же успеваете писать капитальные работы. Кстати в № 3 «Нов<ого> мира» появится моя (и В. А. Жданова) статья по вопросам текстологии, которая может стать casus belli с Виноградовым, да и не только с ним одним.[9]

Сердечный Вам привет. Поклон жене.

Ваш Ник. Гудзий

[1] Скафтымова.

[2] Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1952. Т. 31. Вып. филологический. В этом томе «Ученых записок», целиком посвященном Белинскому, были опубликованы уже упомянутые нами работы Оксмана (см. прим. 10 к п. 7). Здесь же была опубликована статья Скафтымова «Белинский и драматургия А. Н. Островского» (с. 49–110) и статья Покусаева «Белинский и русская журналистика» (с. 3–48).

[3] В январе 1950 года Оксмана с должности профессора кафедры русской литературы СГУ перевели на должность старшего преподавателя. В приказе № 54 от 31 января значилось: «Профессора кафедры русской литературы ОКСМАНА Ю. Г. числить с 1 января 1950 года по должности старшего преподавателя той же кафедры с окладом 3200 руб. в месяц, как имеющего ученую степень и стаж пед. работы в ВУЗ'ах свыше 10 лет, но не имеющего документа об утверждении в ученом звании. Основание: распоряжение ректора университета. Ректор Сар. гос. университета профессор, д-р П. Голубков». В 1952 году ученого с должности старшего преподавателя переводят на должность ассистента. Как следует из процитированного документа, основания для подобной травли «опального» ученого были исключительно формальные. В августе 1952 года Оксман отправился в Москву в поисках новой работы и для личной встречи с В. В. Виноградовым. Об этом своем намерении он, доведенный до отчаяния, сообщал еще в июне П. Н. Беркову, всерьез рассматривая возможность перехода даже в самые отдаленные ВУЗы, в частности — в город Фрунзе (Русская литература. 2003. № 4. С. 182). В это же время Виноградов, директор Института языкознания АН и академик-секретарь ОЛЯ АН СССР, обращается с письмом на имя министра высшего образования с просьбой перевести Оксмана из СГУ в один из филиалов Академии наук. В результате Оксман был оставлен на работе в СГУ, а в апреле 1954 года ему было возвращено ученое звание и должность профессора (утверждены ВАК при Министерстве высшего образования СССР в мае того же года). См.: *Коробова Е.* Ю. Г. Оксман в Саратове. 1947–1957 // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М., 1996. С. 145–154; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1078. Л. 5, 6; подробности этого эпизода (участие секретаря Саратовского обкома КПСС Г. А. Боркова и т. д.) проясняет также письмо Оксмана Чуковскому от 24 октября 1952 года: *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969]. С. 33–34. В этот период Оксман (как и позднее — в 1963 и 1967 годах) обсуждал с Ю. М. Лотманом и Б. Ф. Егоровым возможность переезда в Тарту для продолжения научно-исследовательской и преподавательской деятельности — от Тартуского университета поступил инициированный ими официальный запрос (см.: Лотман Ю. М., Минц З. Г. — Егоров Б. Ф. Переписка. 1954–1993 / Изд. подг. Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб., 2018. С. 283–284 (письмо Лотмана Егорову, датируемое «около 21 ноября 1967 года», и примечания к нему)). 15 октября 1952 года Оксман сообщал своему другу, историку, специалисту по истории освободительного движения, журналистики и литературной критики XIX века Борису Павловичу Козьмину (1883–1958): «...давно собирался вам написать, но хотелось это сделать после окончательного выяснения вопроса о том, остаюсь ли я в Саратове или перехожу в этом же учебном году в другой университет. В министерстве я договорился о Тарту, но оформление перевода несколько затянулось из-за того, что потребовалась особая политическая характеристика, которую ЦК Эстонии затребовал от секретаря Саратовского обкома. Это обстоятельство коренным образом изменило ход „дела“. Потребовав всякого рода материалы обо мне, наш первый секретарь в результате ознакомления с ними пришел к заключению, что работа моя в Саратове, как преподавательская, так и научно-исследовательская, оставила большой след в жизни города, очень нужна университету и имеет даже общесоюзное

значение. Поэтому он согласия на уход мой не дает, университ<етскому> начальству и отделу науки обкома ставит на вид неумение создать условия для работы „настоящих ученых“ и т. д. Я у него был два раза, просил дать согласие на перевод, благодарил за доброе мнение, указывал на то, что его решение создаст очень тяжелое положение для ректората и парт<ийной> организации университета, которые травили меня 2 года, а сейчас вынуждены будут себя публично высечь, но меня все равно постараются язвить по линии „засорения кадров“, если не в лоб, то с флангов, — но в своих стараниях я не успел» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт 46. № 62. Л. 15–15 об.). Отвечая на это письмо 28 октября 1952 года, Козьмин писал: «Мне думается, что положение Ваше теперь, после событий, о которых Вы сообщаете, должно упрочиться и оздоровиться. Во всяком случае, поддержка, которую Вы нашли, весьма серьезна. С этой стороны Вас можно поздравить. Конечно, при таких условиях настаивать на уходе нет никаких оснований: от перевода в другое место Вы можете скорее проиграть, нежели выиграть» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 575. Л. 27).

[4] История древней русской литературы: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., перераб. М., 1953.

[5] В 1953 году были опубликованы под одной обложкой две популярные лекции Гудзия о Толстом: Л. Н. Толстой — великий писатель русского народа. Лекция 1-я и 2-я. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953. Но в письме речь идет, скорее всего, о втором издании другой книги (см. прим. 5 к п. 10), вышедшей впервые в 1952 году: Лев Николаевич Толстой. 2-е изд., испр. М., 1956.

[6] Упомянут коллективный труд, вышедший под редакцией Н. К. Гудзия, А. И. Белецкого и др.: Історія української літератури. Дожовтнева література. Київ, 1954. Т. 1 (там же и тогда же вышло русскоязычное издание «Истории»). Для этого издания Гудзием была написана глава «Література древньоі Русі (до кінця XIII ст.)».

[7] См. написанные Гудзием страницы коллективного труда: История литературоведения в Московском университете в дооктябрьский период // История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 177–179, 331–334, 337, 466–470. См. также тезисы его доклада на юбилейной сессии: Изучение русской литературы в Московском университете в дооктябрьский период // Московский ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юбилейная науч. сессия, посвящ. 200-летию ун-та. 9–13 мая 1955 г. Тезисы докладов филологического факультета. М., 1955. С. 8–11.

[8] Речь идет о расширенном заседании Бюро ОЛЯ АН СССР, посвященном обсуждению печатных трудов Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, состоявшемся 7 и 8 апреля 1953 года. Подробное изложение доклада Гудзия «Об изданиях Сектора древнерусской литературы» см.: Расширенное заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное обсуждению печатных трудов Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР // Известия ОЛЯ. 1953. Т. XII. Вып. 4. С. 390–392.

[9] Упомянута статья: *Гудзий Н. К.*, *Жданов В. А.* Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232–242; casus belli (*лат.*) — повод для войны. А. Г. Гродецкая писала в связи с содержанием этой статьи: «Изложенная в новомирской статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова среди прочих проблем теория „реставрации“ текста, сторонниками которой они выступили, была вскоре подвергнута основательной критике» (*Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // Русская литература. 2012. № 3. С. 78–79).

14

4/IV <1953 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович!

До сих пор не поблагодарил вас за ваше дружеское и сердечное письмо, которое вы прислали мне под впечатлением сборника о Белинском. Все ждал выхода в свет мартовской книжки «Нов<ого> Мира», чтобы откликнуться на обещанную вами статью.[1] Март был в этом году исключительно тяжелым, перевернувшим жизнь всех нас.[2] Мой сейсмограф особенно в этом отношении чуток, хотя дальше чем на шесть-семь месяцев никогда не загадываю, живу, как «птицы небесные», — без ориентации на «завтрашний день». Самое утешительное в моем быту — твердое сознание, что хуже, конечно, не будет, а все прочее — от лукавого. «День пережил — и слава Богу!»[3] Но тот день, в который получил, наконец, задержавшуюся книжку журнала, был хорошим днем. Вашу работу читал как «стихотворение в прозе» — исключительно тонко, убе-

дительно, богато конкретным материалом! Без вас В. А. Жданов, конечно, не справился бы с той задачей, которая стояла (да и продолжает стоять) перед каждым, кто рискует взять на себя общую трактовку вопросов текстологии после прошлогодней дискуссии. Говорю об этом безапелляционно потому, что я прочел в первом семестре этого года курс «основ текстологии» (первый раз в жизни). Не успел до конца продумать все те выводы, которые наметились в связи с вашей статьей, как в речи Фадеева почувствовал возможность и некоторых оргвыводов, предвосхищающих всякую дискуссию на эти темы. Во всяком случае, беспрецедентно использование в столь ответственном выступлении, каким является речь верховного комиссара по делам литературы, не конкретного материала статьи, а тех скрытых тенденций, которые в ней якобы заложены. Хочется все-таки думать, что это гром не из тучи.[4] Не может же один Онуфриев[5] поставить на голову все то, что с такими трудностями завоевывалось советской текстологией в теч<ение> трех десятков лет. Однако текстологич<еское> совещание надо бы отложить — в ближайшие месяцы не ощущаю никакой почвы для свободной дискуссии в недрах Отд<еления> Яз<ыка> и Литературы Ак<адемии> Наук.[6]

Читаю в этом семестре курс «Истории рус<ской> критики». Когда-то читал в Ленингр<адском> унив<ерситете> историю журналистики,[7] несколько лет подряд читаю уже в Саратове спец<иальный> курс «Белинский и его время», но «Ист<ория> рус<ской> крит<ики>» — это еще сложнее сейчас, чем курс текстологии! Подводных камней — бездна, материал — необъятен, внимание слушателей обострено сверх всякой меры. Но в связи с этим курсом я прочел (и широко использовал!) вашу старую статью «Гоголь — критик Пушкина» (Чтения в общ<естве> Нестора летописца, 1914 г.). Умоляю вас вернуться к этой работе — она очень нужна и материал в ней собран очень интересный.[8] Если этого не сделаете вы сами, то, конечно, вас перепишет какой-нибудь шустрый кандидат филол<огических> наук. Разумеется, очень хотелось бы чуть взять шире — не только Пушкина, но и все то, что Гоголь говорил печатно о рус<ской> литературе. Ведь это интереснейшая страница истории рус<ской> критики, затронутая только вами. Вы же скажете и о том, о чем промолчал Гоголь в 1846 г. (напр., о Тютчеве, о декабристской лирике).[9] Так вот, видите, о чем думают старухи, когда им не спится![10] Прерываю письмо, так как принесли газету с сенсационными новостями... Прочел — и подумал о том, что безработную Л. Ф. Тимашук сейчас т. Онуфриев может пригласить на руководящую работу в Инст<итут> Мир<овой> Литер<атуры>, если Бельчиков не перехватит эту стерву в аппарат «Сов<етской> Книги».[11] Будьте здоровы и благополучны.

Весь ваш Ю. О.

Год установлен по содержанию (см. прим. 2).

[1] См. п. 13 и прим. 9 к нему.

[2] Эти слова Оксмана относятся, главным образом, к смерти Сталина 5 марта 1953 года, к предшествовавшим и к последовавшим за нею событиям.

[3] Оксман с изменениями цитирует заключительную строку (у автора: «День пережит — и слава Богу!») из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи...» ([1850]).

[4] В статье, опубликованной в «Литературной газете», А. А. Фадеев писал: «В № 3 журнала за 1953 год напечатана статья Н. Гудзия и В. Жданова, которая представляет собой замаскированную полемику с государственным требованием упорядочить издание классиков. В переиздании классиков дело дошло до полного произвола со стороны ученых редакторов. Вносились различные поправки на основании всяких псевдонаучных заключений — из других вариантов, из первоначальных рукописей. Неким ученым редактором было даже предложено переиздать роман „Анна Каренина“ по первоначальной рукописи. Это, в конце концов, привело бы к тому, что исказили и растащили бы по частям всю классику, наше национальное достояние. Формально в статье Н. Гудзия и В. Жданова признается, что переиздаваться должен текст последнего прижизненного издания, но дальше статья наполнена ложными наукообразными предложениями, которые по существу ревизуют государственные указания» (*Фадеев А.* Некоторые вопросы

работы Союза писателей // Литературная газета. 1953. 28 марта. № 38. С. 3). Говоря о «прошлогодней дискуссии», Оксман имеет в виду полемику в печати по проблемам издания произведений писателей-классиков — статьи участников дискуссии публиковались на страницах газеты «Правда» и «Литературной газеты», а также журнала «Советская книга» с января 1952 года по апрель 1953 года, см.: *Афиани В. Ю.* Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской науч. конф., г. Москва, Архив РАН — РГГУ, 25 июня 2019 г. / Отв. ред. В. П. Козлов; отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2019. С. 49–53, 60–61.

[5] Онуфриев Николай Михайлович (1900–1960) — литературовед, к моменту написания письма — заместитель директора ИМЛИ, автор популярных очерков жизни и творчества Гоголя, опубликованных в 1952 году — «Н. В. Гоголь: Критико-биографический очерк» и «Реализм Н. В. Гоголя». Не имея ни малейшего авторитета в научном сообществе, Онуфриев, пользуясь в своих интересах политической ситуацией в стране, позволял себе критические отзывы об образцовых публикациях. В 1951 году в рецензии на три тома академической серии «Литературное наследство», посвященных Белинскому (*Онуфриев Н.* Изучение литературного наследства Белинского // Новый мир. 1951. № 9. С. 217–222), он утверждал, что статьям М. К. Азадовского и Л. Я. Гинзбург, опубликованным в томах, «свойственна пестрота исходных методологических принципов, разноголосица в трактовке важнейших вопросов наследия Белинского, ошибки в истолковании взглядов великого критика». В письме также подразумевается статья, написанная Онуфриевым в соавторстве и напечатанная в журнале «Советская книга» (см. прим. 1 к п. 15).

[6] Всесоюзное совещание по вопросам текстологии, организованное Институтом мировой литературы совместно с Пушкинским Домом, прошло в Москве год спустя, 10–13 мая 1954 года. В нем приняли участие: с основными докладами — В. С. Нечаева и Д. Д. Благой (см.: Совещание по вопросам текстологии. Тезисы докладов. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Акад. наук СССР. Установление канонических текстов литературных произведений. Д-р филол. наук В. С. Нечаева. Типы советских изданий писателей-классиков. Чл.-корр. Акад. наук СССР Д. Д. Благой. М., 1954), с докладами и сообщениями при обсуждении и в прениях — М. П. Алексеев, Н. К. Гудзий, Б. В. Томашевский, Б. П. Козьмин, П. Н. Берков, И. Л. Андроников, А. Б. Шапиро, Б. С. Мейлах, Б. В. Михайловский. См. официальный отчет: Совещание по вопросам текстологии // Известия ОЛЯ. 1954. Т. XIII. Вып. 4. С. 392–396. Полная стенограмма: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 326–330. Выступление Оксмана с докладом состоялось 12 мая (см. прим. 6 к п. 19).

[7] В ЛГУ Оксман преподавал в должности доцента, а позднее профессора кафедры архивоведения и литературного источниковедения в 1923–1929 годах.

[8] *Гудзий Н. К.* Гоголь — критик Пушкина // Чтения Исторического общества Нестора-летописца. Киев, 1914. Кн. XXIV. Вып. 1. Отд. 2. С. 3–40. Это был последний год выпуска сборников материалов «Чтений».

[9] Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, а именно о главе X «О лиризме наших поэтов (Письмо к В. А. Ж.....му)» и о главе XXXI «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Кроме того, Оксман, называя 1846 год, мог иметь в виду и статью Гоголя «О „Современнике“».

[10] Оксман с изменениями цитирует название стихотворения Н. А. Некрасова «Что думает старуха, когда ей не спится» (1862–1863).

[11] Тимашук Лидия Феодосьевна (1898–1983) — врач-кардиолог, заведующая отделением функциональной диагностики Кремлевского лечебно-санитарного управления, автор письма в ЦК ВКП (б), использованного в качестве формального подкрепления сфабрикованного политического обвинения по печально известному «Делу врачей». 4 апреля 1953 года в газете «Правда» было опубликовано «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» о проверке «всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвиненных во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства». В сообщении, в частности, говорилось: «Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными».

15

24/IV 53 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич!

Сердечное Вам спасибо за Ваш похвальный отзыв о моей и Жданова статье. Ваше суждение, как авторитетного и многоопытного текстолога, мне особенно дорого, хотя, правду говоря, в статье нет никаких открытий и изо-

бретений и высказаны в ней элементарные, азбучные истины. Вы знаете всю предысторию нашего текстологического выступления и больше, чем другие, понимаете подкладку тех выпадов против двух авторов, которые не ограничиваются выступлением Фадеева, а имели печатное продолжение в «Сов<етской> книге» (Онуфриев) и в «Правде» (С. Петров).[1] Ни меня, никого вообще эти выступления не взволновали; напротив, я только слыхал сочувственные отклики на статью, но стыдно то, что русский писатель обнаруживает (не в первый раз) такое самоуверенное невежество и прибегает к аргументам типа «quos ego». Следом за ним идут лица, которые читали Пушкина, Грибоедова, Гоголя и делают вид, что усвоили их уроки добропорядочности и самоуважения. Ну, наплевать на все это. Я и мой соавтор обратились с письмом в авторитетные инстанции с просьбой разъяснить нам, в чем мы неправы, и с указанием на то, как извратили наши оппоненты смысл и существо нашей статьи.[2]

Спасибо Вам и за похвалу моей юношеской статьи «Гоголь — критик Пушкина». Едва ли мне удастся вернуться к теме и к статье, имеющей сорокалетнюю давность! Мне нужно было бы заняться по-настоящему Толстым и некоторыми вопросами древнерусской литературы, но и для этого положительно нет времени. Много его отнимает у меня университет, для которого, помимо педагогической работы, нужно писать статьи по истории изучения в Моск<овском> У<ниверсите>те русской литературы (в связи с близящимся юбилеем МГУ). Немало сил отнимает у меня и Украина. Вы не представляете себе, сколь головоломной задачей является написание и редактирование курса истории украинской литературы. Мы все еще не выходим из состояния макетности. На несколько макетов было много десятков отзывов и отдельных лиц, и коллективов, и комиссий, вплоть до Комиссии ЦК КП Украины. Сейчас продолжаем штопку курса, для чего мне приходится выезжать в Киев и для чего там придется провести еще, как и в прошлом году, часть лета, чтобы завершить дело (я фактически являюсь руководящим редактором).

Что же касается расширения темы статьи о Гоголе-критике, то не о всем так легко тут говорить, как об оценках Гоголем Пушкина. В ряде высказываний Гоголя (о Державине, Языкове и др.) есть много такого, что перекликается с другими статьями «Переписки с друзьями».[3]

Как Вам живется теперь? Как обставлены Вы материально? Форсируете ли Ваше юридическое оформление?[4] Как здоровье?

Мне нужно было бы уйти на пенсию, чтобы иметь возможность работать, но не хватает духу заявить об этом своем законном желании. На факультете у нас до 4-го апреля обстановка в известном смысле была не очень здоровая.[5] Не знаю, как будет дальше.

Шлю Вам сердечный и дружеский привет. Жене прошу кланяться. Когда будете в Москве? Очень хотелось бы с Вами повидаться.

Ваш Н. Гудзий

[1] *Онуфриев Н. М., Гайденков Н. М., Григорьян К. Н.* Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков // Советская книга. 1953. № 3. С. 95–108; *Петров С.* За научное издание сочинений В. Маяковского // Правда. 1953. 14 апр. № 104. С. 3. Во второй статье, содержащей критику Собрания сочинений В. В. Маяковского в 12 томах (М., 1939–1949), в частности, — редакторской работы В. А. Катаняна, среди прочего отмечалось: «Нарушая волю писателя, некоторые редакторы и текстологи печатают его произведения, не считаясь с последним, одобренным самим автором прижизненным изданием. Они подготавливают к печати текст по собственному усмотрению из различных рукописных и первопечатных редакций и вариантов. Подобная порочная практика в издании сочинений классиков должна быть решительно осуждена. Между тем у нее находятся защитники. В № 3 журнала „Новый мир“ опубликована статья Н. К. Гудзия и В. А. Жданова „Вопросы текстологии“, являющаяся по существу попыткой теоретически обосновать редакторский произвол в издании сочинений классиков. Вместо того, чтобы привести и раскритиковать многочисленные факты такого рода, авторы статьи открыли огонь в другом

направлении, провозглашая необходимость „реставрировать подлинный текст литературного памятника“ по автографам, спискам переписчиков, первоначальным публикациям и т. п.».

[2] Речь идет о письме Г. М. Маленкову, проект которого был подготовлен Ждановым в конце марта 1953 года. Обстоятельства его возникновения позволяют прояснить письма Жданова к Гудзию. Из письма от 27 марта 1953 года, написанного вскоре после выхода статьи в «Новом мире»: «Я и сейчас не жалею о нашей статье, но мне кажется, что бездеятельность может все дело погубить. Ясно, что они, так бодро выступая, имеют солидную поддержку. Принятая сектором статья поступила на утверждение Ин<ститу>та (его дирекции). Очевидно, они хотят выступить как учреждение. С. М. Бонди сказал мне, что на днях на президиуме Союза писат<елей> резко против выступил Фадеев. Это ведь оч<ень> серьезно. Если в „Правде“ появится ответ (это мое предположение, я ничего об этом не слыхал), трудно будет воевать. По-моему, следовало бы обратиться в директивн<ую> инстанцию к новым людям, к<отор>ые по-новому посмотрят на дело» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 25. № 19. Л. 23–23 об.). Из письма от 28 марта: «Вчера <...> Ю. А. Шапорин спрашивал К. А. Федина, как ему понравилась статья. Федин сказал, что доводы статьи *неопровержимы*! От всех я слышу буквально восторженные отзывы, некоторые перечитывали ее два раза, и тем возмутительнее та блокада, тот аракчеевский режим, к<отор>ый стремятся около нее создать. Я уверен, что обращение к руководящим лицам могло бы сразу изменить положение» (л. 26–26 об.). Наконец, при письме от 29 марта Жданов пересылает Гудзию проект письма Маленкову: «Я все-таки посылаю Вам проект. <...> Чем больше будет высказано обвинений, как бы нелепы они ни были, тем труднее будет оспаривать их. Если же Вы остаетесь при прежнем мнении, этот проект даст Вам возможность обдумать письмо в его окончательном виде <...> Меня все время поражает совпадение дат. Как раз в эти дни в прошлом году (и несколько раньше в позапрошлом году) мы переживали волнения с текстологией. И потому лишь в какой-то мере победили, что все были единодушны. Как будто и теперь общественность на нашей стороне» (л. 32–32 об., 33). В тексте проекта письма говорилось: «В докладе А. А. Фадеева, опубликованном в „Литературной газете“ № 38, подвергнута резкой критике наша статья „Вопросы текстологии“ («Новый мир», № 3). А. А. Фадеев заявил, что статья эта является „замаскированной полемикой с государственным требованием упорядочить издание классиков“. Такое тяжелое обвинение и побуждает нас обратиться к Вам, как к главе правительства, с просьбой снять с нас это ни на чем не основанное подозрение, компрометирующее нас, как граждан советского государства. Прежде всего, никаких специальных новых государственных требований, касающихся изданий классиков и меняющих существующие установки, не было обнародовано. Какую же полемику можно иметь в виду? Кроме того, никаких „наукообразных предложений, которые по существу ревизуют государственные указания“, в нашей статье тоже нет. Она призывает лишь к укреплению тех текстологических норм, которые до сего времени не отвергнуты ни одним правительственным указанием и на основе которых проводится академическая работа (проверка окончательного текста по рукописям), выдвинутая как принцип А. М. Горьким... <...> А. А. Фадеев, выдвигающий против нас столь тяжкие обвинения, сам и в прошлом одобрял и теперь продолжает утверждать к печати тома сочинений Л. Н. Толстого, подготовленные по этому самому методу, не один раз поясненному в этом издании. Только запальчивостью можно объяснить чрезвычайно странное утверждение А. А. Фадеева о какой-то попытке переиздать „Анну Каренину“ „по первоначальной рукописи“. <...> Утверждение А. А. Фадеева ставит его в неловкое положение, а главное, свидетельствует об очень тяжелых условиях, в которых находятся некоторые работники, занятые изучением текстов классиков. Им созданы условия тягчайшего аракчеевского режима. Это проявилось уже в прошлом году и снова обострилось теперь в связи с нашей статьей. В засекреченном порядке, без приглашения авторов и специалистов наша статья обсуждалась в Институте мировой литературы, и если появится в печати ответ на нее от имени Института, вряд ли кто-либо заподозрит, в каких неестественных условиях он рождался. Точно так же втайне от нас обсуждалась статья на заседании президиума ССП, хотя один из нас является членом ССП. <...> Одно из основных требований для преуспевания науки — свободная дискуссия — грубо попирается в данном вопросе. Мы решительно заявляем, что ничего нового в области текстологии не предлагаем, а призываем к обобщению опыта, к осторожности, к самому тщательному изучению всех литературных документов» (л. 29–30).

[3] См. прим. 8 и 9 к п. 14.

[4] Имеется в виду необходимость скорейшей реабилитации Оксмана. 20 ноября 1957 года он писал генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко: «Судимость с меня была снята указом об амнистии 1953 г. Полагая, что снятие судимости полностью обеспечивает мои права, как человека и гражданина, я не ходатайствовал о реабилитации. Однако избрание меня по конкурсу старшим научным сотрудником Института Мировой Литературы и необходимость моего переезда в Москву, а также восстановления в Союзе Советских писателей выявили необходимость представления документа о реабилитации. Поэтому ходатайствую перед вами, тов. Верховный прокурор, о пересмотре моих „дел“ в Особом совещании при НКВД от середины июня 1937 г. и в Военном трибунале войск НКВД при Дальстрое от 18 марта 1942 г., поскольку оба эти „дела“ и приговоры по ним являются грубым проявлением беззакония той поры». 22 февраля 1958 года

Оксман получил справку из Магаданского областного суда о реабилитации его по делу 1942 года, а 7 октября — справку из Министерства юстиции РСФСР о реабилитации по делу 1937 года (*Фролов М.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». С. 471–472).

[5] См. прим. 11 к п. 14.

16

18/V 53 <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

приехав из Москвы, застал у себя на письменном столе ваше письмо. В Москве пробыл неделю, не столько по делам, сколько желая своими глазами посмотреть весеннюю столицу и получить зарядку хотя бы на ближайшие месяцы. Был, конечно, и в Переделкине, где от Корнея Ивановича[1] узнал, что и вы разбили свои летние шатры в кругу многих наших общих друзей и знакомых. Я чуть было и сам не стал переделкинцем, сняв комнату с балконом у вокзального мостика. Даже задаток дал, но так как и жена моя решила отдыхать в этом году под Москвою, то пришлось снять настоящую дачу в Подрезкове, а моя комната остается пока в резерве. Но, разумеется, рассчитываю бывать в Переделкине часто, а потому откладываю до свидания с вами и разговоры, не умещающиеся в рамки письма. Очень был труден для меня и этот год, и предыдущий. По совести говоря, на Колыме было морально, а под конец и материально — много легче, чем в Саратове. Среди чукчей, нищих и обездоленных, вшивых и безграмотных, было гораздо более подлинно интеллигентных людей, чем среди саратовских профессоров и доцентов, больше похожих на фашистских полицаев, чем на русских ученых.* В конце концов я вышел «победителем» из боев с ними, но навсегда, вероятно, утратил вкус и к работе, и к борьбе, и даже к людям: «Скучно на этом свете, господа!»[2] Бельчиковы, Онуфриевы и Мейлахи блаженствуют на свете...[3]

Поездка в Москву меня не столько утешила, сколько разболтала. До сих пор не могу прийти в себя, ничего не делаю сверх обязательных лекций и экзаменов, перечитываю Л. Н. Толстого и перебираю старые бумаги. Весна в этом году у нас чудесная — бурно разлилась Волга, буйно цветет сирень. Боже мой, какая отвратительная вещь старость! «Лишь юности и красоты поклонником быть должен гений».[4] Но ведь мало быть только «поклонником»! Ученикам Маркса, Энгельса, Ленина не может импонировать созерцательный фейербаховский материализм. Мы за диалектику, — не знаю как вы! Предвкушаю удовольствие от встреч с вами в Переделкине. Сердечный привет Татьяне Львовне.

Ваш Ю. О.

* Я имею в виду заправил, а не скромных филологов и историков!

[1] Чуковского. В письме Оксмана Л. К. Чуковской от 15 октября 1954 года содержится такая выразительная характеристика: «Он, конечно, самый замечательный и самый современный из всех русских писателей, доживших до 1954 г. Самый интересный во всяком случае...» (*Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970). С. 149).

[2] Цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) Н. В. Гоголя.

[3] Парафраз реплики Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824; действие 4, явление 13).

[4] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «To Dawe, Esqr.» (1828).

17

Дорогой
Николай Каллиникович,

наша встреча в Переделкине, на которую я очень рассчитывал, не состоялась. Мы с женою приехали в Переделкино на 20 и 21 августа (кажется, не ошибаюсь в числах). Первый день прогостили у Кавериных, повидались с Чуковскими, а второй день хотели посвятить вам и Андрониковым. Послали к вам девушку условиться о часах встречи, но узнали, что вы в Москве, на совещании каком-то по Толстовскому юбилею.[1] А 24-го нам пришлось уже садиться в Саратовский поезд. Так мы и не закончили нашего короткого первого разговора (на след<ующее> утро поднялся проливной дождь и мы сбежали из Переделкина на первой случайной машине, не успев даже предупредить своих хозяев об отъезде). А поговорить хотелось о многом — я был в Абрамцеве у Виноградовых,[2] потом у нас был дважды Бельчиков, затем меня приглашали в Инст<итут> Мировой Литер<атуры> по поводу предстоящей текстологич<еской> конференции[3] и т. д. и т. п.

Посылаю вам автореферат моей заочной аспирантки Э. Н. Аламдаровой.[4] Девица способная и знающая, но устроиться ей удалось только в Сураж. Ваше отчество она переврала — не сердитесь на нее!

Будьте здоровы!

Сердечный привет Татьяне Львовне.

Ваш Юл. Оксман

28/VIII <1953 года. Саратов>

Год установлен по содержанию и по сопоставлению с датой и содержанием следующего письма.

[1] Вероятно, имеется в виду расширенное научное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого в Академии художеств СССР, поскольку основная часть торжественных мероприятий была запланирована и состоялась уже в следующем месяце: 8 сентября — торжественное заседание Ученого совета ИМЛИ, 9 сентября — заседание в Колонном зале Дома Союзов (на этом заседании Гудзий выступил с докладом «Великий русский писатель Л. Н. Толстой», см. следующее письмо), 10 и 11 сентября — объединенное заседание Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук АН СССР, 12 и 13 сентября — научная сессия, посвященная Толстому, в ИРЛИ.

[2] У лингвиста, литературоведа В. В. Виноградова и его жены, пианистки, педагога-вокалистки Надежды Матвеевны Малышевой-Виноградовой (1897–1990). В Абрамцеве им принадлежала дача № 8, которую Виноградов получил вскоре после его избрания в действительные члены АН СССР в 1946 году (Поселок академиков Абрамцево: Сб. воспоминаний жителей поселка. М., 2014. С. 23).

[3] См. прим. 6 к п. 14 и прим. 6 к п. 19.

[4] *Аламдарова Э. Н.* Путь К. А. Тренева к социалистическому реализму. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952 (защита диссертации состоялась в марте 1953 года в МГПИ им. В. И. Ленина). Эламдарова Элеонора Никитична (1923–1993) — литературовед, специалист по русской литературе XX века, преподавала в Астраханском государственном педагогическом институте.

18

7/IX 53 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Сегодня мне передали от К. И. Чуковского Ваше письмо и автореферат Вашей аспирантки. При случае поблагодарите ее за внимание.[1]

Очень жалею, что не повидался с Вами и с Вашей супругой как следует в Переделкино. Я до бесчувствия замучен Толстым. Как-нибудь расскажу Вам, как писалась, редактировалась моя статья в одном ответственном журнале и как создавали ее язык. 9-го выступаю в Колон<ном> зале, затем в Ясной Поляне и Туле, затем в Киеве.[2]

Сердечный привет супруге и Вам.

Ваш Н. Гудзий

[1] См. прим. 4 к п. 17.

[2] На торжественных заседаниях, посвященных 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. О какой именно статье Гудзия идет речь, не вполне ясно — всего в течение 1953 года им было опубликовано семь юбилейных статей, в том числе — на английском, французском и украинском языках (Библиография трудов Н. К. Гудзия. С. 170–171).

19

24/II 54 г. <Саратов>

Дорогой
Николай Каллиникович,

спасибо большое за память — с большим интересом перелистал новое издание вашего учебника «Ист<ория> древней литературы»,[1] лучшего, конечно, из всех учебников, которые были созданы по литературе (разумеется, не только древней) за весь советский период нашей истории. Позавидовал Татьяне Мих<айловне> Акимовой, которой пришлось отдать вашу лекцию «Л. Н. Толстой». Надеюсь у вас выклянчить ее в Москве, если не достану на складе «Знания»: в Саратове эта брошюра так и не появилась.[2]

Не писал вам только потому, что с месяца на месяц откладывается текстол<огическое> совещание, на котором обязательно хочу быть и с которым невольно связывается поездка в середине учеб<ного> года в Москву. Очень рассчитываю «поговорить» на этом совещании о новейших так называемых академических изданиях наших классиков, не уступающих ни в чем только... массовым однотомникам. Так, напр<имер>, новое изд<ание> Белинского, при сравнении, оказалось лишь немногим *хуже* трехтомника, сколоченного под фирмой полупокойного Головенченко.[3] Я имею в виду не только высоту теорет<ического> и истор<ического> уровня комментат<орского> аппарата, но даже *масштабы* последнего. А тексты? Даже «Лит<ературные> Мечт<ания>», имеющие только один первоисточник текста — печат<ную> пуб<ликацию> в «Молве» — усечены впервые за 90 лет! Отдел «иных редакций и вариантов» вообще упразднен, а в отдел примечаний въехал на белом коне наш общий друг Н. Ф. Бельчиков и решительно уже «упразднил науку», как таковую! Знаете ли вы, что по особой инструкции для участников этого «издания» советские исследователи Белинского были вообще изъяты из употребления (за исключением умерших), а потому составители томов (в этом отношении особую рьяность проявила почтеннейшая Вера Степановна[4]) освободили себя от обязанности читать даже «Лит<ературное> Насл<едство>».[5] Представляете себе, что получилось, т. е. какая степень архаики в аппарате! А ошибок конкретных я насчитал в среднем от 3 до 5 на каждую комментируемую статью.[6] Надеялся хорошо рассмешить участников совещания, но выход в свет шестого тома «Мейлах и его современники», выдаваемого подписчикам вместо акад<емической> «Ист<ории> рус<ской> лит<ературы>»,[7] побил все рекорды невежества, глупости и нахальства.[8]

Надеюсь, что вы здоровы и благополучны!

Ваш Юл. Оксман

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

[1] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., перераб. М., 1953.

[2] См. прим. 5 к п. 13.

[3] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М., 1948. Выход этого трехтомника, рассчитанного на широкую читательскую аудиторию, был приурочен к 100-летию со дня кончины Белинского. О Ф. М. Головенченко см. прим. 4 к п. 32.

[4] Н. Ф. Бельчиков был главным редактором академического Полного собрания сочинений В. Г. Белинского в 13 томах (М., 1953–1959). В письме Оксман цитирует «Историю одного города» (1869–1870) М. Е. Салтыкова-Щедрина, а именно характеристику майора Архистратига Стратилатовича Перехват-Залихватского из «Описи градоначальникам»: «Въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Нечаева Вера Степановна (1895–1979) — историк литературы, текстолог, специалист по творчеству В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского, с 1952 года — заведующая сектором текстологии ИМЛИ, входила в состав редколлегии издания, готовила тексты и комментировала целый ряд сочинений критика. Текст «Литературных мечтаний», включенный в первый том собрания, подготовил и комментарии к нему составил В. С. Спиридонов.

[5] Лит. наследство. М., 1948–1951. Т. 55–57. В. Г. Белинский. [Кн. 1–3].

[6] Подробнее об издании, его обсуждении, а также стенограмму выступления Оксмана на Всесоюзном текстологическом совещании, содержавшего и конкретные замечания к вышедшим томам, см.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана. С. 387–390, 399–409. В декабре 1953 года Оксман писал Б. Я. Бухштабу о том, что им был подготовлен «текстологический, источниковедческий и историко-литературный разбор» академического собрания сочинений Белинского, который он, до его публичного обсуждения, не считал возможным опубликовать. Критика издания содержится также в письмах М. К. Азадовскому от 15 ноября и П. Н. Беркову от 31 декабря 1953 года (*Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954. С. 342–343; Русская литература. 2003. № 4. С. 203, 205). 6 мая 1954 года, незадолго до начала совещания, Оксман выступил на Ученом совете ИРЛИ с докладом «Об ошибках, допущенных в академическом издании Полного собрания сочинений Белинского», а 21–22 декабря принял участие в сессии редакционной коллегии издания (*Оксман Ю. Г.* Отчеты о научно-исследовательской работе за 1954–1963 годы // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1090. Л. 5).

[7] История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х годов (редколлегия тома: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах (отв. ред.)).

[8] Ср. в письме И. Г. Ямпольскому от 12 января 1954 года: «...в очередном томе издания „Мейлах и его современники“ (бывшая акад<емическая> «Ист<ория> рус<ской> лит<ературы>», т<ом> VI) <...> из статей изъяты какие бы то ни было сведения не только о моих *исследованиях*, но и о моих *публикациях* — документов, текстов, мемуаров. <...> искажены статьи В. В. Гиппиуса, Н. И. Мордовченко, Д. П. Якубовича. Надеюсь, что этот том все-таки вызовет протесты» (Русская литература. 2003. № 4. С. 208). Ямпольский Исаак Григорьевич (1903–1991) — историк литературы, текстолог, библиограф.

20

15/X <1954 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

несколько раз собирался вам писать этим летом, но, не зная вашего летнего адреса, так и не сделал этого. В конце июня вам звонил, но вас дома не оказалось, а Татьяна Львовна была, видимо, в таком настроении, что я не рискнул лишний раз ее беспокоить*. Жили мы под Москвою, в Подрезкове, до 15 сентября. Жили скучновато, но отдохнули хорошо. Никогда в жизни я так долго не бездельничал. Но на будущий год надо придумать какие-то более эффективные методы использования лета. Хочется мне посмотреть Калининградские места, старый Кенигсберг, а для этого придется пожить где-нибудь

в Прибалтике, чтобы проще было с машиной. Мы еще не Степановы (чуть было не написал — «Мы не греки и не римляне»[1]), а тем более не Благие, а потому и вопрос о машине как-то воздействует на решение географических проблем в советских хотя бы масштабах.

Из Москвы я писал своим саратовским друзьям, чтобы вам своевременно выслали том трудов нашей кафедры, посвященный предстоящему Съезду писателей. Несмотря на то, что сам я ничего в этом томе не напечатал, но стоил он мне гораздо больше и времени, и энергии, чем самая трудная собственная статья.[2] И не только потому, что в этом томе печатались статьи моих учениц, но и оттого, что на меня свалилась вся редакторская работа из-за полного абсентеизма А. П. Скафтымова, отсутствия Е. И. Покусаева[3] и беспомощности в издательских делах прочих коллег. Разумеется, никто этого не оценит, никому наш сборник не нужен (кроме авторов включенных в него статей), никто его не отметит, но «долг прежде всего» — нужно честно делать то дело, к которому мы приставлены, не взирая на лица (а тем более свиные рыла) наших уважаемых «власть имущих» товарищей и коллег.

Вы, конечно, помните, что в первых числах ноября должен быть отмечен юбилей А. И. Белецкого.[4] Мне очень бы хотелось, чтобы наш университет как-то откликнулся на эту дату, а потому прошу вас держать меня в курсе всего того, что предполагается в связи с этим юбилеем в Киеве. Не думаю, чтобы чествование носило государственный характер (то ли дело В. В. Виноградов![5]), но для меня это и не обязательно.

В конце октября у нас состоится защита диссертации М. П. Громова «Становление реализма Л. Н. Толстого». Мне придется быть оппонентом, так как я хотел помочь этому юноше и обещал ему ускоренную защиту в Саратове, рассчитывая на А. П. Скафтымова, а последний не захотел даже взглянуть на работу. Вот и попал я как «кур во щи»! Очень меня интересует ваше мнение и об этой диссертации, и об ее авторе.[6]

Чувствую я себя плоховато, т. е. далеко не так, как обязаны себя чувствовать люди нашего возраста после четырехмесячного легкого быта и дачного отдыха (в этом году я с 1 мая по 15 сентября числился то в командировке, то в отпуске). Работоспособность — ничтожная, продуктивности — никакой. Конечно, дело не в одном диабете, а и в «настроениях», мешающих нормальному жизнеощущению.[7] Ну, а вы, дорогой друг, как функционируете?

Сердечный привет Татьяне Львовне и вам и от Ант<онины> Петровны и меня.

Ваш Юл. Окс.

* В этих строках нет и тени упрека. Я ведь очень чту Татьяну Львовну и знаю, как ее надо сейчас беречь.

Год устанавливается по почтовому штемпелю отправления на конверте: «17.10.54. Саратов».

[1] Цитата из «богатырской сказки» Карамзина «Илья Муромец» (1794).

[2] Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1954. Т. 41. Вып. филолологический. В книгу вошли статьи и публикации Е. П. Никитиной, Т. М. Акимовой, П. А. Бугаенко, А. А. Жук, В. К. Архангельской, О. Ф. Карпаковой, А. П. Медведева, И. А. Соловьевой, Р. А. Резник, И. А. Хаскиной, С. К. Шмелевой, посвященные А. Т. Твардовскому, М. В. Исаковскому, А. П. Чапыгину, Ф. В. Гладкову, К. А. Федину, К. А. Треневу, А. А. Фадееву, Г. Е. Николаевой, Ги де Мопассану, М. Пуймановой и Г. Фасту. Оксман был членом редколлегии этого сборника.

[3] С августа 1953 года А. П. Скафтымов подавал заявления об уходе из СГУ, 19 сентября 1954 года он писал Оксману: «Мое положение по-прежнему остается нелепым. Я настаиваю, чтобы меня уволили на пенсию. А там пока все „думают“». Просьбы Скафтымова были удовлетворены лишь в сентябре 1955 года. Отсутствие Покусаева в Саратове было связано с тем, что 1 марта 1954 года он стал докторантом ИРЛИ, работал над докторской диссертацией «Идейно-творческий путь Салтыкова-Щедрина в шестидесятые и семидесятые годы» (защита состоялась

в 1957 году) и сталкивался с необходимостью регулярных отъездов в Ленинград (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 262, 263, 264–265, 266–267).

[4] 2 ноября 1954 года А. И. Белецкому исполнилось 70 лет. Гудзий откликнулся на эту дату тремя статьями: Видатний вчений-патріот // Радянська Україна. 1954. 2 нояб.; Александр Иванович Белецкий (К 70-летию со дня рождения) // Известия ОЛЯ. 1954. Т. 13. Вып. 5. С. 464–468; Олександр Іванович Білецький (До 70-річчя з дня нарождення) // Література в школі. 1954. № 6. С. 86–90. В архиве Гудзия сохранились 148 писем и 12 телеграмм Белецкого за 1917–1961 годы (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 17. № 2–7). 18 февраля 1955 года Белецкий поздравлял Оксмана с юбилеем, и это письмо будет не лишним процитировать для понимания истории их взаимоотношений, а также для характеристики личных качеств Белецкого: «Это письмо придет уже после Вашего юбилея, но мне хочется еще раз приветствовать Вас, моего младшего современника (не понимаю, как это случилось, что Вам уже шестьдесят лет! Credo quia absurdum), вспомнить о нашей встрече в Одессе (1924?), о том, как Вы хотели перевести меня в Ленинград, в „Пушкинский дом“, и о том, как в нашу последнюю встречу Вы сказали, что воспринимаете меня не так, как прежде — и (не помню точно Ваших слов), что Вы освободились от существовавших у Вас на мой счет предубеждений <…> После статей „В мастерской художника слова“ и статьи „Проблема синтеза в литературоведении“ (Харьков, 1941) мне почти не приходится высказываться по интересующим меня вопросам в печати: я — „сказитель“, опозоренный безграмотными стенограммами; но и в 70 лет я все еще думаю, что мне удастся когда-нибудь прозвучать всенародно (о наивность!)» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 298. Л. 1, 1 об.). Упомянутая Белецким встреча в Одессе могла состояться не позднее 1923 года — следующие 13 лет жизни и работы Оксмана были связаны с Ленинградом. В письме Белецкий говорит о следующих своих работах: В мастерской художника слова // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1923. Т. 8. С. 87–277; В мастерской литературного слова // Учительская газета. 1939. 7 сент.; Проблема синтеза в литературоведении // Учені записки Харківського державного університету. 1940. Т. 19. С. 327–341. Ср. в письме Белецкого Оксману от 22 июля 1958 года: «…я готов — со стороны — оценить этого дилетанта, украинского „просветителя“, обладавшего, быть может, даже задатками ученого — к сожалению, усохшими или полузаглохшими к 30-ым годам» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 298. Л. 8).

[5] Речь идет о приближающемся 60-летии В. В. Виноградова, отмечавшемся в январе 1955 года торжественными заседаниями в АН СССР и МГУ. Юбилей его отмечался также в Доме ученых в Москве 11 января 1955 года, о чем К. И. Чуковский сообщал Оксману 12 апреля 1955 года: «Я был на чествовании Виноградова, и оно отшатнуло меня своей казенностью, банальностью, чопорностью» (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969]. С. 69, 70 (комм. А. Л. Гришунина)).

[6] Громов Михаил Петрович (1927–1990) — литературовед, специалист по биографии и творчеству А. П. Чехова и Л. Н. Толстого; до 1954 года жил в Ростове-на-Дону. См.: *Громов М. П.* Становление реализма Льва Толстого (1847–1856). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1954. После защиты диссертации (28 октября 1954 года в СГУ) в течение десяти лет преподавал в Новочеркасском и Таганрогском педагогических институтах. Впоследствии, с 1964 года — преподаватель, в 1967–1977 годах — доцент Московского полиграфического института. Одновременно, в 1964–1987 годах читал лекции на филологическом факультете МГУ (без зачисления в штат). В самом начале февраля 1954 года (датируется по штемпелю получения на конверте: «9.2.54. Саратов») Громов писал Оксману о своей диссертации: «…работа не совсем еще закончена. Нужно перерабатывать вторую и третью главы, писать введение и автореферат. Должно быть, закончу в феврале — это, конечно, поздно для защиты в Саратове. Л. П. <Жак. — *М. Ф.*> обещала похлопотать у Н. К. Гудзия, но что выйдет из этих хлопот и понравится ли Н. К. работа, я не знаю. При всех условиях позвольте мне послать Вам остальные главы, которые, на мой взгляд, гораздо более интересны и содержательней, чем первая» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 445. Л. 8). 5 марта: «Н. К. Гудзий болен и занят до последней крайности делами Киева; он решительно советует защищать в Саратове. Очередь в МГУ огромная, раньше будущего года и думать о защите нечего. Меж тем, от быстроты защиты (или хотя бы представления к ней) зависит мое назначение» (л. 11). 17 марта: «Мнение А. П. <Скафтымова. — *М. Ф.*>, конечно, решает дело, — я особенно его опасаюсь, потому что никак не могу его предугадать» (л. 13). 12 сентября: «В Москве я в течение трех дней воевал из-за назначения и, в конце концов, выбил новочеркасский пединститут. Это, по-видимому, наилучший вариант, тем более что мне дали великолепную квартиру и на кафедре нет ни одного кляузника. Автореферат, как Вы можете видеть из прилагаемого, я напечатал, предварительно помучившись с ним и перекроив его на двадцать разных ладов» (л. 14).

[7] Такими же грустными признаниями, продиктованными серьезными проблемами со здоровьем (глаза, сердце, диабет), потерей друзей и коллег, необходимостью отложить планы переезда на постоянное место жительства и работы в Москву, разочарованием результатами собственной научной работы за прошедший год, проникнуты декабрьские письма 1954 года и январское письмо 1955 года к Б. Я. Бухштабу и П. Н. Беркову (Русская литература. 2003. № 4. С. 216–217, 219; 2004. № 1. С. 145).

21

28/X 54 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич!

Спасибо Вам за то, что вспомнили меня, помнящего Вас всегда тепло и преданно.

Живу я совсем неважно. Летом вовсе не отдыхал. Месяц прожил в доме творчества, очень скромном и аскетическом, но располагающем к работе — в Голицыне, в 40 клм. от Москвы. Там без устали писал большую статью для факультетского сборника об изучении русской литературы в Московском университете от его основания до 1917 (в связи с близящимся его 200-летним юбилеем; до этого для общеуниверситетского сборника написал статью об общем литературоведении за тот же период для общеуниверситетской истории Моск<овского> ун<иверситета>). Всего за этот месяц и за последующий в Москве написал свыше 7 листов. Кроме того, написал отдельную брошюру о Тихонравове с подробной библиографией (листа 3 ½).[1] Татьяна Льв<овна> отдыхала на Рижском взморье, в писательском доме, в Дубултах. Приехала она в начале сентября окрепшей и довольно бодрой. Но вот больше месяца назад на нее свалилась двойная книжная лестница, ударила ее в голову и причинила ей сильные боли в голове и в спине. Ни невропатологи, ни терапевты не догадались сделать рентгеновский снимок, несмотря на то, что Т. Л. жаловалась на сильную боль в спине, а когда я вернулся из Севастополя, куда ездил на неделю — на сессию отделения обществ<енных> наук АН УССР в связи с празднованием 100-летия обороны Севастополя, то застал Т. Л. привязанной лямками к столбикам, прибитым к ее постели: сделанный, наконец, рентгеновский снимок обнаружил «компрессивный» перелом у нее позвоночника! Придется Т. Л. пролежать еще не менее месяца, а затем — в корсете — еще около месяца ходить или лежать, но не садиться. Если прибавить к этой травме гипертонию Т. Л. и желудочные непорядки, то можете себе представить, каково ее состояние и каково настроение. Трудно представить себе что-нибудь более мрачное, чем то, что характеризует настроение Т. Л.

Как ни тяжело мне оставлять ее и как ни невесело у меня на душе, я в воскресенье собираюсь дней на пять лететь в Киев, где я 2 ноября выступаю с докладом об А. И. Белецком на его юбилее, извещение о котором Вы, конечно, получили, и где у меня и помимо этого масса дел, тем более что я давно там не был.

Теща М. П. Громова Л. П. Жак[2] прислала мне автореферат его диссертации с просьбой дать о нем отзыв, но крайняя занятость, суета домашняя помешали мне выполнить ее просьбу. С авторефератом я познакомился и, судя по нему, думаю, что диссертация содержательная и дельная. Сегодня, кажется, состоялась ее защита. Мысленно поздравляю автора с удачным исходом диспута.

От Т. М. Акимовой я получил очередной том Ученых записок Вашего университета и поблагодарил ее за внимание. Как хорошо работает Ваш факультет и какую большую долю вносите Вы в эту работу! Вам следует быть оптимистом, несмотря на Ваши недомогания и на плохое настроение, хотя бы потому, что сами Вы в своих исследованиях так плодотворно работаете и так тонко, как дай Бог каждому из нас!

Несколько дней назад был у меня вернувшийся Переверзев, пока еще не обосновавшийся в Москве, но надеющийся на это.[3]

Сердечный привет Антонине Петровне и Вам от меня и от Татьяны Львовны. Она благодарит Вас за теплые Ваши слова о ней.

Душевно Ваш

Н. Гудзий

[1] *Гудзий Н. К.* 1) Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский период). М., 1958; 2) Николай Саввич Тихонравов. М., 1956. См. также прим. 7 к п. 13.

[2] Жак Любовь Петровна (1907–1982) — историк литературы, литературный критик, специалист по творчеству М. Горького и советской литературе, автор работ о деятелях революционного движения; доцент кафедры русской литературы СГУ (1946–1949). Громов был женат на ее дочери Инне.

[3] Переверзев Валерьян Федорович (1882–1968) — литературовед-марксист, педагог; в 1938 году был арестован, срок отбывал в лагерях на Колыме и в Минусинске, освобожден в 1948 году и вскоре вновь арестован, находился в заключении, а затем в ссылке в Красноярской области; окончательно вернулся в Москву лишь в 1956 году. Гудзий участвовал в хлопотах по его реабилитации, 21 октября 1956 года он сообщал в письме В. П. Адриановой-Перетц: «Я как-то, будучи в прокуратуре по делу реабилитации Переверзева, который благополучно теперь живет в Москве и восстановлен во всех правах, заинтересовался делом Г. А. Гуковского, но прокурор, охотно принеся его дело, так и не мог сказать мне ничего вразумительного» (*Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (по архивным материалам) // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 188).

22

<Февраль 1955 года. Москва>

ДОРОГОГО ДРУГА, ТАЛАНТЛИВОГО УЧЕНОГО ЮЛИАНА ГРИГОРЬЕВИЧА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ С ЕГО ЮБИЛЕЙНЫМ ПРАЗДНИКОМ.[1] ЖЕЛАЮ ДОЛГОЛЕТИЯ, ПРЕУСПЕЯНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ = ГУДЗИЙ

Телеграмма. Штемпель получения на бланке: «16.2.55. Саратов». Телеграмма, адресованная — «Саратов Университет Филологический факультет Профессору Оксману», — достигла адресата не сразу.

[1] В январе 1955 года Оксману исполнилось 60 лет.

23

17/III <1955 года. Саратов>

Дорогой
Николай Каллиникович!

Приношу глубокую благодарность за ваш сердечный привет. Вы, конечно, успели давно привыкнуть к своему 60-летнему возрасту, а мне все это вновь и очень неуютно. «Неуютно» — чисто в психологическом отношении, предрасполагая к какой-то мнительности и настороженности, но авось обойдется.

В январе–феврале прожил с женою в Ленинграде, куда поехал под предлогом конференции по обсуждению проспекта «Ист<ории> рус<ской> критики»,[1] но поехал бы и без всякого предлога. Две недели промелькнули как сон — в трудах, в спорах, в веселых встречах с<о> старыми друзьями и молодыми учениками и даже ученицами. Это и был для меня настоящий «юбилей», т. е. настоящая жизнь, дополненная и расцвеченная воспоминаниями. Не могу жаловаться и на официальное «чествование» — оно проведено было на большую ногу, совсем не по Саратовским масштабам. Я и сам не думал, что столь огромное число лиц и учреждений захочет выразить свое положительное отношение к еще вчерашнему каторжнику. Но из колеи все это меня выбило, и давно уже ничего не пишу, не выполняя самых неотложных обязательств.[2]

Сегодня утром прочел вашу статью в защиту А. Оришина. Так как я уже примерно с месяц тому назад написал пострадавшему почти все то, что сейчас так хорошо сказали вы, могу только порадоваться такому совпадению наших мнений.[3]

Низкий поклон Татьяне Львовне от Антонины Петровны и меня. Был бы счастлив получить от Вас хотя бы открыточку с информацией о ваших делах и состоянии здоровья.

Весь ваш Ю. О.

Штемпель отправления: «17.3.55. Саратов». Штемпель получения: «20.3.55. Москва».

[1] Речь идет о проспекте (изданном в 1954 году «на правах рукописи» тиражом 150 экз.) коллективного научного труда, вышедшего два года спустя: История русской критики: В 2 т. / Под ред. Б. П. Городецкого. М., 1958. Оксман собирался выступить на его обсуждении в первой половине ноября 1954 года (Русская литература. 2003. № 4. С. 215, 216), но оно было перенесено и состоялось в конце января 1955 года. О своем выступлении Оксман сообщал К. И. Чуковскому 15 апреля (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969]. С. 72).

[2] В письме П. Н. Беркову от 16 марта Оксман подробно рассказал об исключительном внимании к нему со стороны «старых и новых друзей», а также «тех двух сотен филологов, историков, которые прислали в Университет свои письма, телеграммы, адреса» (Русская литература. 2004. № 1. С. 147). См. также статью саратовских коллег Оксмана, приуроченную к его юбилею: *Бах С., Сиротинина О., Скафтымов А., Покусаев Е., Акимова Т., Бугаенко П., Дербов Л., Кашкин И.* Юлиан Григорьевич Оксман // Сталинец (Саратов). 1955. 15 янв. № 2. С. 2.

[3] *Гудзий Н.* Несправедливая критика // Литературная газета. 1955. 15 марта. № 32. С. 3. Статья была направлена в защиту литературоведа, доцента Львовского государственного университета им. И. Франко Антонина Дмитриевича Оришина от нападок в печати на его брошюру «Белинский и русская литература XVIII века» (Львов, 1954) со стороны А. Ищука (см. его статью: Об одной ошибочной трактовке теоретического наследства В. Г. Белинского // Радянська Україна. 1955. 16 янв.). 13 февраля 1955 года Оришин писал Оксману: «Посылаю Вам мою брошюру „Белинский и русская литература XVIII в.“ и обращаюсь к Вам с просьбой высказать о ней хотя бы вкратце свое мнение. Я не посмел бы Вас беспокоить этой просьбой, если бы не одно обстоятельство. Брошюра вызвала необычайно резкий отрицательный отзыв в газете „Радянська Україна“. Рецензент А. Ищук обвинил меня, как Вы можете убедиться из рецензии, в самых тяжких прегрешениях против Белинского и чуть ли даже не в украинском буржуазном национализме. Я самого скромного мнения о достоинствах и значении своей брошюры. Тем не менее, с критикой Ищука согласиться не могу. Не говоря уже о непозволительной грубости тона, полной бездоказательности и грубых передержках, рецензия Ищука, на мой взгляд, ошибочна и даже вредна еще и тем, что проповедует совершенно неправильное, противоречащее ленинским принципам отношение к нашему классическому наследству, которое не нуждается в лакировке и улучшении <...> Ваш адрес я узнал от П. Н. Беркова, который, собственно, и порекомендовал мне обратиться к Вам как к крупнейшему знатоку Белинского» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 735. Л. 1–1 об., 2).

24

3/IV 55 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Я сердечно рад, что Ваше юбилейное чествование прошло так исключительно тепло и торжественно, как оно прошло. Вы заслужили в полной мере горячую отзывчивость на Ваш праздник — заслужили в гораздо большей мере, чем многие другие юбиляры — и как ученый, и как личность — незаурядный и незаурядная. А Ваше шестидесятилетие пусть Вас не смущает: это расцвет мужского возраста, сулящий во всех отношениях самые разнообразные возможности, удачи, достижения, завоевания, победы, радости. Мне вот через месяц стукнет 68! Это гораздо серьезнее и значительно менее утешительно, но и мне не хочется думать об угрозах, связанных с этой цифрой, хотя я все более озабочен судьбой своей библиотеки, картин, огромного количества писем — после наступления своего небытия.[1]

Неделю назад вернулся из Киева, где пробыл около 10-ти дней в связи с сессией Ак<адемии> наук Украины и в связи со своими украинскими

делами. Моя заметка в «Литературной газете» произвела на киевлян самое благоприятное впечатление как предупреждение безответственным наездникам, к тому же достаточно невежественным. Заметку эту я написал по просьбе «Лит<ературной> газеты». Ни Оришина (от которого получил благодарственное письмо), ни книжки его, ни статьи Ищука (декана филологич<еского> ф<акульте>та Киевского у<ниверсите>та!) я не знал до тех пор, пока мне не были присланы материалы «Литературной газеты».

В Киеве живется и работается довольно уныло. Там всего боятся и даже академические «полные» собрания сочинений печатают с изъятиями и купюрами. Будучи редактором тома с письмами Шевченка, я до сих пор не могу добиться того, чтобы в акад<емическом> изд<ании> было напечатано 1-е письмо Шевч<енко> (к его брату) 1839 г., давно уже много раз печатавшееся и пугающее тем, что Шевч<енко> просит брата, чтобы он писал ему не «московською мовою, а рідною», бо «москалі чужі люди...».[2]

Вы, вероятно, уже знаете о скандальной истории, в которую попали Александров, Еголин, Кружков, С. Петров и др. Еголина исключили из партии, уволили из Университета и из И<нститу>та мировой литературы, имя его снимается отовсюду. Не приложу ума, как он мог затесаться в эту грязную историю, и не представляю себе, как физически и нравственно переживает он всю эту встряску.[3]

Татьяна Льв<овна> на днях вернулась из санатории, из Болшева, где она провела больше 2-х месяцев, но состояние ее здоровья все еще неважно. Я устал до чертиков и плохо работаю. У жены гипертония, а у меня гипотония — верхнее 100, нижнее — 60!

А проспект ист<ории> русск<ой> критики произвел на меня очень неважное впечатление.[4]

Мой сердечный привет Антонине Петровне и Вам от меня и от Татьяны Льв<овны>.

Душевно Ваш

Н. Гудзий

[1] Книжная и рукописная часть коллекции Гудзия в 1967 году, согласно его завещанию, поступила в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (Ф. 7). Материалы личного фонда ученого сосредоточены в двух архивах: преимущественная их часть хранится в НИОР РГБ (Ф. 731), значительно меньшая по объему, но не по научной ценности — в уже упомянутом фонде Научной библиотеки МГУ. См.: *Кашутина Е. С.* 1) Книжное собрание Н. К. Гудзия в фондах Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Из коллекции редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета: [Сб. статей / Под ред. Е. С. Карповой]. М., 1981. [Вып. 3]. С. 34–47; 2) Архив Н. К. Гудзия в Научной библиотеке Московского университета // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета: [Сб. статей / Под ред. Е. С. Карповой]. М., 1987. [Вып. 4]. С. 96–119.

[2] Речь идет о письме Т. Г. Шевченко брату, М. Г. Шевченко, от 15 (27) ноября 1839 года: «Та, будь ласкав, напиши до мене так, як я до тебе пишу, не по-московському, а по-нашому,

Бо москалі чужі люди,
Тяжко з ними жити;
Немає з ким поплакати,
Ні поговорити.

<...> Ще раз прошу, напиши мені письмо, та по-своєму, будь ласкав, а не по-московському» (*Шевченко Т. Г.* Повне зібрання творів: У 12 т. Киев, 2003. Т. 6. Листи. Дарчі та власницькі написи. Документи, складені Т. Шевченком або за його участю. С. 11–12). В это время Шевченко находился в Петербурге, учился в Академии художеств. Гудзий был председателем редакционной коллегии, одним из редакторов академического Полного собрания сочинений Шевченко в 6 томах, готовившегося на Украине и вышедшего в свет в 1963–1964 гг. Цитируемое Гудзием письмо Шевченко вошло в упомянутое издание без каких-либо сокращений, см.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. У 6 т. Київ, 1964. Т. 6: Листи. Нотатки. Фольклорні записи. С. 10 (благодарю

А. В. Геворкяна за сообщенные сведения). В библиографии печатных трудов Гудзия также зафиксирована публикация писем Шевченко, осуществленная им в 1920-е годы: Письма Шевченко к С. Т. Аксакову // Искусство. 1927. Кн. 2–3. С. 157–163.

[3] Об этом скандале, имевшем широкий общественный резонанс и оставшемся в истории под названием «Дело гладиаторов» (главными его фигурантами стали: министр культуры Г. Ф. Александров, лишившийся своего поста, литературоведы А. М. Еголин и С. М. Петров, уволенные из ИМЛИ, а также заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. С. Кружков), см., в частности: *Жирнов Е.* 1) Коллективный гарем из молодых актрис // Коммерсант-Власть. 2005. № 46. С. 74–79; 2) «Разврат, пьянка, совращение девушек» // Там же. № 47. С. 68–75. 1 апреля 1955 года Президиумом АН СССР было принято постановление в отношении Еголина и Петрова: «Отстранить члена-корреспондента А. М. Еголина от обязанностей заведующего сектором Института мировой литературы им. А. М. Горького и вывести из состава Бюро Отделения литературы и языка, из состава Ученого совета Института мировой литературы, из состава редколлегий журнала „Известия Отделения литературы и языка АН СССР“, десятитомной „Истории русской литературы“, Собрания сочинений А. И. Герцена, снять с должности главного редактора „Литературного наследства“ и председателя Комиссии по истории филологических наук. Отстранить кандидата филологических наук С. М. Петрова от обязанностей заведующего сектором Института мировой литературы им. А. М. Горького и вывести из состава Ученого совета Института мировой литературы и из состава редколлегий Собрания сочинений В. В. Маяковского и 7-го тома десятитомной „Истории русской литературы“» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. № 88. Л. 70).

[4] См. п. 23 и прим. 1 к нему.

25

30/I 56 <Саратов>

Дорогой
Николай Каллиникович,

давно не видел вас — скажу прямо: очень соскучился и в последнее время часто вспоминаю вас, даже спорю иногда мысленно с вами. Все это хорошие признаки — значит, я в самом деле люблю вас или, что то же самое — чувствую потребность во встречах с вами и эту «потребность» (или необходимость) люблю (сентенция эта заимствована из воспоминаний вдовы Драйзера, очень умной женщины, которая говорит о том, что мною написано, гораздо лучше).[1] Хотел было писать вам, но узнал, что вы где-то в Англии. Потом об этом же прочел в «Литер<атурной> Газете»,[2] а писать уже было трудно — навалила работа всякая, да так придавила, что и света божьего второй месяц не вижу. 2-го февраля еду с Антониной Петровной в Ленинград на месяц — опять не отдыхать, а работать.[3] В Москве задержимся дня три*, но один из них уйдет на Переделкино, а остальные два будут, видимо, перегружены всякими делами настолько, что едва ли вас увижу — вы ведь тоже не праздношатающийся энтузиаст, чтобы выбивать вас из колеи в любое время. Встретимся, значит, в марте, в первых числах, когда буду возвращаться в Саратов. Вы, вероятно, слыхали, что я собираюсь перебираться осенью в Москву. Это замысел серьезный, хотя внутренней необходимости в переезде не ощущаю. Здесь меня давно уже не обижают, дают волю быть самим собою, не перегружают работой, охотно отпускают в любое время года в командировки — чего же нам боле? А всякого рода договоров на любые работы по линии Госиздата или Совет<ского> Писателя — могу иметь сколько угодно и не выезжая отсюда. И все-таки как странно гнить на саратовском кладбище, хотя чем лучше Ваганьково — право не знаю.[4] Не думайте, что я впал в мизантропию, — наоборот — «каков я прежде был, таков и ныне я»,[5] что даже несколько претенциозно на 62 году жизни!

Большое спасибо за университетский сборник о Толстом**. Я его успел пока что только перелистать, а прочел лишь умную работу Л. Д. Опульской

о «Воскресении». В статье Безруковой больше, к сожалению, от нашего Страхова, чем от вас. Н. Я. Соловей[6] — не совсем «натуральный», как говаривал покойный А. Н. Толстой. Но в общем и целом — все свежо и интересно, особенно после того, как набьешь оскомину словоблудием какого-нибудь Ермилова или Мясникова.[7] Не радует, впрочем, и Бурсов — имею в виду последний том «Учен<ых> Зап<исок> ЛГУ», где великолепную статью о поэзии 50–60-х годов напечатал И. Г. Ямпольский.[8] А 16 февраля предстоит мне быть офиц<иальным> оппонентом на защите докторской диссертации С. А. Рейсера.[9] При случае пришлю Вам свой отзыв о диссертации Макогоненко. Отзыв, как и все отзывы, довольно скучен, но заключительная его часть не лишена интереса — я и писал ее с расчетом «на публику», невзирая на лица, почти «во все колокола».[10] В феврале выйдет в Ленинграде мой новый однотомник Рылеева — издание массовое, но *все* рукописные тексты и датировки сделаны заново, отменяя моего же Рылеева 1934 г. в «Биб<лиотеке> поэта».[11] В «Ежегоднике Сарат<овского> Гос<ударственного> Унив<ерситета>», кот<оры>й своевременно вам пришлется, печатаю проспект своей работы о Пушкине и Радищеве. Но более интересна в этом ежегоднике продукция моих саратов<ских> учеников.[12] Вижу, что расхвастался свыше меры — надо кончать. Сердечный привет Татьяне Львовне и вам от нас обоих.

Ваш Юл. Оксм.

* Жить будем у Кавериных на Лаврушинском, под Благими.[13]

** Мелькает мысль, чтобы в «Известия ОЛЯ» написала бы рецензию на этот сборник наша И. В. Чуприна, очень умная и тонкая девушка.[14]

[1] Вероятно, речь идет о следующей фразе из воспоминаний вдовы американского писателя Теодора Драйзера (1871–1945) Элен Драйзер: «Никогда за всю нашу двадцатишестилетнюю совместную жизнь между нами не было такой духовной, интеллектуальной и физической близости, как в эти последние годы его жизни. Мне выпало счастье заново пережить воскресшую любовь, сочетавшуюся с новой и очень тесной духовной близостью» (*Драйзер Э.* Моя жизнь с Драйзером (Страницы из воспоминаний) / Сокр. пер. с англ. Т. Озерской, И. Тихомировой, Н. Треневой; предисловие И. Анисимова. М., 1953. С. 161).

[2] Среди ответов на вопросы новогодней анкеты «Литературной газеты», опубликованных под общей рубрикой «Наши творческие замыслы» 5 января 1956 года, был и ответ Гудзия: «Много времени в новом году предстоит мне уделить подготовке к печати книги „Украинские интермедии XVII–XVIII веков“. Мне поручены редакция текстов, вступительная статья и комментарии. Продолжаю работать над монографией о творчестве Льва Толстого. Эта работа рассчитана на несколько лет. Недавно я вернулся из поездки в Англию и Шотландию. Мне было весьма интересно ознакомиться с постановкой преподавания русской литературы и языка в университетах этих стран, встретиться с учеными и студентами. Впечатлениями этой поездки я делюсь сейчас в статьях и очерках, заказанных мне нашими журналами и газетами» (Литературная газета. 1956. 5 янв. № 2. С. 1). Три таких очерка были опубликованы вскоре: *Гудзий Н. К.* 1) Поездка в Англию и Шотландию // Московский университет. 1956. 10 февр.; 2) По Англии и Шотландии // Иностранная литература. 1956. № 4. С. 215–218; 3) Великобритания и СССР // Советская культура. 1956. 12 апр. № 43. С. 4.

[3] В январе 1956 года Оксман выступал в ИРЛИ с докладом «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“».

[4] В 1958 году Оксман окончательно особсновался в Москве, где до 1964 года работал старшим научным сотрудником Отдела русской литературы в ИМЛИ (избрание его по конкурсу состоялось еще в октябре 1956 года, полная реабилитация — в октябре 1958 года, два года он работал по совместительству, бывая наездами в Саратове).

[5] Цитата из стихотворения Пушкина «Отрывок из Андрея Шенье» (1828).

[6] Лев Николаевич Толстой: Сб. статей о творчестве. М., 1955. Т. 1 / Под ред. Н. К. Гудзия. В этом сборнике опубликована статья «Идейно-художественные особенности романа Л. Н. Толстого „Воскресение“», написанная ученицей Гудзия, литературоведом, текстологом Лидией Дмитриевной Опульской (во втором браке Громовой; 1925–2003). В письме также упоминаются статьи З. П. Безруковой «Формы психологического анализа в романах Л. Н. Толстого „Война и мир“ и „Анна Каренина“», Н. Я. Соловей «Севастопольские рассказы» и имя И. В. Страхова,

психолога, педагога, преподававшего в 1940-е годы в СГУ, Саратовском государственном педагогическом институте и ЛГУ. Целый ряд его публикаций был посвящен анализу творчества Толстого не только с литературоведческой, но, главным образом, с психологической стороны («внутренние монологи», «структура характеров»), включая монографию «Л. Н. Толстой как психолог» (1947).

[7] Упомянуты: литературовед, критик, активный участник многих разгромных политических кампаний в отношении литературы и филологической науки Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965), а также литературовед Александр Сергеевич Мясников (1913–1982).

[8] *Ямпольский И. Г.* Некоторые вопросы русской поэзии 1850–1860-х годов // Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. 1955. № 200. Сер. филол. наук. Вып. 25. Русская литература. С. 23–69; *Бурсов Б. И.* Структура характеров в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Там же. С. 79–131. Поздравляя Ямпольского с публикацией статьи, Оксман писал ему 5 января 1956 года о том, что она по масштабу и научному значению заметно выделяется в ряду его работ последних лет, особо отметив, что Ямпольский комплексно рассматривает «широкий круг явлений не сбоку, а сверху и притом без предвзятых точек зрения» (Русская литература. 2004. № 1. С. 160). Бурсов Борис Иванович (1905–1997) — историк литературы, с 1951 года — профессор ЛГУ.

[9] Защита докторской диссертации «Н. А. Добролюбов в 1836–1857 гг. (Подготовка и становление литературной и общественно-политической деятельности)» давнего друга и коллеги Оксмана, историка литературы, текстолога Соломона Абрамовича Рейсера (1905–1989) состоялась 16 февраля 1956 года в ЛГУ. Но подготовка защиты не обошлась без серьезных трудностей. 15 сентября 1955 года Оксман писал Рейсеру относительно перспектив предстоящей защиты в Ленинграде: «Вы знаете мою точку зрения на этот счет и оптимистическую оценку именно нынешней ситуации в Ленинградском университете для проведения вашей диссертации без сучка и задоринки. Летом я имел возможность говорить об этом с нашими общими знакомыми в Комарове, — и все (в том числе и потенциальные оппоненты) были согласны со мною в том, что и вы, и Б. Я. <Бухштаб. — *М. Ф.*>, и Ямпольский должны в ближайшее же время получить то, что им не было додано в пору бушмэнско-бельчиковских <отсылка к именам А. С. Бушмина и Н. Ф. Бельчикова. — *М. Ф.*> экспериментов в нашей науке. Итак, поздравляю вас с успешным началом дела. Не знаю, в каком положении у вас автореферат — но помните, что он может иметь большое значение, а потому не делайте его излишне геллертерским <так!>, введите оценку книги Кружкова, как самой показательной для всех вульгаризаторов, стоящих на богословских, а не исследов<ательских> позициях. Ваша сила — „конкретный историзм“, чего нет у Кружкова <В. С. Кружкова. — *М. Ф.*> и бельчиковых обоего пола. Словом, помните о теоретич<еской> высоте докторского автореферата!» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 6–6 об.). В письме упомянута книга В. С. Кружкова «Мировоззрение Н. А. Добролюбова» (М.: Госполитиздат, 1950; 2-е изд.: 1952); *гелертерский* (у Оксмана ошибка в написании) — затрудняющий понимание излишней ученостью. 15 октября Оксман получил от Рейсера машинопись докторской диссертации: «...получил оба ваши фолианта — успел их пока проглядеть только в течение пятнадцати минут, но впечатление получилось очень хорошее. Все на месте, освежено в дополнительных справках, добротно, занимательно, перспективно <...> Но письма из Ленингр<адского> унив<ерситет>а до сих пор нет. Как только его получу, сяду за предварительный отзыв» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 8). 28 октября Оксман сообщал своему адресату: «...посылаю вам предварительный отзыв и прошу его передать вместе с письмом к И. П. Еремину — по назначению. Итак, машина завертелась, а после напечатания автореферата события пойдут такими быстрыми темпами, что вы не успеете оглянуться, как окажетесь доктором» (Там же. Л. 11). Еремин Игорь Петрович (1904–1963) — литературовед, в 1951–1963 годах — заведующий кафедрой русской литературы, в 1950–1960 годах — декан филологического факультета ЛГУ. Спустя некоторое время Рейсер рассказывал Оксману о новостях, связанных с подготовкой защиты. Из письма от 15 ноября: «Предтеченский обещает завтра дать предварительный отзыв; тогда реферат можно будет печатать. Нужно начать уточнять дату: декабрь не выйдет, да и Вам, видимо, неудобен. Напишите, пожалуйста, когда именно в январе Вам всего лучше» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 819. Л. 17). Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) — историк, в 1955–1959 годах — заведующий кафедрой истории журналистики филологического факультета ЛГУ. Из письма от 24 декабря: «С трудом удалось добиться печатания реферата (надеюсь, Вы его получили) — типография ссылалась на превышение обычного размера (3 п. л.) и упиралась. С еще большим трудом надо было добиваться в Горлите права на 25 лишних экземпляров: разрешили только 10. Наконец, автореферат был напечатан и стал рассылаться. *В этот момент* Бурсов, ссылаясь на свою „некомпетентность“ (в письме ко мне) и на болезнь и отъезд в санаторий (в письме факультету) отказался быть оппонентом. Только вчера кафедра рассмотрела этот вопрос (выступали Ямпольский, Бялый, Мануйлов и др.) и назначила вместо него Бялого <...> Еремин проявил много внимания и провел все наилучшим образом <...> На Бурсова я все же очень зол: ведь это предательство! Недавно он просил меня (в порядке дружеской услуги) выступить на защите в П<ушкинском> Д<оме> в качестве оппонента по одной диссертации его аспиранта о Добролюбове. Я выступил

и спасал средненькую работу. А на следующий день он и прислал свое письмо с отказом» (Там же. Л. 19–19 об.). Отвечая на это письмо Рейсера, Оксман писал: «Лисьи аллюры Бурсова меня огорчили — я о нем был лучшего мнения. Но, конечно, Бялый будет не хуже, а лучше» (Там же. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 18 об.; письмо от 31 декабря 1955 года). Бялый Григорий Абрамович (1905–1987) — литературовед, с 1939 года — профессор ЛГУ. В письме от 25 декабря Оксман просил Рейсера добиться назначения даты защиты на середину или вторую половину февраля (Там же. Л. 17), а 9 января 1956 года успокаивал его: «Надеюсь, что вы взяли себя в руки и больше не нервничаете. Вы сделали все, что от вас требовалось, и сейчас можете спокойно ждать дня и часа защиты» (Там же. Л. 21–21 об.). 17 января Оксман получил телеграмму от Рейсера: «ЗАЩИТА НАМЕЧЕНА ШЕСТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ ПРОШУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ВАШЕ СОГЛАСИЕ НЕОБХОДИМОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРИКАЗА РЕКТОРА ПРИВЕТОМ = РЕЙСЕР» (Там же. Ф. 2567. Оп. 1. № 819. Л. 23). 21 января 1956 года Оксман напомнил ему: «Не забудьте оформить вызов на защиту бумажкой на имя ректора Сарат<овского> Гос<ударственного> Ун<иверситета> (проф. Р. В. Мерцлин)» (Там же. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 25). Проблемы с диссертацией продолжались у Рейсера и после состоявшейся защиты, процесс утверждения ее в ВАК занял больше года. 13 мая 1957 года Рейсер извещал Оксмана: «Сегодня позвонил в Москву и узнал, что пленум ВАКа состоялся не 11, как было в плане, а 4-го мая. Он и утвердил меня. Значит, этот этап, стоивший тьму нервов и отнявший 16 месяцев жизни, пройден. Еще раз — спасибо Вам за все» (Там же. Ф. 2567. Оп. 1. № 819. Л. 34). Еще больше времени заняло утверждение Рейсера в звании профессора (см. письма Гудзия к Рейсеру за октябрь 1956 — январь 1959 года: Там же. Ф. 2835. Оп. 1. № 260. Л. 7, 9, 10, 11 об., 14–14 об.).

[10] Стенограмму выступления Оксмана (как неофициального оппонента) на защите докторской диссертации Макогоненко «А. Н. Радищев и его время» в ЛГУ 28 июня 1955 года см.: *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969]. С. 149–154. В 1956 году вышла в свет одноименная книга Макогоненко, редактором которой был Оксман.

[11] Оксман упоминает два подготовленных им издания: *Рылеев К. Ф.* 1) Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма / Ред., подг. текста и прим. Ю. Г. Оксмана; вступ. статья В. Г. Базанова. М.; [Л.], 1956; 2) Полн. собр. стихотворений / Ред., предисловие и прим. Ю. Г. Оксмана; вступ. статья В. Гофмана. Л., 1934 (Библиотека поэта. Большая сер.). Ср. в письме Оксмана к Рейсеру от 27 марта 1956 года: «Я не знаю ни одного случая в советской издательской практике, когда бы в первом издании текст не изобиловал бы грубейшими недоделками, не говоря уже о варварских опечатках. Только второе издание дает некоторые гарантии точности текста и четкости композиции. А подлинно научным может быть только третье издание. Это вовсе не парадокс!» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 28 об.). Сборник 1956 года Оксман в письме Ямпольскому от 4 сентября 1956 года назвал «репетицией второго издания моего старого Рылеева» (Русская литература. 2004. № 1. С. 168). О судьбе нового издания «Полного собрания стихотворений» Рылеева, которое Оксман готовил для большой серии «Библиотеки поэта» с середины 1950-х годов и вплоть до ноября 1964 года, когда набор был отправлен в издательство (книга не была издана), см.: *Фролов М. А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и А. В. Флоровского (1962–1968) // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 631, 634. Издание вышло в свет в 1971 году под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями В. Г. Базанова, А. В. Архиповой и А. Е. Ходорова.

[12] *Оксман Ю. Г.* Проблематика «Истории Пугачева» Пушкина в свете «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева // Саратовский гос. ун-т. Научный ежегодник за 1954 год. Саратов, 1955. С. 149–154. В этом же издании была опубликована еще одна статья Оксмана: «Из истории нелегальной агитационно-пропагандистской литературы начала XIX в. 1. „Пифагоровы законы“ и „Правила Общества Соединенных Славян“» (Там же. С. 154–158). Статьи и публикации саратовских учеников и младших коллег Оксмана, А. П. Медведева, П. А. Бугаенко, И. В. Чуприной, Л. П. Медведевой, В. М. Черникова, К. Е. Павловской, Г. В. Макаровской, В. К. Архангельской, В. В. Пугачева, членов Научного студенческого общества Т. И. Усакиной и В. М. Селезнева были посвящены Л. Н. Толстому, Н. А. Некрасову, Н. Г. Чернышевскому, М. Ф. Орлову, В. Г. Короленко, А. И. Куприну, А. Н. Толстому, К. А. Федину, Ф. В. Гладкову.

[13] В писательском доме (Лаврушинский пер., д. 17), в квартире писателя Вениамина Александровича Каверина (1902–1989) и его супруги, детской писательницы Лидии Николаевны Тыняновой (1902–1984). В том же доме проживал и литературовед, пушкинист Дмитрий Дмитриевич Благой (1893–1984) вместе с женой, врачом Софьей Рафаиловной Виляк (1893–1965).

[14] Чуприна Ирина Вячеславовна (1924–2000) — литературовед, специалист по творчеству Л. Н. Толстого, ученица Скафтымова; преподавала на филологическом факультете СГУ с 1949 года (с 1953 года — в штате факультета). Рецензия на сборник статей о Толстом в «Известиях ОЛЯ» не появилась.

26

3/IV 56 <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

так мы и не встретились в Москве. Уехав в Переделкино, я почувствовал такую безмерную усталость и от Ленинграда, и от Москвы, что не мог вернуться в город — как предполагал. К тому же у меня был еще и сердечный припадок — я просидел на трех заседаниях в Инст<итуте> Мировой Литературы и понял, что в Москве мне не житье.[1] Когда меня спросил кто-то — какое впечатление произвел на меня Институт «de visu», я ответил (перефразируя, кажется, Шкловского), что чувствовал себя в этом узилище как еще живая чернобурая лиса в меховом магазине.[2] Ну и до чего выветрились там все эти шкуры и шкурки бывших зверей!

Надо встретиться на юбилее Бушмина (то бишь Пушкинского Дома!). А заодно и 60-летие Мих<аила> Павловича.[3]

Весь ваш Ю. О.

[1] Ср. в письме Ямпольскому от 1 апреля 1956 года: «Два дня присматривался к ИМЛИ и... „содержание оного не одобрил“. Но где лучше? И неужели нужно превращать саратовскую „случайность“ в „необходимость“?» В ИМЛИ Оксман приезжал по делам Герценовской группы, с которой в этот период начал тесно сотрудничать (Русская литература. 2004. № 1. С. 164; см. прим. 4 к п. 37).

[2] «Как живая чернобурка в пушном магазине». Эту фразу литературовед, писатель, сценарист Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) произнес в ответ на вопрос начальника лагеря, сопровождавшего его во время поездки на строительство Беломор-Балтийского канала в 1932 году, главной целью которой было добиться смягчения участи своего старшего брата, филолога Владимира Борисовича Шкловского (1889–1937), находившегося в исправительно-трудовом лагере. См.: К 100-летию со дня рождения В. Шкловского. Изюм из булки / Сост. В. Шкловская-Корди // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 322; другой вариант см.: *Чудаков А.* Спрашивая Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 101.

[3] Бушмин Алексей Сергеевич (1910–1983) — литературовед, в 1955–1956, 1977–1983 годах — директор ИРЛИ. В декабре 1955 года исполнилось 50 лет со дня основания Пушкинского Дома. Торжественные мероприятия по этому поводу были намечены на лето 1956 года, о чем сообщали академические издания: «В ознаменование пятидесятилетия Пушкинского дома в июне 1956 г. в Ленинграде состоится общее собрание Отделения литературы и языка и VIII Всесоюзная Пушкинская конференция, посвященная основным проблемам изучения наследия великого основоположника новой русской литературы» (К пятидесятилетию Пушкинского дома // Известия ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 149). На общем собрании ОЛЯ АН СССР 4 и 5 июня выступили с докладами и выступлениями в прениях В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, Этторе Ло Гатто, Б. В. Томашевский, Б. А. Трубецкой, Г. С. Черемин, В. А. Архипов, Д. Д. Благой, И. Л. Андроников и Ю. Г. Оксман (*Серман И. З.* Общее собрание Отделения литературы и языка Академии наук СССР, посвященное 50-летию Пушкинского дома // Там же. Вып. 4. С. 384–387). 9 июня 1956 года отмечалось 60-летие литературоведа Михаила Павловича Алексеева (1896–1981). См.: *Берков П. Н.* Член-корреспондент АН СССР М. П. Алексеев (К шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научно-литературной деятельности) // Там же. Вып. 5. С. 457–459). В 1950–1963 годах Алексеев был заместителем директора ИРЛИ по научной работе.

27

11/IV 56 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Сердечно благодарю Вас и прошу передать мою благодарность прочим товарищам — за присылку мне очередного номера саратовских ученых записок,[1]

оценить которые пока смог только по их оглавлению. Спасибо Вам и за оттиски Ваших статей, одну из которых (рецензию на орловский тургеневский сборник) я своевременно прочел с большой пользой для себя, лишний раз убедившись в большущей Вашей начитанности и методологической строгости.[2]

Очень жалею, искренно жалею, что нам не удалось повидаться с Вами в Москве. Было бы о чем поговорить! Да еще с таким интересным и милым собеседником, как Вы!

Две недели назад на полсуток ездил в Ленинград в качестве официального оппонента по диссертации Малышева (защита прошла прекрасно),[3] а через неделю участвовал в обсуждении 1-го тома никому не нужного трехтомника, возможно, дальше 1-го тома и не имеющего шансов увидеть свет.[4]

Очень убыточно для Москвы и для литературоведческой науки Ваше разочарование в Москве и предпочтение ей более тихого и спокойного жития в Саратове. Позавчера под моим председательством происходило заседание комиссии по обследованию «Литературного наследства» с целью создать благоприятные условия для работы издания — в связи с близящимся его 25-летием. Вот бы Вам войти в редколлегию «Лит<ературного> наследства»! Как много Вы могли бы сделать для него![5]

Крепко Вас обнимаю!

Приезжайте все-таки в Москву на совсем.

Ваш Н. Гудзий

[1] По всей вероятности, Гудзий благодарит Оксмана за присылку ему следующего издания: Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1955. Т. 53. Вып. филологический. В этом томе, в редколлегию которого входил Оксман, были напечатаны статьи, публикации и сообщения Т. М. Акимовой, Г. В. Макаровской, Е. П. Никитиной, А. А. Жук, А. Ф. Барковской, Ю. Б. Неводова и К. Е. Павловской, посвященные А. Н. Толстому, П. Г. Антокольскому, В. И. Костылеву, Вс. В. Вишневскому, А. И. Куприну, песням о гражданской войне и публикациям газеты «Правда» военного времени о традициях русской классической литературы.

[2] *Оксман Ю. Г.* 1) Орловский сборник статей о «Записках охотника» <Рец.> // Известия ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 1. С. 81–83; 2) Новое издание Герцена <Рец.> // Там же. Вып. 2. С. 166–171. Кроме того, в этом же году в первой книге 60-го тома академической серии «Литературное наследство» — «Декабристы-литераторы» — увидели свет две публикации Оксмана, посвященные поэтическому и эпистолярному наследию В. Ф. Раевского (публикация писем была осуществлена при участии Е. П. Федосеевой).

[3] В марте 1956 года в ИРЛИ состоялась защита кандидатской диссертации «Повесть о Сухане (Из истории русской повести XVII в.)» литературоведа, историка древнерусской литературы, основателя Древлехранилища Пушкинского Дома Владимира Ивановича Малышева (1910–1976). Гудзий не только выступил одним из официальных оппонентов, но и способствовал тому, чтобы Малышев был освобожден от сдачи кандидатских экзаменов (*Маркелов Г. В.* Письма Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 197). См. в этой связи также письма Лихачева к Гудзию от 7 и 17 июля 1954 года: «ВАК по проискам Бельчикова отказался освободить Вл<адимира> Ив<ановича> Малышева от кандид<атского> минимума. Сейчас он в совершенно подавленном состоянии, просится уйти из Сектора, говорит о том, что он не ученый, и хочет бросить научную работу <...> Пожалуйста, напишите ему письмо, приободрите его. Нельзя ли что-нибудь все же сделать для него в ВАК'е?»; «Большое Вам спасибо за письмо. Вл<адимир> Ив<анович> смущен Вашим письмом, но оно на него подействовало именно так, как нужно. Экзамены все же для него непреодолимая трудность. <...> Я говорил с Виноградовым в его приезд в Л<енингра>д. Он обещал что-то сделать» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 8. № 64. Л. 33, 34). Предварительный отзыв Гудзия на диссертацию Малышева см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 7. № 51.

[4] Предположительно, подразумевается обсуждение проекта первого тома («Литература X–XVIII веков») трехтомной академической «Истории русской литературы» (М.; Л., 1958–1964), вышедшего в 1958 году. Очевидно, об этом обсуждении писал в своих воспоминаниях Бурсов: «В Москве в ИМЛИ обсуждался проспект истории русской литературы в трех томах. Авторы проспекта делали акцент на изучение литературного процесса, оставляя в тени вопрос о личности писателя, о единстве и целостности ее. Николай Каллиникович выступил с резкой критикой

проспекта. Он говорил о том, что если не будут объяснены, например, Пушкин и Толстой как исключительные индивидуальности, то не останутся объясненными и их гениальные создания. Вот его подлинные слова: „Пушкин — чудо, Толстой — чудо, а вы хотите все разложить по полочкам, разделить по десятилетиям“» (Воспоминания о Н. К. Гудзии. С. 120).

[5] Основатель «Литературного наследства», историк литературы и искусства, коллекционер Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) был учеником Оксмана по Одесскому институту народного образования и посещал организованный им при институте (по образцу Пушкинского семинария С. А. Венгерова) семинар по изучению биографии и творчества Пушкина. Публикацию фрагмента их многолетней и обширной переписки см.: *Филькина Е. Ю.* «Считаю себя обязанным Илье за многое...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и И. С. Зильберштейна (1947–1951) // И. С. Зильберштейн: штрихи к портрету: к 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 417–458. В 1932 году, год спустя после основания «Литературного наследства», Оксман впервые выступил автором серии, впоследствии в целом ряде томов появились подготовленные им статьи и публикации, в марте 1960 года стал членом редколлегии серии и оставался в ее составе вплоть до 1964 года. В сохранившихся материалах (отчетах, протоколах, стенограммах, постановлениях) ОЛЯ за 1956 год момент учреждения, состав, ход работы упомянутой Гудзием комиссии не отражены (Ф. 456. Оп. 1. № 488, 497–499, 505, 506, 507, 525). Но обстоятельства, обусловившие необходимость ее организации, известны. Серия «Литературное наследство», являясь в 1949–1960 годах печатным органом ОЛЯ и сосредоточив обширный редакционный архив (включавший также и «редакционный портфель» сборников «Звенья» и «Летописей Государственного литературного музея»), обладавший колоссальной научной ценностью, с 1945 года занимала небольшую комнату в помещении Отделения (ул. Волхонка, д. 18), полученную при содействии С. И. Вавилова. 17 ноября 1952 года редакция обратилась в Президиум АН СССР: «Редакция „Литературного наследства“, подготавливающая и выпускающая ежегодно по два тома в 80–90 авторских листов каждый, занимает на Волхонке, 18 одну комнату в 32 метра. В этой комнате работают два члена редколлегии, осуществляющие основную исследовательскую и литературно-редакторскую работу над изданием, четыре научно-технических работника и машинистка. Кроме того, в комнате находится телефон. Работать в такой комнате почти невозможно, так как этому мешают крайняя теснота, звонки телефона, разговоры с авторами, стук машинки. <...> Необходимо указать еще на то, что в той же комнате находится значительный по объему архив редакции (рукописи и фотографии)». В 1956 году разобранный сотрудниками редакции архив был передан на временное хранение в Издательство АН СССР, где и погиб в том же году при невыясненных обстоятельствах. Сам факт уничтожения архива стал известен Зильберштейну в 1959 году. В настоящее время сохранившийся архив «Литературного наследства» сосредоточен в нескольких фондах — РГАЛИ (Ф. 603 (фонд, образованный вскоре после уничтожения архива), 3290 (личный фонд И. С. Зильберштейна)), ОР ИМЛИ (Ф. 575), Научном архиве Тверского государственного объединенного музея (Ф. Р–13, личный фонд С. А. Макашина), в личных фондах сотрудников редакции. В середине 1980-х годов редакция лишилась комнаты на Волхонке. См.: *Галушкин А.* Из истории редакционного архива «Литературного наследства» (К 80-летию основания издания) // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 41–47.

28

Глубокоуважаемый
Николай Каллиникович!

Кафедра русской литературы СГУ, подготовляя к печати очередной том своих «Ученых записок» и посвящая его профессору Александру Павловичу Скафтымову, в связи с сорокалетием его научной и литературной деятельности, просит вас принять участие в этом томе.[1]

Статью просим представить к 1 июля с. г. Желательный размер — до одного печатного листа.

Юл. Оксман

24 апреля
1956 г. <Саратов> Е. Покусаев

[1] Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1957. Т. LVI. Вып. филолологический в честь заслуженного деятеля науки РСФСР доктора филологических наук профессора А. П. Скафтымова. В этом томе «Ученых записок», помимо статей инициаторов и составителей сборника — Ю. Г. Оксмана

(«И. С. Тургенев на службе в Министерстве внутренних дел»), Е. И. Покусаева («„Господа Головлевы“ Салтыкова-Щедрина») и еще одиннадцати авторов, принявших в нем участие, была напечатана статья Гудзия «Культурные связи украинского и русского народов до конца XVIII в.». Сборник, по выходе его в свет, был получен Гудзием от Покусаева, о чем свидетельствует его письмо от 23 мая 1958 года: «Посылаю бандеролью Учен<ые> Зап<иски> в честь А. П. Скафтымова. Этот экземпляр из „сигнальных“ <...> Мы рады Вашему участию в сборнике. Сердечное спасибо» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 11. № 37. Л. 5). В письме Оксману от 26 июня 1958 года Скафтымов пишет об этой книге: «...получил выпуск Ученых записок „в честь...“. Довольно объемисто и внешне солидно. Прочитал еще мало. Шлю Вам, Юлиан Григорьевич, особую благодарность. Мне, конечно, известно о Вашей инициативе и о большом содействии в этом деле» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 278–279).

29

16/V 56 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Сердечное спасибо Вам и участникам сборника,[1] присланного мне, подписавшим свои фамилии под очень тронувшей меня дарственной надписью. Будучи предельно занят чтением дипломных и курсовых работ, я не успел как следует освоить материал его, но убежден в том, что филологический ф<акульте>т Саратовского университета ведет большую исследовательскую работу и, как всегда, в первых рядах стоите Вы с Вашим богатством знаний и всегда интересными и новыми разысканиями. Не откладываю ответа на Вашу посылку до детального ознакомления со сборником, т. к. тороплюсь сообщить Вам адрес А. И. Белецкого: Киев, Никольско-Ботаническая, 14, кв. 9.

У меня в данное время нет готовых статей, которые соответствовали интересам А. П. Скафтымова, которого глубоко уважаю и ценю как ученого, но я мог прислать к указанному Вами сроку статью о русско-украинских культурных связях кончая XVIII веком. Боюсь только, что такая статья не подойдет для задуманного сборника. Дайте мне знать, так ли это.

Нас, как и вас, взволновало самоубийство Фадеева. Дополнительных причин самоубийства, кроме объявленных в газетах, мы не знаем, а они, вероятно, были и связаны были с переоценкой ценностей. Застрелился он (выстрел в сердце) в воскресенье в 2 часа дня в Переделкине, у себя на даче, оставив несколько писем, содержание которых нам, конечно, неизвестно. В последнее время он, говорят, не пил.[2]

Завтра открывается совещание членов комитета славяноведения в связи с предстоящим съездом в 1958 г. Приехали Мазон, Якобсон, Белич, Стендер-Петерсен, Гавранек, Э. Хилл (Кембридж) и др. Собираюсь бывать на совещаниях.[3]

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш

Ник. Гудзий

[1] Гудзий благодарит Оксмана за присланный ему «Научный ежегодник за 1954 год» СГУ. См. прим. 12 к п. 25.

[2] 13 мая 1956 года К. И. Чуковский записал в дневнике: «Застрелился Фадеев. Мне сказали об этом в Доме творчества <...> Мне очень жаль милого Александра Александровича — в нем — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие. Он — по существу добрый, человечный, любящий литературу „до слез умиления“, должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем — и пытался *совместить* человеч-

ность с гепеушничеством». Комментируя эту запись, Е. Ц. Чуковская писала: «В Переделкине знали, что Фадеев оставил письмо в ЦК. Содержание этого письма стало известно лишь через 34 года. Осенью 1990 г. письмо было напечатано в „Известиях“, „Лит. газете“, „Гласности“. Но наиболее обстоятельная публикация (включая факсимильное воспроизведение), а также докладные записки от 14 и 22 мая 1956 г. в ЦК КПСС от председателя КГБ И. А. Серова о ходе следствия по этому делу и, наконец, письмо А. Фадеева к В. Ермилову напечатаны в „Известиях ЦК КПСС“. 1990. № 10, с. 146–155» (*Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комм. Е. Чуковской. С. 214, 215, 561). В предсмертном письме Фадеев, в частности, писал: «Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, — физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих: лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет. <...> Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. <...> Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь, клевета, ухожу из этой жизни» (Письма прошлых лет. О предсмертном письме А. А. Фадеева // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 146–155). Некролог, опубликованный в «Правде» спустя два дня после самоубийства, содержал оскорбительные для памяти Фадеева строки, грубо маскирующие абсолютно ясные для значительной части литературной общественности причины его трагической гибели: «В последние годы А. А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные врачебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством» (Правда. 1956. 15 мая. № 136. С. 3).

[3] Совещание Международного комитета славистов проходило в Москве с 17 по 22 мая 1956 года. См.: *Трубачев О. Н.* Совещание Международного комитета славистов в Москве // Известия ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 4. С. 388–392. В письме упомянуты: историк литературы, славист, глава Института славяноведения в Париже, вице-президент Международного комитета славистов Андре Мазон (1881–1967); литературовед и лингвист Роман Осипович Якобсон (1896–1982); Александр Белич (1876–1960) — сербский лингвист, получивший высшее образование в Российской империи в 1895–1898 годах и удостоенный звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук в 1910 году, глава югославской делегации на IV Международном съезде славистов в 1958 году; Адольф Стендер-Петерсен (1893–1963) — датский лингвист, историк литературы, родившийся и до 1916 года живший в Санкт-Петербурге; Богуслав Гавранек (1893–1978) — чешский филолог-славист, лингвист, специалист по диалектологии и сравнительной грамматике, профессор университетов в Брно и Праге; Элизабет Хилл (Елизавета Федоровна Хилл; 1900–1996) — лингвист, в 1948–1968 годах — профессор отделения славистики Кембриджского университета. IV Международный съезд славистов проходил в Москве с 1 по 10 сентября 1958 года. Гудзий выступил на съезде с докладом «Литература Киевской Руси и другие инославянские литературы» (ограниченным тиражом отдельным изданием напечатан в 1958 году; см. также публикацию доклада в составе сборника: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 7–60). Резюме выступлений Оксмана см.: IV международный съезд славистов. Материалы дискуссий. Т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962. С. 219–223, 316–318, 360–361, 586–587.

(*Продолжение следует*)

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-186-198

© *Т. Г. Иванова*

ДВА ТОПОСА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ О ЕРМАКЕ

Песни о Ермаке Тимофеевиче (ок. 1532 — 6 (16).08.1585), покорителе Сибири, в кругу устных исторических песен XVI века занимают особое место. Этот цикл знаменует наметившиеся подвижки в песенно-историческом мышлении: героем становится человек из народа (ранее — былинный богатырь, московский царь, видный военачальник), более того, начинает складываться коллективный образ низших социальных слоев (казаки). Идейно-художественные находки цикла о Ермаке, возникшего в конце XVI века, в следующем столетии, в XVII веке, нашли продолжение в другом песенном цикле — о Степане Разине.

Как известно, до нашего времени дошло очень мало документальных сведений о Ермаке, причем некоторые из них весьма недостоверны. В целом, исследователи по летописям (Есиповской, Строгановской, «Истории Сибирской» С. У. Ремизова с входящей в нее «Летописью Сибирской краткой Кунгурской»), письменным документам (немногие царские грамоты с упоминанием имени Ермака) и произведениям устной народной словесности выстраивают следующую биографию Ермака. По происхождению он мог быть или донским (малодостоверная версия), или волжским казаком, или выходцем из с. Борок (ныне с. Игнатьевское Красноборского района Архангельской обл.), или же его корни уходят в г. Суздаль, откуда родом был его дед (отец же ушел на р. Чусовую в вотчины промышленников Строгановых).

Скорее всего, Ермак был казаком (от тюркского — «удалец», «вольный человек»). В XIV веке казаками именовали «гулящих» людей, не приписанных ни к одной тягловой общине. С конца XV века казаками стали называть вольных людей, ушедших на южные окраины Русского государства — междуречье Дона и Волги (Дикое поле). Со временем появились служилые казаки, пошедшие на службу Москве в качестве своего рода пограничной стражи, и вольные казаки, предпочитавшие полную независимость от властей.

Исследователи полагают, что Ермак в молодости, будучи рядовым казаком, мог в 1552 году (тогда он родился в начале 1530-х годов) участвовать во взятии Казани (единственное доказательство этого предположения — песни Ермакова цикла). В начале 1560-х годов Ермак, вероятно, уже имел свою ватагу и «полевал» в Диком поле и за его пределами, т. е. совершал набеги на столь же немирных соседей, как и его собственные соратники. В 1577–1578 годах он, по некоторым документам, находился у Строгановых в Прикамском крае, участвуя в семейных несогласиях этого купеческого рода. Летом 1580 — весной 1581 годов Ермак был где-то в низовьях Волги, дважды совершил набеги на ногайские улусы. В апреле 1581 года его ватага откликнулась на призыв Ивана Грозного к казакам принять участие в военных действиях в рамках Ливонской войны; в мае–июне Ермаковский отряд находился в Можайске, а затем под Могилевом (если упоминаемого в документах Ермака идентифицировать как будущего покорителя Сибири). В августе 1581 года ватага была уже на Волге, где устроила засаду ногайскому послу, следовавшему в Москву. В 1582 году Ермак располагался на Яике; отсюда из городка Кош-Яик в июне он направился к Строгановым, которые пригласили его ватагу для отпора набегам сибирских татар. Согласно Строгановской летописи, 28 июня Ермак был уже в строгановском Орле-городке, отбил нападение на городки на р. Чусовой.

Далее события развивались стремительно. В августе 1582 года у Ермака уже не только сложился план продвижения в Сибирь, но и сделаны все необходимые приготовления. С отрядом, который, как считают исследователи, насчитывал 600 человек, он пошел следующим маршрутом: р. Чусовая → ее приток Серебрянка → затем пешком (бросив струги) через Урал на восточный склон → р. Жаровля → р. Тагил → р. Тура → р. Тобол. На Иртыше, близ устья Тобола, находился город Кашлык (Кышлык) — столица Сибирского ханства Кучума, который бежал от Ермака. Здесь отряд Ермака зазимовал; здесь же атаман принимал родоплеменную знать хантыйских и мансийских племен, приводя их в русское подданство. Из Кашлыка в декабре 1582 года Ермак направил с ясаком к Ивану Грозному своего сподвижника Ивана Кольцо, который вернулся к Ермаку 1 марта 1583 года. Из Кашлыка же в 1583 году Ермак совершил походы за ясаком по Иртышу до Оби, вступая, в случае сопротивления, в военные столкновения. Летом 1584 года Ермак был на реке Тавда, после чего вернулся в Кашлык. В сентябре на реке Таре в стане карачи (татары) был убит атаман Иван Кольцо. Зимой 1584/1585 годов татары обложили Кашлык, отрезав казаков от возможности добывать продовольствие. Ермак с отрядом разбил нападавших и пошел походом по Иртышу на юг. При возвращении в Кашлык отряд подвергся нападению со стороны Кучума, и Ермак во время схватки погиб.[1]

Имя Ермака зафиксировано в 10 сюжетах исторических песен:[2] «Поход голытьбы под Казань» (№ 308–317), «Разбойный поход на Волгу» (№ 318–327), «Ермак в казачьем кругу» (№ 328–355), «Казаки убивают царского посла» (№ 356–357), «Взятие Ермаком Казани» (№ 358–363), «Ермак у Ивана Грозного» (№ 364–369), «Ермак и Ицламбер» (№ 370), «Турки нападают на казачью крепость» (№ 371–376), «Ермак и турецкий султан» (№ 377–385), «Ермак просит выпустить его из неволи» (№ 386–387). Тексты записаны в основном в Поволжье, на Дону, на Урале (Кирша Данилов), у уральских (яицких), оренбургских и терских казаков. Отдельные варианты зафиксированы в Якутии (№ 335), куда песни могли быть занесены теми же казаками, и на Русском Севере (№ 334, 357, 369), что, скорее всего, вызвано мобильностью местного мужского населения, побывавшего, например, в армии.

Песни о Ермаке содержат целый ряд топонимов, выявляющих специфическую картину мира, отличную от пространственных представлений главных песен XVI века («Кострюк», «Гнев Ивана Грозного на сына», «Смерть царицы», «Оборона Пскова от Стефана Батория» и др.). Пространство в сюжетах о покорителе Сибири — в основном поволжское, донское, северокавказское и сибирское, т. е. окраинное для России XVI века.

Рассмотрим два топоса в песнях о Ермаке — «выбор локуса (места) из возможных вариантов» и «перечень городов, которые надо скрытно пройти». Каждый из топосов встречается в двух-четырех сюжетах. Топос «*выбор локуса (места) из возможных вариантов*» зафиксирован в сюжетах «Ермак в казачьем кругу», «Казаки убивают царского посла», «Взятие Ермаком Казани», «Ермак у Ивана Грозного». Этот топос, без сомнения, сформировался на основе соответствующего былинного типического места — выбор богатырем пути на росстани. В былинах топос наличествует, например, в сюжете «Алеша Попович и Тугарин». В одном из печорских вариантов на росстани Алеша Попович вместе со своим спутником Екимом отказываются от Суздаля (там питья много — молодцы могут «испропитисе») и от Чернигова («В Чернигове-граде девки хороши» — пойдет про молодцев «славушка недобрая»), а выбирают Киев, т. е. служение государству.[3] Былинный топос «выбор места» строится исключительно на названиях городов, т. е. локусов, которые репрезентируют освоенное (культурное) пространство.

---

[1] *Копылов Д. И.* Ермак. Иркутск, 1989; *Скрынников Р. Г.* Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская Одиссея Ермака. Л., 1989.

[2] Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера текста и стиха.

[3] Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. С. 523; № 115, ст. 11–12 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1).

В исторических песнях о Ермаке, напротив, важными (но не единственными) маркерами оказываются топонимы, обозначающие речное (природное) пространство. Таким образом, богатыри — персонажи, выражающие государственную идею; герои исторических песен о Ермаке — «гулящие» люди, находящиеся за пределами социальной нормы.

Топос «выбор места» в песнях о Ермаке (в основном в сюжете «Ермак в казачьем кругу») представлен во множестве вариаций, в которых прочитываются две разные стратегии. Первая стратегия связана с манифестацией абсолютной вольности персонажей песни, не желающих соприкасаться с государством (но не противостоящих ему в агрессивной форме); вторая — включение «гулящих» людей, несмотря на приверженность вольности, в решение государственных задач.

Варианты, относящиеся к *первой версии*, весьма разнообразны. После перечня определенных локусов герои выбирают одну из рек, что в XVI–XVII веках воплощали вольность, т. е. территории, которые еще не находились под жестким управлением государства. Прежде всего, это, конечно, тихий Дон:

На Яик-город идтить — переход велик,
Под Казань идтить — полоненным быть,
На Рассеюшку идтить — урожаю нет,
На батюшку на тихий Дон идтить —
Нам господь велит.

(№ 342, ст. 12–16)

В других вариантах герои решают зимовать на реке Камышинке (Камышенке):

На Яик идти, ребятушки, — да он переход велик,
А на Волге быть, ребятушки, — да нам все ворами слыть,
Под Казань город идти — да там Грозный царь,
Грозный царь стоит, сам Иван Васильевич.
Нам, казакам, быть да нам переловленным
<...>
Вы пущайтеся, ребятушки, во мать во сине море,
Зимовать мы будем, ребятушки, на речке Камышинке.

(№ 337, ст. 12–25)

Незначительная речка Камышинка (правый приток Волги длиною в 10 км) в XVI–XVII веках занимала принципиальное место в реальной географии Волги. Дело в том, что Камышинка находится в районе сближения бассейнов Волги и Дона, в связи с чем вместе с речкой Иловля (левый приток Дона) она служила в XVI веке местом перехода с одной реки, воплощавшей собой вольность (Дон), в другую реку, имевшую то же значение (Волга).

Однако постепенно властная длань Москвы достигла и тихого Дона, и волжской Камышинки. Именно поэтому в топосе «выбор места» как предпочтительные оказываются северокавказские реки Терек и Кума и город Кизляр.

На *Тереке*, известном и по песне «Терские казаки и Иван Грозный», собираются зимовать казаки:

Ой, да зимовать мы будем,
Вот да на Тере...
На Тереке, ой, на быстром,
Вот да, на Тереке.

(№ 343, ст. 33–36)

В одном из текстов «Ермак в казачьем кругу» Ермак и его товарищи, ища вольных и неопасных со стороны московских властей земель, выбирают северокавказскую *реку Куму*, впадающую в Каспийское море:

Ай, ну, пойдемтя-ка, мы, братцы, на Куму,
На Куму-реку.
Ай, на Куме-то реке там и земли во...
Земли вольные...

(№ 341, ст. 39–42)

В песне «Взятие Ермаком Казани» герои также предпочитают идти на Куму-реку: «Пойдемте мы, братцы, на Куму-реку, / На Куме-реке зимовать будем» (№ 363, ст. 1–2). Именно на Куму-реку прибывает к Ермаку царский курьер, после чего Ермак отправляется к государю и получает от него задание взять Казань.

Из северокавказских топонимов исторические песни знают и *Кизляр-город*, расположенный в районе Кумы-реки. Формально являясь освоенным пространством (город), Кизляр в поэтике исторических песен, без сомнения, занимает место природного, неосвоенного локуса:

На Урал, братцы, пойдем —
Переход велик,
На круты горы пойдем —
Нам живым не быть,
Во Кизляр-город пойдем —
Мы домой зайдем.

(№ 344, ст. 19–24)

В определенном смысле выбираемые «гулящим» людом места (Дон, Камышинка, Терек, Кума, Кизляр) в аспекте типологии оказываются родственными Кавказу, Бахчисараю, Бессарабии, которые противопоставлены цивилизованному миру в романтической поэзии начала XIX века («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» А. С. Пушкина). В самих песнях Ермакова цикла, без сомнения, наличествует романтическое (вольное) начало. Типология же художественного мышления столь разнородных явлений — фольклорных песен XVI века и романтической литературы начала XIX века — в построении пространства предстает поразительно схожей, решаемой в одном направлении.

В ряде вариантов топос «выбора места» не имеет завершения, т. е. называются локусы, которые опасны для героев, но не обозначается предпочтительный локус. Топонимический ряд при этом остается тем же, что уже наличествует в других текстах: Яик, Волга, Казань (№ 345, ст. 19–22), Яик, Казань, Дон (№ 346, ст. 19–28; № 348, ст. 25–32).

Как мы уже указали, *вторая стратегия* построения топоса «выбор места» направлена на то, чтобы показать, как разбойничающая вольница втягивается в сферу государственной деятельности. Эта стратегия отвечает и исторической правде (вольные люди, бежавшие в свое время на Дон, стали основой формирования казачества, взявшего на себя функцию стражей южных границ Московской Руси; Ермак, причастный к разбойным походам, присоединил к Руси Сибирь), и поэтическому содержанию исторических песен XVI века («Гнев Ивана Грозного на сына», «Кострюк», «Оборона Пскова от Стефана Батория»), в которых государственная идея и в коллизиях (защита русских городов), и системе образов героев (царь, царица, царевич, воеводы и пр.) является ведущей.

Именно поэтому вольница в песнях о Ермаке в некоторых вариантах решает идти на Казань, чтобы помочь Ивану Грозному взять город. Таким образом, песни о Ермаке оказываются вписанными в тему завоевания *Казани*, что было одним из центральных событий в деятельности молодого Ивана Грозного. Мы оставляем в стороне вопрос, участвовал ли исторический Ермак во взятии Казани или нет: документальных сведений не имеется. Топос «выбор места» важен не в преломлении к биографии Ермака, а, повторим, как топос, реализующий разные идеологические стратегии (вольница и государственность). Вариант № 328 песни «Ермак в казачьем кругу» рисует весьма выразительную картину:

На Яик нам идтить —
Переход велик,
На Дон нам идтить, ребятушки, —
Нам ворами слыть,
А на Волгу нам идтить —
Переловленным быть
И по разным по тюрьмам порассаженным.
(№ 328, ст. 5–11)

В данном тексте одинаково опасными для «гулящих» людей оказываются все казачьи реки: Яик, Дон, Волга. «Ребятушки» собираются идти под Казань, чтобы помочь Ивану Грозному взять город, т. е. решить государственную задачу:

Пойдемте мы, ребятушки,
Казань-город возьмем.
Там Грозный царь стоит
Иван Васильевич.
(№ 328, ст. 16–19)

Песня заканчивается на этой точке. Отметим, что специфика ряда сюжетов о Ермаке состоит в том, что персонажи выражают готовность к какому-либо действию, но само действие (событие) в песне не описывается. Полагаем вслед за Б. Н. Путиловым,[4] что это не признак забвения текстов, а особенность поэтики данного тематического цикла. Заявление о намерении совершить подвиг приравнивается к его свершению. Слово и дело здесь представляют неразрывное единство.

Согласно другим вариантам, взятие Казани даст им возможность просить у царя большой подарок — вольные земли: «И будем просить славный тихий Дон, / С потоками и белой Манычью» (№ 329, ст. 17–18). Обратим внимание на то, что желаемые вольные земли здесь явлены реками (не городами) — «тихим Доном» и «белой Манычью». Однако в формуле «будем просить славный тихий Дон» нарушается историческая правда. На Дон (часть так называемого Дикого поля — слабозаселенные причерноморские и приазовские степи) русские «гулящие» люди начали проникать задолго до XVI века и отнюдь не по повелению государства: они бежали сюда от его гнета. И, скорее, это вольница обеспечила присоединение Дона к крепнущей Москве, а не Москва пожаловала будущих казаков Доном.

Рассматриваемый топос «выбор места» с темой взятия Казани включен в сюжет «Взятие Ермаком Казани», где, в отличие от песни «Ермак в казачьем кругу», имеется развернутая коллизия: Ермак на Волге с казаками рассуждает, куда им идти; решают идти на Казань, чтобы помочь царю взять город; берут его с помощью подкопов. Формула «выбор места» в этом сюжете та же, что в песне «Ермак в казачьем кругу»:

На тихий Дон идтить — переход велик,
А на Яик пойтить — так ворами слыть,
А под Казань грести — государь стоит...
(№ 358, ст. 17–19; см. также: № 359, ст. 20–23;
№ 360, ст. 13–22; № 361, ст. 4–12; № 362, ст. 4–6)

Награда, которую Ермак просит у царя, все та же — тихий Дон:

Не жалуй ты меня городами, подселками
И большими поместьями —
Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон
Со вершины до низу, со всеми реками, потоками,

[4] *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л., 1960. С. 236–258.

Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными!

(№ 358, ст. 170–175; см. также: № 359, ст. 58–60; № 360, ст. 45–47; № 361, ст. 59–60; № 362, ст. 64)

В теме искупления вины вольных людей перед царем помимо Казани может выступать и *Сибирь*. В сюжете «Ермак в казачьем кругу» в некоторых вариантах выбор локуса падает на Сибирь. Так, в песне № 330 Ермак Тимофеевич отказывается от Волги («все ворами слыть»), Яика («переход велик»), Казани («Грозен царь стоит») и останавливается на Сибири: «Так подумайте ж мы — да возьмем Сибирь» (№ 330, ст. 19; см. также: № 331, ст. 19). Таким образом, топос «выбор места» указывает на главный подвиг Ермака — завоевание Сибири. См. также: «Пойдемте мы-ко, братцы, за Урал да возьмем Сибирь» (№ 334, ст. 8; после называния Волги, Казани и Яика).

Иногда сибирская тема получает конкретизацию, опять-таки проявляющуюся через топонимы. После упоминания тех же Волги, Яика и Казани в одном из вариантов читаем:

Идтить — не идтить нам
На Иртыш-реку великую, на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город,
А как взямши город,
Пройдем к царю да поклонимся, воспокаемся.

(№ 332, ст. 27–32; см. также: № 348, ст. 14–17)

Напомним, что Ермак со своей дружиной в поход за Каменный Пояс (Урал) направился осенью 1582 года. Русский город Тобольск, ставший неофициальной столицей Сибири, был основан через два года после гибели Ермака, в 1587 году, однако анахронизмы в историко-песенном фольклоре — явление довольно частое.

Если в песне «Ермак в казачьем кругу» тема взятия Сибири лишь обозначена (слово — дело), то в песне «Ермак у Ивана Грозного» (хотя само событие и там не рисуется) она становится центральной и развернутой в воображаемом диалоге Ермака и царя («Завоюем мы царство Сибирское» — № 364, ст. 54; см. также: № 365, ст. 55). Как и в песне «Ермак в казачьем кругу», в сюжете «Ермак у Ивана Грозного» наличествуют топонимы Иртыш и Тобол-город:

Нам на Волге жить, братцы, — все ворами слыть,
На Яик идти — переход велик.
Идти ль нам, не идти — на Иртыш-реку.
Мы с Иртыш-реки возьмем Тобол-город,
Тобол-город возьмем белой грудью...

(№ 366, ст. 13–17; см. также: № 367, ст. 14–22)[5]

Топос «выбор места» с темой Сибири играет с именем Кучума — сибирского хана, противника Ермака:

Во Казань-то идти нам — быть пойманным,
Во Москву-то идти — быть повешенным.
Не лучше ли нам, братцы, во Сибирь идти.
Во Сибирь идти, царя Кучума воевать?

(№ 336, ст. 3–6)

[5] Естественно, имеются варианты, где логика истории ломается: казаки отказываются от Иртыша («переход велик») и предпочитают зимовать на речке Камышинке (№ 339, ст. 12–14).

Напомним, что Кучум (ок. 1510/1520 — ок. 1601), потомок Чингис-хана, родившийся на Аральском море, в 1563 году в противоборстве с сибирским ханом Едигером убил его и возглавил Сибирское ханство. Поначалу он был готов установить с Москвой даннические отношения, посылая в качестве ясака ценные меха, однако скоро отряды Кучума перешли на территорию Перми Великой и стали тревожить строгановские владения. В результате похода Ермака в Сибирь были разгромлены сибирские города Кучума. После гибели Ермака (1585 год) Кучум продолжал попытки вернуть сибирские земли под свою власть. Погиб он где-то в Ишимских степях в 1601 году.

Рассматриваемый топос «выбор места» может конструировать от имени Кучума географические названия (Кучум-город, Кучумское сарство):

Лучче гранёмче, рэбэты, под Кучум-город.
Ми Кучумское-то сарство вижгём, ви́плиним,
Ми Кучума старика-от во полон полоним,
Ми Кучумиху старуху-ту за шиба вожьмем.
За это государ-сар пожалуёт.

(№ 335, ст. 16–20)

Интересным оказывается вариант сюжета «Ермак у Ивана Грозного» у Кирши Данилова, где в топосе называется строгановское *Усолье*:

В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь-осударь Иван Васильевич;
В Москву идти — перехватанным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным.
Пойдемте мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу...

(№ 368, ст. 20–29)

Далее, напомним, в варианте Кирши Данилова следует не-песенный (прозаический) текст, очень точно описывающий маршрут из Европейской части Русского Севера — по реке Чусовой и множеству других рек — за Урал.

Упоминание Усолья в песне, посвященной Ермаку, является анахронизмом. Север Пермского края начал осваиваться русскими промышленниками, интересовавшимися соляными разработками, с XV века. В 1515 году первый из Строгановых, Федор, основал солеварни на Вычегде (ныне Сольвычегодск). Вскоре Строгановы стали соляными магнатами в крае. В 1566–1605 годах столицей строгановских владений был Пыскор, и только с 1606 (через 21 год после гибели Ермака) по 1771 год центром оказалась слобода Новое Усолье (ныне г. Усолье).

Таким образом, стратегия государственной версии топоса «выбор места» разворачивается вокруг тем взятия Казани и покорения Сибири — главных событий в истории XVI века.

Укажем на единичный вариант топоса «выбор места», в котором упоминается Москва:

Как куды же мы, братцы, воровать теперь пойдём?
А й нам во Казань-город идти — нам убитым быть,
Нам во Востракань идти — быть повешенным.
Ах, пойдем-тко, братцы, в каменну Москву.

(№ 357, ст. 33–36)

Текст завершается на данных строках. Остается неясным, имеем ли мы дело с третьей стратегией реализации топоса (агрессивно антигосударственной — «воровать пойдем» в Москву), или же перед нами незаконченный вариант, продолжение которого могло бы развивать государственную версию.

Вторым принципиально важным в песнях о Ермаке является топос «*перечень городов, которые надо скрытно пройти*». Заметим, что Б. Н. Путилов, обратив на него внимание, акцентирует отнюдь не скрытность, а быстроту продвижения героев: «...путь от моря до Казани атаман предполагает пройти с необычайной быстротой».[6] Быстрота же, по логике исследователя, необходима потому, что Ермак и его товарищи спешат помочь Ивану Грозному во взятии Казани. На наш взгляд, изначальна в рассматриваемом топосе не скорость передвижения, а скрытность, нежелание сталкиваться с властями, сидящими в городах.

Топос «перечень городов» занимает ключевое место в сюжетах «Поход голытьбы под Казань» (№ 308–317) и «Разбойный поход на Волгу» (№ 318–327), строящихся на одной и той же коллизии: добры молодцы («ребятушки») выбирают атамана и есаула; решают, куда им идти. Топос раскрывает волжское пространство, которое можно прочитать одновременно и как природное, и как культурное. Сами добры молодцы — и в первой, и во второй песне — связаны прежде всего с природным пространством.

Песня «Поход голытьбы на Казань» упоминает *Жигулевские горы* — часть Приволжской возвышенности на правом берегу Волги, огибаемой Самарской Лукой. По сюжету песни, добры молодцы хотят скрытно, незаметно пройти мимо перечисляемых поволжских городов и остановиться у Жигулей: «В Жигулевскиих крутых горах остановимся» (№ 309, ст. 26; см. также: № 310, ст. 50; № 312, ст. 28; № 313, ст. 31; № 314, ст. 22; № 315, ст. 13; № 317, ст. 9). Природная суть Жигулей подчеркнута обязательными лексемами ‘горы’ или ‘лес’ («В Жигулевских во лесах / Приостановимся» — № 313, ст. 31–32). Сюжет «Разбойный поход на Волгу» пользуется этим же топосом, также выделяя Жигули как конечный локус (№ 324, ст. 19; № 326, ст. 21). Добры молодцы, выключенные из нормального социума, таким образом, культурному пространству предпочитают природное. Однако пространство самой Волги в песне «Поход голытьбы на Казань» и отчасти в песне «Разбойный поход на Волгу» — это пространство городов, т. е. культурное, освоенное. Правда, суть рассматриваемого топоса «перечень городов» состоит в том, что города здесь становятся лишь вехами на водном пространстве Волги. Герои стремятся незаметно пройти мимо городов, чтобы добраться до желаемых Жигулевских гор.

Наиболее полный перечень волжских городов представлен в песне «Поход голытьбы на Казань»: здесь называются все главные города средней и нижней Волги, т. е. поселения, которые стали русскими в результате присоединения Казанского (1552) и Астраханского (1554) ханств к Москве или возникшие как русские в XVI–XVII веках:

Еще как-то нам, ребята, города пройти?
Астраханское славно царство пройдем с вечеру,
А Царицын-городочек во глуху полнóчь,
А Саратов на белóй заре.
Мы Самаре-городочку не поклонимся,
В Жигулевскиих горах мы остановимся.

(№ 308, ст. 16–21)

Укажем, что вариант № 308 очень точно называет порядок расположения городов с нижнего течения Волги до Жигулей — Астрахань, Царицын (ныне Волгоград), Саратов, Самара и, наконец, предпочитаемые Жигулевские горы. *Астрахань* (в песнях Астрахань, Астраханское царство или же Астраханская губернюшка — см.: № 310, ст. 40; № 311, ст. 34; № 312, ст. 24; № 313, ст. 23; № 315, ст. 9; № 317, ст. 6), напомним, основана во второй половине XIII века как крупный торговый центр Золотой Орды.

[6] *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 249.

Царицын (Царицын-городочек, Царицын-городок, Царицынский городочек — см.: № 309, ст. 18; № 310, ст. 42; № 311, ст. 36; № 312, ст. 25; № 313, ст. 25; № 314, ст. 21; № 315, ст. 10) впервые упомянут в 1579 году в документах, из которых следует, что на острове Царицын русский царь держал заставу из стрельцов.

Саратов (Саратов-городочек — № 311, ст. 37; № 315, ст. 11; № 317, ст. 7) был заложен в 1590 году; это была одна из крепостиц, поставленных воеводой Григорием Засекиным в 1585–1590 годах для защиты вновь обретенных земель. В некоторых вариантах находим топоним ‘Саратовская губерния’ (№ 312, ст. 26; № 313, ст. 27; № 314, ст. 20) — формула, сложившаяся в XIX веке (в 1780 году было создано Саратовское наместничество, преобразованное в 1797 году, после неоднократных перекраиваний земель, в Саратовскую губернию).

Самара была также основана Григорием Засекиным в 1586 году. Этот город занимает особое место в кругу поволжских городов, перечисляемых в песнях. В трех текстах Самара названа среди городов, которым добрые молодцы не желают поклониться (Самара-городочек, Самарской городишка — см.: № 309, ст. 25; № 310, ст. 47–48; № 315, ст. 12). Однако в трех других вариантах имеется интересная формула «Мы Самарушке своей матушке покоримся» или «поклонимся» (№ 312, ст. 27; см. также: № 313, ст. 29–30; № 317, ст. 8). Повторим еще раз, что Жигулевские горы, к которым направляются добрые молодцы, находятся у Самарской Луки. Поэтому не только Жигулевские горы и леса, но и Самара для добрых молодцев оказывается «своим» городом.

Приведем другую версию топоса «перечень городов», мимо которых намереваются пройти добрые молодцы (по песне «Поход голытьбы на Казань»):

Астраханское славно царство пройдем с вечера,
А Царицын-городочек во глухую полнóчь,
А Саратов славный город на белóй заре,
Вольской и Хвалынской среди бела дня.
Сызрану и Самаре не поклонимся,
В Жигулевскиих крутых горах остановимся.

(№ 309, ст. 21–26)

Помимо названных в первой цитате городов здесь упоминаются Вольск, Хвалынск и Сызрань. Все три города именно в таком порядке (снизу вверх) расположены между Саратовым и Самарой. *Вольск* (начальное — Волгск) преобразован в город в 1780 году из Слободы Малыковской, фигурирующей в документах в 1699 году. *Хвалынск* также стал городом и получил свое имя только во времена Екатерины II в 1780 году; с 1556 года это поселение известно как Сосновый Остров. *Сызрань* основана в 1683 году. Данный ряд городов перечислен в единственном варианте № 309.

В третьей версии топоса городов рассматриваемой песни «Поход голытьбы на Казань» находим нижневолжские города Енотаевск (расположен между Астраханью и Царицыном) и Камышин (между Царицыном и Саратовом):

Как минуем
То царство Астраханское со вечеру,
Енотаевск
И Царицын-городок во глуху полночь,
А Камышин
Городочек-то пройдем на белой заре.
Славный город
Саратов пролетим мы середь бела дня,
А Самаре-
Городочку-то мы и не поклонимся,
Во горах-то
Жигулевскиих мы тут пристановимся.

(№ 310, ст. 39–50)

Енотаевск был основан в 1742 году астраханским губернатором Василием Татищевым. Этот город единожды встретился в текстах исторических песен. Поселения на территории *Камышина*, расположенного в устье реки Камышинки, известны еще со времен Золотой Орды; русская же крепость, получившая название Камышин, здесь была поставлена в 1668 году, в царствование Алексея Михайловича. Камышин зафиксирован также в тексте № 316 (ст. 22). Приведем еще один вариант рассматриваемого топоса, сохранившийся в сюжете «Взятие Ермаком Сибири». Здесь называется *Черноярский городок*:

Астраханскую губернию ввечеру пройдем,
Черноярский городок во глуху полночь,
А Камышинку пройдем — кочета вспоют,
А Царицын-городок на белой заре,
А самой Волге-матушке поклонимся.
Как придем мы, ребята, под Казань-город...

(№ 360, ст. 26–31)

Черноярский городок — это Черноярская станица (село) бывшего Астраханского войска, расположенная на севере Астраханской области. Городок был основан в 1627 году на левом берегу Волги, но потом, в 1634 году, перенесен на правый, более безопасный берег.

Один раз в песне встретился *Чебоксары-городочек* (№ 316, ст. 23) — самый верхний из перечисляемых поволжских городов (находится между Казанью и Нижним Новгородом) песни «Поход голытьбы под Казань». Чебоксары, напомним, известны еще с XIV века как чувашский город Веда-Саур.

Песня «Разбойный поход на Волгу», в отличие от «Похода голытьбы на Казань», топос «перечень городов» использует менее регулярно. Текст № 325 называет города, которые герои проходят скрытно, в строгом соответствии с географией: Астрахань, Царицын, Камышин, Саратов, Волжский (т. е. Волгск → Вольск), Хвалынский, Сызрань, Самара и, наконец, конечная цель — Жигулевские горы (№ 325, ст. 54–65). В существенно укороченном варианте топос представлен в тексте № 326: Астрахань и Царицын, которые надо пройти скрытно, Самара-городочек, которому герои поклонятся, и Жигулевские горы, где они остановятся (№ 326, ст. 18–21). В тексте № 324 помимо краткого перечня городов и неправильного их расположения на Волге происходит существенная смена акцентов — разбойнички собираются не незаметно пройти мимо городов, а захватить их и пограбить:

Мы пойдёмтё, разобьёмтё славные ка́рабли,
Мы татарскии, армянски, бусуманские,
Мы Царицын-городочек с вечера́ возьмём,
Остраканско славно царство во глуху́ полночь.
Мы Казане-городочку все поклонимся,
В Жигулевскиех горах мы остановимся.

(№ 324, ст. 14–20)

В песне «Поход голытьбы под Казань», таким образом, ведущей оказывается государственная идея (помощь Ивану Грозному во взятии города, который на протяжении веков был угрозой Руси); в песне «Разбойный поход на Волгу» актуализирована тема волжской вольницы, в социальном плане противостоящей государству. Как же формулируются цели разбойничков в песне «Разбойный поход на Волгу»? В некоторых вариантах — разгуляться на Волге:

Не пора ли нам, дородным, на свежу́ воду,
На свежую воду — на Волгу, на Волгу-матушку?

И станем разбивать бусы-ка́рабли,
Бусы-ка́рабли и лодки легкие...

(№ 318, ст. 17–20; см. также: № 319, ст. 20–23)

В других текстах целью называется грабеж Астрахани (№ 322, ст. 18–19; № 323, ст. 17–19); в третьих — обустроить стоянку в Жигулевских горах:

Уж мы колышки вколотим
Кипарисовы,
А мы чалочки расчалим
Все шелковые,
А мы шатрики раскинем
Канифасные,
Самоварчики поставим
Позолоченные.

(№ 325, ст. 66–73; см. также: № 326, ст. 21; № 324, ст. 19–23)

Осмысливая топос «перечень городов», обратим внимание на то, что бо́льшая часть перечисленных городов или возникли, или получили названия, зафиксированные в песне, позднее эпохи Ивана Грозного (Саратов, Самара, Вольск, Хвалынск, Енотаевск, Камышин, Чебоксары). Это значит, что песня, посвященная Ермаку, продолжала активно развиваться в XVII–XVIII веках.

Любопытна еще одна деталь: старинные русские города Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Тверь, стоящие в верхнем течении Волги, в песне не зафиксированы, т. е. они ей не интересны. Можно, конечно, данный факт объяснять тем, что разбойничьи шайки, включая те, что перерастали в крестьянские армии Степана Разина и Емельяна Пугачева, хозяйничали исключительно в границах Астрахань–Казань, т. е. причины можно искать в исторической действительности. Однако, на наш взгляд, объяснение тому, как формировался перечень городов, следует видеть в законах фольклорной традиции. В исторических песнях «Поход голытьбы под Казань» и «Разбойный поход на Волгу» топос «перечень городов» берет на себя функции, близкие к функциям так называемых «географических песен».

«Географические песни» в настоящее время являются предметом активного исследования. В. Н. Калуцков и А. А. Иванова, авторы монографии об этих формах фольклора, предлагают следующее понимание «географических песен»: «...*под географическими песнями* (ГП) *понимаются фольклорные тексты с ярко выраженной реальной пространственной компонентой* (последняя является сквозным принципом их смысловой и формальной организации). Относясь к географически сориентированному фольклору, ГП всегда связаны с определенной территорией (страной, краем, городом, деревней) и сообществами людей, в них проживающими (именно поэтому с формальной точки зрения они обязательно содержат топонимы, катойконимы, этнонимы, этниконы или антропонимы). В отличие от других песенных фольклорных форм (былин, исторических, балладных, обрядовых и необрядовых песен) художественный мир ГП не замкнут и не является условной поэтической фикцией: в нем в причудливой форме сочетаются реальное физическое пространство и его образное восприятие членами этносообществ. Другими словами, *географические песни — это тексты-описания, тексты-оценки определенных культурных ландшафтов*».[7] «Географические песни», по классификации В. Н. Калуцкова и А. А. Ивановой, могут быть страновыми (охватывают страну или крупный регион), региональными («опевают территорию природного или культурного региона, например, административный район, уезд, соответствующий им бассейн реки»),[8] субрегиональными и локальными.

[7] *Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006. С. 15–16.

[8] Там же. С. 30.

Рассматриваемые исторические песни о Ермаке можно сопоставить со страновыми «географическими песнями». «Страновые песни, — пишут исследователи, — занимают весьма скромное положение в репертуаре географических песен. Одна из причин этого — незначительные пространственные подвижки населения в прошлом и как следствие слабое знание реальной географии страны».[9] Фольклористы в качестве примера приводят единственную песню «Как у нашего хозяина у Логанова» из сборника А. И. Соболевского, охватывающую волжское пространство. В XIX веке «подвижными» слоями общества были бурлаки, плотогоны, ямщики; в XVI–XVII веках, когда формировались исторические песни о Ермаке, мобильным было казачье гулящее население.

«Географические песни», подчеркнем вслед за В. Н. Калуцковым и А. А. Ивановой, очерчивают границы «своего» (освоенного) пространства. К XVI веку верхнее течение Волги уже давно было «своим» и не требовало культурного акцента в этом смысле. Поэтому этот регион и не отразился в топосе «перечень городов» в исторических песнях. Напротив, в культурном сознании русского человека второй половины XVI века Волга (и ее города) в ее течении южнее Нижнего Новгорода еще только становилась «своей» рекой. Процесс освоения Волги — и в практическом плане (строительство новых городов), и в культурном — продолжал быть актуальным и в XVII-м, и в XVIII веке. Именно поэтому исторические песни «Поход голытьбы под Казань» и «Разбойный поход на Волгу» активно впитывают в себя новые топонимы, в том числе и возникшие только в XVIII столетии — Вольск, Хвалынск и т. д. Таким образом, названные исторические песни в скрытом виде содержат в себе «географическую песню».

Отметим также, что в плане поэтики рассматриваемые исторические песни, в которых заложены функции «географической песни» (освоение пространства), смыкаются с названным текстом «Как у нашего хозяина у Логанова», приведенным в книге В. Н. Калуцкова и А. А. Ивановой.[10] Песня называет 27 локусов, расположенных на Волге — от Астрахани до Балахны (стоит чуть выше Нижнего Новгорода). Интересно, что формульный ряд «географической» и исторической песен оказывается одним и тем же. Так, обе песни пользуются словом «городок» («городочек»). В исторических песнях это Царицын-городочек, Самара-городочек, Саратов-городочек, Камышин-городок, Чебоксары-городок, т. е. города, которые не только реально в XVI–XVIII веках были малыми по размеру, но и являлись городами, не игравшими на тот период практически никакой роли в общекультурном сознании русского человека. В «географической песне» «Как у нашего хозяина у Логанова» встречаем: Дубовка-городок, Саратов-городок, Симбирск-городок, городок Балахня.

Историческая песня топоним Казань или оставляет без определения, или называет в основном Казань-город (№ 308, ст. 27), «под городом под Казанью» (№ 309, ст. 13; см. также: № 309, ст. 36; № 310, ст. 30; № 312, ст. 20, 21; № 314, ст. 14, 15; № 316, ст. 21). Правда, зафиксирована и формула Казань-городок (№ 310, ст. 34; № 317, ст. 3), равно как и Нижний городок. Слово «городок», таким образом, является формулообразующим и для «географических песен», и для историко-песенного фольклора.

Из эпитетов и историческая, и «географическая» песни пользуются лексемой «славный»: в «географической песне» — «славная Астрахань»; в исторической песне — «славный Казань-городок» (№ 310, ст. 34), «славный город Саратов» (№ 310, ст. 45–46; см. также: № 309, ст. 23). Эпитет «славный», напомним, в отношении к топониму (в основном к Киеву) сложился еще в былинной традиции.

Общей для исторической и «географической» песни является «родительская» сема, читаемая в гидрониме «Волга-матушка» (в исторических песнях). В «географической» песне, в которой не упоминается Волга, «родительская» сема включена в топонимы «мать Астрахань» и «матушка Самара».

Таким образом, «географическая песня» «Как у нашего хозяина у Логанова» и исторические песни о Ермаке смыкаются не только в единой функции обозначения освоенного пространства, но и в определенной степени — в поэтике.

---

[9] Там же.
[10] Там же. С. 33–34.

Рассмотренные нами два топоса в исторических песнях о Ермаке — «выбор локуса (места) из возможных вариантов» и «перечень городов, которые надо скрытно пройти» — демонстрируют высокий уровень знания певцами географии России (по крайней мере, ее поволжского, донского, кавказского и сибирского регионов). Через географию, особо подчеркнем, реализуется одна из важнейших функций фольклорной традиции — функция исторической памяти устной народной словесности.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-198-203

© *Е. Д. Кукушкина*

«ВДОХНОВЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ВСЕГДА ВЫСОКОЕ...» (ПРИТЧА А. П. СУМАРОКОВА «НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ» И ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ФЕЛИЦА»)

В «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» Г. Р. Державин рассказал, что к поэтическому творчеству его побуждают не только восторг и воодушевление, подобные тем, что он испытал при создании оды «Бог». Иногда, пишет Державин, «вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта». Оно «может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств или собственного состава и расположения поэта».[1]

И. И. Дмитриев утверждал, что Державин умел получать творческий импульс от обыденных вещей, будничных впечатлений.[2] Обладал он также удивительным даром наполнять новым содержанием известные сюжеты, темы, образы и даже слова. Эту особенность его таланта, основанную на развитом ассоциативном мышлении, обнаруживали и современники Державина, и исследователи его творчества. Н. Ю. Алексеева отметила в «Оде на бракосочетание великого князя Павла Петровича с Наталиею Алексеевною» (1773) и в одной из «Читалагайских од» (1775) «поиск своего слова на основе слова Ломоносова».[3] Трудно сказать, какого рода вдохновение посетило Державина, когда он записывал на грифельной доске свое последнее стихотворение, подводя итог раздумьям о быстротечности жизни и непрочности славы. Исследователями отмечалась зависимость этих стихов от Библии, влияние на них барочной традиции,[4] увлечение Державина философскими идеями И.-Г. Гердера.[5] Не исключая всех этих факторов, назовем другой, более близкий источник: пятистрофное стихотворение М. М. Хераскова «Время».[6] Его тема, композиция, ключевые слова и образы были творчески усвоены Державиным, сжаты до восьмистишия и обрели новую жизнь в поэтическом сочинении, получившем название по первым словам «Река времен».[7]

Как нам представляется, стихотворение Сумарокова «Недостаток времени», касающееся важной в то время темы о дворянской службе и досуге, подтолкнуло Державина к собственным наблюдениям и размышлениям об этом и стало творческим импульсом для создания оды, новой по форме и содержанию.

---

[1] Соч. Державина с объяснительными прим. Я. К. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 523.

[2] *Дмитриев И. И.* Державин // Г. Р. Державин в воспоминаниях современников. СПб., 2018. С. 28.

[3] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 316–317.

[4] *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 2000. № 2. С. 156–157.

[5] *Ларкович Д. В.* Державин и Гердер // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2011. Вып. 7. С. 28.

[6] *Херасков М. М.* Время // Полезное увеселение. 1761. Ноябрь. № 20. С. 179. Подпись: М. Х.

[7] См.: *Кукушкина Е. Д.* Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 107.

Важнейшим этическим требованием к дворянину, сформировавшимся в России в Петровское время, было постоянное или достаточно длительное его пребывание на государственной службе. Карьера чиновника, военного или придворного гарантировали ему достойный чин в табели о рангах и безбедное существование. Служба и карьера не потеряли своего значения в глазах общества ни после реформы 1762 года Петра III, освободившей дворян от обязательной службы, ни после «Жалованной грамоты дворянству» (1785), которой Екатерина II окончательно закрепила все дворянские привилегии. В этих условиях писатели, пытавшиеся утвердить свое право на литературное творчество, испытывали большие трудности и вынуждены были искать компромиссные решения. Н. М. Карамзин, нарушая нормы поведения, ожидаемые обществом от небогатого помещика и поступая против желания родных, оставил военное поприще, и только получение звания придворного историографа обеспечило ему творческую свободу. И. И. Дмитриев чередовал службу с продолжительными увольнениями, во время которых занимался сочинительством, и завершил ее министром юстиции. Совмещать деятельность высокопоставленного чиновника с литературными упражнениями удалось Державину, но в своих «Записках» он неоднократно убеждал читателей, что занимался поэзией только в свободное от службы время. Творческий досуг еще долго рассматривался дворянским обществом как синоним праздности, отвлекающей от истинного служения государству.[8]

В несколько ином положении оказался Сумароков. Служба адъютантом графа А. Г. Разумовского и заведующим канцелярии Лейб-компании позволила ему войти в высшее аристократическое общество. В 1751 году он получил чин полковника, затем бригадира, а в 1756 году был назначен директором только что учрежденного Российского театра, продолжая при этом числиться в армии. Но и после увольнения в 1761 году с директорства он продолжал получать прежнее жалованье, сначала по военному, затем по статскому ведомству. Согласно именному указу императрицы Елизаветы Петровны от 13 июня 1761 года, Сумароков получил возможность, «имея свободу от должностей, усугубить свое прилежание в сочинениях, которые сколь ему чести, столь всем любящим чтение удовольствия приносить будут».[9] Несмотря на это, нахождение вне официальной государственной службы тяготило и его. В 1764 году, прося Екатерину II об очередном чине, он сетовал: «Я <...> не имею никакого места и должности. Я ни при военных, ни при штатских, ни при придворных, ни при академических делах, ни в отставке».[10] Получение новых чинов отчасти примиряло его со сложившимися обстоятельствами. В январе 1767 года Сумароков был произведен в действительные статские советники, ему также был пожалован орден Св. Анны с девизом на орденской звезде — «Amantibus justitiam, pietatem et fidem» («Любящим справедливость, благочестие и веру»). Но в 1773 году, обойденный в очередном производстве в чины, он чувствовал себя оскорбленным.[11]

Служением Отечеству стала для Сумарокова писательская деятельность. Ей он отдался со всей горячностью своей натуры. Веря в воспитательную миссию литературы, Сумароков уделил особое внимание сатире. Он учил своих соотечественников достойному поведению, укорял их, насмехался над ними и требовал служебного усердия от дворян.

Сатирическое стихотворение Сумарокова «Недостаток времени» впервые было опубликовано в 1781 году в «Полном собрании всех сочинений». Оно включено в пятую книгу притч. При жизни автора стихотворение не печаталось и попало к издателю, по-видимому, вместе с другими бумагами Сумарокова. С притчей, равно как и с басней, его роднят разностопный стихотворный размер, воспроизводящий разговорную интонацию, и обобщенный образ персонажа:

---

[8] *Клейн Й.* Служба, лень и сладостный досуг в русской дворянской культуре XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2017. Сб. 29. Литературная жизнь России XVIII века. С. 159–173.

[9] Сообщение И. И. Шувалова придворной конторе об увольнении А. П. Сумарокова по его желанию из театра на пенсию // Ф. Г. Волков и русский театр его времени: Сб. материалов. М., 1953. С. 144, 146.

[10] Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 96.

[11] Там же. С. 165 (письмо Екатерине II от 20 мая 1773 года).

Жив в праздности в уделе
И в день ни во един
Не упражнялся в деле
Какой-то молодой и глупый господин.

Сумароков описывает дворянина-бездельника, который

...и мыслию до дел не достигает,
Единой праздности он друг,
Но ту свою вину на время возлагает,
Он только говорит: севодни недосуг <...>
На время он вину кладет,
Болтая: времени ему ко делу нет.

Назидательный характер стихотворения усиливается использованием сниженной лексики, которой Сумароков характеризует человека, не приносящего «отечеству ни малыя услуги» и проводящего «во тунеядстве век»*:* «...не член он тела, бородавка. / Не древо в роще он, но иссушенный кол, / Не человек, но вол, которого не жарят»; «Могу ль я чтить урода, / Которого природа / Произвела ослом?»

Сумароков описывает времяпрепровождение своего персонажа, не удерживаясь от уничижительных характеристик:

Пришло к нему часу в десятом время;
Он спит,
Храпит.
Приему время не находит <...>
В одиннадцать часов пьет чай, табак курит <...>
Так времени его способной час не ведом.
В двенадцать он часов пирует за обедом <...>
А под вечер, болван, он, сидя, убирает
Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет, гад,
И после в карты проиграет.

Моральный вывод, сформулированный в финале, придает тексту расширительный смысл:

Несчастлив этот град,
Где всякой день почти и клоб и маскерад.[12]

Последние строки стихотворения позволяют его датировать.

Петербургский Английский клуб, получивший название Английского собрания, был официально учрежден 1 марта 1770 года по инициативе английского купца Фр. Гарднера (1745–1813), однако фактически он функционировал уже в 1769 году. Его посещали многие представители петербургского общества. Число членов клуба вскоре достигло 300 человек. В 1776 году был открыт Мещанский клуб. Его членами стали представители «весьма различного звания и состояния, начиная от ремесленников до людей подполковничьего чина, то есть 7 класса». В «Описании российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга...», составленном И. Г. Георги, говорится, что посетители клубов «могут приходить ежедневно и читать Ведомости, играть в карты, шашки, шахматы и биллиард, курить табак, хорошо кушать и пить за умеренную цену. Зимою бывают в клобе два, иногда и три бала...». Однако, по мнению Георги, такие заведения «производят вредные следствия: они поощряют к праздности, умножают страсть к игре...».[13] Не одобрял появление клубов и Сумароков. В 1772 году он

[12] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 7. С. 253–254. Курсив мой. — *Е. К.*

[13] *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 634.

сатирически описал времяпрепровождение членов клуба в одном из эпизодов комедии «Вздорщица». В Москве первый клуб, исключительно для дворян, был учрежден в 1780 году.

Особенностью творческой манеры Сумарокова было включение в тексты своих произведений упоминаний злободневных фактов реальной жизни. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что сатирическое стихотворение «Недостаток времени» было написано в конце 1769 — начале 1770-х годов. Эмоциональный накал, которым оно дышит, наводит на мысль, что у Сумарокова был личный повод обвинить в праздности и нежелании заниматься служебными обязанностями некоего чиновного вельможу, от которого он зависел. Существование реального прототипа, по-видимому, сделало невозможным публикацию этого стихотворения.

Выход в свет собрания сочинений Сумарокова не мог остаться незамеченным Державиным, он значился в числе подписчиков на него. Литературное творчество Сумарокова всегда было в поле его внимания. Г. А. Гуковский увидел «явственные следы последовательного подражания Сумарокову» в юношеских эпиграммах Державина и его песнях.[14] С. Н. Глинка находил в оде Державина «Вельможа» тематические заимствования из «Письма о достоинстве» и рассуждения «О добродетели» Сумарокова.[15] В самой ранней из дошедших до нас од Державина, написанной в 1767 году, Н. Ю. Алексеева заметила стих, полемически направленный против неудачного стиха Сумарокова, а в оде Державина «На смерть князя Мещерского» — развитие темы, затронутой Сумароковым в оде «На суету мира».[16] Державин был возмущен эпитафией Сумарокова, сочиненной в связи с публикацией эпопеи Ломоносова «Петр Великий» (1760–1761), и сочинил на нее пародию, используя стихотворный размер и рифмы Сумарокова.[17] Очень точно охарактеризовал отношение Державина к творчеству Сумарокова Я. К. Грот. В биографии поэта он писал: Державин, «ставя себе за образец Ломоносова, не считал Сумарокова достойным подражания. Действительно, хотя в отдельных чертах сочинений Державина и заметны следы влияния Сумарокова, можно утверждать положительно, что в кругу лучших писателей екатерининской эпохи уважение к Ломоносову исключало всякую мысль о подражании его сопернику, — правда, во многих отношениях также даровитому, но лишенному поэтического чутья и вкуса».[18]

Свидетельства знакомства Державина со стихотворением Сумарокова «Недостаток времени» обнаруживаются в оде «Фелица», сочиненной на следующий год после выхода в свет Полного собрания сочинений Сумарокова, т. е. в 1782 году.[19] Их можно заметить в теме оды, ее разговорной интонации и в отдельных лексических сближениях, рассеянных в строфах оды со второй по шестую.

Стихи Сумарокова и ода Державина существенно различаются по объему, по авторским задачам, написаны в разных поэтических жанрах, несопоставимы по художественным достоинствам. Сумароков, не выходя за рамки сатиры, чувствует моральное превосходство над героем своего стихотворения и полагает, что вправе осуждать его за преступную праздность. Державин неотделим от своего лирического персонажа, хотя и не идентичен ему. Тему службы он затрагивает лишь вскользь.

Вдохновение, питавшее Державина при написании оды, по-видимому, возникло от неприятия вызывающе-грубой сатиры Сумарокова, ее прямолинейно-назидательного тона. Ситуации, описанные в сатирическом стихотворении, Державин показывает глазами человека, которого Сумароков так жестоко осудил. Иносказательно обращаясь к Екатерине II, лирический персонаж оды причисляет себя к тем, кто не слишком озабочен служебными обязанностями, кто «мятется житейской суетою», стал «рабом» собственных «прихотей» и не знает, как жить «пышно» (в вариантах

---

[14] *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 188–190.

[15] *Глинка С. Н.* Очерки жизни и избранные сочинения Сумарокова. СПб., 1841. Ч. 1. С. 164; Ч. 2. С. 20–21.

[16] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 313, 327.

[17] См.: Соч. Державина с объяснительными прим. Я. К. Грота. Т. 3. С. 247–248.

[18] Там же. Т. 8. С. 268.

[19] Опубл.: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 1. С. 5–11 (без указания автора).

1783 и 1798 годов «честно») и в то же время «правдиво». Как и персонаж сумароковского стихотворения, он предается долгому сну, а затем ленивым утренним фантазиям, которые обманчиво тешат его самолюбие. При этом Державин слегка перефразирует Сумарокова:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью,
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою.
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю...

Стих Сумарокова «В двенадцать он часов *пирует* за обедом...» преобразуется у Державина в подробное, сочное описание богатой трапезы. Сквозь легкое самоосуждение в оде отчетливо проступает другое чувство — наслаждение жизнью:

Или *в пиру* я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Обращаясь к Фелице, Державин упоминает и другие светские развлечения, о которых с осуждением писал Сумароков и которыми Фелица пренебрегает:

Подобно *в карты* не играешь,
Как я, от утра до утра.
Не слишком любишь *маскарады,*
А в клоб не ступишь и ногой...

Противопоставляя в оде праздность вельмож трудолюбию императрицы, Державин отталкивается от сумароковской трактовки лирического персонажа и подробно, красочно, действуя, по словам Г. А. Гуковского, «на чувственное воображение»,[20] описывает через множество «я» жизнь представителей «развратного» света, блуждающих «между тщеславья и пороком»: «Или с красавицей какой / Я под качелями гуляю...», «Или о всех делах заботу / Оставя, езжу на охоту / И забавляюсь лаем псов...», «Или над Невскими брегами / Я тешусь по ночам рогами...», «Иль сидя дома, я прокажу...».[21] По наблюдениям Й. Клейна, такое количество местоимений первого лица появится у Державина позже лишь в оде «Бог»,[22] но заметим, что в ней многократно повторяющееся местоимение «я» получит иной, более высокий уровень обобщения: не я — вельможа, а Я — Человек.

Сумароковская сатира, переосмысленная и поэтически преобразованная Державиным, привнесла в жанр похвальной оды новые, дотоле незнакомые ей смыслы и художественные приемы. Державин наделяет своего лирического персонажа множеством различных индивидуальных черт, наполняет описание его досуга жизненными подробностями и по-своему их интерпретирует. Персонажем оды становится вельмо-

[20] *Гуковский Г. А.* Первые годы поэзии Державина // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 198.

[21] Цит. по: Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 302–308. Курсив мой. — *Е. К.*

[22] См.: *Клейн Й.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 496.

жа с его недостатками и слабостями, а содержанием — поиск добродетели в обществе, где «соблазн и лень живет». Насмешка и осуждение, подспудно существующие в двадцати шести строфах оды и намекающие на лиц из окружения императрицы, растворяются в похвалах ей и в авторской самоиронии.

Появление в печати Полного собрания сочинений Сумарокова, подготовленного Н. И. Новиковым, стало свидетельством глубокого уважения к первому в России профессиональному писателю. Но оно показало, что целый этап развития литературы, связанный с его творчеством, во многом завершился, а его «воинствующая непримиримость»[23] представлялась теперь устаревшей.[24] Свободное от службы время, ставшее объектом политики еще в Петровское время (вспомним его «ассамблеи»),[25] при Екатерине II получало новое наполнение. Приятный досуг теперь должен был отвечать требованиям нравственности и пользы. Екатерина II, как показывает Державин в оде, в свои «от дел отдохновеньи» пишет сказки, указывая читателям пути к добродетели. К поэзии она относится не только снисходительно, но и с одобрением: «Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна...». По мнению Державина, это делает возможным поощрение ею тех подданных, кто занимается сочинительством.

Ожидания поэта оправдались, своим поэтическим сочинением он снискал благосклонность императрицы и известность в обществе, а русская поэзия обогатилась одой нового типа. Существенную роль в этом сыграл Н. И. Новиков, скрупулезно собравший и опубликовавший творческое наследие Сумарокова.

---

[23] *Стенник Ю. В.* Сумароков // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 569.

[24] См.: *Алексеева Н. Ю.* Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 95–117.

[25] *Клейн Й.* Служба, лень и сладостный досуг... С. 171.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-203-214

© ***К. А. Баршт***

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ: ВОПРОСЫ ПУНКТУАЦИИ*

Необходимость отражения воли автора при публикации памятника литературы, казалось бы, давно определена, задачей текстолога является сохранение ее в максимально полном виде при исправлении типографских погрешностей и цензурно-редакторских искажений. Если произведение литературы было создано в иную эпоху и в иной языковой среде, возникает вопрос об орфографии и пунктуации, равно значимых для образования текстового смысла. Для России, с некоторыми потерями последних десятков лет все еще «литературоцентричной страны», этот вопрос выходит за рамки филологической науки, обретая важное общественно-культурное значение.

К сегодняшнему дню изданы или издаются два десятка Полных собраний сочинений Ф. М. Достоевского,[1] созданных на разных уровнях «полноты» в рамках различных текстологических принципов, от «канонических текстов» Петрозаводского университета, с попыткой воспроизвести тексты в максимально возможной полноте графики

---

* Автор выражает благодарность коллегам, оказавшим содействие в работе над статьей: Н. В. Перцову, С. В. Березкиной, И. Е. Кузнецовой, М. Я. Дымарскому.

[1] *Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб., 2011. С. 7–11.

оригинала,[2] до находящегося на противоположном методологическом полюсе издания под редакцией Г. М. Фридлендера, максимально приближенного к нормам правописания второй половины XX века.[3] В настоящее время в Пушкинском Доме находится в разработке новое, «дополненное и исправленное» Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 35 томах, призванное привести тексты писателя в соответствие с современными требованиями, освободив их от следов советского редакционно-издательского прошлого и идеологической рутины прошлых лет, добавив результаты работы достоеведов за последние полвека. Однако характер «исправлений и дополнений» в тексте 8 тома издания (роман «Идиот»[4]), особенно это касается пунктуации, заставляет вернуться к вопросу о самом смысле научной и общественно-культурной работы текстолога. Академическое Полное собрание сочинений писателя в роли текстологического эталона является источником текстов для массовых изданий, а также для переводов на иностранные языки. В связи с кондициями издания возникала полемика в виде дискуссий на ряде конференций и в научных публикациях,[5] существенный вклад в осмысление проблемы вносит статья С. В. Березкиной.[6] Мы же попробуем проанализировать по существу методологическое направление, которое обретает текстология Полного собрания сочинений в 35 томах, начиная с публикации романа «Идиот». Возникает вопрос, можно ли его считать переизданием фридлендеровского, как это сообщено в преамбуле,[7] и насколько теоретически и прагматически оправдан очевидный сдвиг к пунктуационной «аутентичности» в подготовленном Н. А. Тарасовой тексте романа «Идиот»?

Сказать, что русский язык середины XIX века, в грамматических нормативах которого создавались произведения Достоевского, и современный русский язык — это одно и то же, никто не решится. Книги Достоевского содержат в себе языковые образы повествователя и описываемых им персонажей, которые связывались писателем с мировоззрением русской интеллигенции середины XIX века, ищущей ответа на «проклятые вопросы» и жаждущей социальных и духовных перемен, соответствующих читательским «горизонтам ожидания». С другой стороны, и современный Достоевскому адресат его романов обладал характерной для его эпохи суммой знаний и представлений, специфическим опытом, определенным набором историко-культурных свойств, многие из которых утеряны современным человеком или заменены другими. Поэтому подготовка текста памятника литературы в функции полноценного исполнения авторской воли неизбежно выливается в посредническую или переводческую работу в сфере многоязыкового пространства. Текстолог, подготавливающий литературный памятник (мы считаем «памятником» любой текст, написанный на языке, отличном от нормативного современного), обязан быть билингвой, компетенция которого соединяет в одно целое смыслы, заложенные автором, и готовый для восприятия современным читателем текст произведения.[8]

Разумеется, ни о какой «канонизации» текста памятника в условиях постоянно эволюционирующего кода читательской рецепции и речи быть не может.[9] Сохранение

---

[2] *Захаров В. Н.* Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2009. Вып. 1. Проблемы текстологии романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». С. 20.

[3] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

[4] *Достоевский Ф. М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2019. Т. 8. Далее ссылки на текст романа даются в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера страницы.

[5] *Ветловская В. Е., Тихомиров Б. Н.* Об академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (изд. 2-е, испр. и доп.) // Русская литература. 2009. № 3. С. 69–73.

[6] *Березкина С. В.* «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3. С. 97–109.

[7] От редакции // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 1. С. 5.

[8] Для текстолога, владеющего двумя версиями русского языка — современной и архаической, культурно-языковой билингвизм является условием профессиональной работы; см. об этом: *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. М.; Л., 1947. С. 54–55.

[9] См.: *Березкина С. В.* «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания. С. 107.

текстов в «прижизненном» виде обращает их в музейный экспонат, накрытый стеклянным колпаком, отдаляет от реципиента, тем самым нарушая общий стратегический план автора в его стремлении быть понятым. В то время как именно это его стремление нуждается в поддержке текстолога, который должен не заключать писателя в «золотую клетку», но обеспечить максимальную прагматическую свободу его текстам. В условиях непрерывных изменений языковой среды текст, созданный 150–200 лет назад, выглядит чужим, неорганичным феноменом для современного читателя, обнаруживая в себе целый ряд устаревших коммуникативно-прагматических норм, уводя реципиента от правильного понимания заложенных в тексте смыслов. Читатель наделяет слова и пунктуационные знаки смыслом, связывает их логически в рамках присущих ему грамматических навыков, в пределах опыта обращения к синтаксису языка, из этого рождается интонация. Авторские тексты всегда «рассчитаны на восприятие, понимание и оценку. <...> пишущий (адресант, отправитель) должен создать все условия для адекватного понимания своего замысла», а знаки препинания не должны обращаться в «сущие знаки претыкания».[10] Изучая в этом аспекте супраграфические средства письма, А. А. Реформатский предложил свою «теорию защит», утверждая, что каждый случай использования пунктуации автором художественного текста следует рассматривать как способ сохранения интересов читателя.[11] Игнорирование кода читателя XXI века может дорого обойтись современной культуре — непониманием с последующим падением интереса к творчеству Достоевского, воспринятого в роли «устаревшего». Вероятно, архаическая пунктуация в тексте романа «Идиот» — не слишком желанный подарок писателю к 200-летнему юбилею. Справедливо отмечая, что «пунктуация представляет собой дело большого культурного значения», С. В. Березкина указывает на основной источник «требования сохранения пунктуации Достоевского», которое исходит от «создателей „Канонических текстов“»; не согласованная с современной грамматической нормой запятая «нередко приводит к интонационному утрированию», искажая заложенный автором интонационный рисунок,[12] а иногда и ломает смысл фразы, как мы увидим далее.

В новом академическом издании романа «Идиот» текстологи, вероятно руководствуясь стремлением адекватно передать речевую интонацию, выставили немало знаков такого рода, например: «А тут[,] всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают *наверно*» (с. 22).[13] Отмеченная запятая не оказывает влияния на качество понимания, но помогает услышать тональность голоса персонажа, одновременно с этим не нарушая грамматический строй современного русского языка. В других же случаях пунктуационные знаки оригинала, также не меняющие общий смысл фразы, никак не влияют на интонацию, нарушая при этом грамматические нормы: «Все эти уступки судьбе и вся эта досадная теснота[,] — всё это были глубокие душевные раны его» (с. 85); «Ночь была тихая, теплая, светлая[,] — петербургская ночь начала июня месяца...» (с. 333). В подобного рода примерах исчезает предмет спора — «стиль автора» в силу того, что эти запятые никаким образом передать его не могут, здесь мы имеем дело с реликтом грамматической нормы XIX века, не затрагивающим смысла и интонации фразы.

Вероятно, также в связи с попыткой сохранения авторской интонации в тексте романа «Идиот» появляются запятые между неоднородными определениями, порождая много вопросов: «Он был тепло одет, в широкий[,] мерлушечий[,] черный[,] крытый тулуп...» (с. 6). Для такого текстологического решения надо бы быть вполне уверенным, что эти знаки существенно влияют на смысл предложения, придавая ему какое-то особое значение, современная грамматическая норма отрицает постановку запятых

---

[10] *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка. М., 2006. С. 5.

[11] *Реформатский А. А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 208–215.

[12] *Березкина С. В.* «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания. С. 107.

[13] Здесь и далее спорные пунктуационные знаки заключены в квадратные скобки.

между разнокачественными определениями.[14] Кроме голого «препинания», такого рода запятые ничего не дают, одновременно обращая читателя к бесплодным поискам качественного сходства между словами «широкий» и «мерлушечий», а молодых читателей подвигая к мысли о необязательности грамотного письма. Таких примеров в тексте не один десяток. Фраза: «хотя можно побиться, что в нем не заключается золотых[,] заграничных свертков с наполеондорами» (с. 7) требует раскрытия таинственной связи между золотом и заграничными свертками. Фраза: «штучный[,] дубовый пол» (с. 188), вероятно, не должна сигнализировать читателю, что в голове писателя поселился миф о невозможности существования дубового пола в ином виде, кроме «штучного» исполнения. Может быть, писатель создавал эти конструкции с интонацией перечисления? Или знаки поставлены безграмотным наборщиком в типографии? Ответа нет, недоумение нарастает, уверенность в том, что именно это и есть стиль Достоевского, исчезает, остаются лишь грамматические ребусы. И появляется вопрос, в чем смысл публикации текста классика в переводе на выдуманный язык, которого не было во времена Достоевского и нет в настоящее время? Автор, разумеется, вправе поставить запятую в любом месте между любыми словами, однако намерение не различать драгоценный для нас авторский слог Достоевского и ушедшую в прошлое и интересную только для историков языка норму XIX века должно быть объяснимо и оправданно. В лингвистической литературе есть описание типов интонационного строя, свойственных разным периодам развития языка.[15] И потому механическое воспроизведение знаков пунктуации двухсотлетней давности может не уберечь, но самым серьезным образом деформировать и смысловую, и интонационную систему текста произведения, нарушив тем самым авторскую волю писателя.[16]

Но можно ли быть уверенным в том, что пунктуация в тексте служит исключительно для передачи интонации речи повествователя или персонажа и именно потому заслуживает буквального сохранения? Во время дискуссий автора настоящей статьи с защитниками старой пунктуации звучала мысль, что лишние, не на своем месте запятые — это своего рода «паузы», интонирующие фразу, в этом их ценность и оправдание «аутентичности». Однако на образование смысла художественного произведения работают не только лексические свойства слов, но и связи между ними, управляемые синтаксисом и зафиксированные в структуре пунктуации. Другими словами, пунктуация — это не набор значков, сопровождающих текст и помогающих в чтении, но часть семантического каркаса текста, смысл которого от них напрямую зависит. Говоря о современном русском языке, Реформатский соглашается с тем, что мелодика играет определенную роль в формировании авторской пунктуации, но полностью сводить ее к «авторским паузам» нельзя, она «накладывается диакритически на буквенную систему информации», а «перекодирование устной формы в письменную и наоборот» вещь невозможная; в подтверждение этого он цитирует слова Д. Н. Ушакова: «Пунктуация — это не ноты для чтения».[17] Попытка оправдать безграмотно расставленные знаки препинания тем, что это своего рода «интонационные паузы», упирается в мысль Н. И. Жинкина о том, что «смысл написанного и читаемого текста не совпадает с текстом слышимым. Это нарушение акта идентификации текста, т. е. потеря текста».[18]

Как известно, для Достоевского в процессе работы над художественной формой важное значение имели идеографические, невербальные знаковые системы,[19] нет сом-

---

[14] Правила русской орфографии и пунктуации: Полн. академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2007. С. 223–227.

[15] См.: *Блохина Н. Г.*, *Дриняева О. А.* Русская пунктуация // Современная лингвистика и литературоведение. 2013. № 2 (48). С. 144–149.

[16] *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. С. 44–45.

[17] *Реформатский А. А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. С. 215.

[18] *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982. С. 90.

[19] См.: *Баршт К. А.* Рисунки и каллиграфия Ф. М. Достоевского. От изображения к слову. Бергамо, 2016. С. 317–424.

нений, что ему небезразлично было то, как стоят запятые в его произведениях, он строго контролировал соблюдение современных ему правил грамматики в рамках основной стратегической цели — быть понятым читателем. Поэтому важно различать, где налицо лишь грамматическая норма XIX века, ничего не сообщающая об авторском стиле писателя, а где налицо следы его авторского стиля. Согласно выводам Н. В. Перцова, русская пунктуация XIX века была по преимуществу интонационной, она «гораздо более чувствительна к интонационно-мелодической стороне речи, чем современная», в частности, запятая в XIX веке нередко играла роль «паузы», в этом случае «запятыми часто выделяются обстоятельственные группы; запятая нередко ставится перед союзом *и*, разделяющим члены сочинительной цепочки»; иную функцию, сравнительно с современной, имело употребление точки с запятой и двоеточия (в роли «разделителя» отрезков текста), двоеточия в качестве сигнала «сопоставления, противопоставления, вывода или следствия».[20] Подтверждением мысли Перцова об акценте архаического русского правописания на мелодике речи следует считать наблюдения А. Х. Востокова, который описывал знаки пунктуации как своего рода замену союзам в условиях «отрывистой речи», имея в виду интонационную функцию знаков: «Запятая, показывающая кратчайшую остановку голоса. 2. Точка с запятою, показывающая остановку, вдвое долее запятой, 3. Двоеточие, втрое долее запятой. 4. Точка, показывающая должайшую остановку вчетверо против запятой».[21] Согласимся с тем, что в XIX веке пунктуация действительно служила большей частью для интонирования текста, в то время как сегодня акцент переместился на ее активное участие в образовании смысла, в коммуникативно-прагматической организации текста, «смысловом членении речи».[22] Иными словами, дело тут не в «правописании», но в адекватной источнику параграфемике (метаграфемике),[23] в рамках которой необходим учет текстовых средств передачи информации, выраженных в невербальных системах знаков.

Однако стоит ли игнорировать тот факт, что в XIX веке немалую лепту в «авторский стиль» русской классической литературы внесли наборщики и корректоры в типографиях, которым частенько отдавалось на откуп дело постановки знаков препинания? Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX века. Описан случай, когда Маяковский принес в издательство рукопись без знаков препинания, добавив: «...запятые пусть ставит редактор и корректор, как это полагается».[24] Откуда взялась запятая в тексте Достоевского, возникла ли она по его воле, или по воле Анны Григорьевны Достоевской, которая переводила в письменную форму стенограммы, сделанные под диктовку мужа, или корректора в типографии? От ответа на этот вопрос зависит, будем ли мы упиваться мнимой достоверностью «авторского знака» — запятой, стоящей между подлежащим и сказуемым, или постараемся с уважением отнестись к тем смыслам, которые писатель влагал в свои тексты.

Вероятно, именно это заставило В. Д. Рака (при участии А. В. Лаврова, В. Е. Багно и С. И. Николаева) составить для нового академического издания Достоевского текстологическую инструкцию, в которой подчеркнут принцип, не вызывающий удивления: «Тексты Достоевского печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации с отдельными отклонениями от них, оговоренными в предисловии „От редакции“ к $ПСС_1$ (т. 1, с. 11–12) и реализованными в этом издании». В статье, анонсирующей издание, справедливо отмечена «коренная добротность» текстов

---

[20] *Перцов Н. В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (к вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 50–51.

[21] *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб., 1831. С. 317–318.

[22] *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка. С. 49.

[23] *Клюканов И. Э.* Печатный художественный текст и его параграфемные элементы // Текст. Высказывание. Слово. М., 1983. С. 55–66; *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982. С. 321.

[24] *Реформатский А. А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. С. 215.

фридлендеровского Полного собрания сочинений Достоевского, которые «перепечатываются из этого собрания сочинений с исправлением погрешностей, выявленных со времени выхода соответствующего тома данного издания»; при этом «изменения, вносимые в $ПСС_2$ в тексты Достоевского, должны соответствовать основным текстологическим принципам $ПСС_1$».[25]

Защищая академические текстологические принципы от «жесткой критики оппонентов», авторы публикации отвергают упрек в том, что в первом Полном собрании сочинений «тексты Достоевского были безнадежно искажены, а его подлинная мысль стала недоступной в своих глубинных, тонких оттенках, что выявить ее во всей полноте может лишь орфография и пунктуация источников, воспроизведенная в мельчайших подробностях», применяя следующий аргумент: «приводимые в качестве иллюстрации „порчи“ текстов примеры и обосновывающие их изощренные интерпретации не имеют безусловной убедительной силы, поскольку фигурируют в замкнутом пространстве текстов только Достоевского, не будучи сопоставлены с типографской практикой второй половины XIX века и общераспространенными во времена Достоевского орфографическими и пунктуационными навыками».[26] Нет ни малейших сомнений в правоте этих доводов.

Но у оппонентов остается вопрос, существовала ли вообще грамматическая норма в середине XIX века, во время жизни и творчества Достоевского? Однако грамматическая норма, которую формируют закономерные, повторяющиеся явления, всегда вырастает на основе сложившейся в определенный период письменной практики и отражает особенности эпохи в виде «логически обозримой, четко организованной <...> системы наиболее релевантных знаний»,[27] нарушение же системных свойств пунктуационных знаков со всей неизбежностью приводит «к коммуникативным конфликтам между автором и читателем: используемая пунктуация должна учитывать и интересы читателя».[28] Разумеется, можно до бесконечности муссировать различие между пунктуацией как набором инструментов для организации слов в тексте и правилами, к которым не относится никакая личная пунктуация, каждый раз выступая в роли «авторской», так как любая пунктуация не может не быть «авторской», как нет и некоего образцового языка, он существует как логическая абстракция. Сформированная в языковой среде своего времени, пунктуация Достоевского не является замкнутой и самодостаточной системой, она начинает работать, адекватно или неправильно, в условиях того или иного языкового контекста, в определенных условиях коммуникации, в рамках прагматической ситуации. Любая авторская пунктуация «оправдана и действенна в тех рамках, в которых она опирается на потенциальные возможности языковой системы и служит средством адекватной передачи коммуникативного смысла», у знаков препинания нет иной функции, кроме указателя «коммуникативного устройства высказывания».[29]

Появление в мире Достоевского носителя русского языка XXI века многое меняет в структуре его произведения. Как замечает М. М. Бахтин, активное восприятие эстетического объекта, по сути, есть его «перевод в новый эстетический план», фактически, создание нового эстетически значимого целого: «первоначально данное событие изменяется, обогащаясь принципиально новым моментом — зрителем-автором, этим преобразуются и все остальные моменты события, входя в новое целое».[30] Этот перевод и становится основной культурной ценностью художественного творчества, которое стремится не к самодовлеющей канонизации, но обладает прямо противоположным,

---

[25] *Багно В. Е.*, *Рак В. Д.* О втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2009. № 3. С. 65–67.

[26] Там же. С. 67–68.

[27] *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка. С. 59–62.

[28] Там же. С. 73.

[29] *Кольцова Л. М.* Художественный текст через призму авторской пунктуации. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 2007. С. 18.

[30] *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 149.

прагматическим вектором — к переводу своего внутреннего содержания в иной ценностный план, в противоборстве с которым и возникает художественный смысл. Загромождая несомые текстом смыслы архаическими элементами и грамматическими ребусами, публикатор встает между читателем и Достоевским в роли нелегитимного посредника, затрудняющего чтение.

Заметим, что русскую пунктуационную норму XIX века Ф. И. Буслаев считал существующей именно благодаря «успехам письменности»; анализируя особенности современной ему пунктуационной практики, он трактовал функции знаков именно как «пауз», остановок в речи: «В речи периодической точкою отделяется один период от другого; двоеточием части периода; точкою с запятою — члены периода; запятою — подчиненные части этих последних <...> В кратком периоде части могут быть отделяемы точкою с запятой; тогда члены отделяются запятою. <...> В речи отрывистой предложения могут отделяться одно от другого точкою, двоеточием, точкою с запятой и запятою. <...> После точки ставится иногда тире, для того чтобы показать, что следующая за тем речь не имеет связи с предыдущею».[31] Отражение этих правил мы и видим в прижизненных публикациях Достоевского.

Почему Достоевский систематически ставил двоеточие между частями предложения, воспроизводящего прямую речь, это ли его авторская воля? Ответ можно обнаружить в грамматике Востокова, который указывает, что двоеточие применяется для разделения частей «сложного периода, когда сии половины заключают в себе несколько членов, разделенных уже точками с запятою, или запятыми».[32] Это же касается и передачи прямой речи. Именно в таком виде она предстает перед нами в прижизненных изданиях Достоевского, в рамках сложившейся грамматической традиции. Здесь, а не в «авторской воле» Достоевского ответ на вопрос, почему писатель употреблял двоеточие и точку с запятой таким образом — налицо следование грамматическим правилам середины XIX века: «О, как вы в моем случае ошибаетесь, — подхватил швейцарский пациент, тихим и примиряющим голосом[;] — конечно, я спорить не могу» (с. 7); «Сживывал! — переговорил Рогожин[:] — ты что̀ (sic!) знаешь?» (с. 13). Никакого тайного сакрального смысла в этом наборе знаков («; —» или «: —») просто нет, это след не творческого стиля автора, но архаической нормы XIX века. Согласно современным нормам правописания, что и было сделано в первом Полном собрании сочинений, двоеточие или точка с запятой без ущерба для смысла заменяются на грамматически правильную запятую или точку.

Но к концу XIX века стало складываться понимание пунктуации как дополнительного способа формирования смысла произведения, «облегчения читателю понимания писанной речи».[33] В качестве нормы было зафиксировано, что при передаче прямой речи с «большой буквы пишутся: 1. Первое слово строки, начинающей новый отдел текста, или первое слово после точки. 2. Первое слово чужой речи, приводимой после двоеточия между кавычками (если это слово взято из начала речи, а не из середины)».[34]

В середине XIX века, в рамках пунктуационной методики «пауз», постановка запятой не всегда несла синтаксическую функцию, поэтому выделенное или не выделенное запятыми вводное слово оставалось самим собой: «невесты натурально принуждены же будут[,] наконец[,] взяться сами за ум...» (с. 37[35]); «забрала себе в голову[,] во что бы то ни стало[,] меня замуж за князя Льва Николаича выдать...» (с. 330). Однако в других случаях не выделенное запятыми вводное слово, прочтенное в рамках современной грамматической нормы, обращается в член предложения, либо затрудняя чтение, либо разрушая смысл. Приведем такого рода пример: «смотрели, однако же,

---

[31] *Буслаев Ф.* Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей: [В 2 ч.]. М., 1858. Ч. 2. С. 113.

[32] *Востоков А. Х.* Русская грамматика... С. 325.

[33] *Грот Я. К.* Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1894. С. 101.

[34] Там же. С. 88.

[35] Ср.: *Достоевский Ф. М.* Идиот: В 2 т. СПб., 1874. Т. 1. С. 44.

важно и видимо боялись как-нибудь уронить достоинство» (с. 238[36]), — где акцентируется внимание на боязни прилюдно уронить свое достоинство, что же касается нахождения вдали от общества — там, вероятно, уже совсем другое дело, там достоинство можно ронять уже безбоязненно, в то время как очевидный смысл фразы несколько другой: «смотрели, однако же, важно и, видимо, боялись как-нибудь уронить достоинство...».[37]

Разумеется, стремление к максимальной нагрузке на функцию остранения в формировании новой повествовательной позиции мотивирует писателя на создание тропов, в которых меняется словарное значение слова или грамматическое значение пунктуационного знака — либо в несвойственной ситуации, либо в несвойственном грамматическому коду словосочетании — для выражения нового смысла, который в результате получает вся текстовая система. Язык становится материальной базой для конструирования индивидуального поэтического языка писателя за счет семантического сдвига. В итоге может появиться своего рода пунктуационный троп — запятая или двоеточие в роли метафоры. Эти отступления от правил грамматики совершенно понятны, необходимы и оказываются составной частью системы поэтических языков писателей, ярким свидетельством отличия их творческих стилей. Фиксируя нарушение пунктуационного кода, читатель может пойти по пути вдумчивой интерпретации этого знака, пытаясь отыскать его сокровенный смысл. Но в указанном ряде пунктуационных архаизмов он будет просто спотыкаться о ничем не оправданные неправильности — «претыкания», и архаика будет восприниматься им как простой «информационный шум», как помеха в чтении, коммуникативное содержание которого — перевод словарных значений слов на значения поэтического словаря писателя. Репрезентируя тексты Достоевского в нормах грамматики XIX века, мы предлагаем читателю сделать два перевода: во-первых, с языка позапрошлого века на современный, а затем, во-вторых, с современного на идиолект (поэтический язык) писателя. Нет уверенности в том, что читатель, которому хотелось бы обратиться к творчеству Достоевского, справится со столь сложной задачей.

Конечно, сохранение авторских знаков Достоевского в тех случаях, когда они передают коммуникативный сигнал, например, деление высказывания на тему и рему, обязательно и является святым правилом текстолога. Однако в тех предложениях, где от постановки неправильного знака смысл или даже какой-либо возможный оттенок смысла никаким образом не меняется, это приводит читателя к выводу, что у Достоевского в тексте полно грамматических ошибок. Что дает для понимания авторского стиля Достоевского незакрытый деепричастный оборот: «Она стояла гордо, выпрямившись, закинув голову и с презрительным любопытством рассматривала „этих людишек“» (с. 276), есть ли гарантия, что попрание норм правописания — это «авторский почерк» Достоевского? К архаической норме относится и выделение пословиц кавычками: «знаете поговорку: [„]Кого люблю, того и бью[“]» (с. 115). Выделение частиц запятыми может свидетельствовать о каком-то важном внутреннем смысле, однако оный не всегда обнаруживается: «Князь[,] ведь[,] за границей выучился глядеть» (с. 56). Здесь читатель начинает думать, что, возможно, «ведь» может намекать на некое сопутствующее действие («ведая»), безударная частица, выделенная запятыми, становится камнем преткновения, и сомнительно, чтобы она была связана с глаголом во времена Достоевского и работала в роли вводного в значении «знаете» или «вестимо». Вероятно, именно это соображение заставило Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева принять решение о фразе в виде: «Князь ведь за границей выучился глядеть» (*Изд. 1926*, с. 53).

Такого рода грамматические странности останавливают чтение, побуждая вдумываться в смысл текста в поиске ответа на грамматическую загадку, фактически — создают помеху в восприятии. В ряде фраз неоправданное обособление может склонить читателя к тому, чтобы трактовать наречие как деепричастие: «Князь был поражен

---

[36] Ср.: *Достоевский Ф. М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 229 (далее — *Изд. 1926*).

[37] *Достоевский Ф. М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. С. 215 (далее — *Изд. 1973*).

чрезвычайно и[,] молча, обеими руками обнял Ганю» (с. 113; *Изд. 1926*, с. 108). Если это деепричастие «молча́», структура фразы искажается, сомнительно, что это искажение содержит нечто сокровенное в отношении авторского стиля Достоевского, если же это все-таки наречие «мо́лча», обособление не требуется, оно сбивает читателя с толку, образуя «претыкание». Умышленная путаница «член предложения / не член предложения» гипотетически могла бы входить в творческий замысел Достоевского — такого рода двусмысленные метафоры встречаются в его творчестве. Но чаще подобные потрясения в структуре предложения ничего не обозначают и только озадачивают читателя.

Еще более опасны случаи, когда один смысл незаметно подменяется другим. Описывая характер генерала Епанчина, согласно версии фридлендеровского издания, Достоевский указывает: «Он, например, имел систему не выставляться, где надо — стушевываться» (*Изд. 1973*, с. 14). Во втором Полном собрании, со всей очевидностью методологически опирающемся не на фридлендеровское издание, но на издание 1926 года, предлагается иная версия: «например, имел систему не выставляться, где надо стушевываться» (с. 15; *Изд. 1926*, с. 15[38]). В первом случае персонаж в общении с людьми попеременно то уходит в тень, то лицемерно напускает на себя скромность, во втором — он делает второе *вместо* первого, что само по себе парадоксально, так как эти действия в моральном отношении мало отличаются одно от другого. Зачем заставлять читателя сомневаться в количестве девиц Епанчиных во фразе: «В эти последние годы подросли и созрели все три генеральские дочери, Александра, Аделаида и Аглая» (с. 16), вместо очевидно более ясного: «В эти последние годы подросли и созрели все три генеральские дочери — Александра, Аделаида и Аглая» (*Изд. 1973*, с. 15), где грамматически оправданное тире заменяет эфемерную и лишь создающую путаницу запятую? Порождая логический парадокс, вполне понятный текст: «это был один из больных, у моего профессора и лечился» (*Изд. 1973*, с. 51) — заменяется на «аутентичный»: «это был один из больных у моего профессора и лечился» (с. 57; *Изд. 1926*, с. 55). Возникает следующая парадоксальная картина: он был пациентом профессора, однако этого ему, вероятно, было мало, и еще и лечился — то есть добавочно, где-то на стороне? Ниже следующая фраза может исходить от человека, страдающего тяжелой формой эгоцентризма и нарциссизма, но в романе этого нет, искаженный смысл коренится лишь в неверно расставленных пунктуационных знаках: «Может быть, будут у вас и другие дела, но главное для меня» (с. 78; *Изд. 1926*, с. 75), вместо не вызывающего вопросов: «Может быть, будут у вас и другие дела, но главное, для меня» (*Изд. 1973*, с. 70).

Некорректный пунктуационный знак может изменить характер персонажа, приписать ему несвойственное поведение: «несколько раз предупредительно подмигнул на него сзади и таким образом все-таки ушел не без апломба» (с. 89; *Изд. 1926*, с. 85). Вырисовывается причудливая картина: ушел с помощью или посредством («таким образом») подмигивания. Или все же более понятное: «несколько раз предупредительно подмигнул на него сзади и, таким образом, все-таки ушел не без апломба» (*Изд. 1973*, с. 80). Фраза, неудачно текстологически обработанная, ломает смысл предложения, порождая нелепые идеи о нахождении в Петербурге библейского Иуды собственной персоной: «А, вот он Иуда!» (с. 106; *Изд. 1926*, с. 101.), вместо задуманного писателем переносного значения этого имени: «А, вот он, Иуда!» (*Изд. 1973*, с. 95). «Аутентичное» расположение пунктуационных знаков в ряде случаев способно сформировать почти фантасмагорическую картину в виде «медленно крадущихся шагов»: «потом уже на цыпочках, медленно крадущимися шагами подходил к креслу» (с. 218; *Изд. 1926*, с. 210). Остается вопрос, странная ли это метафора писателя или ошибка издания 1926 года, повторенная сегодня,[39] или все-таки права И. А. Битюгова, которая придала фразе следующий вид, вероятно исправив ошибку набора: «потом уже на цыпочках, медленно, крадущимися шагами подходил к креслу» (*Изд. 1973*, с. 197).

---

[38] О повторении принципов издания 1920-х годов в «канонических текстах» Петрозаводского университета см.: *Березкина С. В.* «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания. С. 98.

[39] О слабости и «субъективности» методологии издания 1926 года см.: Там же. С. 98, 102, 104.

Современная грамматическая система, активно использующая пунктуацию в процессе организации смысла, может обратить в нелепость текст XIX века, где пунктуация имела существенно иной смысл. «Аутентичная» фраза: «Но много ли получишь от русского купца за уроки по гривеннику, да еще с болезненною без ног матерью...» (с. 243; *Изд. 1926*, с. 233) — заставляет читателя включиться в дилемму из двух болезненных матерей, одна из которых «без ног», а другая, не менее болезненная, но «с ногами». А ведь в первом Полном собрании эта фраза уже была профессионально обработана И. А. Битюговой: «с болезненною, без ног, матерью» (*Изд. 1973*, с. 215). Заметим, что пятью строками выше этого места в том же тексте, некритически повторенном в издании 2019 года, в идентичном словосочетании поставлены верные знаки: «с болезненною, страдающею, без ног, матерью» (с. 243; *Изд. 1926*, с. 233), что явственно указывает на типографскую ошибку, возведенную в примету авторского стиля Достоевского.

Н. В. Перцов убедительно демонстрирует, как важно строго воспроизводить все знаки рукописи писателя, правильные и ошибочные, в роли прямого отражения «внутреннего языка писателя» и его творческого процесса, из этого вытекает роль дипломатической транскрипции в реконструкции истории создания литературного произведения.[40] Нет ни малейших сомнений в правоте ученого, практика работы с рукописями Достоевского подтверждает этот вывод[41] — ни один из знаков, вышедших из-под пера писателя, не может быть здесь проигнорирован. Разумеется, вопрос о «грамматических правилах», столь остро стоящий при публикации законченных произведений, уходит на второй план, когда мы имеем дело с черновыми записями.[42] Аутентичные реконструкции категорически необходимы, когда идет работа с записными тетрадями писателя, они позволяют во всей возможной полноте восстановить процесс создания литературного произведения, не теряя ценную информацию. Но это не распространяется на тексты законченных литературных произведений, предназначенных автором для чтения.

Академическое издание памятника классической литературы, согласно сложившейся научной традиции, должно опираться на текстовый смысл, который обеспечивается соответствующей текстовой структурой, в которой равное место занимают пунктуация и орфография источника. Произведения русской классики, которые написаны на языках прошедших эпох, требуют перевода на современный русский язык, как и тексты, написанные на иностранных языках — «не только на современный русский язык, но и на язык современных понятий и представлений».[43] Эта мысль давно уже утвердилась в академической текстологии, принципиально отказавшейся от «аутентичности»: «...сегодня сильным противодействием буквалистической тенденции является необходимость сохранить лингвистические нормы воспринимающего языка, тогда как в эпоху становления литературных языков буквалистическая практика оказывается положительным фактором развития синтаксиса и семантики воспринимающего языка, то есть стимулирует исторически неизбежный процесс вхождения нового языка в систему литературных языков данного культурного ареала».[44] О неоправданном и филологически безграмотном буквализме можно говорить в случае, «если это явление возникает за счет нарушения лингвистических норм воспринимающего

---

[40] *Перцов Н. В.* Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1. С. 75–94.

[41] *Баршт К. А.* Полная дипломатическая транскрипция «первой» записной тетради Ф. М. Достоевского // Текстологический временник. М., 2018. Кн. 3. С. 831–855.

[42] *Перцов Н. В.* Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков. С. 78–79.

[43] *Казнина О. А.* «Литературные памятники» как тип книжной серии: Опыт и проблемы издания. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 7.

[44] *Алексеев А. А.* Текстология переводных произведений (Священное Писание) // Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / При участии А. А. Алексеева, А. Г. Боброва. СПб., 2001. С. 712.

языка».[45] Другими словами, когнитивный конфликт между языком источника и языком реципиента решается в пользу воспринимающего, и это важный принцип отечественной академической традиции. Формулируя задачу текстолога, подготавливающего к изданию литературный памятник, А. Л. Гришунин указывает: «Требование точности текста не означает объективистски пунктуальной его передачи; не точность буквалистская, а точность на основе научной критики текста составляет основополагающий принцип текстологической работы», в процессе которой необходимо устранить из текста все, мешающее его восприятию, включая «неисправности чтения текста, носящие непреднамеренный и случайный характер», что, по мнению ученого, и является подлинным исполнением «намерений самого автора».[46] Эту мысль выражали многие известные текстологи. Так, 25 мая 1955 года Ю. Г. Оксман написал К. И. Чуковскому гневное письмо по поводу ошибки текстологов, ориентировавшихся на «букву» и грубо исказивших строку из сказки А. С. Пушкина «Noël» в Полном собрании сочинений поэта, и собирался сделать доклад «о буквалистски-формалистической текстологии».[47]

Веком ранее ту же мысль высказал Е. М. Филомафитский, утверждая в качестве основной филологической добродетели «справедливое понятие смысла сочинения и точную определенность оного».[48] Он категорически отверг текстологический буквализм, с сарказмом отмечая тех, кто «привязан слепо к формам excursuum и commentariorum, кто считает неприкосновенным все прежде его написанное и напечатанное — особенно писателями, стяжавшими себе славу», в то время как «темнота смысла исчезает в древнем классике от одного только приличного месту и правильного постановления знаков препинания».[49] В необходимые пределы подготовки текста писателями прежних времен, по его мнению, входит задача сделать так, чтобы «всякий понимал мысли его не иначе, как и сам он; или, как говорит Квинтилиан, чтобы не только мог понимать читатель, но и совершенно не мог не понимать».[50] О мучениях читателя, которому предлагают «аутентичную» пунктуацию в издании классика, Филомафитский написал вполне справедливые слова: «Не теряет ли самое сочинение цены своей — когда должно трудиться и над тем уже, чтоб доискиваться смысла, ясного по слогу, темного по расстановке знаков?»[51]

В рамках той же идеи Гришунин противопоставлял текстологическому буквализму верность передачи смысла, выраженного в художественном тексте, который «оказывается очень емким, многогранным, богатым; более богатым, чем кажется на обыкновенный поверхностный и буквалистский взгляд».[52] Эту же точку зрения исповедовал Б. М. Эйхенбаум, подчеркивая, что при издании классиков сохранение языковых особенностей эпохи или данного автора должно осуществляться на том языке, какой принят в читательской среде: «Совершенно ясно, что сочинения русских классиков должны печататься по правилам современной орфографии».[53] Это требование вытекает из самого «конструктивно-синтаксического принципа» современной пунктуации,[54] которая противостоит методико-интонационному принципу пунктуации XIX века, что заставляет самым серьезным образом задуматься над тем, как будут читаться знаки, выставленные по правилам одной нормы, в языковой реальности, сформировавшей иной код прочтения. Задача текстолога в таком случае не подчиняться ни одному из двух языков, архаическому или современному, но решить вопрос в пользу языка самого писателя, который не обязан «архаизироваться» или «модернизироваться», но быть

---

[45] Там же. С. 711.

[46] *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 308.

[47] *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка. М., 2001. С. 75–76.

[48] *Филомафитский Е.* О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности // Соч. в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1822. Ч. 2. С. 86.

[49] Там же. С. 87.

[50] Там же. С. 88.

[51] Там же.

[52] *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. С. 230.

[53] *Эйхенбаум Б.* Основы текстологии // Редактор и книга. М., 1962. Сб. 3. С. 79.

[54] *Иванова Е. Э.* История русского письма. Екатеринбург, 2018. С. 144.

внятным, с сохранением своего характерного стиля письма. При переводе архаической пунктуации на современную грамматическую норму необходимо преодолеть конфликт между «знаками, имеющими условное (логическое или грамматическое) значение, и другими, имеющими произносительный (интонационный или ритмический) и эмоциональный смысл. О первых нечего и говорить: их надо ставить так, как этого требуют современные правила», в то время как вторые нуждаются в особом внимании: сохранение таких знаков должно опираться исключительно на «смысловое содержание» текста, «при переводе старой пунктуации на новую следует сохранять элементы старой в тех случаях, когда они имеют реальное выразительное значение и составляют характерную черту стиля данного писателя».[55]

Характер и образ мышления русского интеллигента XIX века, зафиксированные в текстах Достоевского, вне всякого сомнения, имеют величайшую культурную и общественную ценность, такого рода модели сохранились к сегодняшнему дню только в русской классической литературе. Однако произведения Достоевского обязаны быть актуальной частью современной русской культуры, а не отодвинутыми в прошлое музейными экспонатами, к чему фактически ведет попытка архаизации текстов его произведений.

[55] *Эйхенбаум Б.* Основы текстологии. С. 81–82.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-214-218

© *О. А. Линдеберг*

О ПРОТОТИПЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РАССКАЗА А. М. РЕМИЗОВА «БЕБКА»

А. М. Ремизов создал в процессе творчества целую галерею живых и трогательных детских образов. Это маленькие персонажи его рассказов «Аленушка», «Яблонька», «Звезды», «Мурка», «Слоненок», «Петушок», искренние, наивные, непосредственные. И открывает эту галерею «толстенький мальчик <...> в красной рубашечке и синих штанишках»[1] по прозвищу «Бебка» — главный герой одноименного рассказа.

В этом произведении проявились творческий потенциал начинающего писателя, умение проникнуть в детскую душу, трепетное отношение к миру ребенка. Ремизов с особой теплотой рассказал о чудесном маленьком мальчике «Бебке», который вместе с родителями жил в ссылке на берегу северной реки Сысолы, подружился там с повествователем, alter ego автора, и очень любил цветы и пароходы:

«Бебка влезает на стул и долго глядит на цветы.
— У тебя, Бубука, цветов много?
— Много.
— И желтых?
— И желтых.
— Дай мне один цветок?
Я вынимаю из стакана цветы и подаю Бебке.
— Вот, бери все и поди погуляй, а после я и пищик тебе сделаю.
— Как у парохода?
— Лучше, чем у парохода, только иди и погуляй.
Бебка берет цветы и, роняя их, идет к двери. Я выпускаю его.
В открытое окно долго слышится детский голос, вроде песенки:

[1] *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 5.

Бубука все цветы отдал.
Бубука все цветы отдал».[2]

«Бебка», написанный Алексеем Ремизовым в 1902 году, был одним из первых произведений писателя, появившихся в печати. Литературные мэтры В. Г. Короленко и Максим Горький отвергли рассказ, но другой кумир тогдашней читающей молодежи — Леонид Андреев — принял его и 24 ноября 1902 года опубликовал в газете «Курьер». Сам Ремизов считал публикацию «Бебки» началом своей писательской карьеры. Позднее это произведение вошло в его сборник «Чертов лог и полунощное солнце» (1908), а в годы эмиграции литератор включил «Бебку» в состав подготовленных, но не вышедших при его жизни сборников «Баранки» и «Вереница».[3] Как удалось установить, в 1932 году этот рассказ был напечатан в «Иллюстрированном русско-американском календаре»[4] вместе с рассказом «Аленушка». История первой публикации «Бебки» изучена достаточно подробно,[5] а сам писатель вспоминал о ней в своей книге «Иверень».[6]

Прототипом заглавного героя произведения был маленький сын товарища Ремизова по усть-сысольской ссылке доктора Л. И. Заливского, чье детское прозвище (Бебка) и стало названием рассказа. Долгое время в литературоведческой традиции исследования и комментирования произведения мальчик фигурировал просто как «сын доктора Заливского», а его настоящее имя оставалось неизвестным. Но как же в действительности звали маленького ссыльного товарища Ремизова и как в дальнейшем сложилась его судьба?

Отец мальчика, доктор Леопольд Ипполитович Заливский (1873–1961), по происхождению принадлежал к польской шляхте, родился в Минской губернии, затем учился в Киевском университете. Будучи гимназистом, он познакомился в Минске с марксистом Станиславом Трусевичем,[7] впоследствии женившемся на его сестре, и стал участником революционного движения. В марте 1898 года в Киеве Леопольда Заливского арестовали по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».[8] Он находился в ссылке с 1901 по 1906 год, сначала в Усть-Сысольске, затем в Сольвычегодске. С июня 1901 по 15 июня 1906 года Заливский служил врачом Черевковской лечебницы Сольвычегодского уезда.

Имя матери мальчика — Любовь Семеновна, урожденная Мальская.[9] Она была не чужда литературе, писала стихи. В сохранившемся письме 1915 года она просит Ремизова оценить свое творчество:

«Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Будьте добры, прочтите мои стихи и скажите о них свое мнение. Я намерена издать для солдатиков, только не знаю, стоит ли это делать, т. е. стоят ли они чего-нибудь. Пишу только 5ть месяцев. Их много, посылаю только часть. Поклон Серафиме Павловне.

---

[2] Там же. С. 6.

[3] *Ремизов А. М.* Баранки. Заключевные рассказы; Вереница. Рассказы о детях // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2020. Т. 16. Полунощное солнце (в печати).

[4] *Ремизов А. М.* Бебка. Рассказы для детей // Иллюстрированный русско-американский календарь на год звычайный 1933: Издание Общества русских братств в Соединенных Штатах Северной Америки. Филадельфия, 1932. С. 132–137.

[5] См., например: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 41–52.

[6] *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 452–456.

[7] Трусевич Станислав (псевд. Карл Залевский, 1870–1918) — польский социал-демократ, публицист; в 1907–1914 годах — меньшевик, с 1914 года — большевик.

[8] Подробнее об этом см.: *Манилов В.* Очерк из истории социал-демократического движения в Киеве (80-ые — 90-ые годы) // Летопись революции. Журнал Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (большевиков) Украины. 1923. № 4. С. 5–14.

[9] Сведения из учетной карточки военнопленного Vi-2769 Финского лагеря для военнопленных № 6 (Выборг): https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=91435709; дата обращения: 05.03.2020.

Адрес: Большая Охта. Дребезгова 10, 14.

Ув. Л. Заливская.

Сообщите открыткой, когда послать прислугу за ними».[10]

У Леопольда Ипполитовича и Любови Семеновны было двое сыновей: Ипполит (1897–1959), его-то и прозвали в семье Бебкой, и родившийся в 1907 году Александр, имевший прозвище «Гопка».

Спустя годы Ремизов вспоминал о своем маленьком знакомом: «здоровый мальчик, и совсем не похож на других моих приятелей косоглазых кикимор из белых ночей и крещенских вьюг».[11]

Ипполит учился в Петербурге в гимназии А. Х. Юргенсона и вырос здоровым и сильным молодым человеком. Его, повзрослевшего на берегах Балтики, влекло к себе море.

Осенью 1913 года, в связи со значительной нехваткой офицерского состава на флоте, в Петербурге были открыты Временные курсы юнкеров флота, в 1914 году переименованные в Отдельные гардемаринские классы (ОГК). Курс обучения по программе специальных классов Морского корпуса составлял 32 месяца и включал два заграничных плавания. После практики и сдачи экзаменов гардемарины получали первый чин мичмана. Из теоретических предметов, помимо специальных морских и военных дисциплин, преподавались, в частности, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление, электротехника, физическая география, история военно-морского искусства, богословие, русский, английский и французский языки.[12] Педагогический коллектив классов почти полностью состоял из офицеров флота, в результате чего подготовка осуществлялась лучше, чем в Морском корпусе.

После окончания гимназии Ипполит поступил в Отдельные гардемаринские классы. В 1915 году проводился третий и, как оказалось в дальнейшем, последний набор в классы, который прошел без экзаменов, по конкурсу аттестатов. При приеме большое внимание уделялось здоровью поступавших, особенно тщательно проверялось их зрение.

В связи с военными действиями на Балтийском и Северном морях гардемарины проходили морскую практику на Дальнем Востоке. В первое плавание они отправились после месячного обучения и получения самых необходимых первичных знаний. Их доставили по железной дороге специальным составом во Владивосток. Здесь для проведения практики из состава Сибирской флотилии были выделены вспомогательный крейсер «Орел», заградитель «Монгутай», транспорт «Ксения», подводные лодки «Дельфин» и «Кефаль».[13] На крейсере «Орел» гардемарины ушли в заграничный поход на много месяцев. Из Владивостока судно вышло 8 ноября 1915 года. Маршрут пролегал через Японское, Желтое, Восточно-Китайское, Южно-Китайское моря и Тихий океан. «Орел» заходил в порты Пусан (Корея), Нагасаки (Япония), Гонконг, Хайфон, Камрань и Сайгон (Индокитай), Сингапур, Сандакан (Северное Борнео), Кобэ (Япония) и завершил плавание во Владивостоке 30 марта 1916 года.[14]

Это путешествие сыграло решающую роль в судьбе Ипполита Леопольдовича Заливского. Во время увольнений на берег гардемарины имели возможность посетить Зоологический парк в Сайгоне, Ботанический сад в Гонконге. Богатство и красота растительного мира южных широт произвела неизгладимое впечатление на Ипполита,

---

[10] ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 78.

[11] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. С. 446.

[12] См. об этом: *Тархов В.* Отдельные гардемаринские классы // Военная быль. 1972. № 119; 1973. № 120.

[13] См.: *Шугалей И. Ф.* Подготовка кадров для российского флота в годы первой мировой войны на базе Сибирской флотилии // Шугалей И. Ф. Из истории Тихоокеанского флота. М., 2014.

[14] Подробно об этом плавании см.: Дневник мичмана Ивана Петровича Розова, Третьей роты гардемарин Отдельных гардемаринских классов (О. Г. К.) (ноябрь 1915 — май 1921). От Питера до Бизерты (https://ru.calameo.com/read/002208645297c5dc8bc2b; дата обращения: 05.03.2020).

и в дальнейшем выращивание растений, выведение новых сортов цветов и кустарников стало главным делом его жизни.

Гардемарин Заливский был произведен в мичманы 24 февраля 1918 года, это был последний выпуск ОГК, тогда же классы были упразднены.

Его дальнейшая жизнь не была связана с морем, хотя бóльшую ее часть Заливский прожил на берегу «Маркизовой лужи», в Лахте. Поначалу он служил на Николаевской (Октябрьской) железной дороге следователем революционного комитета, затем контролером, ревизором Рабоче-крестьянской инспекции. В 1930 году Заливский перешел работать на Сестрорецкий инструментальный завод им. С. П. Воскова. Здесь он получил возможность в полной мере заняться своим любимым делом — выведением новых сортов растений, и прошел путь от агротехника заводского совхоза до садовода — начальника цеха озеленения.

Знания по селекции растений Ипполит Леопольдович смог получить, работая лесником на Лахтинской экскурсионной станции, которую тогда возглавлял знаменитый исследователь Арктики П. В. Виттенбург. Там читали лекции известные ученые-ботаники, такие как профессор Д. Н. Кайгородов, Я. И. Пуасон де Монсе. Тогда же Заливский начал работать над гибридизацией цветов. В 1927 году он вывел новый сорт флокса, названный им в честь новорожденной дочери «Елена».

В 1941 году Заливский был призван в ряды РККА, служил рядовым в 30-м отряде ПВО на Карельском фронте. 30 августа 1941 года в районе станции Кайслахти (ныне Попово) южнее Выборга он был ранен и попал в плен. До осени 1944 года Заливский содержался в финском Лагере для военнопленных № 6 (Выборг).[15]

После освобождения из плена Ипполит Леопольдович прошел фильтрационный лагерь и в начале 1945 года был отправлен в Ростовскую область, где ему пришлось трудиться на шахте им. Кирова треста «Несветайантрацит». В следующем году, вернувшись в Лахту, он вновь поступил на работу в цех озеленения Инструментального завода им. С. П. Воскова.

Обширный материал о послевоенной деятельности Заливского собрала И. Н. Плеханова. В посвященной ему статье мемуаристка приводит воспоминания родственников о том, как после возвращения из ссылки «худой, изможденный Ипполит Леопольдович ходил по участкам и собирал уцелевшие растения для дальнейшей гибридизации».[16] Селекция растений продолжилась, Заливским были выведены новые сорта георгин, лилий, флоксов, сирени. Он много работал с розами, приспосабливая эти южные растения к северному климату. Вот что сообщалось в газете «Сестрорецкий инструментальщик» 16 августа 1957 года: «Путем гибридизации И. Л. Заливский вывел 12 новых сортов георгин, более 15 сортов флоксов, несколько сортов и форм декоративных кустарников, таких как парковые розы „Память Воскова“ <...> Выведенные в садоводстве несколько лет назад лилии „Северная Пальмира“, „Сестрорецкая“ и другие теперь широко распространены по всей стране. Многие сорта <...> вошли в фонд Главного и других ботанических садов Академии наук СССР».[17] Выведенные им сорта растений неоднократно участвовали в экспозициях и конкурсах, проводимых на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В руководимом Ипполитом Леопольдовичем цехе озеленения выращивались декоративные растения не только для потребностей завода, который в те годы часто называли «завод-сад», но и для украшения Сестрорецка, окрестных санаториев, пионерских лагерей, детских садов. В заводских теплицах росли и плодоносили мандариновые и лимонные деревья, виноград, различные экзотические растения.

Заливский охотно делился своими знаниями по декоративному садоводству: консультировал студентов, аспирантов, садоводов-любителей; сотрудничал с журналами

---

[15] Обобщенный банк данных «Мемориал». См.: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=91435709; дата обращения: 05.03.2020.

[16] *Плеханова И. Н.* Воспоминаний тоненькая нить. К 110-летию со дня рождения И. Л. Заливского. См.: http://yarkij-sad.narod.ru/index16.html; дата обращения: 05.03.2020.

[17] [Б. п.]. Садовод Заливский // Сестрорецкий инструментальщик. 1957. 16 авг. С. 2.

«Цветоводство» и «Советская ботаника». Кроме того, он стал автором целого ряда книг и статей по выращиванию цветов и кустарников.[18]

В 1958 году Управление озеленения Москвы предложило И. Л. Заливскому представить его лилии на Международной выставке цветоводства 1959 года в Париже. Растения отправились на выставку, но сам их оригинатор был уже серьезно болен. Он пережил Алексея Михайловича Ремизова всего лишь на два года. 15 октября 1959 года Ипполита Леопольдовича не стало.

История жизни ремизовского «чудесного Бебки» — И. Л. Заливского — свидетельствует, что в далеком 1901 году начинающий автор тонким писательским чутьем уловил самую суть души четырехлетнего мальчика, как бы предугадав и назвав главные составляющие его жизни — корабли и цветы.

[18] См.: *Заливский И. Л.* 1) Лилии / Ред. А. С. Лозина-Лозинская. М.; Л., 1952 (2-е изд.: М., 1959); 2) Георгины / Ред. А. С. Лозина-Лозинская. М.; Л., 1954 (2-е изд.: М.; Л., 1956); 3) Декоративные кустарники / Ред. Г. И. Родионенко. М.; Л., 1956; 4) Приусадебный цветник. М.; Л., 1959.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-218-233

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ 1. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ Н. А. БЕРДЯЕВА И Д. В. ФИЛОСОФОВА 1906–1907 ГОДОВ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)*

Публикуемые материалы принадлежат к корпусу переписки З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Философова периода первой парижской эмиграции (1906–1908).[1] Они извлечены из архива Мережковских, хранящегося в амхерстском Центре русской культуры (США, Массачусетс),[2] в котором сосредоточены также такие ценные, до настоящего времени не введенные в научный оборот или известные лишь в извлечениях документы парижского периода, как, например, «дневники» Т. Н. Гиппиус (1906–1908),[3] примыкающие к этому же массиву письма Н. Н. Гиппиус, А. В. Карташева, В. В. Кузнецова (членов неохристианской общины Мережковских),[4] единичные ответные письма З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Философова; корреспонденции С. Н. Булгакова, А. С. Глинки-Волжского, В. В. Розанова, В. П. Свенцицкого, П. Б. Струве и др. Материалы содержат сведения о литературно-общественной деятельности и издательских проектах Мережковских, их интимной религиозной жизни и личных взаимоотношениях.

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ №19-012-00188.

[1] Обстоятельства отъезда Мережковских и Философова из России и пребывания в Париже подробно изложены в работе: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 319–371.

[2] Amherst Center for Russian Culture. Далее — *Amherst*, с указанием названия коллекции и шифра. См.: К истории парижского архива З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. Из переписки В. А. Злобина с Б. И. Николаевским и М. С. Цетлиной / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Русская литература. 2009. № 2. С. 207–223.

[3] См.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 391–455.

[4] См.: *Павлова М. М.* 1) К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; 2) К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 2 // Там же. № 4. С. 166–194.

В публикуемой подборке представлены корреспонденции Дмитрия Владимировича Философова (1872–1940) и Николая Александровича Бердяева (1874–1948). В дополнение к письмам помещаются экспликации из «дневников» Татьяны Николаевны Гиппиус (1877–1957), содержащие упоминания и пространные записи о Бердяеве, образующие своеобразный «бердяевский» сюжет.[5]

Письма Бердяева и Философова относятся ко времени напряженной, весьма драматичной для обеих сторон эпистолярной полемике 1906–1908 годов, возникшей в связи с различной интерпретацией идеи «нового религиозного сознания», выдвинутой Мережковским, и попыткой ее воплощения в созданном Мережковскими и Философовым религиозном коллективе.

Начало диалогу положила публикация в «Вопросах жизни» статьи Бердяева «О новом религиозном сознании» (1905. Кн. 9) и ответной статьи Мережковского «О новом религиозном действии. Открытое письмо Н. А. Бердяеву» (1905. Кн. 10–11). Параллельно с обменом мнениями в печати по вопросу о путях обновления христианства[6] Бердяев и группа Мережковского продолжали прояснять свои позиции в личной переписке.

Существенная часть этой корреспонденции опубликована В. Аллоем.[7] В публикацию вошли пять писем Бердяева: два из них адресованы З. Гиппиус (от 27 марта и 2 июня 1906), три — Философову (от 26 июля 1906; 22 апреля 1907; 15–18 марта 1908);[8] фрагменты отдельных писем этого же периода в извлечениях опубликованы М. А. Колеровым в монографии «Не мир, но меч».

Новонайденные письма, таким образом, восполняют отсутствующие лакуны двухсторонней переписки.[9] Пространное, на 12 страницах, послание Философова (ответ на письмо Бердяева от 26 июля 1906 года[10]) вызывает интерес уже потому, что является непосредственным откликом со стороны «тройственного союза» (Мережковского, З. Гиппиус и Философова) на письма Бердяева. Харизматичное и еще более пространное, на 16 страницах, послание Бердяева от 14 апреля 1907 года (ответ на несохранившееся письмо Философова) демонстрирует накал страстей, «градус» несогласий сторон; в следующем письме от 22 апреля[11] адресант извинялся за резкий тон высказанных им претензий.

---

[5] См.: Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой (в печати).

[6] Обзор печатной полемики Бердяева и группы Мережковского 1905–1908 годов не входит в задачу данной публикации; узловые моменты полемики подробно освещены М. А. Колеровым в книге «Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от „Проблем идеализма“ до „Вех“. 1902–1909» (СПб., 1996; сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 1). Назовем лишь отдельные статьи, актуальные для данного контекста: *Философов Д. В.* 1) На распутье [Рец. на: *Бердяев Н.* Sub Specie Aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 г.). СПб.: М. В. Пирожков, 1907] // Товарищ. 1907. 17 апр. № 244. С. 3; 2) Церковь и революция // Век. 1907. 13 мая. № 18; *Бердяев Н.* К вопросу об отношении христианства к общественности // Век. 1907. 24 июня. № 24. С. 370–375; *Гиппиус З. Н.* Из дневника журналиста. Декаденты и сознание // Русская мысль. 1908. № 2. С. 155–160; *Бердяев Н.* Больная Россия // Слово. 1908. 23 февр. (7 марта). № 388. С. 2–3; *Философов Д.* Сиракузы // Наша газета. 1908. 16 (29) марта. № 1. С. 2; *Бердяев Н.* Мережковский о революции // Московский еженедельник. 1908. № 25. 25 июня. С. 3–19; *Белый А.* Каменная исповедь. По поводу статьи Бердяева «К психологии революции» // Образование. 1908. Кн. 8. Отд. III. С. 28–38.

[7] Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 294–325.

[8] В личном фонде Н. А. Бердяева в Российском государственном архиве литературы и искусства содержатся относящиеся к этому же периоду: 16 писем Бердяева к З. Н. Гиппиус (РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426–427), 4 письма к Д. В. Философову (Там же. Ед. хр. 295), 4 письма к Д. С. Мережковскому (Там же. Ед. хр. 277).

[9] Письма З. Гиппиус к Бердяеву позднейшего времени (1922–1927) см.: *Гиппиус З. Н.* Письма Н. А. Бердяеву // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 181–216; см. также письма 1924–1926 годов: РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426–427.

[10] Письма Николая Бердяева. С. 303–304.

[11] Там же. С. 305–315.

На склоне лет Бердяев вспоминал: «Мережковские всегда претендовали говорить от некоего „мы“ и хотели вовлечь в это „мы“ людей, которые с ними близко соприкасались. К этому „мы“ принадлежал Д. Философов, одно время почти вошел в него А. Белый. Это „мы“ они называли тайной трех. Так должна была сложиться новая церковь Св<ятого> Духа, в которой раскроется тайна плоти. Мой изначальный и обостренный персонализм, который неверно называют индивидуализмом, должен был привести к столкновению. По характеру своему я совсем не подходил к такого рода „мы“. Но я тоже считал себя выразителем „нового религиозного сознания“ и в каком-то смысле остался им и доныне».[12]

Перед отъездом из России Мережковские рассматривали Бердяева как своего ближайшего соратника в деятельности, направленной на формирование религиозной общественности и выработки единой реформаторской платформы. Бердяев был ангажирован ими в антимонархический и антиклерикальный сборник «Царь и революция» (1907),[13] в котором, согласно первоначальному замыслу, предполагалось соединить под одной обложкой боевые статьи бывших сотрудников «Вопросов жизни» (1905) и близких им по духу авторов (Андрея Белого, А. Бенуа, В. Брюсова, С. Н. Булгакова, А. С. Глинку-Волжского, Вяч. Иванова, А. В. Карташева, Н. Минского, В. В. Розанова, В. П. Свенцицкого, С. Соловьева, В. В. Успенского, П. А. Флоренского, Л. Шестова).[14]

Мережковские возлагали на Бердяева особые надежды,[15] желая видеть его со-молитвенником в церкви их толка — Святой Троицы или Иоанновой (прообраз чаемой Вселенской Церкви), которую они противополагали «исторической» («Петровой»). Однако, вопреки ожиданиям тройственного союза, Бердяев занял по отношению к их религиозному коллективу пограничную, крайне настороженную позицию (в отличие, например, от Андрея Белого[16]), определив духовную практику Мережковских как ересь, «демонический эзотеризм, допустимый лишь в подозрительных сектах», подобие масонской ложи.[17]

Из письма в письмо в Париж он формулировал свои contra: «Боюсь, что у Вас есть тенденция образовать секту, маленькую интимную религию, очень интересную, глубокую, завлекательную, но не *вселенскую*. <...> Я люблю Вас, как предтечу, нуждаюсь в Вас, бесконечно обязан Вам, но не могу поверить, что в Вас и только в Вас осуществилась истинная теократия. <...> Ощущаю глубокую мистическую связь с Вами <...> и общность путей, но не ощущаю еще *нашей церкви* и боюсь тут ложного, сек-

---

[12] *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Сост., предисловие, подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. М., 1991. С. 143.

[13] Впервые: *Merejkovsky D., Hippius Z., Filosofov D.* Le Tsar et la Révolution. Paris: Société du Mercure de France, 1907; немецкое издание — «Der Zar und die Revolution» (München; Leipzig, 1908).

[14] Предназначавшаяся для сборника статья Бердяева «Мистика и религия» не была востребована составителями, как и статьи других приглашенных авторов; замысел издания второй части сборника «Анархия и теократия» не был реализован. Бердяев напечатал статью в виде введения к своей книге «Новое религиозное сознание и общественность» (СПб.: М. В. Пирожков, 1907. С. IX–L). О замысле и истории издания сборника см. в статье А. Л. Соболева «Мережковские в Париже (1906–1908)», а также во вступительной статье в книге: *Мережковский Д.*, *Гиппиус З.*, *Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999. С. 14–17 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 4).

[15] В контексте истории взаимоотношений сторон следует заметить, что Философов сдержанно относился к идее сближения с Бердяевым. В апреле 1905 года он писал З. Гиппиус: «Это человек громадного религиозного сознания, понимания, при полном отсутствии религиозного переживания. <...> Отчасти он в тебя влюблен, отчасти он в тебе любит сродство умов, но именно-то он и не понимает, что ему нужно два (ты) для *трех*», и т. д. (*Пахмусс Т. А.* Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 78).

[16] Лит. наследство. 2016. Т. 105. *Андрей Белый*. Автобиографические своды: Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. С. 113–114.

[17] Письма Николая Бердяева. С. 301.

тантского, аскетического, не вселенского пути» (письмо к З. Гиппиус от 27 марта 1906 года); «Что Вы даете современному человеку, что вы советуете делать обращающемуся к Вам ученику <...> вы очень много говорите о том, что близки к тайне и таинству, намекаете постоянно на что-то, известное только вам, но никаких реальных путей сообщения с людьми, даже наиболее близкими, не устанавливаете» (письмо Д. Философову от 22 апреля 1907 года); «*Моему религиозному чувству и моему религиозному сознанию чужда и непонятна ваша идея церковности и ваш путь к ней представляется мне ошибочным, сектантским, слишком человеческим*»[18] (письмо Д. Философову от 15–18 марта 1908 года), и т. п.

Суть вопросов и претензий Мережковских к Бердяеву отчасти просматривается из его писем, содержащих критику их религиозной практики и доктрины. Кроме того, в нашем распоряжении имеется еще один дополнительный источник, позволяющий взглянуть на взаимоотношения сторон в период 1906–1908 годов с нового ракурса (условно его можно назвать «эмоциональным»): это — «дневники» Т. Гиппиус (они же: письма-дневники, письма-отчеты).[19]

Перед отъездом из России Мережковские пытались «прикомандировать» Бердяева к младшему «гнезду» неохристианской коммуны. Внешним основанием для такого соединения было тесное знакомство со времени вологодской ссылки[20] с Ремизовыми (Серафима Павловна входила в «гнездо») и общее с Карташевым поле публицистики на темы религиозной общественности. В отношениях же с Татьяной и Натальей Гиппиус и Василием Кузнецовым,[21] в то время обучавшимися в Высшем художественном училище при Академии художеств, никаких взаимных притяжений не возникало. Все трое были далеки от проблем религиозной общественности, хотя, как следует из «дневников», читали и обсуждали статьи Бердяева в «Полярной звезде», «Московском еженедельнике», «Русской мысли», «Вопросах философии и психологии», «Веке», слушали его доклады, участвовали в заседаниях петербургского Религиозно-философского общества, учрежденного в 1907 году по его инициативе при участии Карташева.

Очень скоро выяснилось, что пестуемый Мережковскими неохристианский союз оказался искусственным и нежизнеспособным. В письме к З. Гиппиус от 27 марта 1906 года Бердяев признавался: «Ощущаю глубокую мистическую связь с Вами <...>. А вот с Карташевым, с Серафимой Павловной, с Вашими сестрами такой связи не ощущаю, хотя хорошо к ним отношусь. Все в личности и через личность!»[22]

В свою очередь, Т. Гиппиус писала сестре: «...хочу подчеркнуть, чтобы вы видели — что моя жизнь с вашей несоединима. Общество, Бердяев, Вильбуа,[23] статьи,

---

[18] Там же. С. 307, 314.

[19] *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 16–40.

[20] О годах вологодской ссылки (1900–1903) см.: *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). С. 127–130 (Бердяев покинул Вологду в 1902 году, последний год ссылки ему было дозволено отбывать в Житомире); в книге Ремизова «Иверень», главы «Розовые лягушки» и «Северные Афины»: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 433–457, 473–505. См. также статью на материалах архива Вологодского жандармского управления: *Соболев А. Л.* Северная ссылка Ремизова: уточнение нюансов // Соболев А. Л. Летейская библиотека: В 2 т. М., 2013. Т. 2. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель Истоар. С. 176–212.

[21] Гиппиус Наталья Николаевна (1880–1963) — младшая из сестер Гиппиус, в 1903–1912 годах обучалась на скульптурном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева. См. о ней: *Логдачева Н. В.* Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2016. Вып. XXVII. С. 172–178. Кузнецов Василий Васильевич (1881–1923) — скульптор, в 1901–1905 годах обучался в Высшей художественной школе при Императорской Академии художеств. См. о нем: *Карпова Е. В.* Петербургский скульптор В. В. Кузнецов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 2006. Вып. VII. С. 547–567. См. также: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1.

[22] Письма Николая Бердяева. С. 298.

[23] Вильбуа Жозеф (Joseph Wilbois; 1874–1952) — французский неокатолик, педагог; автор труда о русской церкви «L'Avenir de l'Eglise» (Paris, 1907); приезжал в Россию. Мережковские были с ним знакомы. В рецензии на книгу Вильбуа Философов писал: «Автор ее неокатолик. Он

общественность — это для вас естественно, для меня нет. Объективно признаю, для вас — правду в этом. Но это одна из правд многообразных, это не всеобщее, из одной общей правды, но не мое. <...> Никакой общественности мне не надо. Все это фальшь» (16 ноября 1907 года).[24]

Между тем «Бердяевский вопрос»[25] в «дневниках» Т. Гиппиус занимает заметное место, Бердяев — один из постоянных персонажей ее сообщений в Париж (наряду с А. А. и Л. Д. Блоками, Андреем Белым, Е. П. Ивановым, Карташевым, Ремизовыми). Для Мережковских эти письма-отчеты были важным неофициальным источником сведений о единомышленниках и оппонентах — своего рода зеркалом настроений литературно-художественной элиты, ближайшего окружения («Вот в дневниках я что: зеркало, что близко, — отражается. (Иногда муха, а не слон)»).[26]

Из текста «дневников» явствует, что в ответных корреспонденциях из Парижа[27] З. Гиппиус информировала сестру о «драматургии» отношений с Бердяевым, вводила в суть разногласий.

«Бердяевский» пласт в «дневниках» объемен, но весьма специфичен, отчасти вследствие несопоставимого интеллектуального веса и разнонаправленных интересов субъекта и объекта, отчасти из-за отсутствия у автора даже минимальных литературных навыков и задач. Развернутых зарисовок и психологических характеристик здесь немного, как правило, записи сводятся к механическому упоминанию о Бердяеве в тех или иных ситуациях, что, тем не менее, не лишено интереса и значения в контексте основного содержания документа (жизнь неохристианской коммуны) и истории взаимоотношений сторон.

После отъезда Мережковских во Францию Бердяев продолжал бывать в доме Мурузи, где обосновалось младшее «гнездо» общины. Т. Гиппиус старательно фиксировала встречи и разговоры с ним, в том числе происходившие на «средах» Вяч. Иванова, у Ремизовых, на вечерах у Н. И. Манасеиной (издательницы журнала «Тропинка»), на лекциях, в театре, в заседаниях Религиозно-философского общества и т. п. Она сообщала Мережковским о настроениях и рабочих планах Бердяева, которыми тот делился с Карташевым, давала оценки его поведению.

Уже в самой первой записи, датированной 25 февраля (9 марта н. ст.) 1906 года — днем отъезда Мережковских и Философова из России, она сделала акцент на обособленности Бердяева в их коллективе. «Вчера стояли, пока красный огонек не скрылся. Потом пошли. Впереди Ната с Кузнецовым, потом я, вблизи С<ерафима> П<авловна>. Дальше Боря с Карташовым <так!>, а Бердяев один посередине. Я ему говорю: „Отчего же Вы отстали?“ — „Нет, я — ничего“, — говорит. Потом стали думать, как ехать <...>. Бердяев говорит: „Не подвезти ли кого-нибудь?“ — „Нет, спасибо, мы ведь все вместе — к Палкину“.[28] — „Ну, да, так вот к Палкину — подвезти…“ — „Спасибо, нас как раз поровну“; (*Хотелось* сказать — ничего, что поровну, — поедемте вместе). Поняла, что не должно из нас[29] выйти. Пошел к дверям — быстро (простился крепко, точно надолго), — с большой головой, на тонких ногах. И стал извозчика нанимать, а мы все вышли и его провожаем. Жалко до выверта».[30]

мечтает о соединении церквей, о реформе католичества и православия. По своим тенденциям он и его единомышленники напоминают кружок церковного обновления» (*Философов Д.* Три книги о России // Товарищ. 1907. 2/15 сент. № 361. С. 3).

[24] *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 4. Folder 32.

[25] Ibid. Box 2. Folder 32.

[26] Письмо Т. Гиппиус Д. В. Философову от 17 ноября 1907 года: Ibid. Box 6. Folder 17.

[27] Письма З. Гиппиус к Т. Гиппиус за 1906–1908 годы не сохранились, за исключением двух (от 5 июля и 30 декабря 1906 года). См.: *Гиппиус З. Н.* Два письма к Т. Н. Гиппиус (1906) / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М., 2020.

[28] Ресторан на углу Невского (д. 47) и Владимирской улицы, принадлежавший Константину Павловичу Палкину (в советское время в здании располагался кинотеатр «Титан»).

[29] Слова, обведенные автором, выделены курсивом и подчеркиванием.

[30] *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1. С. 234.

Как глава младшего «гнезда», Т. Гиппиус чувствовала себя ответственной за каждого из членов коммуны, действительных и потенциальных. В тот же день (25 февраля) она писала сестре: «Бердяев меня как-то все мучит. Не могу о нем забыть. <...> Перед Бердяевым, перед Л<юбовью> Дм<итриевной>, перед Борей, Карташ<евым>, С<ерафимой> Пав<ловной> — мне хотелось, чтобы ты говорила: „*мы тебе передаем всю ответственность*“».[31]

Весной 1906 года художница работала над портретом жены Бердяева Лидии Юдифовны[32] (местонахождение портрета неизвестно),[33] в связи с чем ей приходилось часто бывать в их доме. Они жили в Литейной части поблизости от дома Мурузи — в Саперном переулке, д. 10, в помещении при бывшей редакции «Вопросов жизни». После каждого своего визита Т. Гиппиус делала короткие заметки в «дневниках», например, 5 марта: «Была у Бердяева. Очень недолго, только хотела посмотреть, какой он. Л<идия> Юд<ифовна> меня взяла к себе. Я вынюхивала»,[34] и т. д.

При этом она крайне субъективно, с присущей ей повышенной эмоциональностью, интерпретировала слова и поступки Бердяева, вольно и невольно создавая демонизированный образ — «врага», имитатора, похитителя религиозных идей Мережковских: «Бердяева я боюсь. Потому что он так все понимает (конечно, общее — и, думаю, уже недвижное, оттого и страшное), но умом» (14 ноября 1906 года); «...не имеешь права сказать что-нибудь людям, пока ничего сам не приобрел. А то говори, болтай по-Бердяевски» (26 декабря 1906 года); «Без страдания он и останется граммофоном, радостно мотивчики наигрывать» (16 января 1907 года); «Бердяев очень иной раз страшный бывает, граммофон» (19 января 1907 года); «Нечего с Бердяевым сравнивать. Он ваше развивает, как бы свое» (3 декабря 1907 года); «Бердяевщина делается популярною, всасывается во всех» (14 марта 1908 года),[35] и т. п.

Недоброжелательные, по большей части импульсивные характеристики (нередко со слов С. П. Ремизовой, не благоволившей к чете Бердяевых, о чем она сама не раз писала З. Гиппиус)[36] обсуждались Мережковскими и Философовым и рикошетом откликались в их переписке с Бердяевым. Так, например, исповедальный пассаж на тему страдания и сострадания в письмах Бердяева к Философову от 14 апреля 1907 года (см. п. 2) и следующего, от 22 апреля,[37] можно объяснить предъявленным ему упреком, который, по-видимому, был инициирован письмами Т. Гиппиус, осуждавшей Бердяева за автоматизм, нечувствие к боли и человеческому страданию, к Христу (см. дополнение). Зачастую она выступала в роли «камертона», в унисон с С. П. Ремизовой, настраивая Мережковских и Философова против их оппонента («Я одна за книгу[38] и за слова его так ненавижу. Пусть он совсем от нас уйдет, и вы его отринете — я его так же и вечно буду ненавидеть...», — 16 марта 1908 года).

Письма-отчеты Т. Гиппиус, пронизанные чувством исходящей от Бердяева опасности и недоверия к нему, по-своему могли быть использованы Мережковскими

---

[31] Там же. С. 235.

[32] Бердяева Лидия Юдифовна (урожд. Трушева, в первом браке Рапп; 1874–1945) — переводчица, поэтесса, жена Н. А. Бердяева.

[33] О ее работах см.: *Павлова М. М.* Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (по «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 109–144.

[34] *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 20. Подробнее см.: Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой (в печати).

[35] *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 20.

[36] Этот факт нам известен из «дневников» Т. Гиппиус. Письма С. П. Ремизовой к З. Гиппиус этого периода не сохранились или до настоящего времени не выявлены, за исключением письма, датированного около 29 марта 1906 года, в котором Бердяев не упоминается (см.: *Обатнина Е.* Подруги: Один эпизод из истории отношений З. Н. Гиппиус и С. П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник статей в честь проф. Халины Вашкелевич. Краков, 2014. С. 258). Переписка периода эмиграции опубликована: *Lample H.* Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd 1. S. 164–194.

[37] Письма Николая Бердяева. С. 305–315.

[38] Имеется в виду книга Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность».

и Философовым в эпистолярных дебатах, но, несомненно, не могли серьезно влиять на их литературно-общественные связи с Бердяевым, которые изначально строились на идейной основе.

Разрыв взаимоотношений, произошедший в марте 1908 года, во время пребывания Бердяева в Париже,[39] незадолго до возвращения Мережковских и Философова в Россию, был неизбежен: Бердяев развернулся к Православной церкви и необратимо правел (в направлении будущих «Вех»), Мережковские окончательно полевели (в сторону революционного максимализма — эсеров-боевиков и Б. Савинкова).[40] Идейное размежевание сторон, по мнению М. А. Колерова, стало «одним из главных событий в религиозно-общественной среде конца 1907 — начала 1908 гг.».[41]

Публикуемые материалы представляют интерес не только в контексте истории неофициальных взаимоотношений Бердяева с группой Мережковского, но также в плане его творческой биографии. Они могут служить иллюстрацией и реальным комментарием к отдельным страницам книги «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» (1939–1940), прежде всего, к главе шестой с воспоминаниями о Мережковских,[42] или, например, к психологическому автопортрету философа: «Я всегда обманывал все ожидания. Также обманывал и ожидания всех идейных направлений, которые рассчитывали, что я буду их человеком. Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины. <...> Я никогда не чувствовал себя чему-либо и кому-либо в мире принадлежащим. Я во всем участвовал как бы издалека, как посторонний, ни с чем не сливался».[43]

Размышления Бердяева об аскетизме, «поле», тоске, страдании, философской истине, вере, божественном чуде и др., которые шлифовались в публицистических книгах и философских трудах на протяжении всей творческой жизни, с полной отчетливостью прозвучали уже в 1906–1908 годах в переписке с Мережковскими и Философовым.

Письма Д. В. Философова и Н. А. Бердяева и фрагменты «дневников» Т. Н. Гиппиус печатаются по автографам: Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 6. Folder 49; Box 4. Folder 1; Box 2. Folder 17–35. Орфография и пунктуация приведены к современной норме, за исключением особенностей авторского словоупотребления и отдельных случаев, характерных для грамматической нормы эпохи.[44] Авторское написание в «дневниках» Т. Гиппиус фамилии А. В. Карташева (*Карташов*) и С. А. Соллертинского (*Солляртинский*) сохраняется.

Приношу глубокую благодарность профессору Стэнли Рабиновичу, профессору Майклу Кунитику и сотрудникам Центра русской культуры Амхерста за предоставленные материалы и содействие в работе.

---

[39] См.: Письмо Бердяева к Философову от 15–18 марта 1908 года из Парижа, в котором он сообщает о разрыве отношений: Письма Николая Бердяева. С. 317–324; *Гиппиус З.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. С. 181 (впервые: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 183); *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). С 157–158.

[40] Подробнее см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. 1902–1909. С. 281–295; Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 5–22; «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009.

[41] *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 281.

[42] *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). С. 140–147.

[43] Там же. С. 47.

[44] В ряде случаев возможны неточное и гипотетическое прочтение отдельных слов в письме Бердяева. Это обусловлено своеобразием почерка автора. Аналогичные затруднения испытывали и его корреспонденты, например, 1 июля 1926 года З. Гиппиус писала ему из Канн: «Побочная просьба: нельзя ли иногда воспроизводить полные слова, которые вы думаете, когда пишете ваше письмо? Я сама удивляюсь, как я вас читаю; очевидно, читаю в вашем сердце, ибо на бумаге ничего этого фактически нет (особенно, когда чернила расплываются)» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius. P. 157).

1
Д. В. Философов — Н. А. Бердяеву

3.16.VIII.06
Beg=Meil. «Hôtel de la Plage»
par Fouesnant (Finistère)

Дорогой Николай Александрович.

Да, порою очень грустно и тяжело, это отсутствие общения с людьми душевно близкими. Было нечто очень важное, связывающее, и кто знает, выдержит ли эта скрепа напор времени?

Всякая долгая разлука всегда страшна. И знаете, странный факт. Людям духовно близким очень трудно писать. Я довольно легко пишу людям просто близким, житейски, родственно, и т. п. Но, напр<имер>, Вам писать мне не легко. Слишком сложно, и значительно — по крайней мере для меня — то, что хотелось бы Вам сказать. И както умолкаешь. Просто не преодолеть препятствий.

Тата пишет З<инаиде> Н<иколаев>не каждый день и затем отсылает весь накопившийся за неделю дневник сразу.[1] Получается письмо страниц в 70–80. Это уже какая-то психопатия, но здесь есть что-то прекрасное. Громадное усилие воли, во что бы то ни стало победить время и пространство. Зато Дм<итрий> Серг<еевич> и говорит, что она ничего не делает. В будни письма пишет, а в праздники с Карташевым разговаривает. ____ ____ _____ Выехали мы из Парижа сюда в Бретань не очень удачно. Это было как раз в Воскресенье после роспуска Думы.[2] Поезд отходил в 4 часа. Вышли вечерние газеты, мы их купили тут же на вокзале, и ахнули.

В этот же день утром я был у Макс<има> Ковалевского,[3] который был в Париже проездом в Лондон. Я ему высказывал свои опасения, но он так меня убедил, что Думу не *посмеют* разогнать, что я успокоился.

Разгон произвел на всех нас большое впечатление, и почти неделю мы не могли освоиться, успокоиться.

«Что делать», «Что делать *нам*», вот вопрос, который мучительно лезет в голову. И тут мы часто вспоминали Вас, думали, что, вероятно, и Вы этим мучаетесь. Тоже, вероятно, и Булгаков,[4] Волжский.[5] И Мы почувствовали какую-то связь с Вами, особенно с Вами.

Главное, что нам стало ясно, это то, что каждый день мы должны быть готовы возвращаться. События идут скорее нас. Мы мучительно копаемся в психологии, метафизике, неизмеримо страдаем и мучаемся над целым рядом (крайне для нас важных, но) мелочей, наконец, главная цель нашего общения — все так же далеко, а в «общественности» одно событие валится за другим. Надо и нам торопиться. Строже к себе быть. Это как-то почувствовалось, по крайней мере, мною, очень осязательно.

Выехав из Парижа, мы направились по рекомендации доктора З<инаиды> Н<иколаев>ны,[6] в маленькое местечко Le Pouldu.[7] Но приехав туда, мы ужаснулись пустынности природы и количеству наполняющих отель людей. Пища оказалась прескверная, и мы позорно бежали. После этого долго скитались, пока, наконец, не обосновались здесь. У нас маленький домик, в три этажа. Внизу столовая, в 1 эт<аже> я и Дм<итрий> Серг<еевич>. Наверху в мансардах Зин<аида> Ник<олаевна>. Еду приносят из рядом находящ<егося> отеля. Плохую. Отчего невероятные страдания. У Дм<итрия> Серг<еевича> печень разболелась, у З<инаиды> Н<иколаевны> желудок. И вот каждый день крики «плоти», ругань с «patronne»,[8] и тут же отчаяние, что «плоть» сильна, что нам нужна «пища» первый сорт, не то что Эрну и Свенцицкому[9] и т. д.

Проживем мы здесь еще две недели, т. е. до 19 Авг<уста> ст. ст. (1 сент<ября> н. ст.). А затем в Париж. Что будет в Париже и как мы там будем жить — не знаем. Дело в том, что я остался буквально без копейки. «Страна», закрывшись,[10] объявила мне, что считает условие нарушенным. «Равенство» обещало только гонорар, но после трех номеров погибло. «Наша Жизнь» провалилась также.[11] Конечно, если б я вернулся

в Россию, я сразу, так или иначе, нашел бы заработок. Но тут положение отчаянное. Единственно, откуда я могу что-ниб<удь> получить, это из «Золотого Руна», куда я и написал только что статью о «мистическом анархизме».[12] Дома же дела так плохи, что на помощь и рассчитывать не могу. С другой стороны, пресловутый «Пирожков» потерял в наших глазах кредит, и Дм<итрий> Серг<еевич> совсем потерял надежду, что он сделает свой взнос 1 сент<ября>.

Тогда придется сдавать нашу милую квартиру[13] и поселиться где-нибудь в chambres uteubleés.[14]

Возвращаться же в Россию нам пока *без крайности* не хочется,

1) потому что мы не готовы для *нашего* дела.

2) Потому что нам делать *теперь* нечего, даже если б и были готовы.

3) Конкретно надо издать сборник.[15] Уже все подготовлено, и нет сил бросить это начатое дело. Кроме того, теперь, с возвращением цензурного гнета,[16] возрождением самодержавия, он приобретает новый смысл. Дорогой Николай Александрович! Немедленно посылайте Вашу статью![17] ведь надо все переводить! Она уже включена в сборник. И конечно подойдет.

Вы спрашиваете, какое впечатление на нас произвел Париж. Разное на всех. *Общее* — в том впечатлении какого-то духовного и душевного оскудения, утомления, которым страдают все французы. Ни литературы, ни искусства, ни театра, ни музыки, ни философии. Т<о> е<сть>, конечно, все есть, но все или старое, доживающее свой век, или под-старое.

Надеялись было на анархистов, но их нет. Потому что анархический индивидуализм ушел в тусклое декадентство, а политический анархизм превратился в синдикализм, т. е. в помесь жида с лягушкой. Коммунизм, при ненависти не столько к государству, как к с. д. партии. Я много занимался синдикализмом,[18] накопил попутно кучу материалу, и думаю написать простую (не свою) статью для какого-нибудь толстого журнала (гонорар!). Для сборника — у меня будет статья анархизм и социализм.[19] Я до такой степени бездарен, что мне крайне тяжело писать для сборника. И вообще все более и более убеждаюсь, что «писание» не есть мое дело. Когда вернемся в Россию, я буду искать другого заработка. Опять Публ<ичная> Библ<иотека>[20] или что-ниб<удь> в этом роде. Я отнюдь не писатель и не литератор. Декадент я не по *сознанию*, а по существу («наследственность», «среда», «происхождение» etc.). Потому сознанием мне ужасно трудно это декадентство в себе победить. У меня есть очень тонкая болезненная чуткость, я *люблю* людей, просто, бессознательно. Иногда это имеет вид, как будто я нуль, и подлаживаюсь. Это неверно. Я умею ненавидеть и бороться. Но я всегда всем (а особенно себе) даю *в кредит*, легко и охотно. Не верю в «злонравие». Здесь противоположность с Дм<итрием> Серг<еевичем>. У него все находятся в заблуждении *по злонравию*. Отсюда его «черносотенство», т. е. тенденция реставрационная. Все хорошее *было*, впереди лишь *развязка*, апокалипсический «жезл железный».

Герцен говорил, что «христианство обмелело»,[21] Дм<итрий> Серг<еевич> говорит, что «история обмелела».[22] Два сапога пара. И должен сказать, что моя любовь к людям, при мягкотелости и неинтенсивности моей личности, при моей недаровитости, часто вовлекает меня в соблазн. Я это сознаю. Но с другой стороны, мне доставляет великую отраду то, что я не чужд людям. Что я как-то скоро оказываюсь многим нужным, и что меня не боятся. В религиозном смысле я очень слаб, но, с другой стороны, во мне есть страшное религиозное целомудрие, которым я очень дорожу. Не думайте, что я себя оправдываю, я только выявляю психологические антиномии, в которых я пребываю. Скорее я к себе страшно беспощаден и оправдываю не столько себя, сколько других. Все *замечая*, знаю по опыту, как трудно быть жестоким, как тяжело *двигаться*, я всех жалею и всех считаю «злонравными» лишь по неведению.

Вас — нам страшно недостает. Вы нам нужны самым реальным образом. И вот опять антиномия.

Рассуждая прямолинейно, Вы должны были бы от всего освободиться и жить с нами. Я это говорю внутренним голосом.

Вам это трудно. Конкретно, скажем, что Вам теперь невозможно приехать в Париж.

Тогда, если Вы нам действительно нужны, и мы вас действительно любим, *мы* должны ради вас вернуться в Россию. Однако мы этого тоже не можем.

Мы ли, Вы ли в этом виноваты, или жизнь *праведно* не любит прямолинейности — не знаю. Но болезненно ощущаю эту антиномию.

Не общаясь с вами, отделенный от вас и *по своей вине*, единственно чем я могу выказать к вам свою любовь, это в вас *верить,* т. е. верить, что наши отношения не случайны. Иногда в молитве я близко-близко вас ощущаю и огорчаюсь своим бессилием любить Вас *действенно*.

Лидия Юдифовна[23] — для меня больной вопрос. Я, если Вы заметили, всегда к ней ласков и нежен, и меня страшно мучает то, что Вы считаете эту нежность «светской», и особенно *она*. Дм<итрий> Серг<еевич> и Зин<аида> Ник<олаевна> упрекают меня в лицемерии. Все это глубоко неверно. Да, я ее люблю *через* Вас. Но я с ней нежен вовсе не потому, что я боюсь Вас огорчить, а потому что раз Вы ее любите, я *не могу* ее не любить. И мне ужасно хочется, чтоб Вы мне *поверили*. В ваш контур входит для меня и Лид<ия> Юдиф<овна>, как нечто для меня *существующее*, и я ее люблю; через нее я *Вас* больше ощущаю, как же мне ее не любить? И хотя я сознанием ясно ощущаю, что здесь метафизика вашей трагедии, но поскольку я люблю жизнь, людей, в моем сердце величайшее оправдание и ей, и Вам. То, что я говорю, — очень важно и серьезно. Постарайтесь понять, несмотря на всю декадентскую паутину и беспомощность моего языка...

Мы живем до утомительности просто. До 4х часов работаем, потом гуляем. Возвращаемся к обеду. Приносят газеты. Начинаются бесконечные споры.

Вечером читаем или опять гуляем. Спать ложимся рано. Иногда очень тяжело, но сознание, что все-таки мы «счастливее» всех, кого знаем, что у нас есть верное убежище, нас ободряет.

Христос с Вами, дорогой, любимый. Лидию Юдифовну нежно обнимаю.

P. S. Пришлите открытку, что получили это письмо. А то, по-видимому, большое письмо З<инаиды> Н<иколаевны>, посланное из Парижа в Люботин, до Вас не дошло.[24]

2-е P. S.

Насчет России, и возвращения туда, у меня острое ощущение, что даже *безделие*, но в России, есть дело. Если мы хотели когда-нибудь *действовать*, то нужно иметь связь со средой. Теперь с этой средой происходит нечто невообразимое, и происходит не в поле нашего зрения. Вот у меня и боязнь, а что как мы вернемся, мы окончательно не будем понимать этой «среды». Так бывает и с отдельными людьми. Если не быть около человека в период совершающихся с ним потрясений, то можно потерять всякую связь с ним. Потом, при встрече, он скажет, а где ты был, когда я умирал? и что ответишь?

[1] Речь идет о «дневниках» Т. Н. Гиппиус: *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 16–40.

[2] Государственная дума первого созыва просуществовала 72 дня: открылась 27 апреля (9 мая) 1906 года и была распущена Высочайшим указом 9 (22) июля 1906 года. 9 июля в газетах был напечатан указ о роспуске думы и объявление Петербурга на положении чрезвычайной охраны; одновременно было объявлено о назначении П. Столыпина председателем Совета министров. См. сообщение газеты «Страна»: «6 июля состоялось заседание Совета министров, которое затянулось до 5 час. утра. Обсуждался вопрос о современном положении и настроении Государственной думы. Сделано предложение о немедленном роспуске Думы. Инициаторами этого предложения были: Горемыкин, Столыпин, Щегловитов и Стишинский. Предложение было принято единогласно» (Страна. 9 (22) июля. № 120. С. 4; разд. «Хроника»).

[3] Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — ученый, историк, юрист, этнограф, социолог; один из основателей парижской Высшей школы общественных наук (1901–1905); профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов; депутат Государственной думы первого созыва и член Государственного совета; общественный деятель, один из лидеров русского масонства, см. о нем: *Старцев В. И.* М. М. Ковалевский — масон // Старцев В. И. Тайны русских масонов. 3-е изд., доп. СПб., 2004. С. 206–215. С февраля 1906 по январь 1907 года — редактор (совместно с И. И. Иванюковым) и ведущий публицист газеты «Страна».

[4] Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — философ, богослов, публицист; один из редакторов журнала «Вопросы жизни» (1905), с 1906 года приват-доцент кафедры политической экономики и статистики юридического факультета Московского университета. Сохранились три письма Булгакова к Философову (1906 года и недатированное): *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 6. Folder 6.

[5] Глинка Александр Сергеевич (1878–1940; псевд. Волжский) — публицист, литературный критик, историк литературы; сотрудник журнала «Вопросы жизни». Сохранились три письма Глинки-Волжского 1906 года: к З. Н. Гиппиус (Ibid. Box 2. Folder 47), Д. С. Мережковскому (Ibid. Box 4. Folder 25), Д. В. Философову (Ibid. Box 6. Folder 18).

[6] Возможно, имеется в виду семейный доктор Мережковских Николай Федорович Чигаев (1859–1917). О французском докторе, рекомендовавшем поездку в Ле Пульдю, З. Гиппиус упоминает в письме к сестре Татьяне от 5 июля 1906 года, не называя его (знакомство состоялось через И. Е. Мечникова). См.: *Amherst*. Halperine-Kaminsky and his Contemporaries Collection. Box 1. Folder 98.

[7] Ле Пульдю (*фр.*) — морской курорт в Бретани между Лорианом (Lorient) и Конкарно (Concarneau), известный тем, что летом 1889 года здесь работал Поль Гоген (картина «Пейзаж» с изображением Ле Пульдю экспонируется в Национальной галерее Лондона).

[8] хозяйка (*фр.*)

[9] Эрн Владимир Федорович (1882–1917) — религиозный мыслитель, историк философии, публицист, совместно с В. П. Свенцицким возглавлял «Христианское братство борьбы» (далее: ХББ). Свенцицкий Валентин Павлович (1879–1939) — писатель, церковный публицист. Здесь упоминается, вероятно, иронически — за проповедь аскетизма (см., например: *Свенцицкий Вал.* Мировое значение аскетического христианства // Русская мысль. 1908. № 5. С. 89–103 (1-я паг.), — доклад, прочитанный в заседании Религиозно-философского общества 14 февраля 1908 года). М. В. Вишняк, знавший Свенцицкого в юности, вспоминал о нем: «Излюбленными темами было изобличение любострастия, чревоугодия, стяжательства, карьеризма. Но и меньшие пороки, вроде невинного флирта или кокетства, хвастовства или честолюбия не избегали бичующего негодования и нападок нашего Савонаролы. <...> Мы — и не только мы — были свидетелями того, что Валентин не только проповедует воздержание, но и сам ведет почти аскетическую жизнь. Просто, почти бедно одетый, он строго соблюдал все посты, раздавал нищим все деньги, которые были при нем. Постоянно нуждался. Жил почти в пустой каморке, не имел своего имущества, спал на твердом, не слишком опрятном ложе, над которым возвышался деревянный крест» (*Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 31). Сохранились четыре письма Свенцицкого к Мережковским (1906 года и недатированное): *Amherst*. Merezhkovsky's Papers. Box 5. Folder 6. Об издательских проектах ХББ и отношении к ним Мережковских и Философова см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 161–224.

[10] «Страна» — ежедневная политическая, общественная и экономическая газета, выходила в Санкт-Петербурге с 19 февраля 1906 года под редакцией М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова. По своему направлению газета примыкала к Партии демократических реформ. После роспуска Государственной думы (9 июля 1906 года) была приостановлена на основании положения о чрезвычайной охране. С 18 июля 1906 года вместо «Страны» выходила газета «Равенство» под редакцией профессора А. Г. Гусакова (закрыта градоначальником после 3-го номера). В августе «Страна» была восстановлена в прежнем составе редакции; окончательно остановлена 13 января 1907 года по определению Санкт-Петербургской судебной палаты (за статью «Новый рескрипт»). Отдельные выпуски «Страны» периодически конфисковались, редакторы подвергались судебному преследованию. А. В. Карташев был членом редакции газеты, вел церковный отдел, в котором постоянно печатал статьи по вопросам церковной политики.

[11] «Наша жизнь» — ежедневная политическая газета, близкая левому крылу кадетов; выходила в Петербурге с 6 (19) ноября 1905 по 11 (24) июля 1906 года, с перерывами; издатель — Л. В. Ходский, редактор (с января 1906 года) — В. В. Водовозов; по своей ориентации газета была внепартийна, нацелена на консолидацию всех оппозиционных общественных сил и отстаивание парламентарного строя. Философов сотрудничал в «Нашей жизни» с 1905 года.

[12] В октябрьской книжке журнала «Золотое руно» Философов напечатал резкую критическую статью «Мистический анархизм: декадентство, общественность и мистический анархизм», в которой дискредитировал теорию Г. Чулкова, изложенную в его книге «О мистическом анархизме» (СПб., 1906, со вступительной статьей Вяч. Иванова) (см.: Золотое руно. 1906. № 10. С. 58–65).

[13] В 1906–1908 годах Мережковские и Философов жили в Париже по адресу: 15 bis rue Théophile Gautier Paris XVI.

[14] меблированные комнаты (*фр.*)

[15] Сборник «Le Tsar et la Révolution» (1907), см. вступ. статью и прим. 13 к ней.

[16] Именными указами от 8 марта и 26 апреля 1906 года функции цензуры были возложены на Комитет по делам печати, что фактически упраздняло дарованную Манифестом 17 октября свободу печати. Для контроля над достоверностью сведений, поступающих в прессу, было создано Осведомительное бюро; иностранная печать передана в ведомство Главного управления цензуры. Подробнее см.: *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2013. С. 330–350.

[17] В письме к Философову от 26 июля 1906 года Бердяев сообщал: «Написал уже три главы своей книги: первая глава — „мистика и религия“ (общее введение), вторая глава — „великий инквизитор“ и третья глава — „государство“. Теперь пишу четвертую главу — „социал-демократия“. Считаете ли Вы подходящей для сборника главу „мистика и религия“? Или лучше что-нибудь другое? Вообще не знаю, в каком положении идея сборника. Напишите мне об этом» (Письма Николая Бердяева. С. 303). Статья Бердяева «Мистика и религия» (впервые: *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. С. IX–L) предназначалась для второй части сборника «Царь и революция» — «Анархия и теократия», по плану на сентябрь 1906 года обе книги должны были выйти под общим заглавием «Меч» (*Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 349).

[18] Статьи Философова о европейском синдикализме в 1906–1907 годах периодически печатались в газетах «Страна» и «Товарищ». См., например: *А. <Д.> В. Ф-в.* Иностранная жизнь. Париж (от нашего корреспондента). О государственных выборах во Франции, назначенных на 6 мая. О рабочем синдикализме // Страна. 1906. 31 марта (13 апр.). № 35. С. 2–3; 1 (14) апр. № 36. С. 3; *Д. В. Ф-в.* Светила синдикализма // Товарищ. 1907. 26 апр. (9 мая). № 251. С. 2, и т. п.

[19] В сборнике «Царь и революция» была напечатана статья Философова «Царь-папа»: *Philosophoff Dm.* Le Tsar Pape // Le Tsar et la Révolution. P. 17–85.

[20] В январе 1900 года Философов был зачислен в Императорскую Публичную библиотеку на должность младшего помощника библиотекаря, вплоть до увольнения в декабре 1905 года он заведовал юридическим отделением (администрация библиотеки была недовольна общественной позицией Философова и вынудила его уйти). См.: *Грин Ц. И.* Философов Д. В. // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: В 4 т. / Ред. Ц. И. Грин, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. С. 541–545.

[21] Мысль об обмелении христианства А. И. Герцен высказывает в книге «С того берега» (впервые: London, 1850). См. «Эпилог»: «Меня просто ужасает современный человек. Какая бесчувственность и ограниченность, какое отсутствие страсти, негодования, какая слабость мысли, как скоро стынет в нем порыв, как рано изношено в нем увлеченье, энергия, вера в собственное дело! <...> Одно утешение и остается: весьма вероятно, что будущие поколения выродятся еще больше, еще больше обмелеют, обнищают умом и сердцем; им уже и наши дела будут недоступны и наши мысли будут непонятны» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С того берега. Статьи. Долг прежде всего (1847–1951). С. 108–109).

[22] Речь идет о статье «Грядущий Хам», в которой, отталкиваясь от Герцена и апеллируя к его историческому прогнозу («С того берега»), Мережковский пишет об опасности мещанского перерождения социального большинства; впервые: Полярная звезда. 1905. № 1 (под названием «Мещанство и русская интеллигенция»), № 3; отдельное издание с посвящением Д. В. Философову (СПб.: М. В. Пирожков, 1906). Ср.: «„Христианство обмелело“, — утверждает Герцен. Если обмелело, значит, когда-то было глубоким. <...> Вместе с христианством, — добавляет Герцен, — „обмелела и революция“» и т. д. (*Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. СПб., 1906. С. 5).

[23] См. вступ. статью, прим. 32.

[24] Письмо З. Гиппиус к Бердяеву неизвестно, возможно, оно утрачено. Летом 1906 года Бердяев вместе с женой выезжал в Люботин (Харьковская губерния), в имение Бобаки, принадлежавшее его теще Ирине Васильевне Трушевой.

2
Н. А. Бердяев — Д. В. Философову

Петербург. 14 Апреля <1907 года>

Дорогой Дмитрий Владимирович! Все думаю о Вашем большом письме.[1] Оно произвело на меня сильное впечатление, Вы попали в самое центральное и самое больное место. С очень многим из того, что Вы пишете, я вполне согласен, но кое против чего протестую. Практически из Вашего письма нужно сделать вывод, что я должен перестать писать, что я не имею права писать. Я очень хорошо понимаю, что религиозная соборность, теократия есть чудо, тайна таинства, есть отмена порядка природы. В своей книге[2] я очень много говорю об этом. Анархизм есть лишь вырванная глава, мало понятная без всего предыдущего и последующего.[3] Вы спрашиваете, можно ли критиковать народовластие, не постигнув на опыте в таинстве всей полноты правды, не приведет ли это к вредному скепсису, Вас беспокоит, не слишком ли о многом говорим вслух, смущаем «умы» и т. д. Вот этого Вашего настроения я не понимаю и не разделяю, так как совершенно не могу смотреть на истину и на ее провозглашение с утилитарно-общественной и утилитарно-религиозной точки зрения. Всякая истина сама по себе хороша, а не по своим последствиям для людей и для мира; всякое обличение лжи само по себе есть не только право, но и обязанность, хотя бы от этого обличения все умы смутились и земля распалась бы на составные части. В этом отношении я неизменно останусь фанатиком «идеализма», абсолютная истина, правда для меня выше всего, выше того мира, с которым Вы предлагаете обращаться с осторожностью. Я никогда не сомневаюсь в своем абсолютном праве и даже абсолютной своей обязанности смущать «умы» громким заявлением о том, что считаю истиною, а что ложью. В этом отношении мне чужда всякая рефлексия, я психологически не понимаю муки ответственности за свои слова перед людьми и миром, так внутренно интересуюсь только ответственностью перед истиною и правдою, согласием своим с ними, прислушиваюсь, от Бога ли мои слова или нет. Я не занимал выгодного положения свободного мыслителя, я таков по природе, все, что я пишу, есть философская лирика, хотя, может быть, недостаточно хорошо написанная. Я пишу всегда непосредственно, бессознательно, без всяких исправлений, ни к кому не обращаясь, ни для чего не предназначая. Когда я пишу, я не знаю сомнений, я ни о чем не думаю, просто у меня внутренняя необходимость излить на бумаге то, что накопилось. Это прозвучит для Вас дико, но я могу сказать, что мне чужды все человеческие мучения, связанные с процессом писания: просто пишу себе, как птица поет, хотя и не поэт, не задумываюсь и над тем, как фразу составить, не задумываюсь и над тем, что вытекает и для кого вытекает из написанных мною мыслей. Вообще могу сказать, что «мышление», «литература» всегда для меня были «бытием», «жизнью», столь же «бытием», столь же «жизнью», как, напр<имер>, еда или половой акт, в такой же мере непосредственной, кровною, почти физиологической жизнью, функцией бытия. Я хорошо понимаю логически, но плохо психологически проблему дуализма «бытия» и «мышления», «жизни» и «литературы», не ощущаю противоположности. Может быть, это у меня дефект. Есть старинное деление человека на духовного, душевного и плотского, очень остроумное деление. Мне кажется, что во мне слабо развит «душевный» человек, почти не имею «души», и сильно развит человек духовный и плотский.[4] Поэтому я плохо понимаю многие «душевные мучения», это непонимание в жизни было для <меня> даже своеобразным «мучением», особенно в столкновениях с женщинами, которым никогда не мог простить, что они «мучатся», в то время как я не «мучусь», и этим меня «мучат». Я в жизни очень страдал, даже пострадал от того, что люди, с которыми меня близко сталкивала судьба, всегда страдали больше меня, рассматривали свою муку, как преимущество, и меня хотели принудить к мучению. И я страдал от неспособности страдать, презирая в глубине своего существа всякое страдание, не веря в благородство страдания. От этого я плохо ощущаю пресловутую проблему аскетизма, слишком я для этого растительный человек, слишком физиологична высшая точка моего духа. Пись-

мо Ваше представляется мне глубоким и важным и дорогим для меня, но меня угнетает Ваша непрерывная рефлексия. По ремеслу своему я занят философским рефлектированием, и для так называемой «тоски» у меня уже не хватает саморефлексии, живу более зоологично. Угнетает меня еще то, что религия, которая у Вас ведь есть, дает Вам более мук, чем радостей. Религиозная жизнь, когда не далеко еще в ней зашел, неизбежно заключает в себе новую муку и трагедию, но ведь она же дает ощущение, непосредственное жизненное ощущение, что Бозя (нарочно по-детски выговариваю) близко, что с Ним не страшно, что *божественное* объективно сильно в мире. Вы как будто бы недостаточно верите в мощь *благодати* и вместе с тем занимаетесь вымогательством благодати. Ваше болезненное чувство ответственности зависит отчасти от того, что Вы считаете себя и нас всех, людей нового религиозного сознания, спасителями мира, в то время как мы не спасители, а спасающиеся, Христос — Спаситель, а не мы. Теократия мистически женственна, а не мужественна, хотя и призвана вести рыцарскую войну с миром во имя Христа. Во всяком случае, теократия не допускает раздвоения человеческой воли и в ней не самоутверждающаяся воля человеческая решает судьбу мира. Хотел бы я выразить одно свое ощущение, очень важное и с трудом выразимое. Думается мне, что люди нашей эпохи мучаются и бьются над проблемами Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Духа Св<ятого> и их взаимоотношениями, но до ужаса потеряли какое-то ощущение Бога Единого, Того первичного Божества, Которое не есть Бог-Отец, Которое глубже, первичнее диалектики Троичности. Об этом Gottheit[5] говорит с гениальной, божественной проникновенностью величайший из монахов Мейстер Эккерт.[6] Тут решается проблема зла, неразрешимая в плоскости христианства. Тут у меня еретическая идея образуется, связанная с гностиками, которыми в последнее время занимаюсь: в Троичности не раскрывается последняя тайна бытия, хотя мировая трагедия разрешается путем Троичности. Окончательно выяснилась моя метафизическая противоположность с Булгаковым: у него пустынники и Исаак Сирин,[7] у меня — гностики и Мейстер Эккерт, для него к Богу можно приблизиться только мукой, подвигом святости, для меня к Богу можно приблизиться гностическим даром, радостью благодати, которая дается не только за святые добродетели. А всего более нужно помнить, что теократия, новое христианство, религиозная соборность не есть казарма, не достижима муштровкой, что Бог дает разные дары и указывает разные *индивидуальные* пути. Одно меня пугает: новое религиозное сознание обещает вместить весь космос, отвергнутый старым церковным сознанием, всю культуру, всю общественность, а на деле оказывается, что новому религиозному сознанию совсем, как и старому, философия не нужна, поэзия не нужна, политика не нужна, литература для этого сознания на подозрении, писать лучше перестать, мышление не ценится, половая любовь отбрасывается и учреждается новый монастырь. Чем же новое сознание лучше старого, вольнее ли будет дышаться в новой церкви? Совсем выходит, как у социал-демократов, которые отрицают всю «буржуазную» культуру, «буржуазных» философов, «буржуазных» поэтов и утверждают несуществующую «пролетарскую» культуру, «пролетарских» философов и поэтов, которых никто не видел и не слышал.[8] Получается некоторое небытие. Само деление мира на «буржуазию» и «пролетариев» представляется мне нечестивым, тут возмутительное неуважение к предкам, отсутствие святого консерватизма, и это отсутствие всегда карается нигилистическими результатами. То же и у нас. Мне нужно, чтобы религиозно были освящ<ены> старая философия, первая любовь и пр., чтобы Гегель, Гете и т. п. вошли в наш круг. Мышление, идеи, литература всегда были силою в мировом процессе, физикой мировой жизни, все это входило в «плоть мира», никогда не было так оторвано от бытия. Социал-демократия объявила, что все не нужно, что все это «небытие», «надстройка», иллюзорное отражение. Вы хотите то же самое сделать во имя нового религиозного сознания. Я никогда не приму религии, которая объявит небытием «феноменологию духа» Гегеля,[9] так как религиозно верю в *реальность* этой книги в Божественном слове, занесенном на бумагу. Когда мне говорят, что писание книги, в которой высказываешь заветные мысли, не есть действие, я перестаю понимать, что называют действием. Я не знаю, почему в большей степени есть действие — слушать молебен, воевать,

разговаривать в комнате, произносить проповедь, молиться и т. д. Я хорошо знаю, что писать книгу, философствовать и т. п. не есть *чудо* и таинство в религиозном смысле этого слова, но нельзя же действие отождествлять с чудом и таинством. Дорогой Дмитрий Владимирович, верьте мне: я хочу, мучительно жажду чуда и таинства, всю жизнь, быть может, жаждал, но я не верю в механическое вымогательство чуда у Господа. Каждый день я говорю и Лидии Юдифовне, самому близкому мне человеку, о чуде и таинстве, и она знает мою муку, о которой не люблю говорить. В таинстве я почти физически нуждаюсь, и возможно даже, что я начну приобщение к таинствам в церкви, так как для меня невольная тут все же искусственность и произвольность. У меня нет веры в то, что для меня Господь отменит порядок природы, у меня нет этого чувства избранничества, хотя есть иное чувство избранничества. Я хочу войти в Церковь, но не могу создать Церкви, хочу спасения в Церкви, но не спасать Церковь. Меня соблазняет религиозность простой деревенской бабы, ее смиренность, радостность, <физическая?> ее близость к Богу. Эта религиозность <соединима?> с гордостью философа и мирского рыцаря. Хотел бы я еще сказать о вашем соединении, соединении вас трех, в котором Вы видите как бы начало религиозного делания. Я искренно, непосредственно люблю не только каждого из вас, но и ваше соединение, меня трогает и волнует ваш союз Богоискания. Но ваша троичность в моих глазах имеет огромную *личную* ценность, не вселенскую, она религиозно освящена, но не религиозна в смысле церковном, теократическом, в смысле новой общественности. Я никогда еще не говорил с Вами об этом и хотел бы, чтобы Вы меня поняли. В вас много индивидуализма, биографического, ни для кого другого не пригодного. Всякий новый человек, который вошел бы в ваш союз, внес бы что-то совсем иное, быть может, даже отрицательное, как бы он ни был близок вам. Меня страшит, когда Вы говорите, что гибель <деревца?> привела бы Вас к тому, что все Ваши идеи ничего не стоят. Разве прочность и ценность бытия Божественного зависит от переменчивости человеческого бытия? Мне представляется опасной утопией (для всех опасною) ваша мечта зачать религиозную общественность, теократию, новую церковь из интимного, индивидуального, биографически своеобразного и эзотерического соединения. Тут есть <нрзб.> смешение личного с вселенским, индивидуального пути с всечеловеческим. Святое для вас остается в моих глазах незыблемым, но из этого никогда не начнется *народного* религиозного движения. Для такого движения должны всколыхнуться сверхиндивидуальные, *исторические* силы, мировая плоть должна сдвинуться. В каждом человеке есть тайна, есть эзотерическое в интимной религиозной жизни, но я решительный и непримиримый враг эзотеризма и оккультности во вселенском религиозном движении. Такой эзотеризм есть ложь, почва для мистификации и шарлатанства, которыми достаточно пропитана история мистики, сект и тайных обществ. Я даже сделался врагом всякой «тактики», нужно всегда и везде громко и ясно проповедовать ничем не прикрытую правду, откровенную истину. Даже относительно меня вы держитесь странной тактики: вы говорите, чтоб я соединился с вами, что тогда я что-то узнаю, что тогда начнется для меня религиозное действие, но почему же вы не показываете мне того, что знаете, не открываете мне прямо истину, получается, как бы посвящение в тайн<ую> сект<у>, в орден масонов. У Бога есть тайна, к которой люди приобщаются в религиозной жизни в таинствах, но у людей такой тайны быть не может. Всякая простая баба также достаточно приближена к Богу, как и первая из первых. Наконец, покровов таинственности на религиозной почве у людей не может быть. Простите, милые, что я все как будто нападаю на Вас, но я думаю, что при наших отношениях лучше, что мы ищем одного, идем к одному. Что мы наиболее близки, это вы знаете. Вас увидеть я стремлюсь страстно, но не знаю, когда это будет. Мои дела так плохи, что осталось только поскорее <выбраться?> в деревню[10] и остаться там как можно дольше. С Булгаковым вижусь часто. Он все больше и больше склоняется к аскетическому православию, в политике очень резко поправел. Я тоже в известном смысле поправел, не верю в революцию и не хочу ее, т. к. считаю ее нигилистическою по существу, но Булгаков меня пугает. Он отказывается от идеи христианского обновления и предпочитает быть просто, как говорит, черносотенным кадетом (крайне правым этой партии),[11] и он хотел бы

сделаться пустынником. Было одно религ<иозно>-филос<офское> собрание, Карташев читал доклад Розанова (слабый доклад).[12] Прения были <отвлеченные?>, все заинтересовались, но не знают, как пойдет дальше. Как было бы хорошо, если бы вы приехали к след<ующей> зиме в Петербург. Мне одному очень тяжело, хотя я и отстаиваю свое право быть одиноким мыслителем. <нрзб. 2 слова> и люблю. Пишите. Привет Л<идии> Ю<дифовны>.

Ваш Ник. Бердяев

[1] Письмо не выявлено.

[2] Речь идет о книге Н. А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность». В Предисловии, датированном 15 апреля 1907 года, Бердяев писал: «Выпуская в свет эту книгу, не могу не вспомнить, как много дало мне общение с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философовым и А. В. Карташевым» (*Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. С. VII).

[3] Проблеме анархизма в книге Бердяева посвящена самостоятельная глава «Анархизм», см.: Там же. С. 130–155.

[4] Аналогичные мысли Бердяев высказывает в книге «Самопознание», см.: *Бердяев Н.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 37.

[5] Gottheit (*нем.*) — Божество

[6] Иоганн Экхарт (Johannes Eckhart; 1260–1328), Мейстер Экхарт — средневековый теолог, философ-мистик, оказал влияние на развитие немецкой христианской мистики, предвосхитил идеалистическую диалектику Гегеля. Основная идея Мейстера Экхарта — наличие, помимо троичного Бога, Gottheit — безличного, бескачественного абсолюта. Богопознание возможно для человека, поскольку в его душе есть нетварная «искра», единосущная Богу; отрешаясь от тварного *Я* и погружаясь в Божественное Ничто, душа человека включается в процесс вечного обновления Божественной Сущности.

[7] Исаак Сирин — один из Отцов Церкви, христианский писатель-аскет, епископ Ниневии; жил в Ассирии и Сирии в VII веке.

[8] Вероятно, Бердяев полемизирует с А. В. Луначарским, который в публичных лекциях и статьях противопоставлял буржуазной культуре (не эстетической) грядущую пролетарскую культуру, провозвестником которой считал М. Горького, см., например, статьи: *Луначарский А. В.* 1) Пролетарская этика // Вестник жизни. 1906. № 6. С. 14–23; 2) Задачи социал-демократического художественного творчества // Там же. 1907. № 1. С. 125–139, и др.

[9] «Феноменология духа» (*нем.* Phänomenologie des Geistes) — первая крупная работа Гегеля, в которой он развернул систему абсолютного идеализма; впервые опубликована в 1807 году под названием «Система наук. Первая часть. Феноменология духа».

[10] То есть в Люботин, см. прим. 24 к п. 1.

[11] С. Н. Булгаков участвовал в выборах в I Государственную думу (1906) от Орловской губернии как беспартийный «христианский социалист» (не прошел); во II Государственную думу был избран от партии кадетов. Он принимал деятельное участие в разработке кадетского церковного проекта; его думская деятельность регулярно освещалась еженедельником «Век» (статьи в «Веке» он подписывал *Член Государственной Думы, профессор С. Булгаков*). См. также статьи: *Булгаков С. Н.* 1) Церковный вопрос в Государственной Думе // Век. 1907. 11 марта. № 10; 2) Комиссия по церковным вопросам при Государственной Думе (Письмо в редакцию) // Там же. 18 марта. № 11; 3) Прения о военно-полевых судах // Там же. 25 марта. № 12. О произошедшем в 1906–1908 годах «поправении» Булгакова (отмежевании от ХББ и христианского революционизма, возвращении в церковь, сближении с консервативным кружком М. А. Новоселова) см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 255–268.

[12] Подготовительное заседание Религиозно-философского общества, еще не легализованного, состоялось в апреле 1907 года под председательством С. Н. Булгакова, слушался доклад В. В. Розанова «Отчего падает христианство», выдержанный в антиклерикальном духе (опубл. в книге Розанова «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб., 1910), под заглавием «Отчего левые побеждают центр и правых»). Отчет о собрании и прениях (выступали: Бердяев, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов (Алексеев)) см.: Век. 1907. 15 апр. № 15. С. 208; подробнее: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917. Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 15–16.

(*Продолжение следует*)

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-234-240

© *Т. В. Мисникевич*

«ПЕРВЫЙ» ИЛИ «НЕУДАЧНЫЙ»: О РОЛИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА «LE CIEL EST, PAR-DESSUS LE TOIT...» В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ФЕДОРА СОЛОГУБА*

В исследовательской литературе обращение Федора Сологуба к переводам из Поля Верлена относят к 1880-м годам, связывая это с началом его углубленных занятий французским языком.[1] Однако первый перевод — стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» (сборник «Sagesse» («Мудрость»), 1880), сохранившийся в архиве писателя, датирован 24 сентября 1892 года. По-видимому, отсюда и следует начинать отсчет пути Сологуба как одного из самых успешных русских переводчиков лирики Верлена.

Осень 1892 года явилась одним из поворотных моментов в личной и творческой судьбе писателя: в начале сентября он вернулся в Петербург из Вытегры. Сологуб, проведший около десяти лет в провинции, стремился включиться в литературную жизнь столицы. Уже 21 и 23 сентября, согласно записям в «Тетради посещений», он побывал у Н. М. Минского,[2] который, возможно, и рекомендовал Сологубу обратить внимание на первую основательную публикацию в русской печати о новейших течениях в современной французской поэзии — статью Зинаиды Венгеровой в сентябрьском номере журнала «Вестник Европы».[3] В ней, в частности, был представлен обзор творчества Верлена и обозначены основные черты поэтики его стихотворных произведений, что и могло послужить стимулом для переводческого опыта Сологуба.

По каким причинам Сологуб остановил свой выбор именно на стихотворении из сборника «Мудрость»? Приведем его текст на языке оригинала:

Le ciel, par-dessus le toit,
Si bleu, si calme!
Un arbre, par-dessus le toit,
Berce sa palme.

La cloche, dans le ciel qu'on voit,
Doucement tinte.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00196 в ИРЛИ РАН.

Выражаю сердечную благодарность Леа Пильд и Ирене Полянской за помощь в подготовке статьи.

[1] См.: *Дикман М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. М. И. Дикман. Л., 1979. С. 12, 68–69 (Библиотека поэта. Большая сер.); *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы: Сб. науч. трудов. Л., 1991. С. 136; *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010. С. 52.

[2] См.: «Тетради посещений» Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 32. В биографическом очерке о Сологубе, составленном Ан. Н. Чеботаревской, отмечено, что Минский и ранее был для него источником сведений о литературных новинках: во время встречи в 1891 году они «много беседовали об искусстве, поэзии, новых течениях в западной литературе» (Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 2. С. 11).

[3] См.: *Венгерова З.* Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 115–143.

Un oiseau sur l'arbre qu'on voit –
Chante sa plainte.

Mon Dieu, mon Dieu, la vie est là
Simple et tranquille.
Cette paisible rumeur-là
Vient de la ville!

— Qu'as-tu fait, ô toi que voilà
Pleurant sans cesse,
Dis, qu'as-tu fait, toi que voilà,
De ta jeunesse?[4]

Стихотворение воплотило основную идею сборника «Мудрость» — поиска гармонии и радости в окружающем мире и примирения с Творцом. Наделенный определяющими качествами поэзии Верлена, этот сборник, по словам Зинаиды Венгеровой, был «полон искреннего раскаяния грешника пред алтарем не признаваемого им до тех пор божества», и при этом в нем присутствовало «меньше душевного разлада, обуславливающего тревожный и грустный тон первых сборников».[5] Подобные настроения были вполне созвучны лирическим произведениям Сологуба того времени, отражающим его духовные искания (стихотворения «Светлый лик» («Порой гордыни дух лукавый...», 11 марта 1892 года); «Не терпит жизнь помех...» (19 марта 1892 года); «Небо желто-красное зимнего заката...» (20 марта 1892 года); «В томленьях жизни несчастливой...» (6 апреля 1892 года); «Вьется предо мною...» (9 ноября 1883 года, 19 июня 1892 года); «Мечта» («Ангел мечты полуночной...», 2 августа 1892 года)). Так, в стихотворениях «Небо желто-красное зимнего заката...» и «Вьется предо мною...» одним из ключевых является образ колокола / колокольчика, бередящего душу лирического героя. Кроме того, один из мотивов стихотворения «Le par-dessus le toit...» — «звучащего» города — был особенно важен для Сологуба, чутко приглядывающегося и прислушивающегося к Петербургу после возвращения из провинции: «Отвык от родины своей, / Где *вижу* камни, а не травку <...> / А что ж меня томить стыдом / На улице широкой, *гулкой*?..»; «Между каменных громад / Захирелые березы...».[6]

Автограф первого варианта перевода расположен в рабочей тетради стихотворений Сологуба 1892–1893 годов, в едином хронологическом ряду с оригинальными текстами.[7] Над текстом перевода теми же чернилами сделана помета: «Первый перевод, неудачный», а на обороте автографа — запись оригинала с заголовком «Из Поля Верлэна» и пометой синим карандашом «Sag<esse> 102». Два экземпляра машинописи соответствуют верхнему слою автографа.[8]

Приведем тексты двух редакций перевода по публикациям в авторских книгах переводов Сологуба из Верлена и сопоставим их с подстрочником (курсивом выделены слова, перенесенные в перевод из оригинала / подстрочника):

---

[4] *Verlaine P.* Sagesse. Troisième Édition. Paris, 1893. P. 102. Экземпляр издания сохранился в составе личной библиотеки Сологуба (см.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 454).

[5] *Венгерова З.* Поэты-символисты во Франции. С. 125.

[6] *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2012. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1877–1892 / Изд. подг. М. М. Павлова. С. 639, 642 (сер. «Литературные памятники»). Здесь и далее курсив мой. — *Т. М.*

[7] См.: ИРЛИ. Ф. 289 (Ф. Сологуб). Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 309. В данной единице хранения («Стихотворения. Переводы из Поля Верлена. Отдельные листы рукописей, машинописей, печатные, объединенные Сологубом в три обложки») сосредоточено большинство материалов к переводам из Верлена — автографы, авторизованные машинописи и авторизованные печатные тексты.

[8] См.: Там же. Л. 465–468.

Перевод. Первая редакция	Подстрочник
Небо там над кровлей Ясное *синеет*.[9]	*Небо*, *над* крышей / *кровлей*, Такое *синее*, такое *спокойное* / тихое!
Дерево над кровлей Гордой сенью веет.[10]	*Дерево*, над крышей / *кровлей*, Качает / убаюкивает своей пальмовой ветвью.
С *неба* в окна льется *Тихий звон* и дальний.	Колокол, в *небе*, которое виднеется, *Тихо* / мягко *звонит*.
Песня птички льется С *дерева* печально.	*Птица* / *птичка* на *дереве*, которое видно, *Поет* свою жалобу.
Боже мой! те звуки *Жизнь* родит *простая*;	*Боже мой*, Боже мой, *жизнь там* *Простая* и спокойная.
Кротко ропщут звуки,[11] *Город* оглашая.	Этот тихий / мирный / *кроткий* / безмятежный шум там Исходит из *города*!
«*Что* с собой *ты сделал*, Ты богат слезами...[12]	*Что ты* здесь *сделал*, О ты, плача беспрестанно,
Что ты, бедный, *сделал* С *юными* годами?[13]»[14]	Скажи, *что ты сделал* здесь, С твоей *юностью*?

Очевидно, что с формальной точки зрения перевод получился довольно точным: из 54 слов перевода (знаменательных и служебных) 26 в той или иной форме обнаруживаются в подстрочнике (с учетом первоначальных вариантов — 27).[15] Адекватно передан и общий смысл оригинала: сожаление героя о напрасно растраченной юности, навеянное звуками, доносящимися извне, — звоном колокола и пением птицы. Попробуем разобраться, почему Сологуб посчитал первый вариант перевода «неудачным». Стихотворение Верлена можно определить как классическую импрессионистическую зарисовку, исполненную намеков, с отсутствием предметной конкретности и мерцанием колеблющихся образов[16] (так, сложно сказать, подразумеваются ли у Верлена реальные колокольня и птица, или они существует в воображении, поскольку видны только небо и дерево); мир героя и внешний мир (мир высших сфер — неба — и земной мир города) существуют параллельно, соприкосновение между ними минимально, что подчеркивается противопоставлением «там» / «здесь». Душевный разлад

[9] Первоначальный вариант автографа: *Сине* и *спокойно*.

[10] Первоначальные варианты автографа: а) Наклонилось стройно, б) Зыблется так стройно.

[11] Первоначальные варианты автографа: а) *Мирно* реют звуки, б) *Тихо* ропщут звуки.

[12] Первоначальный вариант автографа: О, горюн несчастный.

[13] Первоначальный вариант автографа: С *юностью* прекрасной?

[14] *Верлен П.* Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб., 1908. С. 88; <2-е изд.> Пг., М., 1923. С. 104. Текст публикации соответствует верхнему слою автографа.

[15] Согласно методологии М. Л. Гаспарова (см.: *Гаспаров М. Л.* Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. М., 2001. С. 361–372), в данном переводе (при одинаковом числе знаменательных слов в подстрочнике и переводе — 38) точно воспроизведено 14 слов подстрочника (небо — дважды, кровлей — дважды, дерева — дважды, птички, Боже, жизнь, там, простая, город, сделал — дважды), 6 слов заменены однокоренными синонимами (синеет, тихий, звон, песня, кротко, юными), 9 слов — разнокоренными синонимами (ясное, веет, гордой, сенью, печально, родит, звуки, богат, слезами), добавлено 8 слов (в окна, дальний, льется — дважды, ропщут, оглашая, бедный, годами); показатель точности — 14:38 (36,8 %), показатель вольности — 8:38 (21 %).

[16] По мнению А. Б. Стрельниковой, ранние переводы Сологуба из Верлена можно разделить условно на две группы: «...переводы стихов, импрессионистических по своей природе (собственно верленовское открытие — «Il pleure dans mon coeur...», «L'ombre des arbes dans la rivière embrumée...», «La fuite est verdâtre et rose...»), или тех текстов, которые любопытны с точки зрения „идеи“, определяющие позицию субъекта в мире, дающие оценку («Le ciel est, par-dessus le toit...», «Il faut, voyez-vous, nous pardoner les choses...»)» (*Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 56).

подчеркнут эпитетом «беспрестанно» в противоположность эпитетам, характеризующим гармоничный мир высших сфер («спокойный», «тихий», «простой», «кроткий»), который лишь соприкасается с миром земным через посредника — город. Воспроизвести подобную зарисовку стремился и Сологуб: в первоначальном варианте стиха 2 сохраняется безглагольная конструкция «Si bleu, si calme» — «Сине и спокойно». Однако в переводе увеличивается число глаголов, появляется дисгармоничное для верленовского текста словосочетание «гордой сенью», герой наделяется оценочным эпитетом «бедный», мир неба, города и пространство героя практически объединяются. Возможно, поэту показался не самым удачным выбранный для перевода размер — трехстопный хорей (при общем совпадении «семантического ореола» — покоя, тоски, забвения, смерти), ассоциированный с песенной традицией и отсылающий, в частности, к лирике Фета (например, трехстопным хореем с женскими рифмами написано стихотворение «Спи еще зарею...»: «С *колокольни* плавно / *Звуки пролетели*. / Дышат лип *верхушки* / Негою отрадной».[17]

Второй вариант перевода в автографе не сохранился, авторизованными источниками текста являются недатированная машинопись и страница из сборника стихотворений Сологуба «Стихи. Книга первая» (СПб., 1896) с восстановительной правкой ранних вариантов и вписанной от руки датой: 1–2 февраля 1893 года.[18] Сопоставим текст перевода с подстрочником:

Перевод. Вторая редакция	Подстрочник
Синева небес над кровлей Ясная *такая*![19] Тополь высится *над кровлей*, *Ветви* наклоняя.	*Небо*, *над* крышей / *кровлей*, Такое *синее*, *такое* спокойное / *тихое*! Дерево, *над* крышей / *кровлей*, Качает / убаюкивает своей пальмовой *ветвью*.
Из лазури этой в окна *Тихий звон* несется, Грустно с веток этих в окна *Песня птички* льется.	Колокол, в небе, которое виднеется, *Тихо* / мягко *звонит*. *Птица* / *птичка* на дереве, которое видно, *Поет* свою жалобу.
Боже мой! я звуки слышу *Жизни мирной*, скромной. *Город* шепчет мне, — я слышу[20] Этот ропот томный:	*Боже мой*, Боже мой, *жизнь* там Простая и спокойная. Этот тихий / *мирный* / кроткий / безмятежный шум там *Исходит* из *города*!
«*Что ты сделал*, что ты *сделал*! *Исходя* слезами, *О*, подумай, *что ты сделал*[21] С *юными* годами!»[22]	*Что ты* здесь *сделал*, *О* ты, плача беспрестанно, Скажи, *что ты сделал* здесь, С твоей *юностью*?

Как и в первой редакции, степень точности перевода довольна высока: из 61 слова перевода 27 представлены в подстрочнике (с учетом первоначальных вариантов — 29).[23] Сологуб изменил метрическое решение перевода. Четырехстопный хорей

---

[17] Подробнее см.: *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 2000. С. 55–56.

[18] См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 506–508.

[19] Вариант восстановительной правки: *Тихая такая*!

[20] Вариант восстановительной правки: С улиц льющийся, я слышу

[21] Вариант восстановительной правки: О, *скажи* же, что ты сделал

[22] *Верлен П.* Стихи... СПб., 1908. С. 89; Пг., М., 1923. С. 104. Текст публикации соответствует тексту машинописи.

[23] Согласно методологии М. Л. Гаспарова, в данном переводе (число знаменательных слов в подстрочнике — 38, в переводе — 39) 13 слов сохранены (небес, кровлей — дважды, ветви — дважды, птички, Боже, жизни, мирной, город, сделал — трижды), 6 слов заменены однокоренными

чередуется с трехстопным, с сохранением сплошных женских рифм, что в большей степени отвечало метрической организации оригинала: чередованию восьмисложных строк с пятисложными.[24] Тем не менее в новой версии текста также прослеживаются привнесения переводчика: в третьей строфе настойчиво прозвучало лирическое «я» при помощи эпифоры в первом и третьем стихе, усилена и динамика за счет использования «направленных» глагольных форм («высится», «наклоняя», «несется», «льется»).[25] Мир героя и внешний мир, четко разграниченные в оригинале, опять же переплетены, но с более тонким обыгрыванием верленовского текста: у Верлена «исходит» шум из города, а у Сологуба «исходит» слезами сам герой. Более того, мир города оказывается максимально приближен к герою, между ними установлен диалог: город «шепчет», а герой наделен способностью его слышать.

Заслуживает внимания изменение условного «дерева» на конкретный «тополь». Сологуб «процитировал» VII главку автобиографического очерка Верлена «Мои тюрьмы»: «Поверх стены, видной *из моего окна* (*у меня* было даже *окно*, настоящее! хотя и забранное частой решеткой), за тем унылым двором, где билась, если смею так выразиться, моя смертельная тоска, я видел — а дело было в августе — *качающуюся верхушку высокого тополя* с какого-то сквера или бульвара, в листьях, охваченных сладострастным трепетом. До меня *долетали приглушенные расстоянием звуки* праздника <...>. И я написал об этом стихи, которые находятся в „Мудрости“».[26] Однако каких-либо документальных свидетельств о знакомстве Сологуба с очерком Верлена не обнаружено. Публикация первых шести главок «Моих тюрем» состоялась в журнале «Le Chat noir» («Черный кот») в декабре 1891 — апреле 1892 года,[27] полный текст вышел отдельным изданием в мае–июне 1893 года.[28] Соответственно, поэт либо творчески «предугадал» верленовскую прозаическую версию сюжета, либо сознательно «скорректировал» датировку второй редакции.

Именно этот вариант текста вышел в сентябре 1893 года в журнале «Северный вестник» под заглавием «Из Поля Верлэна», став первой публикацией как переводов Сологуба из Верлена, так и стихотворений Верлена на русском языке.[29] К этому времени поэт уже располагал подборкой переводов из различных сборников Верлена: «Романсы без слов» («На сердце слезы упали...», 16 января 1893 (вторая редакция: «Мне в сердце слезы пали...», 31 января 1893), «Streets» («Ну-тка, спляшет джигу!..», 25 июля 1893), «Green» («Покорно приношу с цветами и плодами...», 25 июля 1893), «A poor young shepherd» («Я лобзанья боюсь...», 25 июля 1893), «Beams» («Был ветер так нежен, и даль так ясна...», 4 августа 1893)), «Добрая песня» («Пока блестит твой бледный лик...», 19 июля 1893), «Сатурнические поэмы» («Женщине» («Тебе мои стихи о ласке утешительной...», 25 июля 1893)).[30] Однако именно первый выполненный Сологубом перевод стал точкой отсчета на пути «русского» Верлена.[31]

синонимами (песня, синева, тихий, звон, исходя, юными), 12 слов — разнокоренными синонимами (ясная, тополь, наклоняя, из лазури, несется, грустно, скромной, шепчет, ропот, слезами, томный, подумай), добавлено 8 слов (высится, в окна — дважды, льется, звуки, слышу — дважды, годами); показатель точности — 13:39 (34,2 %), показатель вольности — 8:39 (20,5 %).

[24] *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов. С. 148.

[25] См. также: *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 97–98.

[26] *Верлен П.* Исповедь: Автобиографическая проза, художественная проза / Пер. с фр. М. Квятковской, О. Кустовой, С. Рубановича, М. Яснова. СПб., 2009. С. 186. Курсив мой. — *Т. М.*

[27] См.: Там же. С. 459.

[28] См.: Поль Верлен: канва биографии / Сост. И. В. Булатовский // Верлен П. Стихотворения / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1. С. 749 (сер. «Литературные памятники»).

[29] Северный вестник. 1893. № 9. Отд. I. С. 202. Повторно в 1890-е годы Сологуб опубликовал перевод в журнале «Жизнь» (1897. № 3. С. 464–465).

[30] См.: *Стрельникова А. Б., Филичева В. В.* Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. С. 634–640.

[31] На данную публикацию обратил внимание будущий соперник Сологуба в творческом состязании по переводам из Верлена В. Я. Брюсов: в неопубликованной статье «Поль Верлен и его поэзия» (1893–1894), анализируя сборник «Мудрость», он сослался на перевод Сологуба, а вы-

Перевод органично вписался в серию последовательных публикаций стихотворений Сологуба в «Северном вестнике» за 1893 год: «Творчество» («Темницы жизни покидая...»), «У решетки» («Стальная решетка...»), «На закате» («Небо желто-красное зимнего заката...»), «Амфора» («В амфоре, ярко расцвеченной...»), «Рукоятью в землю утвердивши меч...».[32] В восьмом номере журнала была опубликована статья А. Усова «Несколько слов о декадентах (Бодлэр, Верлэн, Маллармэ, Рембо)», в которой, в частности, был представлен довольно подробный анализ сборника «Мудрость». Текст стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» (в оригинале) полностью воспроизведен в статье как пример одного из лучших лирических опытов Верлена, посвященных его «стремлению „к простому обывательскому счастью“».[33] Кроме того, Усов рассуждает о природе декадентства и символизма и особенностях поэтики произведений адептов этих течений во французской литературе. Соответственно, опубликованный в следующем номере «Северного вестника» перевод Сологуба включился в дискуссию о «новых течениях» в поэзии и послужил наглядной иллюстрацией их творческого потенциала для русской культуры.

Образно-тематический строй перевода обрел ярко выраженный отклик в оригинальном творчестве Сологуба. В стихотворениях, созданных в 1893–1894 годах (в период наиболее интенсивного обращения к Верлену), присутствуют мотивы смятения, тоски души, попавшей в «заточенье», воспринимающей извне те или иные знаки и звуки свободы: «*Здесь* — пыль и каменья, / *Там* — сад и пруды <...> / *Доносится* пенье <...> / *Звенят* колокольцы...» («Стальная решетка...», 9 апреля 1893);[34] «Тучки серебристой / *Вижу* я движенья <...> Как же мне уйти? / *Долетают звуки*, / *Льется* воздух влажный, / Мысли, как и *там*...» («Тень решетки прочной...», 22 июля 1893).[35] Полемично громко к «тихому» и «дальнему» звуку у Верлена прозвучал звон колокола в условном цикле стихотворений, созданном Сологубом 27 сентября 1894 года: «*Звенят* колокола / И *там*, в дали долин, / И *здес*ь, где ты свела / Ко мне огонь вершин» («Звенят колокола...»).[36] Лирический герой Сологуба отказывается от мысли о раскаянии и предпочитает земные радости гармонии с высшими сферами: «Пускай *колокола* / *Звонят в дали* долин, — / Пустынно *наверху*. / Пусть медная хвала, / Вознесшись *до вершин*, / Проклятья принесла / Объятьям и греху, — / Пустынно *наверху*...».[37]

Как важнейшая веха в творческой биографии перевод в его второй редакции («Синева небес над кровлей...») был включен в состав сборника оригинальных стихотворений Сологуба «Стихи. Книга первая» под заглавием «Из Поля Верлена», что подчеркнуло единство оригинального и переводного творчества.[38] Перевод расположен в начале сборника, пятым по счету, предваряя одно из самых «верленовских» стихотворений Сологуба «Качели» («В истоме тихого заката...», 9 июля 1894).[39]

В своем первом издании переводов из Верлена Сологуб также выбрал для этого произведения маркированную позицию — оно завершает сборник. Показательно, что при расположении вариантов текста, включенных в основной корпус, поэт сохранил фактическую последовательность их создания, что не было соблюдено в остальных случаях.[40] Во втором издании переводов в основной корпус была включена поздняя

полненный к тому времени собственный перевод стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» в исследование не включил (см.: *Гиндин С. И.* Из ранней верленианы Валерия Брюсова // De visu. 1993. № 8. С. 24–49).

[32] См.: Северный вестник. 1893. № 4. С. 52; № 5. С. 154; № 6. С. 148; № 7. С. 142; № 11. С. 152.

[33] *Усов А.* Несколько слов о декадентах (Бодлэр, Верлэн, Маллармэ, Рембо) // Северный вестник. 1893. № 8. Отд. I. С. 202.

[34] См.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. С. 27.

[35] См.: Там же. С. 42.

[36] См.: Там же. С. 178.

[37] См.: Там же. С. 180.

[38] См. также: *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов. С. 162–163.

[39] Подробнее см.: Там же.

[40] Подробнее см.: *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 86–87.

редакция, датированная 28 февраля 1922 года, при этом в разделе «Варианты» был сохранен хронологический порядок создания ранних редакций.

Критика 1890-х годов не обошла вниманием первый перевод Сологуба из Верлена. Так, Пл. Н. Краснов выделил как несомненно удачные переводы из сборника «Мудрость» (помимо перевода стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...», в 1890-е годы Сологуб опубликовал перевод одного из самых трагичных стихотворений сборника «Un grand soleil noir...» — «Я в черные дни / Не жду пробужденья...»[41]): «Г. Сологуб переводил Поля Верлэна. Передать этого капризного декадента русскими стихами — задача не легкая, и нельзя сказать, чтобы г. Сологуб всегда удачно с ней справлялся. Но перевод некоторых пьес, особенно из отдела „Sagesses“, необыкновенно хорош. И во всяком случае, хотя у нас очень многие поэты, прельщаясь простой конструкцией песенок Верлэна, пробовали переводить его стихи, только г. Сологубу удавалось порой сделать перевод, достойный оригинала. И это ему удавалось несомненно потому, что души обоих поэтов родственны: Поль Верлэн также начал с опьянения страстями и кончил мистическими порывами, как и русский его последователь».[42]

Во втором варианте перевода Сологубу, по-видимому, в полной мере удалось уловить и передать музыкальность стиха Верлена. Об этом свидетельствует отклик Александра Блока на присланную ему книгу «Поль Верлен. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом» в письме Сологубу от 2 декабря 1907 года: «Вы знаете ли, что последнее стихотворение (второй вариант: «Синева небес над кровлей») попалось мне очень давно и было для меня одним из первых острых откровений новой поэзии. Оно связано для меня с музыкой композитора С. В. Панченко, моего давнего и хорошего знакомого. С тех пор ношу это стихотворение в памяти, ибо оно неразлучно со мною с тех дней, „как постигал я первую любовь“. И в эти дни, когда я мучительно сомневаюсь в себе и вижу много людей, но, в сущности, не умею увидать *почти* никого, — мотив стихотворения и слова его со мной».[43]

[41] См.: Петербургская жизнь. 1897. 23 нояб. № 264. С. 2207.
[42] *Краснов Пл.* Неоромантическая и мистическая поэзия // Книжки недели. 1897. № 11. С. 150.
[43] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 219.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-240-252

© *Н. А. Богомолов*

«ПУШКИН — ЦЕНТРИФУГЕ»
История неизданного сборника*

Относительно широкий круг людей, интересующихся литературой начала XX века, должен был заметить книгу, о которой далее пойдет речь, из пассажа в не раз напечатанных воспоминаниях М. Л. Гаспарова о С. П. Боброве: «„А вы знаете, что в «Центрифуге» должен был издаваться Пушкин? «Пушкин — Центрифуге», неизвестные страницы, подготовил Брюсов. Не потому неизвестные, что неизданные, а потому, что их никто не читает. Думаете, мало таких? целая книга!“ (Я вспомнил эпиграфы, подписанные «А. П.». Потом в архиве Брюсова я нашел этот его договор с «Центрифугой»)».[1] Упоминает этот замысел с указанием некоторых архивных шифров

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-012-00106А.
[1] *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2001. С. 389. См. также более ранние публикации: *Гаспаров М. Л.* 1) Воспоминания о С. П. Боброве // Блоковский сборник. Тарту, 1993. [Вып.] XII. С. 179–195; 2) Воспоминания о Сергее Боброве // Неизвестная книга Сергея Боброва из собрания библиотеки Стэнфордского университета / Под ред. М. Л. Гаспарова. [Oakland, 1993]. P. 75–94 (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

Е. В. Зеленкова в статье о пушкинской мистификации Боброва: «После революции 1917 г. „Центрифуга“, и так не отличавшаяся наличием единой программы, столкнулась с рядом организационных и финансовых трудностей. Поиски возможностей для продолжения деятельности привели бессменного руководителя группы Сергея Боброва к идее издания „неизвестных“ стихотворений Пушкина (по воспоминаниям М. Гаспарова, Бобров говорил не о неизданных стихотворениях Пушкина, а о тех, которые «никто не читает» <...>). Книга должна была называться „Пушкин — Центрифуге“, проект издания хранится в фонде поэта в РГАЛИ. Очевидно, что интерес к пушкинскому стиху и невозможность продолжения литературной деятельности заставили Боброва обратить на себя внимание достаточно эксцентричным способом...».[2] Однако о существовании такого проекта и в общих чертах о его содержании можно было узнать достаточно давно. В весьма известном издании читаем: «Интересны следы задуманной Брюсовым работы, которая должна была появиться в издании „Центрифуга“. Из сохранившихся в архиве проекта предисловия и плана издания видно, что Брюсов намеревался собрать „страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращалось внимания; сопоставлением стихотворений и отрывков прозы выявить новое в уже знакомом“. В книгу должны были войти: лирика (малоизвестные редакции, варианты, черновые наброски), отрывки из поэм и драм и повестей в малоизвестных редакциях, статьи и письма. В предисловии к задуманной книге Брюсов говорит, что издательство намерено доступным совершенством печати „дать гармонию внешности страницы и ее содержания“, так как, по его глубокому убеждению, „внешность страницы уясняет стоящее на ней“».[3] И на этом список свидетельств об этой книге почти исчерпывается.

Однако из материалов, находящихся в архивах, можно создать гораздо более полное представление об этой вполне продуманной, но не доведенной до печатного станка книге, которая значима для понимания идейной позиции и художественной ориентации «Центрифуги» в революционные годы.

Историю группы «Центрифуга» нельзя назвать вовсе не изученной,[4] однако в ней явно есть некоторые лакуны. Так, главный инициатор всех действий группы С. П. Бобров писал, вспоминая историю возникновения группы: «Пришел некий вечер, и мы втроем основали ЦЕНТРИФУГУ. Сперва она называлась так: „Временный экстраординарный комитет по делам книгоиздательства Лирика“, а затем это стало самостоятельное книгоиздательство. Мы разослали всем „лирикам“ грозную бумагу — Лирика упраздняется. Кто ее упраздняет? Мы. Кто мы? Вот мы трое, которые, собравшись однажды, выбрали единогласно из своей среды сей комитет, куда и вошли все мы трое. Скандал поднялся неизобразимый. Мы переругались со всеми решительно. Так родилась ЦЕНТРИФУГА. К ней в дальнейшем примкнули И. А. Аксенов и еще кое-кто. Мы были так сказать на правом крыле футуризма, мы не только „признавали“ Пушкина,

---

[2] «См. мат<ериалы> фонда С. П. Боброва: РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1; а также письмо В. Я. Брюсова с предложением вариантов названия: Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 8. Бобров и раньше обращался к поэзии Пушкина, в частности, книга „Новое о стихосложении Пушкина“ (1915) посвящена проблемам стиховедения и вопросу о дольнике (или «паузнике» — в терминологии автора)» (прим. Е. В. Зеленковой. — *Н. Б.*; цит. по: *Зеленкова Е. В.* Об одной литературной мистификации: С. Бобров — автор окончания пушкинской «Юдифи» // Русская филология. Тарту, 2013. [Вып. 24]. С. 169).

[3] *Ашукин Н. С.* Пушкиниана в архиве В. Я. Брюсова // Брюсов В. Я. Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929. С. 307. В менее развернутом виде см. также: Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н. С. Ашукин. М., 1929. С. 346.

[4] См., например: *Марков В.* История русского футуризма. СПб., 2000. С. 196–235 (впервые опубл. по-английски в 1969 году); *Казакова С.* Творческая история объединения «Центрифуга» // Russian Literature. 1990. Vol. XXVII. Fasc. 4. P. 459–482; *Флейшман Л.* История «Центрифуги» // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 521–543 (впервые опубл. в 1977 году); *Шукуров Д. Л.* Литературные стратегии творчества авторов группы «Центрифуга» // Соловьевские исследования. Иваново, 2012. Вып. 3 (35). С. 111–121.

но и работали над ним».[5] Но как будто эта работа не укладывается в общую футуристическую ориентацию группы. Так, Л. Флейшман писал: «Главные нереализованные проекты „Центрифуги“ конца 1916 — начала 1917 г. — это организация художественного салона и третий альманах. <...> Кроме Третьего альманаха, в 1917 г. велась подготовка к изданию сборника „Стиховед“ и двухмесячника „Центрифуги“».[6] Несколько более подробен А. В. Крусанов, завершающий обстоятельный разговор о «Третьем сборнике Центрифуги» словами: «Несмотря на то, что „Третий сборник Центрифуги“ был практически собран и готов к печати, на его издание не хватило денег. <...> Кроме того, к лету 1917 г. были подготовлены к печати, но не вышли из-за отсутствия средств книги С. Боброва „К. Бубера. Критика житейской философии“, посвященный малоизвестным творениям Пушкина сборник под редакцией В. Брюсова „Пушкину Центрифуга“, альбом рисунков А. А. Экстер „Разрыв, движение, вес“, сборник по теории стихосложения „Стиховед“ и другие. <...> Фактически к концу лета 1917 г. работа „Центрифуги“ была парализована отсутствием финансирования и ростом стоимости типографских услуг».[7]

Как видим, сборник под редакцией Брюсова если и упоминается среди книг футуристического издательства, то как некий случайный элемент. Лишь Е. В. Зеленкова попыталась каким-то образом вписать его в логику группового развития, однако получилось это, на наш взгляд, не вполне убедительно. Попробуем эту логику восстановить.

Создавая биографию Боброва, Ю. М. Гальперин писал: «Важную роль в творч<еской> жизни Б<оброва> сыграло знакомство в кон<це> 1900-х гг. с В. Я. Брюсовым и А. Белым. Б<обров> был деят<ельным> членом кружка стиховедов и поэтов, организованного при изд<ательст>ве „Мусагет“ (т. н. «Молодой Мусагет»). Лит<ературный> дебют Б<оброва> — посв<ящение> Брюсову, к<ото>рого Б<обров> считал своим учителем (см. его выразит<ельный> портрет в автобиогр<афическом> ром<ане> Б<оброва> «Мальчик», М., 1966, с. 230–235), стих<отворение> «Spiritus» («Весна», 1908, № 9, подпись С. Яншин)...».[8] Однако то ли по условиям издания, то ли по собственным представлениям автор не стал говорить о том, что Бобров находился в гораздо более тесных отношениях с лидерами символизма. Тем не менее это было. О связях с Андреем Белым известно уже достаточно подробно,[9] но, как кажется, отношения с Брюсовым были более существенными для его становления как личности — а следовательно, и как поэта.

И здесь прежде всего следует отметить, что в конце 1912 года Бобров делается секретарем Общества Свободной эстетики,[10] непререкаемым вождем которого был Брюсов, и на некоторое время полностью попадает в зависимость от него. К этому добавляется, что он работает и секретарем журнала «Русский архив» — явно также по протекции Брюсова, с этим журналом тесно сотрудничавшего. Приведем фрагменты из дневника Боброва, относящиеся к 1912 году: «28.XI. Сегодня был у Брюсовых. <...> И. М. ругала Эльснера, говорила, что он наглый господин. В. Я. тоже. Это хорошо. Брюсов из „Р<усской> М<ысли>“ ушел. Будет там, вероятно, Любовь Гуревич. Позвали меня обедать. Говорил Брюсов, что футуризмом он доволен — и поэтическим, и живописным. Однако согласился со мной в том, что Игорь Северянин без своих

---

[5] «Это было горячо и талантливо»: Письма С. П. Боброва к А. П. Квятковскому / Публ. Я. Квятковского, подг. текста, предисловие и комм. Д. Давыдова // Новый мир. 2009. № 8. С. 149. Помимо интересующего нас сборника Пушкина тут явно имеются в виду небольшие книжки самого Боброва «Новое о стихосложении А. С. Пушкина», «Записки стихотворца» (обе вышли в издательстве «Мусагет» в 1915 и 1916 годах), его же статья «Описание стихотворения Пушкина „Виноград“» (Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. XXIX–XXX; имеется отдельный оттиск).

[6] *Флейшман Л.* История «Центрифуги». С. 538, 542.

[7] *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. С. 798.

[8] Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 293.

[9] Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. 1909–1912 / Вступ. статья, публ. и комм. К. Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб. 1992. [Вып.] 1. С. 113–169.

[10] Некоторые сведения об этом см. в новейшей работе: *Соболев А. Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917): Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 394.

„словечек“ никуда не годится. Он говорит: „Я хорошо знаю, как делаются петербургские стихи, а как футуристические задумываются — нет“. <...>

29.XI. Сегодня был мой первый вечер в „Эстетике“. (Незадолго до этого И. М. Брюсова устроила его секретарем в Общество Св<ободной> Эстетики[11]). Перед этим я был в парикмахерской, где был чисто выбрит, прилизан и приведен в эстетический вид. Потом был дома, обедал, — маменька меня благословила на труды, а с нянюшкой мы трогательно поцеловались перед моим отбытием. Приехал я — еще никого не было. Достал из шкапа книги, бумагу, чернила. За хранение пальто с меня двугривенного, ввиду моего служебного положения, не взяли. Потом пришла Анна Петровна и была ужасно довольна, что уже все готово. Начала стекаться публика. Был Си,[12] Шенрок, Пастернак. Был Мешков, говорил о своем журнале, просил стихов. Народу было видимо-невидимо, так что одна дама сказала: „Семейная баня, а не Эстетика“. Брюсов читал удивительнейшие, несказанные стихи. Особенно прекрасны были о гороскопе, Иксион и Зевс, и „Наполеон“. Чудесно, чудесно! И когда читал — смотрел вверх — как орел, на Ганимеда! Между прочим, он вчера говорил, что, начиная писать, никому своих стихов не носил. А тогда были Бальмонт и Мережковский, которыми он сильно увлекался. А Бальмонт сам к Брюсову пришел».[13]

Таким образом очевидно, что примерно с конца 1912 года Бобров становится не только знакомым Брюсова, но и его сотрудником. Это позволяло ему впоследствии предложить мэтру составить оригинальную книгу, за которую книгоиздательство «Центрифуга» готово было выдать недурной гонорар. Переговоры пришлись на смутные времена в истории России. Первый из известных нам документов относится к марту 1917 года:

«Мы, нижеподписавшиеся, издательство „Центрифуга“ и В. Я. Брюсов, заключили нижеследующее условие:

1) Я, Брюсов, обязуюсь составить для изд-ва сборник произведений Пушкина, согласно с программой, выясненной при наших личных переговорах, размерами около десяти печатных листов, с моим предисловием и примечаниями, и доставить рукопись сборника, вполне готовую к печати, не позднее 1 июля сего 1917 года.

2) Изд-во „Центрифуга“ уплачивает мне, Брюсову, как гонорар за эту работу тысячу (1.000) рублей, с правом напечатать издание в четыре тысячи (4.000) экземпляров, при продажной цене в 2 р. 50 к. за экз.

3) Этот гонорар уплачивается в четыре срока, равными частями: 250 руб. при подписании сего условия; 250 руб. при сдаче рукописи; 250 руб. по выходе книги из печати, и 250 руб. через три месяца после выхода книги.

4) Изд-во „Центрифуга“ обязуется напечатать книгу в срок не больший, нежели 1 год со дня сдачи рукописи; если в течение года книга издана не будет, я, Брюсов, волен издать ее через другое изд-во, а полученные мною части гонорара остаются в мою пользу.

Первая часть гонорара, в размере двухсот пятидесяти (250) рублей, получена мною при подписании сего условия, 22 марта 1917 года. Валерий Яковлевич Брюсов.

Редактор Издатель К-ва Центрифуга Сергей Бобров».[14]

И почти сразу же, вдогон, Брюсов пишет еще одно письмо:

«1 Мещанская, 32

24 марта 17.

Дорогой Сергей Павлович!

Так как „Ц“ <так!> хотела анонсовать книгу немедленно, спешу предложить изменение заглавия. Не лучше ли, вместо „Пушкину Центрифуга“, —

---

[11] Примечание, по всей вероятности, М. П. Богословской-Бобровой.

[12] Фамилия в машинописной копии не пропечаталась. Если исходить из логики времени, это должен быть А. А. Сидоров.

[13] РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 270. Л. 5–6. Машинопись (вероятно, сделанная М. П. Богословской-Бобровой для неосуществленной публикации).

[14] Там же. Ед. хр. 665. Машинопись, текст приписки — рукой Брюсова. Заключительная подпись — рукой С. П. Боброва. Частично опубл.: *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. М., 2006. С. 494. Ср. также запись в «Дневнике поэта»: Лит. наследство. 1976. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 30.

Пушкин — Центрифуге

ибо Пушкин — автор, и его имя желательно в именительном, а смысл еще правильнее: то, что Пушкин дает Центрифуге.

Кстати посылаю: проект предисловия («от редактора», а «от издателей» может быть другое) и образцы намечаемых стихов. Обдумав, вижу, что 10 листов удастся составить из материала весьма свежего, частью многим и многим неизвестного, частью — никому, ибо то будут мои открытия в рукописях и мои чтения рукописей, другими читаемых совсем по-иному.

Ваш

Валерий Брюсов.

Кланяюсь Ив. Алкс. Аксенову и бегло отвечаю. Слово „предпочесть“ имеет два смысла: 1) предпочесть что чему, напр. „предпочесть Кружок поэме Липскерова“, 2) предпочесть — отдать предпочтение чему пред чем, напр., „отдать предпочтение Авсонию пред прогулкой с красными флагами“ и „предпочесть Авсонию прогулку“. Конечно, последнее — латинизм: rei publicae vitam graificari, но возможный. Впрочем, после указания Ив. Алекс. подумываю стих изменить.

В.».[15]

В июле Брюсов передает Боброву еще одну расписку, которая, согласно их «условию», должна была соответствовать сдаче рукописи. У нас есть все основания полагать, что на деле Брюсов рукописи не сдал, но обозначил свою реальную работу над книгой, о чем см. далее:

«В счет гонорара за книгу „Пушкин — Центрифуге“ двести пятьдесят рублей, чеком на Московскую Контору Государственного банка, 9-го июля 1917 года, получил Валерий Брюсов».[16]

Последнее свидетельство общения издателя и автора относительно планируемой книги находим в краткой записочке Боброва, посланной уже в следующем году:

«Милостивый Государь,

дорогой Валерий Яковлевич.

Не откажитесь, черкните мне два словечка, когда можно к Вам приехать и застать Вас, чтобы поговорить о нашем Пушкине и еще кое о чем.

Буду Вам очень признателен.

Преданный Вам

Сергей Бобров».[17]

Не обозначенный «разговор кое о чем», возможно, касался проблем, о которых Бобров писал менее чем через месяц:

«Милостивый Государь

Дорогой

Валерий Яковлевич,

Передавая Вам прошлый раз приглашение Лундберга в его журнал, я, как Вы, может быть, помните, указывал на то, что в журнале этом не будет политики. Так мне об этом сказал дважды сам Е. Г. Лундберг. В сегодняшнем же № „Знамени труда“ — для меня совершенно неожиданно — появилось объявление, из которого явствует, что политика все же будет. Прилагаю это объявление, чтобы Вы могли судить о всем сами. Надеюсь, Вы извините меня, что я совершенно невольно Вас подвел.

Примите, дорогой Валерий Яковлевич, мои уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Сергей Бобров».[18]

---

[15] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1. Машинопись, подписи чернилами. Штемпель: К-во ЦЕНТРИФУГА. Получено 26.III.917. Вх. № 79. Исп. исх. №.

[16] Там же. Л. 2. Штемпель: Валерий Яковлевич Брюсов. Москва, 1 Мещанская, 3. Второй штемпель: К-во ЦЕНТРИФУГА. Получено 9.VII. 917. Входящего и исходящего №, означенных в тексте штемпеля, нет.

[17] РГБ. Ф. 386. Карт. 77. Ед. хр. 46. Л. 6. Машинопись, подпись — автограф. Штемпель: «Центрифуга». Отправляется 4 апр<еля> 1918.

[18] Там же. Л. 7. Штемпель: 1 мая 1918. Приложена вырезка из газеты «Знамя Труда» от 1 мая (№ 193) о выходе в середине мая первого номера периодического журнала «Знамя Труда:

В 1917 году Брюсов работал над сборником вполне активно, о чем свидетельствуют материалы, отложившиеся в его архиве (РГБ) под заглавием «Материалы к работе по подготовке сборника избранных произведений А. С. Пушкина (издательство «Центрифуга») [1917]».[19] О том, что это действительно 1917 год или самое начало 1918-го, свидетельствует гротовская орфография, от которой Брюсов довольно быстро отказался. Первый лист с карандашными набросками того, как должно быть расположено заглавие книги, явно относится к первым дням работы:

ПУШКИНУ
ЦЕНТРИФУГА

Как мы помним, 24 марта 1917 года Брюсов предложил Боброву иное заглавие — «Пушкин Центрифуге», которое младший поэт вряд ли решился отвергнуть. Стало быть, данный лист заполнялся не позже этой даты.

Тогда же Брюсов стал готовить предисловие. Сохранилось два черновых его наброска, которые мы публикуем. Нам представляется, что первым был краткий фрагмент под заглавием «Предисловие», сделанный карандашом: «Наша задача — собрать страницы П<ушкина>, кот<орые> особенно часто хочется перечитывать» (л. 14). Более проработан другой черновик: «Каждое поколение оценивает и еще долго будет оценивать Пу<шки>на со своей точки зрения. Мы знаем иного Пушк<ина>, нежели наши отцы и деды.

Представить полно этого „нашего“ П<у>шк<ина> — так<ова> цель издания. Мне хотелось в этой книге собрать все те строки Пу<шкина>, кот<орые> совр<еменный> чит<атель> перечитывает особен<но> часто. Выбор произвед<е>н<ий>, входящ<их> в кн<и>гу и общ<ая> редакци<я> испол<нены> Вал<ерием> Бр<юсовым>» (л. 7 об.; последнюю фразу нам прочитать не удалось).

Обращает на себя внимание, что главная задача будущего издания тут осмысляется как представление наиболее «современных» стихотворений Пушкина, тех, «которые особенно часто хочется перечитывать». Но вариант, видимо посланный в письме от 24 марта, говорит уже о другом. Вот эта машинопись без какой бы то ни было правки:

«Проект предисловия
к сборнику „Пушкину Центрифуга“

„Каждая строка Пушкина драгоценна“, — это, став общим местом, осталось — и это редко — истиной. И мы поставили бы заглавие „Пушкин, новое“, если б не верили, что у величайшего нашего поэта для русского читателя не может быть неизвестного. Но в собрании сочинений отдельные жемчужины тонут в блеске крупных перлов и главных алмазов венца. Кроме того, сопоставление страниц иногда по-новому их осмысливает. Поэтому, подбирая те жемчужины, мы включили и несколько известнейших драгоценностей — частью чтобы под блеском других озарить в них новые грани, частью — чтобы их собственным блеском осветить другие. Наконец, по нашему убеждению, внешность страниц уясняет стоящее на них: печатать должно столь же для глаз, как для слуха.

Итак, три задачи настоящего издания:

1) Собрать страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращают внимания.

2) Сопоставлением стихотворений и отрывков прозы выявить новое в уже знакомом.

3) Доступным нам совершенством печати дать гармонию внешности станиц и их содержания.

Временник литературы, искусства и политики», издаваемого под редакцией Р. Иванова-Разумника, Е. Г. Лундберга и В. А. Карелина.

[19] Там же. Карт. 43. Ед. хр. 4. Далее ссылки на «Материалы...» даются в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера листа.

В примечаниях, с точностью, указано, откуда взят текст, причем явствует, что многие — непосредственно из рукописей.

1917 *Валерий Брюсов*» (л. 22).[20]

Как видим, здесь еще сохранено первоначальное заглавие, но замысел уже несколько иной.

Следом за этим Брюсов приступает к подсчету объема книги, и выясняется, что в предположенные 10 печатных листов он никак не умещается. Инвентаризация проходит уже под заглавием «Пушкин Центрифуге», т. е. после второго письма к Боброву. На л. 2–11 Брюсов ведет подсчеты по разным принципам: по жанрам (лишь относительно соотносящимся с традиционной жанровой системой, как на л. 3 об.: «Чист<ая> лир<ика>. Перев<оды> и подр<ажания>. Баллады. Чернов<ые> наброски. Эпигр<аммы>»), по количеству строк, по годам. Вряд ли имеет смысл приводить все эти записи, иногда чрезвычайно неразборчивые, но следует сказать, что в них уже отразился подход, обозначенный в предисловии: стихотворения малоизвестные, оставшиеся в черновиках, расшифрованные самим Брюсовым или его современниками, прежде всего (что показывают сохранившиеся наброски примечаний) П. Е. Щеголевым и Н. О. Лернером,[21] но рядом с ними — прославленные, едва ли не самые знаменитые во всем наследии Пушкина, вплоть до «Я помню чудное мгновенье...», «Песни о вещем Олеге», «Бесов», «Пророка», «На холмах Грузии...», «Пира Петра Великого», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Видимо, после этого Брюсов составляет два плана, которые уже печатает на машинке и, судя по всему, посылает Боброву. Из тех подсчетов, о которых мы говорили, сформировались два варианта книги, рассчитанных на разный объем:

«Пушкин

1) Биографический очерк и выдержки из статей о Пушкине (Вл. Соловьева, Д. Мережковского, В. Розанова, Ф. Сологуба, Н. Лернера, Вал. Брюсова и др.).

2) Стихотворения (Лирика чистая, лирика подражательная, баллады, из черновых набросков, эпиграммы).

3) Поэмы (отрывки из «адской» поэмы, Цыгане, отрывки из Евгения Онегина, Медный Всадник, отрывки из Моей родословной).

4) Драмы (Пир во время чумы, Моцарт и Сальери).

5) Рассказы (Египетские ночи, отрывки из Пиковой Дамы, из неоконченных повестей).

6) Статьи.

7) Мелкие заметки, планы, наброски.

8) Примечания Не свыше 20 лист.

Пушкин
(Второй план)

1) Биографический очерк и выдержки из статей.

2) Лирические стихотворения, лирические наброски, черновые варианты стихов.

3) Отрывки из „адской“ поэмы, черновые варианты Кавказского пленника, Бахчисарайского Фонтана, Евгения Онегина, Галуба и др.

4) Из неоконченных повестей. Египетские ночи.

5) Страницы из разных повестей, драм и т. под.

6) Статьи, заметки, наброски, планы.

---

[20] Этот проект предисловия был использован для рекламы, помещенной среди прочих объявлений в изданной «Центрифугой» книге И. Аксенова «Пикассо и окрестности». Для этой акции была снята только дата и подпись Брюсова.

[21] В связи с решительным разрывом отношений между Брюсовым и Лернером используются те публикации последнего, которые были им выполнены для журнала «Весы». Подробнее о ссоре между двумя пушкинистами см.: Валерий Брюсов — историк литературы: Переписка с П. И. Бартеневым и Н. О. Лернером. М., 2019. С. 112–115.

7) Выдержки из писем.
8) Примечания.

15–16 лист.» (л. 12–13).

Однако хочется обратить внимание, что этот замысел не был изолированным. Пункт «Пушкин» даже идет под вторым номером, а под первым — «Бодлэр». Он напечатан на той же самой машинке, на том же листе, что и первый план «Пушкин» (л. 12). Вот его текст:

«1. Бодлэр
1) Статьи о Бодлэре (биография, статьи Готье, Ренье, Роденбаха и др.)
2) Цветы Зла (Переводы К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Валерия Брюсова, Эллиса и мн. др.).
3) Маленькие поэмы в прозе
4) Искусственные эдемы
5) Художник и современная жизнь
6) Критические статьи
7) Мелкие статьи, планы, заметки
8) Дневники (мое обнаженное сердце и др.), воспоминания, письма
9) Примечания

Не свыше 15 лист.».

Невозможно не заметить, что в планах изданий Пушкина и Бодлера одинакова и общая структура, и объем. Видимо, планировалось создание какой-то серии однотипных изданий русских и иностранных (или только французских?) поэтов. С осторожностью можно предположить, что в этот проект входили еще сочинения Верлена (переводчиком и знатоком жизни и творчества которого был Брюсов) и А. Рембо, о котором незадолго до того большую статью напечатал Бобров.[22] Однако ни об одной из этих книг мы не нашли никаких известий. Да и вообще, как уже отмечалось выше, издательская деятельность «Центрифуги» с весны 1917 года фактически прекратилась.

В сохранившихся «Материалах...» имеются также два наброска предисловия к изданию сочинений Пушкина. Приведем первый из них: «Уже при жизни Пушкина было, почти без споров, единогласно, признано, что он — великий народный поэт. Но полно оценили Пушкина лишь значительно позже. Во-первых, все действительно „великое“ требует времени и труда, чтобы быть вполне понятым. Значение Пушкина вполне выяснилось лишь после того, как его произведения были критически [разобраны несколькими поколениями наших критиков: Белинским, Анненковым, Добролюбовым, Ап. Григорьевым, Достоевским, Мережковским и многими другими, после того, как о Пушкине высказали свое суждение наши лучшие писатели: Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Тургенев и др.] разобраны несколькими поколениями критиков и все наши лучшие писатели высказали свои суждения об нем: Белинский, Анненков, Ап. Григорьев, Добролюбов, Писарев, Мережковский, Кольцов, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Л. Толстой и мн. др. участвовали в этой работе, конечно, в разной мере, но все способствовали уяснению образа Пушкина, даже те, которые, как Писарев и, иногда Л. Толстой, высказывали отрицательные суждения. Во-вторых, написанное Пушкиным лишь медленно, в течение десятилетий, становилось доступно читателям. Сам Пушкин напечатал, при своей жизни, далеко не все, что написал, частью потому, что мешала цензура (напр<имер>, поэма «Медный Всадник»), частью потому, что написанное еще не было закончено (напр<имер>, драма «Русалка», повесть «Арап Петра Великого», «Египетские Ночи») или не предназначалось автором для печати (многие эпиграммы и шутки, «История села Горюхина», все письма), частью по другим

[22] *Бобров С.* Жизнь и творчество А. Рембо // Русская мысль. 1913. № 10. С. 127–154 (1-я паг.). Статью продвигал Брюсов. См. также восторженный пассаж Боброва о творчестве Бодлера (Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. С. 130–132).

причинам. В сочинениях Пушкина больше страниц, изданных по его смерти, чем при его жизни, и эти страницы, из которых некоторые впервые напечатаны совсем недавно (напр<имер>, строфы «Евгения Онегина» о декабристах), нередко прямо необходимы для правильного понимания поэта. Должно добавить, что только в последние годы начали изучать Пушкина и его время подлинно научными методами и что только в XX веке появились действительно „полные“ (и то не совсем) собрания сочинений Пушкина. Понятно после этого, что всесторонне оценить значение Пушкина стало возможно лишь для нашего поколения. Но эта новая оценка, опирающаяся уже не на догадки, а на факты, проверенные научно, должна, в общем, повторить прежний приговор: Пушкин — великий народный поэт.

Почему же мы вправе и должны называть Пушкина великим поэтом и народным поэтом?

Народным или национальным называют поэта, который в своем творчестве отражает дух своего народа. Бесспорно, каждый народ имеет свои характерные особенности, свою „личность“, индивидуальность. Французы отличаются и от немцев, и от англичан, и от испанцев, русские — от всех них. История, века и тысячелетия сравнительно обособленной жизни — создали тип русского; у него не только свои привычки, свои бытовые особенности, не схожие с немецкими или испанскими, но и свой взгляд на все, свой способ мыслить, свое „мировоззрение“. Читая Пушкина, мы, русские, узнаем самих себя. Иностранец по-иному подошел бы к героям Пушкина, к Татьяне, к Онегину, к Белкину, к Дубровскому, к Мельнику и его дочери; иностранец иначе отнесся бы к бесконечному ряду привычных нам картин и образов, рассеянных в поэмах, стихотворениях и повестях Пушкина, — к зиме, с ее метелями и вьюгами, к раздолью наших степей, к нашей тихой весне, ко всем явлениям нашей природы и нашей жизни; наконец, иностранец по-иному стал бы оценивать события и явления не-русской жизни, и этого „Каменного гостя“ Испании, и „Скупого рыцаря“, и Гирея, и Старого Цыгана.

Надо быть русским, надо сжиться с нашей природой, чтобы так говорить <текст обрывается>» (л. 15; на бланке Варшавского комитета по делам печати, по старой орфографии).

Если это было действительно предисловие к планировавшемуся изданию, то вряд ли его можно признать удачным. Для потенциального читателя книги, выпущенной «Центрифугой», оно все-таки слишком элементарно, да и проблема, о которой пишет Брюсов, не соответствует заявленной в плане — биографическому очерку о Пушкине. В еще меньшей степени годился бы для этого издания другой вариант статьи, начало которой сохранилось в той же папке (л. 17–18, 20 об.). Пояснения вроде «„либеральным“ (освободительным) движением» и даже «преподавателей (учителей)», как кажется, свидетельствуют, что он был предназначен для какого-то совсем иного предприятия, типа книг «Народной библиотеки», в деятельности которой Брюсов активно участвовал.

Остальные листы данной единицы хранения являются подготовительными материалами для набора, преимущественно расклейки различных изданий. Архивная раскладка (видимо, восходящая еще ко временам И. М. Брюсовой) хаотична и не дает возможности сделать выводы о составе и композиции окончательного варианта книги. Поэтому мы с уверенностью не можем сказать, что именно Брюсов хотел представить читателям этой книгой: малоизвестного Пушкина или же какое-то соединение малоизвестных произведений с широко популярными.

Вторая часть приводимых далее документов уже не связана непосредственно с Брюсовым, а показывает отношение советских издательских инстанций к нестандартным замыслам.

Напомним, что Брюсов с марта 1917 года практически без перерывов занимал различные высокие посты в иерархии государственных учреждений, контролировавших печать. С марта до сентября 1917 года он был руководителем московского Комиссариата по регистрации произведений печати,[23] в 1918–1919 годах — Управления по де-

[23] Подробнее об этом см.: *Орлова М. В.* В. Я. Брюсов — комиссар по регистрации произведений печати в 1917 году (по материалам Рукописного отдела Государственного литературного

лам печати, и какое-то время — отдела научных библиотек Наркомпроса, затем служил в Государственном издательстве (которое в то время выполняло массу разных функций, прежде всего — давало разрешения на выход книг), и т. д. Бобров в это время также служит в Госиздате и явно имеет возможности для проталкивания книг, как собственных, так и своего издательства. Но даже такое высокое положение Брюсова и связи Боброва не могли практически ничем помочь в выпуске некоторых книг. Как и почему это происходило, наглядно показывает история интересующего нас сборника.

Еще до середины 1918 года была некоторая надежда, что хотя бы относительная свобода печати сохранится. Однако после 6 июля этой надежде был положен предел. Вся власть в области книгоиздательства и выпуска СМИ сосредоточилась в руках различных советских инстанций, мало что понимавших в порученном им деле. Первый из документов, имеющихся в нашем распоряжении, — письмо издательства «Центрифуга» (в машинописной копии подписи нет, но вряд ли можно сомневаться, что подписывал все Бобров) следующего содержания:

«Книгоиздательство
Ц Е Н Т Р И Ф У Г А
Москва, Погодинская, 4, 45
30 декабря 1918.
№ 127

В Отдел по делам печати Московского Совета
Рабочих и Красноармейских Депутатов

В ответ на отношение Ваше от 26 с/м <...> редакционная коллегия книгоиздательства ЦЕНТРИФУГА имеет честь препроводить Вам следующие данные о деятельности издательства. <...>

4) План дальнейших работ. — В настоящее время в Типографии т<оварищест>ва Левенсон находится в работе одна наша книга: „К. Бубера, Критика житейской философии“, книга набрана и сверстана, но типография задерживает печатание <...> Намечены к печати и частью уже и готовы к печати следующие книги: 1) „Пушкину Центрифуга“, сборник, посвященный малоизвестным творениям поэта под редакцией Валерия Брюсова, 2) альбом красочных рисунков А. Экстер „Разрыв, движение, вес“, часть клише этого сборника готова, остальные находятся в работе, 3) сборник „Стиховед“ <...>, 4) Второй том переводов И. А. Аксенова из английских авторов до-Шекспировского времени <...>, 5) третий альманах к<нигоиздательст>ва, куда входят стихи, изящная проза, теория творчества и стиха, критика и библиография, 6) второй том „Записок стихотворца“ С. П. Боброва <...> 7–13) книги стихов Асеева, Аксенова, Боброва, Большакова, Ивнева и Шиллинга, 14–19) изящная проза Ивнева, Пастернака, Аксенова. <...> Ко всему этому мы должны прибавить, что, как уже было указано нами в докладной записке, поданной Вам в октябре с/г, не только расширение, но и продолжение работы к<нигоиздательст>ва в настоящее время невозможно из-за отсутствия средств. До сих пор к<нигоиздательст>во не окупало себя (да мы и не задавались нимало коммерческими целями) и существовало на субсидии богатых „любителей“. В настоящее время приток таких субсидий прекратился, и надеяться на его возобновление тщетно, так как если раньше могла быть надежда на то, что деньги рано или поздно вернутся к ссудившему их, то теперь, в связи с муниципализацией книгоиздательств на это „меценат“ надеяться не может. Это создает для нас такое положение, что без поддержки государства мы существовать далее не можем. Ввиду этого мы недавно обратились к Народному Комиссару по Просвещению товарищу А. В. Луначарскому с докладной запиской, где, изложив вышесказанное, просили о таковой поддержке, на что и получили от товарища Луначарского словесное обещание удовлетворить нашу просьбу. Конкретизация же поддержки этой откладывается

музея) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. М., 2017. С. 219–234.

до полного сформирования при Народном Комиссариате по Просвещению Литературного Отдела.

Редактор-Издатель

Члены Коллегии <подписей нет. — *Н. Б.*>».[24]

Трудно сказать, идет ли здесь речь о далее публикуемом письме (с вполне объяснимой хронологической неувязкой) или о каком-либо другом, но в любом случае смысл вполне передается:

«Народному Комиссару по Просвещению
т. А. В. Луначарскому.
от книгоиздательства ЦЕНТРИФУГА
в Москве.

Прошение

Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА имеет честь покорнейше просить Вас о разрешении отпечатать и выпустить в свет книгу „Пушкину — Центрифуга“ под редакцией В. Я. Брюсова.

Книга эта задумана нами еще в 1917 году (когда и появился анонс о ней в нашем издании «Пикассо и окрестности») и по мысли к<нигоиздательст>ва и редактора ее должна представлять собой сборник произведений Пушкина, которые обычно в „полных собраниях“ отходят на задний план, печатаются петитом в примечаниях и потому доходят лишь до сведения знатоков и специалистов. Учитывая то обстоятельство, что многочисленные отрывки Пушкина и варианты, несмотря на свою диспаратность и фрагментарность, представляют собой высокую эстетическую ценность, мы решились объединить эти спорады творчества в одну книгу и таким образом довести до широких масс то, из чего возникли впоследствии титанические произведения Пушкинской музы. Кроме того, в этой книге будут помещены многие варианты, почерпнутые непосредственно из рукописей, — плод многолетней работы В. Я. Брюсова, заслуженного пушки<ни>ста, над рукописями поэта.

Ввиду декрета о национализации классиков, воспрещающего частным к<нигоиздательст>вам издавать этих последних, к<нигоиздательст>во ЦЕНТРИФУГА настоящим обращается к Вам с просьбой разрешить выпуск описанной книги.

Редактор-Издатель ЦЕНТРИФУГИ СБ
Секретарь Редакции <подписи нет. — *Н. Б.*>
29 января 1919.
Москва, Погодинская 4, 45
№ 5».[25]

Из других документов, хранящихся в этом фонде, становится очевидно, что никакие усилия начала 1919 года не помогли, и осенью Бобров вновь предпринимает попытки спасти издательство. Л. Флейшман писал со ссылкой на материалы личного архива М. П. Богословской-Бобровой: «В 1918 г. С. П. Бобров, И. А. Аксенов, К. А. Большаков, Рюрик Ивнев и Б. Л. Пастернак подают А. В. Луначарскому докладную записку с ходатайством об официальной поддержке книгоиздательства „Центрифуга“».[26] Нам представляется, что речь идет о первой (недатированной) записке из трех, ныне находящихся в фонде Боброва в РГАЛИ.[27] Две остальные имеют даты: 22 сентября и 2 ноября 1919 года, т. е., скорее всего, и первая относится к осени 1919 года. Во всех трех ставится вопрос о поддержке футуристических устремлений издательства, и брюсовский сборник Пушкина даже не упоминается. Однако 25 ок-

[24] РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 81–82. Машинопись.
[25] Там же. Л. 87. Машинопись, подпись Боброва — чернилами.
[26] *Флейшман Л.* История «Центрифуги». С. 542.
[27] РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 68.

тября (примечательный день!) от «Центрифуги» в Госиздат поступает подробная и убедительно прописанная смета на ряд изданий, которые предполагается выпустить. Не воспроизводя ее всю, перечислим лишь те книги, на которые издательство запрашивало деньги: сборники Боброва «Дельта» и «Лотофаг», «Ангел всех скорбящих» Большакова, «Эйфелея» Аксенова и «Третий сборник Центрифуги» были готовы к печати,[28] об интересующей нас книге (обозначенной как «В. Брюсов. Пушкину Центрифуга») и втором выпуске «Записок стихотворца» Боброва было сказано: «Оригиналы могут быть представлены примерно через месяц по утверждении смет»; наконец с пометой: «Для производства нижеследующих оригиналов необходимо предварительное авансирование» шли «Антология русской поэзии от Кантемира до наших дней», «Ритм французского стиха» Ландри, «Основы английской метрики» Веррье и «Экспериментальная фонетика» Скрипчюра.[29] Помимо того, различные материалы той же единицы хранения называют книгу: «Евгений Шиллинг. Херувимская. 1-я книга стихов», 4 п. л., и сборник «Стиховед», 6 п. л. Для историков русской науки о литературе рубежа 1910–1920-х годов может представить интерес сохранившееся там же содержание первого выпуска «Стиховеда». Его должны были составить статьи: «И. А. Аксенов. Экспериментальная метрика на Западе; С. П. Бобров. Установление влияний (теории реминисценции); Б. В. Томашевский. Ритм в прозе; С. Часин <?>. Новая подделка Пушкина; Р. О. Якобсон. Поэзия В. Хлебникова (?); В. Шишов. Русский вольный ямб (?); Библиография».[30]

31 октября 1919 года датирована выписка из протокола коллегии Госиздата:

«Слушали:

7) Просьба Книгоиздательства Центрифуга о субсидии

Постановили:

7) Отклонить, считая в настоящий момент несвоевременным расход бумаги на предлагаемые Центрифугой произведения».[31]

Бобров попробовал еще раз добыть в Госиздате деньги, теперь уже хотя бы на издание той книги, которая нас прежде всего занимает. Он обращается в эту инстанцию с прошением:

«В Государственное Издательство

Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА, предполагая выпустить книгу „Пушкину ЦЕНТРИФУГА“, просит ГИЗ, ввиду национализации классиков, разрешить ему это издание.

Книга будет заключать в себе 10 печ. листов и представляет собой сборник тех стихотворений Пушкина, которые по разным обстоятельствам или печатались в примечаниях, или не печатались вовсе (более или менее законченные варианты из рукописей), и таким образом были известны лишь знатокам, а до более широкого круга читателей не доходили вовсе. Таких вещей у Пушкина немало, и в общем их набралось на почтенный том в 160 страниц. Сборник „Пушкину ЦЕНТРИФУГА“ вчерне готов и может быть представлен немедля по утверждению сметы. Сборник был задуман нами еще

---

[28] Книги Боброва изданы не были; рукописный вариант «Эйфелеи» сохранился в его библиотеке (ныне в ГПИБ, воспроизведен на сайте и диске среди прочих книг русского авангарда); неизданный «Ангел всех скорбящих», который доброжелательно рецензировал Брюсов (см.: Лит. наследство. Т. 85. С. 244), возможно хотя бы отчасти реконструировать; о составе «Третьего сборника Центрифуги» см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907–1932. Т. 1. Кн. 2. С. 795–798.

[29] РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 663. Л. 9.

[30] Там же. Л. 33. Статья Боброва была позднее опубликована под заглавием «Заимствования и влияния» (Печать и революция. 1922. Кн. VIII. С. 72–92), статья Томашевского — по всей видимости, его доклад в Московском лингвистическом кружке 13 февраля 1920 года (опубл.: *Томашевский Б. В.* О стихе. Л., 1929. С. 254–317), Якобсона — скорее всего, какие-то материалы к его первой работе о Хлебникове (Новейшая русская поэзия: Набросок первый. Прага, 1921). «Новая подделка Пушкина», вероятно, трактовала о судьбе известной мистификации Боброва, обманувшей Н. О. Лернера (см.: *Зеленкова Е. В.* Об одной литературной мистификации).

[31] РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 18.

в 1916 г., а в 1917 был анонсирован в нашем издании „Пикассо и окрестности“. Редактирует издание В. Я. Брюсов, известность которого как образцового пушкиниста не требует эпитетов и служит вполне достаточной гарантией за научную значимость книги. Конкурировать с Государственными изданиями Пушкина (напр<имер>, с Академическим) наша книга, разумеется, не может, ибо не имеет в виду дать представление о Пушкине, а стремится лишь к развитию этого представления.

Редактор-Издатель ЦЕНТРИФУГИ С. Б.
Секретарь <подпись нрзб.>».[32]

Мы не знаем, что произошло в «коридорах Госиздата» (А. Тарковский), но менее чем через месяц появился документ, который имеет смысл процитировать:

«Договор № 24/112

24 ноября 1919 года мы, нижеподписавшиеся, в лице Заведующего В. В. ВОРОВСКОГО с одной стороны и к<нигоиздательст>во „ЦЕНТРИФУГА“, в лице владельца С. П. БОБРОВА, проживающего по М. Путинковскому пер., в д. № 4, кв. 21, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1) Государственное Издательство заказывает к<нигоиздательст>ву „Центрифуга“ книги: а) БОБРОВ, „Дельта“; б) „ТРЕТИЙ СБОРНИК ЦЕНТРИФУГИ“; в) БРЮСОВ „Пушкину Центрифуга“ и г) СКРИПЧЮР, „Экспериментальная фонетика“, книги печатаются в количестве 1000–3000 экз. и весь завод передается полностью в Государственное Издательство <...>».[33]

Но этот договор так ни к чему и не привел. Ни одна поименованная в нем книга не вышла в свет. На этом издательская эпопея с работой Брюсова, насколько мы могли ее проследить, заканчивается.

Более или менее понятно, почему Брюсов не стал поддерживать Боброва и бороться за нее. Книга была еще явно не готова, надо было приложить немало усилий, чтобы ее довести до типографии, а Брюсов в это время был увлечен новой пушкинской работой — полным собранием сочинений, из которого увидел свет только первый выпуск первого тома (вышел в мае 1920 года). Да и новый читатель Пушкина требовал совсем иного подхода к представлению поэта.

[32] Там же. Ед. хр. 663. Л. 17. Документ не датирован, но его исходящий номер — 10, тогда как предыдущий, № 9, был датирован 25 октября, а отрицательное решение — 31 октября, и в нем говорится о книгах, а не об одной работе, деньги на издание которой испрашивались сейчас.

[33] Там же. Л. 19. Бланк Государственного издательства. На л. 20 — копия.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-252-268

«КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ»: СВЕРДЛОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В. В. МАЯКОВСКОГО. ЧАСТЬ 1

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © Л. В. ХАЧАТУРЯН)*

Среди исследований творчества В. В. Маяковского в последнее десятилетие начинают преобладать работы, посвященные записным книжкам поэта. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, не опубликован, за исключением отдельных документов, огромный комплекс записных книжек, блокнотов и рабочих тетрадей, которые

* Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Маяковский вел более двадцати лет.[1] Вторым фактором стал растущий интерес к записной книжке как к «творческой мастерской», отражающей создание поэтического текста. Третьим фактором можно назвать влияние цифровой революции, сделавшей электронные копии рукописей рабочим инструментом исследователя.[2]

Как отмечала Л. Д. Громова-Опульская в одной из своих последних работ, «в постмодернистской литературе незавершенность, фрагментарность, действительно становится творческим методом и художественным приемом. Если добавить к этому отсутствие свободы, невозможность своевременно печататься, как это происходило в XX веке со многими писателями, текучесть текста неизбежна».[3] Записная книжка предстает оптимальным объектом для изучения «движения текста»[4] — генетической критики. Текст будущих произведений представлен здесь во множестве вариантов. Реконструируя процесс заполнения страниц, мы можем проследить динамику тексто- и словообразования, отбора и даже авторской цензуры вне влияния государственных структур, заказчика или редактора. Не случайно наиболее полные варианты произведений литературы XX века (примерно с конца 1920-х годов и до конца 1970-х) мы находим не в беловых автографах издательского портфеля, а в записных книжках или рабочих тетрадях поэтов.

Взгляд на художественный текст как на «вечно становящуюся систему»[5] позволяет отнестись к записям как к самостоятельному произведению особого «пограничного» жанра.[6] Закономерно меняется и подход к их публикации. Примерно до последней четверти XX века записные книжки были фактически «препарированы»[7] на «Варианты и разночтения» и «Неиспользованные строки и рифмы», традиционные разделы

---

[1] Есть сведения о 73 записных книжках (рабочих блокнотах и тетрадях) В. В. Маяковского. 72 имеют сплошную нумерацию. В 1930 году Маяковский предоставил 4 записные книжки в ГЛМ (ныне РГАЛИ) для подготовки выставки. В 1938 году 68 записных книжек были переданы Л. Ю. Брик в ГБМ (ныне ГММ). Одна записная книжка, датируемая 1928 годом и не включенная в общую нумерацию (хронологически — между 64-й и 65-й), находилась в частном архиве Т. А. Яковлевой-Либерман. См. об этом: *Арутчева В. А.* Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65. Новое о Маяковском. С. 396.

[2] В настоящее время рукописи Маяковского доступны на порталах «РУКОПИСИ.ИМЛИ» (http://rukopisi.imli.ru) и «Автограф. XX век» (НИУ ВШЭ — ИРЛИ РАН — РГАЛИ): http://majaovskiy.literature-archive.ru.

[3] *Громова-Опульская Л. Д.* Текстология незавершенного (Л. Толстой) // Русская литература. 2002. № 2. С. 117.

[4] Там же.

[5] *Двинятина Т. М.* Поэзия И. А. Бунина: основной текст (Проблемы текстологии. III) // Русская литература. 2010. № 1. С. 61. Более подробно о проблеме соотношения ранних и поздних редакций см. в работе А. М. Грачевой: «Определение редакций, основанное на хронологическом принципе (1-я, 2-я, 3-я), условно. Оно фиксирует лишь временную последовательность создания текстов. Но эта последовательность не равнозначна движению текста к основному в классическом понимании этого термина — как к наиболее полному, „лучшему“ и законченному отражению творческого замысла. <…> Новая редакция раннего текста — это новое самодостаточное произведение, не перечеркивающее и не отвергающее предыдущего» (*Грачева А. М.* Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // Проблемы текстологии и эдиционной практики = Textologie et pratique éditoriale: Опыт французских и российских исследователей: Материалы круглого стола. М., 2003. С. 74).

[6] Еще Б. В. Томашевский заметил: «…как бы мы точно ни определяли, всегда найдется такое произведение, которое встанет на самую границу, и мы не скажем, куда оно относится…» (*Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., 1959. С. 503). В исследованиях французской генетической критики этот жанр выделен как авантекст (пред-текст, потенциально содержащий все возможные варианты развития). См.: *Бельмен-Ноэль Ж.* Воссоздать рукопись, описать черновики, составить авантекст / Пер. О. Торпаковой // Генетическая критика во Франции: Антология / Вступ. статья и словарь Е. Дмитриевой. М., 1999. С. 93–115.

[7] «Записные книжки были буквально „препарированы“ в рамках традиционной схемы „текст + варианты + комментарии“» (*Вайнштейн О. Б.* Удовольствие от гипертекста (Генетическая критика во Франции) // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 386). См. также: *Березкин А. М.* Когнитивные и прикладные аспекты современной текстологии // Русская литература. 2005. № 1. С. 67–80.

академического собрания сочинений,[8] как некогда «препарировались» на примечания дневники и переписка писателей. Апология эго-документа вызвала огромный интерес к современной публикации без купюр,[9] как целостного произведения, включающего весь спектр записей, смысл которого — в самом процессе «возникновения текста».[10]

* * *

В Свердловскую записную книжку входят одиннадцать стихотворений Маяковского и незавершенный отрывок «Уже второй должно быть ты легла <так!>». Предположительно эта записная книжка — детский «Альбом для стихов» карманного формата — была куплена на вокзале по дороге из Казани в Свердловск (Екатеринбург). В конце января 1928 года Маяковский отправился в лекционную поездку, включающую двенадцать выступлений по маршруту: Казань — Свердловск — Пермь — Вятка. Пребывание в Свердловске было коротким: пять дней с 26 по 30 января. Но за это время написано три стихотворения («Екатеринбург — Свердловск», «Император», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру») и создана черновая основа для большинства остальных. Начатая в январе 1928 года, Свердловская записная книжка Владимира Маяковского[11] может быть прочитана как идеальное пособие по стихосложению. Всего два года отделяют ее от статьи «Как делать стихи»,[12] практическому и теоретическому руководству, в котором Маяковский подробно разбирает собственную технику.

Мотивом для описания «производства стихов» как рабочего процесса становится необходимость новой поэтики, в понимании Маяковского — социальный заказ, трагически для самого Маяковского не совпадающий с заказом государственным. Статья начинается с характерного императива «Я должен писать на эту тему».[13] Расходится с госзаказом и само понимание новой поэзии. Маяковский начинает с неверной даты. Игнорируя великий рубеж — революцию, он разделяет «старую» и «новую» поэзию появлением авангарда. «Ссылка на то, что старая поэтика существует полторы тысячи лет, а наша лет тридцать — мало помогающая отговорка».[14] Статья написана в 1926 году, и по «официальному календарю» новой поэзии десять, а не тридцать лет.

Статья является своеобразным откликом на основную повестку русской формальной школы. Вопрос о структуре и закономерностях развития художественного текста вызвал ответ поэта литературоведам в привычной для Маяковского ироничной форме: «Детей (молодые литературные школы также) всегда интересует, что внутри картонной лошади. После работы формалистов ясны внутренности бумажных коней и слонов. <...> С поэзией прошлого ругаться не приходится — это наш учебный материал».[15] Декларируя сугубо практичный подход,[16] Маяковский опять ошибается. Производственно-поэтической школы статья не создала. Но оказалась бесценной именно с научной точки зрения. Статья «Как делать стихи» стала идеальным «ключом» к собственному методу Маяковского, поясняя этапы создания первых художественных заготовок — авантекста будущих стихотворений; опираясь на нее, мы можем назвать рабочие инструменты поэта и показать, как и зачем он ими пользовался.

---

[8] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 9. С. 437–536.

[9] См.: *Грякалова Н., Иванова Е.* Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105.

[10] *Луи Э.* Текста не существует. Размышления о генетической критике // Генетическая критика во Франции. С. 119.

[11] РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Далее ссылки на эту единицу хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Этот документ оцифрован и доступен на портале «Автограф. XX век»: http://majakovskiy.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-s-nabroskami-stihotvoreniy (дата обращения: 31.07.2020).

[12] *Маяковский В. В.* Как делать стихи // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 81–117.

[13] Там же. С. 81.

[14] Там же. С. 82.

[15] Там же. С. 81.

[16] Ср.: «Я хочу написать о своем деле не как начетчик, а как практик. Никакого научного значения моя статья не имеет» (Там же. С. 82).

О своих блокнотах Маяковский пишет как о рабочем пространстве, в котором происходит фиксация и упорядочение непрерывного «делания» стихов: «Поэт каждую встречу, каждую вывеску, каждое событие при всех условиях расценивает только как материал для словесного оформления».[17] Здесь мы находим и детальное описание самого процесса: «Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок. <...> На эти заготовки у меня уходит все мое время. Я трачу на них от 10 до 18 часов в сутки и почти всегда что-нибудь бормочу. <...> Работа над этими заготовками проходит у меня с таким напряжением, что я в девяноста из ста случаев знаю даже место, где на протяжении моей пятнадцатилетней работы пришли и получили окончательное оформление те или иные рифмы, аллитерации, образы».[18]

Чтобы не потерять ни одной строки, Маяковский вел несколько записных книжек одновременно, при необходимости покупая новые (с этим связана и срочная покупка «Альбома для стихов» на вокзале). «Записная книжка — одно из главных условий для делания настоящей вещи. <...> У начинающих поэтов эта книжка, естественно, отсутствует, отсутствует практика и опыт. Сделанные строки редки, и потому вся поэма водяниста, длинна».[19]

В качестве примера подобных заготовок Маяковский приводит фрагмент из записной книжки 1911–1912 годов, при этом указывает точное время и место записи:

Улица.
Лица у... (Трамвай от Сухаревской башни до Срет<енских> ворот. <19>13 г.).
Угрюмый дождь скосил глаза, —
А за... (Страстной монастырь, <19>12 г.).[20]

Метод работы в блокноте не меняется и через пятнадцать лет. В Свердловской записной книжке мы видим множество использованных и неиспользованных заготовок: аллитераций и ассонансов, случайных фраз, фамилий, мест:

Влез
В лес
(л. 2 об.)

Кровожаден провожайте
(л. 6)

Во театре Корша (бе)
Ух ты мать моя родная
Пьеска ничего себе[21]
(л. 9)

Записи вносятся скорописью. Скоропись Маяковского не соблюдает знаков препинания, правил орфографии, пробелов и прописных букв. Еще нет знаменитой лесенки. Функция скорописи — сохранить внутреннюю речь поэта, тот «словесный шум», который станет самым первым текстом стихотворения:

---

[17] Там же. С. 91.
[18] Там же. С. 89–90.
[19] Там же. С. 91.
[20] Там же. Записная книжка не сохранилась. Самая ранняя запись в записных книжках Маяковского датирована 1917 годом («Революция. Поэтохроника»). Самая поздняя — 1930 годом («Во весь голос»).
[21] В воспоминаниях Н. А. Брюханенко описан процесс занесения одной из строф этого стихотворения в блокнот: «Уже возвращаясь из театра, Маяковский написал четыре строчки. Он шел, бормотал, останавливался и писал. Записывал прямо на Петровке, поднося к свету магазинных витрин альбомчик с розовенькими и желтыми листочками, как у гимназисток для стихов» (цит. по: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 548).

он мечтает ~~увидеть~~ узреть романова
не второго а пантилеймона
(л. 19)

Новая культура здравствуй
смотри и москва и харьков
в советах управляет государством
~~ткачиха и швея~~ крестьянка ~~тка~~ швея и кухарка
(л. 22)

Похоже выглядит и скоропись других поэтов.[22] О том, как происходила запись, например, у Осипа Мандельштама, мы можем судить по фрагменту из воспоминаний Надежды Мандельштам, пытавшейся фиксировать ее с голоса: «Он (Мандельштам. — *Л. Х.*) диктовал кусками, главку приблизительно в раз. Перед сеансом диктовки он часто уходил один погулять — на час, а то и на два. Возвращался напряженный, злой, требовал, чтобы я скорее чинила карандаши и записывала. Первые фразы он диктовал так быстро, словно помнил их наизусть, и я еле успевала их записывать. Потом темп замедлялся, но я часто путалась в длинных периодах».[23]

Дальше начиналась работа с текстом. Заготовка (чаще всего — основная аллитерация или ассонанс) переписывалась и становилась строфой, при этом выправленный текст вычеркивался Маяковским вертикально. Вертикальное зачеркивание через всю строфу (или строфы), чаще всего по диагонали, соседствует в записных книжках с горизонтальным.[24] При расшифровке записных книжек очень важно учитывать их функциональное различие. Горизонтально вычеркнут отбракованный в ходе правки текст. Вертикально зачеркнут утвержденный текст, переписанный для дальнейшей работы на другой разворот или в беловик. Эту особенность правки Маяковского отметила текстолог В. А. Арутчева: «В результате работы он или перенумеровывал строфы или переписывал их в нужной последовательности, вычеркивая в записной книжке уже переписанную строфу. Поэтому подавляющее большинство черновиков в книжке перечеркнуто. <...> С карандашного текста сделан беловик, на что указывают перечеркнутые строфы, которые, по мере переписывания, Маяковский одну за другой вычеркивал чернилами».[25] Если вычеркнутый наискосок текст передать курсивом, то этот процесс «вертикального зачеркивания» выглядит так:

умолк когда
Отросла за час у маркса
Под толстого борода

Час как частникова такса
Час разросся как года
даже выросла у Маркса
Под толстого борода.
(л. 9)

Правя стихотворение, Маяковский старался вести работу так, чтобы слои текста в записной книжке отделял не просто прочерк или разворот листа, но и временной про-

[22] Например, у Марины Цветаевой: «С Нов<ым> год<ом> <с>в<етом> кр<аем> сл<овом> / Перв<ое> п<исьмо> тебе на новом / — Недор<азумение>, что <злачном> — / Злачном — жв<ачном>, м<есте> зычн<ом>, мес<те> звуч<ном> / Как Эол<ова> пус<тая> баш<ня>» (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 10 об.).

[23] *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1999. С. 203–204.

[24] Два вида зачеркиваний используются и в записных книжках А. А. Блока. В них сочетание вертикального и горизонтального зачеркивания визуально превращает запись в решетку.

[25] *Арутчева В. А.* Записные книжки В. В. Маяковского. С. 329, 338. Подробнее о подобном зачеркивании в записной книжке № 55 и в эпилоге стихотворения «Император» см.: *Хачатурян Л. В.* Вертикальное зачеркивание. К творческой истории стихотворения В. В. Маяковского «Император» // Русская литература. 2019. № 4. С. 154–156.

межуток. Правка требует диалога. Время, как своеобразный барьер между слоями текста, позволяет посмотреть на «свой» текст как на «чужой» и продолжить диалог с самим собой, в результате которого сможет появиться оптимальный поэтический текст: «Даже готовя спешную агитвещь, надо ее, например, переписывать с черновика вечером, а не утром. Даже пробежав раз глазами утром, видишь, как много легко исправляемого. <...> Умения создавать расстояния и организовывать время (а не ямбы и хореи) должно быть внесено как основное правило всякого производственного поэтического учебника».[26]

Следующий этап работы касался завершенных строф, или, как их называл Маяковский, «кирпичей» или «глыб».[27] В процессе работы над стихотворением взаиморасположение строф неоднократно менялось. Маяковский перенумеровывал их, расставляя в нужной последовательности, начиная и заканчивая произведение ударной строфой. В черновиках стихотворение начинается не первой, а «узловой» строфой, откуда он движется по периферии к его отдельным частям, объединяя «узлы» в общую систему координат, и только в конце работы выстраивает линейную композицию:[28] «Наработав приблизительно почти все эти кирпичи, я начинаю их примерять, ставя то на одно, то на другое место, прислушиваясь, как они звучат, и стараясь представить себе производимое впечатление».[29] Так, стихотворение «Екатеринбург — Свердловск» в записной книжке начиналось с седьмой строфы:

Полунебоскребы лесами
поднял
чтоб в электричестве мыть
вечера
А рядом хибарка
дыра преисподняя
~~У этого~~ Как будто у города
нету сегодня
А только завтра
и только вчера
(л. 1)

Вторая строфа («*Под Екатеринбургом рыли каратики / Вгрызлись в мертвые породы и руды...*»)[30] осталась на своем месте, а третья стала первой:

Из снегового
слепящего лоска
Из перепутанных
~~веток~~ *сучьев и хвои*
встает внезапно домами
свердловска
особенный город
работник и воин[31]
(л. 2)

---

[26] *Маяковский В. В.* Как делать стихи. С. 100.

[27] Там же. С. 107, 108.

[28] В этом отношении можно не согласиться с замечанием Н. В. Реформатской: «Он (Маяковский. — *Л. Х.*) работает над стихотворением не от начала к концу, последовательно развивая тему, а создает отдельные строфы без всякой видимой внутренней связи» (*Реформатская Н. В.* Работа Маяковского над циклом стихов «О поэзии» // Литературная учеба. 1937. № 5. С. 60).

[29] *Маяковский В. В.* Как делать стихи. С. 107.

[30] Ср. в эдиционном тексте: «Под Екатеринбургом рыли каратики / Вгрыз**а**лись в мертвые породы и руды...» (*Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 19; разночтение выделено полужирным шрифтом).

[31] В эдиционном тексте «особенный город» заменен на «новый город» (*Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 19).

На финальном этапе появлялась лесенка — графически подчеркнутое ритмическое деление строфы: «Раздел строчек часто диктуется и необходимостью вбить ритм безошибочно, так как наше конденсированное экономическое построение стиха часто заставляет выкидывать промежуточные слова и слоги, и если после этих слогов не сделать остановку, часто бóльшую, чем между строками, то ритм оборвется».[32] В маленьком шедевре «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» в ряде строф лесенка появилась только в беловом варианте. А в записной книжке текст выглядит так:

В одном кране
холодная крайне
Кран другой не тронуть рукой
(л. 16)

можешь холодной мыть хохол
горячей пот пор
на кране одном написано хол
на кране другом гор
(л. 18 об.)

* * *

В настоящую публикацию входит первая часть Свердловской записной книжки, включающая черновые редакции четырех стихотворений («Екатеринбург — Свердловск», «Десятилетняя песня», «Император», «Сердечная просьба») и несколько фрагментов (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 1–9). Орфография приведена в соответствие с современными нормами, сохранен ряд особенностей авторского правописания, графики и пунктуации, отражающих процесс работы Маяковского над текстом. Зачеркнутые слова переданы графически, вертикальное зачеркивание — курсивом. В текстах стихотворений сохранена строфика (тогда, когда она появляется), а также авторское деление страницы короткой горизонтальной чертой. Маргиналии размещаются нами внизу текста.

Альбом для стихов

Полунебоскребы лесами
поднял[1]
чтоб в электричестве мыть
вечера
А рядом хибарка
дыра преисподняя
~~У этого~~ Как будто у города
нету сегодня
А только завтра
и только вчера

Под Екатеринбургом
рыли кара<тики?>
вгрызались в мерзлые
породы и руды
Чтоб на грудях коронованной
Катьки
переливались изумруды
~~Здесь прел Чернов~~[2]

[32] *Маяковский В. В.* Как делать стихи. С. 114.

Пермь первая
гост<иница> местхоза[3]
(л. 1)

Из снегового
слепящего лоска
Из перепутанных
~~веток~~ *сучьев и хвои*
встает внезапно домами
свердловска
особенный город
работник и воин

Грабя и испепеляя
орда какая то
прошла по свердловску
войну волоча
Порол Пепеляев[4]
Свирепствовал гайда[5]
Орлом клевался верховный
колчак[6]

У этого города нету традиций
Бульвара
дворца
фонтана
и неги
У вас
на глазах
городище родится
Из воли уральской труда
и энергии
———
(л. 2)

И грудью ~~И <1 сл. прзб.>~~ топок дышат дымят тагилы[7]
———

В санях
промежду
бирж и трестов
~~За~~свисти
во весь
широченный проспект
И[8] заколдованное место
вдруг
проспект
обрывает разбег
Влез
В лес
———

Просыпали
в ночь
расчернее могилы
Звезды табачишко
из неба кисета

да трубки заводов
курят исеты[9]

———

У шахт в боках
корпели
Пока из шахт
Октябрь миллионы на улицы
ринул
И[10] разослала
октябрьская ломка
К чертям
орлов Екатерины
И к богу
Екатерины потомка.[11]
(л. 2 об.)

Потухло
знамен
и пожаров пламя
И лишь
от него
как будто ожег
Сегодня горит
временам на память
в Свердловском небе
красный флажок
Под ним
с простора
от снега светлого
Встает
новорожденный
город свердлова

<Внизу страницы:>
Даниил Радомиров[12]
1918–19
Екатеринослав
Зимний театр[13]
Эт. Яб.
(л. 3)

Билась ~~голодная~~ *советская*
наша страна[14]
дни грохотали
разрывом гранат

Белой араве <так!>
крикнули стой
~~Красная армия~~ *С красной звездой*
серые шлемы
с красной звездой

дрянь адмиральская
поп и барон[15]
лезли с 16-ти
разных сторон[16]

Шли ~~и~~ деревенские
лезли из шахт
дрались голодные
в рвани и вшах

не для разбоя
битва зовет
мы защищали
поля и завод[17]

———

Сия история была
в некоей республике
Баба на базар плыла
А у бабы бублики[18]
(л. 3 об.)

Били Деникина
Били Махно[19]
Так же с дороги
Любого смахнем

Славься победами
Во имя веков
Красная армия
Большевиков

Против буржуевых
Новых блокад
Красные птицы
Займут облака

Земля колеблет
В новый поход
Двинут~~ься~~ дивизии
Красных пехот

С вами сливалось
Победу растя
Сердце рабочих
Сердце крестьян

С первой тревогою
С ~~самых~~ наших низов
Стомиллионные
встанем на зов

Шли танки в атаку
И пулемет татакал

<На полях:>
Помни принятие
Красных присяг[20]
Лавы буденовых
Пойдут на рысях

Пушка французская
Английский танк
Белым папаша
Антантовский стан

Хрустнул
поломанный
Крымский хребет[21]
красная крепнет
в громе побед
(л. 4)

Землю снегом заволокло[22]

да лишь брюхатые следы волков
И мелкие диких козлов.

———

рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении его в новую квартиру[23]

———

И ~~лишь по~~ только по следу диких козлов
Брюхатый след волков

Корону вновь на башку
получить
Корону может на лоб
Получить
Но только вместе с шахтой.[24]

———

толи пасха, то/ли рождество
вымыто и насухо
расчищено торжество

и зазвонившие колокола
рассыпались в дамском писке
Ура ура царь государь Николай
император и самодержец
всероссийский
(л. 4 об.)

Снег не маленький
валенки
Снегу навалено
валенок

И вижу ~~движется~~ катится ландо
И в этой вот ланде
Сидит военный молодой
в ~~роск~~ холеной бороде
По Тверской шпалерами
стояли рядовые
Перед рядовыми пристава
Приставов глазами едят
городовые

~~Так точно~~ *Може прикажут арестовать*
Полицмейстер крутит на уши
ус
Пристава козыряют слушаюсь

Помню я гимназист
носат неказист

гербах
горбах

<На полях:>
Ваше благородие, арестовать?
(л. 5)

За Исетью где шахты и кручи
За Исетью где ветер свистел
Захмурел приумолк исполкомовский
кучер
И встал на девятой версте
Вселенную снегом заволокло
Ни зги не/видать как на зло
И только следы от брюха волков
По следу диких козлов

Распахнулся весь
роют снег пимы
будто были здесь
нет не здесь мимо

~~Шесть пудов для веса ровного~~
В шесть пудов шагает он вам
Будто правит ~~снегов~~ *кедров*
полком он
Снег хрустит под Парамоновым
Под товарищем предисполкомом[25]
(л. 5 об.)

Снег заносит косые кровельки
серебрит телеграфную сеть
он схватился за холод
проволоки
~~И~~ *Он остался на ней висеть*
~~На~~ *Во всю Сибирь во весь урал*
~~идет~~ *метельная мура*

~~Топор тот кедр перетрогал~~
Здесь топором перетроган
Зарубки под корень коры
У корня под кедром дорога
А в ней император зарыт
Лишь тучи ~~штандартами~~ *флагами*
плавают
а в тучах птичье вранье
крикливое и одноглавое
~~кружится вверху~~ *ругается воронье*

На девятой версте
Так же снег блестел
Уж не этот товарищ лес ли
Это он и есть слезли

———

Кровожаден провожайте

———

Под этим под кедром
(л. 6)

Прельщают многих короны лучи
Но что же пожалте сюда палачи
Но знайте все и бояре и шляхта
Корону можно у нас получить
но только вместе с шахтой.

В короне из золотожилья
Башкой в изумрудные
копи
Лежит как его уложили
На лоб драгоценности
копит

Положили

С коней
жилы
коней
(л. 6 об.)

Я сразу вскину две ~~*моих*~~ *пятярни*[26]
~~*Что*~~ *Я голосую против*
Скажите руку твою протяни
не встать мне на повороте
живые так можно в зверинец
их
промежду гиеной и волком
И как ни крошечен толк
от живых
От мертвого меньше толка
Мы повернули истории бег
Старье навсегда провожайте
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден
(л. 7)

С диспута вздыхая бурно[27]
Я вернулся к поздней ночи
Революция культурная,
А революционеры — не очень.

Культурная революция!
И пустились... Каждый вечер
Брызжут слюни фразы льются
пухнут диспуты и речи

Потрясая мыслей кладом
И не глядя на бумажку
Нынче выступил с докладом
Сам товарищ Лунамашко[28]
Начал с комплиментов
ярых
Распластав язык пластом
Что-то плел о юбилярах
О шекспире и толстом
он трубил в тонах победных
напрягая ~~мощный~~ тихий рот
что курить ужасно вредно
А читать наоборот

(л. 7 об.)

Трибуна это не клирос
~~Слушайте милые наркомпросовские~~ няни мужского звания
советский рабочий вырос
~~и требует точных~~ и просит не соску а знаний

Будто ртом вязал чулок он
~~безмятежен~~ *однотонен говор гладкий*
и мелькали вон из зала
бегством уносящиеся спасшиеся пятки

чтоб рассеять ~~эту~~ гроб и мрачность
лектор с грацией слонов
перешел легко и смачно
на малашкина с луной[29]
рассиявшись потом лысин
тряс шискастой головою
половой
Надо ~~ли~~ рыбу вилкой
есть
Чай хлестать не надо
с блюдца
~~Это~~ Товарищи это и есть
культурная революция

<На полях:>
орава
браво
гладкий
пятки

(л. 8)

А пока гремело эхо
и ладони били в лад
Лунамашко рысью
ехал
На ~~четырнадц~~ шестнадцатый доклад.

Пел он будто няня им
Тряс шискастой головой
И По воспоминаниям
Крыл беспутство половое

~~Вновь~~ *С час выкладывает в пене*
арсенал вегетарьянцев
школьники второй ступени
эти мысли носят в ранце

Рыбу ножиком не есть
Чай в гостях не пейте с блюдца
это вот оно и есть
культурная революция
(л. 8 об.)

умолк когда
Отросла за час у маркса
Под толстого борода

Час как частникова такса
Час разросся как года
даже выросла у Маркса
Под толстого борода.
В заключении
вывод ясен
Прямо поп
хотя не в рясе

———

Комната проходная[30]
В театре Корша (бе)[31]
Ух ты мать моя родная
Пьеска ничего себе

Пускай партер рукоплещет
браво
Но мы где пошлость везде
Должны а не только имеем право
В десять пальцев свистеть.

Стар<ый> Космодамиан<ский>[32], д. № 8
нов<ый> дом кв. 14
(л. 9)

[1] Черновой вариант стихотворения «Екатеринбург — Свердловск», написанный в Свердловске 26–28 января 1928 года. Впервые: Уральский рабочий. 1928. 29 янв. № 25. Екатеринбург был переименован в 1924 году в честь председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова (1885–1919). В 1991 году городу возвращено историческое название.

[2] Речь идет о Викторе Михайловиче Чернове (1873–1952), лидере партии эсеров. В 1918 году, находясь в Екатеринбурге, Чернов возглавил Съезд лидеров Учредительного собрания и выступил против диктатуры адмирала Колчака.

[3] Гостиница городского коммунального хозяйства № 1, бывшие «Королёвские номера». Трехэтажное здание в стиле модерн с лепными украшениями (г. Пермь, ул. Сибирская (Карла Маркса), д. 7а). Название гостиницы связано с именем купца Владимира Ивановича Королёва, построившего здание в 1910 году. В 1925–1930 годах здесь находилась Гостиница Горкомхоза № 1. Маяковский уехал из Свердловска в Пермь 30 января 1928 года и оставался там до 2 января. Сначала поселился в гостинице «Заря» (ул. Сибирская, д. 3), а затем переехал в Гостиницу № 1, так как там был бильярд.

[4] Вероятно, речь идет о Викторе Николаевиче Пепеляеве (1885–1920), министре внутренних дел, позднее — председателе совета министров в правительстве адмирала Колчака. Возможно, упоминается его младший брат, Анатолий Николаевич Пепеляев (1891–1938), генерал-лейтенант, командующий 1-й Сибирской армией. После поражения Колчака создал Сибирский партизанский отряд. В 1920 году эмигрировал в Харбин. В сентябре 1922 года организовал поход на

Якутск. В мае 1923 года был разбит и сдался в плен. Приговорен к 10 годам заключения. В августе 1937 года арестован вторично, 14 января 1938 года расстрелян. В 1989 году реабилитирован.

[5] Гайда Радола (Рудольф) (1892–1948) — руководитель Чехословацкого корпуса, поддержавшего адмирала Колчака. В 1919 году отстранен от командования и уволен из армии.

[6] Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — адмирал, один из руководителей Белого движения, Верховный правитель России и Главнокомандующий русской армией с ноября 1918 по январь 1920 года.

[7] Верхний и Нижний Тагил — металлургические заводы, основанные А. Н. Демидовым. В 1919 году Нижнетагильский завод был преобразован в город Нижний Тагил.

[8] В рукописи далее следует знак абзаца.

[9] Имеются в виду река Исеть и Исетское озеро недалеко от Екатеринбурга.

[10] В рукописи далее следует знак абзаца.

[11] Маяковский ошибочно связывает название города с именем императрицы Екатерины II, прямым потомком которой был император Николай II. Город Екатеринбург был основан в 1723 году и назван в честь Екатерины I.

[12] Установить, кто имеется в виду, не удалось.

[13] Зимний театр Екатеринослава (с 1926 года Днепропетровска, с 2016 года Днепра) построен в 1906–1907 годах по проекту архитектора Ф. Булацеля. С 1927 года в нем размещен Драматический театр; в настоящее время — Днепровский театр драмы и комедии.

[14] Черновой вариант стихотворения «Десятилетняя песня», посвященного десятой годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. Впервые: Пионерская правда. 1928. 22 фев. № 15.

[15] Имеется в виду наступление летом 1920 года русской армии в Крыму и Польше под командованием барона Петра Николаевича Врангеля (1878–1928).

[16] Речь идет о войсках четырнадцати стран Второго похода Антанты в июле 1919 — марте 1920 года. Участвовали страны: Англия, Греция, Италия, Латвия, Польша, США, Финляндия, Франция, Чехословакия, Эстония, Югославия, Япония. Маяковский присоединяет к ним армии А. В. Колчака и А. И. Деникина («...с шестнадцати разных сторон...»).

[17] Строфа вписана позже.

[18] Первая строфа из стихотворения «История про бублики и про бабу, не признающую республики». Впервые: Окно сатиры РОСТА № 241. Август 1920 года.

[19] Деникин Антон Иванович (1872–1947) — один из лидеров Белого движения, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России; Махно Нестор Иванович (1888–1934) — революционер-анархист, командующий крестьянской повстанческой армией Украины.

[20] Слово повторено в рамке на полях: присяг.

[21] Имеется в виду взятие Красной армией Перекопа и Чонгара 8 ноября 1920 года и прорыв в Крым.

[22] Черновая редакция стихотворения «Император». Беловая редакция (сокращенная) опубл.: Красная новь. 1928. Кн. 4. Апрель. С. 114–116.

[23] Запись названия для стихотворения «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Черновой вариант стихотворения записан на л. 16, 17–18 об.

[24] Место захоронения останков Николая II и его семьи — шахта № 7 в Ганиной Яме, заброшенном в начале XX века Исетском руднике.

[25] Во время поездки в Свердловск Маяковский попросил председателя Свердловского областного исполкома Анатолия Ивановича Парамонова (1891–1970) показать ему дом Ипатьева и место захоронения семьи Николая II. 29 января Парамонов отвез Маяковского к предположительному месту захоронения. См. об этом: *Лукьянин В.* Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1. С. 177–208.

[26] Эпилог стихотворения «Император» не включен в эдиционный текст апреля 1928 года.

[27] Черновой вариант стихотворения «Сердечная просьба». Впервые: Комсомольская правда. 1928. 21 февр. № 44.

[28] Фамилия «Лунамашко» образована Маяковским из двух: Луначарский и Семашко. В конце 1920-х годов нарком просвещения А. В. Луначарский (1875–1933) и нарком здравоохранения Н. А. Семашко (1874–1949) часто выступали на публичных диспутах. В эдиционном тексте фамилия выступающего Лукомашко. См.: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 544.

[29] Отсылка к повести Сергея Ивановича Малашкина (1888–1988) «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» (1926).

[30] Черновой отрывок стихотворения «Даешь тухлые яйца! (Рецензия № 1)». Впервые: Рабочая Москва. 1928. 4 марта. № 55. Запись продолжена на л. 15.

[31] Русский драматический театр Корша был основан в 1882 году Федором Адамовичем Коршем (1852–1923) на базе разорившегося Пушкинского театра. Находился в Камергерском переулке (здание МХТ). В 1885 году для театра было построено собственное здание в Богословском переулке, где он располагался до 1933 года. С 1925 года назывался «Комедия (бывший Корш)» и входил в число государственных театров Моссовета. Запись в блокноте связана с представлением комедии

Всеволода Юрьевича Пушмина (наст. фам. Мусин-Пушкин, 1882–1939) «Проходная комната» («Пороги любви»), на котором Маяковский был с Н. А. Брюханенко 21 февраля 1928 года.

[32] Речь идет о Старопанском переулке в Москве. Маяковский контаминирует его старое и новое название: Космодамианский и Старопанский, названный так по церкви Свв. Косьмы и Дамиана в Старых Панах (1564).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-268-274

© *С. Н. Гуськов*

МАРГИНАЛИИ Ю. Г. ОКСМАНА В СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ А. И. ГЕРЦЕНА

В 2020 году сайт Пушкинского Дома www.russian-literature.org пополнился электронным ресурсом на базе Собрания сочинений А. И. Герцена в 30 томах (35 книгах). Сканы томов Герцена в сети встречались, но полноценный электронный инструмент на основе всего академического собрания, предназначенный для использования в научной и научно-образовательной работе, появился впервые. Как и другие собрания сочинений на упомянутом сайте, «электронный Герцен» дает возможность осуществлять лексический поиск, цитировать по точной pdf-копии печатного издания, мгновенно оформлять библиографические ссылки для печатных и электронных публикаций. В ближайшее время собрание сочинений Герцена будет снабжено системой электронных указателей, по аналогии с собраниями В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова и А. Н. Радищева, что сделает навигацию по этому колоссальному изданию более удобной и увеличит исследовательские возможности. Структура разметки произведена с учетом специфики академических собраний сочинений, оснащенных обширным научно-справочным аппаратом, включающим рукописные и печатные варианты и редакции, текстологический, историко-литературный и реальный комментарии к тексту. Таким образом, это многотомное собрание сочинений полностью соответствует принятому на сайте стандарту электронной публикации академического издания.

Но у электронного собрания сочинений Герцена есть важное отличие. Его источником стали печатные экземпляры собрания сочинений, принадлежавшие Ю. Г. Оксману, с его экслибрисом, а также с пометами и маргиналиями. В тома вложены и листы с записями, в основном библиографического характера. Маргиналии Оксмана имеют по преимуществу текстологический и комментаторский характер. По большей части ученый писал заметки на полях комментариев, дополняя или полемизируя с ними, но есть и уточнения в текстах самого Герцена, сравнения с уже вышедшими изданиями, подготовленными М. К. Лемке, исправления опечаток, поправки к указателям имен. Пометы и надписи за единичными исключениями сделаны карандашом. Словом, это обычный рабочий экземпляр издания, принадлежавший ученому-филологу. Такие испещренные поправками, пометками и уточнениями экземпляры вышедших томов собраний сочинений есть в каждом отделе Пушкинского Дома. Они используются при подготовке переизданий или для составления списка исправлений в последнем томе собрания. Пометки Оксмана также в какой-то части, но не полностью отражены во второй книге 30 тома собрания сочинений Герцена, в разделе «Дополнения и поправки к комментариям томов I–XXX». По стандартному регламенту обработки оцифрованных изданий карандашные пометы на полях считаются дефектом и устраняются при окончательной очистке сканов. В данном случае именно этот «дефект» сделал наше электронное издание уникальным, сопоставимым с электронными публикациями архивных источников.

Экземпляр собрания сочинений Герцена из библиотеки Оксмана был подарен автору статьи сотрудницей Пушкинского Дома, известным текстологом Тамарой Ивановной Орнатской (1935–2016). Тамара Ивановна на склоне лет охотно раздаривала свою библиотеку коллегам, считая такой способ циркуляции книг единственно

правильным. Она очень высоко ценила текстологические труды Оксмана, вслед за Н. В. Измайловым признавала издание «Капитанской дочки» в серии «Литературные памятники» «эталоном текстологической работы», комплиментарно отзывалась и о других подготовленных Оксманом изданиях.[1] Тамара Ивановна была лично знакома с Оксманом, в 1960-х годах участвовала в подготовке Собрания сочинений И. С. Тургенева, в редколлегию которого входил Оксман. Упоминается ее имя и самим ученым. В письме к Д. Е. Максимову от 24 марта 1966 года Оксман сообщал: «В первых числах апреля должна приехать в Москву Тамара Ивановна Орнатская, которой Людмила Алексеевна передает для меня некоторые свои копии бумаг Маслова. Буду просить Вас заодно отдать Т. И. Орнатской и портрет Георгия Владимировича (она с Вами созвонится, а работает она в редакции академ<ического> Тургенева)».[2] В фонде Оксмана в РГАЛИ хранятся и письма Орнатской к нему с 1965 по 1968 год.[3] Впрочем, обстоятельства получения Орнатской, сотрудницей Пушкинского Дома в Ленинграде, части московской библиотеки Оксмана (кроме собрания сочинений Герцена в библиотеке Орнатской было еще несколько изданий) для меня остаются не вполне ясными. Скорее всего, книги были переданы Тамаре Ивановне после смерти ученого его вдовой или общими московскими знакомыми. Сколько-нибудь подробное изучение научной коммуникации Орнатской и Оксмана или тем более обстоятельств биографии кого-либо из них выходит за рамки частной библиографической заметки.[4] Отметим только, что участие в подготовке 30-томного собрания сочинений Герцена было важным и продолжительным этапом в драматической научной биографии выдающегося ученого. В 1955 году Оксман выступил в качестве рецензента первых шести томов издания,[5] а в 1956-м вышел седьмой том, в котором Оксман стал одним из соавторов комментария к книге «О развитии революционных идей в России». Начиная с девятого тома (1956) Оксман входит в состав редколлегии, а после смерти в 1958 году Б. П. Козьмина становится заместителем главного редактора и остается им практически до завершения издания, принимая активное участие в подготовке многих томов.[6] В 1964 году, когда ученый вновь подвергся гонениям, Оксмана вынудили уйти на пенсию, и в последних двух томах (т. XXX, кн. 2 и справочном, вышедших в 1965 и 1966 годах) он указан как член редколлегии, но не как заместитель главного редактора.

Приведем несколько маргиналий Оксмана в собрании сочинений Герцена. Некоторые из этих пометок связаны с научными сюжетами, получившими развитие в последующих публикациях ученого. Так, в тексте статьи «Москва и Петербург», в предложении «Белинский, проповедовавший в Москве народность и самодержавие, через месяц по приезде в Петербург заткнул за пояс самого Анахарсиса Клоца» (II, 39) выделено слово «Белинский» и на полях рукою Оксмана написано: «Бакунин!». Текст статьи, датированный 1842 годом, был впервые опубликован в «Колоколе» 1 августа 1857 года, л. 2 (воспроизведен в собрании сочинений Герцена по второму изданию), но

---

[1] См.: *Орнатская Т. И.* Серии «Литературные памятники» — 30 лет // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. Вып. 1. С. 53, 55.

[2] «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона (окончание) // Русская литература. 2006. № 1. С. 239. Речь идет о поэте и литературоведе Г. В. Маслове, литературное наследие которого собирал Оксман. См.: Там же. С. 249.

[3] РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 739.

[4] Библиографию статей и воспоминаний о Ю. Г. Оксмане см.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка, 1944–1954 / Изд. подг. К. М. Азадовский. М., 1998. С. 6; «Искренне Ваш Юл. Оксман». С. 137–138.

[5] *Оксман Ю. Г.* Новое издание Герцена // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 167–171 (Рец. на кн.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. / АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. ред. В. П. Волгин; зам. гл. ред. Б. П. Козьмин. М., 1954–1955. Т. I / Ред. С. А. Макашин; Т. II / Ред. Я. Е. Эльсберг; Т. III / Ред. Д. И. Чесноков; Т. IV / Подг. текста и ред. В. А. Путинцева; Т. V / Ред. Е. В. Тарле; Т. VI / Ред. Я. Е. Эльсберг). Далее ссылки на собрание сочинений Герцена даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[6] Подробнее об этом см.: Список печатных трудов Ю. Г. Оксмана (к 100-летию со дня рождения) / Сост. И. П. Старостина // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 327–340.

распространялся ранее в списках. В одном из списков статьи вместо Белинского указан именно Бакунин (см.: II, 427), в другом — вместо фамилии употреблен инициал *Б*. Спорное, по мнению Оксмана, текстологическое решение комментаторов собрания сочинений отмечено не только на полях книги, но и в его печатной рецензии на первые тома: «Эти строки сразу настораживают читателя, ибо в применении к Белинскому они, во-первых, фактически несостоятельны (Белинский оставался в Петербурге на позициях отказа от открытой борьбы с царизмом не «месяц», а более полутора лет); во-вторых, явно оскорбительны и, наконец, в-третьих, ни в какой мере не отвечают формам конспирации и политической этике 40-х годов (неожиданное сравнение с А. Клоцом, известным деятелем французской революции эпохи якобинского террора, ставило Белинского под прямой удар III Отделения)».[7] Хотя Оксман высоко оценивал текстологическую работу, проведенную при подготовке первых томов издания,[8] решение о публикации статьи «Москва и Петербург» по тексту 1857 года он считал ошибочным. Со ссылкой на рецензию Оксмана комментарий к рассматриваемому фрагменту был скорректирован в томе, содержащем дополнения к изданию: «Возможно, что Герцен по некоторым литературно-тактическим соображениям (Бакунин был в это время в ссылке) переадресовал в 1857 г. Белинскому строки, имевшие в виду в 1842 г. Бакунина. Имя Бакунина значится и в старейших списках памфлета, автограф которого до нас не дошел» (XXX-2, 731). Таким образом, точка зрения Оксмана была учтена, и признано, что в статье могли в разное время упоминаться и Бакунин, и Белинский.

Как представляется, характеристика Герцена все же, скорее всего, относилась к последнему, и ближе к истине была подготовившая текст статьи М. Я. Блинчевская. В «Былом и думах» Герцен вспоминает о встрече с Белинским в 1840 году, через несколько месяцев после переезда критика в Петербург, и так описывает его идейную эволюцию: «Белинский, как следовало ожидать, опрокинулся со всей язвительностью своей речи, со всей неистощимой энергией на свое прежнее воззрение. <...> Белинский вовсе не оставил вместе с односторонним пониманием Гегеля его философию. Совсем напротив, отсюда-то и начинается его живое, меткое, оригинальное сочетание идей философских с революционными» (IX, 28). О своей стремительной идейной эволюции свидетельствовал и сам Белинский. 22 ноября 1839 года, т. е. примерно через месяц после переезда в Петербург, критик писал В. П. Боткину: «...Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в *человеке* все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное <...> чем больше живу и думаю, тем больше, *кровнее* люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциальной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...».[9]

Косвенное отношение к Бакунину имеет и другая маргиналия во втором томе. На полях дневниковой записи Герцена за сентябрь 1844 года: «Бакунину префект в Париже велел выехать — знай наших, — один испанский exaltado[10] говорил, что Бакунин далеко ушел. В Цюрихе в тюрьме, и из Парижа выслан» (II, 385) — рукою Оксмана написано: «Боткин!». Между тем комментарий к упомянутой строчке гласит: «„Экзальтадо“ называли испанских радикалов. О ком здесь говорит Герцен, установить не удалось» (II, 479). В дополнениях к изданию именно этот комментарий был исправлен и приобрел следующий вид: «Герцен имеет в виду остроту В. П. Боткина, которому посвящена вся дневниковая запись от 30 сентября 1844 г., связанная с встречей Герцена в этот день с Арманс, женою Боткина, только что возвратившейся из Парижа. Именно она, видимо, привезла письмо Боткина (до нас не дошедшее) о встречах его с Бакуниным в Париже и о предстоящей поездке Боткина в Испанию» (XXX-2, 733). Можно с высокой вероятностью предположить, что уточненный комментарий принадлежит Оксману.

В отличие от приведенных ранее примеров, когда маргиналии Оксмана были отражены в томе дополнений к изданию, следующая заметка не получила такого про-

---

[7] *Оксман Ю. Г.* Новое издание Герцена. С. 168.

[8] *Оксман Ю. Г.* Вечно живое наследие (О новом издании сочинений и писем А. И. Герцена) // Литературная газета. 1955. № 79.

[9] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 418, 420.

[10] мечтатель (*исп.*)

должения. В XXII томе Оксман обратил внимание на фрагмент из письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от 4–11 октября 1844 года: «А Самарину скажи, что я не теряю никак надежды, что он отбросит, как детскую курточку, монахующий славянизм» (XXII, 202). Ученый выписывает на отдельном листке последнее словосочетание с пометкой: «См. стишки, которые цитирует Белинский в одном из своих писем».[11] Очевидно, Оксман имел в виду письмо Белинского к Боткину от 13 июня 1840 года, в котором была приведена эпиграмма на православного духовного писателя А. Н. Муравьева:

Как не к толстой-то <...>
Подбираются клопики —
Придираются к нам
Черногузые попики.
И у них есть фискал
    Негодующий,
И к тому ж грамотей,
На российских певцов
Им перстом указующий:
Муравьев фарисей
    Монахующий.[12]

Ни в комментариях к тому, ни в дополнениях не содержится замечаний об этом уникальном словоупотреблении. Наблюдение Оксмана осталось только запиской в томе.

Экземпляр собрания сочинений Герцена, принадлежащий Оксману, приоткрывает и некоторые неизвестные ранее стороны текстологической подготовки издания, а именно отношение к воспроизведению обсценной лексики в научном издании. К форзацу тома XXVI прикреплен скрепкой лист машинописи следующего содержания:

«Предлагается печатать без купюр следующие места из писем Герцена:

1. „Я хочу написать несколько слов о Крылове — вот ебаный отец (мать слишком мало для него)“ (Тургеневу от 11 августа 1857 г.) № 102.

2. „Если имеешь случай, передай Краевскому еб мать — за журналы с 1 апреля ни строки, что за сукиносынство“ (П. В. Анненкову — июль 1858) № 196.

3. „Очень благодарен тебе за рассказ о Дон-Хуане Комартиновской улицы, плут какой деми-манду показывает — это уж не ущерб ли месяца.“

„Зачем же ты ездишь к М-ме Дегу — лучше уж досматривай старых деми-мун у Мельгунова, нежели у них самих.“ (И. С. Тургеневу 11 января 1857 г. № 53).

4. „Если увидишь кого из Краевских, скажи им, чтоб они в «Петербургских ведомостях» не ругали Англии — что это подло. Эк такта нет ни на клопиные муде!“ (П. В. Анненкову 1 июля 1858 г., № 187).

5. Предлагается не давать перевода в следующем тексте:

„...направляю вам одного из своих друзей — он отнюдь не женщина.
    Papa nova
habet bina ova!
habet, habet — будьте в этом уверены.“ (К. Фогту от 2 января 1857 г. № 50)».[13]

Без купюр действительно напечатаны в томе только 3, 4 и 5 номера. В письмах 1 и 2 соответствующие слова заменены точками.

В томе XXVII (книга 1) на нахзаце рукою Оксмана написано: «Письмо № 187. Учесть критику печатного текста этого письма в докладе М. И. Перпер!» Имеется в виду письмо Огарева и Герцена Н. В. Шелгунову от 3 августа (22 июля) 1861 года.

---

[11] См. выписку на отдельном листе в томе XXII, изображение № 2 (http://russian-literature.org/object/55184071; дата обращения: 30.06.2020).

[12] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 530–531. С указанием авторства Л. А. Якубовича воспроизведено в изд.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Сост., подг. текста и прим. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л., 1975. С. 402 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[13] Приложено к тому XXVI, см. изображение № 553: http://russian-literature.org/object/57517648; дата обращения: 30.06.2020.

Письмо неоднократно публиковалось. Одной из проблем, стоявших перед публикаторами, была плохая сохранность документа: в 16 местах выскоблены слова и фрагменты текста. Упомянутый Оксманом доклад Миры Иосифовны Перпер[14] нашел отражение в ее более поздней публикации.[15] В статье московской исследовательницы была предпринята критика конъектур, сделанных первыми публикаторами письма (М. К. Лемке и Я. З. Черняк), а также публикаторами в томе XXVII собрания сочинений Герцена. Ни одна из этих публикаций, по мнению Перпер, не могла считаться безупречной. Изучив размер и конфигурацию выскоба и соотнеся его с величиной и особенностями начертания букв авторами письма, текстолог подвергла критике существующие конъектуры и предложила ряд собственных прочтений. Конъектуры Перпер основаны не только на палеографическом изучении документа, но и на тщательном анализе его содержания. В дополнениях к комментариям эти пометки Оксмана, как и конъектуры Перпер, не были учтены. Между тем Оксман, который в это время уже был заместителем главного редактора издания, обратил на упомянутое письмо особое внимание. Во второй книге XXVII тома (здесь были напечатаны комментарии к письму) находим еще одну маргиналию ученого: «№ 187. Письмо безоговорочно отнесено к Н. В. Шелгунову. Следовало бы отказаться от такой категоричности». То, что письмо было адресовано Шелгунову, доказывал Я. З. Черняк.[16] Именно на него ссылается комментатор в томе собрания сочинений. Очевидно, аргументация Черняка не вполне убедила Оксмана. Впрочем, эти его сомнения не отразились в «Дополнениях к изданию».

Наконец, еще одна маргиналия Оксмана, нигде ранее не учтенная, проясняет смысл англоязычного заглавия. В XIV томе опубликован крошечный дубиальный текст под названием «Crab and Lobster» (1860): «Что такое Краббе, поступивший на место Метлина? Правда, Краббов из моря достают, но зачем же их делать министрами? Говорят, что даже грешный старичок Менщиков рассердился на Константина Николаевича, что он посадил Краббе на его место. Менщиков сам употреблял его... но по большей части как фельдъегеря и адъютанта, — роли переменились!» (XIV, 315).

В этой анонимной заметке из «Колокола» от 1 октября 1860 года выражено отношение Герцена к назначению Н. К. Краббе управляющим Морским министерством. В комментарии к тому объяснено только «каламбурное обыгрывание имени Н. К. Краббе, на котором построена вся заметка» (XIV, 571), а также прокомментированы слова «грешный старичок Менщиков» в том смысле, что Герцен имел в виду «противоестественные наклонности» А. С. Менщикова, якобы «обусловившие в свое время карьеру Н. К. Краббе» (XIV, 571). В комментарии к тексту, непосредственно над заголовком «Crab and Lobster», рукою Оксмана написано: «Цитата!», а сбоку приписано и обведено: «Алиса в стране чудес» (XIV, 571). Маргиналия, на первый взгляд, кажется загадочной. Позднейшие «Дополнения к изданию», в написании которых Оксман, как мы видели ранее, принимал участие, на этот раз улучшают первоначальный комментарий лишь отчасти: «В заголовке заметки использовано название ресторана в Вентноре: „Crab and Lobster“» (XXX-2, 783). Такой ресторан действительно существовал на острове Уайт, и Герцен даже посещал его, о чем сообщил Н. П. Огареву в письме от 19 августа 1859 года (XXVI, 289), но связь названия ресторана и назначения нового управляющего Морским министерством все же осталась не до конца проясненной. Для понимания этого следует, как мне кажется, учитывать, что словосочетание «Crab and Lobster» в это время напоминает о модной гастрономической тенденции: во второй половине XIX века ракообразные, и в частности крабы и омары, становятся очень популярной пищей жителей Лондона; значительно увеличивается их вылов, множатся рецепты приготовления.[17] Распро-

[14] О М. И. Перпер (1918–2001) см.: Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 252–272. Мира Иосифовна принимала участие и в собрании Герцена, ею было найдено письмо Герцена к С. Рошу от 5 октября (23 сентября) 1857 года (см.: XXVI, 127, 392).

[15] *Перпер М. И.* Письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена с выскобленными буквами (Опыт текстологического анализа) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 68–80.

[16] *Черняк Я. З.* Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского // Лит. наследство. 1955. Т. 62. С. 420–432.

[17] См. об этом: *Tsay A.* Absorbing Fare: Food, Bodies, and Social Attention in Modern Britain. A dissertation <...> for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2017. P. 22–24.

страненность и популярность морепродуктов привела к тому, что крабы и лобстеры стали не только ингредиентами в кулинарных книгах, но и героями в художественной литературе.[18] Любопытно и важно для корректного понимания названия заметки, что крабы и лобстеры считались антропофагами. Английский натуралист Ф. Г. Госсе писал об этом: «Крабы — настоящие мусорщики моря, как волки и гиены на земле, они съедают всех без разбора. Тела любых мертвых существ пожираются непристойным аппетитом этих жадных ракообразных, и нет сомнений, что многие гигантские крабы, чей вкус достоин похвалы эпикурейца, взросли на разлагающемся теле какого-нибудь несчастного моряка».[19] В русской культуре бытовало похожее представление о раках, которое отразилось, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Утопленник»:

С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.[20]

Место крабов в пищевой цепочке лаконично обозначалось персонажем уже процитированной книги Госсе: «Crab eat man. Man eat he (sic!)».[21]

В этом контексте шутка про то, что Менщиков употреблял Краббе, а теперь «роли переменились», имеет скорее не эротический, как считали комментаторы,[22] а социально-гастрономический смысл, что абсолютно соответствует логике названия.[23]

Собрание сочинений Герцена содержит еще множество помет и маргиналий Оксмана с уточнениями и исправлениями. Ниже приводится их список с привязкой к страницам издания и номерам в электронной публикации.[24]

Т. I. С. 7–9 (№ 10–12), 116 (№ 123), 380–382 (№ 389–391), 405 (№ 414), 409 (№ 418), 499 (№ 508), 528 (№ 537), 533 (№ 542), 534 (№ 543), 542 (№ 551), нахзац (№ 584)

Т. II. С. 39 (№ 41), 265 (№ 271), 348 (№ 354), 385 (№ 391), 440 (№ 446), 445 (№ 451)

Т. IV. С. 1 (№ 2), 167 (№ 170)

Т. X. Форзац (№ 2)

Т. XIII. С. 637 (№ 644), нахзац (№ 684)

Т. XIV. Форзац (№ 2), с. 493 (№ 499), 494 (№ 500), 499 (№ 505), 516 (№ 522), 524 (№ 530), 553 (№ 559), 554 (№ 560), 568 (№ 574), 569 (№ 575), 571 (№ 577), 578 (№ 584)

Т. XV. Форзац (№ 2), с. 351 (№ 366), 363 (№ 378), 394 (№ 409), 475 (№ 490), нахзац (№ 515)

---

[18] Подробнее см.: Ibid. P. 15–57.

[19] *Gosse P. H.* The Aquarium: An Unveiling of the Wonders of the Deep Sea. London, 1854. P. 197. Перевод мой. — *С. Г.*

[20] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 119.

[21] *Gosse P. H.* The Aquarium. P. 198 («Краб ест человека. Человек ест его»; *англ.*).

[22] Гипотеза комментаторов не подтверждается и мемуарными источниками. См., например: *Манн К. А.* Воспоминания // Исторический вестник. 1917. Т. 147. С. 616–623.

[23] Как представляется, маргиналия Оксмана нас к объяснению названия приближает. Хотя книга Льюиса Кэрролла вышла позже и цитироваться Герценом не могла, Оксман вспомнил ее не случайно, ведь в «Алисе в стране чудес» обыгрывается как страх Алисы перед морскими обитателями, так и их гастрономическая ценность. В главе «Морская кадриль» («The Lobster Quadrille»), отвечая на вопрос, знакома ли она с лобстером, Алиса пытается сказать, что пробовала его:

«— Ты, верно, не живала подолгу на дне морском…

— Не живала, — согласилась Алиса.

— И, должно быть, никогда не видала живого омара…

— Зато я его однажды пробова… — возразила было Алиса, но спохватилась и покачала головой. — Нет, не видала» (*Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес и в Зазеркалье. Пища для ума. М., 2016. С. 115).

[24] Список маргиналий Ю. Г. Оксмана подготовлен Н. Ю. Белозубовой. Кроме номеров страниц печатного издания, для упрощения поиска на сайте в скобках приводятся также номера изображений.

Т. XVI. Форзац (№ 2), с. 387 (№ 398)
Т. XVII. Форзац (№ 2), с. 77 (№ 82)
Т. XVIII. Форзац (№ 2), с. 87 (№ 92), 226 (№ 235), 502 (№ 515), 523 (№ 536), 577 (№ 590), 625 (№ 638)
Т. XIX. С. 410 (№ 423), 411 (№ 424), 483 (№ 496)
Т. XX. Кн. 1. Форзац (№ 2)
Т. XX. Кн. 2. Форзац (№ 2), с. 776–778 (№ 287–289), 785 (№ 296), 795 (№ 306), 798 (№ 309), 799 (№ 310), 807 (№ 318), 808 (№ 319), 814 (№ 325), 839 (№ 350), нахзац (№ 509)
Т. XXI. С. 511 (№ 526), нахзац (№ 656)
Т. XXII. Форзац (№ 2), с. 440 (№ 445)
Т. XXIII. Нахзац (№ 514)
Т. XXIV. С. 419 (№ 432), 451 (№ 464), нахзац (№ 594)
Т. XXV. Форзац (№ 2)
Т. XXVI. Нахзац (№ 552), отдельный лист (№ 553)
Т. XXVII. Кн. 1. С. 165 (№ 172), 166 (№ 173), нахзац (№ 422)
Т. XXVII. Кн. 2. Нахзац (№ 594)
Т. XXIX. Кн. 2. С. 636 (№ 245)
Т. XXX. Кн. 2. Форзац (№ 2), нахзац (№ 554), приложенные листы (№ 555–563)
Общие указатели: с. 323 (№ 324)

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-274-277

© *Т. С. Царькова*

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА (ФОНД ДМИТРИЯ КЛЕНОВСКОГО)

Продолжая серию сообщений, начатую в 2019 году в № 4 журнала,[1] мы даем информацию о наиболее интересных материалах, поступивших в Рукописный отдел ИРЛИ в последнее время. Общее количество поступлений за 2019 год необыкновенно высокое — 95. Остановимся хотя бы на одном из них, представляющем несомненный интерес как для отечественных, так и для зарубежных исследователей истории литературы XX века.

Из Германии Наталья Робертовна Ребер привезла в дар Пушкинскому Дому рукописи и другие документы поэта, эмигранта «второй волны» Дмитрия Кленовского (наст. имя — Дмитрий Иосифович Крачковский; 1893–1976). Родители Натальи Робертовны были дружны с семьей Крачковских, часто приезжали из Мюнхена в городок Траунштейн, где в старческом доме с 1954 года и до конца своих дней жила чета Крачковских. Отец Н. Р. Ребер написал и опубликовал некролог Кленовскому, мать — Наталия Алексеевна и сама младшая Наташа были с вдовой Маргаритой Денисовной Крачковской в переписке, продолжали ее навещать, а после смерти Крачковской и до последнего времени Н. Р. Ребер приезжала на Траунштейнское кладбище, чтобы ухаживать за могилами старших друзей ее родителей. Передавая в Пушкинский Дом и в музей Царскосельской Николаевской гимназии, которую заканчивал Дм. И. Крачковский, то, что было получено после ухода из жизни вдовы, она выполняет благородную миссию по сохранению памяти о поэте на его родине, о которой он писал:

[1] См.: *Царькова Т. С.* Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Александра Морева) // Русская литература. 2019. № 4. С. 215–218.

Между нами — двери и засовы,
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе высоким словом,
На чужбине я служу — тебе.

(«Родине», 1952 год)[2]

Имя Кленовского довольно поздно стало возвращаться в Россию — только под конец перестройки в последние годы XX века.[3] Из большого эпистолярия поэта уже в XXI веке вышли две подборки,[4] а Полное собрание стихотворений — в 2011 году.[5] В 1960–1970-е годы он старался нелегальными путями, в основном через гастролировавших в Германии артистов балета, передавать свои сборники на родину. Так они попали к А. А. Ахматовой и от нее к Б. Ш. Окуджаве, В. А. Сосноре, других имен из боязни за получателей книг Кленовский в письмах не называет.

Ключ к пониманию такого глубокого замалчивания имени и стихов известного и ценимого в русскоязычной литературе зарубежья поэта — в биографии. Кратко обозначим самые значимые события его жизни.

Родился Крачковский в Петербурге, в семье художников. Его отец Иосиф Евстафьевич Крачковский (1854–1914) был известным пейзажистом, ценимым императорской семьей, академиком живописи, мать Вера Николаевна Беккер — акварелисткой, дочерью архитектора. Об атмосфере в семье можно судить по фрагменту из поступившего в архив письма И. Е. Крачковского к В. Н. Беккер:

«22 октября 1912 г<ода>

Мороз — ветер.
Санный путь.

Дорогой, обожаемый, верный друг!

Голубка ласковая, у меня нет слов благодарить тебя за все счастье, которое ты дала мне за эти 23 г<ода> нашей супружеской жизни. Шутка сказать 23 г<ода>! По нынешним временам прожить в полном согласии, любви и ласке — это нечасто бывает! Всё-всё, что составляет главное счастье — духовное — брачной жизни, всё это ты дала щедро и все 23 г<ода> была одной и той же. Благодарю тебя, моя радость, целую твои ножки».[6]

В 1904 году Крачковский поступил в Царскосельскую Николаевскую мужскую гимназию. Тогда там директорствовал И. Ф. Анненский, а в старших классах учился Н. С. Гумилев. Посещал гимназию с перерывами: семья подолгу жила за границей, где у него была возможность знакомиться с европейской культурой и впитать ее с юношеской впечатлительностью на всю жизнь. Гимназия была окончена в 1911 году с золотой медалью.

1911–1913 годы он провел в Швейцарии из-за угрозы туберкулеза. В 1913 году поступил в Петербургский университет на юридический факультет и посещал лекции по филологии. В 1913–1916 годах увлекся театром, балетом, сблизился с «Миром искусства», познакомился с К. А. Сомовым, Е. Е. Лансере, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинским. В 1916 году вышла первая и единственная в России книга стихов «Палитра» (на обложке обозначена дата выхода 1917 год). Набор нового сборника «Предгорье» и переводов стихов Анри де Ренье, принятых издательством «Петрополис», в связи с его закрытием был рассыпан.

---

[2] *Кленовский Д.* Неуловимый спутник. Четвертая книга стихов. Франкфурт-на-Майне: Сполохи, 1956. С. 8.

[3] Укажу, например, на словарную статью В. А. Синкевич, автора раздела о второй волне эмиграции в «Словаре поэтов русского зарубежья» (СПб., 1999. С. 311–313).

[4] «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 585–693; Письма Дм. Кленовского к И. С. Топорковой / Публ., подг. текста и прим. И. Саруханяна // Звезда. 2002. № 1. С. 98–128.

[5] *Кленовский Д. И.* Полн. собр. стихотворений / Под ред. О. А. Коростелева. М., 2011.

[6] В верхней части письма приписка: «Поздравляю тебя с нашим драгоценным, милым кроликом — дай ему Господь полного выздоровления и душевных сил».

В 1917–1922 годах Крачковский — военный чиновник — переезжает в Москву. Здесь он познакомился с В. Ф. Ходасевичем, подружился с М. А. Волошиным, в Антропософском обществе слушал доклады Андрея Белого, с этого времени антропософия будет глубоко определять его мировоззрение и творческие интенции.[7] В 1921–1922 годах он занимается журналистикой, переводит украинских поэтов, затем переезжает в Харьков, служит переводчиком в радиотелеграфном агентстве Украины. После 1925 года перестает писать, как поэт умолкает на долгие годы.

К 1917 году Крачковский был образованным, творческим человеком, со сформировавшимися убеждениями. Он пережил крушение своего мира и категорически не принял нового, советского. Позднее Ирина Сабурова в некрологической статье о Кленовском назвала этот период «бескомпромиссной стойкостью» и «мужеством молчания».[8]

В 1928 году Крачковский женился на Маргарите Денисовне Гутман, петербурженке, этнической немке, такой же любящей и верной, какой была его мать.

После оккупации Харькова семья Крачковских перемещается в Симферополь и оттуда за границу, в Австрию. Там они жили в лагере для немцев-беженцев, жизнь была тяжелой. Осенью 1944 года супруги покинули лагерь, когда Д. И. Крачковский устроился служащим на лесопилку. В мае 1945 года при наступлении советских войск им, опасавшимся насильственной репатриации, что, скорее всего, означало бы скорую гибель, пришлось бежать из Австрии в Баварию и поселиться там в деревушке Зурберг, а в 1954 году — переселиться в старческий дом в городке Траунштейн. Это место на земле оказалось для Крачковских тихим, спокойным и последним.

Еще в лагере, вспоминал Крачковский, он «буквально с первых же дней взялся за стихи <...>. Возвращение к стихам явилось совершенно непроизвольным — они просто внезапно зазвучали в душе». 30-летнее молчание в «подсоветские годы» поэт сравнил с ощущением физического удушья.[9]

В Германии у Крачковского появился литературный псевдоним. В письме от 14 октября 1947 года другу Г. Г. Панину он объяснял: в эмиграции объявился его однофамилец Д. Крачковский, он печатается в газете, редактируемой К. А. Быковичем — и «запротестовал в русской газете, издающейся в Париже, что „кто-то“ воспользовался его фамилией для напечатанья своих стихов!». В примечаниях Панин пишет: «Появление на горизонте однофамильца и его публичный протест — одна из причин появления псевдонима „Дм. Кленовский“».[10] Таким образом, мы с точностью до месяца можем датировать появление псевдонима. От себя добавим: рассказы, подписанные «Дм. Крачковский», появлялись в России еще до первой волны эмиграции, и они не принадлежали перу Д. И. Крачковского.

В Германии вышло 10 прижизненных сборников стихов Кленовского. Все они, за исключением книги «Разрозненная тайна» (Мюнхен, 1965), посвященной «моим друзьям», и избранных «Стихов» (Мюнхен, 1967) без посвящения, носят посвящение «Моей жене». Посмертное издание «Последнее» (Мюнхен, 1977) было подготовлено и выпущено М. Д. Гутман. Кленовский был тяжело болен и ослеп. Он диктовал сложившиеся тексты жене, она записывала. Посвящение: «Как всегда — моей жене» — он тоже ей продиктовал.

Почти все книги были изданы на собственные средства Крачковских, отложенные из скудного социального пособия по старости, получаемого ими, и посильные пожертвования друзей и почитателей-читателей, которых в письмах Кленовский неизменно благодарил и называл «друзьями моих стихов».

Книги и журнальные публикации, а особенно часто Кленовский печатался в «Новом журнале» и в «Гранях», не оставались без внимания критики. Кленовского то называли первым поэтом «второй (послевоенной) волны», то делили это первенство с более молодым и резким Иваном Елагиным, но были определения, которые не оспаривались:

---

[7] Подробнее об этом см. в письмах Кленовского к В. Ф. Маркову: «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно». С. 591–592; см. также: *Кленовский Д.* Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века // Грани. 1953. № 20. С. 129–137.

[8] *Сабурова И.* Д. И. Кленовский // Голос Зарубежья. 1976. № 4. С. 35.

[9] «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно». С. 602.

[10] *Кленовский Д.* Из писем Геннадию Панину / Публ. Э. Бобровой // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206. С. 108, 124.

«последний царскосел» (Н. Берберова), «последний акмеист» (Л. Ржевский), «один из лучших поэтов Русского Зарубежья», «один из лучших лириков России середины нашего <XX> века» (Странник). Свод критических статей и рецензий представлен в уже цитированном нами Полном собрании стихотворений Кленовского.

Личный фонд Дмитрия Иосифовича Кленовского (№ 949) включает:

I. Его творческие рукописи: подарочный альбом, в который вписаны стихотворения, не вошедшие в книги (1943–1955), кожаный переплет, тиснение: МКДК, т. е. Маргарите Крачковской Дмитрий Кленовский.

Отдельные стихотворения, среди них и записанные женой.

Альбом стихотворений Дмитрия Кленовского (1918–1925). Ленинград — Москва — Харьков. Копия из архива Г. Г. Панина, выполненная поэтессой и переводчицей Эллой Бобровой и преподнесенная М. Д. Крачковской.

II. Книги Кленовского: «След жизни» (Франкфурт-на-Майне, 1950), «Навстречу небу» (Франкфурт-на-Майне, 1952), «Неуловимый спутник» (Франкфурт-на-Майне, 1956), «Разрозненная тайна» (Мюнхен, 1965), «Почерком поэта» (Мюнхен, 1971), частью с дарственными надписями, частью со списками фамилий на полях, вероятно, тех, от кого автор получил отзывы на отдельные стихотворения: Анстей, Берберова, Березов, Булдеев, Бушман, Гуль, Гюнтер, Дудорова, Дукельский, Ильинский, о. Иоанн, Кузнецова, Лахман, Маковский, Марков, Моршен, Неймирок, Офросимов, Панин, Прегель, Присманова, Раннит, Ржевский, Струве Гл., Терапиано, Ульянов, Фесенко, Филиппов, Чиннов, Шаховская и др.[11]

III. Личные документы: удостоверения личности, квитанции об уплате за книги, справки (на нем. яз.), извещение о смерти Кленовского, сообщение о кончине, плата за место на кладбище, счета за похороны, проект памятника на могиле и описание его.

IV. Документы родственников: письмо отца-художника И. Е. Крачковского к жене В. Н. Беккер от 22 октября 1912 года (без окончания); письмо В. Н. Беккер Д. И. Крачковскому и ее стихи, обращенные к маленькому сыну, бумажная иконка Божьей Матери Скоропослушницы с благословением матери от 20 июля 1929 года (на обороте иконки).

Рисунки отца и матери Д. И. Крачковского.

Семь писем М. Д. Крачковской Н. Р. Ребер от 25 февраля 1978-го — 6 марта 1979 года.

Три записки к М. Д. Крачковской от сестры Лели, 1944.

Приветственное письмо принца Людвига фрау Крачковской в старческий дом. Мюнхен, 1979.

Записи М. Д. Крачковской дней рождения, дней ангела, кончин близких людей.

V. Более 100 фотографий с конца XIX века по 1970-е годы: одиночные и групповые, семейные, с друзьями и гостями. Преимущественно любительские снимки, неатрибутированные и недатированные.

VI. Газетные и журнальные рецензии на вышедшие книги Кленовского, статьи о нем, отклики на его кончину Странника (о. Иоанна), Ирины Сабуровой, Нонны Белавиной и др.

VII. Мелкие мемориальные вещи: шкатулка, шпатель с записями авторских и его жены (?) изречений:

Когда-нибудь утром туманным...
мечтать о стране,
где будешь в безопасности
и не будешь больше бояться...
Написано в 1945 г<оду>.
Есть ли такая страна и не нашла ли я ее уже?
14 января 1951 г<ода>.

VIII. Старые магнитофонные ленты с записями вечеров памяти Кленовского.

[11] У Кленовского инициалы при фамилиях отсутствуют.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-278-279

© *В. П. Киржаева*, © *О. Е. Осовский*

КНИГА ЛОНДОНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ*

Появление рецензируемой монографии в авторитетном американском университетском издательстве свидетельствует о сохраняющемся на Западе интересе к истории российского литературоведения 1920–1930-х годов. Внимание читателя привлекают и заголовок книги «Рождение и смерть литературной теории», и имя автора — Г. Тиханов, профессор Университета королевы Марии (Лондон), которому принадлежат работы о В. Беньямине, Д. Лукаче, М. М. Бахтине и его круге, русских формалистах, литературной критике эмиграции. Литературность заголовка находит продолжение и в названиях глав, емко и ярко характеризующих их содержание: «Противоречия раннего русского формализма и их последующие отголоски», «Скептик у колыбели теории: размышления Густава Шпета о литературе», «На пути к философии культуры: Бахтин за пределами литературной теории», «Границы современности: семантическая палеонтология и ее подспудное воздействие» и «Изгнанники между войнами: режимы релевантности в эмигрантской критике и теории». Так выстраивается картина формирования того, что автор понимает под русской литературной теорией 1920–1930-х.

Роль России в становлении и эволюции новых художественных и философско-эстетических парадигм (от авангарда до структурализма), конечно, не раз описывалась отечественными и зарубежными исследователями, однако Г. Тиханов находит новый подход к проблеме, обозначенный в подзаголовке книги термином М. Фуко «режимы релевантности». Именно «модусы актуальных соответствий» литературного производства ожиданиям и потребностям тех или иных творческих и социальных слоев и групп оказываются в центре книги и рассматриваются как ориентиры для теоретических построений В. Б. Шкловского, Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, И. Г. Франк-Каменецкого, О. М. Фрейденберг, их последователей и оппонентов.

Если российскому читателю многое из сказанного автором может показаться знакомым, то для англоязычной аудитории дело обстоит иначе, поскольку она привыкла воспринимать русскую литературную теорию как продукт, созданный в основном формальной школой или, в лучшем случае, формалистами и М. М. Бахтиным. Несомненной заслугой Г. Тиханова становится расширение привычного ряда имен: обращение к наследию Г. Г. Шпета и его учеников, О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкого заметно меняет представление о российском литературоведческом ландшафте и делает картину научной жизни России насыщеннее и разнообразнее. Особенно примечательна фигура Г. Г. Шпета, чей вклад в философию и эстетику первой трети XX века в науке подробно описан, в то время как его роль в разработке теоретико-литературных вопросов, в теории и практике художественного перевода почти не обсуждалась, что обусловливает значимость данного сюжета и для российского литературоведения. При этом Г. Тиханов подчеркивает универсальный характер русской литературной теории с ее намеренным отказом «от акцентированной „русскости“, помещая зарождение теории в более широкий и разнообразный культурный контекст, контуры которого выходят далеко за пределы России» (с. 9).

Происходящие в России в конце 1910-х — 1930-е годы изменения в восприятии литературы, понимании ее целей и общественного статуса, рецепция этих изменений различными школами и направлениями влияют на формирование западной литературной теории второй половины XX века, причем не только опосредованно — через Пражский лингвистический кружок, но, как убедительно показывает Г. Тиханов, и непосредственно — от В. Б. Шкловского к Ц. Тодорову и Ю. Кристевой (Франция) или к Л. Матейке (США). В отказе от традиционного восприятия литературы как рупора идей и декларировании ее автономности автор видит важнейшее открытие В. Б. Шкловского с его почти лингвистическим подходом. Иной режим релевантности у Г. Г. Шпета и ГАХНовцев, стремившихся сохранить философско-эстетическое прочтение литературного произ-

---

* *Tihanov G.* The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.

ведения, сочетая феноменологию с неогегельянством, а перевод с интерпретацией. По третьему пути идет М. М. Бахтин, создающий, с точки зрения Г. Тиханова, свою философию культуры не только в книге о Рабле, но и в работах о романе. Автор не обходит вниманием и дискуссии в теоретико-литературной среде: так, полемике М. М. Бахтина и его круга с формализмом уделено не меньше места, чем дискуссии формалистов и марксистов 1927 года, или критике теории Шкловского его бывшей студенткой, сотрудницей парижской газеты «Евразия» Э. Литауэр, или несогласию М. М. Бахтина со взглядами Г. Г. Шпета на роман. Направлением, опосредованно повлиявшим через школу Ю. М. Лотмана на западную теорию 1990–2000-х, названа семантическая палеонтология Н. Я. Марра и его ближайших союзников в литературоведении. Специальный сюжет о восприятии литературы в эмигрантской среде обозначает контуры диалога французского и русского научного и литературного дискурсов.

Очевидным достоинством книги является привлечение широкого круга источников — от литературных и литературоведческих текстов (в том числе малоизвестных), периодики 1920–1930-х годов, архивных материалов до новейших российских и зарубежных исследований, что позволяет оценить и профессиональную эрудицию ученого, и обоснованность его концепции, подкрепленную убедительной фактографией. Вполне логичен и выбор в качестве ключевых фигур В. Б. Шкловского и М. М. Бахтина, тем более что представлены они не в противостоянии друг другу, но скорее — ведущими голосами многоголосого разговора о смыслах и задачах литературы, который продолжается и сейчас. Так что объявление о смерти русской литературной теории в заголовке воспринимается после прочтения книги скорее как метафора. Автор ведет речь о событиях прошлого, но их ориентация на сегодняшние проблемы очевидна: опыт изменений режимов рецепции литературы особенно важен для понимания современного статуса словесности, когда из мира незыблемых духовных ценностей она все ощутимее вытесняется в сферу потребления и развлечений, а читатель не просто становится непосредственным участником интерактивного диалога с автором, но превращается, с точки зрения постмодернистской социологии чтения, как минимум в его соавтора.

Можно предположить, что ограниченный объем не позволил Г. Тиханову остановиться на ряде моментов, существенных для книги. В частности, предложенная им схема не учитывает фактор присутствия и влияния российского академического литературоведения, той самой «старой школы», традиции которой во многом определяли научную позицию М. М. Бахтина и оказывали куда большее воздействие на В. М. Жирмунского, нежели Н. Я. Марр или И. И. Мещанинов. Конспективно намеченный в финале книги сюжет о «мировой литературе» как создаваемой русской литературной теорией конструкции особого типа (в советской терминологии 1920–1940-х годов, «всеобщей литературы») представляется крайне перспективным, но, похоже, ему суждено стать темой следующей монографии автора.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-279-281

© *К. В. Анисимов*

НОВАЯ КНИГА О БУНИНЕ*

Монография Е. Р. Пономарева подводит промежуточный итог многолетним изысканиям ее автора в областях бунинской текстологии и эдиционной практики (см. три тома издания «И. А. Бунин. Новые материалы» (2004–2014); новейший 110-й том «Литературного наследства», десятки отдельных статей) и соединяет в своем инструментарии анализ поэтики с детальными экскурсами в историю текста. Самоочевидная эффективность такого подхода, особенно в условиях становящегося все более шокирующим отсутствия авторитетного издания сочинений первого русского нобелиата, дополнена здесь соображениями об уникальных особенностях бунинской литературной работы, о внедренной в словесную структуру произведения его принципиальной смысловой «незаконченности», когда буквально каждый (даже вполне маргинальный и, казалось бы, чисто «технический» по своему положению среди рукописей) манускрипт может содержать в себе решительный смысловой поворот, проблематизирующий то, что обычно понимают под «итоговой редакцией» и «последней авторской волей». Здесь Е. Р. Пономарев словно семантизирует текстологию, возводя рутину нескончаемых бунинских правок к новому, динамическому и подвижному, принципиально поливариантному мышлению писателя, хотя в целом разрабатывает самое

* *Пономарев Е. Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-012-41004.

продуктивное русло современного бунинoведения, взыскующего введения в научный оборот и максимально полного подключения к любому разговору о «творчестве» материалов из бунинского «Парижского архива», хранящегося ныне в университете британского Лидса: «...накануне полуторавекового юбилея основными задачами филологической науки о Бунине являются дальнейшие архивные публикации и подготовка полного научного собрания сочинений первого русского нобелевского лауреата по литературе»,[1] — точно отметила коллега Е. Р. Пономарева Т. М. Двинятина.

Заглавие книги содержит двойную филологическую аллюзию: через общеизвестную, посвященную акмеистам, статью В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) — к влиятельной в сообществе бунинoведов работе Т. М. Двинятиной «Поэзия И. А. Бунина и акмеизм: Сопоставительный анализ поэтических систем» (СПб., 1999), в которой корпус стихотворений автора «Листопада» освещался как система, согласующаяся рядом своих черт с обобщенной эстетической программой Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама (особая игра слова и вещи, топографическая экзотика, интертекстуальность и т. д.). Определение Бунина как «стихийного акмеиста» было 20 лет назад важным, этапным шагом после того, как еще ранее, в 1970–1990-е годы благодаря усилиям О. В. Сливицкой и Ю. В. Мальцева, а также реактуализированного А. К. Жолковским Л. С. Выготского,[2] по-новому раскрылись бунинские онтология мира, нарратология текста и рецепция предшественников, вследствие чего писатель был «выведен» из объяснительного прокрустова ложа «реализма», «бытописания», «очерковости» и прочих клише социологизированной критики начала XX века, резервировавшей за создателем «Жизни Арсеньева» незавидный статус чудаковатого, хоть и мастеровитого эпигона И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Главной особенностью книги Е. Р. Пономарева, продиктованной спецификой научных занятий ее автора, является пристальный взгляд в самую сердцевину писательской лаборатории русского изгнанника, реконструкция повседневной рутины литературного труда (чего только стоят дотошно-канцелярские реестры имен и населенных пунктов из записной книжки, относящейся примерно к 1940 году), из каковой рутины рождалась изощренная художественная комбинаторика позднего Бунина.

Тем не менее, знакомясь с подробностями, читатель не упускает из виду волнующие исследователя теоретические вопросы: например, как объяснить с точки зрения истории литературы эту деиерархизацию бунинских записей, когда буквально каждая ремарка на полях может превратиться в самостоятельный текст? В чем заключается умысел Бунина-мастера аллюзий и подтекстов: он «цитирует» своих предшественников, руководствуясь логикой «наведения», как это именует в своих работах Е. В. Капинос,[3] или же его «припоминания» не «прицельны» (в духе «семантической поэтики»), а обобщены, являются не цитатой, а «образом» цитаты?

То есть потенциально в новом свете способны предстать и практика обращения Бунина с источником, и, наряду с нею, периодизация творчества, в котором этот опыт «присвоения» предшественников становится внутренне дифференцированным. Иными словами, если в дореволюционной «Грамматике любви» (1915) звучащая в разговоре героя с возницей мысль о возможном (хоть и недостоверном) самоутоплении Лушки может быть понята как ход в сторону карамзинской «Бедной Лизы», заставляющий внимательного читателя задуматься о причинах трагического звучания крестьянской темы («тогда», в 1792 году, и «сейчас», между двух революций), то ныне в эмигрантских безвременье и внепространственности нужда в таких референциях отпадает. Трагедия свершилась, наступило так любимое европейской культурой после двух мировых войн, а русским писателем пережитое в годы Интербеллума ощущение «пост-», когда автор если и беседует с кем-то, то не со своим читателем, а с многоликим и уже, по сути, внеисторическим «каноном», «грамматикой» и «языком» в их отвлечении от исторических «литературного процесса» и «речи».

Рассуждая в этой логике, Е. Р. Пономарев по-новому смотрит, например, на Бунина-критика, осветившего в своих многочисленных статьях, давших впоследствии жизнь «Воспоминаниям» (1950), не столько тех, с кем его действительно сводила жизнь, сколько любимые и нелюбимые (вплоть до возмущения, как по адресу «Двенадцати» Блока) произведения. Память на этом ее срезе становится текстоцентричной, а создатели припоминаемых стихотворений, повестей и романов превращаются в литературных героев, подлежащих суровому авторскому суду. Здесь же коренится мотив элитистского презрения к капризам литературного рынка и оценка успешных на этом рынке писателей, в первую очередь А. Н. Толстого, как оборотистых мошенников. Общеизвестно, что полноценного, особенно сравнительно с его притязаниями, доступа к этому

[1] *Двинятина Т. М.* Предъюбилейное: бунинoиана последних лет // Русская литература. 2019. № 3. С. 256.

[2] *Мальцев Ю.* Иван Бунин. 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне, 1994; *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М., 2004; *Жолковский А. К.* «Легкое дыхание» Бунина — Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 103–120.

[3] *Капинос Е. В.* Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М., 2014. С. 50.

рынку Бунин был лишен, оказавшись поначалу в положении изысканного уединения, которое грозило превратиться в будущем в нищету — и в конечном счете превратилось. Причем статус нобелиата должен быть здесь учтен не только как точка опоры в самосознании, фундамент символического капитала, но и как болезненное свидетельство несовпадения небезосновательных амбиций, краткой мировой славы — и удручающих реалий жизни изгнанника.

Убедительно и подробно Е. Р. Пономарев описывает своего героя как фигуру, замкнутую почти исключительно в литературном кругу. Мало того, изрядное число сегментов этого круга были откровенно виртуальны, рассогласованы с актуальной действительностью и ее повесткой. И если, как давно указано Ю. М. Лотманом, способность Бунина «с необычайным мастерством реалиста» воспроизводить «русскую жизнь, но именно ту, <...> которой, он знал, уже не существует в реальности»,[4] направляется на модернистское пересоздание мира (восстановление ушедшей России в «Жизни Арсеньева» как артефакта памяти), то уже знакомое нам случайностное использование отрывков, фрагментов, частностей и деталей тяготеет к чему-то другому. Классическое решение, предложенное О. В. Сливицкой, здесь состояло в том, что «музейный» (определение Горького) характер предметно-вещного мира бунинской прозы был следствием онтологически необычайно «глубокого дыхания» автора, его стремления внедрить в сжатый объем принципиально *всё* (Л. Н. Толстой для этой цели, наоборот, эпизировал, расширял свой нарратив), смять эстетические границы произведения, «переписав» его словно сверх всякой меры. Однако если от эстетики и нарратологии «готовых» бунинских рассказов, повестей и романа, превращенных в опубликованные произведения, сделать шаг в сторону той самой отраженной архивом каждодневной рутины письма, картина приобретает иные оттенки — и здесь Е. Р. Пономарев намечает главную теоретическую интригу своего труда. «Случайность, — отмечает он, — понятие, чуждое модернистскому представлению о мире. „Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен“, — писал Блок в поэме „Возмездие“» (с. 154). Ближайшим аналогом исследователю здесь видится постмодернизм, а фигурой, соотносимой с создателем «Темных аллей», выступает Сергей Довлатов. Яркий тезис о том, что «Бунин типологически близок к С. Д. Довлатову» (с. 9), прошивает всю работу, придавая ей целостность концептуального высказывания, не только подкрепленного многочисленными наблюдениями над конкретными текстами, но и формирующего новые углы зрения на предмет. Ясно, что Бунин — это, конечно, не Довлатов, но если парадоксальная близость возникла (а эмпирику этой похожести Е. Р. Пономарев демонстрирует весьма убедительно), чем она вызвана? Чем была та тектоника культуры, что «сдвинула» позднего Бунина с насиженного места «последнего классика», обнаружила виртуальный, сконструированный характер самого этого реноме? Была ли настойчиво продвигаемая писателем поэтика почти авангардного фрагмента (аналогию с П. Пикассо см. на с. 183) частным эпифеноменом Бунина или она подчинялась более общим закономерностям, едва ли осознававшимся пишущим индивидуумом, продолжавшим числить себя единственным наследником Л. Н. Толстого и А. П. Чехова? Распадение реальной преемственности и жизнетворческого мифа при такой постановке вопроса делается очень наглядным. И если «русский постмодернизм» никак не был связан ни с «поздним капитализмом», ни с «цивилизацией массмедиа», ни с «концом истории»,[5] а был контркультурой в «закрытом обществе», то не было ли в этой (само)изоляции конструктивной параллели к вакууму бунинского самоощущения в эмиграции?

К сожалению, в краткой рецензии я могу лишь упомянуть о нескольких специальных экскурсах исследователя, подкрепляющих и варьирующих основную мысль монографии: например, об учете Буниным — создателем нового автобиографического повествования «Жизни Арсеньева» — фактора В. Г. Короленко и его «Истории моего современника»; об игре субъектно-образных конструктов и временны́х регистров в стиле романа; о разборах отдельных рассказов и т. д. — все эти сюжеты, как правило, удачно вплетены в принципиальную для исследователя методологическую канву. Книга Е. Р. Пономарева, безусловно, является этапным научным сочинением: на пути к «академическому Бунину» (так называется серия, вторым выпуском которой стала рецензируемая работа) читатель будет постепенно открывать для себя не ледяной монумент, а в нынешнем году — еще и юбилейный, с по умолчанию нанесенными на него толстыми слоями «классикализации», а живого и открытого XXI столетию писателя-современника.

---

[4] *Лотман Ю. М.* Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 739.

[5] *Липовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. VIII–IX.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-282-283

© *С. А. Кибальник*

ДОСТОЕВСКИЙ В ЛАБИРИНТАХ «СЕБЯ»*

Достоевский по-прежнему остается самым изучаемым русским писателем в США, а американское достоевсковедение сохраняет свои лидирующие позиции в мире наряду с российским.[1] И тем не менее далеко не на всякую новую американскую монографию о Достоевском появляется отклик в российской научной печати. Как всегда, это имеет самые разные причины. Начиная со случайных и кончая тем, что современное американское достоевсковедение, в отличие от недавних славных его времен, отмеченных появлением работ Джозефа Франка и Роберта Джексона, сегодня уже совсем иное. Во-первых, оно в основном не столько занимается самим Достоевским, сколько пропускает через его творчество наиболее модные, даже не литературно-теоретические, а культурно-антропологические концепции. И во-вторых, по сравнению, например, с современным китайским или японским достоевсковедением, не слишком интересуется тем, что и как пишут сегодня о Достоевском в России.

Написать о монографии Юрия Корригана мне показалось важным именно потому, что как раз в обоих этих отношениях она представляет собой счастливое исключение. Из пятнадцати страниц, которые занимает в его книге «Библиография», впрочем включающая не только исследовательскую литературу, но и тексты (с. 215–230), около половины работ принадлежат российским мыслителям и ученым. К тому же эта книга направлена на разрешение серьезной проблемы, которая давно уже поставлена представителями как историко-литературного, так и религиозно-философского направлений в изучении творчества Достоевского.

Действительно, с одной стороны, во всем своем зрелом творчестве писатель последовательно боролся с идеей индивидуальной автономии, возможности отдельного, построенного вне зависимости от судьбы народа и человечества личного счастья, а с другой, на протяжении всей жизни страстно защищал свободу и неприкосновенность человеческой личности. Как это совмещалось в его творчестве? На этот вопрос и пытается ответить своей книгой Ю. Корриган. По его убеждению, парадоксальное понимание личности как индивидуально отграниченной от других и в то же время бесконечно причастной к ним Достоевский разрешал, двигаясь от изучения человеческой разъединенности в его ранних произведениях к своеобразной «метафизической психологии», посредством которой он пытался сохранить представление о душе для наступающего секуляризированного мира.

Героев Достоевского, полагает Корриган, ужасало их собственное внутреннее пространство: пространство памяти, подсознания, иных сущностей, лежащих в основе их внутреннего опыта. В своей книге исследователь обращается к тому, как этот «ужас сознания» толкает их к чрезвычайной устремленности вовне: к непреодолимому цеплянию за «других» как средству замещения их утраченных душевных способностей и в то же время к осознанию невозможности растворить себя внутри тех или иных «коллективных личностей».

В первой главе автор очерчивает парадигму «коллективной личности», которая реализована в раннем рассказе Достоевского «Слабое сердце» (1848). По мнению Корригана, этот рассказ предоставляет нам основополагающий словарь для описания сплава «себя» и «других» и изображения разрушенного внутреннего мира. Во второй главе через прочтение «Двойника» (1846), «Хозяйки» (1847) и «Неточки Незвановой» (1849) прослежены травма и шок от насилия, которые ставят барьер работе сознания и направляют личность вовне, чтобы она вновь обрела себя во взаимоотношениях с «другими». Развиваемая Достоевским модель «тройственной коллективной личности» поставлена здесь исследователем в контекст традиций дуализма и «двойничества». В третьей главе детально рассматривается представление о «раненой памяти», воплотившееся в «Униженных и оскорбленных» (1861), и его связь с возникновением метафизического измерения личности. «Будучи внутренне направлен против просветительской добродетели личной открытости, — отмечает Корриган, — роман отстаивает „психическую травму“ как опыт» (p. 8), из которого личность может выйти, став более сильной. В каждой из трех начальных глав книги, которые все в той или иной мере посвящены проблеме развоплощения и воплощения личности, автор использует «Преступление и наказание» (1867) как краеугольный камень для понимания ранних произведений Достоевского.

Сдвиг фокуса к философскому измерению личности, который наблюдается в более позд-

---

* *Corrigan Yu.* Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanston, Illinois: Northwestern Univerisity Press, 2017. 238 p.

[1] Ярким свидетельством этого стал, например, недавно прошедший в Бостоне XVII Симпозиум Международного общества Достоевского. См. о нем: *Кибальник С. А.* XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского в США // Русская литература. 2020. № 1. С. 225–228.

них произведениях Достоевского, обозначен в четвертой главе. В ней исследуется скрытое, но могущественное присутствие непрошенных воспоминаний, которые, прячась под благополучным фасадом героев «Идиота», преследуют их, побуждая к попыткам стереть те или иные грани их личностей, чтобы растворить себя в более широких, коллективных сущностях. Видя в князе Мышкине наивысшее воплощение «травмированных героев» Достоевского, Корриган понимает его путь в романе как попытку открыть какой-то основополагающий принцип существования *вне себя* — трансцендентный якорь для личности, помогающий ей высвободиться из ее проективного рассредоточения в других и, в свою очередь, освободить других от их ограниченного существования как только аспектов ее собственной души.

Посвященная «Бесам» (1873) пятая глава содержит прочтение новаторской демонологии Достоевского как опыта изучения разрушающейся личности. Корриган показывает, что изображение «безличностей» и «шатких» личностей, которые безропотно поддаются внешним влияниям, связано в романе прежде всего с вампирической деятельностью трагикомического «беса» Степана Верховенского, последовательно покушающегося на внутреннее личностное пространство окружающих.

В главе шестой роман «Подросток» (1875) понят как художественное воплощение опыта восстановления внутреннего пространства личности. Исследователь утверждает, что распадающийся, на первый взгляд, сюжет романа оказывается на удивление целостным, если взглянуть на него как на опыт изучения различных стратегий перемещения «души» во внешнее пространство и поисков концепции личности, которая отменит представление о теле как средоточии существования «я». В главе седьмой Корриган рассматривает сюжет «Братьев Карамазовых» (1880) как череду «ученичеств», в которых ученик приобщается к личности учителя и в результате этого обретает себя. Обширная топография внутреннего пространства личности представлена в романе, по мнению Корригана, через изображение постепенного отделения его протагонистов: Алеши, Мити, Ивана — от коллективного опыта личностности и движения их вглубь себя. В «Заключении» «проект Достоевского», как называет исследователь эксперимент писателя по художественному воплощению своей новаторской концепции личности, поставлен в более широкий контекст проблемы «внутренней жизни», который сложился в культурном дискурсе дореволюционного российского общества.

Нельзя сказать, что все эти достаточно свежие подходы к ранее уже неоднократно подвергавшимся интерпретации произведениям Достоевского реализованы в книге одинаково убедительно. Однако то, что, совершенно независимо от своих многочисленных предшественников в изучении этой темы, Ю. Корригану удалось нащупать и распутать многие важные узлы в развитии художественной психологии и метафизики русского классика, не вызывает сомнений.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-284-288

АВРААМИЕВСКИЕ СЛУШАНИЯ: ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Выездные Чтения (конференции) Отдела древнерусской литературы, посвященные истории средневековой культуры, — традиция, которая была заложена в 70-е годы XX века. Первые Чтения были организованы Д. С. Лихачевым и Л. А. Дмитриевым в 1972 году в Пскове. Традиция продолжается и поныне: в 2019 году Смоленская митрополия Русской Православной церкви, Смоленский государственный университет и Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома организовали такую конференцию в Смоленске, она проходила с 11 по 13 сентября в рамках «Авраамиевской седмицы» — научно-социального проекта, посвященного памяти Авраамия Смоленского.

В первом выступлении на пленарном заседании «Отдел древнерусской литературы как центр медиевистических исследований (история и современность)» Н. В. Понырко очертила основные направления работы Отдела: научно-исследовательское, издательское, библиографическое и археографическое.

Доклад М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) «Смоленская агиография в контексте Четьих Миней Димитрия Ростовского» начал серию выступлений, посвященных «смоленской» тематике и, прежде всего, личности и житию преподобного Авраамия Смоленского. Выступавшая, с одной стороны, проанализировала источники, которые использовал святитель Димитрий при написании текста, указав на основной из них — Успенский список Великих Четьих Миней митрополита Макария, с другой — дала общую характеристику редакции митрополита Димитрия, отметив ее краткость, динамизм и театральность.

Одному из небольших смоленских монастырей, созданному в начале 40-х годов XVII века недалеко от Дорогобужа, был посвящен доклад Н. В. Савельевой (Санкт-Петербург) «Крестовоздвиженский Бизюков монастырь в русской литературе и книжной культуре». Акцент был сделан на характеристике личности первого настоятеля монастыря иеромонаха Гедеона. Книги, которые на основании новых данных атрибутируются докладчицей этому автору («Книга о вере», «Альфа и Омега», «Зерцало духовное»), сыграли важную роль в становлении русской богословско-полемической традиции и апологетики православия. Как представитель западнорусского мира, игумен Гедеон закономерно использовал и в конечном итоге нес в Москву элементы новой культуры, основанной прежде всего на западной модели школьного образования. В то же время духовно-нравственные ориентиры и традиционализм в позиции игумена Гедеона были сопоставимы с заботами и чаяниями формировавшегося тогда же в Москве кружка ревнителей древлего благочестия.

В своем докладе «Три этапа конфликта в Житии Авраамия Смоленского» игумен Хрисанф (Шадронов) (Смоленск) вновь обратился непосредственно к тексту Жития святого Авраамия. Отталкиваясь от традиционных причин конфликта — зависть, невежество и бедность, которые исследователи видят в Житии, выступавший обозначил три этапа этого противостояния, особо остановившись на третьем этапе, который видится автору в духовных противоречиях, что, в свою очередь, усложняет не только конфликт, но и само повествование о святом.

В докладе Т. Н. Галашевой (Санкт-Петербург) «Аркадий Вяземский и Аркадий Новоторжский (почитание двух святых в одном имени)» были рассмотрены источники по истории почитания двух подвижников: преподобного Аркадия Новоторжского, ученика Ефрема Новоторжского, и юродивого Аркадия Вяземского. Несмотря на то, что источники в большинстве своем последовательно разделяют двух Аркадиев, в конце XVII века складывается традиция, объединяющая святых в общем праздновании, причины возникновения которой были проанализированы в докладе.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) в докладе «Гурий Тушин как редактор житий русских святых: Авраамия Смоленского, Кирилла Белозерского и Зосимы и Савватия Соловецких» рассмотрела редакции житий, созданные в первые десятилетия XVI века Гурием Тушиным — знаменитым «учительным старцем» Кирилло-Белозерского монастыря, учеником Нила Сорского, среди которых и редакция Жития Авраамия Смоленского. Было высказано предположение, что работа Гурия с этими текстами связана с потребностями монастырского богослужения, при этом переработки агиографических текстов имели, как правило, особую аскетическую направленность.

Выступление Г. А. Ластовского (Смоленск) «Общеисторический контекст эпохи Авраамия Смоленского» было посвящено анализу эпохи, обстоятельствам политической жизни Смоленского княжества на рубеже XII–XIII веков. По мнению ученого, центральное положение Смоленской земли по отношению к другим древнерусским землям, а также мудрая и взвешенная политика его князей способствовали развитию духовной культуры. Одним из результатов этого стало появление церковных деятелей, мыслителей и проповедников, к каковым принадлежал преподобный Авраамий.

В совместном докладе Л. В. Павловой и И. В. Романовой (Смоленск) «Из истории Авраамиевского братства» на основе немногочисленных источников из фондов ГАСО и из дореволюционной периодики были описаны условия существования Авраамиевского монастыря в XVIII–XIX столетиях, а также этапы формирования и результаты деятельности Смоленского Авраамиевского братства, основанного в XIX веке. Кроме того, исследователи познакомили слушателей с материалами личного архива филолога и краеведа В. Е. Захарова, которые позволили раскрыть новую попытку создания Общества Авраамия Смоленского в период перестройки.

Непростую и трагическую судьбу обители преподобного Авраамия в XX столетии осветил Д. В. Валуев (Смоленск) в докладе «История Спасо-Преображенского Авраамиева монастыря в XX веке». С первых лет советской власти, когда в нем был размещен концентрационный лагерь, монастырь пережил немало утрат и разрушений, которые существенно изменили его облик. Несмотря на потери, как подчеркнул исследователь, Авраамиевский монастырь сохранил свои основные постройки, прежде всего главный храм, что позволило уже в новом веке начать его возрождение.

Доклад С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «Новые материалы к истории библейских песней в русской рукописной традиции» был сделан на материале 52 рукописей, содержащих предисловия к библейским песням. Исследовательница показала, что проникновение предисловий в Толковую псалтырь происходило на всех этапах их бытования. Начало традиции приходится на самый конец XIV века, когда первоначальный набор из трех предисловий, источником которых послужил текст Толковой палеи, попадает в Толковую псалтырь Феодорита Кирского. В две другие Псалтыри с толкованиями Феодорита Кирского спустя примерно полвека уже из полного комплекта предисловий оказывается включенным предисловие к четвертой песни. А во второй половине XVI — XVII веке происходит активное проникновение предисловий к библейским песням в Псалтырь с толкованиями псевдо-Афанасия Александрийского. Докладчица сделала вывод, что рукописные традиции служебных Псалтырей и Псалтырей толковых не были непроницаемыми, продемонстрировав перемещение отдельных статей из Следованных и Простых псалтырей в Толковые псалтыри и проникновение толкований в Псалтыри служебные.

В докладе Д. О. Цыпкина (Санкт-Петербург) «Начало Нового Времени в истории русского письма» объектом обсуждения стали явления «самосознания» письма и письменной культуры, которые в полной мере начинают фиксироваться только со второй половины — конца XVI века. В это время обнаруживается сложение типологии письма, состоящее из двух типов: «книжное письмо» (оно же «устав») и «скоропись», которая складывается во второй половине XVI века. Комплексный анализ описанных в докладе тенденций и явлений позволяет предположить, что со второй половины XVI — начала XVII века в истории письма Московского царства наблюдается переход к эпохе Нового Времени, в котором прослеживаются черты вестернизации. Ярким примером может служить изменение в подписном регистре, где происходит переход от удостоверительного текста — рукоприкладства к современной модели подписи.

А. В. Захарова (Москва) и С. В. Мальцева (Санкт-Петербург), авторы доклада «Композиции с вертикальным развитием в архитектуре Древней Руси и Сербии в XII–XIII веках», рассматривают ряд древнерусских и сербских храмов XII–XIII веков, имеющих существенные черты сходства: в Древней Руси — Спасская церковь Евфросиниева монастыря в Полоцке, церковь Архангела Михаила в Смоленске, церковь Св. Василия в Овруче, церковь Св. Параскевы Пятницы в Чернигове и др., и в Сербии — церкви монастырей Студеница, Жича, Милешева, Св. Ахиллия в Арилье и др. Общность заключается в том, что в этих храмах за счет сильного вытягивания пропорций, ярусного построения объемов, использования определенных конструктивных и декоративных элементов, нетипичных для византийской архитектуры, создаются динамичные композиции с вертикальным развитием. Сделана попытка прояснить природу такого параллелизма, которую невозможно объяснить ни наличием общих византийских образцов, ни влиянием одной традиции на другую.

Доклад А. В. Пигина (Санкт-Петербург) был посвящен малоизученному памятнику русской литературы XVII века — Повести о Христовом крестнике. По его мнению, в основе повести лежат два изначально самостоятельных сюжета — о чудесном крещении младенца Христом и о «заместителе» Бога на небесах (небесных «судах»). Были показаны связи Повести с агиографией, апокрифической и визионерской литературой, с «душеполезными» повестями из патериков и «Великого Зерцала». Повесть может быть истолкована также как притча, а тема самозванства — отрок самовольно занимает «царский престол» Христа — открывала перед читателем широкий простор для исторических ассоциаций.

Г. В. Маркелов (Санкт-Петербург) в своем докладе «„В Смоленску явися волкъ голъ без шерьсти“ (из комментариев к «Летописцу

небесных знамений»)» прокомментировал летописный текст: «В лѣто 6938 в Смоленску явися волкъ голъ без шерьсти и многия люди ѣлъ», который читается в рукописном сборнике XVII века, хранящемся в Отделе рукописей БАН (Собр. Срезневского. № 119). Необычность рассматриваемого сборника, как отметил ученый, состоит в том, что это сообщение снабжено выполненной пером иллюстрацией, и подобных рисунков в сборнике около 40 (столько же оставлено здесь пустых мест для предполагавшихся миниатюр) — все они собраны в тексте под заголовком «Летописец временем и знамением, яже на небеси и на земли». Текст представляет собой первую в древнерусской книжности попытку систематического изображения астрономических явлений, предпринятую неустановленным книжником в 10–20-х годах XVII века, предположительно (на основании приписки) неким иконописцем из Казани, который пользовался не только чрезвычайно широким кругом древнерусских источников, но также гравюрами из изданий немецких хроник.

Доклад Т. И. Афанасьевой (Санкт-Петербург) был посвящен Требнику особого состава, хранящемуся в РНБ (Собр. Погодина. № 312), который благодаря приписке можно связать с известным русским книжником Игнатием Смольнянином, автором «Хожения Пименова в Царьград». Требник содержит новые переводы, выполненные, как показала исследовательница, у южных славян во второй половине XIV века, а также статьи из Мазуринской кормчей. Требники подобного состава, по наблюдениям докладчицы, в южнославянской письменности не известны, поэтому можно предположить, что Игнатий Смольнянин сам создал литургический и канонический сборник в Константинопольском монастыре Пантократора в 1391 году, назвав его «молитвотребник», а это в свою очередь свидетельствует о том, что у смоленских владык в конце XIV века были прямые контакты с византийской столицей, откуда поступали новые переводы богослужебных текстов.

В своем докладе «Некоторые страницы старообрядческой истории Смоленской земли» Е. М. Юхименко (Москва) поделилась новыми архивными материалами, которые позволили уточнить биографию деятеля раннего старообрядчества, писателя и проповедника старца Ефрема Потемкина, происходившего из старинного рода смоленских дворян Потемкиных и принявшего постриг в Бизюковом монастыре. Особый интерес слушателей вызвало сообщение о новонайденном «Кратком сказании о житии и страдании мученика Никиты и его могиле», составленном неизвестным нам по имени старообрядцем г. Гжатска в 1912–1917 годах и сохранившемся в единственной авторизованной машинописной копии своего времени. Юхименко рассказала также о фактах старообрядческой истории Смоленской земли XVIII — начала XX века, подробно остановившись на судьбе старообрядческого священника Семеновского прихода Гжатского уезда, участника Русско-японской и Первой мировой войн Димитрия Смирнова.

Тема старообрядчества была продолжена в докладе Н. В. Понырко (Санкт-Петербург) «Литература русского старообрядчества как культурный феномен», в котором были охарактеризованы три типа литературного творчества, развивавшиеся в старообрядческой среде XVII–XX веков. К первому типу исследовательница отнесла творчество ранних старообрядцев — протопопа Аввакума и его окружения. Второй тип нашел свое воплощение в творчестве выговской школы, ее первыми представителями были братья Андрей и Семен Денисовы, а также их ученики и соратники. С уничтожением Выговской пустыни пришла в упадок и литературная школа, но не разрушилась рукописная стихия, и начиная с середины XVII века вплоть до конца XX века просуществовал тот главный тип старообрядческой литературы, который в структуре доклада получился третьим, но по существу дела был охарактеризован как основной.

Выступление Ацуо Накадзавы (Япония) «Опыт реконструкции княжеской крестоцеловальной грамоты XII–XIII веков» был посвящен крестоцелованию как обряду примирения во время военного конфликта между князьями, появившемуся в летописных источниках с XI века и широко распространившемуся на Руси в XII–XIII веках. Хотя в древнерусских летописях читается много известий о крестоцеловании, сами крестоцеловальные грамоты этого времени до нас не дошли. Ученый обратил внимание на одно из типичных событий того времени — на княжескую междоусобицу Изяслава Мстиславича и Владимирка Володаревича Галицких — и предпринял попытку реконструировать текст крестоцеловальной грамоты, которая должна была и могла быть составлена в 1152 году от имени Владимирка в городе Перемышле. Исследователь полагает, что реконструированный текст и его анализ может дать ответы на некоторые вопросы относительно содержания грамот того времени, а также их дипломатической формы.

В докладе И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) «Воинское повествование: Актуальные проблемы становления и эволюции жанровой формы» были рассмотрены существующие подходы в решении вопросов, что есть «воинская повесть» как жанровая форма, как она складывалась, что оказало влияние на ее формирование. Отметив, что данная проблематика связана с дискуссией о жанрах в древнерусской литературе, исследовательница обратилась к особенностям средневекового исторического повествования, синкретизм которого позволял включать фрагменты разных текстов — исторических, юридических, географических, агиографических. Лобакова высказала мнение, что требуется разделять создание «историй» — произведений со сложным сюжетом, множеством героев и т. д. (например, История

Иудейской войны, Казанская история) — и собственно воинских повестей.

В выступлении Л. В. Соколовой (Санкт-Петербург) «Спорные вопросы изучения „Слова о полку Игореве“, или Почему так долго длятся дискуссии» было показано многообразие этих причин, в разных случаях различных. В одних — они объясняются чрезвычайной сложностью проблемы. Самый яркий пример такого спора — дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве». Для опровержения скептиков потребовались исследования крупных литературоведов, лингвистов, в том числе тюркологов, историков, археологов. Продуктивными исследовательница назвала и споры по поводу «темных мест» памятника, число которых постепенно и неуклонно сокращается. С другой стороны, в изучении «Слова о полку Игореве» есть такие вопросы, спор по которым трудно назвать продуктивным, а в большинстве случаев и научным. В качестве примера бесплодного спора докладчица привела один из самых обсуждаемых вопросов — вопрос об авторе «Слова о полку Игореве», поиск которого продолжается. Соколова критически рассмотрела несколько точек зрения, появившихся в 2000-е годы, заключив, что, видимо, поиски имени автора «Слова о полку Игореве», основанные на данных самого «Слова о полку Игореве» и тех источников, которыми мы сейчас располагаем, не могут завершиться успехом. Обоснованными могут быть лишь общие соображения типологического характера об авторе этого произведения Древней Руси.

Тема «Слова о полку Игореве» была затронута и в докладе В. И. Охотниковой (Псков) «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литература в школе и вузе». Одна из причин того, что школьники имеют весьма поверхностные знания о древнерусской литературе, заключается во многом в том материале, который дается в школьных учебниках. Был дан анализ раздела, посвященного древнерусской литературе и «Слову о полку Игореве» в учебниках литературы 9 класса. На обсуждение были предложены вопросы по содержанию вступительного раздела о древнерусской литературе и на конкретных примерах продемонстрированы неточности теоретического и историко-литературного характера старейшего учебника литературы под редакцией В. С. Коровиной (следует отметить, что раздел о древнерусской литературе в учебнике под редакцией В. С. Коровиной был существенно переработан), учебника С. А. Зинина, В. И. Сахарова и др.

В докладе Н. А. Ивановой (Смоленск) «Законоучителя приходских училищ Смоленской губернии во второй половине XIX века» был дан обзор деятельности православного духовенства по религиозно-нравственному обучению и воспитанию учащихся приходских училищ Смоленской губернии в указанный период. Должность законоучителя не освобождала священника от обязанностей, связанных с церковным служением, что не всегда положительно влияло на результаты обучения. Тем не менее архивные документы, как представила исследовательница, свидетельствуют о достойном выполнении священниками-законоучителями своих обязанностей на ниве народного просвещения.

В выступлении Н. Ю. Налетовой (Смоленск) «Педагогические традиции Древней Руси в контексте культурно-исторического развития русского государства» был дан анализ особенностей развития воспитания и образования в Древней Руси в контексте отечественной культурной традиции, основанной на православном миросозерцании. Автором выявлены педагогические традиции, определившие дальнейший вектор развития русской школы и русской педагогики.

В докладе Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Канон: говорить, сказывать, конархать или петь? По письменным источникам XVI–XX веков» был рассмотрен вопрос исполнения в православном богослужении канона — одного из важнейших гимнографических жанров. По сведениям, содержащимся в уставных и регламентирующих документах, монастырских обиходниках, соборных чиновниках и др. источниках, существовала терминология, раскрывавшая способы произнесения текстов канонов в разные эпохи и в различных уставных условиях. Сопоставление источников, как показала исследовательница, выявило противоречия, имевшиеся между регламентом и реальной практикой. Определяемое уставом «пение» канонов на практике было сопряжено со многими сложностями и было труднореализуемым, поэтому в традиции укоренился упрощенный способ чтения канонов. Однако есть источники (певческие рукописи с нотированными текстами канонов), свидетельствующие о стремлении ввести в богослужебный обряд певческое исполнение канонов, но такое исполнение общепринятой практикой не являлось.

В докладе Н. А. Шереметова (Санкт-Петербург) «Каноны Феодосию Печерскому: источниковедческие поиски и текстология» на материале рукописей конца XIV — XVII века рассматривались каноны преподобному Феодосию Печерскому в службе на преставление святого (3 мая). Выявление в рукописях XV и XVI веков новых списков службы с каноном 6 гласа «*Пресветлыми Божиими лучами…*» позволило целиком восстановить текст акростиха: «ПЕНИЕ ИЗ УСТ, ОТЧЕ, МОИХ ПРИИМИ. ХРИГОРОВ», выделенного еще Ф. Г. Спасским. Наблюдения над содержанием отдельных тропарей акростишного канона и другого канона 8 гласа, известного по самому раннему сохранившемуся списку службы конца XIV века, с началом «*Богоугодный подвиг стяжав…*» показывают, что они составлены под влиянием Несторова Жития Феодосия Печерского. В службе из рукописи Киево-Печерского Патерика 1406 года сохранился, предположительно, фрагмент еще одного раннего канона 8 гласа «*О, Троице Божественная…*», тропари 3-й песни которого являются переработкой соответствующих тропарей канона Феофана

Начертанного, посвященного Савве Освященному (5 декабря).

Конференцию завершил доклад Н. В. Понырко (Санкт-Петербург) «Творения галичского юродивого Стефана Нечаева (к методике изучения древнерусского текста)», в котором исследовательница показала, как источниковедческий анализ рукописи, в составе которой дошел до нас литературный памятник, позволяет раскрыть многие аспекты творчества его автора. В сборнике-конволюте XVII–XVIII веков (РНБ. Q.I.401) сохранился список Прощального послания галичского юродивого XVII века Стефана Нечаева. Рядом с этой копией Прощального послания в сборнике помещен фрагмент рукописи 60-х годов XVII века с крюковыми богослужебными текстами и тремя покаянными стихами. Палеографический анализ текста и новейшие технические методы помогли доказать, что писцом крюкового блока сборника со вставленными в него покаянными стихами является юродивый Стефан Нечаев. В итоге исследователь, отметила Н. В. Понырко, получает право говорить о юродивом Стефане как о поэте и композиторе.

© *Л. В. Павлова,*
© *И. В. Романова,*
© *М. А. Федотова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-288-292

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ ДАВИДОВИЧА ЛЕВИНА

11–12 февраля 2020 года в Пушкинском Доме состоялась международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Юрия Давидовича Левина (1920–2006), известного ученого и переводчика, многолетнего сотрудника Отдела взаимосвязей Пушкинского Дома, почетного доктора Оксфордского университета и члена-корреспондента Британской академии наук. На конференции был затронут ряд тем, связанных с научной и переводческой деятельностью Ю. Д. Левина: русско-английские литературные и культурные контакты, теория и история художественного перевода в России, русская литература в контексте мировой культуры.

Конференцию открыли доклады, посвященные научной и переводческой деятельности Ю. Д. Левина. В докладе Н. Д. Кочетковой (Санкт-Петербург) «Юрий Давидович Левин и британские слависты» говорилось о вкладе, внесенном Ю. Д. Левиным в расширение научных и культурных связей между российскими и английскими учеными. Продолжая труд своего учителя М. П. Алексеева, Юрий Давидович завершил его исследование, посвященное выдающемуся британскому слависту XIX века В. Рольстону. На протяжении всей своей деятельности Ю. Д. Левин постоянно сотрудничал с учеными из разных университетов (Кембриджа, Лондона, Оксфорда, Ноттингема, Бристоля, Глазго). Научные труды Ю. Д. Левина были высоко оценены его английскими коллегами: в 1988 году он был избран почетным доктором Оксфордского университета, в 1994 году — президентом Международной ассоциации гуманитарных исследований.

Э. Кросс (Великобритания) представил мемуарный доклад под заглавием «Мой Левин», в котором подробно рассказал о своем многолетнем знакомстве и сотрудничестве с Ю. Д. Левиным, начавшемся в 1966 году, во время визита Кросса в Пушкинский Дом, и постепенно переросшем в близкую и взаимно доверительную дружбу, продлившуюся более трех десятилетий.

Доклад Н. И. Рейнгольд (Москва) «Вклад Ю. Д. Левина — литературоведа, историка, переводчика — в изучение наследия Сэмюэла Джонсона» развивал положение о наличии связи между тремя ключевыми направлениями в научных интересах Ю. Д. Левина: русско-английскими литературными связями, историей художественного перевода и библиографическим жанром и наблюдениями, которые ученый сделал на основе собранных им библиографических данных о русских переводах Джонсона и восприятии его наследия в России. Отдельно докладчица остановилась на не публиковавшемся ранее переводе Ю. Д. Левиным фрагмента книги Дж. Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона», который будет включен в состав издания «Жизнеописаний прославленных английских поэтов» Джонсона в серии «Литературные памятники».

Доклад О. Б. Кафановой (Санкт-Петербург) «Феномен переводной множественности в концепции Ю. Д. Левина» развивал выдвинутое Ю. Д. Левиным положение, что вследствие многократных переводов возникает «побочное явление, которое можно назвать „множественностью переводного произведения“». Фактически любое классическое иноязычное произведение бытует в культуре во множественности переводов, неизбежно устаревающих с течением времени, развитием литературы и переводческого искусства, поскольку переводчик детерминирован исторической, национальной и литературной обстановкой, в кото-

рой он действует; эта обстановка определяет его стилистическую манеру, эстетические вкусы и идеологию.

Следующее заседание конференции было посвящено близкой Ю. Д. Левину теме литературных и культурных контактов России XVII–XVIII веков. А. О. Дёмин (Санкт-Петербург) в докладе «„Гамлет“ Сумарокова и „Семирамида“ Вольтера» рассмотрел возможность влияния на трагедию А. П. Сумарокова «Гамлет» (1749) трагедии Вольтера «Семирамида» с учетом ее широкой известности задолго до премьеры и публикации. В «Гамлете» отразились также использованные в «Семирамиде» сюжетные ситуации из более ранних и с большой вероятностью знакомых Сумарокову вольтеровских трагедий «Эрифила» и «Меропа».

М. Левитт (США) в докладе «Еще раз о переводе оперы „Селевк“» вновь обратился к переводу либретто оперы Ф. Арайи «Селевк», принадлежность которого Сумарокову он недавно пытался доказать. В данном докладе исследователь перешел к другим аспектам этого перевода, рассмотрев общий вопрос о месте перевода в русском литературном процессе XVIII века и проследив движение от перевода к оригинальному произведению на примере сумароковского перевода оперы «Селевк» и его оригинальной оперы «Цефал и Прокрис».

Доклад А. Ю. Веселовой (Санкт-Петербург) «А. Т. Болотов — переводчик» был посвящен переводческим трудам известного русского мемуариста. Болотовым было выполнено 23 перевода отдельных произведений, из них 4 напечатано и еще 10 сохранились в рукописях. Репертуар этих переводов отражает литературные интересы Болотова: это произведения морально-философского содержания, исторические сочинения и романы. С привлечением архивного материала в докладе были рассмотрены основные этапы переводческой деятельности Болотова и проанализирована оценка Болотовым других переводов, которую он давал в рукописном сборнике критических статей «Мысли о романах».

В докладе Л. Росси (Италия) «„Приглашение“ М. Н. Муравьева или „песня, которую он перевел с аглиского“» шла речь о стихотворении М. Н. Муравьева «Приглашение», в начале XIX века предназначенном для печати самим автором, а до этого включенном им в педагогический рассказ «Феонина цикла» «Осень», где говорится, что это — «перевод с аглиского» одного из героев, господина Алетова. На фоне поэтики оригинальной лирики Муравьева и его переводческой практики рассматривались различные элементы, свидетельствующие в пользу или против гипотезы о переводном характере текста, и приводилось короткое стихотворение английского поэта У. Шенстона, которое могло бы подсказать Муравьеву мотив ухода из города в деревню, присутствующий в рукописном черновике стихотворения.

В докладе А. Ю. Соловьева (Санкт-Петербург) «„Письма из Лондона“ П. И. Макарова» на примере небольшого травелога, впервые опубликованного в 1803 году, была затронута проблема восприятия английского национального характера в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Образы Лондона и его жителей в произведении Макарова получают двойственную трактовку. Докладчик предположил, что это следствие игры с читателем, предпринятой автором, который воспользовался парадоксом Л. Стерна из «Сентиментального путешествия» (о том, что французы «слишком серьезны»), чтобы на композиционном уровне своего произведения обратить его против самих англичан.

В. И. Симанков (Санкт-Петербург) представил тезисный доклад «Пирогоща, Гостомысл, Радогост и другие: откуда берет свое начало древнерусское гостелюбие?». По мнению докладчика, традиционное представление о связи славянских имен на -гощ- / -гост- с готским gasts ‘гость’ должно быть поставлено под сомнение хотя бы потому, что ареал распространения топонимов с указанным компонентом значительно шире, чем ареал расселения готов. Докладчик предположил, что композит Пирогоща состоит из двух основ, восходящих к и.-е. **peu̯ōr*, *pŭr* ‘огонь’ и и.-е. **gu̯es-*, *gu̯os-*, *gus-*, *gu̯oz-do-* ‘лес, дерево, куст’, и сумма этих основ дает не «огнем горящая», но «огненный куст» («неопалимая купина»). Вероятно, язык, в котором **Пирогост* / **Пирогаст* означает «горящий куст», должен быть по природе своей палеобалканским.

На третьем заседании были представлены доклады по истории художественного перевода и литературных заимствований в России XIX века — тема, в изучение которой Ю. Д. Левин также внес весомый вклад. М. Э. Баскина (Маликова) (Санкт-Петербург) в докладе «„Литературный словарь бесконечно малых“, или „Житель Выборгской стороны“» реконструировала фигуру скрывшегося под указанным в заглавии псевдонимом автора статьи «О переводах», печатавшейся в трех номерах журнала «Благонамеренный» за 1822–1823 годы. В докладе было выдвинуто предположение о мозаичном авторстве статьи: ее собственно переводоведческий каркас — разделение переводов на «творческие», «подражания» и «рабские», а также иронически сформулированные «правила» для них, — возможно, принадлежит литературному поденщику и близкому сотруднику «Благонамеренного» Б. М. Федорову, а примеры, крайне небрежно иллюстрирующие «правила» для разных типов перевода, подобраны А. Е. Измайловым из запасов его редакторской памяти, в основном из малозначительных произведений.

А. В. Волков (Санкт-Петербург) в докладе «О французском посредничестве в русских переводах античной литературы (первая четверть XIX века)» показал, что наиболее частой практикой в ту эпоху были стихотворные переложения древнегреческой поэзии с французских прозаических переводов; в ряде случаев источником перевода служили вольные французские переделки античной литературы.

Римская поэзия чаще переводилась с оригинала, хотя случаи французского посредничества также наблюдались. Распространенной практикой был перевод с французского сочинений античных историков и биографов. Французского влияния не избегли и переводчики, владевшие классическими языками: свои переводы они сопровождали компилятивными примечаниями, основанными на работах французских комментаторов.

Д. В. Токарев (Санкт-Петербург) в докладе «Метафизика перевода у П. А. Вяземского», проанализировав работу Вяземского над переводом «Адольфа» Б. Констана, установил, что Вяземский рассматривает понятие метафизического языка в контексте усилий по выработке нового русского языка, который, с одной стороны, будет национальным, а с другой, обретет наднациональный статус. Такой язык может быть образован только в процессе его «пытливого» сопоставления с другими языками, т. е. в процессе перевода, понимаемого не только как перевод конкретного иностранного текста, но и как перекодирование собственного языка, которому навязываются чуждые ему синтаксические и смысловые структуры.

Доклад Тянь Вэньцзюань (Санкт-Петербург) был посвящен анализу малоизученной поэмы И. И. Козлова «Невеста Абидосская» (1826), которая является русской версией восточной поэмы Дж. Байрона «The Bride of Abydos: A Turkish Tale». Особое внимание докладчица уделила обращению английского автора и его русского переводчика с восточной лексикой, важной составляющей «восточного колорита». Байрон ввел в свою поэму множество восточных слов способом транслитерации и при этом снабдил ее объемными объяснительными примечаниями. Козлов же уменьшил количество экзотизмов и авторских примечаний с целью обеспечения прежде всего эстетической ценности перевода.

Л. А. Курышева (Новосибирск) в докладе «Об английском источнике русской баллады Н. Ф. Грамматина „Услад и Всемила“» представила доказательства того, что оригинальная русская баллада «Услад и Всемила» (1810) написана Грамматиным под влиянием знакомства с балладой М. Г. Льюиса «Храбрый Алонзо и прекрасная Имоджина» (1796). В ходе исследования была предпринята попытка установить, какой текст стал непосредственным источником для русского автора — английский оригинал, французский перевод-посредник (1797) или русский перевод (1803). Через поиск возможных отражений в русском сочинении художественных особенностей непосредственного источника докладчица приходит к выводу о том, что, вероятнее всего, Грамматин познакомился с балладой Льюиса в оригинале.

Второй день конференции открылся заседанием, продолжившим тему истории художественного перевода и литературных взаимосвязей в России. Выступление В. Е. Багно и Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) «Верлен в подстрочнике и Верлен в переводе: творческая лаборатория Ф. К. Сологуба» было посвящено становлению переводческой манеры Федора Сологуба. Изучение архива поэта позволило выявить ряд подготовительных материалов к его переводам из Поля Верлена, в частности автоподстрочники. Исследователи показали, что подстрочники Сологуба представляют собой гибридный жанр (подстрочник с вкрапленным в него большим количеством выписанных из словаря различных вариантов перевода слов, встретившихся в переводимом тексте); на их основе поэт-переводчик подбирал те русские слова, которые позволяли ему создать аналогичную оригиналу, но абсолютно новую лексическую, грамматическую, метрическую, фонетическую и эмоциональную вязь, близкую его мироощущению и эстетическим взглядам.

М. Л. Андреев (Москва) в докладе «Гольдони в переводах А. В. Амфитеатрова» проанализировал переводы «Комического театра» и «Лгуна», вошедшие в состав первого русского собрания сочинений Карло Гольдони (1922) и подписанные фамилиями самого А. В. Амфитеатрова и И. В. Амфитеатровой, его второй жены, актрисы. «Комический театр» переведен точно, в «Лгуне» пропущены десятки отдельных фраз, десятки реплик и целая сцена: Амфитеатровы убирают из своего перевода излишние, на их взгляд, детали, повторы, разъяснения, отступления, все, что замедляет ход разговора и притормаживает ход действия. Вольность и точность, вполне уверенно обозначенные, представлены в переводах этих двух пьес как два равновозможных способа передачи иноязычного текста.

В докладе К. Ю. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербург) «Вячеслав Иванов — переводчик Франческо Петрарки» рассматривались переводы Вяч. Иванова из Петрарки в связи с концепцией поэтического перевода как истолкования, сформулированной русским поэтом-символистом в примечаниях ко второму изданию его переводов из Алкея и Сапфо в 1915 году и неизменно сохранявшей актуальность для его творчества в течение всей его жизни. Исследователь показал, что Иванов предпринял последовательное «переписывание» Петрарки не языком «гармонической точности», а собственным художественным идиолектом, которому сопутствуют и игнорирование ряда сегментов оригинала, и добавки, и смена как стилистического регистра, так и коннотаций.

П. Р. Заборов (Санкт-Петербург) в докладе «Академик А. Н. Веселовский и его сиятельный ученик» осветил деятельность графа А. А. Бобринского (1859–1930), выпускника историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, ученика академика А. Н. Веселовского. Именно ему Бобринский был обязан и образованием, и выбором темы своего главного исследования, посвященного французской гадательной книге XV века, и вообще интересом к западноевропейскому Средневековью. Кроме того, Бобринский сыг-

рал существенную роль в организации при университете Романо-германского отделения Филологического общества и издании его трудов.

В. В. Филичева (Санкт-Петербург) в докладе «О неосуществленном издании сочинений Вальтера Скотта в издательстве „Academia“» рассказала о подготовленном А. И. Яковлевым переводе романа «Айвенго» для Собрания сочинений В. Скотта. Предоставленные составителем перевод, вступительная статья и примечания к тексту не отвечали требованиям, предъявляемым к книгам в «Academia». Принципиальная позиция Яковлева, убежденного в правильности изложения и трактовки исторических реалий и в точности перевода, не позволила редакции провести необходимую работу над текстом, и том не был выпущен. Материалы издательства «Academia» (РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. № 198) не только позволяют взглянуть на работу внутри издательства и редакции, которая определяет качество издания и сказывается на судьбе текстов и авторов, но и отражают репутацию Вальтера Скотта в 1930-х годах.

Отдельную секцию составили доклады по таким близким Ю. Д. Левину темам, как проблемы художественного перевода и творчество У. Шекспира. И. О. Шайтанов (Москва) в докладе «Сонеты Шекспира: комментарий к двуязычному изданию» обратился к распространенной в последние десятилетия практике двуязычных изданий зарубежной поэзии, отметив, что принципы подачи текстов в большинстве подобных изданий остаются достаточно примитивными; в первую очередь это касается комментария, который относится к тексту оригинала, но не замечает присутствия переводного текста. Комментарий, подготовленный к новому изданию шекспировских сонетов, написан между двумя текстами, акцентируя то, что обязательно должно быть переведено, компенсировано, поскольку иначе переводной текст непозволительно расходится с оригиналом, с его речевым строем.

И. И. Чекалов (Санкт-Петербург) в докладе «Любовное томление у шекспировского Ромео и марстоновского Антонио» сопоставил экспозиции пьес Шекспира «Ромео и Джульетта» и Дж. Марстона «Антонио и Меллида» и установил, что важным композиционным значением обладает не только фабульное, но и фразовое сходство, направляющее внимание зрителей марстоновской пьесы к экспозиции шекспировской. Изменение драматургического контекста действия у Марстона по сравнению с «Ромео и Джульеттой» — перевод действия из жанра трагедии в жанр комедии при сохранении исконной ситуации шекспировской пьесы — представляет собой источник пародийного начала в «Антонио и Меллиде».

И. В. Ершова (Москва) в докладе «Неслыханная простота, или Как переводить древнюю литературу?» затронула проблему перевода средневековой классики, прежде всего текстов XII–XIII веков, созданных либо на вульгарной латыни, либо на романских языках для широкого потребления. Опираясь на рассуждения Б. И. Ярхо и С. С. Аверинцева о принципах перевода старого текста, исследовательница выдвинула тезис, что одним из показателей необычности старинных текстов становится особого рода «простота», понимаемая не как оценочный эпитет, но как свойство поэтики; материалом для исследования этой особенности и ее демонстрации в докладе послужили фрагменты переводов Б. И. Ярхо и Ю. Б. Корнеева «Песни о моем Сиде», а также переводы житий из «Золотой легенды» Якова Ворагинского, сделанные И. В. Кувшинской и М. Л. Гаспаровым.

А. И. Жеребин (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Переводоведение или транслатология?», в котором предпринял опыт разграничения двух этих терминов. Материалом анализа послужил ряд авторитетных исследований русских и иностранных авторов, посвященных проблеме перевода. В качестве примера транслатологической ориентации выступают исследования Д. Стайнера, реализующего психологический вариант транслатологического подхода, и Ю. М. Лотмана, представляющего его социокультурный вариант. Пример более традиционного переводоведческого подхода дает статья Ю. Н. Тынянова «Тютчев и Гейне» — классический образец отечественной компаративистики, подтверждающий тезис о том, что термины «переводоведение» и «транслатология» не тождественны по смыслу, хотя и связаны отношением комплементарности.

Г. М. Кружков (Москва) в докладе «„Пересадка поэтических растений“ (К вопросу об адаптации перевода)» развил мысль о том, что при переводе поэтического текста на иностранный язык разрывается множество тонких связей в родной литературе, которые питали это стихотворение, поэтому, чтобы оно укоренилось в литературе-восприемнице, переводчику необходимо заменить утраченные связи на новые. В докладе было приведено несколько примеров такого укоренения стихов Верлена, Петрарки, Китса, Гарди, Киплинга и Йейтса в переводах Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Фрейдкина, а также взятых из собственной практики автора.

Завершили конференцию доклады, рассматривающие вопросы восприятия русской литературы в Европе и западных литератур в России. В. В. Аствацатурова (Санкт-Петербург) в докладе «Лев Толстой и английский семейный роман: Преемственность и полемика» на примере «Анны Карениной» в сопоставлении прежде всего с «Домби и сыном» Ч. Диккенса показала, что диккенсовские мотивы, вплетаясь в ткань толстовских произведений, в конечном итоге приводили Толстого к полемике с викторианским семейным романом.

Р. Ю. Данилевский (Санкт-Петербург) в докладе «„Зеленый Генрих“ Готфрида Келлера в русском восприятии» кратко рассмотрел историю знакомства русского читателя с классиком

швейцарско-немецкой литературы Г. Келлером и наиболее значительным его произведением — автобиографическим романом «Зеленый Генрих», вышедшим в двух редакциях. Контекстом к анализу рецепции романа в России выступил обзор русских переводов произведений Г. Келлера, выпущенных в России в XX веке.

Доклад К. С. Корконосенко (Санкт-Петербург) «Хосе Ортега-и-Гассет и Пио Бароха: спор о романе, диалог о Достоевском» был посвящен сопоставлению двух принципиально различных видений творчества русского классика, принадлежащих двум испанским авторам. В 1925 году философ Ортега-и-Гассет и романист Пио Бароха опубликовали программные статьи о природе романа как жанра и о значении романной техники, таким образом придав публичный характер своему дружескому «спору о романе» (глава «Достоевский и Пруст» из знаменитых «Мыслей о романе» Ортеги и пролог к роману Барохи «Корабль дураков»). Одной из интеллектуальных «площадок», на которых развернулся этот спор, явились произведения Достоевского.

В докладе И. В. Аршиновой (Санкт-Петербург) «Романы на русскую тему в рецензиях Англо-русского литературного общества» были проанализированы рецензии Англо-русского литературного общества, посвященные англоязычным романам на русскую тему рубежа XIX–XX веков. Этот анализ позволил проследить эволюцию взглядов Общества на подобного рода тексты — от практически полного игнорирования и теоретически обосновываемого неприятия до прагматического интереса и сдержанного одобрения.

В докладе О. Р. Демидовой (Санкт-Петербург) «Литература русской эмиграции: философия творчества в поликультурном пространстве» на материале литературы и литературного быта русской эмиграции первой волны были рассмотрены стратегии и механизмы, которые в разные периоды времени использовались как в процессе взаимодействия литератур различных ветвей диаспоры друг с другом, так и при непосредственном и/или опосредованном взаимодействии каждой из них с литературами стран пребывания. Эмиграция кардинально меняла принцип культурного взаимодействия, поскольку пребывание внутри иного культурного сообщества значительно расширяло возможности выбора и векторов творческого формирования, позволяя ориентироваться не только на единые для диаспоры аксиологические и эстетические установки, но и на собственные творческие преференции.

Во время конференции была проведена выставка к 100-летию Ю. Д. Левина, подготовленная П. В. Бекединым (Санкт-Петербург).

© А. В. Волков,
© Тянь Вэньцзюань (КНР)

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-292-294

ЧЕТВЕРТЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. А. АБРАМОВА»

Четвертый научный семинар «Русская литература в советскую эпоху: к 100-летию со дня рождения Ф. А. Абрамова» состоялся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 5 марта 2020 года. Семинар проходил в рамках юбилейных мероприятий, посвященных памяти Федора Абрамова, писателя традиционалистской школы, зачинателя «деревенской прозы». Говоря о мировом значении его литературного наследия, Н. А. Прозорова обозначила основные направления в изучении творчества писателя. Она отметила онтологический интерес гуманитариев к герою абрамовской прозы — человеку как частице бытия и природы, подчеркнула важность осмысления христианских образов, сюжетов и мотивов древнерусской литературы, проявившихся в произведениях «ленинградского деревенщика». Среди современных разысканий ведущая выделила работы по архетипике, мифопоэтике и литературному фольклоризму наследия Абрамова, а также сказала, что творчество писателя изучается как северный текст. Помимо актуальной поэтики Прозорова обратила внимание на важность биографических штудий и написания творческой биографии Абрамова с опорой на неизвестные историко-культурные архивные источники.

На заседании присутствовала племянница писателя Г. М. Абрамова, которую участники семинара и гости приветствовали аплодисментами.

Е. И. Якубовская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Фольклорные записи Ф. Абрамова 1939 года и творческая лаборатория писателя (по материалам Пушкинского Дома)». Сообщение базировалось на фольклорных записях, сделанных Абрамовым в 1939 году и хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ. Докладчица обозначила состав Пинежской коллекции (всего более 300 произведений, среди которых былина, исторические, рекрутские

и солдатские, лирические и свадебные, плясовые и игровые песни, частушки, заговоры, похоронные и свадебные причитания) и отметила профессиональный подход молодого собирателя к материалу: широкий охват местного репертуара, полноту передачи традиции, художественную ценность записанных текстов и вариантов. В центре сообщения было аналитическое прочтение ранних редакций романа «Две зимы и три лета», включающих описание похорон Трофима Лобанова, изъятое в свое время по цензурным соображениям. Якубовская обратила внимание слушателей на то, что в причет Александры (дочери Трофима) Абрамов ввел ключевые «уставные» строки, записанные им в 1939 году от односельчанки Е. А. Постниковой, и показала, как причитание по отцу разрастается в крупную драматическую сцену, где писатель воссоздает плач, вполне традиционный по лексике, композиции и типологически точным образам. Вдохновенный текст был опубликован вдовой писателя Л. В. Крутиковой. Выступление Якубовской сопровождалось исполнением причитаний и вызвало живой интерес в зале.

Доклад «Трансформация „георгиевского комплекса“ в тетралогии Ф. Абрамова „Братья и сестры“» Н. В. Ковтун (Красноярск) был построен на осмыслении литературного архетипа «двойничества» и его реализации в центральном произведении писателя. Было обращено внимание на ключевые образы тетралогии — Михаила Пряслина и Егорши Ставрова-Суханова, воплощающие в первых романах «близнечную пару», а затем реализующие эсхатологическую русскую модель двойников-антагонистов. По мнению докладчицы, художественно переработанный в тетралогии сюжет о Егории Храбром, усвоенный писателем вместе с севернорусской крестьянской культурой и народным православием, предлагает еще один вариант двойничества: Георгий Победоносец и Егорий-бедоносец («худой Егорка»). Его рассмотрение было дано в широком семантическом поле, с анализом сложного комплекса национальных мотивов и образов, закрепленных в исторической памяти народа.

О. Д. Трушин (Москва) выступил с сообщением «„И где гарантия, что с нами ничего не случится?“: завещание Ф. Абрамова, написанное в разгар травли А. Солженицына». Докладчик обратился к эпизоду биографии Абрамова 1972 года, когда писатель предложил к публикации в «Новый мир» роман «Пути-перепутья», получил отказ, и лишь при содействии Н. П. Демичева третья книга тетралогии была опубликована в журнале. В 1973 году началась газетная кампания против А. И. Солженицына и академика А. Д. Сахарова, обвинявшихся в клевете на государственный и общественный строй. После публикации коллективного письма членов Академии наук, осуждавших поведение Сахарова, 31 августа 1973 года «Правда» напечатала аналогичное по содержанию письмо советских писателей; фамилии Абрамова среди подписавших не было. Гражданская позиция писателя имела резонанс: печать его произведений была остановлена, в адрес Абрамова стали поступать угрозы. В сложившейся обстановке, опасаясь за свою жизнь, 15 октября 1973 года писатель составил завещание, сделав распоряжения на случай внезапной гибели. Трушин познакомил участников семинара с текстом завещания и отметил, что возникшее напряжение помог снять Демичев, встретившийся с Абрамовым 1 ноября 1973 года.

В докладе «„Его устами говорила правда“: нравственно-этические уроки Ф. А. Абрамова» В. П. Муромский (Санкт-Петербург) задался целью определить место писателя среди современников и единомышленников. Исследователь затронул вопрос о понимании Абрамовым своей миссии (писать правду), проанализировал его публицистику (статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» и «Чем живем-кормимся?»), народные характеры тетралогии и отметил феномен автора, в котором крестьянские «корни» органически соединились с рефлексией, свойственной русскому интеллигенту.

Сообщение Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Репутация М. Зенкевича в 1930-е годы: проблема литературного самоопределения» было посвящено творческой стратегии поэта-акмеиста М. А. Зенкевича в советское время. Поэт-экспериментатор, автор поэтического сборника «Дикая порфира» (1912) заново вписывал себя в пореволюционный литературный процесс. Общественно-политическая жизнь конца 1920-х — 1930-х годов предъявляла к уже сформировавшемуся имиджу писателя советской республики новые требования, в угоду которым стремление бывшего акмеиста *быть* оригинальным сменилось желанием *казаться* типичным советским писателем. По мнению докладчицы, сложность положения Зенкевича заключалась в том, что собственное литературное творчество он разделил надвое. С одной стороны, поэт был вынужден участвовать в процессе выполнения «соцзаказа»: создавать образы «обновленной, преобразованной жизни», вспоминать о героях «народной вольницы», предшествовавшей революции 1917 года, участвовать в сочинении «новой календарной поэзии» и т. д. С другой стороны, созданная в 1930-е годы лирика «для себя», которая в совокупности образовала оригинальный, но при этом скрытый от читателей мир, не соответствовала идеологическим и эстетическим установкам эпохи. Игошева отметила, что одна из причин «раздвоения» поэта заключалась в том, что Зенкевич никогда не брал на себя полномочий «водителя», «воспитателя», «учителя» и не причислял себя к «инженерам человеческих душ». Роль «поэта-трибуна», «поэта-оратора», смоделированная Маяковским, была также неприемлема для Зенкевича, считавшего поэзию частным делом. Эпоха навязывала писателю публичный и социально активный образ действия, который не совпадал с представлениями автора «Дикой порфиры» о роли поэта и поэзии. Цитируя произведения

1930-х годов, исследовательница показала, как в этой «вилке» («быть» поэтом и «казаться» советским писателем) реализовывались творческие интенции Зенкевича.

В докладе «Ольга Берггольц и Юрий Герман: групповой портрет на фоне „железного Феликса“» Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) рассказала о непростых («гамсуновских») взаимоотношениях двух современников. С опорой на мемуарные источники она показала, как на фоне историко-культурных и политических событий писатели переходили от взаимного «притяжения» к «отталкиванию». Внимание было уделено актуальной для литературы советского периода теме «железного Феликса» и созданию апологетического образа чекиста сначала В. Маяковским и Э. Багрицким, а затем Ю. Германом, выполнившим социальный заказ сполна. Прозорова проанализировала резко отрицательное отношение Берггольц к книге Германа «Рассказы о первом чекисте» (1940), в которой автор опустился до подобострастной риторики сталинской прессы. Иной отклик получила у поэтессы пьеса Германа «За тюремной стеной» (1956). Заявленная в ней тема тюремных беззаконий была актуальна для общества, выходящего из эпохи репрессий. Берггольц усмотрела в тексте не иллюстрацию к жизнеописанию Дзержинского (драматический конфликт был взят из ранней биографии чекиста), а «современную» правду — собственный тюремный опыт 1938–1939 годов. Опираясь на записи Берггольц ко второй, ненаписанной части «Дневных звезд», в которой поэтесса собиралась «неразрывно спаять тюрьму с блокадой», Прозорова объяснила, почему не столько образ Дзержинского, который, впрочем, показался поэтессе «великолепным», сколько сама тема пьесы «рванула за душу» блокадную музу.

Е. В. Воскобоева (Санкт-Петербург) в сообщении «Из неопубликованного наследия Е. Л. Шварца: пьеса „Волшебные очки“ (1945)» рассказала о том, что в государственных архивах и личных собраниях хранится немало разножанровых произведений драматурга, и поделилась своей находкой. Обнаруженная в РГАЛИ пьеса «Волшебные очки» была написана Шварцем для детского театра и представлена к цензурному рассмотрению в феврале 1945 года, но поставлена не была. В начале 1945 года семья Шварцев вернулась из эвакуации вместе с Н. П. Акимовым и Театром комедии в Ленинград. Перед этим Шварцы остановились в Москве, где, как предполагает докладчица, и была создана пьеса (на это указывают пометы в тексте и упоминание о 14-й школе Бауманского (ныне — Басманного) района). Одноактная пьеса «Волшебные очки» имеет несложный сюжет (волшебник растит непослушную дочь Марусю с помощью очков, через которые видит правду), воспитательную направленность и функционально может быть соотнесена со «Сказкой о потерянном времени» (1940) и «Двумя братьями» (1943). Докладчица видит перспективу изучения новонайденной пьесы в контексте наследия, созданного драматургом в эвакуации.

На заседании выступили В. П. Бударагин и Н. В. Понырко и поделились своими воспоминаниями об Абрамове. Участники семинара и гости ознакомились с юбилейной выставкой «„Увеличить добро на земле“: к 100-летию со дня рождения Ф. А. Абрамова», развернутой в Пушкинском Доме на базе рукописных и изобразительных материалов из архива Ф. А. Абрамова, хранящегося в Рукописном отделе, и экспонатов Литературного музея ИРЛИ РАН.

© Н. А. Прозорова

ПАМЯТИ
ВЯЧЕСЛАВА АНАТОЛЬЕВИЧА КОШЕЛЕВА

16 июля этого года не стало Вячеслава Анатольевича Кошелева (1950–2020), известного ученого, яркой, неординарной личности, чья научная судьба оказалась неразрывно связана с Пушкинским Домом. В. А. Кошелев поступил в очную аспирантуру ИРЛИ РАН после службы в рядах Советской армии в середине 1970-х и казался старше не только по возрасту, но и по жизненному опыту. В нем привлекала какая-то редкая самостоятельность мысли и поступков, а еще огромные знания, которых многим из поступавших явно не хватало. Вячеслав Анатольевич был прирожденным филологом. Кроме того, он обладал феноменальной памятью. Во времена, когда еще не было Интернета, он безошибочно мог ответить на любой вопрос, назвать даты жизни любого русского писателя и поэта, определить источник той или иной цитаты. При этом он никогда не кичился своими знаниями и был готов помочь коллегам в любом деле.

Тема, которую он выбрал для кандидатской диссертации, была не из легких и отнюдь не из «проходных»: литературная борьба 1840-х годов и славянофилы. Отношение официальной науки к этому сложному и неоднородному явлению было в то время далеко не однозначным. Это теперь наследие братьев Аксаковых, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, братьев Киреевских изучается, издаются собрания их сочинений, защищаются десятки, если не сотни кандидатских и докторских диссертаций. Тогда же слово было за их идейными оппонентами — А. И. Герценом, В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Д. И. Писаревым. Припоминается, как один из редакторов издательства «Наука» возмущался, что Ученый совет Пушкинского Дома пропустил монографию В. А. Кошелева, в которой учение Белинского подвергалось сомнению, и даже требовал снять некоторые цитаты. Ему было неважно, что цитаты принадлежали видным деятелям славянофильства, просто их не должно было быть. Разумеется, Вячеслав Анатольевич наотрез отказался что-либо менять и отстоял свою позицию. При этом сам он отнюдь не придерживался славянофильских воззрений. Просто считал необходимым представить соответствующее учение, не осуждая или восхваляя, а в согласии с внутренним содержанием. И такому подходу он остался верен как ученый до конца. Стиль научных трудов В. А. Кошелева был классически ясным и четким, модные термины никогда не привлекали его внимания. Главная заслуга ученого состояла в том, что он безошибочно находил и закрывал «белые пятна», остававшиеся неисследованными или забытыми. В. А. Кошелев один мог написать историю русской литературы. Впрочем, отчасти он это и сделал, выпустив несколько пособий по истории русской литературы XIX века.

До окончания срока аспирантуры В. А. Кошелев блестяще защитил кандидатскую диссертацию, и ему было предложено возглавить Рукописный отдел ИРЛИ РАН, в котором его прекрасно знали как исследователя, целенаправленно готовившего к публикации множество архивных материалов. Он отказался. Возможно, его душа требовала большего простора, большего размаха. Вскоре последовало другое, весьма далекое от академической науки предложение: занять место проректора Череповецкого государственного педагогического института им. А. В. Луначарского. И оно было принято. Это был редкий случай, когда столь значимое место занял совсем еще молодой человек, которому не исполнилось и тридцати лет. И тут открылась новая сторона дарования В. А. Кошелева: он оказался великолепным организатором. Очень скоро Череповецкий педагогический институт выдвинулся в ряды передовых вузов: здесь проводились масштабные научные конференции, куда съезжались ученые со всей России, выпускались научные труды, был организован Ученый совет по защите кандидатских и докторских диссертаций. И в дальнейшем, куда бы судьба ни забрасывала В. А. Кошелева, повторялась та же история: возникал диссертационный совет, защищались молодые ученые, издавались сборники научных трудов, проводились конференции. Казалось, В. А. Кошелев притягивал людей как магнит, оставаясь при этом скромным и сдержанным человеком. На вопрос, как ему удается сочетать научную, преподавательскую и организаторскую деятельность, он только отмахивался, мол, сам не понимает, как это получается. Однажды, правда, признался, что привык работать каждый день, не давая себе права на безделье и ожидание вдохновения.

Сотни учеников по всей России с благодарностью вспоминают и будут вспоминать неизменную благожелательность, умение пробудить исследовательский интерес в юных студентах, подсказать интересную тему и выйти на самостоятельный путь. Десятки докторов наук, сотни кандидатов вышли из-под крыла

В. А. Кошелева, который очень скоро занял одно из ведущих мест в современном научном процессе. И это был заслуженный успех. Более 400 статей по самой разной тематике, в том числе увидевших свет на страницах журнала «Русская литература», с которым Вячеслав Анатольевич долгие годы сотрудничал не только как автор, но и как эксперт, около 15 монографий (некоторые находятся в печати), десятки публикаций забытых или малоизвестных сочинений отечественной словесности, а еще сотни рецензий, отзывов, оппонирования, тысячи прочитанных лекций и выступлений на научных конференциях — таков внушительный итог этой поистине подвижнической жизни ученого, педагога, культуртрегера в самом высоком смысле этого слова. В. А. Кошелев был связующим звеном между университетской и академической наукой, между городами и весями России. Без всяких видимых усилий с его стороны авторитет ученого был завоеван им сразу и на всю жизнь. И этот авторитет не может быть поколеблен никакими превратностями времен.

За всеми перечисленными заслугами стояла высоконравственная личность человека устоявшихся моральных понятий, человека долга, человека прямого и принципиального. Друзья могли положиться на него всегда и во всем, враги не могли не уважать за открытость и честность позиции. Слово *верность*, пожалуй, будет самым подходящим, если можно одним словом охарактеризовать человека. И Пушкинскому Дому, своей alma mater, Вячеслав Анатольевич остался верен до конца. Он был своим человеком и в Рукописном отделе, и в Отделе пушкиноведения, и, конечно, в Отделе новой русской литературы, принимая непосредственное участие в издании полных собраний сочинений русских классиков, публикуя статьи и материалы в серийных сборниках, выступая на пушкинодомских конференциях. В течение двадцати лет В. А. Кошелев являлся главным редактором и активным участником Собрания сочинений и писем А. А. Фета, не говоря о том, что он был и его главным инициатором. За несколько дней до смерти он успел прислать тезисы будущего доклада на юбилейной конференции, посвященной 200-летию поэта.

Светлая память большому ученому и большому человеку!

Н. П. Генералова,
М. Н. Виролайнен,
В. Е. Багно,
И. Ф. Данилова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА» В 2020 ГОДУ

	№	Стр.
СТАТЬИ		
Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М. Антропонимы в русской литературе XVIII века: о некоторых аспектах функционирования имени в оде и трагедии	3	5
Иванова Т. Г. Трансформации былинного типического места «расспросы о роде-племени» в исторической песне о Степане Разине	1	5
Краснобородько Т. И. О второй стихотворной вставке в пушкинской «<Повести из римской жизни>» («Что с тобой, скажи мне, братец?..»)	2	5
Понырко Н. В. Протопоп Аввакум как проповедник (к 400-летию со дня рождения)	4	5
Степанищева Т. Н. (*Эстония*). Дебют А. А. Бестужева-прозаика (к характеристике «марлинизма»)	3	20
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ		
Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. А. Фролова)	4	136
Сальман М. Г. Два ученика профессора С. А. Венгерова (по архивным источникам)	1	21
В ПРЕДДВЕРИИ ГОДА ДОСТОЕВСКОГО		
Багно В. Е. Ясные поляны и петербургские углы России и русской литературы (прогнозы и пророчества Э. Пардо Басан)	3	74
Димитриев В. М. «Достоевский» Андре Жида в Русском Зарубежье	3	93
Плюханова М. Б. (*Италия*). О значении параллельных сцен и сквозных мотивов в «сверхромане» Ф. М. Достоевского: поиски метода между Иннокентием Анненским и «новой критикой»	3	84
Чернова Н. В. «Любите вы уличное пение?»: осуждение Раскольникова народным хором	3	68
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. БАРАТЫНСКОГО		
Бодрова А. С. Неизвестное письмо Е. А. Баратынского к А. И. Тургеневу (к истории литературных отношений)	3	50
Мазур Н. Н. «Подобие того-сего»: коннотации шампанского в русской поэзии 1810–1830-х годов	3	34
Охотин Н. Г. Из комментария к «Приметам» Е. А. Баратынского	3	58

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ФЕТА

Генералова Н. П. А. А. Фет о книге и круге чтения (письмо к М. М. Ледерле от 25 июня 1891 года) 4 55

Гродецкая А. Г. «О своих стихах... как о чем-то постороннем»: поэзия Фета в мемуарной прозе «Ранних годов моей жизни» 4 49

Ипатова С. А. Об одной стихотворной пародии Нового Поэта (И. И. Панаева) на Фета (1847) 4 21

Кузьмина И. А. О датировке фотопортрета А. А. Фета работы М. Б. Тулинова 4 44

Лукина В. А. А. А. Фет и Е. В. Новосильцева в работе над переводами из Беранже . . 4 31

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. БУНИНА

Бакунцев А. В. Неизвестные автографы И. А. Бунина в фондах Театрального музея имени А. А. Бахрушина 3 111

Двинятина Т. М. «За стенами разрушенного и поруганного Сиона»: И. А. Бунин в 1917–1921 годах 3 117

Коростелев О. А. «Смерти нет!»: Г. В. Адамович о И. А. Бунине 3 105

Морозов С. Н. Рассказ И. А. Бунина «Цикады»: история текста 3 129

Пономарев Е. Р. Рассказы «круга „Темных аллей“» 3 141

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БЛОКА

Быстров В. Н. Заметки комментатора к «ежедневнику» А. А. Блока 1915 года 4 91

Грякалова Н. Ю. К кому же все-таки обращено стихотворение А. А. Блока «Испанке»? 4 82

Иванова Е. В. А. А. Блок в работе над проектом «Сто лучших русских книг». Приложение. Русск<ие> писатели по годам рождения (XVIII и XIX и XX) . . . 4 109

Кузнецова О. А. «Последние дни императорской власти» А. А. Блока: жанровая природа и авторское начало 4 100

Томи Хуттунен (*Финляндия*). «В тени последней кулисы...»: Антти Тииттанен — переводчик А. А. Блока и посредник между русской и финской литературами . . 4 128

Топорков А. Л. Фольклорные стилизации И. П. Сахарова в статье А. А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» 4 65

Н. И. НОВИКОВ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВЕКА

Кочеткова Н. Д. Литературные приоритеты Н. И. Новикова 2 19

Николаев С. И. «Превеликие надежды» русской поэзии в словаре писателей Н. И. Новикова 2 35

Симанков В. И. Д. И. Фонвизин как «российский Боало»: к истокам одной номинации в сатирических журналах Н. И. Новикова 2 25

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Азадовский К. М. Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик. Приложение. **Александр Браунер**. Письма Федору Сологубу 1897–1912 годов (подготовка текста и комментарии М. М. Павловой) 1 122

Баршт К. А. Текстологические принципы издания романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в академическом полном собрании сочинений: вопросы пунктуации 4 203

Баскина (Маликова) М. Э. К описанию «филологического перевода» 1930-х годов: как сделан перевод «Жизни» Бенвенуто Челлини М. Л. Лозинским 1 189

Баскина (Маликова) М. Э., Волков А. В. Что же писал о переводах Житель Выборгской стороны 3 182

Богомолов Н. А. «Пушкин — Центрифуге». История неизданного сборника 4 240

«...В тебе две души — одна: Ангел! другая: Скотина!..» (письмо В. А. Жуковского к А. А. Воейковой от 27 августа 1823 года) (вступительная статья и комментарии С. В. Березкиной; подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой). 2 48

Веселова А. Ю., Милютин М. П. Мемуары А. Т. Болотова: история создания 3 165

Веселова А. Ю., Милютин М. П. О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова 1 65

Власов А. Н. О семейных школах эпических сказителей: династия Крюковых. . . . 2 102

Грачева А. М. Марина Зотова в Советской России (Максим Горький и Юлия Данзас). Приложение. **Ю. Н. Данзас.** Автобиография 2 147

Гуськов С. Н. Маргиналии Ю. Г. Оксмана в Собрании сочинений А. И. Герцена . . . 4 268

Задумано Сталиным — сделано Хрущевым (Еще раз о Втором Всесоюзном съезде советских писателей СССР) (публикация В. Ю. Вьюгина) 3 232

Зубков К. Ю., Петровских М. А. Студенты, купцы или поляки? Изображение майских пожаров 1862 года и проблема достоверности в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» 2 74

Иванова Т. Г. Два топоса в исторических песнях о Ермаке 4 186

Из материалов к биографии Вадима Баяна: письма к Федору Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Крусанова и Т. В. Мисникевич) 1 161

Ильинская Т. Б. Неизвестная заметка Лескова «О юханцевских часах» 2 88

Исаченко Т. А. Затерявшийся автограф Второго Послания к архимандриту Феодосию преподобного Паисия (Величковского) 1 52

«Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского. Часть 1 (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. В. Хачатурян) 4 252

Кардаш Е. В. Поэтика агонии и практики гения: перевод А. С. Пушкина «Из А. Шенье» как опыт эстетической рефлексии 2 59

Кобринский А. А. Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса 3 217

Коренева М. Ю., Ларионова Е. О. А. И. Тургенев и Ф. В. Шеллинг. Дополнение к теме 1 92

Кукушкина Е. Д. «Вдохновение может быть не всегда высокое...» (притча А. П. Сумарокова «Недостаток времени» и ода Г. Р. Державина «Фелица») 4 198

Кукушкина Т. А. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): неизвестные эпизоды 2 170

Курочкин А. В. «...Племянник был молод, а дядя — кроток...» (А. С. Пушкин и его дядя в письмах современников к графу Д. И. Хвостову) 1 79

Линдеберг О. А. О прототипе главного героя рассказа А. М. Ремизова «Бебка» . . . 4 214

Луговская Д. А. В. Ф. Ходасевич в 1905–1907 годах: стратегия критика и становление литературной репутации 3 199

Лукина В. А. Новонайденный беловой автограф рассказа И. С. Тургенева «Бригадир»: хронология и текстология 1 112

Ляпушкина Е. И. «Карусель истины» (смысл эпиграфа в романе В. В. Набокова «Дар») 1 205

Мария Рубинс (*Великобритания*). Негуманистический вектор в русской литературе XX века. 2 183

Межерицкая С. И., Рождественская М. В. В. А. Рождественский — переводчик западноевропейской литературы (к 125-летию со дня рождения) 2 158

Мисникевич Т. В. «Первый» или «неудачный»: о роли перевода стихотворения Поля Верлена «Le ciel est, par-dessus le toit...» в творческой биографии Федора Сологуба 4 234

Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 1. Из неизданной переписки Н. А. Бердяева и Д. В. Философова 1906–1907 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой) 4 218

Обатнина Е. Р. Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика 3 208

Орлова Е. И. «Соединить работу журнальную с научной...» (Б. М. Эйхенбаум в еженедельнике «Запросы жизни» 1912 года). Приложение. Список публикаций Б. М. Эйхенбаума в еженедельнике «Запросы жизни» 2 115

Панченко А. А. О каких духоборцах писал А. И. Герцен в «Былом и думах»? 1 102

Пахарева Т. А. (*Украина*). Несколько предположений о стихотворении О. Э. Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии...» 1 182

Першкина А. Н. Прапорщик Ставрогин: из исторического комментария к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» 2 85

Подоксенов А. М. М. М. Пришвин и Б. Э. Калмыков (к истории несостоявшейся повести о «настоящем большевике») 2 201

Полилова В. С. Два мавританских романса в переводе Р. Т. Гонорского 1 75

Семячко С. А. Почитание преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери: метаморфозы исторической памяти 1 41

Соколова Л. В. История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла 3 153

Стрельникова А. Б., Сысоева А. В. Сборник рассказов Федора Сологуба «The Old House and Other Tales» в переводе Джона Курноса: вопросы рецепции и конкуренции 2 122

А. Н. Толстой. «Раз в жизни». Черновой автограф из рукописной тетради (вступительная статья и подготовка текста А. С. Акимовой) 2 105

Трахтенберг Л. А. Басня И. А. Крылова «Лещи» и ее французский источник 1 99

Тянь Хунминь (*КНР*). За прилавком: «другая литературность» А. П. Чехова в контексте социальной истории 2 92

Успенский П. Ф. «Путем зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная топика русской лирики 2 131

Федотова М. А. Сочинение Димитрия Ростовского «Канон преподобным и богоносным отцем нашим Антонию и Феодосию Киево-Печерским»: к истории текста. Приложение. Канон преподобним и богоносним отцем нашим Антонию и Феодосию Киевопечерским 2 40

Филимонова К. Л. (*Эстония*). Эпизод из истории лагерной литературы: неизвестная рецензия Варлама Шаламова 3 242

Царькова Т. С. Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Дмитрия Кленовского) 4 274

ЗАМЕТКИ

Дубровская С. А., Осовский О. Е. О цитатах из Герцена в исследовании М. М. Бахтина о Рабле 3 252

Лекманов О. А. Растительный код рассказа Федора Сологуба «Ничего не вышло» . . 3 251

Романова А. В. «...Круг, где она жила...»: возможные прототипы Софьи Беловодовой 2 207

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Анисимов К. В. Новая книга о Бунине (Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.) 4 279

Боева Г. Н. Ключи к цветочному шифру в мировой литературе XIX — начала XX века (Шарафадина К. И. «Селам, откройся!»: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.; ил.) . . 1 211

Данилевская М. Ю., Данилевский Р. Ю. Карты миров И. С. Тургенева (Доманский В., Кафанова О. Художественные миры Ивана Тургенева: Монография. М.: Флинта, 2018. 431 с.) 2 209

Заборов П. Р. Ценный источниковедческий труд (Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XIX в.) / Под ред. Е. Е. Дмитриевой и А. В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с.) 3 256

Игошева Т. В. «Русский универсализм»: новое о Вячеславе Иванове (Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3 / Сост. С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. 480 с.) 2 211

Кибальник С. А. Достоевский в лабиринтах «себя» (Corrigan Yu. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Northwestern Univerisity Press, 2017. 238 p.) 4 282

Киржаева В. П., Осовский О. Е. «В нашей боевой и напряженной идеологической жизни...»: двухтомник П. Н. Медведева как документ эпохи (Медведев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.) 1 215

Киржаева В. П., Осовский О. Е. Книга лондонского исследователя о русской литературной теории (Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.) 4 278

Клинг О. А. Разгадка тайн Н. В. Гоголя (Манн Ю. В. Н. В. Гоголь: тайны биографии и тайны творчества. М.: РГГУ, 2019. 143 с.) 3 259

Колесникова Е. И. Среда и время Андрея Платонова: к научной биографии писателя (Малыгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.) 2 214

Лаппо-Данилевский К. Ю. «Петропольский Тацит» в изгнании: книга о Н. И. Ульянове (Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.) . . 2 216

Маслова Е. Г., Чернецова Е. В. Монография о смеховом слове в творчестве русских писателей первой трети XIX века (Дубровская С. А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х — начала 1840-х гг. Саранск: Издательство Мордовского ун-та, 2018. 256 с.) 1 214

Потапова Г. Е. Курс лекций В. М. Марковича о русской литературе первой половины XIX века (Маркович В. М. Русская литература Золотого века: Лекции / Под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб.: Росток, 2019. 752 с.) 3 258

Федотова С. В. Достоевский в ракурсе академической метакритики (Келдыш В. А. Наследие Ф. М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.) 3 261

ХРОНИКА

Бояркина П. В. Набоковские чтения 2019 года 2 224

Буланин Д. М. Международная конференция в Сеговии «От скриптория к библиотеке» и образованность древних славян 1 223

Буланин Д. М. Симпозиум «Загадка в средневековой славянской культуре» в Кёльне 3 274

Волков А. В., Тянь Вэньцзюань (*КНР*). Международная научная конференция к 100-летию со дня рождения Юрия Давидовича Левина 4 288

Григорьева Е. Н., Карпов А. А., Карпов Н. А. Петербургское университетское литературоведение в его прошлом и настоящем 3 263

Дёмин А. О. 275 лет со дня рождения Н. И. Новикова 2 228

Кибальник С. А. Международный научно-исследовательский семинар «История текста и творческая история произведений Достоевского» 3 272

Кибальник С. А. XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского в США 1 225

Конусова Е. Д. XLIII Малышевские чтения 1 218

Линдеберг О. А. Научный семинар «Русская словесность в 1919 году: текст и контекст» 1 217

Лощинская Н. В. Восьмой научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспективе художественного высказывания» («Феномен литературного юбилея: семиотика, традиция, практика») 2 230

Обатнина Е. Р. XXII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома . . . 2 234

Павлова Л. В., Романова И. В., Федотова М. А. Авраамиевские слушания: чтения по истории и культуре Древней Руси 4 284

Прозорова Н. А. Третий научный семинар «Русская литература в советскую эпоху» 1 222

Прозорова Н. А. Четвертый научный семинар «Русская литература в советскую эпоху: к 100-летию со дня рождения Ф. А. Абрамова» 4 292

Секушина Ю. А. Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации» 2 240

Спроге Л. В. (*Латвия*), **Царькова Т. С.** Международный Балтийский семинар «Георгий Адамович и... (к проблеме изучения культуры русской диаспоры)» 3 269

Фетисенко О. Л. Научная конференция «От ответственности нравственной никакая власть на земле уклониться не может...» (к 200-летию со дня рождения Ю. Ф. Самарина) 2 220

Хачатурян Л. В. Четвертый круглый стол «Текст как DATA: рукопись в цифровом пространстве» 1 228

Памяти Вадима Дмитриевича Рака 1 231

Памяти Вячеслава Анатольевича Кошелева 4 295

Филичева В. В. Письмо в редакцию 2 242

SUMMARIES

Наталья Владимировна Понырко

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalia Vladimirovna Ponyrko

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

nponyrko@gmail.com

ПРОТОПОП АВВАКУМ КАК ПРОПОВЕДНИК (К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

ARCHPRIEST AVVAKUM AS A PREACHER (HONORING HIS 400th ANNIVERSARY)

В статье рассматривается та часть литературного наследия протопопа Аввакума, которая относится к жанру проповеди. Исследовательскому анализу подвергается содержание Поучений Аввакума, вошедших в «Книгу Бесед» и «Книгу толкований и нравоучений». Как предпосылка к проповедническому творчеству писателя характеризуется устная учительная деятельность Аввакума в допустозерский период его жизни. Показано, что на стилистику проповеднических писаний протопопа Аввакума оказали влияние четыре вида языковой стихии, в которые он в равной степени был погружен до конца своих дней: стилистика языка Священного Писания, стилистика текстов литургики и литургической гимнографии, стилистика книжного старорусского языка и стилистика русского разговорного языка со свойственным ей духом «просторечия». Смелое соединение этих четырех стихий и составляет новаторство Аввакума как писателя, проявившееся в первую очередь в жанре свободной проповеди.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, старообрядчество, «Книга Бесед», «Книга толкований», древнерусская литература.

The article discusses the part of the literary heritage of Archpriest Avvakum that relates to the preaching genre. The content of Avvakum's *Teachings,* included in the *Book of Conversations* and the *Book of Interpretations* is subjected to research analysis. As a prerequisite for the writer's preaching work, Avvakum's oral teaching activities of the pre-Pustozersk period of his life are outlined. It is shown that the style of Avvakum's preaching writings was influenced by four types of verbal elements, him being equally immersed in all of them until the end of his days: the style of the Holy Scriptures, the style of the liturgical texts and liturgical hymnography, the style of the Old Russian bookish language and the style of the Russian spoken language with its characteristic «vernacular» flow. The bold combination of these four elements, manifested primarily in the genre of free sermon, turns Avvakum into a highly innovative writer.

Key words: Archpriest Avvakum, Old Believers, *Book of Conversations*, *Book of Interpretations*, Old Russian literature.

Список литературы

1. *Демкова Н. С., Сесейкина И. В.* Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990.

2. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подг. текста и комм. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. XVII век.

3. *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1971 (репринтное воспроизведение: М., 1995).

4. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1874]. Т. 1.

5. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1 (Русская историческая библиотека; т. 39).

6. *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века.

7. *Панченко А. М.* Протопоп Аввакум как поэт // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. Вып. 4.

8. *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. пер. Е. М. Юхименко. М., 2010.

9. *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43.

10. *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010.

11. *Сесейкина И. В.* «Книга бесед» Аввакума — памятник полемической литературы второй половины XVII века // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991.

12. Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье / Подг. текста, пер. и комм. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. XII век.

13. Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном / Подг. текста, пер. и комм. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. XII век.

14. Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги бесед» / Подг. текста и комм. И. В. Сесейкиной и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. XVII век.

15. Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги толкований и нравоучений» / Подг. текста и комм. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. XVII век.

16. *Paskal P.* Avvakum et les debuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siecle en Russie. 1e ed. Paris, 1938; 2e ed. Paris, 1963.

References

1. *Demkova N. S., Seseikina I. V.* Stareishii (pechorskii) spisok «Knigi tolkovanii i nravouchenii» Avvakuma, naidennyi V. I. Malyshevym // Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma. Materialy i issledovaniia. L., 1990.

2. Materialy dlia istorii raskola za pervoe vremia ego sushchestvovaniia / Pod red. N. Subbotina. M., [1874]. T. 1.

3. Pamiatniki istorii staroobriadchestva XVII v. L., 1927. Kn. 1. Vyp. 1 (Russkaia istoricheskaia biblioteka; t. 39).

4. *Panchenko A. M.* O smene pisatel'skogo tipa v Petrovskuiu epokhu // XVIII vek. L., 1974. Sb. 9. Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi treti XVIII veka.

5. *Panchenko A. M.* Protopop Avvakum kak poet // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i iaz. M., 1979. T. 38. Vyp. 4.

6. *Paskal' P.* Avvakum et les debuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siecle en Russie. 1e ed. Paris, 1938; 2e ed. Paris, 1963.

7. *Paskal' P.* Protopop Avvakum i nachalo raskola / Per. s fr. S. S. Tolstogo; nauch. red. per. E. M. Iukhimenko. M., 2010.

8. *Ponyrko N. V.* Obnovlenie Makarieva Zheltovodskogo monastyria i novye liudi XVII veka — revniteli blagochestiia // TODRL. L., 1990. T. 43.

9. *Ponyrko N. V.* Tri zhitiia — tri zhizni. Protopop Avvakum, inok Epifanii, boiarynia Morozova: Teksty, stat'i, kommentarii. SPb., 2010.

10. *Seseikina I. V.* «Kniga besed» Avvakuma — pamiatnik polemicheskoi literatury vtoroi poloviny XVII veka // Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 1991.

11. Slova i poucheniia Kirilla Turovskogo. Slovo na verbnoe voskresen'e / Podg. teksta, per. i komm. N. V. Ponyrko // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 1997. T. 4. XII vek.

12. Slova i poucheniia Kirilla Turovskogo. Slovo o rasslablennom / Podg. teksta, per. i komm. N. V. Ponyrko // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 1997. T. 4. XII vek.

13. Sochineniia protopopa Avvakuma. Iz «Knigi besed» / Podg. teksta i komm. I. V. Seseikinoi i I. A. Lobakovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 2013. T. 17. XVII vek.

14. Sochineniia protopopa Avvakuma. Iz «Knigi tolkovanii i nravouchenii» / Podg. teksta i komm. N. S. Demkovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 2013. T. 17. XVII vek.

15. *Zen'kovskii S. A.* Russkoe staroobriadchestvo: dukhovnye dvizheniia semnadtsatogo veka. Miunkhen, 1971 (reprintnoe vosproizvedenie: M., 1995).

16. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe / Podg. teksta i komm. N. S. Demkovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 2013. T. 17. XVII vek.

Светлана Алексеевна Ипатова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Alekseevna Ipatova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ipatovas@rambler.ru

ОБ ОДНОЙ СТИХОТВОРНОЙ ПАРОДИИ НОВОГО ПОЭТА (И. И. ПАНАЕВА) НА ФЕТА (1847)

CONCERNING A PARODY OF FET BY THE *NEW POET* (I. I. PANAEV) (1847)

Изменения литературной репутации А. А. Фета, его «портрета», напрямую зависели от атмосферы общественной жизни и литературы в определенные периоды развития. В силу своей эмоциональной доступности именно пародия стала одним из факторов, способствовавших формированию и функционированию неприятия личности Фета и его поэзии. Одним из первых, кто запустил этот механизм, был соредактор обновленного «Современника» И. И. Панаев, чья пародия «Густолиственных кленов аллея...» (1847), направленная против подражателей Гейне и поэзии так называемого «чистого искусства», оказалась в русле идеологических установок журнала и компонентом литературной борьбы.

Ключевые слова: А. А. Фет, литературная репутация, пародия как форма критики, Новый Поэт (И. И. Панаев), «Современник», «чистое искусство», литературная борьба, «Москвитянин».

The shifts in A. A. Fet's literary reputation and in his «image» directly depended on the atmosphere in the public life and literary milieu of each particular period. Because of its emotional accessibility, parody was one of the factors that contributed to the emergence and evolution of the hostile attitude towards Fet's personality and poetry. One of the first to trigger this mechanism was the co-editor of the updated *Sovremennik* I. I. Panaev, whose parody *Leafy maple alley*... (1847), targeting the imitators of Heine and the poetry of the so-called *pure art*, was in line with the ideological mindset of the magazine, and turned into a component of the literary confrontation.

Key words: A. A. Fet, literary reputation, parody as a form of criticism, the *New Poet* (I. I. Panaev), *Sovremennik*, *pure art*, literary struggle, *Moskvityanin*.

Список литературы

1. *Асланова Г.* В плену легенд и фантазии // Вопросы литературы. 1997. № 5.
2. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1959. Т. 12.
3. *Блума А.* Псевдоним как способ внутрилитературного поведения (Д. Минаев, И. Панаев и... А. Псевдонимов) // Philologia. Рижский филологический сборник. Рига, 1994. Вып. 1. Русская литература в историко-культурном контексте.
4. *Бухштаб Б. Я.* Пародия Некрасова на Фета // Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989.
5. *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974.
6. *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966.
7. *Гордон Я. И.* Гейне в России (1830–1860-е годы). Душанбе, 1973.
8. *Дерябина Е. П.* Фет и Панаев // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2004. № 29.
9. *Елизаветина Г. Г.* Литературная судьба А. А. Фета // Время и судьбы русских писателей. М., 1981.
10. *Ипатова С. А.* Кто же был автором акростиха «Дикарка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. СПб., 2015. Вып. 6.
11. *Ипатова С. А.* А. Фет в зеркале пародии: «Шепот, робкое дыханье...» (1850) // Русская словесность. 2020. № 2.
12. *Калинников Л. А.* А. А. Фет как теоретик и практик чистого искусства и проблема природы поэзии // Кантовский сборник. Калининград, 2014. Вып. 1 (47).
13. *Кошелев В. А.* Пространство контекста (романс «Густолиственных кленов аллея...») // Пространство и время в литературе и искусстве. Теоретические проблемы. Классическая литература. Даугавпилс, 1992. Вып. V.

14. Краткая антология городского-бытового романса: Между делом безделье. М., 2011. Т. 2 / Сост. А. Титов.
15. *Масанов Ю. И.* Новый поэт // Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок / Под ред. и со вступ. статьей П. Н. Беркова. М., 1963.
16. *Машковцева Л. Ф.* Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2012. № 2 (20).
17. *Мельгунов Б. В.* Некрасов, Панаев — *Новый поэт* (к истории создания журнальной маски) // Русская литература. 1986. № 3.
18. *Михайлов М. Л.* Соч.: В 3 т. М., 1958. Т. 1. Стихотворения / Подг. текста и прим. Г. Ф. Коган.
19. *Монахов С. И.* К проблеме семантизации ритма русских трехсложников (трехстопный анапест и дактиль) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 9. Вып. 4.
20. Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира 1830–1870-х годов. М., 1988.
21. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. М., 1981. Т. 1.
22. *Новиков В. Л.* Книга о пародии. М., 1989.
23. Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987. Т. 1.
24. *Розанов И. И.* Литературные репутации. М., 1990.
25. *Розенблюм Л. М.* Фет и эстетика «чистого искусства» // Лит. наследство. 2011. Т. 103. Кн. 2.
26. Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.) / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. А. Морозова. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.).
27. «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подг. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб., 2015.
28. *Туниманов В. А.* Панаев Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
29. *Шашкова Е. В.* Журнально-критическая деятельность И. И. Панаева. Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2007.
30. *Ямпольский И. Г.* Литературная деятельность И. И. Панаева // Панаев И. И. Литературные воспоминания / Вступ. статья и комм. И. Г. Ямпольского. М., 1988.

References

1. *Aslanova G.* V plenu legend i fantazii // Voprosy literatury. 1997. № 5.
2. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 13 t. M., 1959. T. 12.
3. *Bluma A.* Psevdonim kak sposob vnutriliteraturnogo povedeniia (D. Minaev, I. Panaev i... A. Psevdonimov) // Philologia. Rizhskii filologicheskii sbornik. Riga, 1994. Vyp. 1. Russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste.
4. *Bukhshtab B. Ia.* A. A. Fet. Ocherk zhizni i tvorchestva. L., 1974.
5. *Bukhshtab B. Ia.* Bibliograficheskie razyskaniia po russkoi literature XIX veka. M., 1966.
6. *Bukhshtab B. Ia.* Parodiia Nekrasova na Feta // Bukhshtab B. Ia. N. A. Nekrasov. Problemy tvorchestva. L., 1989.
7. *Deriabina E. P.* Fet i Panaev // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta. 2004. № 29.
8. *Elizavetina G. G.* Literaturnaia sud'ba A. A. Feta // Vremia i sud'by russkikh pisatelei. M., 1981.
9. *Gordon Ia. I.* Geine v Rossii (1830–1860-e gody). Dushanbe, 1973.
10. *Iampol'skii I. G.* Literaturnaia deiatel'nost' I. I. Panaeva // Panaev I. I. Literaturnye vospominaniia / Vstup. stat'ia i komm. I. G. Iampol'skogo. M., 1988.
11. *Ipatova S. A.* A. Fet v zerkale parodii: «Shepot, robkoe dykhan'e...» (1850) // Russkaia slovesnost'. 2020. № 2.
12. *Ipatova S. A.* Kto zhe byl avtorom akrostikha «Dikarka», podpisannogo «A. Fet»? (mistifikatsiia kak parodiia) // Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse: Sb. nauch. statei. SPb., 2015. Vyp. 6.
13. *Kalinnikov L. A.* A. A. Fet kak teoretik i praktik chistogo iskusstva i problema prirody poezii // Kantovskii sbornik. Kaliningrad, 2014. Vyp. 1 (47).
14. *Koshelev V. A.* Prostranstvo konteksta (romans «Gustolistvennykh klenov alleia...») // Prostranstvo i vremia v literature i iskusstve. Teoreticheskie problemy. Klassicheskaia literatura. Daugavpils, 1992. Vyp. V.
15. Kratkaia antologiia gorodskogo-bytovogo romansa: Mezhdu delom bezdel'e. M., 2011. T. 2 / Sost. A. Titov.
16. *Masanov Iu. I.* Novyi poet // Masanov Iu. I. V mire psevdonimov, anonimov i literaturnykh poddelok / Pod red. i so vstup. stat'ei P. N. Berkova. M., 1963.
17. *Mashkovtseva L. F.* Istoriko-kul'turnye istoki i problemy izucheniia poniatiia «literaturnaia reputatsiia» // Diskussiia. Zhurnal nauchnykh publikatsii. 2012. № 2 (20).
18. *Mel'gunov B. V.* Nekrasov, Panaev — *Novyi poet* (k istorii sozdaniia zhurnal'noi maski) // Russkaia literatura. 1986. № 3.

19. *Mikhailov M. L.* Soch.: V 3 t. M., 1958. T. 1. Stikhotvoreniia / Podg. teksta i prim. G. F. Kogan.
20. *Monakhov S. I.* K probleme semantizatsii ritma russkikh trekhslozhnikov (trekhstopnyi anapest i daktil') // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005. Ser. 9. Vyp. 4.
21. Muza plamennoi satiry. Russkaia stikhotvornaia satira 1830–1870-kh godov. M., 1988.
22. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. M., 1981. T. 1.
23. *Novikov V. L.* Kniga o parodii. M., 1989.
24. Perepiska N. A. Nekrasova: V 2 t. M., 1987. T. 1.
25. *Rozanov I. I.* Literaturnye reputatsii. M., 1990.
26. *Rozenblium L. M.* Fet i estetika «chistogo iskusstva» // Lit. nasledstvo. 2011. T. 103. Kn. 2.
27. Russkaia stikhotvornaia parodiia (XVIII — nachalo XX v.) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. A. A. Morozova. L., 1960 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
28. *Shashkova E. V.* Zhurnal'no-kriticheskaia deiatel'nost' I. I. Panaeva. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. SPb., 2007.
29. «Sovremennik» protiv «Moskvitianina». Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov / Izd. podg. A. V. Vdovin, K. Iu. Zubkov, A. S. Fedotov. SPb., 2015.
30. *Tunimanov V. A.* Panaev Ivan Ivanovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1999. T. 4.

Валентина Александровна Лукина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Valentina Aleksandrovna Lukina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

valentina_step@hotmail.com

А. А. ФЕТ И Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА В РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДАМИ ИЗ БЕРАНЖЕ

A. A. FET AND E. V. NOVOSILTSEVA WORKING ON TRANSLATIONS FROM BÉRANGER

В статье вводятся в научный оборот переводы на русский язык трех стихотворений П.-Ж. де Беранже («Jacques», «Le vieux vagabond» и «Plus de vers»), выполненные Е. В. Новосильцевой в 1861 году, а также восстанавливается на основе сохранившихся автографов и других источников значительная редакторская правка А. А. Фета, внесенная в них поэтом.
Ключевые слова: Фет-редактор, Е. В. Новосильцева, переводы из Беранже.

The article introduces the scholarly community to the Russian translations of three poems by P. J. de Béranger (*Jacques*, *Le vieux vagabond* and *Plus de vers*) made by E. V. Novosiltseva in 1861. Drawing on the manuscripts and other sources, it reconstructs A. A. Fet's extensive editorial changes made to the drafts.
Key words: Fet as an editor, E. V. Novosiltseva, translations from Béranger.

Список литературы

1. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М., 1999. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1: A–L / Сост. Г. В. Алексеева и др.
2. *Генералова Н. П.* Беранже <Комментарии> // Фет А. А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2.
3. *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959.
4. *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958.
5. Из переписки Фета с С. В. Энгельгардт (1860–1891) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2020. Вып. 4.

6. Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 1.
7. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2.
8. *Острейковская Н. В.* Творчество Е. В. Новосильцевой в литературно-общественном контексте 1860–1880-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010.
9. Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благоволиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1.
10. Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Ч. 1 (1858–1873) / Публ. Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998.
11. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
12. *Старицына З. А.* Беранже в России. М., 1969.
13. *Старицына З. А.* Беранже в русской литературе. М., 1980.
14. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 т. Художественные произведения: В 18 т. М., 2000. Т. 1; Редакции и варианты художественных произведений: В 17 т. Т. 1 (19).
15. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 20, 47, 48, 60–62.
16. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3.
17. У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Кн. 2.
18. *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2004, 2015. Т. 2; Т. 5. Кн. 2.
19. *Чистякова М.* Лев Толстой и Франция // Лит. наследство. 1937. Т. 31.
20. «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994.

References

1. Biblioteka L'va Nikolaevicha Tolstogo v Iasnoi Poliane. M., 1999. T. 3: Knigi na inostrannykh iazykakh. Ch. 1: A–L / Sost. G. V. Alekseeva i dr.
2. *Chistiakova M.* Lev Tolstoi i Frantsiia // Lit. nasledstvo. 1937. T. 31.
3. *Fet A. A.* Soch. i pis'ma: V 20 t. SPb., 2004, 2015. T. 2; T. 5. Kn. 2.
4. *Generalova N. P.* Beranzhe <Kommentarii> // Fet A. A. Soch. i pis'ma: V 20 t. SPb., 2004. T. 2.
5. *Gol'denveizer A. B.* Vblizi Tolstogo. M., 1959.
6. *Gusev N. N.* Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo. 1828–1890. M., 1958.
7. «...Ia tak davno privyk k vashim druzheskim pis'mam...» (34 pis'ma S. V. Engel'gardt k A. A. Fetu) / Publ. N. P. Generalovoi // A. A. Fet: Problemy izucheniia zhizni i tvorchestva. Kursk, 1994.
8. Iz perepiski Feta s S. V. Engel'gardt (1860–1891) / Publ. N. P. Generalovoi // A. A. Fet: Materialy i issledovaniia. SPb., 2020. Vyp. 4.
9. L. N. Tolstoi: Perepiska s russkimi pisateliami: V 2 t. M., 1978. T. 1.
10. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. SPb., 1999. T. 14. Kn. 2.
11. *Ostreikovskaia N. V.* Tvorchestvo E. V. Novosil'tsevoi v literaturno-obshchestvennom kontekste 1860–1880-kh godov. Dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2010.
12. Perepiska s V. P. Botkinym. 1857–1869 / Vstup. stat'ia, publ. i komm. Iu. P. Blagovolinoi // Lit. nasledstvo. 2008. T. 103. Kn. 1.
13. Pis'ma S. V. Engel'gardt k A. A. Fetu. Ch. 1 (1858–1873) / Publ. N. P. Generalovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1994 god. SPb., 1998.
14. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1999. T. 4.
15. *Staritsyna Z. A.* Beranzhe v Rossii. M., 1969.
16. *Staritsyna Z. A.* Beranzhe v russkoi literature. M., 1980.
17. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 100 t. Khudozhestvennye proizvedeniia: V 18 t. M., 2000. T. 1; Redaktsii i varianty khudozhestvennykh proizvedenii: V 17 t. T. 1 (19).
18. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1937. T. 20, 47, 48, 60–62.
19. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M., 1987. T. 3.
20. U Tolstogo. 1904–1910. «Iasnopolianskie zapiski» D. P. Makovitskogo // Lit. nasledstvo. 1979. T. 90. Kn. 2.

Ирина Александровна Кузьмина

главный библиотекарь
Отдела фондов и обслуживания Библиотеки Академии наук

Irina Aleksandrovna Kuz'mina

Chief Librarian, Department of Funds and Customer Service
the Library of the Academy of Sciences

kuzmina-17@mail.ru

О ДАТИРОВКЕ ФОТОПОРТРЕТА А. А. ФЕТА РАБОТЫ М. Б. ТУЛИНОВА

CONCERNING THE DATING OF A. FET'S PORTRAIT PHOTO BY M. B. TULINOV

В статье рассматриваются экземпляры фотографии А. А. Фета работы М. Б. Тулинова, хранящиеся в Институте русской литературы, и на основании писем родственников поэта и других источников уточняется их датировка.
Ключевые слова: А. А. Фет, М. Б. Тулинов, Н. С. Мосолов, портрет, фотография.

The article explores the copies of Fet's photograph made by M. B. Tulinov and kept in the archives of the Institute of Russian Literature, specifying their dating through the references to the letters of the poet's relatives and other sources.
Key words: A. A. Fet, M. B. Tulinov, N. S. Mosolov, portrait, photo.

Список литературы

1. *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010. Вып. 1.
2. Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благоволиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1.
3. Письма И. П. Борисова и Н. А. Борисовой к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. II: 1862–1865 / Публ. И. А. Кузьминой // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2013. Вып. 2.
4. <Письма И. С. Тургеневу> И. П. Борисова / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1968. Вып. 4.
5. *Романюк С. К.* Сердце Москвы. От Кремля до Белого города. М., 2013.
6. *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4.
7. *Шипова Т. Н.* Московские фотографы. 1839–1930: История московской фотографии. М., 2012.
8. *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–83). Pinehaven, 1999.

References

1. *Aksenenko E. M.* Materialy A. A. Feta v Pushkinskom Dome // A. A. Fet: Materialy i issledovaniia / Otv. red. N. P. Generalova, V. A. Lukina. M.; SPb., 2010. Vyp. 1.
2. *Fet A. A.* Sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2007. T. 4.
3. Perepiska A. A. Feta s V. P. Botkinym. 1857–1869 / Vstup. stat'ia, publ. i komm. Iu. P. Blagovolinoi // Lit. nasledstvo. 2008. T. 103. Kn. 1.
4. Pis'ma I. P. Borisova i N. A. Borisovoi k A. A. Fetu i M. P. Fet. Ch. II: 1862–1865 / Publ. I. A. Kuz'minoi // A. A. Fet: Materialy i issledovaniia / Otv. red. N. P. Generalova, V. A. Lukina. SPb., 2013. Vyp. 2.
5. <Pis'ma I. S. Turgenevu> I. P. Borisova / Publ. E. M. Khmelevskoi // Turgenevskii sbornik: Materialy k Polnomu sobraniiu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva. L., 1968. Vyp. 4.
6. *Romaniuk S. K.* Serdtse Moskvy. Ot Kremlia do Belogo goroda. M., 2013.
7. *Shipova T. N.* Moskovskie fotografy. 1839–1930: Istoriia moskovskoi fotografii. M., 2012.
8. *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–83). Pinehaven, 1999.

Анна Глебовна Гродецкая

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anna Glebovna Grodetskaya

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

grodetskaiaag@mail.ru

«О СВОИХ СТИХАХ... КАК О ЧЕМ-ТО ПОСТОРОННЕМ»: ПОЭЗИЯ ФЕТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ «РАННИХ ГОДОВ МОЕЙ ЖИЗНИ»

«ABOUT HIS POEMS... AS ABOUT SOMETHING EXTRANEOUS»: FET'S POETRY IN HIS MEMOIRS *THE EARLY YEARS OF MY LIFE*

В статье рассматривается один из аспектов репрезентации автора в мемуарах А. А. Фета «Ранние годы моей жизни». В «кирасирской» части мемуаров он представлен преимущественно в его служебной деятельности, Фет-поэт здесь — эпизодический персонаж, о своих стихах мемуарист повествует, по замечанию Я. П. Полонского, «как о чем-то постороннем». Фет-поэт и Фет-кирасир являются в мемуарах разделенными персонажами, что в известной степени соответствует сложившемуся в обыденном восприятии «двойному» биографическому образу поэта, «лирика» и «практика». Вместе с тем сам сюжет эпизодических «встреч» с Фетом-поэтом на страницах мемуаров последовательно выстроен, композиционно организован и имеет внутреннюю драматургию — с завязкой, развитием, кульминацией и драматическим финалом.

Ключевые слова: А. А. Фет, мемуаристика, «Ранние годы моей жизни», репрезентация автора, проза и поэзия.

The article deals with one of the aspects of self-representation in A. A. Fet's memoirs *The Early Years of My Life*. The «kirassir» part of the memoirs represents him primarily as a serviceman, with Fet the Poet being an episodic character; as Ja. Polonsky remarks, the memoirist describes his poems «as something extraneous». In the memoirs, Fet the Poet and Fet the Kirassir are two separate characters, and this partially correlates with the poet's «double» image, since he was routinely perceived as both a «lyrical» and a «practical» person. At the same time, the storyline of the episodic «encounters» with Fet the Poet on the pages of the memoirs is sequentially constructed, compositionally organized and informed with an inner drama — with protasis, development, culmination and a dramatic finale.

Key words: A. A. Fet, memoirs, *The Early Years of My Life*, self-representation, prose and poetry.

Список литературы

1. *Ауэр А. П.* Взаимодействие стиха и прозы как проявление индивидуального стиля А. А. Фета // Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX — начала XX века. М., 1991.
2. *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994.
3. *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Бухштаб Б. Я. Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000.
4. *Волков С. В.* Генералитет Российской Империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 2.
5. *Коковина Н. З.* Поэтика воспоминаний в художественном мире А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества: Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998.
6. *Кошелев В. А.* Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006.
7. *Кузьмина И. А.* Действующие лица «Кактуса» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // Русская литература. 2008. № 2.
8. *Михайлова С. Ю.* А. А. Фет: стихи и проза — единый план (деревенские очерки, критические статьи, воспоминания, переводы, рассказы, лирика) // А. А. Фет и русская литература: Материалы всероссийской науч. конф. «XV Фетовские чтения». Курск; Орел, 2000.
9. *Мышьякова Н. М.* Проблемы поэтики А. А. Фета: Учеб. пособие. Оренбург, 2004.

10. *Мышьякова Н. М.* К вопросу о творческом методе А. Фета // А. А. Фет. Проблемы творческого метода, традиции: Межвузовский сб. науч. трудов. Курск, 1989.
11. *Страхов Н. Н.* Литературная критика: Сб. статей. СПб., 2000.
12. *Тархов А. Е.* «Музыка груди» (О жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
13. *Фаустов А. А.* Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета // Фаустов А. А. Язык переживания русской литературы. На пути к середине XIX века. Воронеж, 1998.
14. *Фет А. А.* Воспоминания. Репринт издания 1890–1893 гг.: [В 3 т.]. М., 1992. Т. 3.
15. *Фет А. А.* Переписка с Я. П. Полонским. 1846–1892 // Лит. наследство. 2008. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1.
16. *Фет А. А.* Предисловие и комментарий ко II-й части «Фауста» Гете / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения А. А. Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996.
17. *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008.

References

1. *Auer A. P.* Vzaimodeistvie stikha i prozy kak proiavlenie individual'nogo stilia A. A. Feta // Vzaimodeistvie tvorcheskikh individual'nostei pisatelei XIX — nachala XX veka. M., 1991.
2. *Blok G. P.* Letopis' zhizni A. A. Feta / Publ. B. Ia. Bukhshtaba // A. A. Fet: Problemy izucheniia zhizni i tvorchestva. Kursk, 1994.
3. *Bukhshtab B. Ia.* Sud'ba literaturnogo nasledstva A. A. Feta // Bukhshtab B. Ia. Fet i drugie: Izbr. raboty. SPb., 2000.
4. *Cheremisinova L. I.* Proza A. A. Feta. Saratov, 2008.
5. *Faustov A. A.* Sud'ba, prostranstvo i status litsa u F. I. Tiutcheva i A. A. Feta // Faustov A. A. Iazyk perezhivaniia russkoi literatury. Na puti k seredine XIX veka. Voronezh, 1998.
6. *Fet A. A.* Perepiska s Ia. P. Polonskim. 1846–1892 // Lit. nasledstvo. 2008. T. 103. A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. Kn. 1.
7. *Fet A. A.* Predislovie i kommentarii ko II-i chasti «Fausta» Gete / Publ. N. P. Generalovoi // 175 let so dnia rozhdeniia A. A. Feta: Sb. nauch. trudov. Kursk, 1996.
8. *Fet A. A.* Vospominaniia. Reprint izdaniia 1890–1893 gg.: [V 3 t.]. M., 1992. T. 3.
9. *Kokovina N. Z.* Poetika vospominanii v khudozhestvennom mire A. Feta // A. A. Fet: Problemy izucheniia zhizni i tvorchestva: Sb. nauch. statei i materialov XIII Fetovskikh chtenii. Kursk, 1998.
10. *Koshelev V. A.* Afanasii Fet: Preodolenie mifov. Kursk, 2006.
11. *Kuz'mina I. A.* Deistvuiushchie litsa «Kaktusa» (Po neopublikovannym pis'mam A. L. Brzheskoi) // Russkaia literatura. 2008. № 2.
12. *Mikhailova S. Iu.* A. A. Fet: stikhi i proza — edinyi plan (derevenskie ocherki, kriticheskie stat'i, vospominaniia, perevody, rasskazy, lirika) // A. A. Fet i russkaia literatura: Materialy vserossiiskoi nauch. konf. «XV Fetovskie chteniia». Kursk; Orel, 2000.
13. *Mysh'iakova N. M.* K voprosu o tvorcheskom metode A. Feta // A. A. Fet. Problemy tvorcheskogo metoda, traditsii: Mezhvuzovskii sb. nauch. trudov. Kursk, 1989.
14. *Mysh'iakova N. M.* Problemy poetiki A. A. Feta: Ucheb. posobie. Orenburg, 2004.
15. *Strakhov N. N.* Literaturnaia kritika: Sb. statei. SPb., 2000.
16. *Tarkhov A. E.* «Muzyka grudi» (O zhizni i poezii Afanasiia Feta) // Fet A. A. Soch.: V 2 t. M., 1982. T. 1.
17. *Volkov S. V.* Generalitet Rossiiskoi Imperii: Entsiklopedicheskii slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaia II. M., 2009. T. 2.

Наталья Петровна Генералова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Petrovna Generalova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

generalovanatalia@gmail.com

А. А. ФЕТ О КНИГЕ И КРУГЕ ЧТЕНИЯ (ПИСЬМО К М. М. ЛЕДЕРЛЕ ОТ 25 ИЮНЯ 1891 ГОДА)

A. A. FET ON BOOK AND READERSHIP (LETTER TO M. M. LEDERLE, JUNE 25 1891)

В статье впервые публикуется полный текст письма А. А. Фета 1891 года, написанного в ответ на циркулярное послание петербургского издателя М. М. Ледерле, собиравшего материалы для книги «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» (1895). Проанализировав содержание письма и общественную обстановку того времени, можно сделать вывод о том, что позиция Фета была полемичной по отношению к замыслу Ледерле, а его письмо следует рассматривать как одно из последних публицистических выступлений поэта.

Ключевые слова: А. А. Фет, М. М. Ледерле, выбор лучших книг, Л. Н. Толстой, «Фауст» Гете.

The article introduces the complete text of A. A. Fet's 1891 response to the circular letter from the Petersburg editor and publisher M. M. Lederle, who was collecting data for his book *Russian People on the Best Books for Reading* (1895). Through the analysis of the letter and of the general social situation of the time, the author suggests that Fet was opposed to Lederle's project, while the poet's letter should be regarded as one of his latest public statements.

Key words: A. A. Fet, M. M. Lederle, choice of best books, L. N. Tolstoy, Goethe's *Faust*.

Список литературы

1. *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // Афанасий Фет и русская литература. XIX Фетовские чтения. Курск, 2005.
2. *Генералова Н. П.* Оправдание человека: К трактовке финала «Фауста» Гете (И. С. Тургенев и А. А. Фет) // Русская литература. 1999. № 3.
3. *Лукреций.* О природе вещей / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3.
4. Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884–1892) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3.
5. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 25, 65, 66.
6. *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2006. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи.
7. *Фет А. А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступ. статья А. Е. Тархова; сост. и прим. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988.
8. *Estermann A.* «Die besten Bücher...»: Vorgeschichte und Programm // Archiv für Geschichte des Buchwesens / Hrsg. von der Historischen Kommission des Börsenvereins des Deutschen Buchhandels e. V. Frankfurt a/Main, 1988.

References

1. *Estermann A*. «Die besten Bücher...»: Vorgeschichte und Programm // Archiv für Geschichte des Buchwesens / Hrsg. von der Historischen Kommission des Börsenvereins des Deutschen Buchhandels e. V. Frankfurt a/Main, 1988.
2. *Fet A. A*. Soch. i pis'ma: V 20 t. SPb., 2006. T. 3. Povesti i rasskazy. Kriticheskie stat'i.
3. *Fet A. A*. Stikhotvoreniia. Proza. Pis'ma / Vstup. stat'ia A. E. Tarkhova; sost. i prim. G. D. Aslanovoi, N. G. Okhotina i A. E. Tarkhova. M., 1988.
4. *Generalova N. P*. 25 let spustia: Itogi krest'ianskoi reformy 1861 goda v perepiske A. A. Feta s N. P. Semenovym // Afanasii Fet i russkaia literatura. XIX Fetovskie chteniia. Kursk, 2005.

5. *Generalova N. P.* Opravdanie cheloveka: K traktovke finala «Fausta» Gete (I. S. Turgenev i A. A. Fet) // Russkaia literatura. 1999. № 3.
6. *Lukretsii*. O prirode veshchei / Publ. N. P. Generalovoi // A. A. Fet: Materialy i issledovaniia. SPb., 2018. Vyp. 3.
7. Perepiska Feta s N. P. Semenovym (1884–1892) / Publ. N. P. Generalovoi // A. A. Fet: Materialy i issledovaniia. SPb., 2018. Vyp. 3.
8. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1953. T. 25, 65, 66.

Андрей Львович Топорков

главный научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Andrey L'vovich Toporkov

Chief Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

atoporkov@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СТИЛИЗАЦИИ И. П. САХАРОВА В СТАТЬЕ А. А. БЛОКА «ПОЭЗИЯ ЗАГОВОРОВ И ЗАКЛИНАНИЙ»

I. P. SAKHAROV'S FOLKLORE STYLIZATIONS IN A. A. BLOK'S ESSAY «THE POETRY OF CHARMS AND SPELLS»

Статья «Поэзия заговоров и заклинаний» была написана Блоком осенью 1906 для первого тома «Истории русской литературы», посвященного народной словесности. В статье Блок цитирует множество русских, украинских и белорусских заговоров, среди которых, помимо подлинных фольклорных текстов, имеются литературные стилизации, восходящие к «Сказаниям русского народа о семейной жизни своих предков» И. П. Сахарова. Исследование трех сахаровских текстов, процитированных Блоком, позволило выявить их отличия от аутентичных заговоров и поэтическую структуру. Впечатления Блока от знакомства с «Заговором от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» из собрания Сахарова отразились в его стихотворении «Сын и мать».
Ключевые слова: фольклор, магия, заговоры, поэзия, стилизация, Иван Сахаров, Александр Блок.

Block's essay «The Poetry of Charms and Spells» was written in the fall of 1906 for the first volume of the *History of Russian Literature*, the one on folk literature. In his essay, Blok cites Russian, Ukrainian and Belarusian spells and, in addition to the authentic folklore texts, offers some literary stylizations that go back to the *Tales of the Russian People on the Family Life of their Ancestors* by I. P. Sakharov. The analysis of three Sakharov texts quoted by Blok reveals their differences from the authentic spells, as well as their poetic structure. Blok's impressions of the *Spell Against the Anguish of a Bereaved Mother Separated from Her Dear Child* from Sakharov's collection found their way into his poem «Son and Mother».
Key words: folklore, magic, verbal charms, poetry, stylization, I. P. Sakharov, A. A. Blok.

Список литературы

1. *Блок А. А.* Записные книжки / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. 1901–1920. М., 1965.
2. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2.
3. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5.
4. *Виноградов Г. С.* Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. 1935. М.; Л., 1936. № 2–3.
5. *Владимирова И. В. <Душечкина И. В.>, Григорьев М. Г. <Альтшуллер М. Г.>, Кумпан К. А.* А. А. Блок и русская культура XVIII века // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 535).

6. *Дмитриева Р. П., Творогов О. В.* Сахаров Иван Петрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4.

7. Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII века / Публ. Е. Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.

8. *Кожевникова Н. А.* Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009.

9. *Кумпан К. А.* Заметки об источниках «Поэзии заговоров и заклинаний» // Мир А. Блока: Блоковский сборник V. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 657).

10. *Кумпан К. А.* О датировке статьи Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» // Вопросы литературы. 1983. № 12.

11. *Левинтон Г. А.* Заметки о фольклоризме Блока // Миф — фольклор — литература. Л., 1978.

12. *Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 3.

13. *Некрасова Е. А.* Виды экспрессивной тональности стихотворных произведений А. Блока // Образное слово А. Блока. М., 1980.

14. *Померанцева Э. В.* Блок и фольклор // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Т. 3.

15. *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники. М., 1988.

16. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М., 1880.

17. *Топорков А. Л.* О рукописи Г. Д. Книголюбова // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002.

18. *Топорков А. Л.* Сахаров Иван Петрович // Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2019. Т. 4. П — Софронов А. В.

References

1. *Blok A. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997. T. 2.

2. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M., 1962. T. 5.

3. *Blok A. A.* Zapisnye knizhki / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. V. N. Orlova. 1901–1920. M., 1965.

4. *Dmitrieva R. P., Tvorogov O. V.* Sakharov Ivan Petrovich // Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»: V 5 t. SPb., 1995. T. 4.

5. *Kozhevnikova N. A.* Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury. M., 2009.

6. *Kumpan K. A.* O datirovke stat'i Bloka «Poeziia zagovorov i zaklinanii» // Voprosy literatury. 1983. № 12.

7. *Kumpan K. A.* Zametki ob istochnikakh «Poezii zagovorov i zaklinanii» // Mir A. Bloka: Blokovskii sbornik V. Tartu, 1985 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 657).

8. *Levinton G. A.* Zametki o fol'klorizme Bloka // Mif — fol'klor — literatura. L., 1978.

9. *Mel'nikov P. I.* (*Andrei Pecherskii*). Sobr. soch.: V 6 t. M., 1963. T. 3.

10. *Nekrasova E. A.* Vidy ekspressivnoi tonal'nosti stikhotvornykh proizvedenii A. Bloka // Obraznoe slovo A. Bloka. M., 1980.

11. *Pomerantseva E. V.* Blok i fol'klor // Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. M.; L., 1958. T. 3.

12. *Pomerantseva E. V.* Pisateli i skazochniki. M., 1988.

13. Russkii narod: Ego obychai, obriady, predaniia, sueveriia i poeziia / Sobr. M. Zabylinym. M., 1880.

14. *Toporkov A. L.* O rukopisi G. D. Knigoliubova // Rukopisi, kotorykh ne bylo: Poddelki v oblasti slavianskogo fol'klora / Izd. podg. A. L. Toporkov, T. G. Ivanova, L. P. Lapteva, E. E. Levkievskaia. M., 2002.

15. *Toporkov A. L.* Sakharov Ivan Petrovich // Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t. / Pod red. T. G. Ivanovoi. SPb., 2019. T. 4. P — Sofronov A. V.

16. *Vinogradov G. S.* Opyt vyiavleniia fol'klornykh istochnikov romana Mel'nikova-Pecherskogo «V lesakh» // Sovetskii fol'klor: Sbornik statei i materialov. 1935. M.; L., 1936. № 2–3.

17. *Vladimirova I. V. <Dushechkina I. V.>*, *Grigor'ev M. G. <Al'tshuller M. G.>*, *Kumpan K. A.* A. A. Blok i russkaia kul'tura XVIII veka // Nasledie A. Bloka i aktual'nye problemy poetiki: Blokovskii sbornik IV. Tartu, 1981 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 535).

18. Zagovory i gadaniia iz sudebno-sledstvennykh materialov XVIII veka / Publ. E. B. Smilianskoi // Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov. M., 2002.

Наталия Юрьевна Грякалова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliya Juryevna Gryakalova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

natura3@yandex.ru

К КОМУ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОБРАЩЕНО СТИХОТВОРЕНИЕ А. А. БЛОКА «ИСПАНКЕ»?

WHO WAS THE ADDRESSEE OF A. A. BLOK'S POEM «TO A SPANISH LADY»?

В статье обсуждается вопрос об адресате стихотворения А. А. Блока и оспаривается гипотеза о том, что оно обращено к артистке «малого жанра» Казарозе (Б. Г. Шеншевой). На основе документально-биографических материалов и историко-культурных фактов (в частности, «испанская тема» в репертуаре Териокской антрепризы) выдвигается альтернативная версия: имплицитным адресатом стихотворения «Испанке» является Л. Д. Блок. Сам текст рассматривается как «геральдическая конструкция» (прием «mise en abyme») с отсылкой к пантомиме Вс. Мейерхольда «Влюбленные», декодирующей коммуникативную ситуацию.

Ключевые слова: лирика, заглавие, посвящение, адресат, биография, испанская тема, геральдическая конструкция, интерпретация.

The article discusses the addressee of A. A. Blok' poem, arguing against the suggestion that it is addressed to Kazarose (B. G. Shensheva), a «small genre» actress. The analysis of the documentary and biographical data, and of the historical and cultural context (in particular, of the «Spanish theme» in the repertoire of the Terioki Entreprise), suggests an alternative version: the implicit addressee of the poem is L. D. Blok. The text itself is considered as a «heraldic construction» («mise en abyme» technique), with a reference to Vs. Meyerhold's pantomime *The Lovers* as the decoder of the communicative situation.

Key words: lyrics, A. A. Blok, title, dedication, addressee, biography, Spanish theme, heraldic construction, interpretation.

Список литературы

1. А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка: 1901–1917 / Предисловие Д. М. Магомедовой; послесловие Ю. Е. Галаниной; комм. Ю. Е. Галаниной, Е. В. Глуховой, Е. Е. Чугуновой-Полсон. М., 2017.
2. *Бирченоф Т.* Александр Головин и Испания // Третьяковская галерея. 2015. № 4 (49); https://www.tg-m.ru/articles/4-2015-49/aleksandr-golovin-i-ispaniya.
3. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2, 3.
4. *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989.
5. *Веригина В. П.* Воспоминания / Вступ. статья С. Л. Цимбала; прим. Т. В. Ланиной. Л., 1974.
6. *Веригина В.* Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок // Звезда. 1980. № 10.
7. *Высотская О.* Мои воспоминания // Театр. 1994. № 4.
8. *Галанина Ю. Е.* Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М., 2009.
9. *Грякалова Н., Иванова Е.* Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105.
10. *Дёньдёши М.* Два типа художественной субъективности: стихотворения Рильке и Блока на тему испанского танца // Шахматовский вестник. М., 2011. Вып. 12.
11. История западноевропейского театра: В 8 т. М., 1956. Т. 1.
12. Краснушкина Елизавета Захарьевна // Донская энциклопедия: В 2 т. Таганрог, 2015. Т. 1.
13. *Лопатин А. А.* А. А. Блок и «Старинный театр» (опыт прочтения стихотворения «Испанке») // Поэтическое пространство Александра Блока: Сб. статей / [Сост. и отв. ред. Д. Д. Кумукова]. СПб., 2013.
14. *Лопатин А. А.* Казароза Бэлла Георгиевна // Энциклопедия циркового и эстрадного искусства. http://www.ruscircus.ru/news/prep/cgi/encyc?func=text&sellet=%CA&selword=2183.
15. *Лопатин А. А.* Казароза Бэлла Георгиевна // Эстрада в России. XX век: энциклопедия / [Отв. ред. Е. Д. Уварова]. М., 2004.
16. *Лопатин А.* Три персонажа в поисках любви: Б. Казароза, Н. Волков, О. Книппер-Чехова // Петербургский театральный журнал. 2001. № 24.

17. *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896–1939. М., 1976.
18. Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.] / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. М., 1932. Т. 2.
19. *Chambers R.* Baudelaire's Dedicatory Practice // SubStance. 1988. Vol. 17. № 2.
20. *Dallenbach L.* Le recit speculaire. Essai sur la mise en abyme. Paris, 1977.

References

1. A. A. Blok — L. D. Mendeleeva-Blok. Perepiska: 1901–1917 / Predislovie D. M. Magomedovoi; posleslovie Iu. E. Galaninoi; komm. Iu. E. Galaninoi, E. V. Glukhovoi, E. E. Chugunovoi-Polson. M., 2017.
2. *Birchenof T.* Aleksandr Golovin i Ispaniia // Tret'iakovskaia galereia. 2015. № 4 (49); https://www.tg-m.ru/articles/4-2015-49/aleksandr-golovin-i-ispaniya.
3. *Blok A.* Dnevnik / Podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. A. L. Grishunina. M., 1989.
4. *Blok A. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997. T. 2, 3.
5. *Chambers R.* Baudelaire's Dedicatory Practice // SubStance. 1988. Vol. 17. № 2.
6. *Dallenbach L.* Le recit speculaire. Essai sur la mise en abyme. Paris, 1977.
7. *Dën'dëshi M.* Dva tipa khudozhestvennoi sub"ektivnosti: stikhotvoreniia Ril'ke i Bloka na temu ispanskogo tantsa // Shakhmatovskii vestnik. M., 2011. Vyp. 12.
8. *Galanina Iu. E.* Liubov' Dmitrievna Blok. Sud'ba i stsena. M., 2009.
9. *Griakalova N., Ivanova E.* Zapisnye knizhki Aleksandra Bloka bez kupiur // Nashe nasledie. 2013. № 105.
10. Istoriia zapadnoevropeiskogo teatra: V 8 t. M., 1956. T. 1.
11. Krasnushkina Elizaveta Zakhar'evna // Donskaia entsiklopediia: V 2 t. Taganrog, 2015. T. 1.
12. *Lopatin A. A.* A. A. Blok i «Starinnyi teatr» (opyt prochteniia stikhotvoreniia «Ispanke») // Poeticheskoe prostranstvo Aleksandra Bloka: Sb. statei / [Sost. i otv. red. D. D. Kumukova]. SPb., 2013.
13. *Lopatin A. A.* Kazaroza Bella Georgievna // Entsiklopediia tsirkovogo i estradnogo iskusstva. http://www.ruscircus.ru/news/prep/cgi/encyc?func=text.
14. *Lopatin A. A.* Kazaroza Bella Georgievna // Estrada v Rossii. XX vek: entsiklopediia / [Otv. red. E. D. Uvarova]. M., 2004.
15. *Lopatin A.* Tri personazha v poiskakh liubvi: B. Kazaroza, N. Volkov, O. Knipper-Chekhova // Peterburgskii teatral'nyi zhurnal. 2001. № 24.
16. *Meierkhol'd V. E.* Perepiska: 1896–1939. M., 1976.
17. Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym: [V 2 t.] / Pod red. i s prim. M. A. Beketovoi i predisloviem V. A. Desnitskogo. M., 1932. T. 2.
18. *Verigina V. P.* Vospominaniia / Vstup. stat'ia S. L. Tsimbala; prim. T. V. Laninoi. L., 1974.
19. *Verigina V.* Pamiati Liubovi Dmitrievny Mendeleevoi-Blok // Zvezda. 1980. № 10.
20. *Vysotskaia O.* Moi vospominaniia // Teatr. 1994. № 4.

Вячеслав Николаевич Быстров

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Viacheslav Nikolaevich Bystrov

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

bysvn@mail.ru

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К «ЕЖЕДНЕВНИКУ» А. А. БЛОКА 1915 ГОДА

COMMENTATOR'S NOTES TO A. A. BLOK'S DATEBOOK OF 1915

Сообщение представляет собой фрагменты комментария к записной книжке А. А. Блока 1915 года. Кратко охарактеризованы ее особенности. Основное внимание уделено заметкам, связанным с Л. А. Дельмас, с цензурной историей драмы «Роза и Крест», подготовкой книги «Стихотворения Аполлона Григорьева», отношением поэта к акциям в защиту евреев (воззвание, анкета, сборник «Щит» и т. д.). Комментарии позволяют расширить и прояснить контекст некоторых блоковских записей данного «ежедневника».

Ключевые слова: А. А. Блок, записная книжка, интерпретация, Л. А. Дельмас, «Роза и Крест».

The report contains fragments of a commentary to A. A. Blok's datebook of 1915. Its features are briefly described. The focus is on the notes related to L. A. Delmas, the history of the censorship of the drama *The Rose and the Cross*, the preparation of the book *Poems of Apollo Grigoriev*, the poet's response to the activities in the defense of the Jews (an appeal, a questionnaire, collection *The Shield* etc.). The purpose of the comments is to expand and clarify the context of some of Block's entries in the datebook.

Key words: A. A. Blok, datebook, interpretation, L. A. Delmas, *The Rose and the Cross*.

Список литературы

1. А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка: 1901–1917 / Предисловие Д. М. Магомедовой; послесловие Ю. Е. Галаниной; комм. Ю. Е. Галаниной, Е. В. Глуховой, Е. Е. Чугуновой-Полсон. М., 2017.

2. Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1985–1986. Кн. 2, 3.

3. *Блок А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965.

4. *Блок А. А.* Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; публ. и комм. А. П. Юловой // Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.

5. *Блок А. А.* Переписка с Вл. Пястом / Вступ. статья, публ. и комм. З. Г. Минц // Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.

6. Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика; подг. текстов Ю. Е. Благоволиной, Ю. Е. Галаниной и др.; комм. Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Н. В. Лощинской, Р. Д. Тименчика и др. // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.

7. *Боева Г. Н.* Сологуб, Андреев и Горький в третейском суде: об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни // Научные труды по иудаике: Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2014. Вып. 46. Т. 2.

8. *Быстров В. Н.* Из комментариев к записной книжке А. Блока 1915 года // Русская литература. 2012. № 1.

9. *Быстров В. Н.* «Угрюмством множа красоту»: статьи, сообщения и заметки о творчестве А. А. Блока. СПб., 2017.

10. *Галанина Ю. Е.* Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М., 2009.

11. *Дельмас Л. А.* «Мой голос для тебя...». Воспоминания / Публ. и подг. текста И. Фащевской // Аврора. 1971. № 1.

12. *Заборова Р. Б.* Новое об Александре Блоке // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973.

13. Из переписки Р. В. Иванова-Разумника и Е. П. Иванова / Предисловие, публ. и комм. Н. В. Скворцовой // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.

14. *Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017.

15. *Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14).

16. Леонид Андреев. Письма А. А. Кипену / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. В. Н. Чувакова // De visu. 1994. № 3/4.

17. *Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С.* Блок и В. А. Щеголева // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.

18. *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896–1939 / Сост. В. П. Коршунова и М. М. Ситковецкая. М., 1976.

19. Письма А. А. Блока к Л. А. Дельмас / Публ. И. Фащевской // Звезда. 1970. № 11.

20. Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.]. М., 1932. Т. 2 / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого.

21. *Полканова М. Ф.* О подготовке спектакля «Роза и Крест» в Художественном театре (Неизданные материалы) // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5.

22. *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 2 т. 2-е изд. / Предисловие С. А. Пономаренко; сост., прим. и указатели Н. Г. Михайловой. М., 2000. Т. 2. 1936–1941.

23. *Рерих Н. К.* Твердыня пламенная. Рига, 1991.

24. *Соболев А. Л.* Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum Homini Universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011.

25. *Тименчик Р. Д.* Заметки комментатора 8. Пропавшее письмо // Литературный факт. 2019. № 1 (11).

26. *Троицкий Н. А.* Корифеи российской адвокатуры. М., 2006.
27. *Чарушникова М. В.* Письма А. Блока Н. П. Киселеву // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып. 46.
28. *Шехурина Л. Д.* Петербургская типография «Унион» (1908–1917) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения — 2010. Сб. науч. трудов: [В 2 ч.]. СПб., 2011. Ч. 1. Книжное дело. Культурология.
29. *Шоломова С. Б.* К истории первой постановки драмы «Роза и Крест» // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5.
30. *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. Париж, 1991.

References

1. A. A. Blok — L. D. Mendeleeva-Blok. Perepiska: 1901–1917 / Predislovie D. M. Magomedovoi; posleslovie Iu. E. Galaninoi; komm. Iu. E. Galaninoi, E. V. Glukhovoi, E. E. Chugunovoi-Polson. M., 2017.
2. Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie: V 3 kn. / Sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoi. L., 1985–1986. Kn. 2, 3.
3. *Blok A. A.* Perepiska s A. M. Remizovym (1905–1920) / Vstup. stat'ia Z. G. Mints; publ. i komm. A. P. Iulovoi // Lit. nasledstvo. 1981. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 2.
4. *Blok A. A.* Perepiska s Vl. Piastom / Vstup. stat'ia, publ. i komm. Z. G. Mints // Lit. nasledstvo. 1981. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 2.
5. *Blok A.* Zapisnye knizhki: 1901–1920 / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. V. N. Orlova. M., 1965.
6. Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921) / Vstup. stat'ia N. V. Kotreleva i Z. G. Mints; publ. N. V. Kotreleva i R. D. Timenchika; podg. tekstov Iu. E. Blagovolinoi, Iu. E. Galaninoi i dr.; komm. N. V. Kotreleva, A. V. Lavrova, N. V. Loshchinskoi, R. D. Timenchika i dr. // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
7. *Boeva G. N.* Sologub, Andreev i Gor'kii v treteiskom sude: ob odnom epizode iz istorii sozdaniia Russkogo obshchestva izucheniia evreiskoi zhizni // Nauchnye trudy po iudaike: Materialy XX Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike. M., 2014. Vyp. 46. T. 2.
8. *Bystrov V. N.* Iz kommentariev k zapisnoi knizhke A. Bloka 1915 goda // Russkaia literatura. 2012. № 1.
9. *Bystrov V. N.* «Ugriumstvom mnozha krasotu»: stat'i, soobshcheniia i zametki o tvorchestve A. A. Bloka. SPb., 2017.
10. *Charushnikova M. V.* Pis'ma A. Bloka N. P. Kiselevu // Zapiski otdela rukopisei GBL. M., 1987. Vyp. 46.
11. *Del'mas L. A.* «Moi golos dlia tebia...». Vospominaniia / Publ. i podg. teksta I. Fashchevskoi // Avrora. 1971. № 1.
12. *Galanina Iu. E.* Liubov' Dmitrievna Blok. Sud'ba i stsena. M., 2009.
13. Iz perepiski R. V. Ivanova-Razumnika i E. P. Ivanova / Predislovie, publ. i komm. N. V. Skvortsovoi // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
14. *Izmailov A. A.* Perepiska s sovremennikami / Sost., vstup. stat'ia A. S. Aleksandrova; predisloviia, podg. tekstov i prim. A. S. Aleksandrova, E. K. Aleksandrovoi, N. Iu. Griakalovoi. SPb., 2017.
15. *Kel'ner V. E.* Evreiskii vopros i russkaia obshchestvennaia zhizn' v gody Pervoi mirovoi voiny // Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve. 1997. № 1 (14).
16. Leonid Andreev. Pis'ma A. A. Kipenu / Publ., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. N. Chuvakova // De visu. 1994. № 3/4.
17. *Litvin E. Iu., Grechishkin S. S.* Blok i V. A. Shchegoleva // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
18. *Meierkhol'd V. E.* Perepiska: 1896–1939 / Sost. V. P. Korshunova i M. M. Sitkovetskaia. M., 1976.
19. Pis'ma A. A. Bloka k L. A. Del'mas / Publ. I. Fashchevskoi // Zvezda. 1970. № 11.
20. Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym: [V 2 t.]. M., 1932. T. 2 / Pod red. i s prim. M. A. Beketovoi i predisloviem V. A. Desnitskogo.
21. *Polkanova M. F.* O podgotovke spektaklia «Roza i Krest» v Khudozhestvennom teatre (Neizdannye materialy) // Lit. nasledstvo. 1993. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 5.
22. *Rerikh N. K.* Listy dnevnika: V 2 t. 2-e izd. / Predislovie S. A. Ponomarenko; sost., prim. i ukazateli N. G. Mikhailovoi. M., 2000. T. 2. 1936–1941.
23. *Rerikh N. K.* Tverdynia plamennaia. Riga, 1991.
24. *Shekhurina L. D.* Peterburgskaia tipografiia «Union» (1908–1917) // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga: Peterburgskie chteniia — 2010. Sb. nauch. trudov: [V 2 ch.]. SPb., 2011. Ch. 1. Knizhnoe delo. Kul'turologiia.
25. *Sholomova S. B.* K istorii pervoi postanovki dramy «Roza i Krest» // Lit. nasledstvo. 1993. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 5.

26. *Shteinberg A*. Druz'ia moikh rannikh let. Parizh, 1991.
27. *Sobolev A. L.* Cum scuto: Viacheslav Ivanov — uchastnik sbornika «Shchit» // Donum Homini Universalis: Sbornik statei v chest' 70-letiia N. V. Kotreleva. M., 2011.
28. *Timenchik R. D.* Zametki kommentatora 8. Propavshee pis'mo // Literaturnyi fakt. 2019. № 1 (11).
29. *Troitskii N. A.* Korifei rossiiskoi advokatury. M., 2006.
30. *Zaborova R. B.* Novoe ob Aleksandre Bloke // Knigi. Arkhivy. Avtografy. M., 1973.

Ольга Александровна Кузнецова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Olga Alexandrovna Kuznetsova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

kolar@inbox.ru

«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» А. А. БЛОКА: ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА И АВТОРСКОЕ НАЧАЛО

THE LAST DAYS OF THE IMPERIAL POWER BY A. A. BLOK: GENRE AND IMAGE OF THE AUTHOR

В статье рассматривается история работы А. А. Блока над книгой «Последние дни императорской власти». В процессе ее подготовки неоднократно менялся жанр и авторское присутствие в тексте. Сначала Блок представляет себя автором романа-эпопеи, описывающего историю русского самодержавия в стиле Золя или Достоевского, затем делает выбор между историческим исследованием или политическим докладом с обличительной направленностью и, наконец, трудится над отчетом комиссии и составляет летопись революционных дней. Все это нашло отражение в книге «Последние дни императорской власти».

Ключевые слова: А. А. Блок, «Последние дни императорской власти», Чрезвычайная следственная комиссия, архивные источники, протоколы допросов.

The article covers the history of A. Blok's work on the book *The Last Days of the Imperial Power*. The genre and the author's presence in the text went through several alterations in the process of the work. Initially Blok presented himself as the author of an epic novel that described the history of the Russian autocracy in the style of Zola or Dostoevsky, then oscillated between a historical study and a political report with a diatribe, and finally, having studied the report of the Commission, he composed a chronicle of the revolutionary days. All of the above have been incorporated into *The Last Days of the Imperial Power*.

Key words: A. A. Blok, *The Last Days of the Imperial Power*, Extraordinary Investigation Commission, archival sources, interrogation protocols.

Список литературы

1. *Блок А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965.
2. *Блок А. А*. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–2010. Т. 5, 8.
3. *Блок А*. Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский, З. И. Перегудова. М., 2012.
4. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7.
5. *Гальперина Б. Д*. Аполлон в плену у Клио: О работе Блока в Чрезвычайной следственной комиссии // Аврора. 1970. № 11.
6. *Гальперина Б. Д*. Работа А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002.
7. *Иванова Е*. Александр Блок: последние годы жизни. М., 2012.

8. *Иванова Е.* Блок и Февральская революция // Наше наследие. 2017. № 121.

9. *Иоффе Г.* Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал. 2007. № 246.

10. *Лощинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи, документы, библиография. Л., 1982.

11. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. / Ред. П. Е. Щеголев. Л., 1925–1927. Т. 2, 3, 7.

12. *Перегудова З. И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А. Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский, З. И. Перегудова. М., 2012.

13. Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.]. М., 1932. Т. 2 / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого.

14. *Поливанов О. А.* «Сводка событий» А. А. Блока предреволюционных и февральских дней 1917 года // Блок А. Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский, З. И. Перегудова. М., 2012.

15. *Родзянко М. В.* Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.).

16. *Руднев В. М.* [Правда о русской царской семье и темных силах] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998 (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 8).

17. *Силард Л.* К символике круга у Блока // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.

18. *Спивак М. Л.* Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 8.

References

1. *Blok A. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1999–2010. T. 5, 8.

2. *Blok A.* Poslednie dni Imperatorskoi vlasti / Sost. S. S. Lesnevskii, Z. I. Peregudova. M., 2012.

3. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 7.

4. *Blok A.* Zapisnye knizhki: 1901–1920 / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. V. N. Orlova. M., 1965.

5. *Gal'perina B. D.* Apollon v plenu u Klio: O rabote Bloka v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii // Avrora. 1970. № 11.

6. *Gal'perina B. D.* Rabota A. A. Bloka «Poslednie dni imperatorskoi vlasti» // Peterburgskaia istoricheskaia shkola: Al'manakh. Prilozhenie k zhurnalu dlia uchenykh «Klio». Pamiati V. I. Startseva. SPb., 2002.

7. *Ioffe G.* Aleksandr Blok kak istorik padeniia monarkhii (K 90-letiiu Fevral'skoi revoliutsii) // Novyi zhurnal. 2007. № 246.

8. *Ivanova E.* Blok i Fevral'skaia revoliutsiia // Nashe nasledie. 2017. № 121.

9. *Ivanova E.* Blok v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii; Ocherk «Poslednie dni imperatorskoi vlasti»: istoriia sozdaniia // Ivanova E. Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni. M., 2012.

10. *Loshchinskaia N. V.* Aleksandr Blok i Pushkinskii Dom // Pushkinskii Dom: Stat'i, dokumenty, bibliografiia. L., 1982.

11. Padenie tsarskogo rezhima: Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii Vremennogo Pravitel'stva: V 7 t. / Red. P. E. Shchegolev. L., 1925–1927. T. 2, 3, 7.

12. *Peregudova Z. I.* Cprezvychainaia sledstvennaia komissiia dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok // Blok A. Poslednie dni Imperatorskoi vlasti / Sost. S. S. Lesnevskii, Z. I. Peregudova. M., 2012.

13. Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym: [V 2 t.]. M., 1932. T. 2 / Pod red. i s prim. M. A. Beketovoi i predisloviem V. A. Desnitskogo.

14. *Polivanov O. A.* «Svodka sobytii» A. A. Bloka predrevoliutsionnykh i fevral'skikh dnei 1917 goda // Blok A. Poslednie dni Imperatorskoi vlasti / Sost. S. S. Lesnevskii, Z. I. Peregudova. M., 2012.

15. *Rodzianko M. V.* Krushenie imperii // Gibel' monarkhii. M., 2000 (Istoriia Rossii i Doma Romanovykh v memuarakh sovremennikov. XVII–XX vv.).

16. *Rudnev V. M.* [Pravda o russkoi tsarskoi sem'e i temnykh silakh] // N. A. Sokolov. Predvaritel'noe sledstvie 1919–1922 gg.: Sb. materialov / Sost. L. A. Lykova. M., 1998 (Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Vyp. 8).

17. *Silard L.* K simvolike kruga u Bloka // Silard L. Germetizm i germenevtika. SPb., 2002.

18. *Spivak M. L.* Poslednii tsarskii ministr vnutrennikh del A. D. Protopopov v politicheskoi publitsistike A. A. Bloka i ego sovremennikov // Vestnik RGGU. Ser. «Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia». 2016. № 8.

Евгения Викторовна Иванова

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Evgenia Viktorovna Ivanova

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

evi@l-z.ru

А. А. БЛОК В РАБОТЕ НАД ПРОЕКТОМ «СТО ЛУЧШИХ РУССКИХ КНИГ»

A. A. BLOK WORKING ON THE PROJECT *ONE HUNDRED BEST RUSSIAN BOOKS*

Статья посвящена истории малоизвестного проекта М. Горького «Сто лучших русских книг» готовившегося для «Издательства З. И. Гржебина». В работе принимали участие А. А. Блок, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин, Иванов-Разумник и Н. О. Лернер, они составляли первоначальный план изданий. Блок воспринял проект как возможность подвести итог развития дореволюционной русской литературы. Впервые представлен ход работы Блока над составлением списка «Сто лучших русских книг», публикуются подготовительные материалы, отражающие принципы, которыми руководствовался Блок. В приложении публикуется финальный список из 250 книг.

Ключевые слова: послереволюционные издательские проекты М. Горького, история издательства З. И. Гржебина, А. Блок в работе над списком «Сто лучших русских книг».

The article examines the history of M. Gorky's obscure project *One Hundred Best Russian Books*, which was to be published at the Publishing House of Z. I. Grzhebin. Blok, N. Gumilev, K. Chukovsky, E. Zamyatin, Ivanov-Razumnik, N. O. Lerner contributed to the project. Block saw it as a chance to summarize the development of the pre-revolutionary Russian literature. The article details Blok's approach to making the list of one hundred best Russian books; preparatory materials reflecting Block's guiding principles are also published. The Appendix contains the list of 250 books compiled by Blok at Gorky's request.

Key words: M. Gorky's post-revolutionary publishing projects; history of Z. I. Grzhebin's Publishing House; A. A. Blok's work on *One Hundred Best Russian Books* and its transformation into the list of 250 books.

Список литературы

1. Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1.
2. *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989.
3. *Блок А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965.
4. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
5. *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. Л., 1932–1934. Т. 1, 11.
6. *Динерштейн Е. А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014.
7. *Замятин Е. И.* Александр Блок // Замятин Е. И. Избр. произведения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
8. *Иванова Е.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012.
9. *Ипполитов С. С.* З. И. Гржебин (1877–1929) // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9).
10. *Катаева А. Г.* М. Горький и русское издательское дело в Германии в начале 20-х гг. // Новый исторический вестник. 2000. № 2.
11. *Лавров А. В.* Блок и Иванов-Разумник // Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000.
12. *Миллер О. В.* Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.
13. Письма Блока к К. И. Чуковскому и отрывки из дневника К. И. Чуковского / Вступ. статья, публ. и комм. Е. Ц. Чуковской // Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.
14. *Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. Дневник. 1901–1921.

References

1. Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie: V 3 kn. / Sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoi. L., 1984. Kn. 1.
2. *Blok A.* Dnevnik / Podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. A. L. Grishunina. M., 1989.
3. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1962. T. 6.
4. *Blok A.* Sobr. soch.: V 12 t. L., 1932–1934. T. 1, 11.
5. *Blok A.* Zapisnye knizhki: 1901–1920 / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. V. N. Orlova. M., 1965.
6. *Chukovskii K.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2006. T. 11. Dnevnik. 1901–1921.
7. *Dinershtein E. A.* Siniaia ptitsa Zinoviia Grzhebina. M., 2014.
8. *Ippolitov S. S.* Z. I. Grzhebin (1877–1929) // Novyi istoricheskii vestnik. 2003. № 1 (9).
9. *Ivanova E.* Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni. SPb., 2012.
10. *Kataeva A. G.* M. Gor'kii i russkoe izdatel'skoe delo v Germanii v nachale 20-kh gg. // Novyi istoricheskii vestnik. 2000. № 2.
11. *Lavrov A. V.* Blok i Ivanov-Razumnik // Lavrov A. V. Etiudy o Bloke. SPb., 2000.
12. *Miller O. V.* Pomety Bloka na knigakh po istorii russkoi literatury XIX v. // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
13. Pis'ma Bloka k K. I. Chukovskomu i otryvki iz dnevnika K. I. Chukovskogo / Vstup. stat'ia, publ. i komm. E. Ts. Chukovskoi // Lit. nasledstvo. 1981. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovainiia: V 5 kn. Kn. 2.
14. *Zamiatin E. I.* Aleksandr Blok // Zamiatin E. I. Izbr. proizvedeniia: V 2 t. M., 1990. T. 2.

Томи Хуттунен (*Финляндия*)

профессор Хельсинкского университета

Tomi Huttunen (*Finland*)

Professor at the University of Helsinki

tomi.huttunen@helsinki.fi

«В ТЕНИ ПОСЛЕДНЕЙ КУЛИСЫ...»: АНТТИ ТИИТТАНЕН — ПЕРЕВОДЧИК А. А. БЛОКА И ПОСРЕДНИК МЕЖДУ РУССКОЙ И ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАМИ

«IN THE SHADOW OF THE LAST COULISSE...»: ANTTI TITTANEN — TRANSLATOR OF A. A. BLOK AND MEDIATOR BETWEEN RUSSIAN AND FINNISH LITERATURES

Статья посвящена неизвестной странице истории переводов русской модернистской литературы в Финляндии: судьбе ингерманландского писателя, драматурга, журналиста и переводчика Антти Тиитанена. Его литературными кумирами были Александр Блок, Иван Бунин и Николай Евреинов. В 1920-е годы Тиитанен представил их творчество финскому читателю.

Ключевые слова: модернизм, Финляндия, ингерманландцы, граница, А. А. Блок, перевод, транснациональное.

The article discusses a previously unknown passage in the history of the translations of Modernist Russian literature in Finland: the fate of an Ingrian Finnish writer, playwright, journalist and translator Antti Tiittanen. His literary icons were Alexander Blok, Ivan Bunin and Nikolay Evreinov, and during the 1920s he presented their oeuvre to the Finnish reader through articles and translations.

Key words: Modernism, Finland, Ingrian Finns, border, A. A. Blok, translation, transnational.

Список литературы

1. *Башмакова Н.* «Мы говорим на разных языках»: Из литературной жизни русских в Финляндии в межвоенные годы // Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1992 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III).
2. *Башмакова Н.* Тишина и молчание: Елена Гуро в финском пейзаже // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре / Под ред. Р. Лейбова. Тарту, 1995 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV).

3. *Бекетова М. А.* Александр Блок. Л., 1930.
4. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2.
5. *Клапури Т.* Седергран и Северянин, или Как эгофутуризм пришел в Финляндию // Транснациональное в русской культуре / Ред. Г. Обатнин, Т. Хуттунен. М., 2018.
6. *Крюкова А. М.* Блок и Горький. I. К истории личных и творческих взаимоотношений Блока и Горького // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.
7. *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2.
8. *Обатнин Г.* «Северная любовь» (вместо предисловия от составителя) // Russian Literature. 2012. Vol. 71. № 2.
9. *Пюккенен А.* Былое Токсово. СПб., 2018.
10. *Соболев А.* К истории «Сборника Финляндской литературы» // Russian Literature. 2012. Vol. 71. № 2.
11. *Сойни Е.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М., 2017.
12. *Таргиайнен М. А.* Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 2001.
13. *Шеншина В.* Поэзия поэтического перевода. О переводах поэмы «Двенадцать» Александра Блока на финский и шведский языки // Литературный процесс: внутренние законы и внешние воздействия. Тарту, 1990 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia II).
14. *Avertšenko A.* Iloisia juttuja / Suom. A[lex] H[alonen]. Hämeenlinna, 1912.
15. *Balmont K.* Merililjan juuri / Suom. A. Tiittanen // Väinämöinen. 1925. № 37, 44.
16. *Baschmakoff N.* Avant-Garde Encounters on the Carelian Bedrock // A Cultural History of the Avant-Garde in the Nordic Countries / Ed. by Hubert van den Berg & Marianne Ølholm. Amsterdam, 2012.
17. *Blok A.* Kaksitoista // Runon pursi. Maailmankirjallisuuden kertovaa runoutta / Valinnut ja suomentanut Y. Jylhä. Helsinki, 1934.
18. *Block A.* Näyttelijätär / Suom. A. Tiittanen // Näyttämö. 1928. № 8–9.
19. *Block A.* Solveig / Suom. A. Tiittanen // Näyttämö. 1929. № 11.
20. *Block A.* Ystävättärelle / Suom. R. Ronimus // Suomen Kuvalehti. 1921. 10. joulukuuta (dekabr').
21. *Brjusov V.* Suomen kansalle / Suom. A.V. Koskimies // Aika. 1910. № 22.
22. *Bunin I.* Jumalatar / Suom. A. Tiittanen // Näyttämö. 1926. № 3–10.
23. *Flink T.* Pois nöyrän panta. Inkerin Liitto 1922–1944. Turku, 2012.
24. *Hellman B.* Встречи и столкновения. Meetings and Clashes. Helsinki, 2009 (Slavica Helsingiensiä. № 36).
25. *Hellman B.* Rafael Lindqvist, 1867–1952 // Svensk översättarlexikon. URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Rafael_Lindqvist.
26. *Hellman B., Huttunen T., Klapuri T., Piispa L.* Finlandssvenskarna som förmedlare av rysk kultur på 1920- och 30-talen // Finsk Tidskrift. 2017. № 3–4.
27. *Hippius Z.* Katkelmia. Eräitä muistokuvia venäläisestä runoilijasta Feodor Sologubista / Suom. A. Tiittanen // Väinämöinen. 1926. № 5.
28. *Jänis M., Pesonen P.* Venäläinen kirjallisuus // Suomennoskirjallisuuden historia / Ed. by H. K. Riikonen et al. Helsinki, 2007. Vol. 2.
29. *Kiparsky V.* Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.
30. *Klapuri T.* Venäläisen modernistisen runouden suomalainen käännöshistoria, 1918–1930 // Avain. 2016. № 3.
31. *Kurjensaari M.* Loistava Olavi Paavolainen. Helsinki, 1975.
32. *Mišin A.* Antti Tiittasen lyhyt taival // Carelia. 2002. № 1.
33. *Nevalainen P.* Viskoi kuin luoja kerjäläistä. Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki, 1999.
34. *Paavolainen O.* Venäläisiä vallankumousrunoilijoita. Block — Jessenin — Majakovski // Aitta. 1928. № 2.
35. *Pesonen P.* Luonnon surullinen poikapuoli ja Saimaan rannan nymfi // Suomi, suuriruhtinaan maa. Helsinki, 1991.
36. *Riikonen H.* Nukuin vasta aamuyöstä. Olavi Paavolainen 1903–1964. Helsinki, 2014.
37. Sånger i rött och svart. Ett urval dikter från bolsjevismens dagar / Red. Rafael Lindgvist. Helsingfors, 1924.
38. *Tiittanen A.* Alexander Blockin kuolema // Inkerin Sanomat. 1921. 16. syyskuuta (sent'abr').
39. *Tiittanen A.* Erään kuolemanviestin saavuttua // Helsingin Sanomat. 1925. 22. maaliskuuta (mart).
40. *Tiittanen A.* Hurmioituneet kasvot // Inkeri. 1925. № 11.
41. *Tiittanen A.* «Kaikkein tärkein». Pari sanasta lähestyvästä ensi-illasta // Näyttämö. 1924. № 4.
42. *Tiittanen A.* Käsitöitä kirjakaupassa // Ultra. 1922. № 6.
43. *Tiittanen A.* Käskijä ja rakastaja. Kaksi merkillistä venäläistä näytelmää // Helsingin Sanomat. 1924. 30. heinäkuuta (ijul').
44. *Tiittanen A.* Krylovin tarinat // Inkeri. 1924. 17. marraskuuta (noyabr').
45. *Tiittanen A.* Lupaava pettymys // Ultra. 1922. № 7–8.

46. *Tiittanen A*. Nainen ja elämä // Ultra. 1922. № 5.
47. *Tiittanen A*. Nerosta — runoilijaksi. Kirjallisia ja elämäkerrallisia piirteitä Igorj Severjaninista // Karjala. 1926. 30. toukokuuta (maj).
48. *Tiittanen A*. Nuori orja. 1-näytöksinen historiallinen kuvitelma. Helsinki, 1923.
49. *Tiittanen A*. Pelolla siunattu. Lisäpiirteitä Leonid Andrejevin kirjailijakuvaan // Helsingin Sanomat. 1925. 26. huhtikuuta (aprel').
50. *Tiittanen A*. Riemukierros. Taiteilijanovelleja. Helsinki, 1927.
51. *Tiittanen A*. Vain rakkaudesta sinuun. Teatterinovelleja. Helsinki, 1923.
52. *Toivola I. S*. Antti Tiittanen. Kotimaisen kirjallisuuden laudaturtyö. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1935.
53. *Wrede J*. Tidskriften Ultra // Festskrift till Olof Enckell 12.3.1970 / Red. P. O. Barck et al. Helsingfors, 1970.

References

1. *Avertšenko A*. Iloisia juttuja / Suom. A[lex] H[alonen]. Hämeenlinna, 1912.
2. *Balmont K*. Merililjan juuri / Suom. A. Tiittanen // Väinämöinen. 1925. № 37, 44.
3. *Baschmakoff N*. Avant-Garde Encounters on the Carelian Bedrock // A Cultural History of the Avant-Garde in the Nordic Countries / Ed. by Hubert van den Berg & Marianne Ølholm. Amsterdam, 2012.
4. *Bashmakova N*. «My govorim na raznyh yazykah»: Iz literaturnoi zhizni russkih v Finliandii v mezhvoennye gody // Problemy russkoj literatury i kultury / Pod red. L. Byukling i P. Pesonena. Helsinki, 1992 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III).
5. *Baschmakova N*. Tishina i molchanie: Elena Guro v finskom peizazhe // «Svoe» i «chuzhoe» v literature i kulture / Pod red. R. Lejbova. Tartu, 1995 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV).
6. *Beketova M. A*. Aleksandr Blok. L., 1930.
7. *Blok A*. Kaksitoista // Runon pursi. Maailmankirjallisuuden kertovaa runoutta / Valinnut ja suomentanut Y. Jylhä. Helsinki, 1934.
8. *Block A*. Näyttelijätär / Suom. A. Tiittanen // Näyttämö. 1928. № 8–9.
9. *Blok A. A*. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997. T. 2.
10. *Block A*. Solveig / Suom. A. Tiittanen // Näyttämö. 1929. № 11.
11. *Block A*. Ystävättärelle / Suom. R. Ronimus // Suomen Kuvalehti. 1921. 10. joulukuuta (dekabr').
12. *Brjusov V*. Suomen kansalle / Suom. A.V. Koskimies // Aika. 1910. № 22.
13. *Bunin I*. Jumalatar / Suom. A. Tiittanen // Näyttämö. 1926. № 3–10.
14. *Flink T*. Pois nöyrän panta. Inkerin Liitto 1922–1944. Turku, 2012.
15. *Hellman B*. Vstrechi i stolknoveniia. Meetings and Clashes. Helsinki, 2009 (Slavica Helsingiensiä. № 36).
16. *Hellman B*. Rafael Lindqvist, 1867–1952 // Svensk översättarlexikon. URL: https://litteraturbanken.se/översättarlexikon/artiklar/Rafael_Lindqvist.
17. *Hellman B., Huttunen T., Klapuri T., Piispa L*. Finlandssvenskarna som förmedlare av rysk kultur på 1920- och 30-talen // Finsk Tidskrift. 2017. № 3–4.
18. *Hippius Z*. Katkelmia. Eräitä muistokuvia venäläisestä runoilijasta Feodor Sologubista / Suom. A. Tiittanen // Väinämöinen. 1926. № 5.
19. *Jänis M., Pesonen P*. Venäläinen kirjallisuus // Suomennoskirjallisuuden historia / Ed. by H. K. Riikonen et al. Helsinki, 2007. Vol. 2.
20. *Kiparsky V*. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.
21. *Klapuri T*. Sedergran i Severyanin, ili Kak e'ofuturizm prishel v Finlyandiyu // Transnatsional'noe v russkoi kul'ture / Red. G. Obatnin, T. Huttunen. M., 2018.
22. *Klapuri T*. Venäläisen modernistisen runouden suomalainen käännöshistoria, 1918–1930 // Avain. 2016. № 3.
23. *Kriukova A. M*. Blok i Gor'kii. I. K istorii lichny'h i tvorcheskih vzaimootnoshenii Bloka i Gor'kogo // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
24. *Kurjensaari M*. Loistava Olavi Paavolainen. Helsinki, 1975.
25. *Mandel'shtam O*. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2010. T. 2.
26. *Mišin A*. Antti Tiittasen lyhyt taival // Carelia. 2002. № 1.
27. *Nevalainen P*. Viskoi kuin luoja kerjäläistä. Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki, 1999.
28. *Obatnin G*. «Severnaia liubov'» (vmesto predisloviia ot sostavitelia) // Russian Literature. 2012. Vol. 71. № 2.
29. *Paavolainen O*. Venäläisiä vallankumousrunoilijoita. Block — Jessenin — Majakovski // Aitta. 1928. № 2.
30. *Pesonen P*. Luonnon surullinen poikapuoli ja Saimaan rannan nymfi // Suomi, suuriruhtinaan maa. Helsinki, 1991.
31. *Riikonen H*. Nukuin vasta aamuyöstä. Olavi Paavolainen 1903–1964. Helsinki, 2014.
32. *Pyukkenen A*. Byloe Toksovo. SPb., 2018.
33. Sånger i rött och svart. Ett urval dikter från bolsjevismens dagar / Red. Rafael Lindgvist. Helsingfors, 1924.

34. *Shenshina V*. Poeziia poeticheskogo perevoda. O perevodah poemy «Dvenadtsat'» Aleksandra Bloka na finskii i shvedskii iazyki // Literaturnyi process: vnutrennie zakony i vneshnie vozdeistviia. Tartu, 1990 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia II).
35. *Sobolev A*. K istorii «Sbornika Finliandskoi literatury» // Russian Literature. 2012. Vol. 71. № 2.
36. *Sojni E*. Vzaimoproniknovenie russkoi i finskoi literatury v pervoi polovine XX veka. M., 2017.
37. *Targiajnen M. A*. Ingermanlandskii izlom. Bor'ba ingermanlandskikh finnov v grazhdanskoi voine na Severo-Zapade Rossii (1918–1920 gg.). SPb., 2001.
38. *Tiittanen A*. Alexander Blockin kuolema // Inkerin Sanomat. 1921. 16. syyskuuta (sent'abr').
39. *Tiittanen A*. Erään kuolemanviestin saavuttua // Helsingin Sanomat. 1925. 22. maaliskuuta (mart).
40. *Tiittanen A*. Hurmioituneet kasvot // Inkeri. 1925. № 11.
41. *Tiittanen A*. «Kaikkein tärkein». Pari sanasta lähestyvästä ensi-illasta // Näyttämö. 1924. № 4.
42. *Tiittanen A*. Käsitöitä kirjakaupassa // Ultra. 1922. № 6.
43. *Tiittanen A*. Käskijä ja rakastaja. Kaksi merkillistä venäläistä näytelmää // Helsingin Sanomat. 1924. 30. heinäkuuta (ijul).
44. *Tiittanen A*. Krylovin tarinat // Inkeri. 1924. 17. marraskuuta (noyabr').
45. *Tiittanen A*. Lupaava pettymys // Ultra. 1922. № 7–8.
46. *Tiittanen A*. Nainen ja elämä // Ultra. 1922. № 5.
47. *Tiittanen A*. Nerosta — runoilijaksi. Kirjallisia ja elämäkerrallisia piirteitä Igorj Severjaninista // Karjala. 1926. 30. toukokuuta (maj).
48. *Tiittanen A*. Nuori orja. 1-näytöksinen historiallinen kuvitelma. Helsinki, 1923.
49. *Tiittanen A*. Pelolla siunattu. Lisäpiirteitä Leonid Andrejevin kirjailijakuvaan // Helsingin Sanomat. 1925. 26. huhtikuuta (aprel').
50. *Tiittanen A*. Riemukierros. Taiteilijanovelleja. Helsinki, 1927.
51. *Tiittanen A*. Vain rakkaudesta sinuun. Teatterinovelleja. Helsinki, 1923.
52. *Toivola I. S*. Antti Tiittanen. Kotimaisen kirjallisuuden laudaturtyö. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1935.
53. *Wrede J*. Tidskriften Ultra // Festskrift till Olof Enckell 12.3.1970 / Red. P. O. Barck et al. Helsingfors, 1970.

Максим Андреевич Фролов

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Maksim Andreevich Frolov

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

m.a.frolov@gmail.com

ПЕРЕПИСКА Ю. Г. ОКСМАНА И Н. К. ГУДЗИЯ (1930–1965)

CORRESPONDENCE BETWEEN YU. G. OKSMAN AND N. K. GUDZIJ (1930–1965)

Публикация вводит в научный оборот многолетнюю переписку историков литературы, текстологов Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия, ныне хранящуюся в фондах РГАЛИ и НИОР РГБ. Переписка отражает разнообразие и общность исследовательских интересов обоих корреспондентов, в эпистолярном диалоге которых прекрасно отразились жизнь советского общества, многотрудная судьба отечественной филологической науки второй трети XX века во многих ее трагических эпизодах, а главное — судьбы самих участников этого диалога.

Ключевые слова: Ю. Г. Оксман, Н. К. Гудзий, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, история филологической науки, текстология, русская литература, славянские литературы.

The publication introduces the scholarly community to a long-term correspondence between two literary historians and textual experts, Iu. G. Oksman and N. K. Gudzij (currently stored at RGALI and Manuscript Department, Russian State Library). The correspondence reflects the diversity and similarity of the research interests of the two correspondents whose epistolary dialogue mirrored the life of the Soviet society, the challenges faced by the Russian philological scholarship of the second third of the 20th century in many of its tragic episodes, and most importantly, the fates of the participants of this dialogue.

Key words: Iu. G. Oksman, N. K. Gudzij, A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, A. I. Herzen, history of philology, textual criticism, Russian literature, Slavic literature.

Список литературы

1. *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36.

2. *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* О низкопоклонстве и космополитизме // Звезда. 1989. № 6.

3. *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954 / Изд. подг. К. Азадовский. М., 1998.

4. *Айзеншток І.* Автобіографія. Вибрані листи (1910-і — 1920-і роки) / Упоряд., підгот. текстів та комент. С. Захаркіна. Київ, 2003.

5. *Артамонов Ю. А.* Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.

6. *Афиани В. Ю.* Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской научной конференции, г. Москва, Архив РАН — РГГУ, 25 июня 2019 г. / Отв. ред. В. П. Козлов; отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2019.

7. Библиография трудов Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Н. К. Гудзии. М., 1968.

8. *Галушкин А.* Из истории редакционного архива «Литературного наследства» (К 80-летию основания издания) // Отечественные архивы. 2010. № 2.

9. *Гришунин А. Л.* Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. 3.

10. *Гришунин А. Л.* Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина // Московский пушкинист. М., 1999. Вып. 6.

11. *Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // Русская литература. 2012. № 3.

12. *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. В 2 т. М., 2012. Т. 2.

13. *Дружинин П.* Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 110.

14. *Жирнов Е.* «Разврат, пьянка, совращение девушек» // Коммерсант-Власть. 2005. № 47.

15. *Жирнов Е.* Коллективный гарем из молодых актрис // Коммерсант-Власть. 2005. № 46.

16. *Зубарев Д. И.* Писатели-диссиденты: Биобиблиографические статьи // Новое литературное обозрение. 2004. № 67.

17. *Ивинский Д. П.* Ода «Вольность» // Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению. М., 2006.

18. *Ивинский Д. П.* Ода Пушкина «Вольность»: Источники текста // Вестник Московского ун-та. 2006. Сер. 9. Филология. № 1.

19. *Ивинский Д. П.* Ода Пушкина «Вольность»: французские контексты // Известия ОЛЯ РАН. 2011. № 1.

20. Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1.

21. Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / Предисловие, сост. и подг. текстов А. А. Жук; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры. 1995. Vol. 1. № 2.

22. «Искренне ваш Юл. Оксман»: Письма 1914–1970 годов / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2006. № 1.

23. К 100-летию со дня рождения В. Шкловского. Изюм из булки / Сост. В. Шкловская-Корди // Вопросы литературы. 1993. № 1.

24. *Кашутина Е. С.* Архив Н. К. Гудзия в Научной библиотеке Московского университета // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета: [Сб. статей / Под ред. Е. С. Карповой]. М., 1987. [Вып. 4].

25. *Кашутина Е. С.* Книжное собрание Н. К. Гудзия в фондах Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Из коллекции редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета: [Сб. статей / Под ред. Е. С. Карповой]. М., 1981. [Вып. 3].

26. *Колобов Е. Ю.* «Я подчиняюсь этому страшному приговору»: Как был исключен из Союза писателей СССР Ю. Г. Оксман. 1964 г. // Исторический журнал. 2017. № 4.

27. *Коробова Е.* Ю. Г. Оксман в Саратове. 1947–1957 // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М., 1996.

28. *Краснобородько Т. И.* «Жаль кольца» (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня — талисмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2011 год. СПб., 2012.

29. *Кусков В. В.* Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // ТОДРЛ. 1993. Т. 46.

30. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2009. Сб. 25.

31. Лотман Ю. М., Минц З. Г. — Егоров Б. Ф. Переписка. 1954–1993 / Изд. подг. Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб., 2018.

32. *Маркелов Г. В.* Письма Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву // ТОДРЛ. 1993. Т. 46.

33. *Оксман Ю. Г., Пугачев В. В.* Пушкин, декабристы и Чаадаев / Сост., вступ. статья и прим. Л. Е. Герасимовой, В. С. Парсамова, В. М. Селезнева. Саратов, 1999.

34. *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969] / Предисловие и комм. А. Л. Гришунина. М., 2001.

35. Поселок академиков Абрамцево: Сб. воспоминаний жителей поселка. М., 2014.

36. *Приходько В.* Дутое дело пушкинистов // Московская правда. 1999. 5 июня. № 104; 8 июня. № 105.

37. *Проскурин О. А.* Древнерусская идея: учебник сталинской эпохи как постмодернистский феномен // Консерватор. 2002. 15–21 нояб. № 11.

38. *Райзман М. И.* Колымский след в судьбе профессора Ю. Оксмана // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 2.

39. *Райзман М.* Юлиан Оксман в письмах и документах // Магаданская правда. 2008. 18 янв. № 5; 25 янв. № 8; 1 февр. № 11.

40. *Ранчин А. М.* В защиту «сталиниста» Н. К. Гудзия, или Какой может или не может быть история древнерусской словесности // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59).

41. *Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (по архивным материалам) // ТОДРЛ. 1993. Т. 46.

42. Список печатных трудов Ю. Г. Оксмана (К 100-летию со дня рождения) / Сост. К. П. Богаевская, В. А. Черных // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.

43. «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2.

44. *Филькина Е. Ю.* «Считаю себя обязанным Илье за многое...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и И. С. Зильберштейна (1947–1951) // И. С. Зильберштейн: штрихи к портрету: к 100-летию со дня рождения. М., 2006.

45. *Фойер К. Б.* Генезис «Войны и мира». СПб., 2002.

46. *Фойер Л. С.* О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых // Тыняновский сборник 8: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994.

47. *Фойер-Миллер Р.* Вместо некролога Кэтрин Фойер // Тыняновский сборник 8: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994.

48. *Фролов М.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958) // Вопросы литературы. 2011. № 2.

49. *Фролов М. А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и А. В. Флоровского (1962–1968) // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019.

50. *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9.

51. *Чудаков А.* Спрашивая Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6.

52. *Чудакова М. О.* По поводу воспоминаний Л. Фойера и Р. Фойер-Миллер // Тыняновский сборник 8: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994.

53. *Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисловие и комм. М. А. Фролова; подг. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6.

54. *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 13. Дневник (1936–1969) / Комм. Е. Чуковской.

55. *Шевченко Т. Г.* Повне зібрання творів: У 12 т. Киев, 2003. Т. 6. Листи. Дарчі та власницькі написи. Документи, складені Т. Шевченком або за його участю.

References

1. *Afiani V. Iu.* Tekstologicheskie diskussii: k voprosu o mekhanizme nauchnykh diskussii v sovetskii period // Diskussionnye problemy istochnikovedeniia istorii fundamental'noi nauki v SSSR: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, Arkhiv RAN — RGGU, 25 iiunia 2019 g. / Otv. red. V. P. Kozlov; otv. sost. I. N. Il'ina. M., 2019.

2. *Aizenshtok I.* Avtobiografiia. Vibrani listi (1910-i — 1920-i roki) / Uporiad., pidgot. tekstiv ta koment. S. Zakharkina. Kiïv, 2003.

3. *Artamonov Iu. A.* Gudzii Nikolai Kallinikovich // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2006. T. 13.

4. *Azadovskii K. M., Egorov B. F.* «Kosmopolity» // Novoe literaturnoe obozrenie. 1999. № 36.

5. *Azadovskii K. M., Egorov B. F.* O nizkopoklonstve i kosmopolitizme // Zvezda. 1989. № 6.

6. *Azadovskii M. K., Oksman Iu. G.* Perepiska. 1944–1954 / Izd. podg. K. Azadovskii. M., 1998.

7. Bibliografiia trudov N. K. Gudziia / Sost. A. K. Gudzii, V. I. Zaitsev, A. N. Robinson // Vospominaniia o N. K. Gudzii. M., 1968.

8. *Chudakov A.* Sprashivaia Shklovskogo // Literaturnoe obozrenie. 1990. № 6.

9. *Chudakova M. O.* Po povodu vospominanii L. Foiera i R. Foier-Miller // Tynianovskii sbornik 8: Piatye Tynianovskie chteniia. Riga; M., 1994.

10. *Chukovskaia L. K., Oksman Iu. G.* «Tak kak vol'nost' ot nas ne zavisit, to ostaetsia pokoi...»: Iz perepiski (1948–1970) / Predislovie i komm. M. A. Frolova; podg. teksta M. A. Frolova i Zh. O. Khavkinoi // Znamia. 2009. № 6.

11. *Chukovskii K. I.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2007. T. 13. Dnevnik (1936–1969) / Komm. E. Chukovskoi.

12. *Druzhinin P. A.* Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental'noe issledovanie. V 2 t. M., 2012. T. 2.

13. *Druzhinin P.* Pushkinskii Dom pod ognem bol'shevistskoi kritiki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 110.

14. *Fil'kina E. Iu.* «Schitaiu sebia obiazannym Il'e za mnogoe...». Iz perepiski Iu. G. Oksmana i I. S. Zil'bershteina (1947–1951) // I. S. Zil'bershtein: shtrikhi k portretu: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia. M., 2006.

15. *Foier K. B.* Genezis «Voiny i mira». SPb., 2002.

16. *Foier L. S.* O nauchno-kul'turnom obmene v Sovetskom Soiuze v 1963 godu i o tom, kak KGB pytalsia terrorizirovat' amerikanskikh uchenykh // Tynianovskii sbornik 8: Piatye Tynianovskie chteniia. Riga; M., 1994.

17. *Foier-Miller R.* Vmesto nekrologa Ketrin Foier // Tynianovskii sbornik 8: Piatye Tynianovskie chteniia. Riga; M., 1994.

18. *Frolov M.* «Vynuzhden vnov' napomnit' o sebe i o svoem dele...». K istorii aresta, zakliucheniia i reabilitatsii Iu. G. Oksmana (1936–1958) // Voprosy literatury. 2011. № 2.

19. *Frolov M. A.* «Dukh bodr i okhota k rabote prezhniaia...». Iz perepiski Iu. G. Oksmana i A. V. Florovskogo (1962–1968) // Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva / Red.-sost. E. R. Ponomarev, M. Shruba. M., 2019.

20. *Frolov M. A.* «Nakoplen ogromnyi opyt, no ne obobshchen...»: Neopublikovannye vystupleniia i zametki Iu. G. Oksmana // Literaturnyi fakt. 2018. № 9.

21. *Galushkin A.* Iz istorii redaktsionnogo arkhiva «Literaturnogo nasledstva» (K 80-letiiu osnovaniia izdaniia) // Otechestvennye arkhivy. 2010. № 2.

22. *Grishunin A. L.* Iu. G. Oksman o tekstakh Pushkina // Moskovskii pushkinist. M., 1999. Vyp. 6.

23. *Grishunin A. L.* Problemy datirovki proizvedenii Pushkina // Moskovskii pushkinist. M., 1996. Vyp. 3.

24. *Grodetskaia A. G.* Tekst «Voskreseniia» v rekonstruktsii N. K. Gudziia (Printsipy. Polemika. Itogi) // Russkaia literatura. 2012. № 3.

25. «Iskrenne vash Iul. Oksman»: Pis'ma 1914–1970 godov / Publ. M. D. El'zona, predislovie V. D. Raka, prim. V. D. Raka i M. D. El'zona // Russkaia literatura. 2006. № 1.

26. *Ivinskii D. P.* Oda «Vol'nost'» // Lirika A. S. Pushkina: Kommentarii k odnomu stikhotvoreniiu. M., 2006.

27. *Ivinskii D. P.* Oda Pushkina «Vol'nost'»: frantsuzskie konteksty // Izvestiia OLIA RAN. 2011. № 1.

28. *Ivinskii D. P.* Oda Pushkina «Vol'nost'»: Istochniki teksta // Vestnik Moskovskogo un-ta. 2006. Ser. 9. Filologiia. № 1.

29. Iz arkhiva Guverovskogo instituta. Pis'ma Iu. G. Oksmana k G. P. Struve / Publ. L. Fleishmana // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1.

30. Iz perepiski A. P. Skaftymova i Iu. G. Oksmana / Predislovie, sost. i podg. tekstov A. A. Zhuk; publ. V. V. Prozorova // Russian Studies: Ezhekvartal'nik rus. filol. i kul'tury. 1995. Vol. 1. № 2.

31. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia V. Shklovskogo. Izium iz bulki / Sost. V. Shklovskaia-Kordi // Voprosy literatury. 1993. № 1.

32. *Kashutina E. S.* Arkhiv N. K. Gudziia v Nauchnoi biblioteke Moskovskogo universiteta // Iz fonda redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta: [Sb. statei / Pod red. E. S. Karpovoi]. M., 1987. [Vyp. 4].

33. *Kashutina E. S.* Knizhnoe sobranie N. K. Gudziia v fondakh Nauchnoi biblioteki im. A. M. Gor'kogo MGU // Iz kollektsii redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta: [Sb. statei / Pod red. E. S. Karpovoi]. M., 1981. [Vyp. 3].

34. *Kolobov E. Iu.* «Ia podchiniaius' etomu strashnomu prigovoru»: Kak byl iskliuchen iz Soiuza pisatelei SSSR Iu. G. Oksman. 1964 g. // Istoricheskii zhurnal. 2017. № 4.

35. *Korobova E.* Iu. G. Oksman v Saratove. 1947–1957 // Korni travy: Sb. statei molodykh istorikov. M., 1996.

36. *Krasnoborod'ko T. I.* «Zhal' kol'tsa» (Nevostrebovannyi dokument o sud'be pushkinskogo perstnia — talismana) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2011 god. SPb., 2012.

37. *Kuskov V. V.* N. K. Gudzii — sozdatel' pervogo sovetskogo vuzovskogo uchebnika po istorii drevnerusskoi literatury // TODRL. 1993. T. 46.

38. *Lappo-Danilevskii K. Iu.* Plan postepennogo osvobozhdeniia krest'ian v «Puteshestvii iz Peterburga v Moskvu» A. N. Radishcheva // XVIII vek. SPb., 2009. Sb. 25.
39. Lotman Iu. M., Mints Z. G. — Egorov B. F. Perepiska. 1954–1993 / Izd. podg. B. F. Egorov i A. P. Dmitriev pri uchastii T. D. Kuzovkinoi, D. E. Kuzovkina i N. V. Poseliagina. SPb., 2018.
40. *Markelov G. V.* Pis'ma N. K. Gudziia k V. I. Malyshevu // TODRL. 1993. T. 46.
41. *Oksman Iu. G., Chukovskii K. I.* Perepiska [1949–1969] / Predislovie i komm. A. L. Grishunina. M., 2001.
42. *Oksman Iu. G., Pugachev V. V.* Pushkin, dekabristy i Chaadaev / Sost., vstup. stat'ia i prim. L. E. Gerasimovoi, V. S. Parsamova, V. M. Selezneva. Saratov, 1999.
43. Poselok akademikov Abramtsevo: Sb. vospominanii zhitelei poselka. M., 2014.
44. *Prikhod'ko V.* Dutoe delo pushkinistov // Moskovskaia pravda. 1999. 5 iiunia. № 104; 8 iiunia. № 105.
45. *Proskurin O. A.* Drevnerusskaia ideia: uchebnik stalinskoi epokhi kak postmodernistskii fenomen // Konservator. 2002. 15–21 noiab. № 11.
46. *Raizman M. I.* Kolymskii sled v sud'be professora Iu. Oksmana // Severo-Vostochnyi nauchnyi zhurnal. 2011. № 2.
47. *Raizman M.* Iulian Oksman v pis'makh i dokumentakh // Magadanskaia pravda. 2008. 18 ianv. № 5; 25 ianv. № 8; 1 fevr. № 11.
48. *Ranchin A. M.* V zashchitu «stalinista» N. K. Gudziia, ili Kakoi mozhet ili ne mozhet byt' istoriia drevnerusskoi slovesnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 1 (59).
49. *Rozhdestvenskaia M. V.* Perepiska V. P. Adrianovoi-Peretts i N. K. Gudziia (po arkhivnym materialam) // TODRL. 1993. T. 46.
50. *Shevchenko T. G.* Povne zibrannia tvoriv: U 12 t. Kiev, 2003. T. 6. Listi. Darchi ta vlasnits'ki napisi. Dokumenti, skladeni T. Shevchenkom abo za iogo uchastiu.
51. Spisok pechatnykh trudov Iu. G. Oksmana (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia) / Sost. K. P. Bogaevskaia, V. A. Chernykh // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1995 god. M., 1997.
52. «Udastsia li prorubit' etu stenu...» (Iz pisem M. K. Azadovskogo k N. K. Gudziiu 1949–1950 godov) / Publ. K. M. Azadovskogo // Russkaia literatura. 2006. № 2.
53. *Zhirnov E.* «Razvrat, p'ianka, sovrashchenie devushek» // Kommersant-Vlast'. 2005. № 47.
54. *Zhirnov E.* Kollektivnyi garem iz molodykh aktris // Kommersant-Vlast'. 2005. № 46.
55. *Zubarev D. I.* Pisateli-dissidenty: Biobibliograficheskie stat'i // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 67.

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Grigor'evna Ivanova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tgivanova@inbox.ru

ДВА ТОПОСА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ О ЕРМАКЕ

TWO TOPOI IN THE HISTORICAL SONGS ABOUT ERMAK

В статье рассматриваются два топоса из песен о Ермаке. Топос «выбор места (локуса) из возможных вариантов» представлен во множестве вариаций, в которых прочитываются две разные стратегии: манифестация абсолютной вольности персонажей песни, не желающих соприкасаться с государством; включение казачьей вольницы в решение государственных задач. Второй топос — «перечень городов, которые надо скрытно пройти», в котором демонстрируется высокий уровень знания певцами географии России. Через географию реализуется функция исторической памяти устной народной словесности.

Ключевые слова: исторические песни, Ермак, топосы «выбор места», «скрытное передвижение».

The article deals with the two topoi from the songs about Ermak. The topos *choice of place (locus) from a range of options* is presented in various versions, which feature two different strategies:

the manifestation of absolute freedom of the characters who don't want to have anything to do with the authorities; the involvement of the free Cossacks in solving the problems faced by the authorities. The second topos is the *list of cities to be passed under cover*, which testifies to the singer's in-depth knowledge of the Russian geography. The function of historical memory of oral folk literature is activated through geography.

Key words: historical songs, Ermak, topoi *choice of place*, *moving under cover*.

Список литературы

1. Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1).
2. Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
3. *Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
4. *Копылов Д. И.* Ермак. Иркутск, 1989.
5. *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л., 1960.
6. *Скрынников Р. Г.* Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская Одиссея Ермака. Л., 1989.

References

1. Byliny Pechory / Korpus tekstov podg. V. I. Eremina, V. I. Zhekulina, V. V. Korguzalov, A. F. Nekrylova. SPb.; M., 2001 (Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. T. 1).
2. Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov / Izd. podg. B. N. Putilov, B. M. Dobrovol'skii. M.; L., 1960.
3. *Kalutskov V. N., Ivanova A. A.* Geograficheskie pesni v traditsionnom kul'turnom landshafte Rossii. M., 2006.
4. *Kopylov D. I.* Ermak. Irkutsk, 1989.
5. *Putilov B. N.* Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVI vekov. M.; L., 1960.
6. *Skrynnikov R. G.* Dalekii vek: Ivan Groznyi. Boris Godunov. Sibirskaia Odisseia Ermaka. L., 1989.

Елена Дмитриевна Кукушкина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Dmitrievna Kukushkina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

sumarokov1717@yandex.ru

«ВДОХНОВЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ВСЕГДА ВЫСОКОЕ...» (ПРИТЧА А. П. СУМАРОКОВА «НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ» И ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ФЕЛИЦА»)

«INSPIRATION MAY NOT NECESSARILY FLY HIGH...» (A. P. SUMAROKOV'S FABLE *LACK OF TIME* AND G. R. DERZHANIN'S ODE *FELITSA*)

Рассуждая о лирической поэзии в своем теоретическом трактате, Г. Р. Державин упомянул о разных видах вдохновения, которые он испытывал, сочиняя стихи. Современники Державина, а позже исследователи его творчества отмечали особое умение поэта наполнять новым содержанием известные литературные сюжеты, темы и даже слова. Сатирическое стихотворение А. П. Сумарокова на важную в то время тему дворянской службы и досуга было воспринято Державиным полемически и побудило его к созданию оды «Фелица».

Ключевые слова: А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, сатира, вдохновение, ода.

While discussing lyric poetry in his theoretical treatise, G. R. Derzhavin mentioned various types of inspiration he experienced while writing poetry. Derzhavin's contemporaries, and later the critics, noted the poet's outstanding ability to inundate well-known literary plots, themes, and even words with new content. Satirical poem by A. P. Sumarokov on the topical issue of the noblemen's attitude to service and leisure was perceived by Derzhavin polemically, and prompted him to write the ode *Felitsa*.

Key words: A. P. Sumarokov, G. R. Derzhavin, satire, inspiration, ode.

Список литературы

1. *Алексеева Н. Ю.* Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26.
2. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
3. *Гуковский Г. А.* Первые годы поэзии Державина // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
4. *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927.
5. *Дмитриев И. И.* Державин // Г. Р. Державин в воспоминаниях современников. СПб., 2018.
6. *Клейн Й.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.
7. *Клейн Й.* Служба, лень и сладостный досуг в русской дворянской культуре XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2017. Сб. 29. Литературная жизнь России XVIII века.
8. *Кукушкина Е. Д.* Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22.
9. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 2000. № 2.
10. *Ларкович Д. В.* Державин и Гердер // Г. Р. Державин и его время. СПб.. 2011. Вып. 7.
11. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
12. Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990.
13. Сообщение И. И. Шувалова придворной конторе об увольнении А. П. Сумарокова по его желанию из театра на пенсию // Ф. Г. Волков и русский театр его времени: Сб. материалов. М., 1953.
14. *Стенник Ю. В.* Сумароков // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1.

References

1. *Alekseeva N. Iu.* Reputatsiia Sumarokova-poeta v nachale XIX veka // XVIII vek. SPb., 2011. Sb. 26.
2. *Alekseeva N. Iu.* Russkaia oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh. SPb., 2005.
3. *Dmitriev I. I.* Derzhavin // G. R. Derzhavin v vospominaniiakh sovremennikov. SPb., 2018.
4. *Gukovskii G. A.* Pervye gody poezii Derzhavina // Gukovskii G. A. Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka. M., 2001.
5. *Gukovskii G. A.* Russkaia poeziia XVIII veka. L., 1927.
6. *Klein I.* Puti kul'turnogo importa. Trudy po russkoi literature XVIII veka. M., 2005.
7. *Klein I.* Sluzhba, len' i sladostnyi dosug v russkoi dvorianskoi kul'ture XVIII veka // XVIII vek. M.; SPb., 2017. Sb. 29. Literaturnaia zhizn' Rossii XVIII veka.
8. *Kukushkina E. D.* Poeziia M. M. Kheraskova. Poiski smysla zhizni // XVIII vek. SPb., 2002. Sb. 22.
9. *Lappo-Danilevskii K. Iu.* Poslednee stikhotvorenie G. R. Derzhavina // Russkaia literatura. 2000. № 2.
10. *Larkovich D. V.* Derzhavin i Gerder // G. R. Derzhavin i ego vremia. SPb.. 2011. Vyp. 7.
11. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1980.
12. Russkaia literatura. Vek XVIII. Lirika. M., 1990.
13. Soobshchenie I. I. Shuvalova pridvornoi kontore ob uvol'nenii A. P. Sumarokova po ego zhelaniiu iz teatra na pensiiu // F. G. Volkov i russkii teatr ego vremeni: Sb. materialov. M., 1953.
14. *Stennik Iu. V.* Sumarokov // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. L., 1980. T. 1.

Константин Абрекович Баршт

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Konstantin Abrekovich Barsht

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

konstantin_barsht@pushdom.ru

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ: ВОПРОСЫ ПУНКТУАЦИИ

TEXTOLOGICAL PRINCIPLES OF PUBLISHING F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE IDIOT* IN THE ACADEMIC COMPLETE WORKS: PUNCTUATION

В статье рассматривается вопрос о грамматике языка, используемого для воспроизведения памятников литературы XIX века в академическом издании, на примере 8-го тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 35 томах, работа над которым идет в Пушкинском Доме (роман «Идиот»). Проводится анализ ряда текстологических решений, обусловленных попыткой сохранить пунктуацию первопечатного текста. Рассмотрены случаи, когда текстологический буквализм идет вразрез со смыслом написанного Достоевским, противоречит академической традиции, а также текстологической инструкции издания, требующей воспроизведения текстов писателя в соответствии с нормами современного русского языка.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Идиот», пунктуация, текстологический буквализм.

The article discusses the grammar used to reproduce the fundamental works of the 19th century literature in academic publications, with Volume 8 of the Complete Works by F. M. Dostoevsky in 35 Volumes, currently in preparation at Pushkinskij Dom (*The Idiot*), used as a case study. Certain textual solutions embodied in this text are analyzed, with the emphasis on the attempt to preserve the punctuation of the first printed text. The article outlines the cases where textual literalism distorts the meaning of Dostoevsky's writing, violating academic traditions as well as the textual guidelines for the publication, that imply that the writer's texts should be reproduced in accordance with the norms of the modern Russian language.

Key words: F. M. Dostoevsky, *The Idiot*, punctuation, textual literalism.

Список литературы

1. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
2. *Алексеев А. А.* Текстология переводных произведений (Священное Писание) // Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / При участии А. А. Алексеева, А. Г. Боброва. СПб., 2001.
3. *Багно В. Е.*, *Рак В. Д.* О втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2009. № 3.
4. *Баршт К. А.* Полная дипломатическая транскрипция «первой» записной тетради Ф. М. Достоевского // Текстологический временник. М., 2018. Кн. 3.
5. *Баршт К. А.* Рисунки и каллиграфия Ф. М. Достоевского. От изображения к слову. Бергамо, 2016.
6. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2003. Т. 1.
7. *Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб., 2011.
8. *Березкина С. В.* «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3.
9. *Блохина Н. Г.*, *Дриняева О. А.* Русская пунктуация // Современная лингвистика и литературоведение. 2013. № 2 (48).
10. *Ветловская В. Е.*, *Тихомиров Б. Н.* Об академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (изд. 2-е, испр. и доп.) // Русская литература. 2009. № 3.
11. *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982.

12. *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
13. *Достоевский Ф. М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2019. Т. 8.
14. *Достоевский Ф. М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений. М.; Л., 1926. Т. 6.
15. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
16. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
17. *Захаров В. Н.* Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2009. Вып. 1. Проблемы текстологии романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы».
18. *Иванова Е. Э.* История русского письма. Екатеринбург, 2018.
19. *Казнина О. А.* «Литературные памятники» как тип книжной серии: Опыт и проблемы издания. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
20. *Клюканов И. Э.* Печатный художественный текст и его параграфемные элементы // Текст. Высказывание. Слово. М., 1983.
21. *Кольцова Л. М.* Художественный текст через призму авторской пунктуации. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 2007.
22. *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка. М., 2001.
23. *Перцов Н. В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (к вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2.
24. *Перцов Н. В.* Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1.
25. Правила русской орфографии и пунктуации: Полн. академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2007.
26. *Реформатский А. А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963.
27. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка. М., 2006.
28. *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. М.; Л., 1947.
29. *Эйхенбаум Б.* Основы текстологии // Редактор и книга. М., 1962. Сб. 3.

References

1. *Admoni V. G.* Sistema form rechevogo vyskazyvaniia. SPb., 1994.
2. *Alekseev A. A.* Tekstologiia perevodnykh proizvedenii (Sviashchennoe Pisanie) // Likhachev D. S. Tekstologiia (na materiale russkoi literatury X–XVII vv.) / Pri uchastii A. A. Alekseeva, A. G. Bobrova. SPb., 2001.
3. *Bagno B. E., Rak V. D.* O vtorom izdanii Polnogo sobraniia sochinenii F. M. Dostoevskogo // Russkaia literatura. 2009. № 3.
4. *Bakhtin M. M.* Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti // Bakhtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 2003. T. 1.
5. *Barsht K. A.* Polnaia diplomaticheskaia transkriptsiia «pervoi» zapisnoi tetradi F. M. Dostoevskogo // Tekstologicheskii vremennik. M., 2018. Kn. 3.
6. *Barsht K. A.* Risunki i kalligrafiia F. M. Dostoevskogo. Ot izobrazheniia k slovu. Bergamo, 2016.
7. *Belov S. V.* F. M. Dostoevskii. Ukazatel' proizvedenii F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844–2004 gg. SPb., 2011.
8. *Berezkina S. V.* «Unizhennye i oskorblennye» Dostoevskogo: tri teksta, tri izdaniia // Russkaia literatura. 2011. № 3.
9. *Blokhina N. G., Driniaeva O. A.* Russkaia punktuatsiia // Sovremennaia lingvistika i literaturovedenie. 2013. № 2 (48).
10. *Dostoevskii F. M.* Idiot // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. khudozhestvennykh proizvedenii. M.; L., 1926. T. 6.
11. *Dostoevskii F. M.* Idiot // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 35 t. SPb., 2019. T. 8.
12. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1972–1990.
13. *Eikhenbaum B.* Osnovy tekstologii // Redaktor i kniga. M., 1962. Sb. 3.
14. *Gel'b I. E.* Opyt izucheniia pis'ma. M., 1982.
15. *Grishunin A. L.* Issledovatel'skie aspekty tekstologii. M., 1998.
16. *Ivanova E. E.* Istoriia russkogo pis'ma. Ekaterinburg, 2018.
17. *Kaznina O. A.* «Literaturnye pamiatniki» kak tip knizhnoi serii: Opyt i problemy izdaniia. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1986.
18. *Kliukanov I. E.* Pechatnyi khudozhestvennyi tekst i ego paragrafemnye elementy // Tekst. Vyskazyvanie. Slovo. M., 1983.
19. *Kol'tsova L. M.* Khudozhestvennyi tekst cherez prizmu avtorskoi punktuatsii. Avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. Voronezh, 2007.
20. *Oksman Iu. G., Chukovskii K. I.* Perepiska. M., 2001.
21. *Pertsov N. V.* O sootnoshenii pis'mennoi i ustnoi form poeticheskogo iazyka (k voprosu o funktsional'noi nagruzhennosti starogo russkogo pravopisaniia) // Voprosy iazykoznaniia. 2008. № 2.

22. *Pertsov N. V.* Ob autentichnom faksimil'no-transkriptsionnom predstavlenii rukopisei russkikh klassikov // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2015. № 1.
23. Pravila russkoi orfografii i punktuatsii: Poln. akademicheskii spravochnik / Pod red. V. V. Lopatina. M., 2007.
24. *Reformatskii A. A.* O perekodirovanii i transformatsii kommunikativnykh sistem // Issledovaniia po strukturnoi tipologii. M., 1963.
25. *Shcherba L. V.* Prepodavanie inostrannykh iazykov v srednei shkole. M.; L., 1947.
26. *Shubina N. L.* Punktuatsiia sovremennogo russkogo iazyka. M., 2006.
27. *Vetlovskaia V. E., Tikhomirov B. N.* Ob akademicheskom Polnom sobranii sochinenii F. M. Dostoevskogo (izd. 2-e, ispr. i dop.) // Russkaia literatura. 2009. № 3.
28. *Zakharov V. N.* Tekstologiia kak tekhnologiia // Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo. Petrozavodsk, 2009. Vyp. 1. Problemy tekstologii romanov «Prestuplenie i nakazanie», «Idiot», «Besy».
29. *Zhinkin N. I.* Rech' kak provodnik informatsii. M., 1982.

Ольга Александровна Линдеберг

научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Aleksandrovna Lindeberg

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

olinde08@gmail.com

О ПРОТОТИПЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РАССКАЗА А. М. РЕМИЗОВА «БЕБКА»

CONCERNING THE PROTOTYPE OF THE PROTAGONIST OF A. M. REMIZOV'S STORY *BEBKA*

В статье даются портрет и краткий очерк жизни Ипполита Леопольдовича Заливского (1897–1959), ставшего прототипом заглавного героя рассказа А. М. Ремизова «Бебка», а также показано, насколько тонко писатель уловил будущие увлечения мальчика.
Ключевые слова: А. М. Ремизов, прототип, герой-ребенок.

The article provides a personality outline and a brief biography of Ippolit Leopoldovich Zalivsky (1897–1959), who was the prototype of the protagonist of A. M. Remizov's story *Bebka*, and shows how subtly the writer has perceived the boy's future hobbies.
Key words: A. M. Remizov, prototype, a minor as a protagonist.

Список литературы

1. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994.
2. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион.
3. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень.
4. *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2020. Т. 16. Полунощное солнце.
5. *Шугалей И. Ф.* Подготовка кадров для российского флота в годы первой мировой войны на базе Сибирской флотилии // Шугалей И. Ф. Из истории Тихоокеанского флота. М., 2014.

References

1. *Gracheva A. M.* Aleksei Remizov i Leonid Andreev (Vvedenie k teme) // Aleksei Remizov. Issledovaniia i materialy. SPb., 1994.
2. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2000. T. 3. Okazion.
3. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2000. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'.
4. *Remizov A. M.* Sobr. soch. SPb., 2020. T. 16. Polunoshchnoe solntse.
5. *Shugalei I. F.* Podgotovka kadrov dlia rossiiskogo flota v gody pervoi mirovoi voiny na baze Sibirskoi flotilii // Shugalei I. F. Iz istorii Tikhookeanskogo flota. M., 2014.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

mmpavlova@gmail.com

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ 1. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ Н. А. БЕРДЯЕВА И Д. В. ФИЛОСОФОВА 1906–1907 ГОДОВ

NEW MATERIALS FROM THE AMHERST MEREZHKOVSKY ARCHIVE 1. FROM THE UNPUBLISHED CORRESPONDENCE OF N. A. BERDIAEV AND D. V. FILOSOFOV, 1906–1907

Публикация вводит в научный оборот новые документы из архива Мережковских и Д. В. Философова, хранящиеся в Центре русской культуры Амхерста (США, Массачусетс). В подборке представлены письма Философова (1906) и Н. А. Бердяева (1907), привносящие новые детали в историю отношений сторон. В приложении публикуются выдержки из «дневников» Т. Н. Гиппиус (1906–1908), дополняющие «бердяевский» сюжет.

Ключевые слова: Мережковские, Д. В. Философов, Н. А. Бердяев, письма-дневники Т. Н. Гиппиус, неохристианская коммуна.

This publication introduces the academic community to the new data from the archives of the Merezhkovskys and D. V. Filosofov, which are stored in the Amherst Center for Russian Culture (Massachusetts, USA). It presents a selection of letters by Filosofov (1906) and N. A. Berdiaev (1907) that provide new details concerning the relationship between the two. Selections from the «diaries» of T. N. Gippius (1906–1908) that shed additional light on the «Berdiaev» theme are published as an appendix.

Key words: The Merezhkovskys, D. V. Filosofov, N. A. Berdiaev, letters and diaries of T. N. Gippius, neo-Christian commune.

Список литературы

1. *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Сост., предисловие, подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. М., 1991.
2. Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997.
3. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
4. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С того берега. Статьи. Долг прежде всего (1847–1951).
5. *Гиппиус З. Н.* Два письма к Т. Н. Гиппиус (1906) / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М., 2020.
6. *Гиппиус З. Н.* Письма Н. А. Бердяеву // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
7. *Гиппиус З.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова.
8. *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951.
9. *Грин Ц. И.* Философов Д. В. // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: В 4 т. / Ред. Ц. И. Грин, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917.
10. *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917. Хроника заседаний. СПб., 2007.
11. Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004.
12. К истории парижского архива З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. Из переписки В. А. Злобина с Б. И. Николаевским и М. С. Цетлиной / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Русская литература. 2009. № 2.
13. *Карпова Е. В.* Петербургский скульптор В. В. Кузнецов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 2006. Вып. VII.

14. *Колеров М. А.* Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 1).

15. Лит. наследство. 2016. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические своды: Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад.

16. *Логдачева Н. В.* Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2016. Вып. XXVII.

17. *Мережковский Д.*, *Гиппиус З.*, *Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 4).

18. *Обатнина Е.* Подруги: Один эпизод из истории отношений З. Н. Гиппиус и С. П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник статей в честь проф. Халины Вашкелевич. Краков, 2014.

19. *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3.

20. *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 2 // Русская литература. 2017. № 4.

21. *Павлова М. М.* Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14.

22. *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2013.

23. *Пахмусс Т. А.* Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998.

24. Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9.

25. «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009.

26. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень.

27. *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1.

28. *Соболев А. Л.* Северная ссылка Ремизова: уточнение нюансов // Соболев А. Л. Летейская библиотека: В 2 т. М., 2013. Т. 2. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель Истоар.

29. *Старцев В. И.* М. М. Ковалевский — масон // Старцев В. И. Тайны русских масонов. 3-е изд., доп. СПб., 2004.

30. *Lample H.* Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd 1.

References

1. *Berdiaev N. A.* Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii) / Sost., predislovie, podg. tekstov i komm. A. V. Vadimova. M., 1991.

2. *Ermichev A. A.* Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge. 1907–1917. Khronika zasedanii. SPb., 2007.

3. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. M., 1955. T. 6. S togo berega. Stat'i. Dolg prezhde vsego (1847–1951).

4. *Gippius Z. N.* Dva pis'ma k T. N. Gippius (1906) / Vstup. zametka, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letiia N. A. Bogomolova / Pod red. A. Iu. Sergeevoi-Kliatis, M. Iu. Edel'shteina. M., 2020.

5. *Gippius Z. N.* Pis'ma N. A. Berdiaevu // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.

6. *Gippius Z.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2019. T. 16 (dopolnitel'nyi). On i my: Dmitrii Merezhkovskii. Ego zhizn' i rabota / Predislovie, podg. teksta i komm. R. A. Gorodnitskogo i A. I. Serkova.

7. *Gippius-Merezhkovskaia Z.* Dmitrii Merezhkovskii. Parizh: YMCA-Press, 1951.

8. *Grin Ts. I.* Filosofov D. V. // Sotrudniki Rossiiskoi Natsional'noi biblioteki — deiateli nauki i kul'tury: Biograficheskii slovar': V 4 t. / Red. Ts. I. Grin, L. A. Shilov i dr. SPb., 1995. T. 1. Imperatorskaia Publichnaia biblioteka 1795–1917.

9. Istorii «novoi» khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete «Glavnogo»: Iz «dnevnikov» T. N. Gippius 1906–1908 godov / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Erotizm bez beregov: Sb. statei i materialov. M., 2004.

10. K istorii parizhskogo arkhiva Z. N. Gippius i D. S. Merezhkovskogo. Iz perepiski V. A. Zlobina s B. I. Nikolaevskim i M. S. Tsetlinoi / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. M. M. Pavlovoi // Russkaia literatura. 2009. № 2.

11. *Karpova E. V.* Peterburgskii skul'ptor V. V. Kuznetsov // Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik. SPb., 2006. Vyp. VII.

12. *Kolerov M. A.* Ne mir, no mech: Russkaia religiozno-filosofskaia pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh». 1902–1909. SPb., 1996 (ser. «Issledovaniia po istorii russkoi mysli»; t. 1).

13. *Lample H*. Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd 1.
14. Lit. nasledstvo. 2016. T. 105. Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Materialy k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov / Sost. A. V. Lavrov i Dzh. Malmstad.
15. *Logdacheva N. V.* Skul'pturnye raboty Natal'i Gippius i Anny Kurdiukovoi (k izucheniiu tvorcheskikh biografii nachala XX veka) // Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva. SPb., 2016. Vyp. XXVII.
16. *Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D.* Tsar' i revoliutsiia / Pod red. M. A. Kolerova; vstup. stat'ia M. M. Pavlovoi; per. s fr. O. V. Edel'man; podg. teksta N. V. Samover. M., 1999 (ser. «Issledovaniia po istorii russkoi mysli»; t. 4).
17. *Obatnina E.* Podrugi: Odin epizod iz istorii otnoshenii Z. N. Gippius i S. P. Remizovoi-Dovgello // Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaia literatura XX–XXI vekov. Sbornik statei v chest' prof. Khaliny Vashkelevich. Krakov, 2014.
18. *Pakhmuss T. A.* Stranitsy iz proshlogo: Perepiska Z. N. Gippius, D. V. Filosofova i blizkikh k nim v «Glavnom» // Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. Ezhegodnik 1997. M., 1998.
19. *Patrusheva N. G.* Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka. SPb., 2013.
20. *Pavlova M. M.* K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale «dnevnikov» T. N. Gippius). Stat'ia 1 // Russkaia literatura. 2017. № 3.
21. *Pavlova M. M.* K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale «dnevnikov» T. N. Gippius). Stat'ia 2 // Russkaia literatura. 2017. № 4.
22. *Pavlova M. M.* Materialy k tvorcheskoi biografii T. N. Gippius (Po «dnevnikam» khudozhnitsy 1906–1908 gg.). Stat'ia 1 // Literaturnyi fakt. 2019. № 14.
23. Pis'ma Nikolaia Berdiaeva / Publ. V. Alloia // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. Paris, 1990. Vyp. 9.
24. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2003. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'.
25. «Revoliutsionnoe khristovstvo»: Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu / Vstup. stat'ia, sost., podg. tekstov i komm. E. I. Goncharovoi. SPb., 2009.
26. *Sobolev A. L.* Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) // Litsa: Biograficheskii al'manakh. M.; SPb., 1992. Vyp. 1.
27. *Sobolev A. L.* Severnaia ssylka Remizova: utochnenie niuansov // Sobolev A. L. Leteiskaia biblioteka: V 2 t. M., 2013. T. 2. Strannoliubskii perebarshchivaet: Skonapel' Istoar.
28. *Startsev V. I.* M. M. Kovalevskii — mason // Startsev V. I. Tainy russkikh masonov. 3-e izd., dop. SPb., 2004.
29. *Vishniak M. V.* Dan' proshlomu. N'iu-Iork: Izd-vo im. Chekhova, 1954.
30. Vzyskuiushchie grada / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. I. Keidana. M., 1997.

Татьяна Владимировна Мисникевич

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tamisnikevich@yandex.ru

«ПЕРВЫЙ» ИЛИ «НЕУДАЧНЫЙ»: О РОЛИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА «LE CIEL EST, PAR-DESSUS LE TOIT...» В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ФЕДОРА СОЛОГУБА

«THE FIRST» OR «THE FAILURE»: ON THE IMPACT OF THE TRANSLATION OF *LE CIEL EST, PAR-DESSUS LE TOIT*... BY PAUL VERLAINE ON THE CREATIVE CAREER OF FYODOR SOLOGUB

В статье рассмотрен перевод стихотворения Поля Верлена «Le ciel est, par-dessus le toit...» (сборник «Sagesse» («Мудрость»), 1880), положивший начало пути Федора Сологуба как одного

из самых успешных русских переводчиков лирических произведений французского поэта. Творческая история перевода реконструирована с привлечением материалов архива Сологуба, документирующих историю становления различных версий его текста; в контексте оригинального творчества Сологуба проанализированы возможные причины, по которым внимание Сологуба-переводчика привлекло именно это стихотворение Верлена.

Ключевые слова: Федор Сологуб, русская поэзия конца XIX — начала XX века, рецепция творчества Поля Верлена в России.

The article analyses the translation of the poem *Le ciel est, par-dessus le toit...* by Paul Verlaine (collection *Sagesse* (*Wisdom*), 1880), which marked the beginning of Fyodor Sologub's career as one of the most successful Russian translators of the French poet's verse. The creative history of the translation is reconstructed, using the data from the Sologub Archive that document the history of the emergence of various versions of his text. Presumable reasons why the attention of Sologub the translator was attracted by this poem by Verlaine are considered in the context of Sologub's original work.

Key words: Fyodor Sologub, Russian poetry of the late 19th — early 20th century, reception of Paul Verlaine's work in Russia.

Список литературы

1. *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы: Сб. науч. трудов. Л., 1991.
2. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8.
3. *Венгерова З.* Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9.
4. *Верлен П.* Исповедь: Автобиографическая проза, художественная проза / Пер. с фр. М. Квятковской, О. Кустовой, С. Рубановича, М. Яснова. СПб., 2009.
5. *Верлен П.* Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. Пг., М., 1923.
6. *Верлен П.* Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб., 1908.
7. *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 1999.
8. *Гаспаров М. Л.* Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. М., 2001.
9. *Гиндин С. И.* Из ранней верленианы Валерия Брюсова // De visu. 1993. № 8.
10. *Дикман М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. М. И. Дикман. Л., 1979 (Библиотека поэта. Большая сер.).
11. *Краснов Пл.* Неоромантическая и мистическая поэзия // Книжки недели. 1897. № 11.
12. Поль Верлен: канва биографии / Сост. И. В. Булатовский // Верлен П. Стихотворения / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1 (сер. «Литературные памятники»).
13. Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 2. С. 11.
14. *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2012. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1877–1892 / Изд. подг. М. М. Павлова; 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы. 1893–1899 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич (сер. «Литературные памятники»).
15. *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010.
16. *Стрельникова А. Б., Филичева В. В.* Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016.
17. «Тетради посещений» Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016.
18. *Усов А.* Несколько слов о декадентах (Бодлэр, Верлэн, Маллармэ, Рембо) // Северный вестник. 1893. № 8. Отд. I.
19. *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.
20. *Verlaine P.* Sagesse. 3-ème éd. Paris, 1893.

References

1. *Bagno V. E.* Fedor Sologub — perevodchik frantsuzskikh simvolistov // Na rubezhe XIX i XX vekov: Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury: Sb. nauch. trudov. L., 1991.
2. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 8.
3. *Dikman M. I.* Poeticheskoe tvorchestvo Fedora Sologuba // Sologub F. Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. M. I. Dikman. L., 1979 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
4. *Gasparov M. L.* Metr i smysl. Ob odnom mekhanizme kul'turnoi pamiati. M., 1999.
5. *Gasparov M. L.* Podstrochnik i mera tochnosti // Gasparov M. L. O russkoi poezii. Analizy. Interpretatsii. Xarakteristiki. M., 2001.
6. *Gindin S. I.* Iz rannei verleniany Valeriia Briusova // De visu. 1993. № 8.

7. *Krasnov Pl.* Neoromanticheskaia i misticheskaia poeziia // Knizhki nedeli. 1897. № 11.
8. Pol' Verlen: kanva biografii / Sost. I. V. Bulatovskii // Verlen P. Stikhotvoreniia / Izd. podg. G. K. Kosikov, V. E. Bagno, I. V. Bulatovskii. SPb., 2014. T. 1 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
9. Russkaia literatura XX veka. 1890–1910 / Pod red. S. A. Vengerova. M., 1914. T. 2. S. 11.
10. *Shatalina N. N.* Biblioteka F. Sologuba (Materialy k opisaniiu) // Neizdannyi Fedor Sologub / Pod red. M. M. Pavlovoi i A. V. Lavrova. M., 1997.
11. *Sologub F.* Poln. sobr. stikhotvorenii i poem: V 3 t. SPb., 2012. T. 1. Stikhotvoreniia i poemy. 1877–1892 / Izd. podg. M. M. Pavlova; 2014. T. 2. Kn. 1. Stikhotvoreniia i poemy. 1893–1899 / Izd. podg. T. V. Misnikevich (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
12. *Strel'nikova A. B.* F. Sologub — perevodchik poezii P. Verlena. Tomsk, 2010.
13. *Strel'nikova A. B., Filicheva V. V.* Bibliografiia khudozhestvennykh perevodov, vypolnennykh F. Sologubom. Neizdannye i nesobrannye poeticheskie perevody // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.
14. «Tetradi poseshchenii» Fedora Sologuba / Vstup. stat'ia, publ. i annotirovannyi ukazatel' imen M. M. Pavlovoi i A. L. Soboleva // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.
15. *Usov A.* Neskol'ko slov o dekadentakh (Bodler, Verlen, Mallarme, Rembo) // Severnyi vestnik. 1893. № 8. Otd. I.
16. *Vengerova Z.* Poety-simvolisty vo Frantsii // Vestnik Evropy. 1892. № 9.
17. *Verlaine P.* Sagesse. 3-ème éd. Paris, 1893.
18. *Verlen P.* Ispoved': Avtobiograficheskaia proza, khudozhestvennaia proza / Per. s fr. M. Kviatkovskoi, O. Kustovoi, S. Rubanovicha, M. Iasnova. SPb., 2009.
19. *Verlen P.* Stikhi, izbrannye i perevedennye Fedorom Sologubom. SPb., 1908.
20. *Verlen P.* Stikhi, vybrannye i perevedennye Fedorom Sologubom. Pg., M., 1923.

Николай Алексеевич Богомолов

профессор, зав. кафедрой литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Nikolai Alekseevich Bogomolov

Professor, Head of the Department of Literary and Artistic Criticism,
Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University

nab50@mail.ru

«ПУШКИН — ЦЕНТРИФУГЕ» ИСТОРИЯ НЕИЗДАННОГО СБОРНИКА

«PUSHKIN — CENTRIFUGE» THE STORY OF AN UNPUBLISHED BOOK

Статья посвящена одному из проектов известного футуристического издательства — книге «Пушкин — ЦЕНТРИФУГЕ». Прослеживаются истоки зарождения замысла сборника, первоначальный ход работы над ним В. Я. Брюсова, а также анализируются причины, по которым издание так и не вышло в свет.
Ключевые слова: издательский проект, «Центрифуга», А. С. Пушкин, С. П. Бобров, В. Я. Брюсов.

The article deals with a project by a notorious futuristic publishing house, the book *Pushkin — CENTRIFUGE*. The origins of its artistic concept are traced; the initial course of work on it by V. Ya. Bryusov and the reasons why the publication never came out are analyzed.
Key words: publishing project, «CENTRIFUGE», A. S. Pushkin, S. P. Bobrov, V. Ya. Bryusov.

Список литературы

1. *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. М., 2006.
2. Валерий Брюсов — историк литературы: Переписка с П. И. Бартеневым и Н. О. Лернером. М., 2019.

3. *Гаспаров М. Л.* Воспоминания о С. П. Боброве // Блоковский сборник. Тарту, 1993. [Вып.] XII.

4. *Гаспаров М. Л.* Воспоминания о Сергее Боброве // Неизвестная книга Сергея Боброва из собрания библиотеки Стэнфордского университета / Под ред. М. Л. Гаспарова. [Oakland, 1993] (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

5. *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2001.

6. *Зеленкова Е. В.* Об одной литературной мистификации: С. Бобров — автор окончания пушкинской «Юдифи» // Русская филология. Тарту, 2013. [Вып. 24].

7. *Казакова С.* Творческая история объединения «Центрифуга» // Russian Literature. 1990. Vol. XXVII. Fasc. 4.

8. *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2.

9. *Марков В.* История русского футуризма. СПб., 2000.

10. *Орлова М. В.* В. Я. Брюсов — комиссар по регистрации произведений печати в 1917 году (по материалам Рукописного отдела Государственного литературного музея) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. М., 2017.

11. Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. 1909–1912 / Вступ. статья, публ. и комм. К. Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб. 1992. [Вып.] 1.

12. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 1.

13. *Соболев А. Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917): Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15).

14. *Флейшман Л.* История «Центрифуги» // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.

15. *Шукуров Д. Л.* Литературные стратегии творчества авторов группы «Центрифуга» // Соловьевские исследования. Иваново, 2012. Вып. 3 (35).

16. «Это было горячо и талантливо»: Письма С. П. Боброва к А. П. Квятковскому / Публ. Я. Квятковского, подг. текста, предисловие и комм. Д. Давыдова // Новый мир. 2009. № 8.

References

1. *Ashukin N., Shcherbakov R.* Briusov. M., 2006.

2. «Eto bylo goriacho i talantlivo»: Pis'ma S. P. Bobrova k A. P. Kviatkovskomu / Publ. Ia. Kviatkovskogo, podg. teksta, predislovie i komm. D. Davydova // Novyi mir. 2009. № 8.

3. *Fleishman L.* Istoriia «Tsentrifugi» // Fleishman L. Ot Pushkina k Pasternaku: Izbr. raboty po poetike i istorii russkoi literatury. M., 2006.

4. *Gasparov M. L.* Vospominaniia o S. P. Bobrove // Blokovskii sbornik. Tartu, 1993. [Vyp.] XII.

5. *Gasparov M. L.* Vospominaniia o Sergee Bobrove // Neizvestnaia kniga Sergeia Bobrova iz sobraniia biblioteki Stenfordskogo universiteta / Pod red. M. L. Gasparova. [Oakland, 1993] (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

6. *Gasparov M. L.* Zapisi i vypiski. M., 2001.

7. *Kazakova S.* Tvorcheskaia istoriia ob'edineniia «Tsentrifuga» // Russian Literature. 1990. Vol. XXVII. Fasc. 4.

8. *Krusanov A. V.* Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: V 3 t. M., 2010. T. 1. Boevoe desiatiletie. Kn. 2.

9. *Markov V.* Istoriia russkogo futurizma. SPb., 2000.

10. *Orlova M. V.* V. Ia. Briusov — komissar po registratsii proizvedenii pechati v 1917 godu (po materialam Rukopisnogo otdela Gosudarstvennogo literaturnogo muzeia) // Perelom 1917 goda: Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury: Issledovaniia i materialy. M., 2017.

11. Pis'ma S. P. Bobrova k Andreiu Belomu. 1909–1912 / Vstup. stat'ia, publ. i komm. K. Iu. Postoutenko // Litsa: Biograficheskii al'manakh. M.; SPb. 1992. [Vyp.] 1.

12. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1992. T. 1.

13. *Shukurov D. L.* Literaturnye strategii tvorchestva avtorov gruppy «Tsentrifuga» // Solov'evskie issledovaniia. Ivanovo, 2012. Vyp. 3 (35).

14. *Sobolev A. L.* Obshchestvo svobodnoi estetiki (1906–1917): Materialy k khronike // Literaturnyi fakt. 2020. № 1 (15).

15. Valerii Briusov — istorik literatury: Perepiska s P. I. Bartenevym i N. O. Lernerom. M., 2019.

16. *Zelenkova E. V.* Ob odnoi literaturnoi mistifikatsii: S. Bobrov — avtor okonchaniia pushkinskoi «Iudifi» // Russkaia filologiia. Tartu, 2013. [Vyp. 24].

Любовь Валерьевна Хачатурян

доцент
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Liubov' Valerievna Khachaturian

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics*

lhachaturyan@hse.ru

«КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ»: СВЕРДЛОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В. В. МАЯКОВСКОГО
Часть 1

«THE MAKINGS OF POETRY»: V. V. MAYAKOVSKY'S SVERDLOVSK NOTEBOOK
Part 1

В статье анализируется методика работы В. В. Маяковского в записных книжках. Впервые публикуется записная книжка № 55 (Свердловская). Исследуются черновые варианты и редакции входящих в нее стихотворений «Екатеринбург — Свердловск», «Десятилетняя песня», «Император», «Сердечная просьба».

Ключевые слова: В. В. Маяковский, записные книжки, архивные материалы, архивы online, русская литература XX века.

The article analyzes V. V. Mayakovsky's approach to notebooks entries. His Notebook № 55 (Sverdlovsk) is published for the first time. The author studies draft versions and revisions of the poems *Yekaterinburg — Sverdlovsk*, *Ten-Year Song*, *The Emperor*, *Heartfelt Request*.

Key words: V. V. Mayakovsky, notebooks, archival data, archives online, Russian literature of the 20th century.

Список литературы

1. *Арутчева В. А.* Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65. Новое о Маяковском.
2. *Бельмен-Ноэль Ж.* Воссоздать рукопись, описать черновики, составить авантекст / Пер. О. Торпаковой // Генетическая критика во Франции: Антология / Вступ. статья и словарь Е. Дмитриевой. М., 1999.
3. *Березкин А. М.* Когнитивные и прикладные аспекты современной текстологии // Русская литература. 2005. № 1.
4. *Вайнштейн О. Б.* Удовольствие от гипертекста (Генетическая критика во Франции) // Новое литературное обозрение. 1995. № 13.
5. *Грачева А. М.* Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // Проблемы текстологии и эдиционной практики = Textologie et pratique éditoriale: Опыт французских и российских исследователей: Материалы круглого стола. М., 2003.
6. *Громова-Опульская Л. Д.* Текстология незавершенного (Л. Толстой) // Русская литература. 2002. № 2.
7. *Грякалова Н., Иванова Е.* Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105.
8. *Двинятина Т. М.* Поэзия И. А. Бунина: основной текст (Проблемы текстологии. III) // Русская литература. 2010. № 1.
9. *Луи Э.* Текста не существует. Размышления о генетической критике // Генетическая критика во Франции: Антология / Вступ. статья и словарь Е. Дмитриевой. М., 1999.
10. *Лукьянин В.* Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1.
11. *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1999.
12. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958–1959. Т. 9, 12.
13. *Реформатская Н. В.* Работа Маяковского над циклом стихов «О поэзии» // Литературная учеба. 1937. № 5.
14. *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., 1959.
15. *Хачатурян Л. В.* Вертикальное зачеркивание. К творческой истории стихотворения В. В. Маяковского «Император» // Русская литература. 2019. № 4.

References

1. *Arutcheva V. A.* Zapisnye knizhki Maiakovskogo // Lit. nasledstvo. 1958. T. 65. Novoe o Maiakovskom.
2. *Bel'men-Noel' Zh.* Vossozdat' rukopis', opisat' chernoviki, sostavit' avantekst / Per. O. Torpakovoi // Geneticheskaia kritika vo Frantsii: Antologiia / Vstup. stat'ia i slovar' E. Dmitrievoi. M., 1999.
3. *Berezkin A. M.* Kognitivnye i prikladnye aspekty sovremennoi tekstologii // Russkaia literatura. 2005. № 1.
4. *Dviniatina T. M.* Poeziia I. A. Bunina: osnovnoi tekst (Problemy tekstologii. III) // Russkaia literatura. 2010. № 1.
5. *Gracheva A. M.* Tekstologicheskie problemy nauchnogo izdaniia sochinenii pisatelei pervoi volny russkoi emigratsii (Sobranie sochinenii A. M. Remizova) // Problemy tekstologii i editsionnoi praktiki = Textologie et pratique éditoriale: Opyt frantsuzskikh i rossiiskikh issledovatelei: Materialy kruglogo stola. M., 2003.
6. *Griakalova N., Ivanova E.* Zapisnye knizhki Aleksandra Bloka bez kupiur // Nashe nasledie. 2013. № 105.
7. *Gromova-Opul'skaia L. D.* Tekstologiia nezavershennogo (L. Tolstoi) // Russkaia literatura. 2002. № 2.
8. *Khachaturian L. V.* Vertikal'noe zacherkivanie. K tvorcheskoi istorii stikhotvoreniia V. V. Maiakovskogo «Imperator» // Russkaia literatura. 2019. № 4.
9. *Lui E.* Teksta ne sushchestvuet. Razmyshleniia o geneticheskoi kritike // Geneticheskaia kritika vo Frantsii: Antologiia / Vstup. stat'ia i slovar' E. Dmitrievoi. M., 1999.
10. *Luk'ianin V.* Maiakovskii «sam» i piat' ego sverdlovskikh dnei // Ural. 2003. № 1.
11. *Maiakovskii V. V.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1958–1959. T. 9, 12.
12. *Mandel'shtam N. Ia.* Vtoraia kniga. M., 1999.
13. *Reformatskaia N. V.* Rabota Maiakovskogo nad tsiklom stikhov «O poezii» // Literaturnaia ucheba. 1937. № 5.
14. *Tomashevskii B. V.* Stilistika i stikhoslozhenie. Kurs lektsii. L., 1959.
15. *Vainshtein O. B.* Udovol'stvie ot giperteksta (Geneticheskaia kritika vo Frantsii) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 13.

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Research,
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

sgouskov@gmail.com

МАРГИНАЛИИ Ю. Г. ОКСМАНА В СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ А. И. ГЕРЦЕНА

YU. G. OKSMAN'S MARGINALIA IN A. I. HERZEN'S COLLECTED WORKS

В статье рассматриваются некоторые пометы и маргиналии Ю. Г. Оксмана в принадлежавшем ему экземпляре Собрания сочинений А. И. Герцена в 30 томах (35 книгах), а также приводится их перечень. Пометы Оксмана сохранены в электронной публикации на сайте www.russian-literature.org.

Ключевые слова: русская литература, XIX век, электронная публикация, текстология, комментарий.

The article discusses marginalia by Yu. G. Oksman in his copy of the Collected Works by A. I. Herzen in 30 Volumes (35 books), and offers a list of them. Oksman's notes are stored in an electronic publication available at www.russian-literature.org.

Key words: Russian literature, 19th century, electronic publication, textology, commentary.

Список литературы

1. *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка, 1944–1954 / Изд. подг. К. М. Азадовский. М., 1998.

2. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11.

3. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.

4. «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона) (окончание) // Русская литература. 2006. № 1.

5. *Оксман Ю. Г.* Вечно живое наследие (О новом издании сочинений и писем А. И. Герцена) // Литературная газета. 1955. № 79.

6. *Оксман Ю. Г.* Новое издание Герцена // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 2.

7. *Орнатская Т. И.* Серии «Литературные памятники» — 30 лет // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. Вып. 1.

8. *Перпер М. И.* Письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена с выскобленными буквами: (Опыт текстологического анализа) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974.

9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1.

10. Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Сост., подг. текста и прим. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л., 1975 (Библиотека поэта. Большая сер.).

11. Список печатных трудов Ю. Г. Оксмана (к 100-летию со дня рождения) / Сост. И. П. Старостина // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.

12. *Черняк Я. З.* Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского // Лит. наследство. 1955. Т. 62.

13. *Gosse P. H.* The Aquarium: An Unveiling of the Wonders of the Deep Sea. London, 1854.

14. *Tsay A.* Absorbing Fare: Food, Bodies, and Social Attention in Modern Britain. A dissertation <...> for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2017.

References

1. *Azadovskii M. K., Oksman Iu. G.* Perepiska, 1944–1954 / Izd. podg. K. M. Azadovskii. M., 1998.

2. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1956. T. 11.

3. *Cherniak Ia. Z.* Byl li N. N. Obruchev adresatom pis'ma, vziatogo pri areste Chernyshevskogo // Lit. nasledstvo. 1955. T. 62.

4. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. M., 1954–1966.

5. *Gosse P. H.* The Aquarium: An Unveiling of the Wonders of the Deep Sea. London, 1854.

6. «Iskrenne Vash Iul. Oksman» (pis'ma 1914–1970-go godov) / Publ. M. D. El'zona, predislovie V. D. Raka, prim. V. D. Raka i M. D. El'zona) (okonchanie) // Russkaia literatura. 2006. № 1.

7. *Oksman Iu. G.* Novoe izdanie Gertsena // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka. 1956. T. XV. Vyp. 2.

8. *Oksman Iu. G.* Vechno zhivoe nasledie (O novom izdanii sochinenii i pisem A. I. Gertsena) // Literaturnaia gazeta. 1955. № 79.

9. *Ornatskaia T. I.* Serii «Literaturnye pamiatniki» — 30 let // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i iazyka. 1980. T. 39. Vyp. 1.

10. *Perper M. I.* Pis'mo N. P. Ogareva i A. I. Gertsena s vyskoblennymi bukvami: (Opyt tekstologicheskogo analiza) // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1973 god. M., 1974.

11. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1948. T. 3. Kn. 1.

12. Russkaia epigramma vtoroi poloviny XVII — nachala XX v. / Sost., podg. teksta i prim. V. E. Vasil'eva, M. I. Gillel'sona, N. G. Zakharenko. L., 1975 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

13. Spisok pechatnykh trudov Iu. G. Oksmana (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia) / Sost. I. P. Starostina // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1995 god. M., 1997.

14. *Tsay A.* Absorbing Fare: Food, Bodies, and Social Attention in Modern Britain. A dissertation <...> for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2017.

Татьяна Сергеевна Царькова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Sergeievna Tsar'kova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

roirli@yandex.ru

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА (ФОНД ДМИТРИЯ КЛЕНОВСКОГО)

RECENT CONTRIBUTIONS TO THE MANUSCRIPT DEPARTMENT, PUSHKINSKIJ DOM (DMITRIJ KLENOVSKIJ FOUNDATION)

В сообщении содержится информация о личном архивном фонде поэта второй (военной) волны эмиграции Дмитрия Кленовского, чье творчество высоко ценили русскоязычные читатели Европы и США, но из-за политических катаклизмов оно долго не доходило до России. Теперь вышло из печати полное собрание его стихотворений и в Пушкинский Дом из Германии поступил комплекс уникальных документальных материалов, что, несомненно, заинтересует исследователей-гуманитариев.

Ключевые слова: Дмитрий Кленовский, биография, личный фонд, «последний акмеист», классическое наследие.

The report summarizes the data on the personal archive of Dmitrij Klenovskij, a poet and a Second Wave (wartime) emigrant whose works were highly welcomed by the Russian-speaking readers in Europe and the United States. These works, however, have taken a long time to reach the Russian audience, due to the political reasons. His Complete Poetical Works have been published recently, and Pushkinskij Dom has received a set of unique documents from Germany, which will undoubtedly be of interest to the researchers in the field of arts and humanities.

Key words: Dmitrij Klenovskij, biography, personal archive, «the last Acmeist», classical legacy.

Список литературы

1. *Кленовский Д. И.* Полн. собр. стихотворений / Под ред. О. А. Коростелева. М., 2011.
2. *Кленовский Д.* Из писем Геннадию Панину / Публ. Э. Бобровой // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206–207.
3. Письма Дм. Кленовского к И. С. Топорковой / Публ., подг. текста и прим. И. Саруханяна // Звезда. 2002. № 1.
4. *Сабурова И.* Д. И. Кленовский // Голос Зарубежья. 1976. № 4.
5. *Царькова Т. С.* Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Александра Морева) // Русская литература. 2019. № 4.
6. «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно». Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2.

References

1. «...Ia molchal 20 let, no eto otrazilos' na mne skoree blagopriiatno». Pis'ma D. I. Klenovskogo V. F. Markovu 1952–1962 gg. / Publ. O. Korosteleva i Zh. Sherona // Diaspora: Novye materialy. SPb., 2001. Vyp. 2.
2. *Klenovskii D. I.* Poln. sobr. stikhotvorenii / Pod red. O. A. Korosteleva. M., 2011.
3. *Klenovskii D.* Iz pisem Gennadiiu Paninu / Publ. E. Bobrovoi // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 1997. Kn. 206–207.
4. Pis'ma Dm. Klenovskogo k I. S. Toporkovoi / Publ., podg. teksta i prim. I. Sarukhaniana // Zvezda. 2002. № 1.
5. *Saburova I.* D. I. Klenovskii // Golos Zarubezh'ia. 1976. № 4.
6. *Tsar'kova T. S.* Iz poslednikh postuplenii v Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma (fond Aleksandra Moreva) // Russkaia literatura. 2019. № 4.

Вера Петровна Киржаева

профессор кафедры русского языка Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Vera Petrovna Kirzhaeva

Professor, National Research Mordovia State University

kirzhaeva_vera@mail.ru

Олег Ефимович Осовский

главный научный сотрудник
Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева

Oleg Efimovich Osovskiy

Chief Research Fellow, Mordovia State Pedagogical University

osovskiy_oleg@mail.ru

КНИГА ЛОНДОНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ

A BOOK BY A RESEARCHER FROM LONDON ON THE RUSSIAN LITERARY THEORY

Рец. на: *Tihanov G*. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.

[Review]: *Tihanov G*. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.

Кирилл Владиславович Анисимов

зав. кафедрой журналистики и литературоведения
Института филологии и языковой коммуникации
Сибирского федерального университета (Красноярск)

Kirill Vladislavovich Anisimov

Head of the Department of Journalism and Literary Criticism,
Institute of Philology and Verbal Communication,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

kianisimov2009@yandex.ru

НОВАЯ КНИГА О БУНИНЕ

THE NEW BOOK ON BUNIN

Рец. на: *Пономарев Е. Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

[Review]: *Ponomarev E. R.* Preodolevshij modernizm: Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda. M.: Litfact, 2019. 340 s.

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

kibalnik007@mail.ru

ДОСТОЕВСКИЙ В ЛАБИРИНТАХ «СЕБЯ»

DOSTOEVSKY IN THE LABYRINTHS OF THE SELF

Рец. на: *Corrigan Yu*. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanstone, Illinois: Northwestern Univerisity Press, 2017. 238 p.

[Review]: *Corrigan Yu*. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanstone, Illinois: Northwestern Univerisity Press, 2017. 238 p.

Лариса Викторовна Павлова

профессор кафедры литературы и журналистики
Смоленского государственного университета

Larisa Viktorovna Pavlova

Professor of the Department of Literature and Journalism Smolensk State University

pavlar@inbox.ru

Ирина Викторовна Романова

заведующая кафедрой литературы и журналистики
Смоленского государственного университета

Irina Viktorovna Romanova

Head of the Department of Literature and Journalism
Smolensk State University

irina.romanova@bk.ru

Марина Анатольевна Федотова

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Marina Anatolievna Fedotova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

fedotova_m@mail.ru

АВРААМИЕВСКИЕ СЛУШАНИЯ: ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

LECTURING ON ABRAHAMI: READINGS ON THE HISTORY AND CULTURE OF ANCIENT RUSSIA

[*Meeting Abstract*]

Александр Викторович Волков

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Viktorovich Volkov

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

senderwolf@gmail.com

Тянь Вэньцзюань (*КНР*)

аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tian Wenjuan (*China*)

Postgraduate Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

100solitude@163.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ ДАВИДОВИЧА ЛЕВИНА

INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE IN HONOR OF YURI DAVIDOVICH LEVIN'S 100th ANNIVERSARY

[*Meeting Abstract*]

Наталья Аркадьевна Прозорова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Arkad'evna Prozorova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

arhivistka@mail.ru

ЧЕТВЕРТЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. А. АБРАМОВА»

RUSSIAN LITERATURE IN THE SOVIET ERA: IN HONOR OF F. A. ABRAMOV'S 100th ANNIVERSARY FOURTH RESEARCH SEMINAR

[*Meeting Abstract*]

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 07.05.20. Подписано к печати 30.10.20. Дата выхода в свет 30.11.20
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 31. Тираж 330 экз.
Тип. зак. № 17/4а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.